МОЛОТ ВУЛКАНА

VULCAN'S HAMMER
P.K. Dick

ALTER PRESS

Зал славы зарубежной фантастики

Ф. К. ДИК

P.K. Dick

Филипп К. ДИК

МОЛОТ ВУЛКАНА

НШ. 1993

Филипп К. ДИК

МОЛОТ ВУЛКАНА

VULCAN'S HAMMER

P. K. Dick

Зал славы зарубежной фантастики

Филип К. Дик

МОЛОТ
VULCAN'S

Перевод с английского

ВУЛІКАНА

P. K. Dick

HAMMER

Київ
МСП "Альтерпрес"
1994

ББК 84.7 США
Ф45

Редакційна колегія серії:
П.Хазін,
В.Каплан,
М.Шпулак,
К.Лисюченко

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

Творчество популярного американского писателя-фантаста Ф.К.Дика представлено в этой книге романами "Кланы Альфа-луны", "Молот Вулкана", повестями "Вера наших отцов", "Вторая модель", "Последний властитель" и рассказами.

Дік Філіпп Кіндред
Ф45 Молот Вулкану: Пер. з англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1994. — 575с.:іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-3614-3

Творчість популярного американського письменника-фантаста Ф.К.Діка представлена в цій книжці романами "Клани Альфа-луни", "Молот Вулкану", повістями "Віра наших батьків", "Друга модель", "Останній володар" і оповіданнями.

Ф $\frac{4703040100\text{-}02}{94}$ без об'яв. ББК 84.7 США

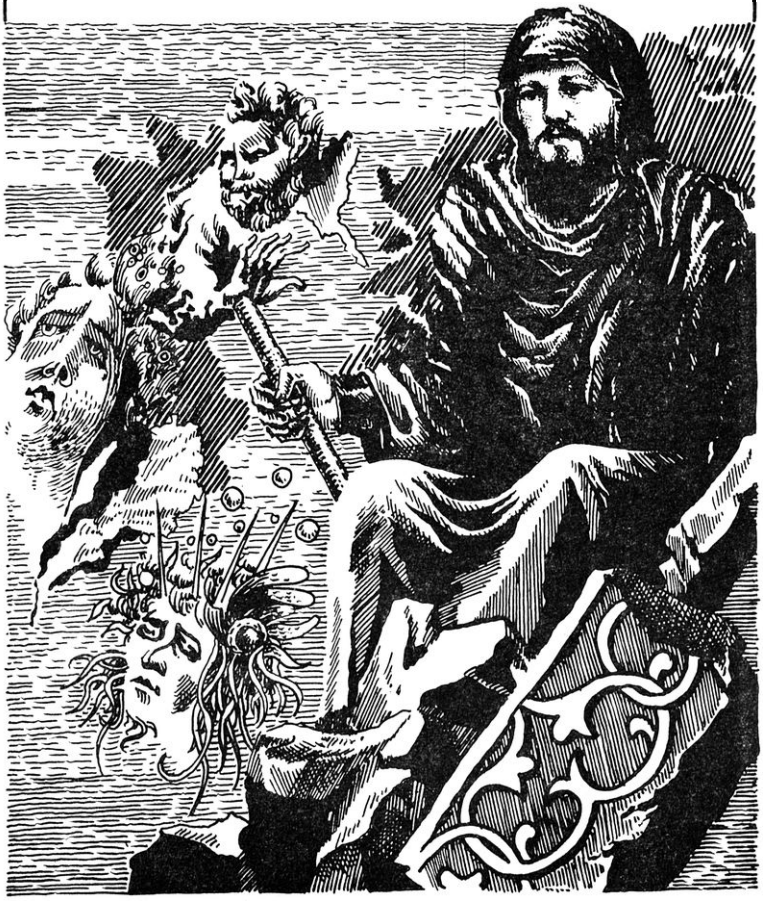
ISBN 5-7707-3614-3

© Упорядкування, художнє оформлення, емблема і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1994
© Супер-обкладинка. Н.Ширяєва, 1994

КЛАНЫ АЛЬФА-ЛУНЫ

Clans of the alfanemoon

New-York • 1964



ГЛАВА I

Прежде чем войти в помещение, где заседал высший координационный совет, Габриель Бейнс, желая подстраховаться на случай неожиданного нападения, сначала запустил туда своего симулакрума. Порождение творческого гения маниев, симулакрум был похож на хозяина, как две капли воды и умел многое. Бейнс прибегал к его помощи только для того, чтобы обеспечить свою безопасность. Обостренный инстинкт самосохранения был главной движущей силой его жизни, являясь неопровержимым доказательством его принадлежности к клану паранов, основателей поселка Адольфвилль, расположенного в северной части спутника.

Бейнс, разумеется, множество раз бывал за пределами Адольфвилля, но только здесь, за прочными стенами сооруженного паранами города, он чувствовал себя в безопасности, — или скорее, в относительной безопасности, — это лишний раз подтверждало, что его притязания на принадлежность к клану паранов не были простой уловкой, средством проникнуть в самое надежное построенное и укрепленное поселение из всех, что были возведены где-либо. В этом Бейнс был абсолютно искренен — как будто в его отношении вообще могли возникнуть сомнения!

Вот, например, недавно Бейнсу пришлось посетить кошмарные трущобы, в которых влачили жалкое существование гебы. Он искал сбежавших членов рабочей бригады, которые, будучи гебами, по всей вероятности, подались

поодиночке к себе домой, в Гандитаун. Главная трудность состояла в том, что все гебы, по крайней мере лично ему казались на одно лицо, — грязные, сутулые создания в замаранных одеждах, которые только постоянно глупо хихикали, и были не в состоянии сосредоточиться на выполнении любой мало-мальски сложной работы. Они годились только для самого простого физического труда, и не более того. Но при постоянной необходимости латать систему обороны Адольфвилля от вероломных посягательств маниев, спрос на физический труд был очень велик. Ведь ни один паран не станет заниматься физическим трудом. Как бы то ни было, но среди обветшавших лачуг гебов он испытывал неподдельный ужас, ощущение почти безграничной незащищенности — это были самые хрупкие строения, когда-либо воздвигнутые человеческими руками, а поселок их в целом представлял обитаемую мусорную свалку с невообразимо беспорядочным нагромождением хижин из картона и проржавевшей жести. Гебов же это, однако, вполне устраивало. Они жили в ладу со своими отбросами.

Вот и сегодня, на проводившейся дважды в год встрече представителей всех кланов, у гебов, конечно же, тоже будет свой делегат. Представляя на этой встрече интересы паранов, Бейнс окажется в одном помещении с одним из этих вонючих, в прямом смысле слова, гебов. И это едва ли делало его миссию почетной. На сей раз, наверное, делегатом гебов опять будет грязная растрепанная толстуха Сара Апостолес, от одного только воспоминания о которой его бросило в дрожь.

Но куда более опасной будет встреча с делегатом маниев. Ибо на Бейнса, как и на любого другого парана, каждый маний наводил подлинный ужас. Его поражала их безрассудная жестокость, настолько бесцельная, что он не мог понять ее причину. Даже их врожденная воинственность не могла служить достаточным объяснением этому. Они просто упивались насилием; их приводила в извращенный восторг возможность крушить все вокруг и стращать до смерти всех, не принадлежащих к их клану, в особенности таких паранов, как он.

Но понимание этого само по себе не очень ему помогало. И поэтому уже сейчас он цепенел от одной только перспективы встречи с Говардом Строу, делегатом маниев.

Хрипя и задыхаясь, как астматик, вернулся симулакрум. На его физиономии, столь похожей на Бейнса, словно приклеенная, застыла улыбка.

— Все в порядке, сэр. В помещении нет ни отравляющих газов, ни опасных для здоровья электрических разрядов, ни яда в графине с водой, ни потайных отверстий в стенах для лазерных ружей, ни тщательно замаскированных адских машин. Смею предложить вам без опасения войти внутрь.

Щелкнув каблуками в последний раз, он замолчал и замер в ожидании.

— К тебе никто не приближался? — осторожно спросил Бейнс.

— Там еще никого нет. Кроме, разумеется, геба, который подметает пол.

Бейнс, следуя приобретенным за годы жизни маленьким хитростям, приоткрыл дверь на малюсенькую щелочку, только для того, чтобы сделать самое важное — взглянуть на геба, оставшись самому незамеченным.

Геб, в данном случае мужчина, подметал пол в характерной для его клана неторопливой, однообразной манере с обычным глупым, таким чисто гебовским выражением лица, как будто работа доставляла ему удовольствие. Он мог продолжать так работать, пожалуй, в течение месяцев, и работа эта так и не наскучила бы ему. Простую работу гебы могли выполнять, нисколько не уставая, ведь они даже не в состоянии были постичь смысл такого понятия, как разнообразие. Разумеется, рассудил Бейнс, в таком простодушии была своя особая прелесть. На него, например, глубокое впечатление производил знаменитый гебовский святой Игнас Ледебер, от которого прямо-таки исходила внутренняя одухотворенность, когда он, странствуя из одного города в другой, повсюду распространял на окружающих умиротворяющее добросердечие своей безобидной гебовской личности. Уж он-то определенно выглядел совершенно не опасным...

Во всяком случае гебы, даже их святые, не пытаются обращать других в свою веру, как это делают мистики-шизы. Все, что гебам требовалось — чтобы их оставили в покое. Они просто не хотели, чтобы жизнь им докучала, и с каждым годом они ее все больше упрощали. Возвра-

щались, отметил про себя Бейнс, к простоте животного существования, которое для гебов являлось идеалом.

Проверив лазерный пистолет, он оказался в порядке, Бейнс решил, что может войти. Шаг за шагом он пересек все помещение совета и присел за столом заседаний, однако почти сразу же сменил место — первое оказалось расположенным слишком близко к окну: он представлял из себя прекрасную мишень для любого, кто мог притаиться снаружи.

Чтобы чем-то себя занять, дожидаясь появления остальных членов совета, он решил слегка поиздеваться над гебом.

— Как тебя зовут? — требовательным тоном спросил он.

— Д-Джекоб Саймион, — ответил геб, не переставая размеренно размахивать метлой с неизменной стандартной улыбкой на лице — гебы никогда не понимали, что над ними подтрунивают. Или, даже если и догадывались, им это было безразлично. Полнейшее безразличие ко всему — характерная для гебов черта.

— Тебе нравится твоя работа, Джекоб? — спросил Бейнс, закуривая сигарету.

— Еще бы, — ответил геб, затем слегка хихикнул.

— Ты все свое время проводишь, подметая полы?

— Чего? — Геб, казалось, не мог понять вопроса.

В этот момент отворилась дверь и появилась делегатка поли — прелестная толстушка Анетта Голдинг, с сумочкой под мышкой. Ее круглое лицо разрумянилось, большие зеленые глаза ярко светились. Она с трудом перевела дух.

— Я думала, что опоздала.

— Нет, — ответил Бейнс, поднимаясь, чтобы галантно предложить ей стул. Одновременно он окинул ее профессиональным взглядом — никаких признаков того, что она пронесла сюда оружие. Правда, она могла иметь при себе смертельно опасные споры в специальных капсулах, спрятанных во рту за щекой. Он и это предусмотрел, когда, усаживаясь, выбрал себе стул в дальнем конце большого стола заседаний. Расстояние... в высшей степени благоприятный фактор.

— Здесь так жарко, — все еще отдуваясь и вытирая с лица пот, сказала Анетта. — Я всю лестницу проскочила бегом. — Она улыбалась Бейнсу той безыскусной просто-

душной улыбкой, которая была характерна для многих поли. Девушка показалась ему сейчас особенно привлекательной. Вот только бы похудеть ей немножко... Но все же Анетта ему нравилась, и он решил поболтать с ней, придав беседе несколько эротичный оттенок.

— Анетта, — сказал он, — вы такая милая, с вами всегда так легко и приятно. Стыд да и только, что вы не замужем. Если бы вы пошли за меня...

— Да, Гейб, — перебила его Анетта, улыбаясь, — я была бы под надежной защитой. Лакмусовые бумажки в каждом углу комнаты, непрерывное жужжание анализаторов воздуха, специальные заземлители на случай включения психотропных излучателей...

— Вы все шутите... — несколько недовольным тоном бросил Бейнс. Он задумался над тем, сколько ей лет. Скорее всего, не более двадцати. Как и у всех поли, в ней очень много ребяческого. Поли не взрослеют, они так и остаются неоформившимися. Да и вообще, что такое полиизм как не жалкое существование в состоянии затянувшегося детства? Ведь как-никак, но все родившиеся в каждом из кланов этого спутника дети появлялись на свет как поли, как поли посещали общую центральную школу, а дифференциация начиналась только лет в десять-одиннадцать. Некоторые же, как, например, Анетта, так все еще и не определились...

Открыв сумочку, Анетта достала кулек со сладостями и начала быстро есть.

— Я так нервничаю, — пояснила она. — Поэтому-то и должна что-нибудь съесть. — Она протянула кулек Бейнсу, но тот отказался, — береженого Бог бережет. Бейнсу удалось сохранить жизнь в течение целых тридцати пяти лет, и он вовсе не собирался терять ее из-за столь банального побуждения. Каждый поступок должен быть предварительно обдуманным и тщательно взвешенным, если он намерен прожить еще тридцать пять лет.

— Как мне кажется, клан шизов в этом году снова будет представлять Луис Манфрети. Мне он так нравится; он всегда так интересно рассказывает, особенно о тех видениях, где ему являются первобытные существа. Всякие там звери, населявшие сушу и небо, чудовища, что борются друг с другом, глубоко под землей... — Анетта задумалась, продолжая машинально посасывать леденец. — Как

вы полагаете, Гейб, видения, что являются шизам, реальны?

— Нет, — искренне ответил Бейнс.

— Почему же они думают и говорят о них все время? Для них-то они в самом деле реальны!

— Мистицизм, — презрительно изрек Бейнс и неожиданно сморщил нос. Только сейчас он учуял какой-то неестественный, хотя и довольно приятный запах. Однако тут же сообразил, что запах исходит от волос Анетты. А может, это не духи, а что-нибудь другое, — внезапно подумал он и вновь насторожился.

— У вас такие приятные духи, — с деланным безразличием произнес он. — Как они называются?

— "Страстная ночь", — ответила Анетта. — Я приобрела их у уличного торговца с Альфы-П; они обошлись мне в девяносто долларов, но у них в самом деле великолепный запах, разве не так? Весь месячный заработок. — Темные глаза ее снова стали грустными.

— Выходите за меня замуж, — начал было снова Бейнс, но затем осекся.

Появился представитель депров и застыл в дверях. Его изможденное от постоянного страха лицо и остановившиеся глаза, казалось, поразили Бейнса до глубины души. Боже мой, — простонал он, — даже непонятно, то ли жалеть несчастного депра, то ли презирать. Ведь человек этот может встряхнуться, взять себя в руки. Любой из депров может преодолеть свое подавленное состояние, будь у него достаточно смелости. Но как раз смелость, похоже, и не ночевала в расположенном на юге поселке депров. А вот этот депр особенно ощутимо демонстрировал нехватку смелости — он в нерешительности задержался в дверях, не смея войти. Однако он настолько покорился судьбе, что через секунду-другую все равно это сделает, сделает именно то, чего он так опасается... В то время, как оден, оказавшись в такой ситуации, просто тотчас же сосчитает до двадцати, развернется и удерет.

— Пожалуйста, заходите, — как можно приветливее пригласила его Анетта, указывая на стул.

— Что толку в этой говорильне? — произнес депр и медленно вошел, понурившись от охватившего его отчаяния. — Мы просто перегрызем друг другу глотки; не

вижу смысла в том, чтобы собираться только для того, чтобы лишний раз поскандалить.

Тем не менее, он с отрешенным видом занял свое место за столом заседаний, и низко склонив голову, сцепил ладони.

— Меня зовут Анетта Голдинг, — представилась девушка. — А это — Габриель Бейнс — паран. Я — поли. А вы депр, верно? Я могу так сказать, судя по тому, как вы уставились на пол. — Она рассмеялась, но с явным сочувствием к несчастному.

Депр ничего не ответил, он даже не назвал своего имени. Для депра, Бейнсу это было хорошо известно, даже говорить стоило немалого труда — для этого нужно было сначала собраться с силами. Этот депр, по всей вероятности, пришел так рано только из опасения опоздать — типичная сверхосторожность. Бейнс недолюбливал депров. От них не было никакой пользы — ни для них самих, ни для других кланов. Почему все они давно потихоньку не вымерли? И, в отличие от гебов, не сумели проявить себя даже в качестве простых рабочих; они просто ложатся на землю и с отсутствующим взглядом смотрят в небо, потеряв всякую надежду.

Наклонившись к Бейнсу, Анетта произнесла тихо:

— Приободрите его как-нибудь.

— Чего это ради? Он сам виноват, что стал таким. Он мог бы измениться, если б захотел. Он мог бы даже убедить себя в том, что все у него хорошо, стоит только попытаться. Ему ничуть не хуже, чем остальным, пожалуй, даже чуть получше — ведь работает-то он, как и все, прямо скажем, спустя рукава... Хотел бы я, чтобы мне сошло с рук подобное безделье.

Через открытую дверь в зал заседаний вошла высокая женщина средних лет в длинном сером пальто. Это была Ингрид Хибблер, представительница оденов. Считая про себя, она обошла несколько раз весь стол, по очереди слегка постукивая по спинке каждого стула. Бейнс и Анетта молча ждали, когда она займет свое место. Геб, подметавший пол, взглянул на нее и хихикнул. Депр не отрывал невидящего взгляда от пола. Наконец мисс Хибблер отыскала стул, понятная только ей одной нумерация которого ее устроила. Она отодвинула его, опустилась на сиденье и застыла в напряженной позе, затем крепко прижала ла-

дони друг к другу и стала быстро-быстро перебирать пальцами, как будто вязала какую-то невидимую защитную оболочку.

— На стоянке я столкнулась со Строу, — вдруг сказала она и снова стала отсчитывать что-то в уме. — Нашим манием. Трудно представить себе более мерзкую личность — он едва не переехал меня своей колымагой. Мне пришлось... — Тут она вдруг замолчала. — Ничего, ничего. Просто очень тяжело избавиться от его ауры, стоит только прикоснуться к ней. — Она задрожала всем телом.

— На этот раз, — сказала Анетта, — если от шизов будет Манфрети, он снова, скорее всего, войдет сюда не в дверь, а через окно. — Она весело рассмеялась. К ней присоединился продолжавший подметать геб. — И, разумеется, мы все еще дожидаемся геба, — заключила Анетта.

— Я — д-д-делегат из Гандитауна, — произнес геб, Джекоб Саймион, продолжая размахивать шваброй. — Я п-просто подумал, что неплохо было бы этим заняться, пока б-буду ж-ждать остальных. — Он одарил присутствовавших в комнате делегатов простодушной улыбкой.

Бейнс тяжело вздохнул. Представитель гебов — простой уборщик. Однако, ведь это само собой разумеется. Все они такие же, если не в действительности, то потенциально. В таком случае недоставало только шиза и мания, Говарда Строу. Он объявится здесь, как только ему надоест ошиваться на стоянке, пугая прибывающих делегатов. Бейнс задумался. Пусть он даже не пытается меня запугивать. Лазерный пистолет на поясе у Бейнса не игрушечный. И еще всегда есть преданный ему сим, который ждет-не дождется снаружи, только кликни.

— О чем пойдет речь на этой встрече? — спросила мисс Хибблер, и начала, закрыв глаза, быстро отсчитывать, продолжая одновременно перебирать пальцами. — Раз, два. Раз, два.

— Прошел слух, — пояснила Анетта, — о том, что видели неизвестный корабль, не купца с Альфы-II. Мы почти уверены в этом. — Она все еще продолжала поглощать сладости. От внимания Бейнса не ускользнуло, — он ехидно улыбнулся, — что она уже успела расправиться почти со всем кульком. У Анетты, ему было это прекрасно известно, было психическое расстройство, сверхценная

идея в области синдрома обжорства. И в тех случаях, когда ее охватывало напряжение или беспокойство, этот синдром резко усиливался.

— Корабль, — вдруг сказал депр, пробудившись к жизни. — Может быть, нас в конце концов вызволят из беды?

— Какой беды? — удивилась мисс Хибблер.

— Сами знаете, — чуть оживившись, произнес депр. Но на большее он уже не был способен и вновь замолчал, погрузившись в коматозное угрюмое состояние. Для депра окружающее всегда казалось полным кошмаром. К тому же все депры, разумеется, еще и боялись каких-бы то ни было перемен. При мысли об этом презрение Бейнса к ним усилилось. Но — корабль! Его презрение быстро сменилось нараставшей тревогой. Неужели это правда?

Строй, маний, уж он-то точно знает, что к чему. В Да Винчи-Хейтс у маниев немало всякой замысловатой аппаратуры для наблюдения за движением транспорта в околоспутниковом пространстве. По всей вероятности, слух пошел из поселка Да Винчи, если только какому-то мистику-шизу не явился корабль в его бредовых видениях.

— Это, скорее всего, какая-то уловка, — громко заявил Бейнс.

Все в комнате, в том числе и сумрачный депр, уставились на него, даже геб на какое-то мгновенье перестал подметать.

— Это мании, — пояснил Бейнс, — они способны на все. Таким образом они хотят получить преимущество перед всеми остальными, отомстить нам.

— А за что собственно? — удивленно спросила мисс Хибблер.

— Вы же знаете, как мании ненавидят всех нас, — сказал Бейнс. — А все потому, что они жестокие варвары, безжалостные хулиганы, немытые штурмовики, которые хватаются за пистолет, едва заслышав слово "культура". Это у них в крови, наследие древних готов. — И все же, в душе он понимал, что суть на самом деле совсем не в этом. Честно говоря, неясно было, почему мании так жаждут навредить каждому ближнему? Оставалось только полагаться на то, что верна его гипотеза, согласно которой они просто получают наслаждение, доставляя боль другим. Нет, тут же поправил он самого себя, это гораздо глубже.

Злоба и зависть — вот истинные причины. Они ненавидят нас за культурное превосходство. Как бы ни отличался своими некоторыми техническими достижениями поселок Да Винчи от всех остальных, все равно не было в нем не то что утонченности, но и элементарного порядка, не было эстетического совершенства. Он так и остался мешаниной незавершенных так называемых "творческих исканий" — проектов, начатых, но не доведенных до конца.

— Строу, — медленно произнесла Анетта, — несколько неотесан, допускаю, что типично для таких неугомонных людей. Но зачем бы он стал сообщать о появлении чужого корабля, если бы они его не видели? Вы не привели никаких убедительных доводов.

— Но я знаю, — упрямо гнул Бейнс, — что мании и Говард Строу, в особенности, против нас: нам нельзя сидеть сложа руки, надо сделать все возможное, чтобы защитить себя от... — он едва не прикусил язык, потому что дверь отворилась и в комнату бесцеремонно ввалился Строу.

Рыжеволосый, огромного роста, мускулистый, он широко улыбался. Появление неизвестного корабля в небе их крохотного спутника ничуть его не беспокоило.

Теперь осталось дождаться только прибытия шиза, который, как обычно, мог опоздать на добрый час. Он частенько бесцельно где-то бродил в состоянии полной прострации, заблудившись среди своих туманных видений, пытаясь проникнуть в изначальную суть действительности, постичь природу космических протосил, составляющих основу вселенной, погружаясь в видение так называемой "Правселенной".

Теперь можно, пожалуй, расположиться поудобнее, решил Бейнс. Насколько это возможно, учитывая присутствие среди нас Говарда Строу. И мисс Хибблер — хотя к ней он был совершенно равнодушен. Честно говоря, и остальные были ему безразличны, за исключением, пожалуй, только Анетты (у нее была уж больно пышная, бросающаяся в глаза, грудь). Но с Анеттой пока что так ничего и не получалось. Как обычно.

Его вины в этом не было. Все поли были такими же — никто никогда не знал, как к ним подступиться. Их поведение было каким-то непредсказуемым, неподвластным логике. Но все же они не были такими эфемерными, не

от мира сего созданиями, как шизы, как и не были безмозглыми автоматами, подобно гебам. Жизнь так и бурлила в них. Именно это нравилось ему в Анетте — внутренне присущие ей живость, непосредственность, свежесть чувств.

По сути в ее присутствии он сам себе казался каким-то скованным, заключенным как бы в толстую стальную броню, вроде архаического панциря из эпохи древних, бессмысленных войн. Ей было двадцать лет, ему — тридцать пять, скорее всего, именно этим все и объяснялось. А затем он вдруг подумал, что ей наверняка хочется, чтобы именно такие чувства безраздельно владели им. Она умышленно пытается заставить его чувствовать себя столь неловко.

И тогда, как ответная реакция, им сразу всецело овладела ледяная, тщательно аргументированная, истинно парановская ненависть к ней.

Анетта же, притворяясь рассеянной, как ни в чем ни бывало продолжала расправляться с остатками сладостей в своем кульке.

* * *

Делегат шизов на очередную встречу в Адольфвилле — Омар — взглянул на ландшафт мира и увидел на земле и под ней двух драконов, красного и белого, смерти и жизни; драконов, сцепившихся в яростной схватке, от которой дрожала равнина. И раскололось небо: чахлое солнце несло совсем немного утешения и бодрости планете, которая быстро теряла жалкие остатки своей жизненной энергии.

— Остановитесь, — крикнул Омар, подняв руку и обращаясь к драконам.

Мужчина и женщина с вьющимися волосами, которые шли навстречу ему по тротуару в центральной части Адольфвилля, сразу же остановились.

— Что это с ним? — спросила женщина и в ее голосе послышалось отвращение.

— Да он же шиз, — ответил, улыбнувшись, мужчина. — Погруженный в видения.

— Вечная война, — произнес Омар, — вспыхнула с новой силой. Силы жизни идут на убыль. Неужели не отыщется человек, который бы принял роковое решение,

отрекшись от собственной жизни в акте самопожертвования, ради того, чтобы восстановить эти силы?

Мужчина, подмигнув жене, произнес:

— Ты знаешь, иногда этим ребятам можно задать какой-нибудь вопрос и получить весьма интересный ответ. Ну-ка, спроси у него что-нибудь... что-нибудь о высоких материях, например: "В чем смысл существования?". Или вот еще лучше: "Где я потеряла вчера ножницы?" — Мужчина подтолкнул жену поближе к Омару.

Женщина обратилась к шизу с максимальной осторожностью:

— Извините меня, пожалуйста, но мне давно уже хочется узнать: есть ли жизнь после смерти?

— Смерти не существует, — Омар был попросту изумлен вопросом, в основе которого лежало безграничное невежество. — То, что вы подразумеваете под понятием "смерть" есть только очередная стадия развития, в которой новая жизненная форма находится в скрытом состоянии, ожидая зова принять свое следующее воплощение. — Он поднял руки, указывая ими куда-то вдаль. — Видите? Дракона жизни нельзя уничтожить; пусть своей алой кровью он и обагрил луг, но со всех сторон к жизни тянутся его новые воплощения. Семя, брошенное в землю, прорастает снова. — Сказав так, он прошел мимо мужчины и женщины, оставив их у себя за спиной.

Мне нужно пройти к шестиэтажному каменному зданию, сказал себе Омар. Там меня дожидаются члены совета. Варвар Говард Строу. Ворчливая мисс Хибблер, которую волнуют только числа. Анетта Голдинг, воплощение жизни, с головой окунающаяся во все что угодно, дающее ей возможность БЫТЬ. Габриель Бейнс, непрестанно заставляющий себя придумывать все новые и новые методы обороны от нападений несуществующих противников. Простак с метлой, который ближе к Богу, чем кто-либо из нас. Да еще бирюк, который никогда не поднимает глаз, человек, у которого нет даже имени. Как мне к нему обращаться? Пожалуй, Отто. Нет, лучше пусть будет Дино. Дино Уоттерс. Он все время дожидается наступления смерти, не понимая, что живет в ожидании фантома; даже смерть не в состоянии защитить его от самого себя.

Став перед цоколем шестиэтажного здания, самого большого в поселке паранов Адольфвилле, он прибегнул к

левитации; поднявшись к нужному этажу, он стал царапать стекло ногтем, пока в конце концов кто-то из находившихся внутри не подошел к окну, чтобы впустить его.

— А мистер Манфрети не прибудет? — спросила Анетта.

— В этом году он вне пределов досягаемости, — пояснил Омар. — Он перешел в другое измерение и теперь просто сидит; кормить его приходится принудительно, через нос.

— М-да, — Анетта вздрогнула. — Кататония.

— Убейте его, — рявкнул Строу, — и делу конец. Эти шизы-кататоники ни на что не годятся. Они высасывают последние жизненные соки из поселка Жанны д'Арк. Неудивительно, что у вас такая нищета.

— Мы бедны материально, — заметил Омар, — но богаты непреходящими ценностями.

Он решил держаться как можно дальше от Строу. Как человек он был ему абсолютно безразличен. Строу, несмотря на свое имя (солома, соломинка — прим.переводчика), был уничтожителем. Ему доставляло удовольствие крушить и измельчать в пыль все и вся. Он был жесток из любви к жестокости, а не по необходимости. Зло, которое чинил другим Строу, было совершенно беспочвенным.

С другой стороны, здесь же заседал и Гейб Бейнс. Бейнс, как и любой другой паран, тоже мог быть жесток, но это была вынужденная жестокость, обусловленная необходимостью собственной безопасности; он настолько был преисполнен желания оберегать себя от любого вреда, что, естественно, сам причинял вред и себе, и другим. Но, в отличие от Строу, нет смысла слишком осуждать его поведение.

Расположившись за столом, Омар произнес:

— Да благословит Господь эту нашу встречу. И давайте лучше послушаем добрые вести о жизнетворных событиях, чем о кознях драконов зла. — Он повернулся к Строу. — Что произошло, Говард?

— Военный корабль, — произнес Строу, плотоядно осклабившись и упиваясь их общим беспокойством. — Не торгаш с Альфы-П, а звездолет из совсем иной планетной системы; нам удалось уловить мысли на его борту с

помощью телепатии. Он сюда направляется не с какой-либо торговой миссией, а для того, чтобы... — он умышленно осекся на полуслове, не закончив предложения. Ему явно хотелось полюбоваться тем, как они будут корчиться от беспокойства.

— Нам необходимо защитить себя, — решительно высказался Бейнс. Мисс Хибблер кивнула в знак согласия, к ней присоединилась, хотя и не столь охотно, Анетта. Даже геб перестал глупо хихикать и теперь казался встревоженным. — Мы здесь у себя в Адольфвилле, конечно же, организуем оборону. А от ваших людей, Строу, мы ждем технологической помощи; мы очень рассчитываем на те устройства, которые вы сможете нам предоставить. Это как раз тот единственный случай, когда мы вправе надеяться, что вы тоже внесете своей существенный вклад во имя общего блага.

— "Общего блага", — язвительно передразнил его Строу. — Вы, очевидно, подразумеваете под этим "наше" благо.

— Боже мой, — возмутилась Анетта. — Как вы можете быть всегда таким безответственным, Строу? Неужели вы не в состоянии хоть раз задуматься о последствиях? Подумайте о наших детях. Мы просто обязаны защитить, если не себя, то хотя бы их!

Омар Даймонд стал молча молиться.

"Пусть воспрянут силы жизни и торжествуют победу на поле битвы. Пусть белый дракон избежит кровавого позора мнимой гибели. Да опустится защитный покров на эту крошечную землю и охранит ее от тех, кто находится в лагере нечестивцев".

И тут ему вдруг припомнилось то видение, что явилось ему, когда он пешком брел сюда, — предвестник скорого пришествия врагов. Вода в ручье, когда он переступал через него, вдруг превратилась в кровь. Теперь он понял, что означало это знамение. Войну и смерть, возможно, даже полное уничтожение всех Семи Кланов и их семи городов — шести, если не считать мусорную свалку, в которой жили гебы.

Дино Уоттерс, депр, вдруг хрипло пробормотал:

— Мы обречены.

Все возмущенно посмотрели на него, даже геб Джекоб Саймион. Как это похоже на депров!

— Простим его, — прошептал Омар. И где-то в эмпиреях услышал его дух жизни, откликнулся и пропустил полуживое существо, которым был Дино Уоттерс из поселка депров, Усадьбы Смирительной Рубашки.

ГЛАВА II

Глянув рассеянно на обшарпанную квартиру со стенами, отделанными потрескавшимися панелями из листового мрамора, и смонтированными в специальных нишах невидимыми светильниками, которые, по всей вероятности, уже не работали; на архаичное окно-витраж и на старые кафельные полы, сохранившиеся каким-то чудом со времен, предшествовавших корейской войне, Чак Риттерсдорф произнес:

— Подходит.

После чего извлек чековую книжку, поморщившись при виде литой чугунной батареи центрального отопления. Таких батарей он не видел с семидесятых годов, золотой поры своего детства.

Хозяйка этого обветшавшего здания, тем не менее, подозрительно нахмурилась, рассматривая документы Чака.

— Согласно этим бумагам, вы женаты, мистер Риттерсдорф, и у вас есть дети. В ваши намерения ведь не входит привести в эту квартиру жену и детей, верно? Потому, что она обозначена в гомеобюллетене, как квартира "для имеющего работу непьющего холостяка", и...

— В том-то и дело, — устало произнес Чак. Тучная хозяйка средних лет в платье из кожи венерианских сверчков-свистунов и домашних туфлях, подбитых мехом вуба, произвела на него отталкивающее впечатление. Вся эта затея стала для него невыносимо тягостной. — Я разошелся с женой. Дети остались с нею. Вот почему мне понадобилась эта квартира.

— Но они станут вас навещать. — Подведенные пурпурной тушью брови хозяйки неодобрительно поднялись.

— Вы плохо знаете мою жену, — попробовал было возразить ей Чак.

— Станут, станут. Знаю я эти новые федеральные законы в отношении разводов. Не то, что различные для

каждого штата законы по части разводов былых лет. Вы уже побывали в суде? Получили документы?

— Нет, — признался Чак. Это только начало. Вчера поздно вечером он ушел ночевать в гостиницу, а позапрошлая ночь была заполнена отчаянной борьбой за достижение невозможного — продолжение их совместной жизни с Мэри.

Он протянул хозяйке чек, взамен получил удостоверение личности, после чего хозяйка удалилась. Он тотчас же закрыл за ней дверь, подошел к окну и посмотрел вниз на улицу, запруженную автомобилями, ракетными "блохами", потоками и ручейками пешеходов. Скоро ему придется позвонить своему адвокату, Нату Уайдлеру. Очень скоро.

Злая ирония была в прекращении их брака. Ибо профессией его жены — специалист самого высокого класса — как раз и было улаживание различных семейных неурядиц. По сути она считалась лучшим консультантом в Приморском округе Калифорнии, где и была ее контора. Одному только Богу известно, сколько она спасла семейных очагов, готовых разбиться вдребезги. И тем не менее, благодаря поистине мастерскому удару несправедливости, весь ее талант и искусство только и способствовали тому, чтобы загнать его в эту мерзкую квартиру. Потому что, будучи столь удачливой в своей собственной профессиональной карьере, Мэри так и не удалось превозмочь в себе чувство презрения к своему мужу, которое с каждым годом нарастало в ней.

Все дело в том — и он должен был смириться с этим, — что в своей служебной карьере он был далеко не столь удачлив, как Мэри.

Его работа, доставлявшая ему большое удовлетворение, заключалась в программировании симулакрумов, изготовлявшихся в Шайенне по заказу правительственной разведывательной службы для проведения бесконечной агитационной работы пропагандистских кампаний против окружавших США коммунистических государств. Лично он был глубоко убежден в правомерности и необходимости выполняемой им работы, но никакими рациональными доводами нельзя было хоть кого-нибудь убедить в том, что это высокооплачиваемое или благородное занятие. Составляемые им программы — стряпня — наиболее мягкое из

всех подходящих для этого выражений — были инфантильными, насквозь фальшивыми и тенденциозными. Они, главным образом, были рассчитаны и на школьников как в самих США, так и в сопредельных коммунистических государствах, и на широкие массы людей с низким образовательным уровнем. Он, по сути, был халтурщиком. И Мэри подчеркивала это много-много раз.

Однако, халтура это или нет, он продолжал именно эту работу, хотя и было немало иных предложений за все шесть лет, что он состоял в браке. Скорее всего, это можно было объяснить только тем, что ему просто доставляло удовольствие слушать собственные слова из уст человекоподобных симулакрумов. А возможно, еще и потому, что он испытывал внутреннюю потребность заниматься столь жизненно необходимым для его страны делом — ведь США приходилось занимать круговую оборону, политическую и экономическую. А для этого нужны были такие люди, которые согласны были работать на правительство, прекрасно сознавая, сколь мизерна получаемая ими зарплата, и стоически делать работу, лишенную каких-либо героических или привлекательных сторон. Кто-то ведь должен был программировать симулакрумов-пропагандистов, которых засылали в самые дальние уголки планеты работать как полномочных представителей ЦРУ и агитировать, убеждать, сеять сомнения. Но...

Кризис разразился три года тому назад. Один из клиентов Мэри — у которого были невероятно запутанные семейные отношения, и три любовницы одновременно, — оказался телевизионным продюсером. Джеральд Фелд был главным режиссером и владельцем знаменитого, в своем роде единственного и неповторимого телевизионного эстрадного шоу с участием Банни Хентмана. Мэри как бы невзначай подсунула Фелду несколько рукописей программ, созданных Чаком для местного филиала ЦРУ в Сан-Франциско. Фелд прочел их с интересом, потому что в них была — а именно это и обусловило выбор Мэри — немалая доля юмора. Это было особым талантом Чака — он создавал программы, весьма существенно отличавшиеся от обычной напыщенно-торжественной бредятины... Говорили, что они были наполнены остроумием, оно так и сверкало в каждой строчке. И Фелд согласился. Он попросил Мэри организовать встречу с Чаком.

Теперь, стоя у окна старой, захудалой комнатенки, куда он еще не успел внести ни одной своей вещи, глядя на улицу, Чак вспоминал тогдашний разговор с Мэри, который неожиданно перешел в открытую ссору. Это был особо злой разговор, почти классический. Именно тогда и обозначилась во всей полноте размолвка между ними.

Для Мэри предмет спора был абсолютно ясен: вот прекрасная возможность проявить себя, показать, чего ты стоишь, как профессионал. Остается только тщательно проработать все детали новой работы. Фелд платит хорошо, сама работа в высшей степени престижна. Каждую неделю, по окончании показа телешоу Банни Хентмана, имя Чака, как одного из авторов сценария, будет появляться на экране перед глазами всех телезрителей некоммунистического мира. Мэри — в этом-то и заключалось самое главное — будет испытывать чувство гордости за его работу, которая станет наконец-то творческой. А для Мэри творчество было тем сезамом, что отворял двери, за которыми находился смысл жизни. Работа же в ЦРУ, составление программ для симулакрумов-пропагандистов, невнятными голосами плетущих всякую чушь миллионам неграмотных африканцев, азиатов и латиноамериканцев, никак не была творческим актом. Содержание пропаганды имело тенденцию сводиться всегда к одному и тому же, и вдобавок у ЦРУ была весьма сомнительная репутация в тех либеральных, высокооплачиваемых, утонченных кругах, в которых вращалась Мэри.

— Ты похож на уборщика в парке на искусственном спутнике, довольного тем, что он — государственный служащий, — сказала разъяренная Мэри. — Это дешевая безопасность, просто способ избежать необходимости бороться. Тебе всего тридцать три года, а ты давно оставил любые попытки чего-то достичь в жизни. Выбросил из головы даже желание сделать из себя что-нибудь стоящее.

— Послушай, — тщетно взывал он. — Ты что, мать мне, или всего лишь жена? Я хочу сказать — это что, твоя работа — непрестанно меня подгонять, будто я вьючное животное? Почему мне так необходимо все время куда-то подниматься и подниматься? Ты, наверное, не успокоишься даже тогда, когда я стану президентом ТЕРПЛАНа. — Кроме престижности и денег, как показалось Чаку, здесь было явно замешано что-то еще. Очевидно, Мэри хотела, чтобы

он стал совсем другим. Она, которая знала его лучше, чем кто-либо иной на всем белом свете, определенно стыдилась его. Если он возьмется за то, чтобы писать для Банни Хентмана, то станет совсем другим человеком. Таким был, во всяком случае, ход ее умозаключений.

Он не мог упрекнуть свою жену в отсутствии логики. Но, тем не менее упорствовал, не бросал своей работы, ничуть не менялся. Он был слишком инертным. К добру или к худу. Внутренняя сущность человека — штука стабильная и изменить ее нелегко.

На улице, резко опустился на бордюр и припарковался белый "Шевроле-люкс", роскошная последняя шестидверная модель. Он праздно наблюдал и вдруг до него дошло, что это его собственная бывшая машина. Значит Мэри уже отыскала его.

Его жена, доктор Мэри Риттерсдорф, вознамерилась нанести ему визит.

* * *

Чак ощутил испуг и растущую горечь очередной неудачи. Он оказался не в состоянии подыскать такую квартиру, в которой Мэри не нашла бы его. Еще несколько дней, и Нат Уайльдер поставит его под официальную охрану закона, но пока в данный момент, он был абсолютно беспомощен и вынужден принять ее.

Несложно догадаться, каким образом Мэри его выследила. Современные обнаруживающие устройства общедоступны и недороги. Мэри, скорее всего, обратилась в одно из расплодившихся повсюду сыскных агентств, обслуживаемых роботами, получила в свое распоряжение так называемую "ищейку", запрограммировала в нее спектр электрических импульсов его мозга, после чего выпустила ее на все четыре стороны. "Ищейка" проследовала за ним всюду, где он бывал после того, как оставил Мэри. В наши дни обнаружение кого-нибудь стало точной наукой.

Так что, если женщина решила тебя отыскать, отметил он про себя, она всегда своего добьется. Наверное, есть и закон, который регулирует этот процесс. Он, пожалуй, мог бы назвать его законом Риттерсдорфа. Пропорционально

чьему-либо желанию убежать, спрятаться, сыскное устройство...

В пустотелую дверь квартиры легонько постучали.

Пока он неохотно, на негнущихся ногах шел к двери, такая мысль пришла в голову: сейчас она произнесет речь, в которую постарается вложить любые известные ей разумные доводы. Я же, конечно, ничего не смогу ей возразить, опираясь только на свое интуитивное ощущение, что мы просто не можем жить так дальше, ее презрительное отношение ко мне указывает на разделяющую нас пропасть, столь глубокую, что исключает любую близость между нами в будущем.

Он открыл дверь. Да, действительно, это она, темноволосая, с осиной талией, в своем лучшем пальто из натуральной шерсти; спокойная и уверенная в себе, высокообразованная женщина, на голову превосходящая его во всех отношениях.

— Послушай, Чак, — произнесла она, — я договорилась с транспортным агентством, чтобы все твои вещи были собраны и отправлены на хранение. Я же приехала сюда за чеком — я хочу взять у тебя всю имеющуюся наличность. Мне нужны деньги для уплаты по счетам.

Значит он ошибся, и никаких медоточивых урезонивающих речей не последует. Совсем наоборот — жена хочет произвести с ним окончательный расчет. Он был совершенно ошарашен этим, так и остался стоять перед нею, глупо разинув рот.

— И еще я переговорила с Бобом Элфсоном, моим адвокатом, — сказала Мэри. — Я велела ему подготовить акт об отказе от прав на владение домом.

— Что? — встрепенулся Чак. — Почему?

— Чтобы ты смог переписать свою долю стоимости дома не мое имя.

— ПОЧЕМУ?

— Чтобы я могла выставить его для продажи. Я решила, что мне не нужен такой большой дом, а деньги пригодятся. Я пристраиваю Дебби в тот самый интернат на Восточном Побережье, о котором мы с тобой говорили. — Дебора была старшей, но ей было всего только шесть лет, она была еще слишком мала, чтобы ее вырывать из домашней обстановки. Только этого еще недоставало.

— Позволь мне поговорить сначала с Натом Уайльдером, — упавшим голосом вымолвил он.

— Я хочу чек немедленно. — Мэри даже не пошевельнулась, чтобы зайти в квартиру, и стояла в дверях. Он же вдруг ощутил ужасный приступ отчаянной паники, обусловленной полнейшей безнадежностью положения и страданиями, начал сознавать свое поражение. Для него теперь все уже безвозвратно потеряно, она может заставить его сделать что угодно.

Пока он шел за чековой книжкой, Мэри сделала несколько шагов в квартиру. Отвращение, которое она при этом испытывала, нельзя описать никакими словами. Она молчала. И от этого он еще сильнее съежился, не в силах перенести унижение. Чтобы хоть как-то отвлечься, он принялся трясущимися пальцами черкать необходимые подписи в чековой книжке.

— Между прочим, — спокойно произнесла Мэри, как будто это был самый заурядный разговор, — теперь, когда мы расстались с тобой по-хорошему, я вольна принять то самое правительственное предложение.

— Какое это правительственное предложение?

— Требуются психологи-консультанты для одного из межпланетных проектов. Я тебе уже рассказывала об этом. — Она даже не собиралась обременять себя, посвящая его в подробности.

— Да, да. — Он что-то смутно припомнил. — Работа, производимая в порядке благотворительности. Что-то связанное с одним из побочных результатов конфликта между Землей и Альфой, происшедшего лет десять тому назад. Изолированный спутник одной из планет системы Альфы, заселенный землянами, целых два поколения которых оказались из-за войны отрезанными от метрополии. Какая-то скандальная история с жалкими клавами, существовавшими в системе Альфы, в которую входило несколько десятков планетарных спутников, не говоря уже о двадцати двух планетах.

Мэри взяла чек, аккуратно сложила его и спрятала в карман пальто.

— Тебе будут за это платить? — поинтересовался Чак.

— Нет, — как-то отрешенно ответила Мэри.

Значит, жить она будет — и при этом еще поддерживать детей — на одну его зарплату. Только теперь до него наконец дошло: она ожидает решения суда, которое как раз и принудит его заняться тем, отказ от чего привел к разрыву их длившегося шесть лет брака. Она, благодаря своему огромному влиянию в судебных сферах

Приморского Округа, добьется такого решения, которое заставит его бросить работу в санфранцисском филиале ЦРУ и искать совершенно иную работу.

— Сколько... сколько времени тебя здесь не будет? — спросил он. Было совершенно очевидно, что она намерена с немалой для себя пользой провести время, на протяжении которого столь круто меняется их жизненный уклад. Она теперь сможет себе позволить все то, в чем раньше ей было отказано, якобы отказано, из-за брака с ним.

— Около шести месяцев. Все зависит от обстоятельств. Не жди больше встреч со мной. В суде мои интересы будет представлять Элфсон. Я там даже не покажусь. — Сделав паузу, она добавила. — Я возбудила иск о раздельном ведении хозяйства. Так что тебе не придется утруждать себя.

Инициатива, даже в этом вопросе, ушла из его рук. Он оказался, как всегда, слишком медлительным.

— Можешь забрать все, — неожиданно выпалил он.

Взгляд ее, однако, красноречиво говорил о том, что всего того, что он сможет ей дать, будет далеко недостаточно. Ведь это так легко оброненное им "все" по сути означало ничего, если речь идет о том, чего он достиг в жизни.

— Я не могу тебе дать того, чего у меня нет, — тихо прошептал он.

— Еще как можешь, — даже не улыбнувшись, сказала Мэри. — Потому что судье будет известно абсолютно все, что успела узнать о тебе я за годы нашей совместной жизни. Если тебя хорошенько прижать, ты вполне можешь соответствовать общепринятым стандартам, касающихся взрослых мужчин, осознающих свою ответственность за благополучие супруги и детей.

— Но... — проблеял он. — Я имею право вести свою собственную жизнь.

— Главное — это твои обязанности по отношению к жене и ребенку, — неумолимо произнесла Мэри.

На это у него не оказалось никакого ответа; он смог только кивнуть.

* * *

Позже, после того, как Мэри ушла, забрав с собой чек, он бегло осмотрел квартиру и обнаружил целую стопку старых гомеобюллетеней в стенном шкафу.

Примостившись в гостиной на допотопной софе с круглыми валиками по бокам, он стал выискивать в них статьи о межпланетном проекте, в котором Мэри собралась принять участие. Тем самым начав для себя новую жизнь, отметил он про себя, чтобы заменить ей неудавшееся замужество.

В одном из бюллетеней недельной давности он нашел статью с более или менее полным описанием проекта. Закурив, он стал внимательно читать.

Психологи требовались, как о том сообщала Служба Межпланетного Здравоохранения и Благосостояния, вследствие того, что один из планетарных спутников в системе Альфы был первоначально выбран в качестве подходящего места для организации госпиталя. Он представлял собой центр психиатрической реабилитации тех оказавшихся в системе Альфы иммигрантов-землян, душевно сломившихся, не выдержав неестественного, чрезмерного напряжения физических и душевных сил, с которым была сопряжена колонизация далеких планет или их спутников. Занимавшие в этой планетной системе господствующее положение альфиане оставили этот спутник в покое, и лишь время от времени туда наведывались их торговые корабли.

То, что было известно о нынешнем положении на этом спутнике, исходило как раз от альфийских коммерсантов. В соответствии с их рассказами, за те несколько десятилетий, в течение которых реабилитационный центр был отрезан от земных властей, на этом спутнике возникло некое подобие цивилизации. Однако, альфианам так и не удалось разобраться, что это за цивилизация, так как у них не было знакомства с земными обычаями и порядками. В любом случае, там существовала промышленность, было налажено производство местных товаров и торговля ими. Чак даже удивился, почему это земное правительство вдруг стало испытывать необходимость во вмешательстве. Он очень ясно себе представлял, как себя там поведет Мэри: она была из тех людей, которые в наибольшей степени устраивали ТЕРПЛАН, международное агентство по осуществлению различных межпланетных проектов. Люди такого рода, как Мэри, всегда и во всем добиваются успеха.

Подойдя к архаичному окну, он постоял возле него некоторое время, глядя вниз. А затем почувствовал, как в

нем, поначалу совсем незаметно, как бы украдкой, но затем все сильнее и сильнее стало нарастать давно уже ставшее для него привычным чувство абсолютной бессмысленности дальнейшего существования. Самоубийство, как бы его не расценивали и что бы о нем не говорили закон и церковь, в такие мгновения было для него единственным подходящим решением.

Найдя в квартире окно поменьше, которое можно было открыть, он приподнял раму и какое-то время прислушивался к рокоту двигателей "блохи", опускавшейся на крышу дома на противоположной стороне улицы, пока он не замер. Еще подождал несколько секунд, а затем одним махом взобрался на подоконник и встал у самого края, в нерешительности глядя на интенсивное уличное движение далеко внизу...

И тут ему послышался какой-то голос, не его собственный, а чей-то чужой, исходивший откуда-то изнутри, проникающий непосредственно в сознание.

"Пожалуйста, скажите мне, как вас зовут. Независимо от того, какое решение вы примете: прыгать или не прыгать".

Обернувшись, Чак увидел желтого слизистого плесневого грибка с Ганимеда, который беззвучно влился в квартиру в щелку между полом и дверью. Теперь же он снова принимал обычный свой вид — груды небольших шариков.

— "Я снимаю квартиру по коридору напротив", — мысленно сообщил грибок.

— Среди землян практикуется обычай предварительно стучаться в дверь, — сказал Чак.

"Мне просто нечем постучаться в дверь. В любом случае, мне захотелось войти сюда до того, как вы... удалитесь".

— Это мое личное дело, прыгать или не прыгать.

"Никто из землян не является отдельным островом", — плесневой грибок более или менее верно воспроизвел широко известное изречение, — "Добро пожаловать в здание, которое мы, снимающие в нем квартиры, иронически называем "Меблированные комнаты для списанного вооружения". Здесь живет немало других, с кем вам не мешало бы познакомиться. Несколько землян — вроде вас — плюс какое-то количество инопланетян самой

разнообразной внешности. Некоторые из них произведут на вас отталкивающее впечатление, другие же, без сомнения, покажутся даже привлекательными. Я собрался позаимствовать у вас чашечку с культурой йогурта, но ввиду вашей крайней озабоченности такая просьба в данный момент может показаться оскорбительной".

— Я ничего еще не привез. Пока что. — Чак перебросил ногу назад через подоконник и, спрыгнув на пол, отошел от окна подальше. Он совсем не удивился, увидев слизистого плесневого грибка и Ганимеда. Большинство землян считало инопланетян существами низшего сорта. Какими бы они ни были влиятельными или высокопоставленными в своем родном обществе, на Земле они вынуждены были селиться в таких второсортных жилищах вроде этого.

"Имей я возможность носить при себе визитную карточку", продолжал мысленную трансляцию грибок, "я бы тотчас вручил ее. Я оптовый импортер неотшлифованных драгоценных камней, дилер по перепродаже золотого лома и, когда благоприятствуют обстоятельства, ревностным скупщиком коллекций почтовых марок. Кстати, сейчас у меня в квартире отборная коллекция ранних Штатов, особый блеск которой придают неразрезанные блоки, по четыре экземпляра в каждом, знаменитой серии, посвященной четырехсотлетию открытия Америки Колумбом. Не угодно ли..." Тут он осекся, "Вижу, вижу, что нет. Однако, так или иначе, но желание себя погубить, по крайней мере временно, значительно ослабло в вашем сознании. И это очень неплохо. Вдобавок к моей официальной коммерческой деятельности..."

— Разве закон не требует, чтобы вы ограничивали свои телепатические способности, пока находитесь на Земле? — спросил Чак.

"Это так, но ситуация показалась мне исключительной. Мистер Риттерсдорф, лично я не могу предложить Вам какую-нибудь высокооплачиваемую работу, поскольку мне не требуются пропагандистские услуги, но у меня немало весьма влиятельных лиц в высших сферах девяти спутников; дайте мне только время и я..."

— Благодарю вас, не надо, — грубо перебил его Чак. — Я желаю только одного — чтобы меня оставили в

покое. — Уже полученных предложений помочь в поисках работы ему с лихвой хватило бы до конца жизни.

"Но, что касается меня, то, в полную противоположность вашей супруге, у меня нет каких-либо тайных побуждений". Слизистый грибок перелился поближе. "Как и у большинства землян мужского пола, чувство самоуважения у вас самым тесным образом связывается со способностями зарабатывать деньги, то есть с той сферой, в отношении которой у вас как весьма небезосновательные сомнения, так и обостренное ощущение собственной вины. Я могу кое-что для вас сделать... но на это потребуется время. Вскорости я покину Землю и отправлюсь к себе домой, на родную планету. Предположим, я уплачу вам пятьсот долларов — США, разумеется, — за то, что вы полетите вместе со мною. Рассматривайте это, если хотите, как ссуду.

— Что я забыл на Ганимеде? — раздраженно спросил Чак. — Поймите же меня, наконец. У меня есть работа. Притом такая, которая меня вполне устраивает — я не намерен ее бросать.

"Подсознательно..."

— Не копайтесь в моем подсознании. Лучше-ка убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое. — Он повернулся спиной к слизистому грибку.

"Я очень опасаюсь, что у вас снова возникнет желание совершить самоубийство — возможно, даже до наступления вечера".

— Ну и пусть.

"Только одно может вам помочь, а мое жалкое предложение работы к этому не имеет ни малейшего отношения".

— Что же это, по вашему?

"Женщина, которая заменит вам жену".

— Вы сейчас ведете себя, как...

"Отнюдь нет. Побуждения, которыми я сейчас руководствуюсь, чисто практического свойства, мною не двигают ни материальные, ни какие-либо возвышенные соображения. Вы должны найти женщину, которая будет воспринимать и любить вас таким, какой вы есть. В противном случае вы погибнете. Позвольте мне поразмыслить над этим. А вы тем временем постарайтесь взять себя в руки. Дайте мне пять часов. Сами же оставайтесь

здесь и никуда не уходите". Перед дверью плесневой грибок снова расплылся в аморфный пласт протоплазмы, втиснулся в щель под дверью и исчез в коридоре. Мысли его теперь воспринимались уже не столь четко, как раньше. "Как у импортера, перекупщика и посредника, у меня обширные связи в самых различных кругах землян..."

После этого сознание Чака перестало воспринимать даже обрывки мыслей грибка.

Все еще трясущимися от волнения руками, он закурил сигарету. И отошел — отошел как можно дальше — от окна, сел на архаичную софу. И стал ждать.

Было очень трудно разобраться, как следует отнестись к благотворительному предложению слизистого грибка. Чак был озадачен. Неужели этот слизистый грибок в самом деле в состоянии ему помочь? Это казалось невозможным.

Ждать пришлось ровно час.

В дверь квартиры постучали. Это не мог быть возвратившийся грибок с Ганимеда, ибо у него не было ни малейшей физической возможности постучаться. Чак поднялся, прошел к двери и отворил ее.

На пороге стояла вполне земная девушка.

ГЛАВА III

Хотя у нее была тысяча всяких других дел, требующих самого пристального внимания, и все они так или иначе были связаны с новой неоплачиваемой работой в Службе Межпланетного Здравоохранения и Социального обеспечения, доктор Мэри Риттерсдорф выкроила время для решения одного чисто личного вопроса. Наняв ракетное такси она еще раз слетала в Нью-Йорк, в располагавшуюся на Пятой Авеню контору Джерри Фелда, продюсера телешоу Банни Хентмана. Неделю тому назад она передала ему целую кипу самых свежих — и наилучших — сценариев Чака, написанных по заказу ЦРУ. Теперь настало время выяснить, имеет ли ее муж, или вернее, бывший ее муж, шансы на получение работы у Хентмана.

Если Чак не подыщет лучшей работы по собственной инициативе, то за него это сделает она сама. Это ее пря-

мая обязанность, ибо в течение по меньшей мере года, она и ее дети будут полностью зависеть от заработка Чака.

Отпустив такси на крыше, Мэри по входной аппарели спустилась на девяностый этаж, подошла к стеклянной двери, остановилась в нерешительности. Затем она позволила двери пропустить ее внутрь и вошла в приемную кабинета мистера Фелда, где восседала его секретарша — очень хорошенькая, хотя и страшно намазанная, в кофточке из шелка-паутинки в обтяжку. При виде девушки Мэри была явно раздосадована: неужели только из-за того, что бюстгальтеры вышли из употребления, девушка с такой откровенно вызывающей грудью должна угождать нынешней моде? В данном случае необходимость в бюстгальтере диктовалась чисто практическими соображениями, и Мэри, стоя перед письменным столом девушки, остро почувствовала, как щеки ее раскраснелись от неодобрения. И еще искусственное увеличение размеров сосков — это уж слишком!

— Слушаю, — произнесла секретарша, глядя на Мэри сквозь богато украшенный шикарный монокль. При виде холодной сдержанности Мэри, соски на груди у секретарши несколько поникли, как будто такой ледяной прием спугнул их и принудил к смирению.

— Мне хотелось бы встретиться с мистером Фелдом. Я — доктор Мэри Риттерсдорф, у меня очень мало времени. В три часа дня по нью-йоркскому времени я покидаю Землю, отправляясь на лунную базу ТЕРПЛАНа, — она придала тону своего голоса требуемую непререкаемость и убедительность — что-что, но это у нее всегда неплохо получалось.

После довольно продолжительной бюрократической процедуры, выполненной секретаршей, Мэри пропустили.

За имитированным под дуб письменным столом — настоящий дуб перестал существовать лет десять назад — восседал Джерри Фелд перед экраном видеопроектора, с головой погрузившись в работу.

— Одну минутку, доктор Риттерсдорф.

Мэри поудобнее устроилась в кресле, закинула ногу на ногу и закурила.

На миниатюрном телеэкране Банни Хентман разыгрывал эпизод, где он изображал немецкого промышленника, в традиционном двубортном синем костюме, который

объяснял своему совету директоров, как можно использовать в военных целях новые автономные плуги, выпускаемые их картелем. Четыре самоходных плуга по сигналу тревоги соединяются в единый агрегат, который уже больше не просто гигантский плуг, а становятся пусковой ракетной установкой. С сильным немецким акцентом, Банни рассказывал про это величайшее техническое достижение. Глядя на экран Фелд негромко хихикал.

— У меня совсем немного времени, — твердым тоном заявила Мэри.

Фелд неохотно остановил видеокассету и повернулся к ней.

— Я показал Банни сценарии. Они его заинтересовали. Юмор у вашего мужа весьма сдержанный и довольно-таки устарелый, но тем не менее аутентичный. Он то, что когда-то было...

— Я все это знаю, — перебила его Мэри. — Я выслушивала его сценарии в течение многих лет; он всегда старался проверить их прежде всего на мне. — Она часто затягивалась, чувствуя себя в кабинете Фелда напряженно. — Значит, вы полагаете, что Банни мог бы использовать их?

— Мы не сдвинемся с мертвой точки, — сказал Фелд, — пока ваш муж сам не встретится с Банни; бесполезны все попытки вашего...

Дверь кабинета отворилась и вошел Банни Хентман.

Впервые Мэри видела знаменитого телевизионного комика собственной персоной. Ее интересовало, насколько он отличается в реальной жизни от того имиджа, который он создал для публики. В жизни он был, решила Мэри, чуть пониже ростом и куда старше, чем на телеэкране. Значительная часть головы уже облысела... Фактически у Банни был вид крайне озабоченного мелкого деляги по перепродаже всякого хлама из какой-нибудь центрально-европейской страны. Он был не очень чисто выбрит, в помятом костюме, с растрепанными редеющими волосами и — для полноты картины — докуривал огрызок сигары. Но вот глаза его — они были настороженными и в то же время добрыми. Мэри поднялась и стоя глядела на него. Телекамеры не в состоянии были передать силу его взгляда, в котором был не только острый ум, в нем было нечто

большее — понимание, а чего именно, она и сама не знала. И было в нем еще...

Банни окружала некая аура, на нем лежала печать страдания. Лицо, тело, жесты — все, казалось, было пронизано этим страданием. Да, отметила она про себя, вот что можно прочесть в его глазах. Воспоминание о нескончаемой боли. О тех мучениях, что он испытал очень давно, но о которых до сих пор не забыл, — и не забудет до конца дней своих. Как будто его специально заставили страдать, бросив на произвол судьбы, на совершенно чужой для него планете. Неудивительно, что он такой выдающийся комик. Для Банни разыгрывать из себя шута — единственный способ борьбы, способ самоутверждения, в этом проявлялось его сопротивление буквально физической боли. Это была ответная реакция поистине космического масштаба, и притом весьма действенная.

— Бан, — сказал Джерри Фелд, — это доктор Мэри Риттерсдорф; это ее супруг написал программы для роботов, используемых ЦРУ, которые я показывал тебе в четверг на прошлой неделе.

Комик протянул руку, Мэри пожала ее и произнесла:

— Мистер Хентман...

— Пожалуйста, — сделав кислую гримасу, перебил ее комик. — Это мой профессиональный псевдоним. Мое настоящее имя, которое мне дали при рождении, — Лайонсблад Регал. Естественно, мне пришлось его сменить. Ну кто же решится ступить на стезю эстрадного бизнеса, если всякий раз придется его называть "Царственной Львиной Кровью"? Называйте меня Лайонсбладом. Еще лучше — зовите просто Блад. Джер, например, зовет меня Ли-Рог — это знак особой близости. — Все еще продолжая удерживать руку Мэри в своей ладони, он добавил: — И, если есть хоть что-нибудь, что мне нравится в женщине, то это близость.

— Ли-Рог, — сказал Фелд, — это твой театральный код. Ты снова все перепутал.

— Действительно. — Хентман освободил руку Мэри. — Ну, фрау доктор Раттенфенгер...

— Риттерсдорф, — поправила его Мэри.

— Роттенфенгер, — пояснил Фелд, — по-немецки означает крысолов. Послушай, Бан, больше не делай подобной ошибки.

— Извините, — как ни в чем ни бывало произнес комик. — Так вот, фрау доктор Риттельсдоф, придумайте мне какое-нибудь благозвучное имя. Может быть, я им еще воспользуюсь. Страсть как мне нравится обожание красивых женщин; это все еще маленький мальчик во мне. — Он улыбнулся, но тем не менее, лицо его — и в особенности, глаза — все еще продолжали таить в себе страдание уставшего от жизни человека, тягость древнего бремени. Я возьму в штат вашего мужа, если получу возможность время от времени встречаться с вами. Если к тому же он поймет истинную причину заключения контракта, то, что дипломаты называют "секретным протоколом". — Повернувшись к Джерри Фелду, он добавил: — Кому-кому, а тебе хорошо известно, какие неприятности в последнее время доставляют мне мои протоколы.

— Чак находится в убогой комнатенке на Западном Побережье, — сказала Мэри, — Я запишу его адрес. — Она быстро взяла бумагу и ручку и черкнула несколько слов. — Скажите ему, что он вам нужен. Скажите ему...

— Но он мне совершенно не нужен, — спокойно возразил Банни Хентман.

— А вы не смогли бы повидаться с ним лично, мистер Хентман? — осторожно молвила Мэри. — Чак обладает поистине уникальным талантом. Я очень опасаюсь, что, если никто не подтолкнет его...

— Вы опасаетесь, что ваш муж так и не извлечет из своего таланта никакой пользы, верно? Что он закопает его в землю?

— Да, — кивнула Мэри.

— Но ведь это его талант. Ему и решать, что с ним делать.

— Мой муж, — произнесла Мэри, — очень нуждается в помощи. — И кому знать об этом как не мне, — отметила она про себя. Умение понять человека как раз и является сутью моей собственной работы. Чак относится к зависимому инфантильному типу, его все время нужно подталкивать и вести за руку, иначе он вообще не тронется с места. В противном случае он так и сгинет в этой ужасной конуре, в которую он забился. Или выбросится из окна. Это, решила она, единственное, что спасет его, не позволит опуститься на самое дно жизни. Хотя он будет последним, кто признает это.

Пристально глядя на нее, Хентман спросил:

— Так я могу надеяться на заключение с вами так сказать "побочного соглашения"?

— К-какого п-побочного соглашения? — Мэри в недоумении посмотрела в сторону Фелда, но лицо продюсера оставалось бесстрастным, как будто он, подобно черепахе, втянувшей голову в панцирь, напрочь отрешился от ситуации.

— Только о том, чтобы встречаться с вами время от времени, — сказал Хентман. — Не по служебным вопросам.

— Меня здесь не будет. Я собираюсь в ближайшие же дни приступить к работе для ТЕРПЛАНа. Несколько месяцев, если не лет, я проведу в системе Альфы.

— В таком случае плакала работа для вашего мужа.

— Когда вы вылетаете, доктор Риттерсдорф? — спросил Фелд.

— Скоро, — ответила Мэри. — Через четыре дня. Мне еще нужно упаковаться, пристроить детей в...

— Четыре дня, — задумчиво произнес Хентман. Он все еще продолжая оценивающе разглядывать ее с головы до ног. — Вы в разводе со своим мужем? Джерри сказал...

— Да, — сказала Мэри. — Чак уже съехал.

— Поужинайте со мной сегодня вечером, — сказал Хентман. — А я тем временем или загляну на квартиру к вашему мужу, или пошлю к нему кого-нибудь из своего персонала. Мы дадим ему шестинедельный испытательный срок... Привлечем его к составлению сценариев. По рукам?

— Я... не против того, чтобы поужинать с вами, — сказала Мэри, — Вот только...

— Это все, — сказал Хентман. — Только ужин. В любом ресторане по вашему усмотрению на территории Соединенных Штатов. А там уж — как получится... — Он улыбнулся.

* * *

Переправившись в ракетном такси снова на Западное Побережье, в центральную часть Сан-Франциско Мэри проследовала в вагоне городского монорельса. Именно здесь, в самом центре города, размещалось региональное отделение ТЕРПЛАНа, агентства, с которым она вела

переговоры в отношении столь желанной для нее новой работы.

Когда она опускалась в кабине лифта, рядом с нею оказался хорошо одетый, аккуратно подстриженный молодой человек, служащий отдела по связям с общественностью ТЕРПЛАНа, чье имя, как она узнала, было Лоуренс Макри.

— Там ждет целая банда репортеров гомеопрессы, — сказал Макри, — а интересует их вот что. Они постараются получить у вас подтверждение, что этот терапевтический проект является прикрытием для присвоения Землей спутника Альфа-III-М2. Что фактически мы туда направляемся для того, чтобы восстановить колонию, утвердить свои права на нее, расширить ее территорию, а затем отправить туда новых поселенцев.

— Но ведь этот спутник нам принадлежал еще до войны, — удивилась Мэри. — В противном случае, как можно было его использовать для устройства психиатрической лечебницы?

— Верно, — согласился Макри. Они вышли из кабины лифта в коридор. — Однако ни один земной корабль не наведывался туда в течение двадцати пяти лет, и если уж следовать букве закона, то одно это аннулировало наши права на его территорию. Пять лет тому назад спутник получил статус политической и юридической автономии. Тем не менее, если мы там высадимся и восстановим лазарет с техниками, врачами, санитарами, всем остальным, что для этого нужно, мы снова сможем заявить о своих правах на него — если этого не сделали уже альфиане, а они, по всей вероятности, этого не сделали. Они все еще никак не могут оправиться после войны, скорей всего, причина именно в этом. Или они, возможно, произвели обследование спутника и пришли к заключению, что это совсем не то, что им нужно, что экология его слишком чужда для их биологии. Пожалуйста, сюда. — Он открыл перед Мэри дверь, и она, пройдя в нее, обнаружила, что оказалась лицом к лицу с заполнившими комнату репортерами гомеосети. Их было пятнадцать или шестнадцать, некоторые из них были с видеокамерами.

Набрав в легкие побольше воздуху, она прошла к невысокой кафедре, на которую ей показал Макри. Кафедра была оборудована микрофоном.

Макри произнес в микрофон.

— Дамы и господа, перед вами доктор Мэри Риттерсдорф, известный специалист в области психологии супружеских взаимоотношений из Приморского Округа, штат Калифорния, которая, как вам уже известно, добровольно согласилась участвовать в осуществлении данного проекта.

Тотчас же один из репортеров ленивым голосом спросил:

— Доктор Риттерсдорф, как называется этот проект? Проект "Лунатик", так что ли?

Остальные репортеры дружно рассмеялись.

Ответить на этот вопрос взялся Макри.

— "Операция пятьдесят минут" — вот рабочее название, которое мы ему присвоили.

— Что вы собираетесь делать с отловленными придурками, — спросил другой репортер. — Вы, что, просто засунете их под замок, что ли?

На этот раз к микрофону подошла Мэри.

— Сначала мы займемся исследованиями с целью уяснения ситуации. Нам уже известно, что те, кто первоначально были пациентами этого госпиталя, по крайней мере, некоторые из них, а также их потомство — живы. Мы претендуем на то, что знаем, насколько жизнеспособно общество, образованное ими. Я бы предположила, что оно вообще нежизнеспособно, не считая, конечно, минимума, необходимого для простого выживания. Мы попытаемся провести коррегирующую терапию в отношении тех, кому это поможет. Это прежде всего, разумеется, дети. Именно в их судьбе мы заинтересованы в наибольшей степени.

— Когда вы рассчитываете прибыть на Альфу-III-M2, доктор? — спросил кто-то из репортеров. Объективы видеокамер повернулись в сторону Мэри, сервоприводы зашелестели, как крылья далеких птиц.

— Как я полагаю, недели через две, — ответила Мэри.

— Вам за эту работу ничего не платят, доктор, это верно? — не унимался репортер.

— Не платят.

— Вы, значит, не сомневаетесь в том, что проект создан для общественного блага? Это в самом деле очень нужное дело?

— Видите ли, — нерешительно начала Мэри, — проект этот...

— Земля, значит, извлечет пользу из вмешательства в судьбу бывших пациентов госпиталя для душевнобольных? — елейным голосом спросил репортер.

Повернувшись к Макри, Мэри тихим голосом спросила:

— Что им сказать на это?

К микрофону подошел Макри.

— Этот вопрос не входит в сферу компетенции доктора Риттерсдорф. — Она квалифицированный психолог, а не политик и отказывается отвечать на этот вопрос.

Поднялся еще один высокий худой репортер и произнес, явно рисуясь перед остальными:

— А не приходило ли в голову руководству ТЕРПЛАНа просто оставить этот спутник в покое? Отнестись к возникшей на нем культуре точно также, как и следовало бы относиться к любой другой культуре, уважая ее ценности и обычаи?

— Мы, пока что, еще не располагаем достаточно полной информацией — несколько запинаясь, произнесла Мэри. — Возможно, когда мы разузнаем больше... — Здесь она осеклась, явно пребывая в нерешительности. — Но ведь это никакая не субкультура, — выпалила вдруг она, как будто ее прорвало. — У нее нет традиции. Это просто сообщество душевнобольных людей и их потомков, остававшееся в изоляции на протяжении двадцати пяти лет... Слишком большая честь для них называться культурой, сравнивая ее, например, с культурой аборигенов Ганимеда или ИО. Какие ценности могут появиться у случайно образовавшегося сообщества людей, страдающих разнообразными умственными расстройствами? И притом за такой короткий промежуток времени?

— Но вы же сами сказали, — промурлыкал репортер, — что вам пока ничего о них неизвестно. Известно лишь...

К микрофону снова подошел Макри и грубо перебил репортера.

— Если у них в самом деле возникла хоть какая-то стабильная, жизнеспособная культура, мы, конечно, оставим их в покое. Но решающий голос все равно остается за экспертами. Такими, как например, доктор Риттерсдорф, а не за вами, или мной, или американской общественностью. Если уж говорить начистоту, то мы чувствуем, что нет ничего более потенциально взрывоопасного, чем общество, где доминируют психопаты, где параноики

устанавливают ценности, а маниаки контролируют средства информации. Из этого может получиться такое, что никогда не взбредет в голову ни одному нормальному человеку — например, новый фанатичный религиозный культ или параноидальная разрушительность маниакального свойства. Одни эти, пусть хоть и потенциальные возможности, оправдывают наши исследования на Альфе-III-М2. Данный проект своей основной целью считает защиту наших собственных жизней, духовных и нравственных ценностей.

Репортеры гомеоагентств попритихли, до их сознания, очевидно, все-таки дошел смысл сказанного Макри. Под каждым его словом с готовностью подписалась бы и сама Мэри.

Позже, когда она и Макри вышли из зала для представителей прессы, Мэри произнесла:

— Именно это и является подлинной причиной возникновения данного проекта?

— Вы имеете в виду, — сердито сверкнув глазами в ее сторону, сказал Макри, — что мы отправляемся на Альфу-III-М2 только из-за того, что опасаемся последствий социального развития анклава, населенного умственно больными людьми, потому что ненормальное общество, как таковое, вызывает у нас особую тревогу? Как я полагаю, вполне достаточно любой из этих причин, и особенно для вас.

— Значит, мне не положено даже спрашивать о подобных вещах? — Она с нескрываемым удивлением посмотрела на этого молодого, прилизанного чиновника из ТЕРПЛАНа. — От меня требуется только...

— От вас требуется проявить профессиональные способности в терапевтических целях, и не более того. Я ведь не указываю вам, как надо лечить больных. Почему же вы должны говорить мне, как справляться с политической ситуацией? — Он окинул ее холодным взглядом. — Тем не менее, я раскрою вам еще одну цель проекта "Операция пятьдесят минут", о которой вы, возможно, даже и не догадываетесь. Весьма возможно, что за двадцать пять лет общество, состоящее из душевнобольных, могло породить такие технологические идеи, которыми не грех воспользоваться и нам самим. В особенности, такое можно ожидать от страдающих маниакальными психозами, наибо-

лее активной категории лиц с умственными расстройствами. — Он нажал на кнопку вызова лифта. — Я имею в виду их изобретательность. Что, кстати, весьма характерно и для параноиков.

— Не это ли является той причиной, — тут же язвительно заметила Мэри, — по которой Земля никого не посылала туда раньше? Вы хотели проверить, какие идеи могут у них появиться?

Макри на это ничего не ответил и продолжал, улыбаясь, дожидаться лифта. От внимания Мэри не ускользнуло, что вид у него был очень самоуверенный. А это, когда приходится иметь дело с психопатами, существенная ошибка. Возможно, даже роковая.

Прошло не меньше часа, прежде чем Мэри, возвращаясь к себе домой, в Приморский Округ, поняла основное противоречие в позиции правительства. Во-первых, оно решило прозондировать возникшую на Альфе-III-М2 культуру из опасения, что она может оказаться смертельно опасной для Земли, а во-вторых, такое зондирование может оказаться весьма полезным, ибо позволит установить, не породила ли эта культура нечто такое, чем можно воспользоваться. Однако еще почти столетие тому назад Фрейд установил, насколько фальшивой является двойная логика: в действительности каждая из этих посылок полностью опровергает другую. Правительство просто не смогло бы таким образом убить сразу двух зайцев.

Психоанализ показывает, что в общем случае, когда приводятся две взаимоотрицающие причины какого-либо действия, подлинным, глубинным мотивом совершения этого действия не является ни одна из них, а есть еще некий третий мотив, который, в данном случае, целый правительственный орган, — даже не осознает, готовясь совершить это действие.

И она серьезно задумалась над тем, что же является тем реальным мотивом, который побуждает ТЕРПЛАН организовать экспедицию на Альфу-III-М2.

В любом случае проект, для осуществления которого она добровольно предложила свои услуги, больше уже не казался ей сугубо альтруистическим, свободным от скрытых корыстных целей.

Что бы ни было подлинным мотивом, обусловливающим именно такое поведение правительства, интуитивно

Мэри чувствовала, что предпринимаемые им действия были целесообразными, вызванными суровой необходимостью и преследовали чисто прагматические цели.

И в довершение ко всему этому, интуиция подсказывала Мэри, что, по всей вероятности, она так никогда и не узнает, что это за мотив.

* * *

Мэри была всецело поглощена упаковкой целой кипы свитеров, когда неожиданно поняла, что она не одна в комнате. В дверях стояли двое мужчин. Она быстро обернулась, выпрямилась во весь рост.

— Где мистер Риттерсдорф? — спросил посетитель постарше. С этими словами он быстро провел перед ее глазами черной книжечкой служебного удостоверения. Эти двое, сообразила она, были из учреждения, на которое работал ее муж, из сан-францисского филиала ЦРУ.

— Он съехал отсюда, — сказала она. — Я дам вам его адрес.

— К нам поступила информация, — сказал тот, что был постарше, — от неопознанного осведомителя о том, что ваш муж, возможно, замышляет совершить самоубийство.

— Ничего странного, он думает об этом постоянно, — спокойно заметила Мэри, записывая адрес трущобы, в которой угораздило поселиться Чака. — Я бы не очень-то за него тревожилась — он вечно болен, но все никак не загнется.

Агент постарше бросил в ее сторону откровенно враждебный взгляд.

— Насколько я знаю, вы разводитесь с мистером Риттерсдорфом?

— Да, это так, хотя вас это нисколько не касается. — Она одарила его наигранной, профессиональной улыбкой. — Я могу теперь продолжать собирать свои вещи?

— Наша организация, — сказал агент ЦРУ, — старается следить за безопасностью своих сотрудников. Если ваш муж все-таки совершит самоубийство, будет назначено расследование с целью выяснения вашей причастности к этому. И с учетом вашего статуса в качестве советника по вопросам брачных взаимоотношений, результаты расс-

ледования могут оказаться для вас в определенной степени компрометирующими. Вы со мной согласны?

Мэри ответила не сразу.

— Да, я полагаю, что это так.

Теперь заговорил агент помоложе, подстриженный ежиком.

— Считайте это всего лишь неофициальным предостережением. Будьте благоразумны, миссис Риттерсдорф; не слишком налегайте на своего мужа. Вы поняли, что я имею в виду? — глаза его были безжизненными, безразличными.

Мэри кивнула. И вздрогнула.

— А тем временем, — сказал агент постарше, — если он здесь объявится, передайте ему, чтобы он позвонил нам. Он взял отпуск на три дня, но нам хотелось бы переговорить с ним.

После этого оба агента вышли из комнаты и направились к входной двери дома.

Облегченно вздохнув после их ухода, Мэри снова принялась за упаковку.

Не ЦРУ советовать, как мне поступать, твердо решила она. Я скажу мужу все, что сочту нужным, и буду поступать так, как сама того пожелаю. А они не смогут защитить тебя, Чак, сказала она самой себе, вынимая из шкафа один свитер за другим, и яростно запихивая их в чемодан. На самом деле, отметила она про себя, из-за того, что ты вовлек в наши дела посторонних, тебе будет только хуже, так что берегись!

Смех да и только, ну какой же ты незадачливый все же плутишка! Будучи трусом, каких мало, ты еще вздумал припугнуть меня, подослав своих сослуживцев. Ты-то сам, может быть, их и побаиваешься, но вот я — ну нисколечко. Они всего-навсего тупые фараоны с заплывшими жиром мозгами.

Все еще продолжая собираться, она мысленно проиграла вариант со звонком своему адвокату. Может быть, сообщить ему о том, что ЦРУ прибегло к тактике давления. Нет, решила Мэри, лучше оставить это на потом. Надо подождать того дня, когда все необходимые для развода документы будут переданы судье Эриззолара. Вот тогда-то я и выложу это в качестве решающего довода, который раскроет глаза, что за жизнь у меня была с таким мужем.

Постоянные угрозы полиции. А когда я решила найти для него приличную работу, вдобавок ко всему, ко мне начали приставать с неприличными предложениями.

Ликуя в душе, она запихнула в чемодан последний свитер, опустила крышку и быстрым, ловким движением пальцев защелкнула замок.

Бедняга Чак, сказала она себе, у тебя не будет никаких шансов, когда я приволоку тебя в суд. Ты даже слова не успеешь сказать, а расплачиваться тебе придется всю оставшуюся жизнь. Сколько бы ты еще не прожил, дорогой, ты никогда по-настоящему от меня не освободишься; я всегда буду тебе чего-нибудь стоить.

Она начала осторожно складывать свои многочисленные платья, упаковывая их в огромный саквояж со специальными ручками.

Это будет тебе стоить больше, чем ты сможешь заплатить, окончательно решила она.

ГЛАВА IV

— Меня зовут Джоан Триест, — тихим, нерешительным голосом представилась стоявшая в дверях девушка. — Лорд Бегущий Моллюск сообщил мне, что вы только-только въехали сюда. — Взгляд устремленных мимо Чака глаз блуждал по квартире. — Вы еще не успели даже завезти сюда свои вещи, не так ли? Может быть, вы нуждаетесь в помощи? Я могла бы повесить занавески и вымыть полки на кухне, если вы не возражаете.

— Спасибо, — сказал Чак, — но у меня все в порядке. — Его до глубины души тронул поступок слизистого грибка, приславшего сюда эту девушку.

Ей не было, как показалось Чаку, даже двадцати лет. Волосы у нее были туго заплетены в толстую косу, причем самого заурядного коричневого цвета, без какого-либо оттенка. У девушки была очень белая кожа и довольно бледное лицо. И, как показалось Чаку, шея чуточку длинновата. Фигуры же, стоящей упоминания, у нее не было вообще, хотя девушка, по крайней мере, была стройной. На Джоан Триест были темные, туго облегающие ноги, лосины и простая ситцевая рубашка мужского пок-

роя, на ногах — тапочки; насколько он мог судить, на ней, как и диктовала мода, не было бюстгальтера, но соски ее просматривались под белым ситцем рубашки всего лишь непримечательными плоскими кружками; то ли недостаток средств не позволял подвергнуть их популярной ныне операции расширения, то ли она просто не удосуживалась это сделать. И тогда ему пришло в голову, что она довольно бедна. Возможно, студентка.

— Лорд Бегущий Моллюск, — пояснила девушка, — родом из Ганимеда. Он живет по коридору напротив. — Она слегка улыбнулась. Чак увидел, что у нее очень красивые, ровные белоснежные зубы, все как на подбор правильной формы и хорошо ухоженные. Они были фактически идеальными.

— Да, — сказал Чак. — Он перетек сюда через щель под дверью примерно час тому назад. Он обещал прислать кого-нибудь. По-видимому, он посчитал...

— Вы действительно пытались покончить с собой?

После некоторой паузы он только пожал плечами.

— Слизистый грибок подумал, что да.

— Значит, так оно и было на самом деле. Я даже сейчас могу подтвердить это. Я вижу, что это так. — Она прошла мимо Чака в квартиру. — Я... сами понимаете. Пси.

— Какого рода пси? — Он оставил дверь в коридор открытой и пошел за пачкой "Пэлл-Мелл", чтобы закурить. — Пси разные бывают. От тех, что в состоянии двигать горами, до тех, что умеют только...

— У меня, — не дала договорить ему Джоан, — способности самые никудышные. — Повернувшись к Чаку, она отвернула угол воротника рубашки. — Видите мой значок Действительного члена корпорации экстрасенсов Америки? А могу я вот что — я способна заставить время повернуть вспять. На очень ограниченной площади, ну, скажем, метра три на четыре, как, примерно, размеры вашей гостиной. А по длительности — до пяти минут. — Она улыбнулась, и он снова изумился ее зубам; они полностью преобразовывали ее лицо, делали его красивым. Пока она улыбалась, ею можно было прямо-таки любоваться. Как показалось Чаку, о ней говорило нечто существенное, заключавшееся в том, что красота ее исходила изнутри, свидетельствуя о красоте души. Внутренне она была просто

прекрасна, и Чак понял, с годами, по мере ее созревания как женщины, эта красота будет постепенно больше проявляться внешне. К тому времени, когда ей будет лет тридцать — тридцать пять, она станет ослепительно прекрасной. А сейчас она все еще ребенок.

— Это полезный талант? — поинтересовался Чак.

— Использование его очень ограничено. — Примостившись на валике архаичной софы, она заложила пальцы за края карманов, туго облегавших ее бедра лосин, и пояснила: — Я работаю при департаменте полиции округа Росс; меня направляют в места наиболее тяжелых уличных происшествий и — вы будете смеяться, но это помогает — я поворачиваю время вспять к моменту, предшествовавшему несчастью, или, если я опоздала, если прошло более пяти минут с момента происшествия до моего появления, то иногда мне все-таки удается вернуть к жизни человека, который скончался не сразу, а умер как раз перед моим появлением. Понятно?

— Понятно, — сказал Чак.

— Платят за это неважнецки. И что еще хуже, мне постоянно приходится быть начеку, ожидая вызова, все двадцать четыре часа в сутки. В мою квартиру передается уведомление, и я устремляюсь на скоростной ракетной "блохе" к месту происшествия. — Она повернула голову и показала на правое ухо. Чак увидел небольшой цилиндрик, вставленный в мочку уха, и понял, что это приемник полицейской информационной сети. — Я всегда нахожусь в эфире и не имею права находиться более, чем в нескольких секундах бега от транспортного средства. Мне не возбраняется посещать рестораны, театры, ходить в гости, но...

— Что же, — сказал Чак, — может быть, когда-нибудь вам и удастся спасти мне жизнь. — Если бы я выпрыгнул из окна, подумалось ему, вы могли бы силком вернуть меня к жизни. Вот уже великое одолжение...

— Я спасла много жизней. — Джоан протянула руку. — Можно мне сигарету?

Он протянул ей сигарету, дал прикурить, испытывая, как обычно, чувство вины за свою промашку.

— А в чем состоит ваша работа? — спросила Джоан.

Весьма неохотно, но не потому, что это составляло какую-то тайну, только из-за того, что работа его имела

ничтожно низкий статус в глазах общества, Чак описал свою деятельность в ЦРУ. Джоан Триест внимательно его слушала, ни разу не перебив.

— Значит, вы помогаете нашему правительству — восхищенно улыбаясь, сказала девушка. — Как это замечательно!

Польщенный такой оценкой, Чак произнес, скромно опустив глаза:

— Спасибо.

— Но ведь это именно так! Подумать только — даже в это самое мгновение сотни симулакрумов по всему коммунистическому миру останавливают прохожих на улицах или в джунглях и повторяют ваши слова... — Глаза девушки сияли. — А все, что я делаю, это помогаю департаменту полиции округа Росс.

— Существует закон, — сказал Чак, — который я называю Третьим Законом Риттерсдорфа или законом ослабляющихся ответных реакций, который гласит, что чем дольше занимаешься какой-либо работой, тем менее и менее важной она кажется. — Он улыбнулся девушке. Было так легко улыбаться при виде таких лучистых глаз, таких сверкающих белизной зубов. Мало-помалу забывались еще совсем недавно казавшиеся невыносимыми тяготы, проходило то настроение полнейшей безысходности, что владело им всего лишь полчаса — час тому назад.

Джоан покинула столь полюбившийся ей валик и стала бродить по квартире.

— Вы собираетесь привезти сюда все свои личные вещи? Или вы намерены жить, ничего не меняя? Я помогу вам навести кое-какой порядок, и Лорд Бегущий Моллюск тоже, по мере своих возможностей. А чуть дальше по коридору живет представитель жидкой металлической жизни с Юпитера по имени Эдгар; последнее время он находится в спячке, но когда пробудится, то тоже захочет помочь. В квартире слева от вас живет птицемаг с Марса. Знаете, с такой цветастой шевелюрой... у него нет рук, но он может перемещать предметы с помощью психокинеза. Он тоже захочет помочь, правда, пока что он высиживает яйцо.

— Боже, — взмолился Чак. — Что за полигенетический дом! Он был немало ошарашен услышанным.

— А этажом ниже, — продолжала девушка, — живет ленивец с Каллисто; он обвился вокруг трехрожкового торшера — стандартной принадлежности всех здешних квартир... образца 1960 года. Он проснется, когда сядет солнце; только тогда она выходит и отправляется покупать пищу. А со слизистым плесневым грибком вы уже познакомились. — Она энергично, но не очень умело, затянулась сигаретой. — Мне нравится это место — каких только форм жизни здесь не встретишь. До вас в этой квартире жил венерианский лишайник. Как-то я даже спасла ему жизнь. Он весь высох... Ему приходится все время заботиться о сохранении влаги на поверхности тела. А оказалось, что здешний климат, в Приморском округе, слишком сухой для него — и в итоге он переселился в Орегон, где постоянно идут дожди. — Она замолчала и внимательно посмотрела на Чака. — У вас такой вид, будто вас что-то очень тяготит.

— Ничего особенного. Все мои неприятности скорее воображаемые. Это пройдет. — Он задумался. Дело в том, что, если бы я хоть немножко подумал, то никогда бы не связался со своей теперешней женой.

— Как зовут вашу жену?

— Мэри, — удивленно ответил Чак.

— Не убивайтесь из-за того, что оставили ее, — сказала Джоан. — Через несколько месяцев или даже недель вы снова станете ощущать себя единым целым. А сейчас у вас такое ощущение, будто вы — всего лишь половинка организма, который неожиданно распался надвое. Расщепление всегда доставляет немалые муки. Я это знаю по опыту протоплазмы, которая проживала здесь... она так страдала всякий раз, когда расщеплялась, но ей вынужденно приходилось расщепляться, ибо без этого нельзя было расти.

— Насколько я понимаю, всякое развитие сопряжено со страданием. — Подойдя к окну, он еще раз глянул вниз на потоки пешеходов, автомобилей и ракетных "блох". Он был так близок к тому...

— Здесь очень неплохо жить, — сказала Джоан. — Уж кто-кто, а я в этом разбираюсь. Мне приходилось жить во многих местах. Разумеется, в департаменте полиции округа Росс прекрасно осведомлены о том, что представляет из себя это здание, — честно призналась девушка. — Оно до-

ставляет немало хлопот. Мелкие кражи, стычки, один раз здесь произошло даже убийство. Здесь не очень чисто... Да вы и сами это видите.

— И все же...

— И все же я убеждена в том, что вам следует остаться. Вы здесь не будете одиноки. Особенно по ночам, когда резко повышается активность инопланетян, в чем вы вскоре удостоверитесь. И вам очень повезло в том, что подружились с Лордом Бегущим Моллюском — он помог очень многим. Уроженцы Ганимеда обладают тем даром, который Святой Павел назвал "каритас"... И не забывайте, Святой Павел сказал, что "каритас" является величайшей из добродетелей. — Она задумалась на мгновенье. — Современный эквивалент этого слова будет, как мне кажется, "сопереживание".

Дверь квартиры открылась. Чак мгновенно повернулся лицом к двери. И увидел двоих мужчин, с которыми был очень хорошо знаком. Своего босса, Джека Элвуда, и коллегу по составлению сценариев Пита Петри. При виде Чака оба они, судя по всему, испытали явное облегчение.

— Черт побери, — воскликнул Элвуд, — мы уже думали, что опоздали. Мы остановились у вашего дома, решив, что вы можете быть там.

Обращаясь к Джеку Элвуду, Джоан Триест холодно произнесла:

— Я из департамента полиции округа Росс. Разрешите взглянуть на ваши документы?

Элвуд и Петри предъявили свои удостоверения, затем подошли к Чаку.

— Что здесь делает местная полиция? — спросил Элвуд.

— Приятельница, — ответил Чак.

Элвуд только пожал плечами. По-видимому, он не собирался требовать более подробных объяснений.

— А вы не могли подыскать себе квартиру получше? — Он обвел взглядом комнату. — Здесь буквально воняет!

— Это только временно, — сказал Чак, чувствуя себя очень неуютно.

— Не опускайтесь, — предупредил его Пит Петри. — Теперь, что касается вашего отпуска. Руководство сочло необходимым отозвать вас. Оно считает, что вам следует быть на работе. Ради вашего же собственного блага. Вам

нельзя оставаться одному, предаваясь всяким ненужным мыслям. — Он искоса поглядел на Джоан Триест, явно пытаясь выяснить, насколько ее появление здесь связано с попыткой самоубийства. Никто, однако, не просветил его. — Итак, вы возвращаетесь в контору вместе с нами? Работы невпроворот. Возможно, вам придется пробыть там всю ночь.

— Спасибо, — сказал Чак. — Но мне еще нужно перевезти сюда свои вещи. Нужно привести квартиру в порядок, создать наиболее пристойные условия для жизни в ней. — Он хотел, чтобы его оставили в покое, как бы ни ценил он искренность намерений своих коллег. Чисто инстинктивным было желание уползти подальше, забиться куда-то, спрятаться. К этому взывало все его естество.

— Я могу остаться здесь на какое-то время, — сказала Джоан Триест, обращаясь к паре из ЦРУ. — Пока не получу экстренный вызов. Обычно такое происходит в пять часов, когда уличное движение особенно интенсивно. Разъезд по домам после работы. А до тех пор...

— Послушайте, — бесцеремонно перебил ее Чак.

Все трое повернулись в его сторону, вопросительно глядя на него.

— Если кто-то в самом деле желает совершить самоубийство, — сказал Чак, — вам его никак не остановить. Вы можете, пожалуй, только несколько отсрочить это. Не исключено, что пси, вроде находящейся здесь Джоан, может ему воспрепятствовать, вернув к жизни. Но даже если он и отложит осуществление этого на какое-то время, даже если его и насильно возвратят ко времени, предшествующему попытке самоубийства, он все равно придумает какой-нибудь способ, как совершить это еще раз. Так что оставьте меня в покое. — У него был очень усталый вид. — На четыре часа у меня назначена встреча с адвокатом. Мне еще многое нужно сделать. Мне совсем не с руки праздно стоять и болтать.

Глянув на часы, Элвуд предложил:

— Я отвезу вас к адвокату. Мне это ничего не стоит. — Он сделал отрывистый жест в сторону Петри.

— Возможно, я еще встречусь с вами, — сказал Чак, обращаясь к Джоан. Он чувствовал себя совершенно разбитым, и ему все уже было безразлично. — Спасибо за

все, — произнес он нерешительно, не понимая, за что, собственно, он должен ее благодарить.

Умышленно делая ударение на каждом слове, Джоан Триест произнесла:

— Лорд Бегущий Моллюск находится в своей квартире и может улавливать ваши мысли; если вы снова попытаетесь совершить самоубийство, он почувствует это и воспрепятствует. Так что, если вы все-таки не оставили своих намерений поступить именно так...

— Ладно, — ответил Чак. — Я не стану делать этого здесь. — Он прошел к двери вместе с Элвудом и Петри. Джоан последовала за ними.

При выходе в коридор он обратил внимание на то, что дверь в квартиру слизистого грибка была открыта; по поверхности огромной бесформенной массы пробежала легкая волнистая рябь в знак приветствия.

— Вам тоже спасибо, — сказал Чак тоном, в котором не составляло особого труда уловить иронию, а затем последовал дальше по коридору вместе с двумя коллегами из ЦРУ.

* * *

Когда они летели в гиролете в контору Ната Уайльдера в Сан-Франциско, Джек Элвуд сказал:

— Это "Операция пятьдесят минут" — мы официально попросили разрешения включить нашего сотрудника в состав экспедиции. Наш запрос, естественно, был удовлетворен. — Он задумчиво поглядел на Чака. — Мы полагаем, что можем использовать в данном случае симулакрума.

Чак Риттерсдорф рассеянно кивнул. Использование симулакрумов в проектах, таящих в себе потенциальную угрозу со стороны враждебно настроенных элементов, было широко распространенным приемом. На операции, проводимые ЦРУ, выделялись весьма скудные средства, и руководству совсем не улыбалось терять своих людей.

— Фактически, — сказал Элвуд, — симулакрума уже изготовил для нас завод фирмы "Дженерал Дайнемикс" в Пало-Альто — он готов и находится у нас в конторе. Не хочешь ли на него взглянуть? — Он краем глаза заглянул в маленький блокнотик, который извлек из внутреннего кармана пальто. — Зовут его Дэниел Мэйджбум. Двадцать

шесть лет. Англосакс. Окончил Стэнфорд, имеет степень магистра науковедения. Преподавал год в университете в Сан-Хосе, затем поступил на работу в ЦРУ. Это то, что мы скажем другим участникам проекта; только мы одни будем знать, что это симулакрум, собирающий информацию для нас. И все же мы пока не решили, кого поставить в качестве оператора. Джонстона, что ли?

— Этого кретина? — удивился Чак. До определенной степени симулакрум мог действовать вполне самостоятельно, но участвуя в таком нетрадиционном проекте, он должен принимать слишком много решений. Оставленный без попечения Дэн Мэйджбум быстро разоблачит себя. Он будет нормально ходить и говорить избитые фразы по всем правилам грамматики, но когда настанет время принимать ответственные решения, — вот тогда хороший оператор, сидя в полной безопасности в подвале здания сан-францисского филиала ЦРУ, возьмет управление им на себя.

Когда они припарковались на верхней площадке здания, в котором находилась контора Ната Уайльдера, Элвуд задумчиво произнес:

— Я вот о чем подумал, Чак. А ты сам не хотел бы поработать с Дэнни? Джонстон, и в этом ты совершенно прав, не самый лучший оператор.

Чак, застигнутый врасплох, удивленно поднял глаза на Элвуда.

— С чего это? Это совсем не моя сфера. — В ЦРУ имеется особый контингент операторов, специально обученных для работы с симулакрумами.

— Это — наш подарок тебе, — медленно отчеканил Элвуд, глядя на воздушное движение, окутавшее небо над городом подобно густому слою смога. — Таким образом ты мог бы оказаться, так сказать, бок о бок со своей супругой.

— Меня такая перспектива совершенно не вдохновляет, — поразмыслив немного, произнес Чак.

— Тогда хотя бы для того, чтобы следить за ее поведением.

— Чего это ради? — Он ощутил внезапный гнев.

— Давайте будет реалистами, — сказал Элвуд. — Для экстрасенсов из ЦРУ не составило особого труда определить, что ты до сих пор ее любишь. А нам нужен оператор, который мог бы поддерживать непрерывный контакт

с Дэном Мэйджбумом. В течение нескольких недель писать вместо тебя сценарии сможет Петри. Попробуй, возьми посмотри, нравится ли тебе такая работа, а затем, если она тебе окажется не по нраву, ты всегда сможешь бросить ее и вернуться к милым сердцу сценариям. Боже, ты ведь программируешь симулакрумов вот уже столько лет; готов поспорить, что сможешь управляться с ними как бог. И ты отправишься на том же корабле, что и Мэри, вместе с ней высадишься на Альфе-III-М2...

— Нет, — повторил Чак, после чего открыл дверцу кабины и вышел на бетон площадки. — Я загляну к вам позже, спасибо, что меня подбросили.

— Ты отдаешь себе отчет в том, — сказал Элвуд, — что я мог бы просто приказать тебе принять на себя дистанционное управление симулакрумами. Я бы так и поступил, если бы счел, что это жизненно необходимо для твоего же собственного блага. Так, скорее всего, и есть на самом деле. Вот что, я сделаю так — затребую у ФБР досье на твою жену и внимательно с ним ознакомлюсь. В зависимости от того, что она из себя представляет... — он сделал неопределенный жест рукой. — На основании этого я и приму окончательное решение.

— А каким же человеком должна она быть, — возмутился Чак, — чтобы я присматривал за ней глазами симулакрума ЦРУ?

— Женщиной, стоящей того, чтобы ты к ней вернулся, — ответил Элвуд и захлопнул дверцу кабины. Петри включил двигатель и гиролет взмыл в предвечернее калифорнийское небо. Задержавшись на какое-то время на крыше, Чак проводил его взглядом.

Мышление в стиле ЦРУ, язвительно заметил он про себя. Что же, придется теперь привыкать и к этому.

Но в одном Элвуд все-таки был прав. Он действительно запрограммировал очень многих симулакрумов, умышленно делая из них краснобаев, способных убеждать чем угодно. Если он возьмет на себя дистанционное управление, он сможет не только успешно справиться с Дэном Мэйджбумом или как еще там его называют; он сможет — и эта мысль заставила его задержаться на крыше, — он сможет превратить симулакрума в тончайший инструмент — автомат, который мог бы управлять, подчинять своей воле и даже, да-да, даже морально развращать всех, находящихся

рядом с ним. Сам он, Чак Риттерсдорф, не мог бы быть таким изощренным; только в своем искусстве он был подлинным мастером.

Дэн Мэйджбум, в руках Чака, мог бы достичь очень многого во взаимоотношениях с Мэри Риттерсдорф. И никто об этом не знал лучше, чем его босс, Джек Элвуд. Неудивительно, что именно Элвуд и предложил это.

Но в этом было и нечто потенциально недоброе, даже зловещее, что отталкивало Чака. Он съежился при мысли об этом, интуитивно ощущая непорядочность такого подхода.

И все же, он не мог так просто, походя, отвергнуть столь заманчивое предложение; все вокруг — сама жизнь, существование на Земле — было далеко не таким уж безупречно честным и искренним.

Решение, скорее всего, состояло в том, чтобы дистанционный контроль над симулакрумом взял на себя кто-нибудь, на кого он мог положиться. Петри, например. Кто-нибудь, кто смог бы действовать при этом в его интересах.

И тогда в голову пришла мысль — а в чем же собственно состоят мои интересы?

Погруженный в раздумья, он машинально, ничего не замечая вокруг, начал спускаться по входной рампе. Потому, что еще одна мысль как-то совершенно незаметно проникла в его сознание, нечто, самым коренным образом отличающееся от всего того, что предлагал его босс Джек Элвуд.

Вот о чем он задумался: есть только одно, чего можно достичь в сложившихся обстоятельствах. Симулакрум ЦРУ, находящийся практически все время рядом с Мэри на далеком спутнике планеты, вращающейся вокруг совсем иной звезды... Среди страдающих всевозможными психозами членов столь же свихнувшегося общества. При таких исключительных обстоятельствах может произойти нечто совсем уж неожиданное.

Подобную мысль он еще не мог обсудить с кем бы то ни было; по сути, он понял, что ему трудно четко сформулировать ее даже самому себе. Тем не менее, здесь были свои совершенно очевидные преимущества перед самоубийством, а он почти что преуспел в этом.

При таких обстоятельствах я вполне мог бы убить ее, сказал он себе. С помощью творения ЦРУ, вернее "Дже-

нерал Дайнэмикс". Юридически у меня были бы весьма неплохие шансы на то, чтобы отвести всякие обвинения, поскольку симулакрум, управляемый на таком расстоянии, вынужден многое предпринимать по своей инициативе; его автономные цепи часто вырабатывают решения, приоритет которых в результате оказывается выше приоритета инструкций. В суде я всегда смогу оправдаться, сославшись на то, что симулакрум вышел из повиновения и действовал по собственной воле; и я могу подобрать бесчисленное количество различных актов, протоколов и других чисто технических документов, неопровержимо доказывающих, что симулакрумы частенько такое откалывают... Вся история деятельности ЦРУ полным-полна таких недоразумений и провалов в критических ситуациях.

К тому же все бремя доказательств того, что это именно я давал соответствующие инструкции симулакруму, ляжет на сторону обвинения.

Он подошел к двери в контору Ната Уайльдера; она отворилась и он вошел, все еще погруженный в раздумья.

Пришедшая так неожиданно в голову идея в равной степени могла оказаться как очень неплохой, так и никуда не годной. Достоинства ее можно было оспорить — хотя бы с точки зрения нравственных норм, не говоря уже о чисто практических моментах. Но, в любом случае, это была такого рода мысль, которая единожды зародившись, уже не забывается, как "идея-фикс" так глубоко укореняется в сознании, что ее уже не в силах отогнать.

Подобное убийство, разумеется, никоим образом, даже теоретически, не могло бы стать "идеальным преступлением". На него тотчас же падет подозрение; окружной или федеральный следователь — кто бы ни проводил расследование по делам, подобным этому — догадается и притом очень быстро, что произошло на самом деле. Как и репортеры гомеоагентств, среди которых немало обладающих самыми проницательными умами во всех Соединенных Штатах. Не подозревать что-либо и доказать это — вещи абсолютно разные.

И еще до известной степени он мог бы прикрываться плотной завесой сверхсекретности, которой постоянно окутана деятельность ЦРУ.

Между Землей и системой Альфы, больше трех световых лет. Расстояние поистине невообразимое, слишком

большое, при обычных обстоятельствах, чтобы совершить столь тяжкое преступление. Многочисленные искажения электромагнитных сигналов, возникающих при их прохождении через гиперпространство, могут вполне обоснованно учитываться как постоянно действующие факторы. Маломальски толковый адвокат может только из этого извлечь совершенно неопровержимые доводы в пользу своего подзащитного.

А Нат Уайльдер как раз и был таким адвокатом.

ГЛАВА V

Тем вечером, после того, как Чак пообедал в ресторане "Голубой Лис", он позвонил домой своему боссу Джеку Элвуду.

— Мне хочется взглянуть на создание, которое вы называете Дэном Мэйджбумом, — осторожно сказал он.

На небольшом экранчике видеофона лицо босса расплылось в улыбке.

— Вот и прекрасно. Нет проблем — возвращайся в захудалую конуру, где ты поселился, а я доставлю туда Дэна в "блохе". Он здесь, у меня дома. Моет посуду на кухне. Что заставило тебя принять решение?

— Да, в общем-то, ничего определенного, — сказал Чак и дал отбой.

Вечером, когда включилось дряхлое, скрытое освещение, квартира, в которую он вернулся после разговора с Элвудом, произвела на него еще более удручающее впечатление. Тяжко вздохнув, он присел и стал дожидаться Дэна.

И почти сразу же услышал голос в коридоре, голос мужчины, справлявшегося о нем. А затем в его сознании сформировались мысли слизистого грибка с Ганимеда.

"Мистер Риттерсдорф, в коридоре какой-то джентльмен разыскивает вас. Пожалуйста, откройте дверь и пригласите его".

Чак подошел к двери и отворил ее. В коридоре стоял мужчина средних лет, невысокий, с выпирающим под пиджаком старомодного костюма брюшком.

— Это вы Риттерсдорф? — сердито спросил мужчина. — Тьфу, ну и развалина! Полным-полно всяких кошмарных инопланетян — как же могло случиться, что сюда забрался жить землянин? — Он вытер носовым платком раскрасневшееся, лоснящееся от пота лицо. — Я — Банни Хентман. Вы ведь сценарист, верно? Или я все перепутал?

— Я — составитель программ для симулакрумов, — сказал Чак. Это, разумеется, затея Мэри; она хочет быть уверенной в том, что у него будет высокий доход, достаточный для ее содержания.

— Как это вы не узнали меня? — ворчливым тоном произнес Хентман. — Разве я не знаменит? Или, может быть, вы не включаете телевизор? — Даже не пытаясь скрыть свое раздражение, он с яростью выпускал все новые и новые клубы сигарного дыма. — Итак, я здесь. Я здесь. Хотите работать для меня или нет? Послушайте-ка, Риттерсдорф, — я не привык долго упрашивать. Но ваша стряпня совсем недурна. Должен это признать. А где же ваша гостиная? Или мы так и будем стоять в коридоре? — Он увидел через полуоткрытую дверь квартиру Чака и сразу же сделал шаг вперед, прошел мимо Чака и исчез из вида.

Быстро соображая на ходу, Чак поспешил вслед за ним. Очевидно, от Хентмана будет нелегко избавиться. Но, по сути дела, он ничего не терял от его присутствия. Это даже станет прекрасной проверкой, насколько хорошо сработан симулакрум Дэн Мэйджбум.

— Вы понимаете, — сказал он Хентману, затворив за собой входную дверь, — я не так уж активно домогаюсь этой работы.

— Верно, верно, — закивал Хентман. — Я знаю. Вы — патриот, вам нравится работа по снаряжению комплектов "Я — шпион". Послушайте-ка, — он указал пальцем в сторону Чака, — я в состоянии платить вам втрое больше, чем они. И у вас будет куда большая свобода выбора тем. Хотя, естественно, за мной последнее слово, какими материалами пользоваться и как наиболее точно выразить ту или иную идею. — Он с ужасом глядел на обстановку квартиры Чака. — Вот это да! Напоминает мое детство в Бронксе. Вот что я хочу сказать — это и есть настоящая бедность. Что же это с вами стряслось, неужто жена обчистила вас до нитки в уплату за согласие на развод? — Глаза его,

такие умные и полные сострадания, вспыхнули на мгновенье. — М-да, в самом деле вы дошли до ручки. Я знаю это по себе. Три раза разводился, и всякий раз это обходилось чертовски недешево. Закон всегда на стороне женщины. Вот ваша супруга — она весьма привлекательная женщина, но... — Он сделал неопределенный жест рукой. — Сам не пойму. Какая-то она холодная. Вы понимаете, что я имею в виду? Слишком рассудительная. Не завидую вам. Когда имеешь дело с такой женщиной, то хочется быть уверенным, что не последует никаких юридических подвохов с ее стороны. Вы понимаете, что я имею в виду — хочется ограничиться обычной любовной связью без официальных документов. — Он изучающе посмотрел на Чака. — Но вы относитесь к тому типу мужчин, которые женятся. Я в состоянии это понять. Вы стараетесь вести честную игру. Женщина же, такая, как она, способна топтать вас обеими ногами. И делать вас более плоским, чем задница червя.

Раздался стук в дверь. И в то же мгновенье в сознании Чака снова сформировались мысли слизистого плесневого грибка с Ганимеда, Лорда Бегущего Моллюска.

"Второй посетитель, мистер Риттерсдорф. На этот раз гораздо моложе".

— Прошу прощения, — сказал Чак Банни Хентману, прошел к двери и отворил ее.

— Кто это здесь занимается телепатией? — пробурчал сердито Хентман у него за спиной.

При виде Чака молодой человек с энергичным лицом, очень приятной наружности и безукоризненно одетый по самой последней моде от "Братьев Хардинг", произнес:

— Мистер Риттерсдорф? Меня зову Дэниел Мэйджбум. Мистер Элвуд просил меня зайти к вам.

Это была в самом деле хорошая работа — он ни за что не догадался бы, не знай об этом заранее, что перед ним стоит симулакрум. Поняв это, Чак пришел в неописуемый восторг.

— Пожалуйста, — сказал он, — проходите. — И пропустил симулакрума в свою убогую квартиру. — Мистер Мэйджбум, это знаменитый телевизионный комик Банни Хентман. Узнали? Ох-ха-ха, бум-бум-тарабумбум, тот самый Хентман, который выбегает на сцену, вырядившись

огромным кроликом с глазами, глядящими в разные стороны, и хлопающими ушами.

— Весьма польщен, — произнес Мэйджбум, протягивая руку. Гости Чака обменялись рукопожатиями, одновременно оценивающе приглядываясь друг к другу. — Я много раз смотрел ваше шоу. Настоящее пиршество для гурманов, наполненное весельем и смехом.

— Да, да, — только и пробормотал Банни Хентман, сердито глядя на Чака.

— Дэн, — пояснил он, — наш новый сотрудник. Я впервые с ним встречаюсь. — Затем добавил. — Теперь я буду работать вместе с ним.

— Н-н-не, — энергично запротестовал Хентман. — Работать вы будете только на меня — до вас это еще не дошло, что ли? У меня с собой контракт. Я велел своим юристам подготовить его. — Все еще продолжая хмуриться, он стал шарить в кармане пальто.

— Я вам помешал? — спросил Мэйджбум, осторожно отступая на шаг-другой. — Я могу заглянуть к вам попозже, мистер Риттерсдорф. Чак, если вы не против, чтобы я вас так называл.

Хентман пристально на него посмотрел. Затем, пожав плечами, начал разворачивать контракт.

— Вот. Глядите, сколько вам будут платить. — Он ткнул в бумаги огрызком сигары. — Может ли та компания, больная шпиономанией, платить вам что-нибудь подобное? Вот что я имею в виду: что может быть патриотичнее, чем заставлять всю Америку умирать от хохота в такое непростое для нее время? Это поднимает моральный дух народа и тем самым способствует победе над "комми". По сути, это куда патриотичнее, чем то, чем вы занимаетесь; эти ваши симулакрумы — все они такие трусливые дуболомы. Брр, мороз по коже проходит от омерзения, которое они у меня вызывают.

— Полностью с вами согласен, — сказал Дэн Мэйджбум. — Однако, мистер Хентман, имеется и другая сторона медали. Вы не станете возражать, если я отберу у вас несколько секунд драгоценного времени, чтобы разъяснить иную точку зрения. Мистер Риттерсдорф, Чак выполняет работу, которую не в состоянии делать никто другой. Программирование симулакрумов — особое искусство. Без умелого программирования, они ничего из себя не пред-

ставляют, чурбаны стоеросовые, да и только, и кто угодно, даже ребенок, в состоянии отличить их от живых людей. Но, соответствующим образом запрограммированные... — здесь он улыбнулся. — Вам, наверное, никогда не доводилось видеть кого-либо из симулакрумов Чака в деле. Это трудно себе представить. — Он задумался на мгновенье, затем добавил. — Мистер Петри тоже неплохо знает свое дело. По сути, в некоторых отношениях, даже лучше.

Теперь стало совершенно ясно, что именно Петри запрограммировал этого симулакрума. Он не удержался от того, чтобы прорекламировать свое искусство. Чаку не удалось сдержать улыбку.

— Может быть, мне следовало бы нанять этого самого Петри, — угрюмо произнес Банни Хентман, — если он настолько хорош.

— Для ваших целей, — сказал Мэйджбум, — Петри был бы, пожалуй, получше. Мне известно то в сценариях Чака, что вам так нравится, но загвоздка вот в чем — у него нет должной стабильности в работе. Сомневаюсь, в состоянии ли он постоянно поддерживать высокое качество выпускаемой продукции, как это ему придется делать, удовлетворяя ваши запросы. Тем не менее, в качестве одного ингредиента среди многих...

— Да заткнитесь же, — раздраженно бросил Хентман Мэйджбуму, затем повернулся к Чаку. — Мне не очень-то нравятся эти трехсторонние переговоры. Не могли бы мы перейти куда-нибудь в другое место?

Дэн Мэйджбум явно раздражал Хентмана. Похоже было, он учуял что-то неладное.

В сознании Чака снова появились мысли слизистого грибка.

"Сейчас в здание входит та прелестная девушка, которая, как вы справедливо заметили, даже не удосужилась провести операцию по искусственному увеличению сосков. Мистер Риттерсдорф, это она вас разыскивает; я сообщил ей, чтобы она поднималась".

Банни Хентман, очевидно, тоже принял мысленное уведомление слизистого грибка и громко простонал в отчаянии:

— Неужели нет никакой возможности переговорить с глазу на глаз? Кой черт теперь сюда суется? — Он повернулся лицом к двери, вперил в нее свирепый взгляд.

— Мисс Триест не будет вмешиваться в ваши переговоры, мистер Хентман, — заметил Дэн Мэйджбум, а Чак тут же на него уставился, удивившись, что у того уже сформировалось определенное мнение в отношении Джоан. Но ведь он управлялся дистанционно — Чак сразу же об этом догадался. Очевидно, дело было не в предварительном программировании. Петри руководил симулакрумом из здания ЦРУ в Сан-Франциско.

Дверь отворилась, и в квартиру нерешительно вошла Джоан Триест. Теперь на ней был серый свитер поверх платья с узким лифом и широкой юбкой в оборках, она была в туфлях на высоких каблуках на босую ногу.

— Я побеспокоила вас, Чак? — спросила она. — Мистер Хентман, — восторженно произнесла она и густо зарделась. — Я смотрела вас сотни раз и считаю вас величайшим из всех ныне здравствующих комедийных артистов. Вы такой же великий комик, как Сид Сезар и другие эстрадные актеры прошлых лет. — Глаза ее блестели, она подошла к Банни Хентману, встала совсем близко к нему, но тщательно следя за тем, чтобы, не приведи господи, ненароком не притронуться к нему. — Вы — друг Банни Хентмана? — спросила она у Чака, делая ударение на слове "вы". — Жаль, что вы не сказали мне об этом.

— Мы пытаемся, — простонал Хентман, — заключить деловое соглашение о сотрудничестве. Итак, как же все-таки мы поступим? — Обильно потея, он начал мерять шагами крохотную гостиную. — Я сдаюсь, — объявил он. — Я не могу подписать контракт с вами — об этом не может быть и речи. У вас слишком много знакомых, они не дадут вам возможности плодотворно работать. Писателям полагается быть отшельниками, в одиночестве стучащими по клавишам машинки.

Джоан Триест не затворила за собой дверь в квартиру, и теперь через порог свободно и неторопливо перекатывался волнами слизистый грибок.

"Мистер Риттерсдорф", мысленно обратился он к Чаку, "у меня к вам срочное дело, которое нужно обсудить наедине. Не могли бы вы пересечь коридор и зайти на минутку в мою квартиру? Пожалуйста".

Хентман повернулся ко всем спиной, взвизгнул от негодования, затем прошел к окну и стал глядеть вниз.

Ничего не понимающий Чак последовал за слизистым грибком в квартиру, располагавшуюся напротив.

"Закройте дверь и придвиньтесь ко мне поближе. Я не хочу, чтобы другие улавливали мои мысли".

Чак молча повиновался.

"Этот ваш гость, мистер Дэн Мэйджбум", мысли грибка теперь еле-еле прослушивались, "никакой не человек. Он — искусственное создание. Он не обладает личностью — им дистанционно управляет другой человек. Я счел необходимым предупредить вас об этом, ведь вы, какникак, мой сосед".

— Спасибо, — произнес Чак, — но мне уже это известно. — Однако, теперь ему было не по себе. Да и не удивительно, если вспомнить, какие мысли появлялись в последнее время. — Послушайте-ка, — начал было он, но слизистый грибок перебил его.

"Я уже просмотрел ваше сознание", не замедлил уведомить он Чака. "Агрессивность по отношению к супруге, а также стремление ее умертвить. У каждого разумного существа рано или поздно могут возникать подобные побуждения, и в любом случае, было бы просто неприлично с моей стороны обсуждать их с кем-либо посторонним. Подобно священнику или врачу, телепат обязан..."

— Давайте не будем развивать эту тему, — сказал Чак. Осведомленность слизистого грибка в его намерениях выставляла их в совершенно новом свете; пожалуй, было бы весьма неблагоразумно продолжать об этом думать. Если следователь вызовет Лорда Бегущего Моллюска в суд...

"На Ганимеде", торжественно провозгласил слизистый грибок, "возмездие освящено законом. Если вы мне не верите, скажите своему адвокату, мистеру Нату Уайльдеру, чтобы он проверил это. Я никоим образом не порицаю ваши намерения; подобные побуждения неизмеримо предпочтительнее прежнего влечения к самоубийству, что абсолютно противоестественно".

Чак собрался было покинуть квартиру грибка, но тот остановил его очередным пакетом мыслей.

"Подождите. Еще одно. В обмен на мое молчание... всего лишь любезность с вашей стороны".

Значит, все не так просто. И не удивительно, ведь Лорд Бегущий Моллюск настоящий бизнесмен.

"Я настаиваю, мистер Риттерсдорф, — продолжал грибок, — чтобы вы согласились на работу, предложенную вам мистером Хентманом".

— А как же моя работа в ЦРУ? — спросил Чак.

"Ее придется оставить. Вам удастся сохранить обе работы". Мысли грибка были уверенны и недвусмысленны. "Сидя..., э..., сразу на двух стульях".

— На двух стульях? — Он явно имел в виду совместительство. — Откуда вы позаимствовали это выражение?

"Я знаток земного общества, — уведомил его слизистый грибок. — Насколько я себе представляю, на ЦРУ вы сможете работать, ну, скажем, днем, а на Банни Хентмана — ночью. Чтобы поддерживать такой напряженный ритм жизни вам понадобятся особые медицинские препараты, стимулирующие деятельность высшей нервной системы, из группы гексаамфетаминов, запрещенные на Земле. Тем не менее, я их вам предоставлю. Имея большие связи за пределами этой планеты, мне не составит особого труда раздобыть их. У вас вообще отпадет потребность во сне, как только метаболизм мозга начнет стимулироваться..."

— Шестнадцатичасовой рабочий день! Да идите Вы лучше в полицию со своим доносом.

"Подумайте немного, — возразил слизистый грибок. — Ведь результатом станет то, что вы воздержитесь от убийства, зная, что ваши намерения заранее известны властям. Поэтому и не станете уничтожать эту порочную женщину; вы откажетесь от первоначального замысла и сохраните ей жизнь".

— А откуда вам известно, что Мэри — "порочная" женщина? — спросил Чак, подумав еще при этом, что вообще понимает в земных женщинах этот слизняк с Ганимеда.

"Из ваших мыслей я узнал о великом множестве мелких садистских ухищрений, с помощью которых миссис Риттерсдорф портила вам жизнь все эти годы; это поистине дьявольская манера обращения. Из-за этого вы стали тяжело больным человеком и не в состоянии правильно воспринимать реальность. За примерами не надо далеко ходить. Проанализируйте, как вы упорно отказываетесь от весьма выгодной работы, которую предлагает мистер Хентман".

В дверь квартиры слизистого грибка кто-то постучался, затем она отворилась. Заглянул рассерженный Банни Хентман.

— Мне пора уходить. Так каков ваш ответ, Риттерсдорф? Да или нет? И если вы согласитесь у меня работать, то не вздумайте прихватить с собою никого из этих студенистых внеземных. Приходите один.

"Мистер Риттерсдорф, — мысленно успокоил его слизистый грибок, — согласен принять ваше любезное предложение, мистер Хентман".

— А вы-то кто? — возмущенно спросил Хентман. — Его поверенный, что ли?

"Я — коллега мистера Риттерсдорфа", — напыщенно провозгласил грибок.

— Ладно, — сказал Хентман, вручая контракт Чаку. — Согласно этому контракту в течение ближайших восьми недель вы еженедельно составляете один сценарий продолжающегося час эстрадного представления, плюс раз в неделю участвуете в совещании с другими сценаристами. Жалованье ваше составляет две тысячи долларов ТЕРПЛАНа в неделю. Идет?

Это было более, чем шикарное жалованье, вдвое больше, чем он ожидал. Взяв из рук Хентмана контракт, он подписался, находясь все это время под неусыпным взором слизистого грибка.

— Я заверю вашу подпись, — сказала Джоан Триест. Она тоже вошла в квартиру слизистого грибка и теперь стояла рядом. После того, как она поставила свою подпись во всех трех экземплярах, их вернули Хентману; тот сунул их небрежно в карман пальто, затем вспомнил, что один нужно оставить у Чака. Пришлось снова вытаскивать бумаги из кармана и отделять один экземпляр контракта для Чака.

"Гип-гип-ура!" возликовал грибок. "Совсем неплохо было бы это отпраздновать".

— Только без меня, — сказал Банни Хентман. — Мне нужно уходить. До скорого, Риттерсдорф. Я сам свяжусь с вами; велите установить видеофон в этой мерзкой, никчемной берлоге, в которой вы окопались. Или поскорее съезжайте в квартиру получше. — Дверь в квартиру Лорда Бегущего Моллюска захлопнулась за неугомонным комиком.

"А мы втроем, — предложил грибок, — можем отпраздновать это. Я знаю один бар, где обслуживают инопланетян. Угощение дармовое. То есть, я имею в виду, за мой счет".

— Прекрасно, — сказал Чак. Все равно ему больше не хотелось оставаться одному, а если он и останется в своей квартире, то просто предоставит Мэри еще одну возможность отыскать его.

Когда они открыли дверь в коридор, то обнаружили, к всеобщему изумлению, хорошо им знакомого круглолицего молодого человека. Это был Дэн Мэйджбум.

— Простите меня, — извинился Чак. — Я совсем забыл про вас.

"Мы отправляемся хорошенько гульнуть, — мысленно пояснил Мэйджбуму слизистый грибок, вытекая из своей квартиры. — И приглашаем присоединиться к нам, несмотря на то, что у вас нет разума и вы представляете из себя всего лишь пустую оболочку".

Джоан Триест с любопытством поглядела сначала на Мэйджбума, затем на Чака.

— Мэйджбум, — пояснил ей Чак, — это робот ЦРУ, которым управляют из нашей конторы в Сан-Франциско. — Затем он повернулся к Мэйджбуму. — А кто именно? Петри?

Мэйджбум улыбнулся.

— Сейчас я, мистер Риттерсдорф, функционирую в автономном режиме. Мистер Петри отключил связь, когда вы вышли из квартиры. Ведь вы согласитесь, что я довольно прилично функционирую? Подумать только, вы считаете, что управление мною дистанционное — ан нет! — Симулакрум, казалось, был очень доволен собой. — По сути, — продолжал он, — я в состоянии вытянуть весь этот вечер на автопилоте! Я могу пойти вместе с вами в бар, пить и веселиться напропалую, развлекаться ничуть не хуже любого несимулакрума. В некоторых отношениях, пожалуй, даже лучше.

И это вот, — отметил Чак про себя, когда они шли к рампе, — и есть то орудие, с помощью которого я отомщу своей жене.

Уловив его мысли, плесневой грибок предостерег:

"Не забывайте, мистер Риттерсдорф, о том, что мисс Триест является сотрудником департамента полиции округа Росс".

— А я и не отрицаю, — сказала Джоан Триест. Мысли грибка, в отличие от мыслей Чака, она уловила. — Почему это вы решили лишний раз напомнить об этом мистеру Риттерсдорфу? — спросила она у грибка.

"Я почувствовал, что именно из-за этого вы не станете поощрять сексуальные поползновения с его стороны".

Объяснение, казалось, удовлетворило девушку.

— Я считаю, — сказала она грибку, — что вам лучше бы не вмешиваться в чужие дела. Обладание телепатическими способностями сделало вас, уроженцев Ганимеда, ужасно назойливыми. — Голос ее звучал сердито.

"Извините меня, если я неверно истолковал ваши желания, мисс Триест; в самом деле, простите меня". И обращаясь к Чаку, спроецировал такую мысль. "По-видимому, мисс Триест станет поощрять сексуальные поползновения с вашей стороны".

— О господи! — взмолилась Джоан Триест. — Да занимайтесь своим собственным делом, пожалуйста! Оставьте в покое эту тему, о'кей? — Она побледнела.

"Очень трудно, — как бы про себя, не обращаясь ни к кому в особенности, — угодить земным девушкам", — заявил грибок.

Всю остальную часть пути к бару он тщательно контролировал себя, стараясь вообще ни о чем не думать.

Позже, когда они уже расположились в отдельной кабинке, слизистый грибок в виде огромной бесформенной груды желтоватой плоти на сиденье из искусственной кожи, Джоан Триест сказала:

— Как мне кажется, это просто замечательно, Чак, что вы все-таки решились работать с Банни Хентманом. Это должно быть захватывающее занятие.

"Мистер Риттерсдорф, — подумал грибок, — мне пришло на ум, что вам следовало бы, по мере возможности, постараться, чтобы вашей жене не стало известно о ваших теперешних двух работах. Если она об этом узнает, то затребует гораздо большую сумму отступного и более высокие алименты".

— Верно, — согласился Чак. Весьма полезный и своевременный совет.

"Поскольку она все равно узнаёт о том, что вы работаете на мистера Хентмана, — продолжал грибок, — вам

лучше этого и не скрывать, оставив в тайне то, что вы сохранили свою работу в ЦРУ. Попросите своих коллег, в особенности своего непосредственного начальника, мистера Элвуда, не выдавать вас.

Чак кивнул.

"Результатом этой, — подчеркнул плесневой грибок, — своеобразной, и по-своему даже уникальной ситуации, будет то, что, несмотря на довольно крупное единовременное пособие и алименты, получаемого вами вознаграждения будет вполне достаточно для обеспечения безбедной жизни со всеми удобствами. Вам это приходило в голову?"

Если честно, то он как-то не заглядывал столь далеко вперед. Слизистый грибок оказался куда более предусмотрительным и расчетливым, и это заставило Чака почувствовать свою неполноценность.

"Теперь вы понимаете, насколько искренне я забочусь о ваших интересах. Мое настойчивое требование, чтобы вы приняли предложение мистера Хентмана..."

Джоан Триест, не выдержав, перебила его.

— Мне кажется, просто-таки ужасно то, что вы уроженцы Ганимеда, позволяете себе выступать в роли господа бога.

"Но не сбрасывайте со счетов, — все в той же учтивой манере возразил грибок, — что именно я свел вас вместе с мистером Риттерсдорфом. И я предвижу — хотя и должен признаться, что никакой я не пророк — интенсивное и успешное взаимодействие в сексуальной сфере".

— Заткнитесь! — разъяренно воскликнула Джоан.

* * *

По завершении празднования, которое они устроили в баре в честь подписания контракта с Банни Хентманом, Чак оставил там слизистого грибка, избавился от Дэна Мэйджбума, остановил аэротакси и отвез в нем Джоан Триест в ее квартиру.

Они еще были на заднем сиденье такси, когда Джоан сказала:

— Я так рада, что нам удалось избавиться от присутствия Лорда Бегущего Моллюска. Страшно действует на нервы, когда он непрерывно копается в твоих мыслях. Но нельзя не согласиться с тем, что это он свел нас... — Она осеклась

на полуслове, наклонила голову набок, внимательно прислушиваясь. — Несчастный случай. — Она сразу же дала адрес. — Меня требуют. Погиб человек.

Когда они прибыли на место происшествия, обнаружили перевернутую "блоху"; во время приземления почему-то отказал несущий винт, а сам коптер разбился о стену здания, вытряхнув из кабины пассажиров. На спешно расстеленном импровизированном одеяле, составленном из пальто и свитеров, неподвижно лежал пожилой мужчина с побелевшим лицом; дежурные полицейские энергично отгоняли прохожих, и Чак понял, что это и есть погибший.

Джоан поспешила к потерпевшему. Чак последовал за ней и обнаружил, что полиция его пропустила. Скорая помощь уже прибыла к месту аварии; винты ее нетерпеливо жужжали, готовые переправить потерпевшего в больницу округа Росс.

Низко наклонившись, Джоан стала изучающе разглядывать мертвеца.

— Три минуты тому назад, — сказала она. — Хорошо, только подождите минутку. Я вытяну его назад, за пять минут до настоящего момента. — Она заглянула в бумажник погибшего, который один из полицейских заботливо передал ей. — Мистер Эрл Эккерс, — прошептала она, а затем закрыла глаза. — Этому подвергнется только мистер Эккерс, — сказала она Чаку. — По крайней мере, так считается. Но полной уверенности нет... — Она плотно сжала зубы. Лицо ее, по мере того, как она сосредоточивалась, начало багроветь. — Лучше отодвиньтесь, — сказала она Чаку. — Чтобы не зацепило.

Чак отошел в сторону, закурил сигарету и стал прислушиваться к шуму раций полицейских машин. Вокруг быстро собралась немалая толпа зевак, поток машин полз, как улитка, повинуясь жестам регулировщиков.

С какой странной девушкой, подумалось Чаку, свела его судьба. Сотрудник полиции и одновременно экстрасенс... Интересно, как бы она поступила, узнай, что у меня на уме в отношении симулакрума, Дэна Мэйджбума. Вероятно, Лорд Бегущий Моллюск все-таки прав; последствия будут катастрофическими, если позволить ей узнать об этом.

Джоан махнула ему рукой.

— Подойдите сюда.

Чак поспешил к девушке.

Пожилой мужчина на импровизированном одеяле уже дышал; грудь его едва заметно поднималась и опускалась, на губах образовались крошечные пузырьки слюны.

— Он возвращен в прошлое на четыре минуты, — сказала Джоан. — Он снова жив, но после несчастного случая. Это самое большее, на что я способна. — Она кивнула симулакрумам-хирургам. Те тотчас же бросились к потерпевшему, склонились над теперь уже, — или, вернее, еще — живым, только тяжело раненым в результате аварии. С помощью портативной рентгеновской сканирующей установки старший симулакрум обследовал внутренности потерпевшего, пытаясь выяснить, какие органы подверглись наиболее тяжелым повреждениям. Затем повернулся к своему напарнику; симулакрумы обменялись мнениями и сразу же после этого младший член бригады открыл полость в своем металлическом боку и извлек оттуда картонную коробку, которую быстро вскрыл.

В коробке помещалась искусственная селезенка. При свете фар полицейских машин Чак увидел отпечатанную надпись на использованной картонной коробке. Симулакрумы же прямо на месте происшествия приступили к операции; один из них сделал обезболивающий укол, другой, пользуясь особой хирургической рукой-манипулятором, начал разрезать кожный покров брюшной полости потерпевшего.

— Мы можем уйти, — сказала Чаку Джоан, оторвав его от наблюдения за симулакрумами. — Я свое дело сделала. — Засунув руки в карманы пальто, она подошла к аэротакси, и, устроившись поудобнее в кабине, стала дожидаться Чака. Вид у нее был усталый.

— Первый раз наблюдал симулакрумов-хирургов за работой, — сказал он, когда они уже отъехали от места происшествия. Их деятельность произвела на него глубокое впечатление и помогла еще сильнее осознать огромные возможности, заложенные в искусственных псевдолюдях, разработанных и изготовляемых фирмой "Дженерал Дайнэмикс". Разумеется, он множество раз видел симулакрумов, применявшихся ЦРУ, но они не шли ни в какое сравнение с этими. Здесь их противником была не просто другая группа человеческих существ с отличающимися

политическими убеждениями. Противником их была сама смерть.

А вот с этим симулакрумом Дэниелом Мэйджбумом все будет диаметрально противоположным; вместо того, чтобы быть повергнута, смерть будет поощрена.

Очевидно, после всего того, чему он стал свидетелем, ему никак нельзя делиться с Джоан Триест своими замыслами. И в таком случае разве здравый смысл не подсказывает ему, чтобы он больше никогда с ней не встречался? Было бы абсурдно готовить преднамеренное убийство, продолжая одновременно встречаться с сотрудницей полиции — он что, хочет, чтобы его поймали? Было ли это все тем же, только видоизмененным, подсознательным влечением, так или иначе, но лишить себя жизни?

— Полдоллара за ваши мысли, — вдруг сказала Джоан.

— Пардон? — вздрогнув от неожиданности, произнес Чак.

— Я совсем не Лорд Бегущий Моллюск. Я не умею читать мысли. Вы кажетесь таким озабоченным, таким встревоженным. Наверное, тому виной неприятности, сопряженные с вашим неудачным браком. Мне очень хочется сделать что-нибудь такое, что бы приободрило вас. — Она задумалась. — Когда мы доберемся до моего дома, загляните ко мне... — Она при этом вся как-то зарделась, очевидно вспомнив, о чем предупреждал ее плесневой грибок. — Только чуть промочить горло, — твердо заявила она.

— Я не против, — сказал Чак, припоминая, что предсказывал Лорд Бегущий Моллюск.

— Послушайте, — сказала Джоан, — только из-за того, что этот нахалюга с Ганимеда лезет своими псевдоподиями или чем-то там другим, что у него есть, в наши жизни, вовсе не следует,... — она вдруг замолчала, чувствуя, что ей просто не хватает слов, чтобы выразить охватившую ее ярость. Глаза ее пылали. — Черт с ним. Видите ли, потенциально он очень опасен. Обитатели Ганимеда такие честолюбивые... Помните на каких условиях они вступили в войну между Землей и Альфой? И все они точно такие же, как и он — у каждого из них ну прямо миллион всяких дел и забот, каждый только тем и занят, что вынюхивает, куда бы еще влезть. — Она на-

морщила лоб. — Вам, пожалуй, лучше бы съехать из того дома. Подальше от греха.

Уже поздно, вдруг осознал не без горечи Чак.

Дом, в котором жила Джоан, оказался современным привлекательным строением, без малейших архитектурных излишеств и, подобно всем другим новым зданиям, в основном был подземным. Вместо того, чтобы вздыматься к небу, здание погружалось глубоко вниз.

— Шестнадцатый этаж, — сказала девушка, когда она начали опускаться. — Чуть-чуть напоминает жизнь в шахте... очень плохо для тех, кто страдает клаустрофобией. — Мгновеньем позже, уже у двери в свою квартиру, когда она достала ключ и вставила в замок, Джоан добавила глубокомысленно. — Тем не менее, в высшей степени благоразумно на тот случай, если Альфа снова вздумает на нас напасть; от взрыва водородной бомбы нас отделяет пятнадцать этажей. — Она отворила дверь. Включилось освещение квартиры, мягкое, рассеянное.

На какое-то мгновение вспыхнул очень яркий свет и тут же погас. Чак, ослепленный вспышкой, инстинктивно зажмурился, а затем, открыв глаза, увидел стоявшего в самом центре комнаты мужчину с камерой в руках, которого сразу же узнал. Узнал и разозлился.

— Привет, Чак, — бросил небрежно Боб Элфсон.

— Кто это? — спросила резко Джоан. — И для чего он нас снимает?

— Не волнуйтесь, мисс Триест, — сказал Элфсон. — Я — адвокат жены вашего любовника; нам нужны неоспоримые свидетельства для судебного разбирательства, которое, между прочим... — тут он бросил взгляд в сторону Чака, — назначено в соответствии с графиком заседаний суда на следующий понедельник, десять часов утра, в кабинете судьи Эриззолара. — Он улыбнулся. — Теперь мы сдвинули дело с мертвой точки. Ваша жена хочет, чтобы оно было завершено как можно быстрее.

— Убирайтесь тотчас же из этой квартиры, — сказал Чак.

— С превеликим удовольствием, — ответил ему Элфсон, направляясь к двери. — Эта пленка, которую я заснял, очень пригодится — я уверен в том, что подобные съемки вам уже попадались в архивах ЦРУ. Используемая при этом пленка дорогая, но польза от подобных съемок с

лихвой возмещает расходы. Я только что, — объяснил он как Чаку, так и Джоан, — произвел хроносъемку. Что, задело за живое? Сейчас у меня в этой камере запечатлено не только то, что вы делали, но то, что здесь произойдет в течение ближайших тридцати минут. Как я полагаю, судью Эриззолара куда больше заинтересует именно это.

— Здесь ничего не будет происходить в течение следующих тридцати минут, — сказал Чак, — потому что я немедленно уйду отсюда. — Он протиснулся мимо адвоката и выскочил в коридор. Нужно как можно быстрее покинуть это место.

— Как я полагаю, вы заблуждаетесь, — сказал Элфсон. — Я не сомневаюсь, что на этой пленке будет кое-что, имевшее определенную ценность. В любом случае, вам ведь все равно, верно? Это всего лишь технический прием, с помощью которого Мэри удастся получить постановление о разводе. Для этого нужно представить на рассмотрение суда формальные свидетельства. И я не понимаю, каким образом вам может быть причинен вред.

Сбитый с толку этим заявлением, Чак обернулся.

— Это посягательство на тайну личной жизни.

— Но вы ведь прекрасно понимаете, что неприкосновенность личной жизни не существует вот уже более пятидесяти лет, — возразил ему Элфсон. — Вы сами работаете в сыскном агентстве. Не вздумайте дурить меня, Риттерсдорф. — Он вышел в коридор, спокойно прошел мимо Чака и неторопливо направился к лифту. — Если вы пожелаете получить копию пленки...

— Нет, — сказал Чак и остался в коридоре, дожидаясь, пока адвокат не скроется из виду.

— С таким же успехом вы могли бы и войти. Все равно он уже запечатлел все на пленку. — Джоан отворила перед ним дверь в квартиру, и он, колеблясь, вернулся. — То, что он сделал, разумеется, противозаконно, но, насколько мне известно, такие материалы, как правило, принимаются к рассмотрению в ходе судебного разбирательства. — Пройдя на кухню, она принялась готовить напитки; он услышал звон бокалов. — Как вы относитесь к "Меркурианскому Болотному"? У меня есть полная бутылка...

— Мне все равно, — небрежно бросил Чак.

Джоан протянула ему бокал, он машинально взял его.

"Я еще отплачу ей за это", твердо решил он. "Я сражаюсь за свою жизнь".

— У вас такой сумрачный вид, — сказала Джоан. — На самом деле Вы сильно расстроены, не так ли? Этот человек, который дожидался нас с хронокамерой. Кто угодно смеет совать нос в нашу личную жизнь! Сначала Лорд Бегущий Моллюск, а теперь, стоило...

— Все еще остается возможность, — сказал Чак, — оставить это в тайне. Чтобы никто так ничего и не узнал.

— О чем именно?

Чак ничего не ответил. Только приложился губами к бокалу.

ГЛАВА VI

С находившихся на уровне головы полок вниз спрыгнули один за другим сначала три старых рыжих кота и пятнистая бесхвостая кошка, затем несколько сиамских котят-полукровок с пушистыми усатыми мордочками, затем хитрый черный молодой котяра и, наконец, с огромным трудом, беременная трехцветная кошка. Все они, плюс еще и собачонка, сбились вокруг ног Игнаса Ледебера, затруднив его продвижение, когда он попытался выйти из хижины.

Впереди валялась разорванная на куски крыса; собака, терьер-крысолов, изловила ее, а кошки сожрали лакомые части. Игнас слышал, какой концерт закатили они на заре. Ему было очень жаль крысу, которая, по всей вероятности, забралась сюда, привлеченная мусором, скопившимся с обеих сторон единственной двери в хижину. Ведь, в конце концов, крыса имеет такое же право на жизнь, как и любой человек. Но, разумеется, собака этого не понимала; убивать было инстинктом, изначально пропитавшим слабую собачью плоть. Так что с этической стороны нельзя было ее порицать, да и крыс, так или иначе, он сам боялся. В отличие от их двойников на Земле у здешних крыс были проворные руки, способные изготовлять грубое оружие. Они были очень умны.

Впереди Игнаса виднелся ржавый остов автономного трактора, давно уже не эксплуатировавшегося. Его приво-

локли сюда несколько лет тому назад, питая смутные надежды на то, что удастся каким-то образом отремонтировать. А пока что на нем играли пятнадцать (или, может быть, даже шестнадцать) детей Игнаса, стараясь заставить то, что осталось от его речевых блоков, поговорить с ними.

На глаза ему никак не попадалось то, что он искал — пустой пластиковый пакет из-под молока — для того, чтобы развести огонь. Придется выломать доску. Он начал перебирать различные предметы, валявшиеся в огромной куче всякого выброшенного хлама, выискивая доску, достаточно хрупкую, чтобы он мог ее сломать, попрыгав пару раз на ней, оперев о крыльцо хижины.

Утренний воздух был освежающим. Он задрожал и пожалел, что потерял шерстяную куртку. Во время одной из своих продолжительных прогулок он улегся, чтобы отдохнуть, а куртку подложил себе под голову вместо подушки... А когда проснулся, то позабыл о ней, да там ее и оставил. Но хватит плакаться по куртке. Он не мог, разумеется, вспомнить, где ему взбрело в голову отдыхать; только весьма смутно сознавал, что случилось это где-то по дороге в Адольфвилль, возможно, в десяти днях ходьбы пешком.

Из соседней хижины вышла женщина — его бывшая сожительница, но он от нее устал после того, как обзавелся парой детишек. Она неистово завопила на крупного белого козла, который забрался в огород. Козел же как ни в чем ни бывало продолжал объедать овощи, пока женщина не схватила его. Тогда он стал на дыбы, начал лягаться задними ногами, после чего отпрыгнул в сторону, оказавшись вне досягаемости женщины. Из пасти его все еще свешивались свекольные листья. Стая уток, вспугнутая шумом, рассыпалась в разные стороны, и каждая из них стала истошно крякать. Игнас рассмеялся — утки уж очень серьезно ко всему относились.

Сломав доску, он вернулся в хижину и захлопнул дверь прямо перед носом кошек, хотя один котенок все-таки умудрился протиснуться внутрь. Присев на корточки перед найденным на свалке литым чугунным мусоросжигателем, Игнас начал разводить огонь.

На кухонном столе под грудой одеял спала его теперешняя жена Элси. Она не поднимется, пока он не разож-

жет огонь и приготовит кофе. Он не упрекал ее. Кому охота подниматься рано в такое холодное утро. Только где-то к полудню расшевелится Гандитаун, за исключением, разумеется, тех гебов, что скитаются всю ночь, как неприкаянные.

Из единственной в хижине спальни вылез заспанный ребенок, совсем голый, да так и застыл, засунув большой палец в рот и молча глядя, как Игнас разжигает огонь.

За спиной у ребенка грохотал телевизор; звук у него был, но картинка пропала. Дети не могли его смотреть, только слушали. Не мешало бы починить его, отметил про себя Игнас, но настоятельной необходимости в этом он не ощущал. До того, как был введен в эксплуатацию единственный на спутнике телепередатчик в Да-Винчи, жизнь была куда проще.

Игнас принялся за приготовление кофе, но обнаружил, что кофейник треснул. Поэтому, чтобы не тратить время на поиски целого, он решил приготовить кипяченый кофе, для чего нагрел банку с водой на газовом таганке, затем, когда вода закипела, бросил в нее взятую на глазок довольно крупную пригоршню кофейных зерен. Хижину тотчас же наполнил теплый, приятный запах; он с благоговением вдыхал его.

Вот так он и стоял у самого очага одному только богу известно сколько времени. Наслаждаясь запахом кофе, прислушиваясь к потрескиванию щепок, ощущая, как хижина наполняется теплом, он постепенно обнаружил, что ему явилось видение.

Он так и остался там, где стоял, как вкопанный. Тем временем котенок, которому удалось проскользнуть в хижину, забрался в раковину, где нашел уйму оставшихся со вчерашнего вечера объедков. Он с жадностью стал поглощать остатки пищи, и звуки, которые он при этом издавал, и сам вид его смешались с другими звуковыми и зрительными ощущениями. От этого видение стало еще явственнее.

— Хочу на завтрак кукурузную кашу, — провозгласил ребенок, стоявший в дверях спальни.

Игнас Ледебер ничего ему не ответил — видение теперь полностью удерживало его в ином мире. Или, скорее, мире настолько реальном, что к нему уже были неприложимы привычные категории, характеризующие

мир как таковой. В нем не то, чтобы исчезло пространственное притяжение, его просто там никогда не существовало. А что касается хода времени...

Впечатление было такое, будто время там все-таки существовало, однако в отношении аспекта того места, где он теперь находился, полной уверенности у него не было. Возможно, то, что ему явилось, вообще не существовало во времени, не имело начала, и, что бы он ни делал, никогда не будет иметь конца, ибо было слишком огромно. Оно, возможно, вообще потеряло какую-либо связь со временем, отсоединилось от него.

— Эй, — сонно пробормотала Элси, — где мой кофе?

— Обожди, — сказал Игнас.

— Ждать? Я еще в состоянии, черт побери, чуять запах. Где кофе? — Она не без труда приподнялась, отбросив в сторону одеяла, совершенно голая, со свисающими грудьми. — Ужасно скверно себя чувствую. Тошнит так, что вырвать хочется. Туалет, наверно, заняли твои байстрючки. — Она нетвердой походкой вышла из комнаты. — Чего это ты как столб здесь стоишь? — подозрительно спросила она, приостановившись у входа в ванную.

— Оставь меня в покое, — сказал Игнас.

— "Оставь меня в покое", — ну и жопа же ты, — это, кстати, была твоя идея, чтобы я перебралась сюда. Я никогда не хотела бросать Френка. — Войдя в туалет, она с силой захлопнула дверь; та снова открылась, и она, оттолкнув ее, плотно прикрыла, прижав ногой.

Видение к этому времени уже кончилось. Разочарованный Игнас прошел с кастрюлькой кофе в руках к столу, смахнул одеяла на пол, выставил две кружки — оставшиеся немытыми со вчерашнего ужина — и наполнил их горячим кофе: набухшие зерна всплыли на поверхность.

Из туалета раздался голос Элси:

— Что это там у тебя только что было, еще один из твоих, так называемых "трансов"? Ты что-то видел? Может быть, даже Бога? — Отвращение ее было чудовищным. — Мало того, что мне приходится жить с гебом — так его еще и посещают видения, будто он шиз. Так кто же ты — геб или шиз? Воняет от тебя, как от геба. Так разберись наконец, кто ты. — Она слила воду и вышла из туалета. — И ты такой же раздражительный,

как маний. Больше всего я в тебе ненавижу постоянную раздражительность. — Она взяла кружку с кофе, отпила немного. — Тьфу, да здесь зерна! — В бешенстве завопила она на Игнаса. — Ты опять потерял кофейник!

Теперь, когда видение покинуло его, казалось трудно припомнить, в чем же оно заключалось. В этом состояла одна из загадок, каждый раз вставáвших перед ним при явлении видений. КАК ОНИ СООТНОСЯТСЯ С ОБЫДЕННОСТЬЮ? Этот вопрос не покидал его.

— Мне привиделось чудовище, — сказал он. — Оно наступило на Гандитаун и раздавило его. Гандитаун исчез, осталась только яма. — Ему стало грустно. Гандитаун нравился ему намного больше, чем любое другое место на этом спутнике. А затем он ощутил страх, такого сильного страха ему еще ни разу не доводилось испытывать за всю свою жизнь. И все же он ничего не мог с этим поделать. Чудовище никак нельзя было остановить. Оно придет и уничтожит их всех, даже могущественных маниев со всеми их умными идеями и непрекращающейся активностью. Даже паранов, которые делают все возможное и невозможное, чтобы защититься от любых угроз, реальных и воображаемых.

Но не только это явилось ему в видении.

Позади чудовища таилась злобная, смертельно опасная душа.

От его взора не ускользнуло, как выползла она тайком на свет божий, неподобие лоснящегося студня, чья плоть состояла из одной гнили. Она губила все, к чему только ни прикасалась, даже голую почву, чахлые растения и деревья. Чаша с таким студнем могла бы отравить всю вселенную. Сам студень источало создание, действие, Существо, которое ЖАЖДАЛО.

Значит, грядут два равных зла: чудовище, что раздавило Гандитаун, и некая злобная душа. Они не были каким-либо образом связаны между собой, каждое шло к своей конечной цели своим собственным путем. Чудовище было женского пола, злобная душа — мужского. И — он даже закрыл глаза. Припомнилась та часть видения, что вызвала особый ужас. Эти две силы вступят в смертельную схватку. И будет это не битвой между добром и злом, это будет в своей слепой ярости бессмысленной борьбой между двумя абсолютно погрязшими в трясине скверны сущест-

вами, каждое из которых столь же порочно, как и его противник.

Битва, в которой одно из существ будет полностью уничтожено, состоится именно на этой планете. Они сейчас спешили сюда, чтобы использовать спутник в качестве пристанища для завершения своей извечной борьбы.

— Приготовь на завтрак яйца, — сказала Элси.

Игнас без особой охоты заглянул в контейнер для мусора под раковиной, где вполне могла оказаться коробка с яйцами.

— Тебе придется вымыть сковородку после вчерашнего ужина, — сказала Элси. — Я оставила ее в раковине.

— Ладно. — Он открыл кран холодной воды и комком газет соскреб кору пригоревшего жира с поверхности сковородки.

Хотелось бы мне знать, подумал он, в состоянии ли я повлиять на исход этой борьбы? Возымеет ли хоть какое-нибудь воздействие появление добра среди борющихся сторон?

Он мог бы призвать на помощь все свои душевные способности, всю силу духа, и попытаться. Не только ради родного спутника, ради блага живущих на нем кланов, но и ради этих отвратительных существ. Возможно, для того, чтобы облегчить то бремя, которое взвалила на них судьба.

Это была будоражащая воображение мысль, и отмывая сковородку, он продолжал обыгрывать ее про себя, не произнося при этом ни слова. Бесполезно говорить об этом Элси — она просто пошлет его к чертовой матери. Ей не ведомы его способности, так как он никогда не рассказывал о них. Находясь в соответствующем настроении, он способен был проходить сквозь стены, читать мысли других людей, воздействовать на погоду, совершить что угодно, лишь бы было надлежащее расположение духа. И исходило это от его святости.

Даже подозрительные параны признавали в нем святого. Никто не подвергал это и малейшему сомнению — даже неугомонные, готовые оскорбить по любому поводу и без такового, мании, — когда они делали передышку в своей деятельности и разгибали спину, получив возможность заметить его.

Если кто-то и может уберечь планету от двух приближающихся к ней смертельно опасных организмов, понял вдруг Игнас, так это я. Это моя судьба.

— Никакая это не планета, всего лишь спутник, — сказала Элси, откровенно не скрывая своего презрения. Она стояла перед мусоросжигателем в той же одежде, что и вчерашним вечером. Она носила ее уже добрую неделю, и Игнас заметил, не без некоторого облегчения на душе, что она зашла довольно далеко на своем пути к тому, чтобы стать гебом. Осталось совсем немного.

А ведь очень неплохо быть гебом. Ибо только гебу дано отыскать Чистый Путь, освободиться от всего лишнего.

Открыв дверь лачуги, он снова вышел на утренний холод.

— Куда это ты? — пронзительно крикнула Элси вслед.

— Пообщаться, — ответил Игнас и закрыл дверь. Сопровождаемый кошками, он отправился на поиски своего коллеги и единомышленника среди шизов — Омара Даймонда.

* * *

Призвав на помощь психонические, сверхъестественные способности, Игнас Ледебер многократно телепортировал себя в самые различные места спутника, пока, наконец, не оказался в Адольфвилле в совете представителей и перед ним предстал Омар Даймонд собственной персоной. Игнас левитировался на шестой этаж огромного каменного здания, стал стучать и царапаться в окно, пока кто-то заметил его и подошел к окну.

— Бог ты мой, Ледебер, — воскликнул, открыв окно, делегат маниев, Говард Строу. — От вас смердит, как от козла. Два геба в одном помещении одновременно — это же совершенно невыносимо. — Он повернулся спиной к членам совета, отошел подальше от стола заседаний и уставился куда-то в пространство, едва сдерживая гнев, столь характерный для маниев.

— Какова цель вашего вторжения? — спросил у Игнаса делегат паранов Габриель Бейнс. — Мы тут совещаемся.

Игнас Ледебер мысленно связался с Омаром Даймондом, не произнося ни слова, сообщил ему о неотложности действий, которые необходимо предпринять. Даймонд выслушал его, во всем согласился и, не теряя времени, объединив способности, они оставили палату заседаний. Через несколько мгновений они уже пересекали травянистое поле, на котором здесь и там росли грибы. Никто из них так и не проронил ни слова. Ради забавы они стали сбивать грибы ногами.

Первым молчание нарушил Омар Даймонд.

— Это вторжение мы как раз и обсуждали на заседании совета.

— Высадка намечается в Гандитауне, — сказал Игнас. — У меня было видение. Пришельцы намерены...

— Да, да, — раздраженно перебил его Даймонд, — нам известны их хтонические силы. Я познакомил делегатов с этим фактом. Нечего ждать добра от хтонических сил, потому что они тяжеловесны. Подобно всем материальным началам, каковыми они есть, они погрузятся глубоко в землю, их, как в трясину, засосет в массу планеты.

— Спутника, — поправил его Игнас и хихикнул.

— Ну, спутника. — Даймонд закрыл глаза, но продолжал идти не оступаясь и не сбиваясь с шага, хотя больше уже не мог видеть, куда несут его ноги; у него наступило, сообразил Игнас, самопроизвольное состояние кататонии. Это было склонностью всех шизов, поэтому Игнас, ничего не сказав, стал просто ждать. Остановившись, Омар Даймонд что-то бормотал вполголоса, но что именно он хотел сказать, Игнас не разобрал. Он только тяжело вздохнул и уселся на землю. А Омар Даймонд так и продолжал стоять рядом с ним, погрузившись в состояние глубокого транса. Тишину нарушал едва слышимый шелест в кронах далеких деревьев, росших на другом краю луга.

Вдруг Даймонд встрепенулся.

— Давай объединим способности. Тогда нам удастся представить себе вторжение столь отчетливо, что... — снова слова его превратились в бессвязный лепет. Игнас — даже святой может быть раздосадован — снова тяжело вздохнул.

— Привлеки Сару Апостолис, — сказал Даймонд. — Втроем мы вызовем образ вашего врага абсолютно реаль-

ный, во всех подробностях. Тем самым мы возьмем под контроль и его самого, и процесс его прибытия.

Игнас мысленно связался с Сарой Апостолис, которая в данный момент еще спала в лачуге в Гандитауне. Он ощутил, как она проснулась, пошевелилась в постели, что-то пробормотала, со стоном поднялась с койки, и шатаясь из стороны в сторону, встала на ноги.

Ждать ему и Омару Даймонду пришлось совсем недолго. На телепортировавшейся к ним Саре Апостолис было мужское пальто и мужские брюки, а на ногах — теннисные туфли.

— Прошлой ночью, — сказала она, — мне приснилось, что совсем неподалеку ошиваются какие-то создания, готовые вот-вот явиться к нам. — Ее круглое лицо исказилось тревогой и безотчетным, разъедающим душу страхом. От этого лицо ее стало совсем хмурым и некрасивым. Игнасу стало ее жаль. Сара никогда не была способна во время стресса избавляться от пагубных для ее переживаний. Слишком крепко она была привязана к своей телесной сущности и всем присущим ей слабостям.

— Присаживайтесь, — вежливым тоном, но настоятельно предложил Игнас.

— Мы заставим их появиться СЕЙЧАС, — сказал Даймонд. — И прямо здесь. — Он быстро наклонил голову. Двое гебов последовали его примеру, и теперь все трое в полную силу задействовали многократно усиленную взаимным согласием способность воссоздавать во плоти то, что так сильно будоражило их воображение. Взаимодействуя, они упорно боролись, но прошло немало времени — никто из них не представлял сколько — пока то, чего они столь ревностно дожидались, не распустилось в непосредственной от них близости подобно зловещему бутону.

— Вот оно, — воскликнул Игнас и открыл глаза. Вслед за ним то же самое сделали Сара и Даймонд. Теперь все они устремили свои взоры к небу — и увидели спускающийся вниз чужой космический корабль. Их начинание увенчалось полным успехом.

Изрыгая клубы дыма из кормовых двигателей, корабль совершил посадку всего в сотне метров справа от них. Это был очень большой корабль, интуитивно почувствовал Игнас. Самый большой из всех, что он когда-либо видел. Кроме того, он ощутил страх, но как всегда, ему удалось

преодолеть его. Много лет прошло с тех пор, когда фобия, невроз страха, перестал для него быть фактором, с которым не под силу справиться. Сара же, казалось, была явно поражена ужасом при виде того, как корабль, вздрогнув всем корпусом, застыл в неподвижности, как открылась массивная дверь входного шлюза, готовая выпустить наружу обитателей этого огромного, трубообразного, металлического организма.

— Велите им приблизиться к нам, — сказал Омар Даймонд, плотно сомкнув веки. — Пусть они признают наше существование. Мы заставим их обратить на нас внимание и отнестись к нам с должным почтением. — Игнас мгновенно присоединился к нему, а после некоторой паузы то же самое сделала и перепуганная Сара Апостолис, сделала в той мере, насколько это было для нее возможно.

Из открытого шлюза вниз спустился трап. На нем появились две фигуры, которые стали спускаться, ступенька за ступенькой, на землю.

— Ну что, сотворим чудо? — с надеждой в голосе обратился Игнас к Даймонду.

— Какое именно? — с немалым сомнением ответил Даймонд, пристально глядя на него. — Я... обычно не прибегаю к волшебству.

В разговор вступила Сара.

— Вместе, Игнас и я, способны на такое. — Затем она произнесла, обращаясь к Игнасу. — А почему бы нам не поразить их воображение, представив наш спутник в виде паука, который прядет паутину предопределенности всей их дальнейшей жизни?

— Согласен, — сказал Игнас и сосредоточил свое внимание на тяжком труде вызова планеты-паука... или, как поправила бы его Элси, спутника-паука.

Перед двумя пришельцами, вышедшими из корабля, преградив им путь, возникла, искрящаяся многоцветьем расходящихся от центра нитей, точная копия гигантской паутины — плод никогда не прекращающихся усилий гигантской восьминогой твари. Фигуры пришельцев застыли.

Один из них произнес нечто нечленораздельное.

Сара, не выдержав, рассмеялась.

— Если мы позволим им забавлять нас, — строго заметил Даймонд, — мы лишимся той силы, с помощью которой мы сдерживаем активность пришельцев.

— Прошу прощения, — сказала Сара, все еще глупо хихикая, но было уже поздно. Нагромождение переливающихся в лучах солнца фрагментов паутины растворилось и исчезло. И к своему огромному неудовольствию обнаружил Игнас, то же самое произошло с Омаром Даймондом и Сарой. Оказалось, что он сидит совершенно один. Из-за одного мгновения слабости был полностью уничтожен с таким трудом созданный триумвират. Да и не на заросшем травой поле продолжал он сидеть. Вместо этого восседал он теперь на груде мусора в своем собственном дворе, перед лачугой в центре Гандитауна.

Вторгшиеся макроорганизмы снова обрели контроль над своими действиями. Им удалось вернуться к осуществлению собственных намерений.

Поднявшись на ноги, Игнас пошел навстречу двум фигурам пришельцев, которые остановились, нерешительно озираясь по сторонам. Под ногами Игнаса кошки, изогнув спины, приняли угрожающие позы и метнулись вперед. Игнас споткнулся о них и едва не растянулся во весь рост. Ругаясь про себя, он растолкал кошек ногами, пытаясь сохранить равновесие, а вместе с ним и собственное достоинство в глазах непрошенных гостей. Тем не менее, это оказалось невыполнимой задачей. Потому что у него за спиной отворилась дверь лачуги, и оттуда вышла Элси. Она испортила даже эту отчаянную попытку спасти ситуацию.

— А это еще кто? — завопила она.

— Не знаю, — раздраженно ответил Игнас. — Это-то я и намереваюсь выяснить.

— Скажи им, чтобы убирались отсюда ко всем чертям, — крикнула Элси, уперев руки в бока. В течение нескольких лет она прожила среди маниев, и в ней до сих пор еще сохранилась высокомерная враждебность, которую она усвоила на высотах Да-Винчи. Даже не зная с кем, она все равно готова была сражаться... возможно, отметил он про себя, всего лишь с открывалкой для консервов или сковородкой в руках. Эта мысль настолько развеселила его, что он против своей воли начал смеяться, а единожды начав, он уже не в состоянии был остановиться. И вот в таком-то состоянии он и встретился лицом к лицу с двумя пришельцами.

— Что здесь смешного? — спросил один из пришельцев, женского пола.

Игнас, утирая глаза от слез, ответил:

— Вы помните, что сопровождало вашу поездку? Вам запомнились опутавшие своей паутиной планету пауки? Похоже, вы ничего об этом не помните?

Это в самом деле было очень смешно. Пришельцы даже не заметили нечеловеческих усилий целого триумвирата святых, наделенных сверхъестественными способностями. Для них ничего особенного не произошло, не было даже галлюцинаций, и в то же время иллюзорными оказались все попытки, предпринимаемые Ледебером, Сарой Апостолис и шизом Омаром Даймондом. Он все смеялся и смеялся, а тем временем к первым двум пришельцам присоединился третий, а затем и четвертый.

Один из них, мужского пола, осмотревшись по сторонам, только тяжело вздохнул.

— Боже, в какую жалкую свалку превратилось это место! Вы полагаете, что аналогичная картина здесь повсюду?

— Но ведь вы можете помочь нам, — сказал Игнас. Ему удалось овладеть собой. Указав на ржавеющий остов самоуправляемого трактора, который со всех сторон облепили дети, он произнес: — Вы не могли бы настолько войти в наше положение, чтобы подсобить в ремонте моего сельскохозяйственного инвентаря? Если б мне хоть чуть-чуть кто-нибудь помог...

— Конечно, конечно, — сказал один из мужчин. — Мы поможем расчистить это место, привести его в порядок. — Он сморщил нос, очевидно, учуяв или увидев нечто такое, что вызвало в нем отвращение.

— Проходите, — сказал Игнас. — Я хочу угостить вас кофе. — Он побрел ко входу в свою лачугу. Чуть погодя, вслед за ним двинулись трое мужчин и женщина. — Я должен извиниться за то, что у меня так тесно, да и удобства не то, чтобы... — Он широко распахнул дверь и на этот раз большей части кошек наконец-то удалось прорваться в лачугу. Наклонившись, он стал одну за другой подхватывать и вышвыривать во двор. Четверо пришельцев нерешительно вошли и стали с откровенно несчастным видом осматривать хижину.

— Присаживайтесь, — сказала Элси, придав некоторую любезность своему голосу. Она поставила на очаг ме-

таллический котелок для чая, зажгла горелку. — Только уберите ненужное вон с той скамейки, — распорядилась она. — Посбрасывайте куда угодно, если хотите, хоть на пол.

Четверо пришельцев неохотно, с ощутимой брезгливостью, смахнули на пол уйму различной грязной детской одежды, после чего расположились на скамейке. Выражение лиц у них было какое-то отсутствующее, ошеломленное, и Игнасу очень захотелось узнать причину.

— Неужели вы не в состоянии содержать в чистоте свое собственное жилище? — запинаясь произнесла женщина. — Я хочу сказать, как это вы живете в такой... — она махнула рукой, не в силах продолжать дальше.

Игнас вдруг ощутил необходимость извиниться. Только ведь... так много на свете куда более важных дел и так ничтожно мало времени. Ни он, ни Элси, казалось, не усматривали никакой возможности исправить положение; было, конечно, не очень хорошо до такой степени запустить хозяйство, довести все до такого плачевного состояния, но... он пожал плечами. Когда-нибудь потом, пожалуй. Да и в этом пришельцы могли бы оказать помощь; например, велеть симулакруму-рабочему навести порядок. Вот у маниев такие симулакрумы были, но они слишком много за них заламывали. Может быть пришельцы предоставят ему такого работягу-сима БЕСПЛАТНО.

Из дыры позади ледника вылезла крыса и быстро пересекла комнату. Женщина, увидев грубое маленькое оружие, которое несла крыса, закрыла глаза и громко застонала.

Игнас, который в это время готовил кофе, хихикнул. Что ж, никто их сюда не приглашал. Если им так не нравится Гандитаун, никто их здесь не станет задерживать.

Из спальни появилось несколько ребятишек. Увидев гостей, они в изумлении раскрыли рты. Пришельцы сидели напряженно, не меняя поз и ничего не говоря, они мучительно дожидались обещанного кофе, не обращая ни малейшего внимания на пожиравшую их глазами детвору.

* * *

Во вместительном зале заседаний в Адольфвилле вдруг неожиданно для всех заговорил представитель общины гебов Джекоб Саймион.

— Они приземлились в Гандитауне. С ними сейчас Игнас Ледебер.

Сообщение это привело в ярость Говарда Строу.

— И это пока мы здесь сидим и чешем языками! Хватит тратить время на пустопорожнюю болтовню. Давайте уничтожим их — и точка! Что им здесь делать, на нашем спутнике? Разве вы со мной не согласны? — Он ткнул пальцем в Габриеля Бейнса.

— Согласен, — ответил Бейнс, он чуть-чуть отодвинулся от делегата маниев. — Откуда вам это стало известно? — спросил он у Джекоба Саймиона.

Геб издал сдавленный смешок.

— А вы, что, не видите их здесь, в этом помещении? Астральные дела? Вы даже не помните, как сюда пришел Игнас. Пришел и забрал с собой Омара Даймонда. Но вы об этом позабыли, так как этому не суждено было случиться. Пришельцы сделали это неосуществившимся, разделив троих на одного и двух.

Не отрывая от пола безнадежного взгляда, депр печально произнес:

— Значит, уже слишком поздно. Они высадились.

Говард Строу в ответ рассмеялся, отрывисто, равнодушно.

— Но только в Гандитауне. Кого это волнует? По нему уже давно плачет хорошая швабра. Лично я был бы только рад, если бы его уничтожили целиком и полностью — ведь это настоящая выгребная яма, и от всякого, кто в ней живет, невыносимо смердит.

Втянув голову в плечи, как будто его ударили, Джекоб Саймион пробормотал:

— По крайней мере, нам гебам, не свойственна жестокость. — Он прикрыл глаза, тщетно пытаясь сдержать слезы. При виде этого Говард Строу облегченно ухмыльнулся и слегка подтолкнул Бейнса.

— У вас в Да-Винчи имеется достаточно эффективное оружие? — спросил у него Бейнс. Интуиция подсказывала ему, что готовность маниев сбросить со счетов Гандитаун имеет вполне определенную подоплеку; мании, возможно, замышляли ни за кого не заступаться, пока не возникнет непосредственная угроза их собственному поселению. Они категорически не желают предоставлять для общего блага изобретательность своих гиперативных умов.

Давнишние подозрения Габриеля Бейнса в отношении Строу теперь получили весьма серьезные подтверждения.

Тревожно нахмурившись, Анетта Голдинг произнесла:

— Мы не можем допустить, чтобы Гандитаун вылетел в трубу.

— "Вылетел в трубу"? — передразнил ее Строу. — А неплохо бы! Почему бы не посодействовать этому? Послушайте: у нас есть сверхоружие. Мы к нему еще ни разу не прибегали; с его помощью можно уничтожить любую вторгшуюся армаду. Мы выпроводим пришельцев — но сделаем это, когда сами сочтем нужным. — Он обвел взглядом остальных делегатов, явно наслаждаясь могуществом своего положения, господством над ними. Они все теперь всецело зависели только от него.

— Я знал, что вы поведете себя именно так, как только наступит кризис, — с горечью вымолвил Габриель Бейнс. Боже, как он ненавидел маниев. Ненадежные в нравственном отношении, эгоистичные и самонадеянные, они попросту не в состоянии были хоть что-нибудь сделать для общего блага. Размышляя над этим, он дал себе зарок — если когда-нибудь подвернется удобный случай отыграться на Строу, то он уж его не упустит. Фактически, понял он, если представится благоприятная возможность отплатить всей этой компании, всему клану маниев — ради такой цели стоит жить. Пока что преимущество на стороне маниев, но ведь так не будет продолжаться вечно.

По сути, Габриель Бейнс отметил про себя, стоило бы даже отправиться к пришельцам и заключить с ними договор от имени всего Адольфвилля: пришельцы и мы против высот Да-Винчи.

И чем больше он об этом думал, тем больше по душе была ему такая идея.

— У вас есть что-нибудь, что вы могли бы предложить нам, Гейб? — пристально глядя на него, спросила Анетта Голдинг. — У вас такой вид, будто вы придумали что-то стоящее. — Как и у всех поли, у нее было обостренное восприятие. Она верно истолковала перемены в выражении его лица.

Гейб предпочел солгать. Нельзя было иначе.

— Как я полагаю, мы можем пожертвовать Гандитауном. Мы не станем им мешать, пусть они обосновываются в той местности, организуют базу, в общем, поступают

так, как им заблагорассудится. Нам это может не нравиться, но... — Он пожал плечами. Что еще они в состоянии сделать?

— Л-люди, в-вы, — заикаясь, жалобно произнес Джекоб Саймион, — б-безразличны к нашей с-судьбе только из-за того, что мы — не столь чистоплотны, как все вы. Я намерен вернуться в Гандитаун к своему клану. Если им суждено погибнуть, то я погибну вместе с ними. — Он встал, с грохотом оттолкнув свой стул. — Предатели, — добавил он, и шаркающей гебовской походкой направился к выходу. Остальные делегаты молча наблюдали за его уходом, выражая, каждый по-своему, равнодушие. Даже Анетта Голдинг, которой всегда до всех и всего было дело, казалась не особенно обеспокоенной.

И все же — пусть всего лишь на какое-то мимолетное мгновенье — Габриелю Бейнсу стало грустно. Ибо каждого из них, и даже всех их в целом, когда-нибудь может постигнуть точно такая же участь, поскольку частенько случалось, что паран, поли, шиз и даже маний мало-помалу соскальзывали, как бы уносимые непреодолимым течением, незаметно, внешне неразличимо, но в конечном итоге безвозвратно к тому, чтобы превратиться в геба. Такая судьба может постигнуть их всех. В любое время.

А теперь, понял Бейнс, если это случится с любым из нас, нам некуда будет податься. Что станет с любым гебом без Гандитауна? Хорошенький вопрос. Ему стало не по себе при мысли об этом. Его обуял страх.

— Подождите, — громко крикнул он вслед удаляющемуся гебу.

У самой двери неуклюжая, небритая, неряшливая фигура Джекоба Саймиона в нерешительности приостановилась; в понуром взгляде геба мелькнул проблеск надежды.

— Вернитесь, — сказал Габриель Бейнс, затем обратился к остальным делегатам, в особенности к высокомерному Говарду Строу. — Нам необходимо действовать согласованно и дружно. Сегодня это — Гандитаун, завтра это будет поселок поли Гамлет или мы сами, или шизы — пришельцы переловят нас одних за другими поодиночке, пока высоты Да-Винчи не останутся в гордом одиночестве. — Его антагонизм по отношению к Строу придал голосу оттенок ядовитой суровости; он едва сам узнавал его. — Я

официально голосую за то, чтобы мы употребили все наши ресурсы и отвоевали Гандитаун. Нам следует немедленно занять оборону и стоять до конца. — Прямо посреди куч мусора, навоза и ржавеющего оборудования, добавил он про себя, и поморщился.

Через некоторое время его поддержала Анетта.

— Я... тоже за это предложение.

Все остальные, один за другим, проголосовали "за". Голос "против" подал только Говард Строу. Таким образом, предложение Бейнса прошло.

— Строу, — резким тоном произнесла Анетта, — вам поручается предъявить то чудесное оружие, которым вы хвастались. Поскольку вы народ воинственный, вам мы и доверяем провести атаку с целью возвращения Гандитауна. — Затем она повернулась к Габриелю Бейнсу. — А вы, параны, способны тщательно ее подготовить. — Теперь, когда все было решено, она казалась совершенно спокойной.

— Вы хотя бы представляете себе, что такое сражаться в Гандитауне? — недовольно пробурчал Строу. — Путь себе придется прокладывать в доходящих до пояса... — Он осекся, затем обратился к Джекобу Саймиону и Омару Даймонду. — Нам понадобятся все имеющиеся среди шизов и гебов святые, провидцы, чудотворцы и просто рядовые экстрасенсы, каких только сможем откопать. Ваши поселки согласны мобилизовать их и предоставить в наше распоряжение?

— Не возражаю, — сказал Даймонд. Саймион утвердительно кивнул.

— А кроме чудо-оружия из Да-Винчи и особых способностей святых из кланов гебов и шизов, — сказала Анетта, — нам, представителям остальных кланов, тоже не мешало бы предложить нечто более существенное, чем простую видимость сопротивления.

— Если бы заполучить, — подала голос мисс Хибблер, — полные имена пришельцев, мы могли бы составить нумерологические диаграммы и выявить их слабые места. Или, будь в нашем распоряжении точные даты рождения каждого из них...

— Как я полагаю, — перебила ее Анетта, — оружие маниев, поддержанное организаторским талантом паранов, в сочетании с экстрасенсорными способностями гебов и шизов, будет куда более действенным.

— Спасибо, — сказал Джекоб Саймион, — за то, что не пожертвовали Гандитауном. — Взгляд его говорил красноречивее всяких слов о том, насколько он признателен Габриелю Бейнсу.

Впервые за многие месяцы, а может быть и годы, Бейнс почувствовал, как размягчился тот защитный покров, которым он себя окружал; он наслаждался — пусть всего несколько мгновений — ощущением полного расслабления, близким к эйфории. Кто-то его любит. Пусть даже геб, все равно это очень много для него значило.

Это напоминало ему детство. Время, которое предшествовало его окончательному решению стать параном.

ГЛАВА VII

Проходя по грязной, заваленной кучами мусора центральной улице Гандитауна, доктор Мэри Риттерсдорф не преминула заметить:

— За всю свою жизнь не видела ничего подобного. Клинически — это стопроцентное безумие. Эти люди, должно быть, все без исключения гебефреники.[1] Притом ужасно, ужасно опустившиеся. — Что-то внутри нее непрестанно призывало поскорее бежать отсюда, оставить это место и больше никогда не возвращаться. Вернуться на Землю, к своей профессии консультанта по укреплению семейных отношений и позабыть навсегда все, что ей довелось здесь повидать.

А как же тогда быть с идеей попытаться применить к этим людям последние достижения современной психотерапии...

Она вздрогнула. Даже от лекарственной терапии и электрошока проку здесь, по всей вероятности, не будет никакого. То, что предстало ее взору специалиста, было завершающей стадией распада личности, отсюда возврата уже нет.

1 Гебефрения — одна из форм шизофрении, проявляющаяся нелепостью поведения, разорванностью и вычурностью речи. Поступки больных отличаются дурашливостью, театральной манерностью; возможны галлюцинации. Для гебефреников характерны непрерывно прогрессирующая бездеятельность, эмоциональная тупость, регресс поведения, повышенная сексуальность (прим. переводчика).

— Итак, ваш диагноз — гебефрения? — спросил сопровождавший ее молодой агент ЦРУ Дэн Мэйджбум. — Я могу официально сообщить это своему руководству? — Взяв ее за руку, он помог ей переступить через обглоданные останки какого-то крупного животного; под лучами полуденного солнца ребра его торчали как зубья огромных изогнутых вил.

— Да, в этом нет ни малейшего сомнения, — сказала Мэри. — Вы заметили куски мертвой крысы, валявшиеся рядом с дверью лачуги? Меня едва не вырвало при виде этого. До сих пор выворачивает желудок. Никто уже не живет так. Даже в Индии или Китае. Как будто время повернулось вспять на четыре тысячи лет, так, скорее всего, жили синантропы и неандертальцы. Только рядом с их пещерами не было ржавеющего машинного оборудования.

— Когда вернемся на корабль, — предложил Мэйджбум, — неплохо бы выпить.

— Никакое спиртное мне не поможет, — сказала Мэри. — Вы знаете, что напомнило мне это ужасное место? Мерзкую старую квартиру, куда перебрался мой муж после того, как мы разошлись.

Мэйджбум остановился, в недоумении вытаращив на нее глаза.

— Вы же знаете, что я была замужем, — сказала Мэри. — Я говорила вам об этом. — Ее немало заинтересовало, почему это замечание так удивило ее спутника; по дороге сюда она свободно обсуждала с ним те проблемы, которыми сопровождалось замужество, и нашла в нем благодарного слушателя.

— Я не могу поверить, что ваше сравнение верно, — ответил Мэйджбум. — Здешнее состояние является симптомом группового умственного расстройства. Ваш муж никогда так не жил — он не страдал душевными болезнями. — Мэйджбум при этом весьма хмуро поглядел на Мэри.

Она остановилась.

— Откуда вам это известно? Вы ведь никогда ни с кем не встречались. А Чак был — да и сейчас — серьезно болен. В этом я нисколько не сомневаюсь. Ему присущи многие характерные для гебефреников черты... Он всегда уклонялся от социосексуальной ответственности. Я вам рассказывала о своих многочисленных попытках заставить

его искать такую работу, которая гарантировала бы ему приемлемый доход. — Но, разумеется, Мэйджбум сам был сотрудником ЦРУ; вряд ли она могла ожидать проявлений сочувствия с его стороны в данном вопросе. Лучше, пожалуй, больше не касаться этой темы. Положение дел было настолько удручающим, что совсем необязательно было пересказывать историю ее взаимоотношений с Чаком.

Стоявшие по обе стороны от нее гебы — именно так они себя называли, исказив термин, обозначавший первоначально точный диагноз их душевной болезни, взирали на нее ничего не выражавшими глазами, глупо ухмылялись, ничего не понимая и не проявляя даже любопытства. Впереди нее медленно брел белый козел; Мэри и Мэйджбум остановились в нерешительности, ни он, ни она понятия не имели о козлах. Козел же, как ни в чем ни бывало, побрел дальше.

По крайней мере, отметила про себя, эти люди безвредны. Все они — гебефреники на всех возможных стадиях умственного расстройства, неспособные к агрессивным действиям. Однако на этом спутнике было немало иных душевнобольных, характеризующихся куда более зловещими сочетаниями признаков психических расстройств. Вот их-то и следовало более всего остерегаться. Она думала, в частности, о страдающих маниакально-депрессивными психозами[2], которые в своей маниакальной фазе могли быть в высшей степени опасными.

В маниакальном состоянии больные подвижны, неуживчивы, суетливы; мимика оживлена, речь ускорена, тембр голоса не соразмеряется с требованиями обстановки. Больные повышенно активны, мало спят, но при этом не испытывают усталости, жаждут деятельности, строят бесчисленные планы, которые тут же пытаются привести в исполнение, ничего не доводят до конца, отвлекаются. Реальных трудностей недооценивают. При выраженных маниакальных состояниях наступает расторможенность влечений, проявляющаяся в сексуальном возбуждении, говорливости и т.п. Вследствие крайней отвлекаемости

2 Маниакально-депрессивный психоз — психическое расстройство, протекающее в форме чередования фаз — маниакальной, выражающейся в немотивированно веселом настроении и общей приподнятости, и депрессивной; обычно приступы болезни сменяются промежутками полного здоровья. Классическое течение встречается редко, чаще всего расстройство характеризуется либо маниакальным, либо депрессивным состоянием.

внимания и суетливости мышление утрачивает целенаправленность, и суждения становятся поверхностными, хотя больные и могут проявлять тонкую наблюдательность. В большей мере страдает критика по отношению к собственным способностям и успехам не только в профессиональной области, но и в случайных сферах деятельности.

Для депрессивной фазы характерна немотивированная тоскливость, которая сочетается с двигательной заторможенностью и замедленностью мышления. Малая подвижность иногда переходит в депрессивный ступор. У депрессивных больных часто встречается неверие в собственные силы, идеи самообвинения; больные считают себя никчемными людьми, способными приносить своим близким лишь несчастья. С возникновением подобных идей связана опасность попыток к самоубийству. При глубокой депрессии больные с большой задержкой отвечают даже на самые элементарные вопросы. Сон нарушен, аппетит снижен.

Но существовала еще одна, более злокачественная категория больных, о которой было страшно даже вспомнить. Опасные действия маниаков обычно бывают импульсивными; в самом худшем случае они проявляются в виде вспышек ничем не сдерживаемого гнева, кратковременного буйства. Больной крушит все и вся вокруг себя, набрасывается на всех без разбору. Но такие приступы быстро проходят. Совсем иначе ведут себя параноики[3]. От сообразительного и проницательного параноика можно ожидать приведенной в определенную систему постоянной враждебности; она не ослабевает со временем, наоборот, становится все более изощренной и преднамеренной. Параноику свойственна холодная расчетливость и углубленный анализ. У него есть весомые причины для своих пос-

3 Паранойя — стойкое психическое расстройство, проявляющееся систематизированным бредом (без галлюцинаций), который отличается стойкостью содержания, последовательностью доказательств и внешним правдоподобием (идеи преследования, ревности, высокого происхождения, изобретательности, научных открытий, особой миссии социального преобразования и т.п.). Все факты, вступающие в противоречие с бредом, отмечаются; каждый, кто не разделяет убеждений больного, квалифицируется как враждебная ему личность. Эмоциональный фон соответствует содержанию бреда. Борьба за утверждение, реализацию бредовых идей непреклонна и активна. Явных признаков снижения интеллекта нет, профессиональные навыки обычно сохраняются долго. — *Прим. переводчика.*

тупков, а каждый его шаг лишь часть осуществления общего замысла. Его враждебность может быть не столь яростной, чтобы бросаться в глаза. Она проявляется незаметно, исподволь, но в конце концов ее стойкость и долговечность раскрываются в глубоком контексте в течение курса лечения. Потому что для таких людей, прогрессирующих параноиков, излечение, или даже временная рассудительность, фактически невозможны. Подобно гебефреникам, параноик находит возможность стабильной и постоянной, но абсолютно неверной адаптации к окружению.

И, в отличие от страдающих маниакально-депрессивными психозами, гебефренией или простой кататонической шизофренией, действия параноика могут показаться целесообразными. Чисто внешне, рисунок логической аргументации кажется цельным, непротиворечивым. Однако, за этим фасадом, параноики страдают самым сильным из умственных расстройств, отмеченных у людей. Они не способны к сопереживанию, к состраданию. Из чего следует, что для них другие люди на самом деле как бы и не существуют — это просто способные к перемещению в пространстве объекты, которые так или иначе задевают или не задевают их благополучие. В течение многих десятков лет модно было утверждать, что параноики не способны любить. Но оказалось, что это не так. Параноик может испытывать любовь в полной мере — как нечто даваемое ему другими, так и чувство со своей стороны. Но в этом-то и заключается небольшой подвох.

Параноик испытывает чувство любви как разновидность ненависти.

— В соответствии с моей гипотезой, — сказала Мэри Мэйджбуму, — несколько подвидов психических расстройств на этом спутнике служат аналогами классов или, скорее, каст древней Индии. Обитатели этого поселка, гебефрении, в этом случае будут эквивалентом неприкасаемых. Страдающие маниакальным психозом — каста воинов, не ведающих страха. Одна из наивысших каст.

— Или самураи, — сказал Мэйджбум. — Как в Японии.

— Верно, — сказала Мэри. — Параноиков правильнее классифицировать как больных параноидальной шизофренией. Они будут выполнять функции касты брахманов — жрецов

и государственных деятелей. В их ведении находится разработка политической идеологии и социальных программ — им свойственен широкий кругозор, охватывающий всю планету. Простые шизофреники[4]... — Мэри задумалась, — ... они соответствуют касте поэтов, хотя для некоторых из них характерны религиозные прозрения — как и для гебов. Среди гебов, однако наблюдается тенденция к появлению святых отшельников, в то время как из рядов шизофреников рекрутируются догматики. Те из них, у кого простая шизофрения проявляется в вяло текущей, так называемой полиморфной форме[5], будут созидательными членами общества, выдвигающими новые идеи. — Она задумалась, пытаясь вспомнить, какие еще другие категории душевнобольных могут существовать. — Здесь должны быть и такие больные, чьи психические расстройства являются развитыми формами более умеренных, чем перечисленные мною раньше, неврозов. Больные, для которых характерны навязчивые состояния принудительного характера, так называемые обсессии[6], вызванные расстройством функционирования промежуточного мозга. Такие люди будут клерками, мелкими канцелярскими слу-

4 Шизофрения — общее название целого класса психических заболеваний, вызывающих стойкие изменения личности.

5 Классификация душевных заболеваний, приводимая Мэри Риттерсдорф, весьма условна и не совсем совпадает с применяемой в отечественной психиатрии. Полиморфная шизофрения наиболее близка к т.н. истерической психопатии, при которой первая сигнальная система (т.е. система условных рефлексов, образующихся при воздействии на чувствительные нервные окончания раздражителей, исходящих из внешней и внутренней среды — световых, цветовых, температурных, болевых, пищеварительных и т.п.) преобладает над второй сигнальной системой — специфической только для человека деятельностью коры головного мозга, обеспечивающей речевое общение между людьми, установление связи между предметами (явлениями) и обозначающими их словами — являющейся одной из функций высшей нервной деятельности и составляющей основу мышления. Для таких больных свойственны инфантилизм, детскость, юношеская незрелость в суждениях, влечениях, поступках, переживаниях. Для них фантазия действительнее, чем реальность, кажущееся и желаемое они принимают за действительное; чувства и привязанности крайне непостоянны; восторженность легко сменяется отчаяньем, симпатия — антипатией; поведение отличается неестественностью, наигранностью, театральностью. — *Прим. переводчика.*

6 Обсессии — навязчивые явления, состояния, идеи, воспоминания, страхи, влечения, возникающие у человека упорно, неодолимо, зачастую тягостные для личности, однако не сопровождающиеся утратой принадлежности к своему "я"; навязчивыми могут быть и действия. Больной осознает болезненный характер этих явлений.

жащими, священнослужителями самых низших рангов. Таким больным отказано в оригинальности мышления, однако их консерватизм будет уравновешивать радикализм полиморфных шизофреников и придавать обществу устойчивость.

Для простой формы шизофрении характерны появление замкнутости, необщительности, молчаливости. Больные теряют интерес к своей работе, к жизни и делам своих близких, друзей, нередко поражают окружающих тем, что ими овладевает интерес к областям знаний, к которым ранее они не проявляли никакого влечения. Они становятся равнодушными ко многому из того, что раньше естественным образом их волновало, и, наоборот, повышенно чувствительны к пустякам. Одни больные при этом перестают уделять обычное внимание своему туалету, опрятности, опускаются, становятся вялыми; другие — несколько напряженными, суетливыми, куда-то все уходят, что-то делают, о чем-то напряженно думают, не делясь с близкими всем тем, что их в это время занимает. Нередко вместо простых ответов на задаваемые вопросы отвечают длинными путаными рассуждениями, бесплодным мудрствованием, лишенным конкретности.

— Из сказанного вами следует, — заметил Мэйджбум, — что из этого может что-то и получиться. А как такое общественное устройство отличается от того, что сложилось у нас на Земле?

На какое-то время Мэри задумалась над этим вопросом. Вопрос был неплох.

— Что, нелегко ответить на этот вопрос? — спросил Мэйджбум.

— Да нет, ответ у меня есть. Руководящую роль в здешнем обществе выполняют параноики, которые превосходят других с точки зрения инициативности, понятливости и очевидной врожденной одаренности. Разумеется, они должны испытывать немалые затруднения в попытках пресечь поползновения со стороны маниаков... Между этими двумя кастами непременно должна существовать наряженность. Однако, сами понимаете, если мировоззрение общества определяется параноиками, то господствующим эмоциональным фоном будет ненависть. В действительности ненависть распространяется в двух направлениях: руководство ненавидит всех за пределами сво-

его анклава и считает само собой разумеющимся, что все остальные питают к нему точно такую же ненависть. Отсюда неизбежно следует, что так называемая внешняя политика должна заключаться в выработке механизмов, с помощью которых эту предполагаемую ненависть, направленную на состоящее из параноиков руководство, можно перебороть. И это вовлекает все общество в иллюзорную борьбу, никогда не прекращающуюся битву с врагами, которых не существует, с целью достижения победы над призраком.

— Почему же это так плохо?

— Потому что, независимо от того, чем такая борьба закончится, результат всегда будет одним и тем же. Полнейшая изоляция этих людей. Это становится конечной целью их групповой деятельности — все в большей и большей степени отгораживаться от других живых существ.

— Неужели же это настолько плохо? Стать независимым в экономическом и во многих других отношениях?

— Нет, — ответила Мэри. — Такое общество не в состоянии стать обществом, способным полностью себя обеспечить всем необходимым; это будет совершенно иное общество, нечто такое, чего ни вы, ни я даже по-настоящему не в состоянии себе представить. Помните старые эксперименты, которые проводились над людьми, находящимися в условиях абсолютной изоляции? В середине двадцатого столетия, когда ожидалось наступление эпохи космических путешествий, под сомнение была поставлена способность человека выдержать полнейшую изоляцию. Сначала в течение нескольких дней, затем недель, причем количество и интенсивность внешних раздражителей непрерывно понижались. Помните, какие результаты были получены, когда человека поместили в камеру, куда вообще не проникали никакие внешние раздражители?

— Разумеется, — ответил Мэйджбум. — Это то, что теперь называют "чертиками". Результатом отсутствия внешних раздражителей являются особо яркие галлюцинации.

— Звуковые, визуальные, осязательные и обонятельные галлюцинации, заменившие недостающие раздражители. И по своей интенсивности такие галлюцинации могли превосходить воздействие реальных ощущений. По своей

яркости, степени воздействия они зачастую приводили в состояние неописуемого ужаса. Стимулированные наркотическими препаратами галлюцинации могут вызвать такое состояние ужаса, какого не достичь никакими переживаниями, вызванными событиями в реальном мире.

— Почему?

— Потому что изначально галлюцинации были абсолютного, самодостаточного свойства. Они образуются внутри системы, состоящей из рецепторов органов чувств, и представляют собой обратную связь, исходящую не из какой-нибудь удаленной точки, и изнутри собственной нервной системы лица, участвовавшего в подобном эксперименте. Такой человек никак не может избавиться от них и понимает, что избежать их невозможно.

— И как же подобное может проявиться здесь? Вряд ли вы в состоянии сказать что-либо определенное.

— Я в состоянии высказать кое-какие суждения, но затрудняюсь. Во-первых, я пока что еще не знаю, насколько далеко зашло сложившееся здесь сообщество по пути изоляции как самого себя, так и индивидуумов, которые его составляют. Мы скоро об этом узнаем по их отношению к нам. Что касается гебов, которых мы здесь наблюдаем, — она показала на лачуги, выстроившиеся по обе стороны от утопавшей в непролазной грязи дороги, — то их отношение не показательно. А вот когда мы столкнемся с первыми же параноиками или маниаками... Позвольте заметить вот что: несомненно, какая-то мера бредовых галлюцинаций собственных психических проекций присутствует в качестве компонента их видения мира. Другими словами, нам придется допустить, что они частично уже галлюцинируют. Но у них все еще остается и некоторое ощущение объективной реальности. Наше присутствие здесь усилит тенденцию к галлюцинациям. Нам никуда от этого не деться, и восприятия нас как элементов страшной опасности. Мы, наш корабль, будем в буквальном смысле восприняты как смертельная угроза их нынешнему существованию. Они несомненно увидят в нас передовой отряд готовящегося широкомасштабного вторжения, имеющего целью ниспровержение сложившегося у них общества, превращение его в еще одну составную часть нашего собственного общества.

— Но это же правда. Ведь мы намерены отобрать у них руководство и вернуть их туда, где они находились двадцать пять лет тому назад. Подвергнуть их принудительной госпитализации, а если же говорить об этом другими словами — поставить их в условия, эквивалентные тюремному заключению.

Это было меткое замечание, но не совсем точное. Поэтому Мэри возразила.

— Имеется одно существенное различие, которого вы не улавливаете. Внешне оно очень незначительное, но, повторяю, весьма существенное. Мы намерены предпринять попытку вылечить этих людей, попробовав по-настоящему, на уровне современной психиатрии создать для них такие условия жизни, в которых они очутились по воле случая и приспособились далеко не самым лучшим образом. Если наша программа увенчается успехом, то со временем им будет предоставлено самоуправление как законным поселенцам на территории этого спутника. Сначала лишь немногим, затем все большему количеству. Это вовсе не заточение — даже если это будет им так представляться. Как только кто-либо из проживающих на спутнике освободится от своих психозов и станет свободно воспринимать действительность без искажений, или не проецируя на нее...

— Вы полагаете, что удастся убедить этих людей добровольно согласиться с госпитализацией?

— Нет, — ответила Мэри. — Нам придется применить силу; мы собираемся получить постановление о принудительном лечении населения всей этой планеты. — Простите, спутника.

— Подумать только, — сказал Мэйджбум, — если б вы своевременно не исправились, ограничившись населением спутника, у меня появились бы достаточные основания для того, чтобы поместить вас саму под опеку.

Ошарашенная услышанным, Мэри поглядела на Мэйджбума. Он, похоже, вовсе не шутил. Его моложавое лицо оставалось суровым.

— Я всего лишь обмолвилась.

— Обмолвка, — согласился он, — но весьма показательная. Даже, можно сказать, симптоматичная. — Он улыбнулся, но невеселой улыбкой. Она заставила ее съежиться от смущения и неловкости. Что Мэйджбум име-

ет против нее? Или ее саму чуть-чуть затронула паранойя? Не исключено, что это именно так... И все же она в самом деле ощущала безграничную враждебность этого человека, а ведь она едва была с ним знакома.

И эту враждебность она ощущала на протяжении всего путешествия в систему Альфы. И, что странно, с самого начала. Она стала проявляться с первого же мгновения, как только они встретились.

* * *

Выключив на пульте дистанционное управление Дэниелом Мэйджбумом и переводя симулакрума в состояние гомеостазиса[7], Чак Риттерсдорф поднялся со стоявшего перед пультом кресла. Почти не ощущая одеревеневших от долгого сидения ног, он закурил сигарету. Было уже девять часов вечера по местному времени.

На Альфе-III-М2 сим будет продолжать функционировать сам по себе в зависимости от обстоятельств. В случае крайней необходимости управление им возьмет на себя Петри. А тем временем сам он займется другими неотложными делами. Подходил срок сдачи первого сценария для телевизионного комика Банни Хентмана, его второго работодателя.

Он теперь имел в своем распоряжении немалый запас стимуляторов; ему их презентовал слизистый плесневой грибок с Ганимеда, когда утром он собирался покинуть квартиру, отправляясь на работу в сан-францисский филиал ЦРУ. Так что, по всей вероятности, он вполне может рассчитывать на то, что удастся поработать всю ночь.

Но сначала нужно было выкроить время для одного небольшого пустяка — ужина.

Чтобы не попасть впросак, он остановился у кабинки общественного видеофона в вестибюле здания ЦРУ и вызвал квартиру Джоан Триест.

— Привет, — сказала она, увидев, кто ее вызывает. — Послушай, сюда звонил мистер Хентман, в надежде застать тебя. Поэтому лучше сразу же связаться с ним. Он сказал, что пробовал позвонить тебе в филиал ЦРУ в Сан-

7 Гомеостазис — постоянство внутренней среды организма, ее устойчивого равновесия с внешним миром без вмешательства внешних сил за счет системы внутренних обратных связей, координирующих его высшую нервную деятельность и физическую активность.

Франциско, но ему ответили, что никогда о тебе не слышали.

— Игра в тайны, — сказал Чак. — Ладно. Я сам ему позвоню. — Затем он спросил об ужине.

— Я уверена, ты полностью потеряешь охоту ужинать, со мной или без меня, судя по тому, о чем мне рассказал мистер Хентман. Ему пришло в голову кое-что такое, о чем тебе захочется незамедлительно услышать. Он сказал, что когда тебе об этом сообщит, ты упадешь в обморок.

— Теперь, значит, это уже не станет сюрпризом для меня. — Он почувствовал некоторое облегчение. Очевидно, именно так будут и дальше складываться его взаимоотношения с Хентманом.

На время выкинув из головы все остальное, что теперь связывало его с Джоан, он позвонил по номеру, который ему любезно сообщили в штаб-квартире синдиката Хентмана.

— Риттерсдорф! — воскликнул Хентман, как только установился надежный видео- и аудиоконтакт. — Где это вы? Дуйте прямо сюда. Я в своей флоридской квартире — возьмите ракетный экспресс. Я оплачу проезд. Послушайте, Риттерсдорф, сейчас как раз показывают вашу пробную работу — вот она-то и выявит, хороший вы специалист или никудышный.

Чак резко ощутил пропасть, разделявшую похожий на мусорную свалку поселок гебов на Альфе-III-М2, с его атмосферой праздности и лени, и энергичные начинания Банни Хентмана. Переход обещал быть не из легких. Полностью адаптироваться к новой обстановке удастся, пожалуй, только во время перелета обратно на Восток. А перекусить можно и на борту экспресс-ракеты, но это означает дать отставку Джоан Триест. С самого начала его новая работа подрывала устои личной жизни.

— Расскажите мне об этой своей новой замечательной идее прямо сейчас. Чтобы я мог поразмыслить над нею во время полета.

В глазах Хентмана сверкнули хитрые искорки.

— Шутить изволите? А если кто-то нас подслушивает? Вот что, Риттерсдорф, я только сделаю намек. Подспудная такая мыслишка была у меня еще тогда, когда я только собирался вас нанять, но... — Теперь он уже откровенно ухмылялся, — мне не хотелось спугнуть вас. Вы понима-

ете, что я имею в виду? Вот теперь вы уже у меня на крючке. — Он громко рассмеялся. — Так что теперь — раз и на свет божий! Вот здорово! Все сходится, верно?

— Скажите мне только идею, — продолжал настаивать на своем Чак.

Понизив голос до шепота, Хентман придвинулся как можно ближе к объективу видеокамеры. Нос его, чрезмерно увеличенный, заполнил весь экран, нос и один прищуренный, наполненный самодовольным восторгом, глаз.

— Речь идет об одном новом персонаже, которым я хочу пополнить свой репертуар. Джордж Флайб, так его зовут. Как только я расскажу, что он из себя представляет, вы тотчас же поймете, почему я именно вас нанял. Так вот, слушайте: Флайб — агент ЦРУ. И он выдает себя за женщину-психолога, консультанта по семейным отношениям. Делает это он для того, чтобы получить информацию о находящихся под подозрением лицах. — Хентман замолчал, с интересом ожидая, какую реакцию это вызовет у Чака. — Ну как? Что вы на это скажете?

Чак ответил далеко не сразу.

— Хуже этого я ничего не слышал за последние двадцать лет.

— Вы не в своем уме. Я разбираюсь в этом деле, а вы — нет. Такой персонаж может стать самым популярным на телеэстраде после "Вольного Грузчика Фредди", созданного незабвенным Редом Скелтсоном. А вы самый подходящий для этого сценарист, поскольку у вас есть соответствующий опыт. Так что, дуйте, как можно быстрее, ко мне на квартиру, и мы начнем отрабатывать первый эпизод с участием Джорджа Флайба. Вот и прекрасно. Ну что, какую еще более свежую идею можно выдвинуть?

— А как вы отнесетесь к специалистке по семейным отношениям, выдающей себя за агента ЦРУ с целью сбора информации, которая могла бы способствовать излечению ее клиентов?

— Вы что, разыгрываете меня?

— Это серьезно. И еще — симулакрум ЦРУ, который...

— Вы просто морочите мне голову. — Лицо Хентмана побагровело. Во всяком случае, на телеэкране оно заметно потемнело.

— Никогда в жизни не был более серьезным.

— Ладно. А для чего вам понадобился симулакрум?

— Этот симулакрум ЦРУ, видите ли, как раз и выдает себя за женщину-специалиста в вопросах семьи и брака, но то и дело у симулакрума наблюдаются сбои.

— Применяемые ЦРУ симы на самом деле такие? Часто ломаются?

— Все время.

— Продолжайте, — Хентман все еще продолжал хмуриться.

— Видите ли, соль в том, что симулакрум ни черта не смыслит в проблемах супружеских взаимоотношений, возникающих среди людей. И, понимаете, относится к тем, кто страшно любит давать советы. Вот он и дает всем советы по любым вопросам; как начнет трепаться, его уже не остановить. Он даже дает совет, как решить возникающие в его семье затруднения своему ремонтнику из "Дженерал Дайнэмикс", который регулярно производит его наладку. Понимаете?

Потирая подбородок, Хентман только кивнул и хмыкнул.

— Должна существовать особая причина такого поведения симулакрума. Поэтому мы попробуем проследить его происхождение. Эпизод, понимаете, начнется с разговора инженеров "Дженерал Дайнэмикс", которые...

— Усек! — перебил его Хентман. — Один из них, назовем его Френк Фапп, столкнулся с семейными проблемами и встречается с консультантом по брачным отношениям, которым в данном случае оказывается женщина. Она ему — документ, подробный анализ его проблем, а он забирает его с собой на работу в лабораторию "ДД". А там в это время находится новенький, только с конвейера, сим, ожидая, когда его начнут программировать.

— Правильно! — воскликнул Чак.

— И... и Фапп читает документ вслух другому инженеру. Назовем его Фил Грук. Симулакрум оказывается при этом случайно запрограммированным. Он воображает, что является брачным консультантом. Фактически же он изготовлен по заказу ЦРУ. Фирма отгружает его заказчику, то есть ЦРУ, и он объявляется... Хентман сделал паузу, задумавшись. — Где бы ему объявиться, Риттерсдорф?

— По ту сторону Железного Занавеса. Скажем, в Красной Канаде.

— Верно! В Красной Канаде, в Онтарио. Задумано так, что он станет выдавать себя... за продавца синтетических накидок "шимми". Подходит? Разве не этим они обычно занимаются?

— Более или менее.

— Но вместо этого, — возбужденно продолжал Хентман, — он обосновывается в небольшом офисе под вывеской: "Джордж Флайб, психолог, доктор наук. Консультант по проблемам супружеских взаимоотношений". И к нему валом валят высокопоставленные функционеры-комми, у которых проблемы с женатыми... — Хентман от волнения даже тяжело дышал. — Риттерсдорф, проработку деталей вы в состоянии выполнить лучше, чем кто-либо иной. Разумеется, не забудьте о тех двух инженерах из "Дженерал Дайнэмикс". Они должны постоянно появляться, пытаясь на скорую руку откорректировать программирование симулакрума и заставить его работать как следует. Послушайте. Садитесь-ка на экспресс-ракету во Флориду прямо сейчас, и сделайте первые наброски по пути сюда. Когда вы сюда доберетесь, у вас уже могут быть кое-какие диалоги и репризы. Я не сомневаюсь в том, что мы на самом деле вместе способны на многое. Видите ли, ваш и мой мозг в самом деле мыслят в одном и том же направлении. Верно?

— Похоже на то. Сейчас же трогаюсь в путь. — Он взял у Хентмана адрес и повесил трубку. Устало вышел из кабинки. Чувствовал он себя, как выжатый лимон. И хоть убей, но никак не мог понять, хороша или нет эта спонтанно возникшая идея. В любом случае Хентману она пришлась весьма по душе, а с этим нельзя было не считаться.

В космопорт Сан-Франциско он добрался в аэротакси. Здесь он сел на экспресс-ракету, следующую во Флориду.

Многоквартирный дом, в котором обитал Банни Хентман, являлся олицетворением роскоши. Все этажи располагались под землей, собственная охрана в мундирах патрулировала у всех выходов и вестибюлях здания. Чак назвал свое имя первому же фараону, который подошел к нему, и мгновеньем позже уже опускался в кабине скоростного лифта на этаж, где жил Банни.

Банни Хентман занимал огромную по любым меркам квартиру. Сейчас он сидел, небрежно развалясь, в шелковом халате "паутинка" ручной отделки и курил большую зеленую флоридскую сигару. Завидев Чака, он поздоровался с ним нетерпеливым кивком головы, а затем указал кончиком сигары на других находившихся в гостиной.

— Риттерсдорф, эти двое — ваши коллеги, работающие на меня писатели. Высокий — Калв Дарк. — Дарк не спеша подошел к Чаку, и они пожали друг другу руки. — А вот толстяк- коротышка, у которого на голове почти не осталось волос, — это мой старший сценарист Четверг Джонс. — Также сделав несколько шагов вперед, Джонс, подвижный негр с резкими чертами лица, пожал руку Чаку. Оба писателя, казалось, были благожелательно к нему настроены. Чак не обнаружил признаков какой-либо враждебности или даже настороженности с их стороны. По-видимому, они не были в обиде на него.

— Присаживайтесь, Риттерсдорф, — предложил Дарк. — Вам пришлось проделать далекое путешествие. Выпьете что-нибудь?

— Нет, — ответил Чак. Он хотел, чтобы голова его оставалась ясной в течение предстоящей сессии.

— Вы поужинали на борту ракеты? — поинтересовался Хентман.

— Да.

— Я рассказал своим ребятам о вашей задумке. Она понравилась обоим.

— Прекрасно.

— Тем не менее, — продолжал Хентман, — после длительного обсуждения они предложили собственное развитие... вы понимаете, что я имею в виду?

— Мне будет очень приятно услышать их идею, основанную на моей.

Четверг Джонс прочистил горло.

— Мистер Риттерсдорф, способен ли симулакрум совершить убийство?

Какое-то время Чак удивленно рассматривал Джонса, затем ответил:

— Не знаю. — Ему стало не по себе. — Вы имеете в виду — по собственной инициативе, когда функционирует автономно?

— Я имею в виду вот что: может бы лицо, осуществляющее дистанционный контроль над ним, воспользоваться им в качестве орудия убийства?

Чак недоуменно поглядел на Банни Хентмана.

— Я не усматриваю ничего смешного в такой идее. А вы еще говорили, что у меня черный юмор.

— Погодите с обобщениями, — предостерег его Банни. — Вы забыли знаменитые старые триллеры, где ужас и юмор были великолепно уравновешены. Или взять хотя бы классические английские комедии, в которых всегда кого-то убивали... Таких примеров можно насчитать десятки.

— Понимаю, — сказал Чак и больше уже ничего не говорил. Он решил хранить молчание, хотя все в нем бурлило от негодования и разочарования, настолько он был потрясен услышанным. Неужели это всего лишь случайное совпадение? Эта идея тождественна тому, что происходило в его собственной жизни? Или — и это казалось более правдоподобным — слизистый грибок сообщил что-то Банни. Но если это так, то почему синдикат Хентмана так поступает? Какой интерес для него представляет жизнь и смерть Мэри Риттерсдорф?

— Как мне кажется, — сказал Хентман, — только что ребята выдвинули неплохое предложение. Страхи, вызываемые... Видите ли, Чак, вы работаете на ЦРУ, поэтому вам это непонятно, а вот рядовой обыватель смерть как боится всего, что малейшим образом связано с ЦРУ. Усекли? Он считает ЦРУ тайной межпланетной полицией и супершпионской организацией, которая...

— Ясно, — сказал Чак.

— Ну, негоже вам дерзко перебивать меня на полуслове, — произнес Банни Хентман и поглядел в сторону Дарка и Джонса, как бы ожидая от них поддержки.

— Чак, — словно бы откликнулся на немой призыв босса Дарк, — если вы разрешите мне так вас называть, так вот, Чак, мы свое дело знаем. Когда усредненный Джо думает о цээрушном симулакруме, он готов наложить в штаны от страха. Когда вы подавали Банни так неожиданно пришедшую вам в голову идею, вы не задумывались над этим. Теперь здесь этот оператор из ЦРУ. Давайте назовем его... — он повернулся к Джонсу. — Каково наше рабочее имя?

— Зигфрид Тротс.

— Вот Зигги Тротс, тайный агент... Шинель из меха кротосверчка с Урана, низко надвинутая на лоб шапка из пуха венерианского вуба. Мокнет под дождем на каком-то паршивом спутнике, например, Юпитера. Знакомое зрелище.

— А вот тогда, Чак, когда в сознании зрителя уже сформирован определенный образ, понимаете, стереотип... — перенял эстафету у Дарка Джонс, — вот тогда-то зритель и обнаруживает в отношении Зигги Тротса нечто такое, чего нет в зловещем стереотипе обычного агента ЦРУ.

— Зигги Тротс, понимаете, форменный идиот, — снова включился Дарк. — Растяпа, который проваливает любое дело, за какое только берется. Здесь как раз нечто такое, что он должен обтяпать так, чтоб комар носа не подточил. — Он сделал несколько шагов по комнате и сел на диван рядом с Чаком. — Он намеревается совершить убийство. Уразумели?

— Да, — едва вымолвил Чак, стараясь говорить как можно меньше, превратившись в одно из тех трех символизируемых ЦРУ существ, которое только слушает, прикрыв рот на всякий случай рукою. Он внутренне сжался, его ставило в тупик и вызывало самые мрачные предчувствия все, что происходило вокруг него.

— Теперь, — продолжал Дарк, — давайте определимся в следующем вопросе: кого он вознамерен убить? — Тут он посмотрел сначала на Джонса, затем на Банни Хентмана. — Вот здесь у нас появились некоторые разногласия.

В разговор снова вступил Хентман.

— Шантажиста. Международного алмазного магната, штаб-квартира которого расположена на другой планете. Да и сам он возможно, инопланетянин.

Закрыв глаза, Чак начал раскачиваться из стороны в сторону.

— Что-то не так? — спросил у него Дарк.

— Он думает, — сказал Банни. — Примеряется к новой идее. Верно, Чак?

— Может быть, — выдавил из себя Чак. Он уже совершенно не сомневался в том, что у Хентмана побывал Лорд Бегущий Моллюск. А теперь его захлестывает нечто огромное, гнетущее, оно уже подхватило его, а сам он, как мошка, в центре водоворота событий, куда он попал

помимо собственной воли. И не было никакой возможности высвободиться отсюда.

— Я с этим не согласен, — сказал Дарк. — Международный алмазный магнат, возможно, марсианин или венерианец — само по себе не так уж плохо, вот только... — Он сделал решительный жест рукой. — Это уже явный перебор. Мы начали с определенным стереотипом — так давайте не будем на ходу менять его другим. Я считаю, что в его намерения должно входить убийство, ну скажем, собственной жены. — Дарк обвел всех взглядом. — Скажите честно, чем может не устроить такой вариант? У него придирчивая, сварлива жена — ухватили имидж? А он — этакий жестокий, матерый агент ЦРУ, типичный шпион, кого среднестатистический обыватель боится до смерти... Мы видим, какой это закоренелый циник, людей он ни во что не ставит, швыряется ими... И вот приходит домой и оказывается, что теперь ни во что не ставит ЕГО САМОГО собственная жена! — Он рассмеялся.

— Не так уж плохо, — признался Банни. — Но этого недостаточно. И хотелось бы мне знать, сколько раз мне придется создавать каждый образ заново, начиная буквально с ноля. Меня бы больше устроило что-нибудь такое, что бы я мог постоянно добавлять к шоу, постепенно, не производя коренной ломки. А не то, что подходит в качестве одноразовой шутки, которая через неделю забудется.

— Как по мне, так этот малый из ЦРУ, который находится под башмаком у жены, мог бы оставаться в структуре представления до бесконечности, — сказал Дарк. — В любом случае... — Он снова повернулся к Чаку. — Вот этого Зигги Тротса зритель видит и на работе, и в штаб-квартире ЦРУ... и на фоне всех используемых полицией электронных штучек-дрючек и всякой прочей машинерии. — Дарк рывком вскочил на ноги и стал энергично мерять комнату большими шагами. — И вдруг ему приходит в голову, что он может все это использовать против своей жены! А затем, в довершение ко всему, — ему на глаза попадается свеженький, только с заводского конвейера сим. — Голос Дарка принял металлический оттенок и стал трудноразборчивым, когда он принялся изображать, как говорит симулакрум. — Да, хозяин, что еще я могу для вас сделать? Я жду ваших указаний.

Банни улыбнулся.

— Что вы на это скажете, Чак?

— Значит, — с трудом промолвил Чак, — единственным его мотивом для убийства жены является только то, что она не в меру сварливая? Что она, совсем его застращала?

— Нет! — вскрикнул, подпрыгнув, Джонс. — Вы абсолютно правы. Нам нужна мотивация посильнее, и, как мне кажется, я придумал, что нужно для этого сделать. Все дело в девушке. Зигги завел себе любовницу на стороне. Межпланетную шпионку, красивую и чувственную, в общем, настоящую секс-бомбу — представляете? А жена не дает ему развод.

— Или, — сказал Дарк, — жена, может быть, обнаружила, что у него завелась подруга и...

— Погодите, — перебил его Банни, — что мы хотим получить — психологическую драму или смешную пародию? Не слишком ли большое нагромождение?

— Верно, — кивнув, согласился с ним Джонс. — В таком случае продолжаем придерживаться первоначальной версии — показываем, какое чудовище его жена. В любом случае Зигги встречается с симулакрумом... — Он неожиданно замолчал. Потому что в комнату кто-то вошел.

Это был альфианин. Представитель расы хитиновых существ, которого взяли в плен несколько лет тому назад, во время сражения с землянами. Его многосуставчатые конечности громко щелкали при каждом шаге, пока он торопливой походкой направлялся к Банни, прощупывая окружающее пространство своими антеннами — альфиане были слепыми, — а затем, прикоснувшись к Банни и нежно пощекотав его лицо, альфианин повернулся и отошел, удовлетворенный, по-видимому, тем, что все было там, где ему и положено быть... Безглазая его голова повернулась, как на шарнире, и теперь он стал принюхиваться, пока не уловил присутствия других людей в комнате.

— Я вам не помешал? — спросил он звонким голосом, похожим на звучание струн альфы, этаким характерным альфианским распевом. — Я слышал вашу дискуссию, и она немало меня заинтересовала.

— Риттерсдорф, — сказал Банни, обращаясь к Чаку, — это один из моих старейших и ближайших друзей. Никому другому никогда не доверял так, как доверяю своему приятелю, РБХ-303. — Тут он счел необходимым

пояснить. — Может быть, вам это неизвестно, но у альфов вместо личных имен приняты номерные знаки, что-то вроде машинного кода. В этих буквах и цифрах, в этом коротком сочетании РБХ-303 заключены все сведения, которые нужно знать о данном альфианине. Несмотря на кажущуюся безликость, на самом деле, альфиане — существа очень добрые и участливые. — Тут он издал сдавленный смешок. — У нашего РБХ-303 благородное, ну прямо-таки золотое сердце. Фактически два золотых сердца — по одному с каждой стороны.

— Рад встретиться с вами, — рассеянно произнес Чак.

Альфианин приблизился к нему, пощекотав его лицо парой антенн. Ощущение было такое, отметил про себя Чак, как будто по всему лицу пробежала пара самых обыкновенных комнатных мух — ощущение явно не из приятных.

— Мистер Риттерсдорф, — пробренчал альфианин. — Счастлив познакомиться. — Только после этого он наконец отодвинулся от Чака. — А кто еще здесь находится, Банни? Я ощущаю запахи других людей.

— Только Дарк и Джонс, — пояснил Банни. — Мои писатели. — Он снова повернулся к Чаку. — РБХ-303 — крупный коммерсант, владелец множества межпланетных торговых предприятий любого профиля, в общем — весьма крупный воротила. Видите ли, Чак, так уж случилось, но именно РБХ-303 принадлежит контрольный пакет акций "Пубтранс Инкорпорэйтед". Вам это о чем-нибудь говорит?

Какое-то мгновенье это ни о чем не говорило Чаку, но затем до него дошло: "Пубтранс Инкорпорэйтед" была главным спонсором устраиваемых Хентманом телевизионных шоу.

— Вы хотите сказать, — предположил Чак, — что эта компания принадлежит... — тут он прикусил язык, чуть было не сказав: "... принадлежит одному из наших бывших противников?" Тем не менее, он не сказал этого, ибо, с одной стороны, теперь это было для него очевидным фактом, а с другой — они все-таки были бывшими, а не нынешними противниками. Между Землей и Альфой установился мир, а былая враждебность, как считалось, была преодолена.

— Вы раньше никогда не встречались лицом к лицу ни с кем из альфиан? — сообразил вдруг Банни. — Можете

только пожалеть об этом — такой замечательный народ! Такой впечатлительный, чуткий, с потрясающим чувством юмора... "Пубтранс" субсидирует меня как раз вследствие того, что РБХ-303, осчастлививший нас своим присутствием, лично верит в меня и мой талант. Он сделал многое для того, чтобы вытащить меня из безвестности, чтобы превратить из клоуна, кривлявшегося во второразрядных ночных клубах и лишь случайного гостя телепредставлений, в продюсера своего собственного шоу — шоу, которое и существует в какой-то мере только из-за того, что "Пубтранс" чертовски здорово его рекламирует.

— Ясно, — сказал Чак. Ему стало вдруг мерзко и тошно. И совершенно непонятно почему. Может быть, причиной тому была вся ситуация в целом — он никак не мог понять ее. — Альфиане располагают телепатическими способностями? — спросил он, заранее зная, что это не так. И все же, казалось, этому альфианину свойственно какое-то сверхъестественное всеведение. Чак интуитивно ощущал, что для него не существует чего-либо неизвестного, что нет таких тайн, которых бы не разнюхал этот альфианин.

— Они — не телепаты, — сказал Банни, — но у них очень сильно развит слух. Этим они отличаются от нас, поскольку у нас есть глаза. А с чего это у вас вдруг возник вопрос, касающийся телепатии? — спросил он у Чака. — Я хочу сказать, что вы должны были знать об этом. Во время войны нас по горло напичкали информацией о наших противниках. А вы не настолько молоды, чтобы не помнить этого. Вы росли под аккомпанемент такой пропаганды.

Вдруг заговорил Дарк:

— Я скажу вам, что беспокоит Риттерсдорфа. Я сам частенько испытывал точно такие же чувства. Риттерсдорфа вы, Банни, наняли из-за идей, которые он в состоянии выдвигать. А он — и это совершенно естественно — не хочет спокойно взирать на то, как вычищаются его мозги. Он совершенно справедливо полагает, что его идеи принадлежат только ему и являются его интеллектуальной собственностью до тех пор, пока он сам не сочтет, что настал подходящий момент обнародовать их. Если привести сюда, скажем, слизистого, черт бы его взял, плесневого грибка с Ганимеда, то это самое нечестное, какое только можно во-

образить, вторжение в нашу личную жизнь; это превращает нас в машины, которые автоматически выплескивают идеи. Не беспокойтесь в отношении РБХ-303, — сказал он, обращаясь к Чаку. — Он не обладает способностью читать ваши мысли; все, что он может — это очень внимательно прислушиваться к тончайшим, едва уловимым нюансам всего того, что вы высказываете вслух... Однако, не может не удивлять, сколько полезного он может открыть для себя именно таким образом. Из альфиан получаются очень хорошие психологи.

— Сидя в соседней комнате, — сказал альфианин, — и прослушивая журнал "Лаф", я слышал весь ваш разговор об этом новом комическом персонаже Зигфриде Тротсе. Заинтересовавшись, я решил пройти к вам. Я отложил экземпляр аудиожурнала и поднялся. Вас удовлетворяет такое объяснение?

— Никто не возражает против вашего присутствия, — заверил альфианина Банни.

— Ничто, — сказал альфианин, — не забавляет, развлекает и восхищает меня столь же сильно, как творческая дискуссия таких одаренных авторов, как вы. Мистер Риттерсдорф, мне никогда не доводилось видеть, простите, слушать вас в деле, но я уже могу сказать вам, что у вас найдется много такого, что вы могли бы добавить к сказанному вашими коллегами. Тем не менее, я улавливаю вашу нерасположенность — очень глубоко укоренившееся нежелание — поддержать то направление, которое приняла развернувшаяся здесь дискуссия. Можно спросить, что же именно оказалось для вас совершенно неприемлемым в Зигфриде Тротсе и его желании разделаться с опостылевшей ему женой? Сами вы женаты, мистер Риттерсдорф?

— Да, — ответил Чак.

— Возможно, такой поворот сюжета возбуждает у вас ощущение виновности, — задумчиво произнес альфианин. — По-видимому, у вас самого имеются неосознаваемые вами враждебные побуждения к своей жене.

— РБХ, вы забрели не в свой огород. Чак вконец рассорился с женой — она уже обратилась в суд с иском о разводе. В любом случае, личная жизнь Чака — его собственное дело. Мы здесь не для того, чтобы копаться в его делах. Вернемся лучше к нашим баранам.

— Я, тем не менее, все равно говорю, — не унимался альфианин, — что кроется что-то очень необычное и нетипичное в реакции мистера Риттерсдорфа. Мне бы очень хотелось докопаться до причины. — Он повернул слепую, похожую на кочан капусты, голову в сторону Чака. — Возможно, если вы и я будем лучше знать друг друга, мне удастся выяснить, почему это так. И у меня еще такое ощущение, что это пойдет на пользу вам самому.

Банни Хентман задумчиво почесал нос.

— Может быть, он знает, в чем тут дело, но просто не хочет говорить и обсуждать этот вопрос с нами. — Затем, глянув на Чака, Хентман добавил. — Тем не менее, я все равно продолжаю утверждать, что это, в любом случае, его личное дело.

— Я просто не нахожу ничего комичного в таком повороте сюжета, — сказал Чак. — Вот истинная причина мо... — он едва не сказал "моего отвращения"... — ...моих сомнений.

— Что же, а у меня нет никаких сомнений, — решительно произнес Банни. — Я велю нашему отделу реквизита подготовить макет полого симулакрума, внутрь которого можно будет кого-нибудь поместить; это гораздо дешевле и куда более надежно, чем приобретение настоящего. И нам понадобится какая-нибудь девушка на роль жены Зигги. МОЕЙ жены, поскольку я буду играть роль Зигги.

— А как насчет подружки Зигги? — поинтересовался Джонс. — Вводить ее или нет?

— В этом случае появится одно немаловажное преимущество. Мы сможет пригласить девицу погрудастее, этакую, сами понимаете, секс-бомбу. Это доставит удовольствие многим нашим зрителям. В противном случае мы останемся всего лишь с одной женщиной, капризной и сварливой, которая определенно не будет грудастой. Такие женщины никогда не соглашаются на проведение соответствующей операции.

— У вас есть кто-то конкретно на эту роль? — спросил у Дарка Банни, приготовив ручку и блокнот.

— Есть тут одна новенькая, с которой ведет переговоры один из ваших агентов. Вы с нею знакомы, — сказал Дарк, — этакая свеженькая малютка... Патти как-то там. О, вспомнил. Пышка Уивер. У нее в самом деле ВОТ ТА-

КАЯ грудь. Врачам, наверное, пришлось подсадить ей не меньше кило двадцать тканей, если раньше у нее ничего за пазухой не было.

— Я подпишу контракт с Пышкой сегодня же вечером, — удовлетворенно кивнув, сказал Банни Хентман. — Я ее действительно знаю. Девка хороша. Она будто создана для этой роли. И еще нам понадобится какая-нибудь воинственная старая карга на роль сварливой жены. Может быть, стоит Чаку самому произвести предварительный просмотр претенденток на эту роль. — Он отрывисто засмеялся.

ГЛАВА VIII

Когда этим же вечером, но гораздо позже, Чак Риттерсдорф вернулся усталый в свою убогую квартиру в Приморском Округе, штат Калифорния, в коридоре его остановил желтый слизистый грибок с Ганимеда. В три часа ночи это было уж слишком.

"В вашей квартире два гостя", проинформировал его Лорд Бегущий Моллюск. "Мне показалось, что не мешало бы предупредить вас".

— Спасибо, — сказал Чак. Интересно, с кем это теперь придется иметь дело.

"Один из них — ваш начальник из ЦРУ", уточнил слизистый грибок. "Джек Элвуд. Другой — начальник мистера Элвуда, некий мистер Роджер Лондон. Здесь они с целью допросить вас в отношении второй вашей работы".

— Я никогда не скрывал этого от них, — сказал Чак. — В сущности, Мэйджбум, управляемый Питом Петри, был здесь собственной персоной, когда Хентман меня нанимал. — С тревогой он задумался о том, почему они сочли своим делом его работу у Хентмана.

"Правильно", подтвердил его опасения слизистый грибок. "Но видите ли, они перехватили ваши вчерашние разговоры по видеофону — сначала с Джоан Триест, затем с мистером Хентманом, которого вы разыскали во Флориде. Так что они знают не только о том, что вы работаете на мистера Хентмана, но и имеют представление в общих чертах о том сценарии, который...

Вот оно в чем дело! Он прошел мимо грибка к двери в свою квартиру. Она была незаперта. Открыв ее, его взору предстали двое коллег по ЦРУ.

— Так поздно ночью? — удивленно спросил он. — Неужели это так важно? — Пройдя к встроенному в стену шкафу — это был буквально первобытный шкаф с ручным управлением — он повесил пальто. В квартире было тепло. Коллеги по ЦРУ включили на полную мощность теплоизлучатель, не оборудованный системой терморегулирования.

— Это он? — спросил Лондон, высокий сутулый седеющий мужчина лет 56-58. Чак сталкивался с ним несколько раз и пришел к выводу, что он требователен и капризен. — Это мистер Риттерсдорф?

— Да, — ответил Элвуд. — Чак, слушайте меня внимательно. Существуют определенные факты в отношении Банни Хентмана, которые вам неизвестны. Факты, относящиеся к сфере деятельности службы безопасности. Теперь мы наконец поняли причину, по которой вы согласились выполнять эту работу. Мы теперь знаем, что вы не хотели этого, но уступили грубому принуждению.

— Что? — осторожно спросил. Они вряд ли догадывались, какую тревогу посеял в нем находившийся по коридору напротив слизистый грибок.

— Мы прекрасно понимаем, — сказал Элвуд, — в сколь трудном положении вы оказались, принимая во внимание позицию вашей бывшей жены Мэри, ту огромную сумму окончательного расчета с нею и выплат по алиментам, которые она оказалась способна с вас взыскать; мы знаем, что вам нужны деньги для погашения этой задолженности. Тем не менее, — тут он посмотрел на Лондона, тот кивнул, и Элвуд нагнулся и открыл портфель. — Здесь у меня досье на Хентмана. Его настоящее имя — Сэм Литтл. Во время войны он был осужден по обвинению в нарушении коммерческого законодательства, регулировавшего торговлю с нейтральными странами; другими словами, Хентман поставлял через посредников дефицитные материалы противнику. В тюрьме он провел, тем не менее, всего лишь год. У него был очень хороший ансамбль адвокатов. Вы желаете послушать еще?

— Да, сказал Чак. — Потому что я едва ли смогу бросить свою работу только на том основании, что пятнадцать лет тому назад...

— Ладно, — сказал Элвуд после того, как еще раз обменялся взглядом со своим начальником, Лондоном. — После войны Сэм Литтл, — или, если хотите, Банни Хентман, как теперь он себя называет, — жил в системе Альфы. Что он там делал, одному Богу известно; наши средства сбора информации неэффективны на занимаемой альфианами территории. Так или иначе, но примерно шесть лет тому назад он вернулся на Землю, притом с большим количеством межпланетной валюты. Сначала он подвизался в качестве клоуна во второразрядных ночных клубах, но затем ему оказала покровительство "Пубтранс Инкорпорэйтед" и...

— Мне известно, — перебил его Чак, — что "Пубтранс" принадлежит одному альфианину. По имени РБХ-303. Я встречался с ним.

— Вы с ним ВСТРЕЧАЛИСЬ? — И Элвуд и Лондон выкатили на него глаза. — Вам что-нибудь еще известно об этом РБХ-303? — требовательным тоном спросил Элвуд. — Его семья во время войны контролировала крупнейший концерн в системе Альфы по производству военного снаряжения. Его брат и сейчас занимает ответственный пост в правительстве Альфы, подчиняясь только самому Верховному Дожу Альфы. Другими словами, когда имеешь дело с РБХ-303, имеешь дело с правительством Альфы. — Он протянул досье Чаку. — Прочтите остальное.

Чак быстро пробежал взглядом по страницам с убористым машинописным текстом. Оказалось совсем нетрудно сделать вывод о том, что агенты ЦРУ, которые составляли это досье, были убеждены в том, что РБХ-303 выступал в качестве неофициального представителя иностранной державы, и Хентману было об этом известно. Поэтому-то деятельность их обоих и была взята под наблюдение ЦРУ.

— Причина, по которой он предоставил вам работу, — сказал Элвуд, — вовсе не такая, как вы думаете. Хентману совершенно не нужен еще один сценарист — их у него и без вас уже пятеро. Я высказываю вам наше мнение. Мы считаем, что это каким-то образом связано с вашей женой.

Чак ничего не сказал; он продолжал отсутствующим взглядом пробегать по листам досье.

— Альфиане, — сказал Элвуд, — не прочь бы вернуть себе Альфу-III-М2. И единственный способ, с помощью которого они могут сделать это законно, состоит в том, чтобы принудить землян, ныне там обитающих, покинуть спутник. В любом ином случае вступает в силу межпланетный закон (дополнительное соглашение от 2040 года), в соответствии с которым спутник становится собственностью поселенцев, а поскольку поселенцы все родом с Земли, то косвенным образом оказывается и собственностью Земли. Альфиане не в состоянии заставить поселенцев покинуть спутник, но внимательно наблюдают за ними. Они прекрасно понимают, что возникшее там общество — это общество, образованное душевнобольными, бывшими пациентами нейропсихиатрического госпиталя Гарри Стэка Салливена, который мы учредили там еще до войны. Единственной организацией, которая в состоянии забрать этих поселенцев с Альфы-III-М2, может быть только земная организация, будь то ТЕРПЛАН, или Служба Межпланетного Здравоохранения и социального обеспечения США. Стоит нам только эвакуировать население спутника, как он автоматически достанется хапугам с планет по соседству.

— Но ведь никто, — возразил Чак, — пока не собирается давать рекомендации эвакуировать поселенцев. — Насколько ему было известно, об этом не могло быть и речи. Случиться могло только одно из двух: либо Земля оставит поселенцев в покое, либо будет организован новый госпиталь, а поселенцев принудят в него вернуться.

— Возможно, вы правы, — сказал Элвуд. — Но вот известно ли об этом альфианам?

— И не забывайте, — хриплым голосом произнес Лондон, — что альфиане — великие игроки; вся война для них была одной грандиозной ставкой, и они проиграли. Они просто не понимают, как можно действовать иначе.

Это было правдой. Чак понимающе кивнул. И все же в том, что касалось его лично, он не видел смысла. Какое влияние может он оказать на принимаемые Мэри решения? Хентман знал, что он и Мэри находятся в законном разводе. Мэри теперь на Альфе-III-М2, он остался на Земле. И даже в том случае, если бы они оба были на

спутнике Альфы, Мэри ни за что не стала бы его слушать. Ее решения всегда были только ее собственными решениями.

И все же, если альфианам было известно о том, что он осуществляет дистанционный контроль над симулакрумом Дэном Мэйджбумом...

Нет, он просто не мог поверить в то, что они в состоянии располагать подобными сведениями. Это невозможно.

— Есть тут у нас одна гипотеза, — сказал Элвуд, принимая из рук Чака досье на Хентмана и пряча его в портфель. — Мы убеждены в том, что альфианам известно...

— Только не говорите мне, — сказал Чак, — что им стало известно о том, кто на самом деле Мэйджбум; это означало бы, что они проникли далеко вглубь ЦРУ.

— Я... я совсем не об этом собирался рассказать, — как-то неловко, как бы оправдываясь, произнес Элвуд. — Я намеревался сказать, что они знают, как знаем и мы, что ваш развод с Мэри чисто юридический, чисто формальный, что вы все еще так же эмоционально с нею связаны, как и прежде. В соответствии с проведенным нами моделированием ситуации их точка зрения такова: контакт между вами и Мэри в самом скором времени возобновится. Независимо от того, предчувствуете вы это или нет.

— И какая будет им от этого польза? — спросил Чак.

— У альфиан сложилось представление о ситуации, которое побуждает их к совершению решительных, я бы даже сказал, преступных действий, — сказал Элвуд. — Мы по крупицам воссоздали суть их намерений, основываясь на самых различных, полученных косвенным путем фактах, исходя из здесь и там подобранных обрывков. Не исключено, что мы ошибаемся, но похоже на то, что альфиане намерены склонить вас к тому, чтобы вы предприняли попытку убить свою жену.

Чак промолчал; лицо его оставалось совершенно невозмутимым. Шло время. Никто не решался нарушить молчание первым. Элвуд и Роджер Лондон с любопытством рассматривали Чака, все больше и больше беспокоясь, почему он не отвечает.

— Будем с вами честны, — в конце концов проворчал Лондон. — У нас имеется информатор в ближайшем окружении Хентмана. Кто именно — вас это не касается. Он

сообщил нам, что идея сценария, которую Хентман и его писаки представили вам на обсуждение по вашему прибытии во Флориду состоит в том, что симулакрум ЦРУ убивает женщину. Жену некоего мужчины. Мужчины, который является сотрудником ЦРУ. Все верно?

Чак неохотно кивнул, не сводя глаз с точки на стене справа от Элвуда и Лондона.

— Такой сюжетный поворот, — продолжал Лондон, — задуман для того, чтобы заронить у вас мысль о попытке убить миссис Риттерсдорф, использовав для этого сима ЦРУ. Что Хентману и его альфианским дружкам, разумеется, неведомо то, что сим, принадлежащий ЦРУ, в самом деле уже прибыл на Альфу-III-М2 и что именно вы им управляете. Если бы они об этом знали, они бы... — Он неожиданно замолчал, затем произнес медленно, как бы разговаривая с самим собой, — они тогда сообразили бы, что нет никакой необходимости создавать такой тщательно проработанный сценарий, чтобы заронить подобную мысль в ваше сознание. — Он изучающе поглядел на Чака. — Поскольку, весьма возможно, вы уже сами до этого додумались.

После некоторой паузы Элвуд признался:

— Это весьма интересное предложение. Сам я как-то не догадался его сделать, хотя, со временем, может быть, пришел к точно такому же заключению. — Он повернулся к Чаку. — Вы согласны отказаться от дальнейшего управления симулакрумом Мэйджбумом? Чтобы не оставалось ни малейших сомнений в том, что у вас не было таких намерений?

Тщательно подбирая слова, Чак сказал:

— Разумеется, я не стану отказываться от этого. — Было совершенно очевидно, что если бы он внял рекомендации Элвуда, это было бы равносильно признанию в том, что его начальники правы, как в отношении его самого, так и его намерений. И вдобавок ему была далеко небезразлична та задача, осуществление которой он связывал с Мэйджбумом — и для этого у него была весьма серьезная причина. Он хотел довести до логического конца свой замысел убить Мэри.

— Если что-нибудь случится с миссис Риттерсдорф, — заметил Лондон, — то принимая во внимание высказанные

Элвудом соображения, именно на вас падет тягчайшее подозрение.

— Я это понимаю, — процедил сквозь зубы Чак.

— Так что, пока этим симом Мэйджбумом управляете вы, — сказал Лондон, — то уж хорошенько позаботьтесь о том, чтоб он как можно лучше оберегал миссис Риттерсдорф.

— Вы хотите услышать, что я об этом думаю? Если уж быть до конца откровенным?

— Естественно, сказал Лондон. Элвуд поддержал его кивком головы.

— Вся эта затея — сущая нелепица, абсурд, а ваши домыслы основаны на вырванных из контекста обрывках фраз, подслушанных агентом с чрезмерно развитым воображением, да к тому же насмотревшимся телевизионных боевиков. Каким образом осуществление мною замысла убить Мэри способно изменить ее решение в отношении судьбы Альфы-III-M2 с ее душевнобольными поселенцами? Если Мэри и будет убита, то ее просто заменят другим специалистом-психологом, и уже кто-то другой будет решать судьбу обитателей спутника.

— Мне кажется, — произнес Элвуд, обращаясь к своему начальнику, — что мы здесь имеем дело не с убийством, а только с угрозой убийства. Перед нами не убийство, как средство избавиться от миссис Риттерсдорф, а убийство как угроза, нависшая у нее над головой, с целью заставить ее уступить. — Затем, повернувшись к Чаку, он добавил. — Все это имеет смысл, разумеется, при условии, что даст плоды затеянная Хентманом кампания, и что на вас должным образом подействует заложенная в телесценарии логика.

— Но вы, похоже, считаете, что подействует, — сказал Чак.

— Я считаю, — сказал Элвуд, — весьма интересным совпадением то, что вы управляете симулакрумом ЦРУ, который повсюду сопровождает вашу супругу и постоянно находится в непосредственной близости к ней, так, как это предполагается сценарием Хентмана. Какова вероятность...

— Более правдоподобным объяснением действий Хентмана, — сказал Чак, — является то, что Хентману каким-то образом удалось обнаружить, что именно я управляю симулакрумом Мэйджбумом, и свою якобы неожиданно

возникшую у него идею он почерпнул из сложившейся ситуации. И вы прекрасно понимаете, что это должно означать. — Намек Чака был более, чем прозрачным. Из этого вытекало, что, несмотря на все категорические опровержения, в ЦРУ в самом деле проникли вражеские агенты. Или...

Существовала еще одна версия. Лорд Бегущий Моллюск извлек определенные факты из сознания Чака и поделился ими с Банни Хентманом. Сначала слизистый грибок шантажировал его и убедил принять предложение Хентмана, а теперь все они, действуя сообща, решили с помощью шантажа привлечь его к осуществлению своих грязных замыслов в отношении Альфы-III-М2. Телевизионный сценарий был задуман вовсе не для того, чтобы заронить у него в уме мысль об убийстве Мэри; с помощью слизистого грибка синдикат Хентмана знал, что такая мысль возникла у Чака без какого-либо дополнительного давления.

Телевизионный же сценарий предназначен для того, чтобы дать ему знать, пусть косвенным образом, но достаточно недвусмысленно, о том, что им об этом известно. И если только он не поступит так, как ему подсказывают, то будет телепередача, в этом не приходится сомневаться, на всю солнечную систему. О его намерениях убить свою жену узнают семь миллиардов обитателей Солнечной системы.

Это было, и он вынужден это признать, неотразимым по своей убедительности аргументом, который заставлял его быть преданным синдикату Хентмана, делать то, что пожелает Банни. Гляди, чего они уже достигли: они заставили руководителей филиала ЦРУ на тихоокеанском побережье подозревать его, Чака Риттерсдорфа, в сговоре с потенциальным противником. И, как о том только что упомянул Лондон, если что-нибудь случится с Мэри...

И все же он самым решительным образом был настроен не сворачивать с ранее выбранного пути. Или, вернее, попытаться пройти по нему до конца. И не просто в качестве потенциальной угрозы, как того хотел от него синдикат Хентмана, посредством которой можно было бы принудить Мэри осуществлять в выгодном для него направлении политику в отношении душевнобольных поселенцев. В намерения Чака входило довести дело до конца,

как он это и планировал. Почему — этого он сам не понимал; ведь ему не нужно было больше видеть ее, жить вместе с ней... Почему ее смерть казалась для него столь жизненно необходимой?

Странно, но ведь именно Мэри вполне могла быть тем единственным человеком, который мог бы исследовать его разум, если бы ей представилась такая возможность, и обнаружить подлинные мотивы, которыми он руководствовался и которых сам до конца не осознавал. Такая была у нее работа...

Ирония ситуации его позабавила. И, несмотря на непосредственное соседство двух весьма проницательных чиновников ЦРУ — не говоря уже о вездесущем желтом слизистом грибке с Ганимеда, подслушивавшем его мысли по другую сторону коридора — чувствовал он себя совсем неплохо. Он вступил, в здравом уме и трезвой памяти, в конфликт с двумя опытными в таких делах противоборствующими группировками; и ЦРУ, и синдикат Хентмана состояли из маститых профессионалов, и тем не менее он интуитивно чувствовал, что в конечном счете он добьется своего, сделает то, чего сам пожелает, а не того, чего желают они.

Слизистый грибок, разумеется, уловит эти его мысли; Чак даже надеялся на то, что он сообщит о них Хентману — он очень хотел, чтобы Хентману стало известно о них.

* * *

Как только оба цээрушника ушли, слизистый грибок протиснулся под закрытой дверью в его квартиру и материализовался в самом центре старомодного ковра, покрывавшего весь пол гостиной. Мысли его звучали обвиняюще, в них звенело негодование.

"Мистер Риттерсдорф, заверяю вас: я и не думал установить контакт с мистером Хентманом. Я никогда не встречался с ним раньше, а впервые увидел совсем недавно, в тот вечер, когда он появился здесь, чтобы заполучить вашу подпись под контрактом".

— Все вы мошенники, — сказал Чак, готовя себе кофе на кухне. Было более четырех часов ночи, но благодаря противозаконным стимуляторам, которыми снабдил его

Лорд Бегущий Моллюск, он не ощущал усталости. — Все-то вы подслушиваете — неужели у вас нет личной жизни?

"В одном я полностью с вами согласен. Мистер Хентман, готовя этот сценарий, определенно знал о ваших намерениях в отношении супруги — в противном случае слишком уж маловероятно совпадение, чтобы можно было принять это на веру. По-видимому, кто-то еще, кроме меня, телепат, мистер Риттерсдорф".

Чак вопросительно посмотрел на грибка.

"Может быть, кто-либо из ваших коллег по ЦРУ. Это могло также произойти, когда ваше сознание было перенесено в мозг симулакрума Мэйджбума, находившегося на Альфе-III-М2. Не исключено, что чувствительным телепатом мог оказаться кто-то из обитающих там душевнобольных. Отныне я чувствую, что моей первейшей обязанностью должно быть содействие в том, чтобы со всей очевидностью продемонстрировать свое непредвзятое отношение к вам; я не пожалею сил в страстном желании сохранить незапятнанным в ваших глазах мое доброе имя. Я сделаю все, что только смогу, чтобы отыскать телепата, который вышел на Хентмана и таким образом..."

— Это могла быть Джоан Триест? — вдруг перебил его Чак.

"Нет. Я хорошо знаком с ее мозгом. Она не обладает такими способностями. Она — "пси", как вам известно, и ее экстрасенсорные возможности ограничены манипуляциями со временем". Здесь грибок на какое-то время задумался. "Если только не... Видите ли, мистер Риттерсдорф, существует еще один способ, с помощью которого можно выявить ваши намерения. Это может быть экстрасенсорная способность предвидения... При условии, что когда-нибудь со временем ваш замысел осуществится, и этот факт станет общеизвестным. Человек, обладающий даром предвидения, то есть провидец, заглянув в будущее, может увидеть это и, таким образом, станет обладателем необходимых знаний в настоящее время. Вот та возможность, которую мы не должны оставлять без внимания. По меньшей мере, это доказывает, что телепатический фактор не единственное объяснение осведомленности Хентмана в отношении того, что вы намерены предпринять, оставшись со своей женой с глазу на глаз, без лишних свидетелей".

Чак вынужден был признать, что ход рассуждений слизистого грибка был логически безупречен.

"Фактически", продолжал слизистый грибок, заметно пульсируя от охватившего его возбуждения, "это могло быть даже непроизвольное проявление способности предвидеть — со стороны кого-нибудь, кто близок к вам и даже не осознает, что обладает такой способностью. Например, кто-нибудь из ближайшего окружения Хентмана. Не исключено, что даже сам Хентман".

— Гм, — рассеянно произнес Чак, наполняя чашку горячим кофе.

"Вся ваша жизнь в будущем, по-видимому, омрачена впечатляющим своей жестокостью убийством женщины, которую вы боитесь и ненавидите. Это зрелище своей чудовищностью, возможно, активировало у мистера Хентмана присущую ему латентную способность предвидеть, и на него, совершенно бессознательно, как бы снизошло "озарение" создать этот специфический сценарий. Экстрасенсорные способности сплошь и рядом проявляются подобным образом. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что именно так все и произошло. Из этого следует — гипотеза, выдвинутая вашими коллегами из ЦРУ, — неверная. Хентман и его сообщники-альфиане в самом деле делают то, о чем говорят — пытаются состряпать более или менее сносный сценарий телевизионного шоу".

— А что в таком случае можно сказать об утверждениях ЦРУ о том, что альфиане якобы заинтересованы в овладении Альфой-III-М2? — спросил Чак.

"Возможно, что так оно и есть на самом деле", вынужден был признать слизистый грибок. "Для альфиан очень характерно, я бы даже сказал, типично, не сдаваться ни при каких обстоятельствах, продолжать надеяться на благоприятный исход борьбы... В конце концов, этот спутник находится в их звездной системе. Но если уж говорить откровенно — можно мне так выразиться? — гипотеза ваших коллег из ЦРУ просто поразила меня совершенно жалким набором случайных подозрений, теми несколькими разрозненными фактами, искусственно связанными друг с другом с помощью замысловатых логических построений, притянутых за уши только для данной конкретной цели. Причем в этих умозрительных рассуждениях всем без исключения — вам, Хентману, альфианам — бездоказа-

тельно приписываются чудовищные способности вести изощренные интриги. Куда более простое понимание происходящего может быть достигнуто при помощи здравого смысла, и вы как сотрудник ЦРУ должны прекрасно понимать, что как и любым другим разведывательным службам, вашему учреждению недостает именно способности проявлять здравый смысл".

Чак пожал плечами.

"Фактически я бы сказал — если можно мне так выразиться", продолжал слизистый грибок, "что ваше неуемное желание отомстить жене во многом как раз и обусловлено тем, что вы слишком долго околачивались в среде персонала аппарата разведки".

— Но вы все-таки должны согласиться вот с чем, — сказал Чак. — Для меня стало огромным несчастьем, что Хентман и его писаки наткнулись именно на эту идею своего сценария.

"Несчастье несчастьем, но весьма забавно в сложившейся ситуации то, что пройдет совсем немного времени, и вы сами засядете за составление диалогов для этого сценария". Слизистый грибок при этом мысленно засмеялся. "Вероятно, вам удастся придать им должную достоверность и убедительность. Хентман будет в восторге от вашей способности проникнуть в самую суть побуждений Зигги Тротса".

— Откуда это вам известно, что этому персонажу будет присвоено имя Зигги Тротс? — Его снова вдруг охватили подозрения.

"Это у вас в уме".

— Тогда в уме у меня должно быть и то, что мне страсть как хочется, чтобы вы оставили меня в покое, что я желаю остаться один. — Тем не менее он не ощущал потребности во сне. Он чувствовал, что больше всего ему хочется как можно быстрее засесть за этот телевизионный сценарий.

"Да ради Бога". Слизистый грибок распластался, и вскоре Чак уже был совершенно один в квартире. Покой ее теперь нарушал только приглушенный шум уличного движения далеко внизу. Он какое-то время еще постоял у окна с чашкой кофе, а затем сел за пишущую машинку и нажал клавишу, которая установила чистый лист бумаги в исходное положение.

Зигги Тротс, с отвращением подумал он. Господи Боже, что за имя! Какая личность может за ним скрываться? Совсем идиот? Некто настолько скудоумный, язвительно отметил он про себя, чтобы убийство собственной жены составляло весь смысл его существования...

В его богатом воображении опытного сценариста-профессионала, начала вырисовываться начальная сцена. В ней Зигги Тротс, разумеется, у себя дома, за каким-нибудь вполне безобидным занятием. Например, читает вечерний гомеобюллетень. И словно гарпия, на него набрасывается жена, заставляя его заняться чем-то для него крайне неприятным. Да, отметил он про себя, я в состоянии добавить множество штрихов, подчеркивающих правдоподобие сцены, опираясь при этом на свой собственный многолетний опыт. Ощущая прилив вдохновения, Чак начал печатать текст первого эпизода.

Так он писал в течение нескольких часов, то и дело изумляясь эффективности нелегальных стимуляторов на основе гексаамфетаминов. Он не испытывал ни малейшей усталости — по сути, он работал куда быстрее, чем обычно. В пол-восьмого, когда улицу уже озарили золотые лучи утреннего солнца, он наконец поднялся и на негнущихся ногах направился в кухню, чтобы приготовить завтрак. Самое время браться за другую работу, напомнил он себе, начинавшуюся в восемь тридцать в здании филиала ЦРУ в Сан-Франциско. В качестве оператора Дэниела Мэйджбума.

Держа в руке тост, он подошел к машинке и стал просматривать отпечатанные за ночь страницы. Они выглядели неплохо — ведь именно диалоги составляли суть его ремесла на протяжении многих лет. Теперь нужно отправить их пневмопочтой к Хентману в Нью-Йорк. Страницы окажутся в руках комика не позже, чем через час.

В двадцать минут девятого, бреясь в ванной, он услышал звонок видеофона. Первый вызов после установки аппарата.

— Алло, — произнес он в микрофон.

На крохотном экране появилось лицо девушки, поражающее красотой правильных ирландских черт. Он моргнул.

— Мистер Риттерсдорф? Звонит Патриция Уивер. Только что я узнала, что Банни Хентман хочет, чтобы я

участвовала в сценарии, который вы составляете. Я хотела бы знать, могу ли я рассчитывать на экземплярчик, чтобы поглядеть, что от меня требуется. Мне смерть как не терпится. Я столько лет молилась, чтобы мне выпала возможность попасть в программу Банни. Я просто без ума от него.

У него, разумеется, есть копировальный аппарат. С его помощью можно сделать любое количество копий сценария.

— Я пошлю вам только то, чем располагаю в данный момент. Но работа не завершена. Банни еще не просматривал мои наброски и не дал "добро"; я не знаю, какой материал ему захочется сохранить. Может быть, и ничего.

— Судя по тому, как Банни о вас отзывается, — сказала Патриция Уивер, — я не сомневаюсь в том, что он пустит в дело все, написанное вами. Так что, я надеюсь, вы не откажете мне в просьбе. Фактически я не так уж далеко от вас. Вы сейчас в Северной Калифорнии, а я в пригороде Лос-Анджелеса, в Санта-Монике. Мы вполне могли бы встретиться. Как вы относитесь к такому предложению? И вы сможете послушать, как я читаю свою роль в вашем сценарии.

Ее роль! Черт побери! Только теперь до него дошло, что он еще не накропал ни одной строчки диалогов, в которых бы она участвовала, пышногрудая разведчица из ЦРУ с искусственно увеличенными сосками — он написал только те сцены, в которых ссорились между собой Зигги Тротс и его мегера жена.

Решение могло быть только одно. Взять пол-отгула в ЦРУ, забаррикадироваться в квартире и дописать диалоги.

— Вот что я вам скажу, — сказал Чак. — Я привезу один экземпляр сценария к вам домой. Потерпите до вечера. — Он отыскал ручку и бумагу. — Записываю ваш адрес. — Черт с ним, с этим симулакрумом Мэйджбумом, обстоятельства изменились. В жизни никогда не видел более привлекательной девушки. Все остальное как-то сразу потускнело перед столь захватывающей перспективой.

Он записывал адрес девушки. Когда он отключил видеофон, руки его тряслись. Не теряя больше ни секунды, он упаковал написанную часть сценария и по пути в сан-францисский филиал ЦРУ бросил бандероль для Банни в почтовый ящик экспресс-почты, испытывая немалое облег-

чение от того, что хотя бы с этим он уже разделался. Пока он будет работать в конторе ЦРУ, ему, может быть, удастся выкроить время и придумать диалоги с участием мисс Уивер; к обеду он сможет перенести их на бумагу, а к восьми часам у него уже будут готовы страницы, которые можно будет ей показать. Все складывается, решил он, в общем-то не так уж плохо. Безусловно такая жизнь гораздо лучше, чем тот кошмар, в который превратила его жизнь Мэри.

Уже у самой, ставшей для него такой привычной, просторной проходной в резиденцию ЦРУ в Сан-Франциско с ним встретился лицом к лицу сам Роджер Лондон.

— Риттерсдорф, пройдите, пожалуйста, вслед за мной ко мне в кабинет.

Глава сан-францисского филиала был ужасно мрачен и глядел на него явно недоброжелательно.

О чем это еще можно говорить, задумался Чак, следуя за Лондоном в его кабинет.

— Мистер Риттерсдорф, — сказал Лондон, как только дверь за ними закрылась, — вчера вечером мы установили в вашей квартире подслушивающую аппаратуру. Нам известно все, чем вы занимались после нашего ухода.

— Чем же особым я занимался? — Хоть убей, он никак не мог вспомнить, что же он такое сделал, что могло бы вызвать подозрения у руководства ЦРУ... Если только он не выболтал что-нибудь лишнее во время разговора со слизистым грибком. Записывающая аппаратура, разумеется, была невосприимчива к мыслям слизняка с Ганимеда. Все, что ему удалось вспомнить, свелось к мимолетному его замечанию в отношении того, насколько ему не повезло в том, что идея сценария, заказанного Хентманом, заключалась в том, что муж убивает жену, используя в качестве орудия убийства симулакрума. И, безусловно, в этом не было...

— Вы бодрствовали всю ночь напролет, — сказал Лондон. — Заработались. Такое возможно только в том случае, если у вас есть доступ к препаратам, в настоящее время запрещенным на территории Земли. Следовательно, вы обзавелись связями среди инопланетян, которые и снабжают вас ими... — Он изучающе поглядел на Чака. — Так вот, вы временно отстранены от работы. Как неблагонадежный.

Чак был совершенно ошарашен этим заявлением Лондона.

— Но для того, чтобы сохранить обе свои работы...

— Любой служащий ЦРУ, настолько безрассудный, чтобы прибегать к использованию незаконных стимулирующих препаратов внеземного происхождения, по всей вероятности, не в состоянии должным образом выполнять возлагаемые на него обязанности, — сказал Лондон. — Сегодня симулакрумом Мэйджбумом будет управлять бригада операторов, в состав которой входят Пит Петри и незнакомый вам специалист, Том Шнайдер. — Грубые черты лица Лондона исказились в насмешливой улыбке. — За вами все еще сохраняется ваша вторая работа, верно? Или это не так?

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Чак. Разумеется, он все еще продолжает работать на Хентмана. Контракт подписан чин чинарем.

— Если верны догадки аналитиков ЦРУ, — сказал Лондон, — то вы станете ненужным Хентману, как только он узнает, что вам отказано в доступе к симулакруму Мэйджбуму. Так что я, скорее всего, не ошибусь, если скажу, что примерно через двенадцать часов... — Лондон глянул на часы, — ну, скажем, часам к девяти вечера вы обнаружите весьма неприятный для вас факт, что остаетесь вообще без работы. И тогда, как мне кажется, вы станете более уступчивым во взаимоотношениях с нами; с радостью ухватитесь за возможность обрести прежний статус, состоя только на одной работе — здесь. Вот и все. — Лондон открыл дверь кабинета, выпроваживая Чака. — Между прочим, не угодно ли вам назвать источник, поставляющий вам запрещенные препараты?

— Я категорически отрицаю употребление каких-либо запрещенных препаратов, — сказал Чак, но даже для него самого эти слова звучали неубедительно. Лондон начисто переиграл его, и они оба это понимали.

— Почему бы не сотрудничать лишь с нами? — спросил Лондон. — Бросьте свою работу у Хентмана, назовите поставщика — и вы сможете получить доступ к дистанционному управлению симулакрумом Мэйджбумом хоть через пятнадцать минут. Я лично отдам соответствующее распоряжение. Какие у вас есть причины для того, чтобы...

— Деньги, — честно признался Чак. — Мне позарез нужны деньги, которые зарабатываю на обеих работах. — И еще меня шантажируют, отметил он про себя. Лорд Бегущий Моллюск. Но он не мог сказать об этом, особенно Лондону.

— Ладно, — сказал. — Можете идти. Свяжитесь с нами как только для вас станет ясно, что вы развязались с Хентманом. Возможно, мы поладим, но при выполнении только одного этого условия. — Он распахнул дверь их кабинета перед Чаком.

Так полностью и не оправившись от потрясения, он обнаружил вдруг, что стоит на ступеньках широкой лестницы перед входом в здание ЦРУ. Это казалось ему невероятным. Но тем не менее это произошло — он потерял работу, составлявшую смысл его существования в течение многих лет, а причина, по которой его так бесцеремонно вытолкали за дверь, ему казалась лишь отговоркой. Теперь у него не было никакой возможности добраться до Мэри. Черт с этим жалким жалованьем. Его потерю вполне компенсирует доход, на который он вправе рассчитывать, работая в синдикате Хентмана. А вот не располагая доступом к управлению симулакрумом Мэйджбумом, он никак уже не может рассчитывать на осуществление своего замысла — с которым он явно слишком уж долго тянул. В вакууме, оставшемся после исчезновения предвкушения столь сладостного для него мгновения возмездия, он еще более отчетливо ощутил, с какой силой смыкается вокруг него пустота. Всецело и сразу он ощутил бессмыслие дальнейшего существования.

Он еще раз в каком-то оцепенении попытался было подняться по ступенькам, ведущим к главному входу в здание ЦРУ. Вдруг как-будто из ниоткуда перед ним очутился охранник в форме и перегородил ему путь.

— Прошу прощения, мистер Риттерсдорф. К моему глубокому сожалению, но мне отдано распоряжение не пускать вас.

— Мне нужно еще раз встретиться с мистером Лондоном, — сказал Чак. — Всего на минуту.

Воспользовавшись портативным переговорным устройством, охранник связался непосредственно с Лондоном.

— Хорошо, мистер Риттерсдорф. Можете пройти в кабинет мистера Лондона. — С этими словами он отступил

в сторону, и створки турникета автоматически открылись перед Чаком.

Мгновеньем позже он снова стоял перед Лондоном в его просторном кабинете, стены которого были отделаны деревянными панелями.

— Вы приняли решение? — осведомился Лондон.

— Мне нужно вот на чем заострить ваше внимание. Если Хентман меня не уволит, не будет ли это фактически доказывать неправомерность ваших подозрений по отношению к нему? — Он ждал, а Лондон в это время сидел насупившись..., но не отвечал. — Если Хентман все-таки не уволит меня, — продолжал Чак, — я намерен опротестовать ваше решение об отстранении меня от работы. Я обращусь в комиссию по охране прав государственных служащих и докажу...

— Вы отстранены от вашей работы, — вкрадчиво пояснил Лондон, — вследствие злоупотребления незаконными препаратами. Не стану скрывать, мы уже произвели обыск в вашей квартире и нашли их. Это ГБ-40, вот что вы принимали, верно? Вы в состоянии поддерживать работоспособность в течение 24 часов, принимая ГБ-40. Примите мои поздравления. Тем не менее, когда вы уже не находитесь в наших рядах, способность работать круглые сутки напролет вряд ли окажется великим благом. Желаю всяческих успехов. — Он отошел от Чака, присел за письменный стол и взял какой-то документ. Всем своим видом он показывал, что разговор окончен.

— Но вы поймете, что были неправы, — сказал Чак, — когда Хентман не уволит меня. Все, о чем я прошу, сводится к тому, чтобы вы еще раз тщательно взвесили, к чему вы придете, если все произойдет так, как я говорю. Прощайте. — Он вышел из кабинета, хлопнув дверью. Прощайте, одному Богу известно на какое время, сказал он про себя.

Оказавшись снова на тротуаре, залитом утренним солнцем, он остановился в нерешительности, не обращая никакого внимания на толпы прохожих, которые натыкались на него, отталкивали, шумно выражали свое негодование его рассеянностью. Что же теперь? Его жизнь, вот уже второй раз за этот месяц круто менялась. Сначала потрясение, вызванное уходом от Мэри, теперь это.

Слишком много для одного человека, отметил он. Интересно, что же у него теперь осталось?

Осталась еще работа у Хентмана. Только работа у Хентмана, и больше ничего.

Взяв роботакси он вернулся в свою квартиру и сразу же — махнув на все рукой — уселся за пишущую машинку. Теперь, сказал он самому себе, самый раз составить диалоги для мисс Уивер; он начисто выбросил из головы все остальное, сосредоточив внимание на машинке с листом писчей бумаги. Я напишу для тебя чертовски приличную роль, рассуждал он. И, может быть, получу что-нибудь взамен.

Он приступил к работе. И к трем часам дня завершил ее. Встал, потянулся, услышал, как скрипят суставы, и ощутил смертельную усталость. Но ум его оставался ясным. Значит, моя квартира прослушивается, отметил он про себя. А также и просматривается. Вслух, чтоб это было тут же зафиксировано на пленке, он произнес:

— Эти ублюдки из гадючника — они шпионят за мной. Просто патология. Честно говоря, какое это облегчение — высвободиться из атмосферы всеобщей подозрительности и... — он осекся. Какой во всем этом смысл? Он пошел в кухню, чтобы перекусить.

В четыре, одетый в лучший костюм, черный в полоску, из пряжи, выращиваемого на Титане роузла, напудренный, чисто выбритый и надушенный лучшим мужским одеколоном, какой только можно изготовить в самой современной химической лаборатории, он вышел на улицу в поисках аэротакси, со сценарием под мышкой. Он направлялся в Санта-Монику, в квартиру Пышки Уивер, где его ждало — одному Богу было известно, что его ждало. Он был преисполнен самых радужных надежд.

Но если и здесь он потерпит неудачу, что тогда?

Веселенький вопрос. Вопрос такой, что оставалось только надеяться на то, что не придется на него отвечать. Он уже и без того потерял очень много. Его мир резко изменился, он лишился жены и привычной работы, причем за такое короткое время, что даже не верилось. Он чувствовал, как все смешалось, перепуталось в системе восприятия. Он был настроен на Мэри ночью и на контору ЦРУ в Сан-Франциско — днем. Теперь его нервной системе не нужно было реагировать ни на то, ни на другое. Но

ведь что-то же должно заполнить образовавшийся вакуум! Все его органы чувств страстно жаждали этого.

Взмахом руки он остановил аэротакси и сообщил адрес Пышки Уивер в Санта-Монике; затем, откинувшись на спинку сиденья, он достал страницы с сочиненными днем диалогами и стал перечитывать их, то и дело внося кое-какие мелкие исправления.

Через час с небольшим такси начало опускаться на посадочную площадку изумительно красивого, фешенебельного, огромного новенького здания, в котором располагалась квартира Пышки Уивер. Час испытания пробил, отметил Чак. Такой упоительный час. Близости с пышногрудой восходящей телевизионной звездой... Чего еще можно желать?

Такси приземлилось. Слегка трясущимися руками Чак извлек из кармана бумажник, расплатился и вышел.

ГЛАВА IX

Патриция Уивер оказалась дома — и это было как бы добрым предзнаменованием. Отворив дверь, она произнесла:

— Вот те на — значит это вы мой сценарист. Как рано вы приехали. Вы сказали по видеофону...

— А закончил раньше, чем предполагал. — Чак прошел в ее квартиру, быстрым взглядом обвел модерновое ее убранство, выполненное в неодоколумбовском стиле, основанном на недавних археологических находках культуры инков Южной Америки. Все предметы обстановки, разумеется, были ручной работы. А на стенах висели живые картины. Изображение на них постоянно двигалось, что достигалось работой особых механизмов, тихо шуршащих за плоскостями картин, подобно плеску далекого океана, и создававших двумерное изображение. Или, отметил он про себя со свойственным ему практицизмом, скорее, как гул подземного автоматизированного предприятия. Он был не уверен в том, что картины ему нравятся.

— О, вы привезли их с собой! — восторженно произнесла мисс Уивер. На ней было — и это казалось

весьма странным для столь раннего времени — шитой по самой последней парижской моде вечернее платье, какие ему доводилось видеть только в журналах, но никогда прежде — в реальной жизни. Это было еще одним подтверждением того, какая пропасть отделяет его от письменного стола в ЦРУ. Платье мисс Уивер было роскошным и изощренным, напоминало лепестки внеземного цветка. Стоило оно наверняка не меньше тысячи долларов, решил Чак. Это был наряд, в котором заполучают самую хорошую и высокооплачиваемую работу и без того очень красивые женщины. Ее правая грудь, крепкая и вздымающаяся высоко вверх, была обнажена полностью. Это был в самом деле в высшей степени изысканный наряд. Она дожидалась кого-то еще? Например, Банни Хентмана?

— Я собиралась было уходить, — пояснила Пышка. — На коктейль. Теперь я позвоню и отменю его. — Она прошла к видеофону, громко стуча высокими тонкими шпильками по синтетическому, в стиле инков, земляному полу.

— Надеюсь, сценарий вам понравится, — подобострастно произнес Чак, бесцельно переступая с ноги на ногу и чувствуя, насколько он кажется второсортным в такой обстановке. Было от чего закружиться его голове — от такого дорогого изысканного, утонченного наряда, от предметов обстановки... Сейчас он стоял перед одной из живых картин, с интересом наблюдая за тем, как абстрактное изображение на ее поверхности совершенно незаметно для глаза все время видоизменяется, образуя всякий раз совершенно новую — никогда не повторяющуюся — комбинацию штрихов и оттенков.

Пышка отошла от видеофона.

— Мне удалось перехватить его до того, как он покинул студию. — Она не уточнила, кого именно она только что перехватила, и Чак решил не спрашивать об этом; это, по всей вероятности, еще сильнее заставило бы его почувствовать свою ничтожность. — Что-нибудь выпьете? — Она прошла к буфету, открыла деревянный бар, украшенный золотым орнаментом в доколумбовском стиле, явив взору Чака многочисленные ряды бутылок. — Как насчет "Огненного Шара" с Ио? Это последний "писк". Вы просто обязаны его попробовать. Бьюсь об заклад, этот коктейль еще не добрался до Северной Калифорнии... Вы

что-то такой... — она сделала весьма выразительный жест, — ... такой обалделый. — Она принялась готовить коктейль.

— Позвольте помочь вам? — Он стал рядом с ней с таким серьезным видом, будто брал ее под свое покровительство... или, по крайней мере, ему хотелось, произвести такое впечатление.

— Спасибо, не надо. — Пышка протянула ему бокал. — Позвольте мне спросить у вас кое о чем до того, как я гляну на сценарий. У меня достаточно большая роль?

— Гм... — неуверенно произнес он. Он старался сделать ее как можно более значительной, но фактически она так и осталась второстепенной, эпизодической. Похоже было, что ей подбрасывалась только голова рыбы, в то время как всю филейную часть — и с этим ничего нельзя было поделать — приходилось оставлять.

— Вы хотите сказать, что она не очень-то велика, — сказала Пышка, усаживаясь на вытянутой, как скамейка, кушетке. Лепестки, составляющие ее платье, развернулись в обе стороны от ее стройной фигуры. — Дайте мне, пожалуйста, взглянуть на нее. — В глазах ее мелькнула хитринка, но во всем остальном отношение ее оставалось чисто профессиональным. И была она абсолютно спокойна.

Сев напротив, Чак протянул ей страницы сценария. Среди них были те, что он уже переслал Банни, и те, что были написаны совсем недавно, в частности, ее роль, которую Банни еще не видел. Наверное, это было не совсем правильно — показывать Пышке роль до того, как ее просмотрит Банни..., но он решил поступить именно так, независимо от того, ошибочно или нет подобное решение.

— У этой другой женщины, — вскоре подала голос Пышка, — ей понадобилось совсем немного времени для того, чтобы перелистать одну за другой все страницы сценария, — жены Зигги, мегеры, которую он решил убить, роль куда более значительная. Она появляется практически во всех эпизодах, я же, по сути, только в одной сценке. В его кабинете, когда она туда приходит... В штаб-квартире ЦРУ. — Она протянула Чаку соответствующую страницу.

То, о чем говорила Пышка, в самом деле было правдой. Он старался как мог, но напрасно. Против факта не попрешь, а Пышка была слишком проницательным

профессионалом, чтобы ее можно было обвести вокруг пальца.

— Мне хотелось сделать роль как можно значительнее, — искренне признался Чак.

— Вот и получается, что это как раз одна из тех ужасных ролей, где девушку выпускают на сцену только для того, чтобы она стояла, выглядела как можно сексуальнее, абсолютно ничего не делая. Меня совершенно не устраивает появляться в облегающем платье, выставляя напоказ обнаженную грудь, представляя из себя всего лишь еще одну, пусть и красивую декорацию. Я — актриса. Мне нужен текст. — Она вернула Чаку сценарий. — Мистер Риттерсдорф, ради Бога, постарайтесь расширить мою роль. Банни еще не видел этого, верно? Это все пока что остается только между вами и мною? Так, может быть, нам вместе удастся что-нибудь придумать? Как вы отнесетесь к сцене в ресторане? Зигги встречается с девушкой — Шарон — в каком-нибудь шикарном загородном заведении, а тут вдруг появляется его жена... Зигги договаривается с ней прямо там, а не в квартире. Тогда Шарон, роль которой играю я, может быть, тоже задействована в этой сцене.

— Гм, — только и произнес Чак, продолжая неторопливо потягивать коктейль. У него был необычный, сладковатый привкус, напоминавший мед. Ему пришло в голову поинтересоваться, из каких ингредиентов составлен коктейль. Сидевшая напротив него Пышка со своим уже разделалась и теперь вернулась к буфету, чтобы приготовить еще один.

Чак тоже поднялся и подошел к буфетной стойке, расположившись как можно ближе к девушке. Ее плечико касалось его плеча, и ему удалось уловить какой-то особенный, странный запах напитка, который она готовила. Один из ингредиентов, судя по бутылке, был явно внеземного происхождения. Надпись на этикетке была выполнена, похоже, альфианским шрифтом.

— Эта бутылка с Альфы-I, — сказала Пышка. — Мне дал ее Банни. Он раздобыл ее у какого-то знакомого альфианина, Банни способен поладить с любым из существ, населяющих обитаемую часть вселенной. Вы знаете, что он пару лет жил на Альфе? — Она подняла бокал, повернулась лицом к Чаку и пригубила напиток. Выра-

жение лица ее стало задумчивым. — Очень бы хотела побывать в какой-нибудь другой звездной системе. Это может заставить ощущать себя почти... сверхчеловеком.

Отставив свой бокал в сторону, Чак положил ладони на с виду такие хрупкие, но весьма плотные плечи Пышки. По ее платью пошли волны.

— Я могу попытаться увеличить вашу роль, — сказал он.

— Вот и ладушки, — сказала Пышка, прильнула к нему всем телом и, вздохнув, склонила голову ему на плечо. — Для меня это так много значит. — Волосы ее, длинные, золотисто-каштановые, касались его лица и нежно щекотали. Взяв у нее бокал и чуть отпив, он поставил его на буфет рядом со своим.

Дальнейшее воспринималось им очень смутно. Единственное, что дошло до его сознания — это то, что они в спальне.

Все дело в коктейле, смешавшимся с незаконным стимулятором ГБ-40, который Лорд, черт его знает, как там он себя называет дальше, подсунул мне. В спальне было довольно темно, но кое-что все-таки было видно, очертания женской фигуры рядом с ним. Пышка Уивер сидела на краешке кровати, расстегивая многочисленные застежки своего замысловатого наряда. Наконец, платье с нее соскользнуло и, осторожно взяв его, Пышка поднялась и направилась к шкафу. Когда она возвращалась к кровати, производила какие-то странные манипуляции со своей грудью. Чак присмотрелся повнимательнее и сразу же сообразил, что это она массирует грудную клетку; грудь ее была туго перетянута в этом модном платье, стесняя ее движения, и теперь ей просто необходимо было передохнуть, какое-то время размяться. Обе ее груди, увидел Чак, идеальных пропорций, хотя и в большей части искусственные. Когда она шла, они ничуть не колыхались. Как левая, так и ранее обнаженная правая, грудь была твердой и упругой.

Как только Пышка, будто мастерски изваянная мраморная статуя, повалилась на постель рядом с ним, раздался звонок видеофона.

— ..., — выругалась Пышка, ошарашив Чака. Соскользнув с кровати, она поднялась во весь рост и стала на ощупь искать халат. Найдя его, она босиком выскочила из

спальни, на ходу затягивая поясок. — Я совсем ненадолго, дорогой, — совсем прозаично сказала она. — А ты пока оставайся здесь.

Он лежал, глядя в потолок и нежась в ее мягкой благоухающей постели. Прошло, как ему показалось, довольно много времени. Но он ощущал верх блаженства. Безмятежное ожидание само по себе приносило ни с чем не сравнимое наслаждение.

А затем, вдруг, он увидел стоящую в дверях спальни Пышку Уивер в кое-как запахнутом халате, небрежно перебросившую через плечо свободно свисающие пышные волосы. Он ждал, но она не сделала ни шага в направлении кровати. Далеко не сразу он сообразил, что она уже больше не собирается ложиться в постель, продолжения не будет, и что ему нечего от нее ожидать. Он тотчас же приподнялся на локтях, настроение томной расслабленности, предвкушения безмятежных утех пропало, словно выветрилось.

— Кто это? — спросил он.

— Банни.

— Ну и что?

— Нету делов. — Она наконец-то прошла в спальню, но сразу же направилась к шкафу. Достала простую юбку и кофту. Подобрав еще нижнее белье, она покинула спальню, намереваясь, очевидно, одеваться где-то в другом месте.

— Почему это нету? — Выпрыгнув из постели, он начал лихорадочно одеваться. Пышка запропастилась неизвестно где. Хлопнула дверь. Девушка не отвечала, — очевидно, она не слышала его вопроса.

Когда он снова, уже полностью одетый, присел на кровать, чтобы завязать шнурки, Пышка наконец-то появилась в спальне. Она была тоже одета и теперь стояла с ничего не выражающим лицом, расчесывая волосы. Глядя на то, как он неуклюже возится с шнурками, она воздерживалась от комментариев. Как будто, отметил он про себя, она находилась на удалении в нескольких световых лет от него. В спальне воцарилась атмосфера безучастной отчужденности.

— Скажите мне, — повторил он, — почему это вдруг "нету делов". Передайте мне слово в слово, что сказал Банни Хентман.

— О, он сказал, что больше не намерен пользоваться вашими сценариями, и если я звонила вам или вы звонили

мне... — Теперь, в первый раз после этого злополучного видеовызова, взгляд ее оказался сосредоточен на Чаке, как будто она наконец его увидела. — Я не сказала, что вы были у меня. Но он сказал, что, если мне доведется говорить с вами, то я должна вам сказать, что он, после размышления над вашей идеей, отверг ее как совершенно для него непригодную.

— Моей идеей?

— Сценарием в целом. Он получил страницы, которые вы переправили ему экспресс-почтой, и пришел к выводу, что они просто ужасны.

Чак почувствовал, как его уши зарделись. Волна мучительной боли прокатилась по всему лицу, подобно изморози, нос и губы онемели.

— Теперь, — продолжала Пышка, — он велит Дарку и Джонсу, своим постоянным авторам, состряпать нечто совершенно другое.

Чак не мог вымолвить ни слова.

— Мне, наверное, следовало бы связаться с ним? — наконец выдавил он из себя осипшим голосом.

— Он ничего не сказал об этом. — Пышка перестала расчесывать волосы и вышла из спальни, снова исчезнув из виду. Поднявшись, Чак последовал за ней в гостиную. Она стояла у видеофона, набирая номер.

— Кому это вы звоните? — требовательно спросил он.

— Одному своему знакомому, — рассеянно ответила Пышка. — Чтобы он забрал меня ужинать.

Надтреснутым от досады голосом, Чак произнес:

— Позвольте мне пригласить вас отужинать со мной. Мне бы это доставило немалое удовольствие.

Девушка даже не удосужилась ответить. Она продолжала набирать номер.

Пройдя к диванчику в виде доколумбовской скамьи, он собрал страницы своего сценария и уложил их в папку. Тем временем Пышка наконец-то дозвонилась к своему дружку. Он услышал, где-то на заднем плане, ее низкий, приглушенный голос.

— До скорого, — бросил на прощанье Чак, надел пальто и быстро направился к выходу.

Пышка даже не повернула головы, всецело увлеченная разговором.

Испытывая глубокое разочарование, он яростно захлопнул за собой дверь и поспешил по устланному ковровой дорожкой коридору к лифту. Дважды он спотыкался и подумал: "Боже, до сих пор еще не прошло воздействие коктейля. Может быть, все случившееся было не более, чем галлюцинацией, вызванной смешением ГБ-40 и чем-то там еще, хоть убей, не помню, как она назвала эту пакость". Мозг его совсем перестал работать, в нем не осталось ни одной живой клетки, ни одной связной мысли. К тому же он совершенно пал духом, и единственное, о чем он еще в состоянии был думать, так это о том, как бы побыстрее выбраться из здания, покинуть Санта-Монику и вернуться в родную Северную Калифорнию, в свою собственную берлогу.

Неужели Лондон оказался прав? Трудно сказать. Пожалуй, дело обстоит именно так, как рассказала девушка. Страницы, которые он отослал Банни, совершенно того не устроили и не о чем больше говорить. Но с другой стороны...

Нужно обязательно связаться с Банни, решил он. Прямо сейчас. По сути, мне следовало позвонить ему еще из квартиры Пышки.

На самом верхнем этаже многоквартирного жилого дома он нашел платную видеофонную кабину. Пройдя в нее, он начал набирать номер штаб-квартиры Хентмана. А затем, вдруг, повесил трубку на рычаг. "Неужели мне так хочется все выяснить?" — спросил он себя. "И хватит ли у меня сил перенести то, что я услышу?"

Покинув видеофонную кабину, на мгновенье задержавшись в вестибюле, он вышел через главный вход здания на улицу, где начинало вечереть. По крайней мере, какое-то время мне следует обождать, пока не прояснится мой рассудок, отметил он про себя. Пока полностью не выветрится та внеземная пакость, которой она меня потчевала.

Засунув руки в карманы, он бесцельно побрел вниз по тротуару, с каждой минутой испытывая все больший страх и отчаяние. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, не в силах противостоять полнейшему краху. Он мог только оставаться безучастным свидетелем этого неожиданного коллапса вселенной, бессильный что-либо

предпринять, сорванный с насиженного места и подхваченный потоком событий, слишком могущественным, чтобы можно было его осмыслить.

* * *

В его ушах звенел женский голос, беспрерывно повторяющий, словно записанный на пленку:

— Это стоит четверть доллара, сэр. Пожалуйста, кладите монеты, а не купюры.

Ничего не понимая, он осмотрелся и обнаружил, что снова находится в видеофонной кабине. Но кому он звонит? Банни Хентману? Обшарив карманы, он нашел монету в двадцать пять центов, опустил ее в щель монетоприемника платного видеофона. На экране тотчас же появилось изображение.

Нет, не Банни Хентману он звонил. С экрана на него глядело миниатюрное изображение лица Джоан Триест.

— В чем дело? — участливо спросила Джоан. — У тебя просто ужасный вид, Чак. Ты заболел? Откуда ты мне звонишь?

— Я в Санта-Монике, — сказал он. Во всяком случае, он допустил, что это именно так. У него не было никаких воспоминаний об обратном перелете в Район Залива. Да и судя по всему, время еще было не очень позднее. Так ли? Он глянул на часы. Прошло два часа, и теперь было чуть больше восьми. — До сих пор не в состоянии в это поверить, — сказал он, — но сегодня утром меня выставили из ЦРУ как неблагонадежного, а вот теперь...

— Вот те на! — произнесла Джоан, продолжая внимательно слушать.

— По всей вероятности, — проскрежетал он, — меня еще уволил и Банни Хентман, но в этом у меня еще нет стопроцентной уверенности. Потому что, по правде говоря, я очень боюсь разговора с ним.

Наступило молчание. Затем раздался спокойный голос Джоан.

— Ты должен позвонить ему, Чак. Или, может быть, лучше я за тебя это сделаю. Скажу ему, что я твоя секретарша или что-нибудь другое в этом духе — мне это не составит труда, не беспокойся. Назови мне номер видеофона, с которого ты говоришь. И не поддавайся отчаянью,

ни в коем случае не падай духом. Я уже достаточно хорошо тебя знаю, поэтому не открою особой тайны, если скажу, что ты вот-вот снова начнешь подумывать о самоубийстве, а если ты попытаешься совершить его в Санта-Монике, я ничем не смогу помочь. Я просто не смогу своевременно добраться туда.

— Спасибо, — сказал Чак. — Так приятно слышать, что есть на свете хоть кто-то, кто неравнодушен к твоей судьбе.

— В твоей жизни за последнее время слишком уж многое рухнуло, — произнесла Джоан с присущей ей проницательностью и здравым смыслом. — Разрыв с женой, теперь вот...

— Позвони ему, — не дал договорить ей Чак. — Вот номер. — Он поднес листок бумаги к видеоэкрану и Джоан переписала номер.

После того, как он дал отбой, он так и остался в кабинке, закурил и погрузился в раздумье. Рассудок его мало-помалу начал проясняться, и теперь его волновало, что же он делал в течение целых двух часов, с шести до восьми. Ноги у него замлели, давала себя знать усталость — по всей вероятности, все это время он провел на ногах. Бесцельно бродил куда глаза глядят по улицам Санта-Моники.

Запустив руку в карман пальто, он извлек металлическую коробочку с капсулами ГБ-40, которую он прихватил с собой, уходя из дому. С немалым трудом он проглотил одну капсулу, не запивая водой. Это должно было — как он полагал — снять усталость. Но ничто, кроме фронтальной лоботомии, не могло устранить понимание катастрофичности положения, в котором он оказался.

Слизистый грибок, подумал он. Может быть, он поможет мне.

Позвонив в справочное бюро Приморского Округа, он раздобыл видеофонный номер Лорда Бегущего Моллюска и тут же набрал его, бросил в щель монету и стал ждать.

Через какое-то время раздался звонок, означавший, что контакт установлен, но картинка на экране так и не появилась.

"Алло", приветствовали его, появившись на экране, слова, не произнесенные вслух, а воспроизведенные визу-

ально. Слизистый грибок, будучи не в состоянии говорить, не мог прибегнуть к помощи звукового тракта.

— Это Чак Риттерсдорф, — произнес он в микрофон.

На экране появились новые слова.

"У вас неприятности. Я, разумеется, не в состоянии читать ваши мысли на таком расстоянии, но улавливаю тончайшие оттенки интонации".

— Вы имеете какое-то влияние на Хентмана? — спросил Чак.

"Как я уже сообщал вам ранее..." слова, воспроизведенные с помощью видеосканнера, узкой ленточкой одно за другим проходили по экрану. "... я даже не знаком с этим индивидуумом".

— По всей вероятности, он меня уволил. Мне хотелось бы, чтобы вы попытались уговорить его взять меня обратно. — О, Господи, подумалось Чаку, мне обязательно нужно иметь работу. Любую, какую угодно работу. — Ведь это вы, — продолжал он, — склонили меня к тому, чтобы подписать предложенный им контракт. На вас можно возложить некоторую долю ответственности за то, что со мною случилось впоследствии.

"А ваша работа в ЦРУ..."

— Приостановлена. Из-за моей близости к Хентману. — Лицо Чака исказилось. — Хентман, видите ли, водится со слишком многими инопланетянами.

"Понятно. Эта ваша служба безопасности в высшей степени поражена всевозможными неврозами. Мне следовало учесть это, но я не учел. А вот вам обязательно нужно было учитывать, поскольку вы уже в течение нескольких лет ее сотрудник".

— Послушайте, я позвонил вам вовсе не для того, чтобы затевать беспредметный разговор о том, кого в большей степени следует за это порицать. Я просто хочу получить работу, любую работу. Мне без нее никак нельзя. — И нужно, отметил он про себя, решить этот вопрос сегодня же вечером. Я не могу ждать.

"Мне нужно поразмыслить над этим", сообщил ему слизистый грибок очередной движущейся полоской слов. "Дайте мне..."

Чак в бешенстве повесил трубку.

Вот так он все время и стоял в замкнутом пространстве кабинки, курил и ждал, строя предположения в отношении

того, что скажет ему Джоан, когда позвонит снова. Может случиться, вдруг пришло ему в голову, что она так и не позвонит. Особенно, если вести будут плохими. Ну и каша заварилась! До чего же я докатился...

Раздался звонок.

— Джоан?

Чак облегченно вздохнул, увидев на экране лицо девушки.

— Я позвонила по номеру, что ты мне дал. Вышла на кого-то из его подручных, некоего мистера Фелда. Он был страшно возбужден, и все, что он соизволил сообщить, сводится к тому, чтобы я заглянула в вечерний выпуск гомеобюллетеня.

— О'кей, — сказал Чак и почувствовал, что цепенеет. — Спасибо. Я приобрету лос-анджелесский бюллетень прямо здесь, а с тобой, может быть, встречусь чуть позже. — Он прервал связь, поспешно покинул кабинку видеофона и, выйдя на тротуар, стал искать взглядом бродячий автомат по продаже гомеобюллетеней.

Не прошло и нескольких минут, как у него в руках уже был нужный вечерний выпуск. Он начал его читать здесь же на улице, при свете витрины магазина. То, что он искал, оказалось не первой же полосе. Да иначе и быть не могло. Хентман был самым знаменитым телешутом.

БАННИ ХЕНТМАН, АРЕСТОВАННЫЙ ЦРУ КАК АГЕНТ ВНЕЗЕМНОЙ ДЕРЖАВЫ, БЕЖИТ ИЗ-ПОД СТРАЖИ ПОСЛЕ ЯРОСТНОЙ СТЫЧКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЛАЗЕРОВ.

Он дважды перечитал статью, прежде, чем смог поверить прочитанному. А произошло вот что: ЦРУ, на основании данных, полученных с помощью обширной сети автоматически действующих устройств по сбору информации, узнало в конце сегодняшнего дня о том, что синдикат Хентмана отказался от услуг Чака Риттерсдорфа. Для аналитиков из ЦРУ это стало решающим доводом в пользу выдвинутой ими гипотезы, в соответствии с которой Чак Риттерсдорф интересовал Хентмана только в связи с его участием в проекте "Операция Пятьдесят Минут" на спутнике Альфа-III-М2. Следовательно, так они аргу-

ментировали свою точку зрения, Хентман был, как они давно уже подозревали, агентом альфиан. Исходя из этой посылки, ЦРУ стало действовать без промедления — потому что собственный информатор Хентмана в ЦРУ, если бы они стали мешкать, успел бы предостеречь его, тем самым дав возможность своевременно сбежать. Все это было так просто и одновременно страшно. У Чака тряслись руки, пока он держал бюллетень как можно ближе к свету.

Но Хентману все-таки удалось скрыться, несмотря на все неотложные меры, предпринятые оперативным персоналом ЦРУ. Возможно, собственная машинерия Хентмана оказалась достаточно эффективной, чтоб загодя предупредить его; для него не стал неожиданным прилет целого взвода быстрого реагирования ЦРУ, который предпринял попытку "накрыть" его, как об этом говорилось в статье, прямо в помещении нью-йоркского телецентра.

Так где же теперь Банни Хентман? По всей вероятности, на пути в систему Альфы. А ГДЕ ЧАК РИТТЕРСДОРФ? На пути в никуда; впереди маячила только напоминающая трясину пустота, где не было ни живых душ, ни каких-либо проблем, ни вообще причин для дальнейшего существования на этом белом свете. Хентман соизволил позвонить Пышке Уивер, восходящей телезвездочке, и сказать ей, что он отвергает сценарий, и он даже не удосужился...

Видеофонный звонок был произведен Хентманом уже вечером, после неудавшейся попытки его арестовать. Следовательно, Пышка знала, где находится Хентман. Или, по меньшей мере, имела возможность узнать. Но это само по себе уже могло стать отправным пунктом.

Взяв такси, он быстро добрался до роскошного многоквартирного дома, в котором жила Пышка Уивер. Расплатившись, он поспешил ко входу и нажал на кнопку вызова ее квартиры.

— Кто там? — Голос ее был все таким же невозмутимым и бесстрастным, даже, пожалуй, более, чем бесстрастным.

— Это Риттерсдорф. Я оставил в вашей квартире часть своего сценария.

— Я что-то не вижу здесь никаких ваших записей, — слова ее, правда, звучали не очень уверенно.

— Если вы меня пустите, мне кажется, я сразу же отыщу их. На все уйдет не более двух-трех минут.

— Ладно. — Внутри высокой металлической двери раздался щелчок, и она отворилась — это Пышка включила электромагнит замка.

Чак сразу же бросился к лифту, ведущему вниз. Дверь в квартиру Пышки была открыта, и он прошмыгнул внутрь. Пышка встретила его в гостиной ледяным равнодушием, стоя со скрещенными на груди руками и безучастно разглядывая ночной пейзаж Лос-Анджелеса на огромном телеэкране в форме окна.

— Здесь нет ни одной страницы вашего чертова сценария, — холодно сообщила она Чаку. — Я даже не знаю, что...

— Меня интересует звонок Банни, — сказал Чак. — Откуда он звонил.

Она посмотрела на него, чуть приподняв одну бровь.

— Не помню.

— Вы хотя бы заглядывали в сегодняшний вечерний гомеобюллетень?

Она ответила не сразу.

— Может быть.

— Банни звонил вам уже после того, как ЦРУ предприняло попытку арестовать его. Вы знаете об этом, и я знаю.

— Ну и что? — Теперь она даже не соизволила взглянуть на него. Никто еще в жизни не относился к Чаку со столь ледяным пренебрежением. И все же, ему почему-то показалось, что, несмотря на всю внешнюю твердость поведения, она была изрядно напугана. Ведь она была еще совсем молоденькой, ей, скорее всего, не было даже двадцати лет. Он решил воспользоваться именно этим обстоятельством и попытать счастья.

— Мисс Уивер, я являюсь агентом ЦРУ. — У него все еще оставалось служебное удостоверение. Теперь он извлек его из внутреннего кармана пальто и протянул девушке. — Вы арестованы.

Она широко раскрыла глаза в изумлении, затем отвернулась, задыхаясь, не в силах даже вскрикнуть от ужаса. И теперь он ясно увидел, как радикально изменился характер ее дыхания. Грудь под плотным красным вязаным свитером учащенно поднималась.

— Вы в самом деле агент ЦРУ? — спросила она сдавленным шепотом. — А я-то поверила, что вы телесценарист. Именно так представил мне вас Банни.

— Мы проникли в синдикат Хентмана. Я выдавал себя за телесценариста. Пройдемте со мною. — Он взял Патрицию Уивер за руку.

— Куда это мы пройдемся? — Она с ужасом вырвалась.

— В лос-анджелесский филиал ЦРУ. Где вас допросят.

— За ЧТО?

— Вам известно, где находится сейчас Банни Хентман, — сказал Чак.

Наступило молчание.

— Откуда мне знать об этом? — сказала девушка и сразу же обмякла. — В самом деле, не знаю. Когда он позвонил, я не знала, что его арестовали и обо всем остальном, что произошло — он мне ничего не сказал об этом. И только тогда, когда я отправилась ужинать, после того, как вы ушли, только тогда я обратила внимание на заголовки бюллетеней. — Девушка, понурив голову, двинулась в сторону спальни. — Мне нужно взять пальто и сумку. И еще не мешало бы чуть подвести губы, а помада в спальне. Но я сказала вам всю правду. Честное слово.

Чак последовал за ней. В спальне Пышка сняла пальто с вешалки в шкафу, затем выдвинула один из ящиков, чтобы взять сумочку.

— Сколько же времени, как вы считаете, меня там продержат? — просила она, запуская руку в сумочку.

— Ну, — ответил он, — не больше, чем... — Он внезапно замолчал. Потому что Пышка держала в руке лазерный пистолет, дуло которого было направлено прямо на него. Его-то она и искала в сумочке.

— Не верю, что вы — агент ЦРУ, — сказала она.

— Но это именно так, — сказал Чак.

— Убирайтесь отсюда. Не понимаю, чего вы пытаетесь достичь, но Банни дал мне эту штуковину и велел пустить ее в ход в случае необходимости. — Рука ее дрожала, но дуло пистолета оставалось направленным на Чака. — Пожалуйста, уходите. Оставьте в покое мою квартиру — если вы этого сейчас же не сделаете, я убью вас. Честное слово, убью. Я говорю это совершенно серьезно. — Вид у девушки был смертельно перепуганный.

Повернувшись, Чак вышел из квартиры, понуро побрел по коридору к лифту. Кабина все еще оставалась на этаже, и он вошел в нее.

Через несколько мгновений он уже был на плохо освещенном тротуаре. Что же, ничего не поделаешь. У него всегда так — предполагаешь одно, получается совсем другое, вернее, просто ничего не получается. С другой стороны, стоически рассуждал он, он ничего не потерял... кроме, пожалуй, чувства собственного достоинства. Да и оно, дайте только срок, еще вернется к нему.

Теперь здесь больше уже нечего делать. Оставалось одно — вернуться в Северную Калифорнию.

Пятнадцати минутами позже он был в воздухе, направляясь домой, в убогую квартиру в Приморском Округе. Времяпрепровождение в Лос-Анджелесе оказалось далеко не из самых приятных.

* * *

Когда он прибыл домой, то обнаружил, что в квартире включен и свет, и электронагреватель; слушая по ГКВ одну из ранних симфоний Гайдна, в кресле удобно расположилась Джоан Триест. Завидев Чака, она тотчас же вскочила на ноги.

— Слава тебе, Господи. Я так за тебя беспокоилась. — Наклонившись, она подняла с ковра сан-францисскую "Кроникл". — Ты, наверное, уже видел сегодняшние вечерние газеты. Каким образом все это соотносится с тобой? Это означает, что теперь ЦРУ охотится и за тобой? Как за одним из служащих Хентмана?

— Их сам черт не разберет, — ответил он, прикрывая за собой входную дверь. Насколько ему удалось разобраться в сложившейся ситуации, он вряд ли теперь представлял какой-либо интерес для ЦРУ, но над этим еще следовало серьезно поразмыслить — в этом Джоан была несомненно права. Пройдя в кухню, он поставил на огонь чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, остро ощущая, как ему недостает, особенно в такие минуты автоматической кофеварки, которую он купил для Мэри — купил, а теперь оставил ей, вместе со всем остальным.

В дверях кухни появилась Джоан.

— Чак, мне кажется, что тебе следовало бы позвонить в ЦРУ. Переговорить с кем-нибудь, кого ты там хорошо знаешь. С бывшим босом, например. О'кей?

— Ты такая законопослушная, — с горечью произнес Чак. — Всегда заодно с властями — верно? — Он не рассказал ей, что в самый критический момент, когда все вокруг него рушилось и прямо на глазах шло прахом, первым ЕГО побуждением было отыскать Банни Хентмана, а не обращаться за помощью в ЦРУ.

— Пожалуйста, — не унималась Джоан. — Я ведь советовалась с Лордом Бегущим Моллюском, он думает точно также. Я слушала по радио последние известия. В них говорилось что-то об арестах других работников аппарата Хентмана.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое — ни о чем больше я не прошу. — Он выставил банку с растворимым кофе. Руки его тряслись, когда он насыпал в чашку полную десертную ложку.

— Если ты не свяжешься с ними, — решительно заявила Джоан, — тогда я ничего не смогу для тебя сделать. Так что мне, пожалуй, лучше уйти.

— А что вообще ты могла бы для меня сделать? — спросил Чак. — Что ты особого сделала для меня в прошлом? Бьюсь об заклад, что я первый из тех, с кем ты когда-либо встречалась, который потерял две работы в один день.

— Тогда что же ты собираешься делать теперь?

— Я подумаю. Может быть, эмигрирую на Альфу. — А если уж быть точным, подумал он, на Альфу-III-М2. Удастся ли мне отыскать Хентмана?

— Значит, ЦРУ рассудило совершенно правильно, — сказала Джоан, в глазах ее вспыхнула затаенная ненависть. — Синдикат Хентмана был на содержании у иностранной державы.

— О Боже! — воскликнул Чак с отвращением. — Война ведь закончилась много лет тому назад! Мне тошно от этого вздора. Всюду только и мерещатся персонажи кукольной комедии "плаща и кинжала". Я сыт этим по горло до конца своих дней. Если я уж вознамерюсь эмигрировать, то позвольте мне это сделать без каких-либо помех.

— Что мне следовало бы сделать, — сказала Джоан без особого энтузиазма, — так это арестовать тебя. Я воору-

жена. — Она тут же продемонстрировала миниатюрное, но, вне всякого сомнения, достаточно эффективное личное оружие. — Но я просто не могу заставить себя это сделать. Я очень тебе сочувствую. Как это ты умудрился превратить свою жизнь в сплошной кошмар? Даже несмотря на все настойчивые попытки Лорда Бегущего Моллюска.

— Как раз он-то и виноват в этом больше всего, — сказал Чак.

— Он только хотел помочь. Он же не рассчитывал на такую вопиющую безответственность. — Глаза ее пылали гневом. — Неудивительно, что Мэри развелась с тобой.

Чак громко застонал в изнеможении.

— Ты даже не предпринял малейших попыток повлиять на ход событий, — продолжала Джоан. — Ты сразу же сдался. Опустил руки. Ты... — Она вдруг замолчала и пристально посмотрела на чака. Он тоже услышал ЭТО. Мысли слизистого грибка с Ганимеда из квартиры на противоположной стороне коридора.

"Мистер Риттерсдорф, по коридору к вашей квартире направляется какой-то господин. Он вооружен и намерен принудить вас уйти вместе с ним. Я не в состоянии определить, кто он или что еще он от вас хочет, потому что его черепная коробка покрыта неким подобием заземленной сетки, служащей защитным экраном от телепатов. Из чего следует, что это либо военный, либо сотрудник службы безопасности или полиции, или, наконец, член преступной или антиправительственной организации. В любом случае, вам необходимо быть начеку".

— Отдайте мне этот миниатюрный лазерный пистолет.

— Нет. — Джоан вынула его из кобуры и направила в сторону двери. Лицо ее при этом оставалось безмятежно спокойным. Очевидно, она прекрасно владела собой.

— Боже мой, — взмолился Чак, — неужели ты не боишься, что тебя могут убить? — Он знал, что сейчас произойдет нечто ужасное, знал настолько определенно, словно обладал способностью предвидеть, доступной разве что только провидцу. Рука его взметнулась со скоростью кончика хлыста, он вцепился в дуло пистолета и выдернул его из руки девушки. Пистолет, однако, выпал; они оба одновременно рванулись, чтобы схватить его — и столкнулись, в результате чего Джоан отлетела к стенке.

Цепкие пальцы Чака нашарили на полу лазерную трубку. Он выпрямился, держа ее в руке...

Что-то ударило его по руке, и он ощутил жар. Трубка выпала, громко стукнувшись о пол, и укатилась куда-то. В то же мгновение в ушах зазвенел громкий мужской голос, голос, абсолютно ему незнакомый.

— Риттерсдорф, я убью девчонку, если вы попытаетесь снова поднять эту трубку.

Мужчина, который уже был в гостиной, прикрыл за собой дверь и сделал несколько шагов в сторону кухни, направив на Джоан дуло своего собственного лазера. Он был средних лет, в дешевом сером пальто из отечественной ткани и странного вида допотопных сапогах; у Чака тут же сложилось впечатление, что человек этот родом из абсолютно чуждого окружения, возможно, даже с другой планеты.

— Я думаю, он от Хентмана, — сказала Джоан, медленно выпрямляясь во весь рост. — Так что, скорее всего, слова у него не станут расходиться с делом. Но если вы считаете, что сумеете овладеть трубкой прежде, чем...

— Нет, — тут же ответил девушке Чак. — Мы оба погибнем. — Он затем повернулся к незнакомцу. — Я пытался связаться с Хентманом раньше.

— Хорошо, — сказал мужчина и сделал жест рукой в сторону двери. — Леди может остаться. Мне нужны только вы, мистер Риттерсдорф. Идемте со мной и давайте больше не будем припираться. Нам предстоит неблизкий путь.

— Вы можете проверить, спросив у Пышки Уивер, — сказал Чак, выходя в коридор впереди мужчины.

За спиной у него незнакомец проворчал.

— Хватит болтать, мистер Риттерсдорф. Сегодня уже и без того предостаточно всяких разговоров.

— Каких же именно? — Чак приостановился, ощущая, как быстро нарастает в нем животный страх.

— Таких, как о вашем проникновении в синдикат в качестве соглядатая ЦРУ. Мы теперь понимаем, почему вы хотели заполучить работу телесценариста — она была вам необходима для сбора улик против Банни. Так какие же улики вы в результате заполучили? Увидели у него в гостях альфианина. Но разве это преступление?

— Нет, — согласился Чак.

— Они намерены забодать его до смерти за это, — сказал незнакомец с пистолетом. — Черт возьми, да ведь им же прекрасно известно, уже много лет, что Бан жил в системе Альфы. Война давно закончилась. Никто не спорит, что в коммерческом плане он очень тесно связан с Альфой. А кто из бизнесменов не связан? Но он крупная фигура в масштабах всей страны. Он хорошо известен в самых различных сферах общества. Я сейчас скажу вам, почему ЦРУ настолько взъерепенилось, что решило обрушить на него весь свой гнев. Все дело в идее Бана воспользоваться сценарием, в котором сим кого-то убивает. ЦРУ посчитало, что он начинает использовать свое телешоу для...

Впереди по коридору, приняв вид огромной груды желтоватой протоплазмы, их взорам явился слизистый грибок с Ганимеда, преградив им дорогу. Он только-только выплыл из своей квартиры.

— Пропустите нас, — потребовал вооруженный незнакомец.

"Прошу прощения", принял Чак мысли Лорда Бегущего Моллюска, "но я — коллега мистера Риттерсдорфа и было бы весьма непрактичным с моей стороны допустить, чтобы его увели отсюда в качестве пленника".

Раздался треск лазерного луча, вспоровшего воздух. Узкий красный сноп энергии пронесся мимо Чака и исчез в бесформенной груде протоплазмы. Раздался громкий хруст, как будто порвалась какая-то плотная ткань, после чего слизистый грибок весь сморщился и почти мгновенно превратился, потеряв всю заполнявшую его тело жидкость, в черную, покрытую запекшейся коркой каплевидную массу, которая тут же стала дымиться и выбрасывать из себя горячие брызги, мгновенно обугливавшие деревянный пол коридора, куда они попадали.

— Ступайте, — велел Чаку вооруженный незнакомец.

— Он мертв, — сказал Чак, не в силах уразуметь произошедшее.

— Их еще немало осталось, — произнес вооруженный незнакомец. — На Ганимеде. — Его мясистое лицо ничего не выражало, и оставалось угрюмо настороженным. — Когда мы войдем в кабину лифта, извольте нажать самую верхнюю кнопку. Мой корабль припаркован на крыше. Ну и паршивое же место — неужели так трудно было

устроить посадочную площадку хоть чуть-чуть больших размеров.

Совершенно ошеломленный, Чак вошел в лифт. Вооруженный лазером незнакомец последовал за ним и через несколько секунд они уже достигли крыши. Погода была промозглой, туманной. Чак обратился к незнакомцу.

— Назовите хотя бы свое имя. Только имя и ничего больше.

— Для чего?

— Чтобы я мог когда-нибудь отыскать вас. И рассчитаться за гибель Лорда Бегущего Моллюска. — Когда-нибудь, рано или поздно, пути его и этого типа все равно пересекутся.

— С преогромным удовольствием сообщаю вам свое имя, — сказал незнакомец, заталкивая Чака в припаркованную на крыше "блоху". Ее посадочные огни мигали в ночном тумане, а турбины чуть слышно жужжали. — Альф Чериган, — произнес он, усаживаясь на сиденье водителя.

Чак кивнул в знак благодарности.

— Вам понравилось мое имя? Оно оказалось приятным для вашего слуха?

Ничего не говоря, Чак уставился вперед.

— Вы что-то примолкли, — заметил Чериган. — В этом нет ничего хорошего, ибо вам и мне предстоит сидеть в этом тесном курятнике, пока не доберемся до расположенного на Луне Браге-Сити. — Он протянул руку и включил автопилот.

"Блоха" под ним взбрыкнулась и подпрыгнула, но не поднялась в небо.

— Ждите здесь, — сказал Чериган, красноречиво помахав дулом лазерного пистолета под самым носом Чака. — И не смейте притрагиваться к рычагам управления. — Открыв дверь, он стал раздраженно вглядываться в темноту люка, пытаясь выяснить, по какой причине аппарат застрял на крыше. — Вот дьявол! Вся внешняя проводка к задним соплам... — речь его оборвалась. Дернувшись всем телом, он высунул голову из люка, а затем, уже снова сидя и кабине, в ответ выстрелил из лазера.

Откуда-то из укрытия на крыше мглу ночи прорезал ответный луч, параллельный выпущенному Чериганом, и точно поразил цель. Чериган выронил оружие и забился в

предсмертных судорогах, ударяясь о стенки кабины, затем согнулся вдвое и повалился на сиденье как забитое животное. Нижняя челюсть его отвисла, глаза закатились и потускнели.

Наклонившись, Чак подобрал валявшийся на полу кабины лучемет, затем осторожно выглянул наружу. Интересно, кто же это, там, в ночной мгле? Оказалось, что это Джоан. Она, не теряя времени, последовала за ними в коридор и, воспользовавшись аварийным лифтом, успела подняться на крышу вслед за ними. Нетвердо держась на ногах, Чак выбрался из кабины "блохи" и окликнул девушку. Чериган совершил всего лишь одну, но роковую ошибку. Его не предупредили, что Джоан работала в полиции, была вооружена и привыкла к непредвиденным опасностям. Даже Чаку было трудно до конца осознать, насколько быстро она все это проделала — первым выстрелом повредила систему управления "блохой", а вторым — сразила Альфа Черигана.

— Тебе случайно не досталось? — спросила Джоан. — Я тебя как будто не задела, верно?

— Лазерный луч прошел мимо меня, — успокоил ее Чак.

— Послушай, — она подошла и заглянула в верхний люк. То, что минуту назад было Альфом Чериганом, теперь было скрюченным трупом, валявшимся на полу кабины. — А ведь я могу еще воскресить его. Не забыл? Хочешь, чтобы я это сделала, Чак?

Он на мгновение задумался. Вспомнил о судьбе Лорда Бегущего Моллюска. И только поэтому отрицательно покачал головой.

— Дело твое, — сказала Джоан. — Ну и пусть остается мертвым. Мне это не очень-то по душе, но я понимаю, что нельзя иначе.

— А как насчет Лорда...

— Чак, ему я уже ничем не могу помочь. Слишком поздно. Прошло больше пяти минут. Я стояла перед выбором: или остаться там с ним, или последовать за вами и попытаться помочь тебе.

— Мне кажется, было бы куда лучше, если бы ты...

— Нет, — твердо сказала Джоан. — Я правильно поступила. Ты сейчас поймешь почему. У тебя есть увеличительное стекло?

— Нет, разумеется, — совершенно сбитый с толку, ответил Чак.

— Загляни в ремонтный отсек "блохи". Он расположен под приборной панелью. Там должны быть специальные микроинструменты для ремонта миниатюризированных модулей схемы управления... Среди них ты обязательно найдешь лупу.

Открыв ремонтный отсек, Чак стал рассеянно в нем шарить. И действительно, через секунду-другую его пальцы нащупали ювелирную лупу. Он вышел из кабины, держа ее в руках.

— Теперь вернемся вниз, — сказала Джоан. — Туда, где он остался.

Через минуту-другую они оба склонились над горсткой золы, которая еще совсем недавно была их соседом, слизистым грибком с Ганимеда.

— Вставь лупу себе в глаз, — проинструктировала его Джоан, — и обыщи все вокруг. В непосредственной близости и, в особенности, среди золы.

— И что же искать?

— Его споры, — ответила Джоан.

Застигнутый врасплох, Чак только произнес нерешительно:

— Неужели у него еще была возможность...

— Спорообразование у них рефлекторное, оно начинается, когда грибок подвергается нападению. И происходит, как я полагаю, мгновенно. Споры микроскопические, круглые, бурого цвета. С помощью лупы их совсем нетрудно отыскать. Пока ты будешь их разыскивать, я займусь приготовлением питательной среды для их выращивания.

Она скрылась из виду в квартире Чака; сам он еще какое-то время постоял, не зная, что делать, а затем опустился на четвереньки и стал искать на ковровой дорожке коридора споры, оставленные Лордом Бегущим Моллюском.

Когда Джоан вернулась, у него в ладони были семь крошечных шариков. Под лупой они выглядели гладкими и блестящими. Коричневый цвет их говорил о том, что это именно те споры, которые он искал. Да и нашел он их рядом с тем местом, где лежали останки слизистого грибка.

— Им нужна почва, — сказала Джоан, наблюдая за тем, как он осторожно укладывает споры в мерную круж-

ку, найденную в кухне. — И влага. И время. Отыщи их хотя бы десятка два, потому что, разумеется, не все из них выживут.

В конце концов ему удалось собрать на грязном истрепанном ковре двадцать пять спор. Все они были уложены в кружку, а затем он и Джоан спустились на самый нижний этаж здания и вышли на задний двор. В непроглядной ночной темноте они голыми руками подбирали с поверхности земли комья почвы, крошили их пальцами и просеянный чернозем высыпали в мерную кружку. Джоан отыскала шланг для полива, обрызгала мелкими водяными каплями почву, после чего плотно прикрыла кружку полиэтиленовой пленкой, чтобы в нее не проникал воздух.

— На Ганимеде, — пояснила она, — атмосфера теплая и влажная. Это лучшее, что я в состоянии сделать для того, чтобы воспроизвести наиболее благоприятные условия для развития спор. Как мне кажется, этого вполне достаточно. Лорд Б.М. рассказал мне как-то, что в случаях крайней необходимости грибкам с Ганимеда удается добиться успешного созревания спор даже на открытом воздухе. Так что — будем надеяться... — Вместе с Чаком она вернулась в здание, осторожно неся перед собой кружку.

— И сколько времени придется ждать? — спросил Чак.

— Когда нам станет известен результат?

— Точно не знаю. Дня два или — а бывало и такое — даже два месяца, все зависит от того, в какой фазе находится Луна. Это может показаться суеверным, но именно Луна оказывает решающее влияние на оживление спор. И с этим фактом приходится мириться. Чем Луна полнее, тем лучше. В какой фазе она сейчас, можно узнать из вечернего гомеобюллетеня. — Они поднялись на этаж, где располагалась квартира Чака.

— Какая часть памяти будет передана... — он запнулся в нерешительности, — ... следующему поколению слизистых грибков? Будут ли они помнить о том, что здесь произошло?

— Это зависит всецело от того, насколько быстро ему удалось произвести спорообразование, — произнесла Джоан, просматривавшая в это время гомеобюллетень. — Если ему удалось выбросить все споры... — Она отложила в сто-

рону бюллетень. — Споры проклюнутся буквально через несколько дней.

— Что случится, — спросил Чак, — если я заберу их с собой, если надумаю покинуть Землю? Уберу их из-под благотворного воздействия Луны?

— Они все равно будут продолжать развиваться. Но тогда для прорастания может потребоваться гораздо больше времени. Что это у вас на уме?

— Если синдикат Хентмана высылает кого-то, поручив ему отыскать меня, — сказал Чак, — и с ним что-нибудь случается...

— О да, разумеется, — согласилась Джоан. — Они пошлют еще одного. По всей вероятности, не позже, чем через несколько часов, как только поймут, что миссия первого оказалась неудачной. А при нем еще, возможно, была специальная рация, которая включается, как только перестает биться сердце. В самом деле, ты абсолютно прав. Тебе следует покинуть Землю, и сделать это как можно быстрее. Но каким образом, Чак? Для того, чтобы по-настоящему исчезнуть, не оставив ни малейших следов, нужно проявить немалую находчивость и изобретательность. К тому же для этого нужны большие деньги и широкая поддержка, чем ты не располагаешь. У тебя сейчас нет никаких источников дохода. И вообще есть ли какие-нибудь сбережения?

— Все, что было на нашем общем счету, досталось Мэри, — сказал Чак, после чего сел и закурил. Он явно над чем-то задумался. — У меня есть одна идея, — сказал он в конце концов, — относительно того, что стоило бы попытаться сделать. Я предпочел бы, чтобы ты не слышала о ней. Ты меня понимаешь? Или я произвожу впечатление всего лишь обуянного страхом невротеника?

— Ты производишь впечатление просто несколько встревоженного человека. А иначе и быть не может в том положении, в котором ты оказался. — Джоан встала. — Я выйду в коридор. Я понимаю, что ты хочешь позвонить по видеофону. Пока ты будешь говорить, я свяжусь с департаментом полиции Округа Росс и попрошу, чтобы сюда прислали наряд забрать труп незнакомца, оставшийся в кабине "блохи" у нас на крыше. — Однако у самой двери она замешкалась. — Чак, я очень рада, что мне удалось

помешать им забрать тебя. Я еле успела. Куда направлялась эта "блоха"?

— Мне не хочется говорить это. Ради твоего же собственного благополучия.

Девушка понимающе кивнула, после чего прикрыла за собой дверь. Теперь он остался совершенно один в квартире.

Чак не медля позвонил в сан-францисский филиал ЦРУ. Хотя на это и потребовалось некоторое время, ему в конце концов удалось найти своего бывшего босса, Джека Элвуда. Находившийся дома, в кругу семьи, Элвуд был очень недоволен, когда его позвали к видеофону. Недовольство еще больше возросло, когда он увидел, кому он обязан этим вызовом.

— Я хочу заключить с вами сделку, — сказал Чак.

— Какую еще там сделку! Мы нисколько не сомневаемся в том, что это именно вы, непосредственно или косвенно, но предупредили Хентмана, предоставив ему возможность бежать. Разве не так все было на самом деле? Мы даже знаем, с чьей помощью вы это сделали — с помощью очередной любовницы Хентмана, начинающей актрисы из Санта-Моники. — Элвуд нахмурился.

Это оказалось новостью для Чака. Он даже не подозревал, какую роль во всем это сыграла Пышка Уивер. Тем не менее, теперь это вряд ли имело значение.

— Я вот о чем хочу с вами договориться, — сказал Чак. — А если уж официально, то договориться с ЦРУ. Я знаю, где находится Хентман.

— Это меня нисколько не удивляет. Что в самом деле удивляет, так это ваша готовность рассказать об этом. Чем это вызвано, Чак? Размолвкой в хентмановской счастливой семейке, в результате которой вас вышвырнули на помойку?

— Синдикат Хентмана уже подослал ко мне одного благодетеля, — сказал Чак. — Нам удалось отделаться от него, но за первым последует еще один, а за ним и третий, пока в конце концов Хентман не доконает меня. — Он не удосужился даже попытаться объяснить Элвуду в насколько затруднительном положении он оказался; его бывший босс все равно не поверит, и в любом случае стоящие перед ним проблемы так и останутся столь же трудноразрешимыми. — Я открою вам, где окопался Хентман, в

обмен на сверхсветовой корабль ЦРУ. Межзвездный корабль, один из тех небольших сверхсветовых звездолетов, которые военные используют для разведки или для преследования спасающегося бегством противника. Я знаю, что вы получили несколько таких кораблей. Вам не так уж обременительно поступиться одним из них, но взамен вы получаете нечто такое, что поистине составляет для вас огромную ценность. К тому же я верну вам этот корабль — со временем. Мне бы только попользоваться им в течение довольно короткого срока.

— У меня в самом деле создается впечатление, что вы весьма серьезно настроены выйти из игры, — язвительно заметил Элвуд.

— Можете не сомневаться.

— Ладно. — Элвуд равнодушно пожал плечами. — Поверю вам. А почему бы и нет? Я ровным счетом ничего не теряю. Говорите, где находится Хентман. Корабль для вас будет готов через пять часов.

Другими словами, сразу же сообразил Чак, они задержат корабль ровно на то время, которое им понадобится для проверки истинности сообщенной мной информации. Если Хентмана не найдут, то не будет и корабля. Но ведь совершенно бесполезно ожидать от профи из ЦРУ, что они станут поступать иначе — такое у них ремесло, а жизнь их — бесконечная карточная игра.

— Хентман на Луне, в Браге-Сити, — упавшим голосом произнес Чак.

— Ждите в своей квартире, — мгновенно ответил Элвуд. — Корабль будет там к двум часам после полуночи. ЕСЛИ... — он многозначительно посмотрел на Чака.

Прервав разговор, Чак поспешил к сервировочному столику в гостиной, чтобы поднять с него догоревший почти что уже до самого конца сигаретный окурок. Что ж, если корабль не появится к условленному сроку, это будет означать полнейшее крушение всяких надежд; у него не было больше никаких планов, никаких запасных вариантов. Может быть, Джоан Триест спасет его снова, может быть, даже воскресит его после того, как в действительности его убьет подосланный Хентманом громила... Но если он и дальше будет оставаться на Земле, рано или поздно его найдут и безжалостно уничтожат или, в лучшем случае, поймают и лишат свободы. В наши дни устройства

обнаружения просто слишком хороши, чтобы можно было питать надежды на то, что удастся ускользнуть от них на сколько-нибудь значительное время. Они все равно выявят разыскиваемое лицо где угодно на Земле. На Луне же, где в отличие от Земли, имеются обширные неразведанные пространства, такое обнаружение наталкивается на целый ряд трудноразрешимых технических проблем. К тому же еще существуют удаленные планеты и их спутники, где розыск, как бы изощренно он ни проводился, практически неосуществим.

Одним из таких мест была и система Альфы. Например, у Альфы-III имеется несколько спутников, в том числе и злополучный М2. Особенно М2. На борту сверхсветового корабля ЦРУ туда можно добраться всего лишь за несколько дней. Как это проделала Мэри и вся ее шайка.

Открыв дверь в коридор, он окликнул Джоан.

— Все в порядке, я завершил свой разговор. Вот так-то.

— Так значит, ты в самом деле покидаешь Землю? — Глаза Джоан округлились и одновременно потускнели.

— Еще ничего толком неизвестно... — Он сел и приготовился к мучительному ожиданию.

Джоан очень осторожно поставила мерную кружку со спорами Лорда Бегущего Моллюска на ручку кресла, в котором сидел Чак.

— Я отдаю это тебе. Ты хочешь, чтобы они остались у тебя, я знаю, — ведь это за тебя он отдал свою жизнь, и ты чувствуешь себя в ответе за это. Давай-ка я лучше расскажу, что делать, как только споры начнут проявлять активность.

Он взял ручку и бумагу, чтобы записать ее наставления.

Прошло на самом деле несколько часов, пока он — а тем временем прибыл наряд из департамента полиции Округа Росс, забрал с собой находившийся на крыше труп, и Джоан Триест ушла вместе с полицейскими — до конца не осознал, что же он наделал. Значит, Банни Хентман оказался прав. Он выдал Хентмана ЦРУ. Но ведь поступил он так только ради спасения своей жизни. Это, однако, вряд ли оправдало бы его в глазах Хентмана. Тот тоже пытался спасти СВОЮ жизнь.

В любом случае сделанного не вернешь. Сидя один в пустой квартире, он продолжал ждать прибытия принадле-

жащего ЦРУ межзвездного корабля. Корабля, который, по всей вероятности, так никогда и не прибудет. И что тогда? Тогда, твердо решил он, я так и буду сидеть здесь и ждать кого-нибудь еще, хотя бы следующего громилу из окружения Хентмана. И жизнь мою можно будет отмерять тогда чайными ложками.

А ждать еще нужно было чертовски долго!

ГЛАВА X

Слегка поклонившись, Габриель Бейнс произнес:

— Мы — единственно законный орган, обладающий всей полнотой власти на данной территории, и наивысшая инстанция, решения которой не подлежат отмене или пересмотру. — Он, с откровенно вызывающей учтивостью, предложил стул психологу с Земли, доктору Мэри Риттерсдорф. Она ответила сдержанной улыбкой. Ему показалось, что у нее усталый вид. Улыбка ее в самом деле выражала чистосердечную благодарность.

Члены совета представились доктору Риттерсдорфу каждый по-своему, в соответствии с собственными характерными особенностями.

— Говард Строу. Маний.

— Д-Джекоб Саймион. — Саймиону не удалось сдержать идиотской ухмылки. — Из поселка гебов, где сел ваш корабль.

— Анетта Голдинг. Поли. — Взгляд ее оставался настороженным, она выпрямилась, не поднимаясь со стула, и теперь пристально наблюдала за женщиной-психологом, которая самым бесцеремонным образом вторглась в их жизнь.

— Ингрид Хибблер. Один, два, три. Оден.

— Это должно быть... — доктор Риттерсдорф на мгновенье задумалась. — О да, разумеется. Одержимые навязчивое идеей.

— Омар Даймонд. Разрешаю вам самим догадаться, какой из кланов я представляю. — Даймонд рассеянным взглядом обвел помещение, где заседал совет, затем, казалось, весь ушел в себя, к немалой досаде Габриеля Бейнса. Сейчас вряд ли было подходящее время для проявления

индивидуальной активности, пусть даже и мистического характера. Пришла пора, когда все они должны функционировать как единое целое или вообще ничего не делать.

— Дино Уоттерс, — невыразительно, с безысходностью в голосе произнес депр. Он попытался было сказать еще что-то, затем осекся; бремя пессимизма, полнейшей безнадежности оказалось слишком для него велико. Он снова опустил голову, вперил отсутствующий взгляд в пол и стал тереть пальцами лоб, чтобы хоть как-то унять нервный тик.

— А кто я, доктор Риттерсдорф, вы уже знаете, — сказал Бейнс и стал шелестеть лежавшими перед ним бумагами. В них зафиксирован плод объединенных усилий всех членов совета, это своего рода их совместный манифест. — Выражаем искреннюю благодарность за то, что вы сюда прибыли, — начал он, но затем стал прочищать горло, так как голос его стал хриплым от напряжения.

— Спасибо вам за то, что вы позволили мне присутствовать здесь, — произнесла доктор Риттерсдорф официальным тоном, однако, как ему показалось, одновременно и несколько угрожающим. Взгляд ее оставался суровым.

— Вы просите разрешения на посещение и других поселков, кроме Гандитауна. В особенности же вы настаиваете на том, чтобы вам разрешили произвести обследование поселка Высоты Да-Винчи. Мы обсудили вашу просьбу. И приняли решение отклонить ее.

— Понимаю, — кивнув, сказала доктор Риттерсдорф.

— Скажите ей почему, — громко произнес Говард Строу. Лицо его исказилось, он ни на мгновенье не отрывал глаз от дамы-психолога с Земли. Его ненависть к ней наполнила все помещение и до предела накалила атмосферу. У Габриеля Бейнса было такое ощущение, что он вот-вот задохнется.

Подняв руку, доктор Риттерсдорф предложила:

— Подождите. Сначала зачитайте мне свое совместное заявление. — Она обвела всех по очереди членов совета неторопливым, твердым и абсолютно профессиональным испытующим взглядом. Ответный взгляд Говарда Строу был исполнен нескрываемой злобы. Джекоб Саймион быстро наклонил голову и только глуповато улыбнулся, чтобы не привлекать к себе внимания психолога. Анетта Голдинг

побледнела и стала нервно царапать свой большой палец. Депр даже не заметил, что какое-то время находился под пристальным наблюдением, он так ни разу и не поднял головы. Ответный взгляд шиза, Омара Даймонда, был слащаво покровительственным, однако, как показалось Бейнсу, за этим скрывалась тревога. У Даймонда был такой вид, что Бейнс даже стал опасаться, как бы тот в любое мгновенье не закусил удила.

Что же касается себя самого, то он нашел доктора Риттерсдорф весьма привлекательной особой. И ему стало интересно — что все-таки означает ее прибытие сюда одной, без мужа. К тому же наряд доктор Риттерсдорф совершенно необъяснимо не соответствовал деловому характеру ее встречи с представителями всех населявших спутник кланов, ибо был подчеркнуто женственным: черный свитер и юбка, золоченые босоножки с загнутыми самым озорным образом вверх носками. Плюс ко всему — стройные ноги без чулок. Свитер, как заметил Бейнс, облегал ее фигуру чуть плотнее, чем следует. Было ли все это сознательным со стороны миссис Риттерсдорф? Этого он сказать не мог, однако в любом случае, он вдруг обнаружил, что все его внимание приковано не к тому, о чем она говорила, а к ее четко вырисовывающейся под свитером груди. Она была не такой уж большой, но выпуклой и совершенно не отвислой. Ему очень понравилась ее грудь.

Интересно, подумал он, не ищет ли эта женщина — а было ей, судя по всему, лет тридцать — тридцать пять, что предполагало, что как женщина она безусловно вступила в пору самого расцвета, — так вот, не ищет ли она чего-либо большего, чем просто успеха на профессиональном поприще. У него было, хотя и интуитивное, но очень сильное предчувствие, что доктора Риттерсдорф преследует не только желание получше справиться со стоящими перед ней как специалистом задачами, но и чисто личные побуждения. Она сама вряд ли осознавала это. Женское тело, отметил он про себя, само выбирает пути самовыражения, которые зачастую вступают в противоречие с теми целями, которые ставит сознание. Сегодняшним утром, поднявшись с постели, доктор Риттерсдорф, возможно, просто решила, что неплохо бы одеть именно этот черный свитер, после чего больше об

этом не думала. Но тело, повинуясь гормонам, выделяемым прекрасно функционирующими железами внутренней секреции, куда лучше, чем мозг, понимает что к чему.

И это вызвало соответствующий отклик в аналогичной части его организма. Однако, в его случае такая реакция была еще и сознательной. И, отметил он про себя, это можно будет обернуть на пользу всей нашей колонии. Эта личная ее заинтересованность, в какой-то мере даже сопричастность, может стать серьезной помехой для наших противников, а нам сослужить немалую пользу. Размышляя над этим, он почувствовал, как все больше соскальзывает к состоянию изощренной защиты.

Ум его был полон самых различных замыслов, непроизвольных и тщательно проработанных, направленных на то, чтобы обезопасить не только себя, но и своих коллег.

— Доктор Риттерсдорф, — вкрадчиво произнес он, — прежде, чем мы сможем разрешить вам посетить несколько наших поселков, делегация, составленная из представителей всех наших кланов, должна обязательно произвести инспекцию вашего корабля, чтобы выяснить, имеется ли вообще какое-либо вооружение на борту вашего корабля, а если имеется — то каковы его возможности и технические характеристики. В случае отказа переговоры теряют смысл.

— Мы невооружены, — ответила доктор Риттерсдорф.

— Тем не менее, — продолжал Габриель Бейнс, — я предлагаю вам, чтобы вы разрешили мне и, может быть, еще одному из членов нашего совета, сопровождать вас до самой вашей базы. У меня есть воззвание... — он зашуршал манифестом, — в котором вашему кораблю предлагается покинуть Гандитаун в ближайшие сорок восемь земных часов. Если вы на это не согласитесь... — тут он посмотрел на Строу, который удовлетворенно кивнул, — ... мы начнем боевые операции против вас на том основании, что для нас вы непрошенные враждебно настроенные по отношению к нам пришельцы.

— Мне вполне понятно ваше мировосприятие, — тихим, хорошо поставленным голосом произнесла доктор Риттерсдорф. — Вы очень долго живете здесь в состоянии полной изоляции. Но... — она теперь обращалась непосредственно к нему; ее красивые, умные глаза много-

значительно встретились с его глазами, — я опасаюсь того, что мне придется заострить ваше внимание на некотором факте, который все вы, возможно, найдете крайне для себя неприятным. Вы, каждый в отдельности и все вместе, безусловно являетесь душевнобольными.

Наступила долгая, гнетущая тишина.

— Черт возьми, — выругался Строу, не имея в виду кого-либо в особенности. — Мы, что зря разнесли вдребезги это гнусное место много лет тому назад? Эту так называемую "лечебницу", которая на самом деле была концентрационным лагерем. — Губы его искривились в язвительной усмешке. — В целях эксплуатации рабского труда.

— Должна, к сожалению, констатировать, — спокойно отпарировала доктор Риттерсдорф, — что вы ошибаетесь. Это был самый настоящий госпиталь, и вы просто обязаны принять это во внимание в качестве немаловажного фактора при рассмотрении любых своих планов, касающихся нас. Я не лгу вам. Я говорю вам голую, ничем не приукрашенную правду.

— Квид эст веритас? — пробормотал знаменитое древнеримское изречение Бейнс.

— Простите?

— "Что есть истина?" — повторил уже по-английски Бейнс. — Вам не приходило в голову, доктор, что за последнее десятилетие мы здесь смогли сами справиться с теми серьезными проблемами, с которыми сталкивались поначалу, в процессе групповой адаптации, и... — он сделал жест рукой, — ... притереться друг к другу? Вы, как профессионал, можете дать этому более научный термин... В любом случае мы способны наладить адекватные межличностные взаимоотношения, такие, например, как вы в состоянии засвидетельствовать, установились хотя бы в этом зале заседаний. Если мы способны работать вместе, то мы, безусловно, уже не больны. Нет никакого иного метода, к которому вы могли бы прибегнуть, для выяснения того, больны мы или нет, кроме этой способности к групповому и межгрупповому сотрудничеству. — Он откинулся на спинку стула, явно довольный собой.

— Вы, — тщательно подбирая слова, заметила доктор Риттерсдорф, — насколько я поняла, объединились против общего врага... в данном случае, против нас. Но я готова

биться об заклад, что до того, как мы сюда прибыли, и после того, как мы покинем этот спутник, все вы снова расколетесь на изолированных индивидуумов, подозревающих и боящихся друг друга, неспособных ни к какому сотрудничеству. — Она обезоруживающе улыбнулась, но улыбка эта была слишком покровительственной, чтобы он мог принять ее. Слишком уж подчеркивала эта улыбка, насколько ловко сделала она это умное заявление.

Она, конечно, была права. В данном случае попала в самую точку. Они не взаимодействовали между собой постоянно. Но — кое в чем и она глубоко заблуждалась.

Ошибка ее заключалась в следующем. Она предположила, по всей вероятности, в порядке естественного защитного самооправдания, что источником страха и враждебности к пришельцам является совет как таковой. Но ведь на самом деле к тактике угроз первой прибегла сама Земля. Даже сам по себе факт посадки земного корабля на территории спутника был явно враждебным актом по отношению к его населению. Если бы было иначе, то была бы предпринята попытка спросить разрешения на прибытие. Эти земляне с самого начала проявляли подозрительность; они, и только они, ответственны за нынешнее состояние взаимной подозрительности. Если бы они хотели, то вполне могли избежать этого.

— Доктор Риттерсдорф, — заявил он без обиняков, — альфианские торговцы всегда выходят на связь с нами, когда хотят получить разрешение на посадку. Мы заметили, что вы этого не удосужились сделать. И у нас нет проблем в наших взаимоотношениях с альфианами. Мы торгуем с ними на постоянной, обоюдовыгодной основе.

Очевидно, брошенная им перчатка пресекла словесную дуэль, направила разговор в благоприятную для кланов сторону. Женщина заколебалась, не зная, что ему ответить. Пока она размышляла над этим, все находившиеся в комнате удовлетворенно заерзали на своих местах, испытывая презрение, а в случае Говарда Строу, и безжалостную злобу.

— Мы полагаем, — сказала наконец доктор Риттерсдорф, — что, если бы мы произвели официальный запрос о разрешении на посадку, то вы отказали бы нам.

Чувствуя теперь себя в еще большей степени уверенным, Бейнс позволил себе улыбнуться.

— Но вы даже не попытались этого сделать. Вы только "полагали". А теперь, разумеется, вы так никогда и не узнаете со всей определенностью, каким был бы наш ответ, поскольку...

— Так вы бы дали нам такое разрешение? — ее голос, твердый и авторитетный, резко прервал плавное течение его речи; Бейнс заморгал и непроизвольно сделал паузу. — Нет, мы такого разрешения не получили бы, — продолжала она. — И все вы прекрасно это понимаете. Попытайтесь, пожалуйста, быть реалистами.

— Только попробуйте сунуться на Высоты Да-Винчи, — раздраженно бросил Говард Строу, — мы убьем вас. И вообще, если вы не покинете наш спутник, мы вас убьем. А следующий корабль, который попытается совершить посадку, никогда не коснется земли. Это наш мир, и мы намерены любой ценой сохранять его, пока будем живы. Мистер Бейнс может изложить подробности нашего первоначального заточения на этом спутнике. Они все перечислены в манифесте, который он и я — с помощью всех остальных, находящихся в этой комнате, — подготовили. Зачитайте, пожалуйста, манифест, мистер Бейнс.

— Двадцать пять лет тому назад, — начала Габриель Бейнс, — на этой планете было организовано поселение...

Доктор Риттерсфорд тяжело вздохнула.

— Наше понимание разной природы ваших душевных заболеваний...

— "Грязной?" — взорвался Говард Строу. — Вы сказали "грязной"? — Лицо его пылало яростью, он привстал со своего стула.

— Я сказала "разной", — терпеливо пояснила доктор Риттерсдорф. — Наше знание характера ваших психических отклонений подсказало нам, что очаг вашей военной деятельности следует искать в поселке маниев — другими словами, там, где обосновались больные, страдающие маниакальным психозом. Через четыре часа мы покинем поселок гебефреников и совершим посадку в Да-Винчи, и если вы откроете против нас враждебные действия, мы вызовем регулярные вооруженные силы Земли. Одно из подразделений которых находится всего лишь в получасе полета отсюда.

В комнате снова надолго воцарилась гнетущая тишина.

— Все равно зачитайте наш манифест, Габриель, — в конце концов едва слышно произнесла Анетта Голдинг.

Кивнув в ответ, Бейнс возобновил чтение. Однако голос его на сей раз заметно дрожал.

Анетта Голдинг начала плакать, ее горькие всхлипывания перебивали его.

— Вы теперь видите, что нас всех ждет. Они намерены превратить нас снова в пациентов госпиталя. Это конец.

Чувствуя себя очень неловко, доктор Риттерсдорф решила несколько разрядить атмосферу.

— Мы только намерены предоставить вам возможность вылечиться. В результате курсов лечения у вас возникает чувство большей... скажем, терпимости друг к другу. Жизнь ваша станет более приятной и естественной, она наполнится определенным смыслом. Пока же все вы крайне угнетены, вас одолевают многочисленные страхи, вы все находитесь в состоянии напряжения, ожидания чего-то...

— Да, — пробормотал Джекоб Саймион, — ожидания, что сюда бесцеремонно вломится Земля и снова загонит нас за изгородь, будто стадо животных.

Через четыре часа, отметил про себя Габриель Бейнс. Совсем небольшой промежуток времени. Дрожащим голосом он возобновил чтение их совместного манифеста.

Теперь ему это казалось совершенно бессмысленным жестом. Потому что нет абсолютно ничего, со всей определенностью понял он, что могло бы спасти нас.

* * *

После того, как официальная часть встречи завершилась — и доктор Риттерсдорф отбыла, — Габриель Бейнс счел необходимым поделиться своими планами с коллегами.

— Вы что? — возмутился, едва сдерживая презрительный смех, Говард Строу. Лицо его превратилось в пародию на себя — настолько его исказила глумливая гримаса. — Вы говорите, что собираетесь соблазнить ее? Боже праведный, да ведь она, скорее всего права. Нас всех в самом деле не мешало бы засадить в нейропсихиатрическую больницу! — Он откинулся к спинке стула, тяжело, с натугой дыша. Слишком велико было испытываемое им

отвращение. Он даже решил прекратить всякую дальнейшую ругань — пусть этим теперь занимаются другие.

— Вы, должно быть, слишком высокого о себе мнения, — сказала Анетта Голдинг.

— Мне нужен, — сказал Габриель, — кто-нибудь с достаточно развитыми телепатическими способностями, чтобы точно сказать мне, прав я или нет. — Он повернулся к Джекобу Саймиону. — Вот у этого вашего гебовского святого, этого Игнаса Ледебера, есть ли хоть самая малая толика телепатических способностей? Он принадлежит к числу тех, о которых только и говорят, что они во все горазд. В смысле пси-способностей.

— Мне об этом ничего неизвестно, — сказал Саймион, — но вы можете попытать удачи у Сары Апостолис. — Он подмигнул при этом Габриелю, весело тряся головой.

— Я позвоню в Гандитаун, — решительно произнес Габриель Бейнс, поднимая телефонную трубку.

— Телефонная сеть в Гандитауне снова не работает, — предупредил его Саймион. — Вот уже шесть дней. Вам придется самому туда отправиться.

— Все равно вам туда нужно ехать, — сказал Дино Уоттерс, наконец очнувшись после бесконечной депрессии. Его одного, казалось, воодушевили намерения Бейнса. — Ведь корабль приземлился в Гандитауне, где все дозволено, — они там все время меняют партнеров и заводят детей от кого угодно. Может быть, теперь и она прониклась духом этого поселка.

Одобрительно хмыкнув, депра поддержал Говард Строу.

— Тебе, Гейб, повезло, что она находится среди гебов. Поэтому она, вероятно, станет более восприимчивой к твоим домогательствам.

— Если только так и не иначе мы в состоянии вести себя, — едва слышно произнесла мисс Хибблер, — то, как мне кажется, мы в самом деле заслуживаем гибели. Я говорю совершенно искренне.

— Вселенная, — вдруг решил обратить внимание присутствующих Омар Даймонд, — располагает бесконечным множеством способов выражения. Даже этого, нельзя так, походя, отвергать. — Он многозначительно покачал головой.

Не проронив больше ни слова, не попрощавшись даже с Анеттой, Габриель Бейнс быстрым шагом покинул зал

заседаний, спустился по широкой каменной лестнице и вышел на стоянку, где забрался в кабину своего турбомобиля. Вскоре он уже следовал в Гандитаун со скоростью в жалкие сто двадцать километров в час. Он прибудет туда раньше того четырехчасового крайнего срока, о котором упомянула доктор Риттерсдорф, прикинул он в уме, при условии, что ничего вдруг не упадет на дорогу, перегородив ее. Доктор Риттерсдорф возвращалась в Гандитаун в ракетном катере, так что она уже там. Он проклинал этот устарелый способ передвижения, на который он вынужден полагаться, но с этим ничего нельзя было поделать; таков был мир, в котором они жили, и такова реальность, за которую им приходится бороться. Как у спутника земной культуры, у них со временем снова появятся современные транспортные средства...

Но это никоим образом не было тем, ради чего стоило поступаться своей независимостью. Уж лучше ездить со скоростью 120 километров в час, но оставаться свободным. Вот так, вдруг дошло до него. Еще один лозунг.

И все же такая черепашья скорость вызывала досаду, что усугублялось жизненной важностью предпринятой им миссии, независимо от того, санкционирована она советом или нет.

Четырьмя часами и двадцатью минутами позже, усталый физически после столь длительного путешествия, но бодрый духом, даже исполненный решимости, он в конце концов добрался до загроможденных мусором окраин Гандитауна. Отчетливо ощущался специфический запах поселка, приторно-сладковатый запах гниющих отбросов, смешанный с едким зловонием от бесчисленного количества небольших костров.

Во время поездки в уме у него мало-помалу сложилась новая версия. Поэтому в самый последний момент он повернул не к лачуге Сары Апостолис, а к жалкой хибаре гебовского святого Игнаса Ледебера.

Ледебера он застал во дворе за ремонтом проржавевшего генератора с бензиновым движком в окружении своих многочисленных детей и кошек.

— Мне понравился ваш план, — сказал Ледебер, взмахом руки помешав Габриелю пуститься в объяснения. — Он обозначился кровью на горизонте несколько минут тому назад.

— Значит, вам понятно, что именно мне от вас нужно.

— Да, — кивнул в ответ Ледебер. — В прошлом этот фокус приносил мне немало пользы, когда я проделывал его с женщинами. Очень много раз мне удавалось такое. — Он отложил в сторону молоток, который все еще продолжал держать в руке, и зашагал к лачуге. За ним последовали только кошки. Дети остались во дворе. Бейнс решил не отставать от кошек. — Хотя ваша идея совершенно ничтожна, — укоризненно сказал Ледебер и отрывисто рассмеялся.

— Вы можете читать будущее? Можете ли сказать, удастся ли мне добиться успеха?

— Я не провидец. Другие в состоянии предсказывать будущее, я же предпочитаю помалкивать. Подождите минутку. — В единственной общей комнате лачуги он задержался, а коты в это время кружились у его ног, терлись о брюки, прыгали, громко мяукали. Ледебер запустил руку под раковину и извлек оттуда трехлитровый бутыль с какой-то темной жидкостью. Отвинтив крышку бутыля, он принюхался, покачал головой, снова закрыл бутыль и водворил его на прежнее место. — Не то. — Он стал бродить по лачуге, пока не открыл в конце концов ледник и стал в нем рыться. В руках у него появилась пластмассовая коробка, которую он, недоверчиво хмурясь, подверг тщательному обследованию.

Нынешняя его жена, с которой он состоял в нигде не зарегистрированном браке — имени ее Габриель Бейнс не знал — появилась на пороге спальни, тупо поглядела на них обоих, затем двинулась дальше. На ней было висевшее мешком платье, теннисные туфли на босу ногу, растрепанные волосы закрывали верхнюю часть головы и затылок бесформенной массой нечесанных грязных прядей. При виде ее Габриель Бейнс брезгливо поморщился и отвернулся, не в силах скрывать отвращение.

— Послушай, — обратился к своей сожительнице Ледебер, — где тот кувшин, ну, сама понимаешь с чем? С той смесью, которой мы пользовались перед тем, как... — он сделал определенный жест рукой.

— В ванной, где же еще. — Женщина прошлепала мимо них к выходу.

Ледебер исчез в ванной. И тут же послышался грохот передвигаемых им предметов, звон стаканов и бутылок. Наконец он вышел, неся в руках высокий стакан, напол-

ненный какой-то жидкостью, выплескивавшейся через край с каждым шагом Ледебера.

— Вот, — сказал Ледебер, улыбаясь и демонстрируя отсутствие двух передних зубов. — Но вам еще нужно убедить ее выпить. Каким образом вы собираетесь это проделать?

Ответа у Габриеля Бейнса пока еще не было.

— Посмотрим, — сказал он и протянул руку к стакану с возбуждающим снадобьем.

* * *

Покинув Ледебера, Бейнс завернул в единственную торговую точку Гандитауна. Он припарковался у деревянного строения в форме купола, краска с которого давным-давно облупилась, а вход и стоянку для транспорта захламили кучи выброшенных за ненадобностью картонных коробок. Все прилавки были сплошь загромождены выщербленными или помятыми консервными банками. Именно здесь альфианские торгаши избавлялись от огромного количества залежалых товаров.

Он приобрел бутылку альфианского бренди, а затем, расположившись в кабине своего турбомобиля, откупорил ее, отлил часть содержимого, а взамен добавил темной жидкости с большим осадком — того самого возбуждающего снадобья, которым его снабдил гебовский святой. Обе жидкости более или менее смешались. Удовлетворенный проделанным, он плотно закупорил бутылку, завел двигатель и поехал дальше.

Сейчас, размышлял он по дороге, не очень подходящее время, чтобы полагаться только на свои врожденные способности. Как подчеркнули некоторые члены совета, он не слишком выделялся в этом отношении. А выдающееся мастерство было необходимо для выживания.

Ему без труда удалось обнаружить корабль, прибывший с Земли; он возвышался сверкающей безукоризненной чистотой и полировкой корпуса металлической башни над мусорными кучами Гандитауна. Увидев его, он тотчас же направил туда свой турбомобиль.

В нескольких сотнях метров от корабля его остановил вооруженный часовой-землянин в серо-зеленой военной форме, столь привычной со времен последней войны, а из

ближайшей калитки, как увидел Бейнс, высунулось направленное на него дуло крупнокалиберного пулемета.

— Ваши документы, пожалуйста, — сказал часовой, с опаской разглядывая его.

— Доложите доктору Риттерсдорф, — сказал Бейнс, — что прибыл полномочный представитель руководящего совета, чтобы сделать окончательное предложение с целью предотвращения кровопролития с обеих сторон. — Он сидел, напряженно выпрямившись, за баранкой своего турбомобиля, глядя прямо перед собой.

После переговоров по интеркому часовой повернулся к Бейнсу.

— Можете пройти, сэр.

Еще один землянин, также в форме, с пистолетом у пояса, орденами и медалями на груди, провел его к рампе, которая полого поднималась к открытому входу в корабль. Через полминуты он с мрачным видом, громко стуча каблуками по металлическому полу коридора, разыскивал каюту 32-Н. Он очень неуютно чувствовал себя, зажатый между двумя близко расположенными стенами и невысоким потолком. Ни о чем он так страстно не мечтал теперь, как о том, чтобы снова оказаться в незамкнутом пространстве, где можно было дышать свободно. Но — теперь уже слишком поздно. Он нашел нужную дверь, остановился перед ней в нерешительности, затем постучался. Содержимое бутылки в пакете под мышкой слегка булькнуло.

Дверь отворилась. Перед ним стояла доктор Риттерсдорф все в том же чуть-чуть тесноватом свитере, черной юбке и таких волшебных босоножках. Она изумленно оглядела гостя.

— Простите, сейчас припомню... — Вы — мистер...

— Бейнс.

— Да-да, верно. Паран. — И обращаясь скорее к себе, добавила. — Параноидальная шизофрения. О, прошу прощения, — она покраснела. — Я совсем не хотела вас обидеть.

— Я прибыл сюда, мадам, — сказал Габриель Бейнс, — для того, чтобы провозгласить тост. Вы не хотите присоединиться ко мне? — он прошел мимо нее в крохотную каюту.

— Тост за что?

Бейнс недоуменно пожал плечами.

— А разве не ясно за что? — Он позволил лишь самому ничтожному оттенку раздражения проявиться в своем голосе.

— Значит, вы не станете оказывать сопротивление? — Проникновенно, ровным тоном сказала Мэри. Закрыв дверь, она сделала шаг навстречу Бейнсу.

— Два стакана, — сказал он умышленно смиренным, приглушенным голосом. — О'кей, доктор? — Он извлек из бумажного пакета бутылку с разбавленным с альфианским бренди и стал отвинчивать колпачок.

— Я считаю, что вы поступили очень мудро, — сказала доктор Риттерсдорф. Она теперь казалась еще более прелестной, когда торопливо искала стаканы. Глаза ее возбужденно блестели. — Это очень хороший знак, мистер Бейнс. В самом деле.

Торжественно, все еще изображая из себя пораженного, Габриель Бейнс стал разливать бренди из бутылки, пока оба стакана не наполнились до краев.

— Значит, мы можем, не опасаясь нападения, совершить посадку на Высотах Да-Винчи — спросила доктор Риттерсдорф, подняв стакан и чуть пригубив из него.

— Да, да, разумеется, — согласился он безразличным тоном, и тоже отхлебнул из стакана. Вкус был омерзительный.

— Я уведомлю об этом ответственного за безопасность нашей миссии, — сказала она. — Мистера Мэйджбума. Чтобы никакая случайность... — она вдруг примолкла.

— Что-то не так?

— Со мной происходит что-то совершенно необычное... — доктор Риттерсдорф нахмурилась. — Что-то встрепенулось во мне. Глубоко внутри. Если бы я со всей определенностью не знала... — Вид у нее стал очень смущенный. — Ничего страшного. Не беспокойтесь, мистер... Бейнс, верно? — Она быстро осушила стакан до дна. — Я ощутила такое неожиданное для меня самой возбуждение. Как мне кажется, это все связано с теми тревогами, что я испытывала. Мы так не хотели увидеть здесь... — Речь ее стала заплетаться. Пройдя в угол каюты, она уселась в кресло. — Вы подбавили что-то в этот напиток. — Поднявшись, она выронила из рук стакан. Затем как можно быстрее метнулась к красной кнопке на противоположной стене каюты.

Когда она оказалась с ним рядом, он обхватил ее за талию. Полномочный представитель межпланового совета Альфы-III-M2 сделал решающий ход. На радость или горе, но замысел его был уже приведен в действие как часть их общей борьбы за право на существование.

Доктор Риттерсдорф укусила его за ухо, едва не отхватив мочку.

— Эй, — слабо запротестовал он.

Затем удивился:

— Что вы делаете?

После чего сказал:

— Варево Ледебера в самом деле сработало.

И добавил:

— Но, как мне кажется, есть предел всему.

Прошло какое-то время, и он произнес, задыхаясь:

— По крайней мере, должен быть.

Раздался стук в дверь.

Чуть-чуть приподнявшись, доктор Риттерсдорф крикнула:

— Убирайтесь!

— Это Мэйджбум, — послышался приглушенный голос из коридора.

Резво вскочив на ноги, при этом высвободившись из объятий, доктор Риттерсдорф подбежала к двери, заперла ее на защелку, после чего резко развернулась и, с искаженным страстью лицом, бросилась — так, во всяком случае, ему показалось — на него. Он зажмурил глаза и приготовился к удару ее тела.

Приведет ли все это, однако, к тому, что они добьются, чего хотели? В политическом отношении...

Навалившись на нее всем своим телом, буквально пригвоздив ее к полу, чуть правее груды одежды, которую она поспешно с себя сбросила, Бейнс прохрипел:

— Послушайте, доктор Риттерсдорф...

— Мэри. — На этот раз она укусила его за губу. Зубы ее клацнули с поразительной силой, он сморщился от боли и непроизвольно зажмурил глаза. И это оказалось роковой ошибкой. Ибо в то же мгновенье он был перевернут на спину. Затем он почувствовал, что лежит совершенно распластанный, будто пригвожденный к полу — ее острые коленки глубоко вонзились в нижнюю часть его живота. Руками она обхватила его голову чуть повыше ушей и, на-

мотав его волосы на пальцы, что было силы тянула их вверх, как будто в ее намерения входило оторвать его голову. И в то же самое время...

Ему удалось очень слабым голосом крикнуть:

— Помогите!

Тот, кто был по ту сторону двери, однако, по всей вероятности, уже ушел. Ответа не последовало.

Бейнс представил себе красную кнопку на стене, которую Мэри Риттерсдорф едва не нажала — собиралась нажать, но теперь, в этом уже не было ни малейшего сомнения, ни при каких обстоятельствах не нажмет в ближайший миллион лет. — Он начал дюйм за дюймом продвигаться в направлении кнопки.

Ему так и не удалось до нее дотянуться.

И что совсем меня убивает, подумал он в отчаяньи, это то, что вдобавок ко всему, все происходящее сейчас на полу каюты 32-Н не приведет ни к каким существенным политическим последствиям.

— Доктор Риттерсдорф, — проскрежетал он, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба, — будьте же благоразумны. Ради Бога, давайте поговорим, ладно? Пожалуйста.

На этот раз она укусила его за самый кончик носа. Он почувствовал, как сомкнулись ее острые зубы. Она только громко рассмеялась. От этого долгого, раскатистого смеха у него мороз пошел по коже.

Похоже, от этого-то я и погибну, решил он в конце концов. Прошло, как ему показалось, бесконечно долгое время, в течение которого никому из них не удалось вымолвить ни слова. От этих ее укусов. Она закусает меня до смерти, и я ничего не смогу поделать. У него возникло такое ощущение, что ему удалось расшевелить глубоко скрытое сексуальное буйство самой вселенной, которое теперь обрушилось на него своей непреодолимой мощью. Это была стихийная, изначальная, но огромная сила. Это она пригвоздила его к ковру здесь, на полу каюты, лишив его возможности спастись. Если бы только кто-нибудь вломился сюда, кто-нибудь из вооруженных часовых, например...

— Ты знаешь, — прошептала Мэри Риттерсдорф, увлажняя слюной его щеку, — что ты самый красивый мужик из всех, что когда-либо жили? — При этом она

чуть отстранилась от него, устраиваясь на его туловище поудобнее, все еще продолжая сидеть на корточках. И тут он своей возможности уже не упустил — откатился в сторону, затем, прямо, как был, на четвереньках метнулся к заветной кнопке и стал вслепую поспешно шарить рукой по стене, пытаясь нажать ее, вызвать кого угодно — будь то землянин или сам дьявол.

Тяжело и часто дыша, Мэри ухватила его за лодыжку, подтянула к себе, вновь распластав его на полу. Неловко дернувшись, он ударился о ребро какого-то металлического ящика и громко застонал. Он почувствовал тьму поражения, звенящую пустоту полнейшего уничтожения первооснов его личности — ни о чем подобном он даже не подозревал за всю свою жизнь — и поэтому оказался совершенно не готов достойно встретить такого рода опасность.

Издав торжествующий смех, Мэри Риттерсдорф перевернула его на спину и с новой силой набросилась на него; ее голые колени снова глубоко погрузились в его плоть, грудь соблазнительно раскачивалась прямо над его лицом, она же с непонятно откуда берущейся у нее силой сомкнула пальцы вокруг его запястий и буквально распяла на полу своей каюты. Ей, по всей вероятности, было абсолютно все равно, находится ли он еще в сознании. Это он понял прежде, чем тьма, в которую он все больше погружался, стала совершенно непроницаемой. Последняя мысль промелькнула в его мозгу, — окончательное и бесповоротное решение. Когда-нибудь, каким-угодно образом он еще рассчитается с этим святым гебом Игнасом Ледебером, за все, что с ним произошло. Пусть даже это будет самым последним, данным ему в этой жизни.

— О, какая же ты все-таки прелесть, — звенел, оглушая его, ликующий голос Мэри Риттерсдорф всего лишь в сантиметре от его левого уха. — Я могла бы съесть тебя с потрохами. — Она задрожала с головы до ног, по всему ее телу прошла экстатическая волна пароксизма, напоминающая землетрясение.

У него возникло ужасное предчувствие, что доктор Риттерсдорф еще только начала. А варево Ледебера здесь совершенно ни при чем, так как на него оно никак не повлияло. Габриель Бейнс плюс варево гебовского святого, в совокупности, просто предоставили возможность вы-

рваться на свободу тому, что еще до того было в душе доктора Риттерсдорф. И ему очень повезет, если так называемый "любовный напиток" не обернется самым настоящим смертоносным зельем.

И все-таки по-настоящему сознания он не терял ни на одно мгновенье. Поэтому до него стало доходить, правда, чуть позже, что ураган страсти, в самом эпицентре которого он все это время находился, начал мало-помалу затихать. Искусственно вызванный смерч все больше и больше терял свою силу, а затем наконец, после нескольких последних судорожных вспышек, утихомирился полностью. После чего — посредством сил, природа которых для него так и осталась неясной — он оказался перенесен с пола каюты доктора Риттерсдорф в какое-то совершенно иное место.

Лучше бы я умер, сказал он себе. Очевидно, как песок сквозь пальцы, пробежал и последний срок, милостиво предоставленный землянами, а ему так и не удалось их остановить. И где же теперь он сам? Бейнс осторожно приоткрыл глаза.

Было темно. Он лежал под открытым небом, вверху тускло мерцали звезды, а вокруг повсюду возвышались горы мусора, которые составляли поселок гебов Гандитаун. Он неистово вглядывался в темноту, но нигде контуров корабля землян различить не мог. Значит, по всей вероятности, он улетел, чтобы совершить посадку в Да-Винчи.

Дрожа от холода, он с трудом сел. Куда это, во имя всего, что было святым для всех представителей рода человеческого, могла подеваться его одежда? Неужели она даже не удосужилась вернуть ее? Это казалось ничем неоправданной концовкой. Он снова откинулся на спину, закрыл глаза и стал проклинать все и вся... в том числе и себя, полномочного представителя паранов в руководящем совете. Это чересчур, с горечью подумал он.

Его внимание привлек какой-то звук справа. Он снова открыл глаза, на этот раз уже совершенно осмысленно всматриваясь в темноту. Через несколько секунд ему стало ясно, что к нему приближается, то и дело подпрыгивая на кочках, какой-то экипаж допотопной, безнадежно устаревшей конструкции. Теперь он уже различал и кусты, Мэри Риттерсдорф низвела его до уровня незадачливого персонажа древних народных сказаний. Он

возненавидел ее — но все еще оставшийся в нем страх перед ее беспощадными зубами, куда более сильный, чем ненависть, не сдвинул его даже с места. А то, что к нему приближалось, — всего лишь типичный гебовский автомобиль с двигателем внутреннего сгорания. Он уже отчетливо различал его желтые фары.

Поднявшись на ноги, он стал махать руками, чтобы автомобиль остановился, сам встав точно по центру едва просматривавшейся тропинки, протоптанной гебами для выгона скота здесь, на самой окраине Гандитауна.

— В чем дело? — спросил водитель-геб с типичной для своего клана подчеркнутой медлительностью; вырождение затронуло его в такой степени, что он уже пренебрегал какой бы то ни было осторожностью.

Бейнс подошел к дверце машины и сказал:

— На меня напали.

— О? Очень плохо. И отняли у вас одежду? Садитесь. — Геб с силой стал стучать кулаком по дверце позади себя, пока она со скрежетом не открылась. — Я отвезу вас к себе и подберу вам какую-нибудь одежду.

— Я бы предпочел, чтобы вы отвезли меня к жилищу Игнаса Ледебера, — мрачно заметил Бейнс. — Мне нужно поговорить с ним. — Но, если все это там уже было, погребенное в подсознании этой женщины, тогда в чем же он сможет упрекнуть гебовского святого? Никто не сумел бы предугадать этого. И если бы снадобье обычно подобным образом воздействовало на женщин, то Ледебер, безусловно, прекратил бы употреблять его.

— Кто это? — спросил геб, трогаясь с места.

Такой вопрос красноречиво свидетельствовал почти о полном отсутствии общения между отдельными членами общины, что было весьма тревожным симптомом. Бейнс понял, что это лишний раз подтверждает правильность поставленного Мэри Риттерсдорф диагноза. Тем не менее, он взял себя в руки и описал как можно подробнее местонахождение лачуги гебовского святого.

— А, понял, — сказал водитель, — это тот малый, кому принадлежат все кошки. Только вчера переехал одну из них. — Он сдавленно хихикнул. Бейнс закрыл глаза и застонал.

Вскоре они остановились у тускло освещенной лачуги гебовского святого. Водитель снова после нескольких

крепких ударов кулаком открыл дверцу. Бейнс неуклюже выбрался из кабины. Каждый сустав его мучительно ныл, а страдания от миллиона укусов, которыми в необузданной своей страсти наградила его Мэри Риттерсдорф, все еще были невыносимыми. Превозмогая боль, он шаг за шагом пересек захламленный двор и в мерцающем желтом свете автомобильных фар нашел дверь лачуги, разогнал скопище кошек с дороги и тихонько постучался в дверь.

Увидев Бейнса, Игнас Ледебер затрясся от хохота.

— Ну и досталось же вам — вы истекаете кровью! Я сейчас достану вам кое-какую одежду, а Элси, может быть, подыщет что-нибудь, чем смазать укусы или, черт его знает, что это еще... Похоже на то, будто она обработала всего вас маникюрными ножницами. — Все еще продолжая хихикать, он шаркающей походкой направился куда-то в заднюю часть лачуги. Целая орда чумазых детишек бесцеремонно разглядывала Бейнса, пока он стоял у масляного радиатора, пытаясь согреться. На детей он не обращал никакого внимания.

Позже, когда сожительница Ледебера натерла мазью многочисленные следы от укусов — сгруппировавшиеся в целые созвездия вокруг носа, рта и ушей, — а Ледебер выложил в качестве одежды хоть и рванье, но относительно чистое, Габриель Бейнс произнес:

— Я разгадал, что она из себя представляет. Она, очевидно, относится к орально-садистскому типу женщин. Вот почему все вышло не так, как я предполагал, — Мэри Риттерсдорф, рассудил он, была в той же мере, если не больше больна, как и любой поселенец на Альфе-III-M2. Только ее душевное заболевание до сих пор было в скрытом состоянии.

— Земной корабль улетел, — заметил Ледебер.

— Я знаю. — Бейнс начал одеваться.

— Было видение, — сказал Ледебер. — где-то час тому назад. Прибывает еще один корабль с Земли.

— Военный? — предположил Бейнс. — Чтобы уничтожить Высоты Да-Винчи? — Его очень волновало, пойдут ли земляне на то, чтобы сбросить водородную бомбу на поселок маниев, — во имя психотерапии.

— Это крохотный разведчик, — успокоил его Ледебер. — В соответствии с моими представлениями, соотнесенными с

изначальными силами. Как пчелка. Он совершил стремительную посадку вблизи поселка поли Гамлета.

Бейнс сразу же подумал об Анетте Голдинг. Он мог только надеяться и молиться, чтобы с ней ничего не случилось.

— У вас есть хоть что-нибудь, на чем я мог бы добраться до Адольфвилля?

Тут от вспомнил о своем собственном турбомобиле, оставленном неподалеку от места приземления корабля. Да ведь он мог бы дойти туда пешком, черт возьми. И не стоит ему ехать, решил он, в свой родной поселок. Не лучше ли отправиться в Гамлет и удостовериться в том, что Анетту не изнасиловали, не избили или не убили. Если ей нанесено хоть какое-нибудь зло, то...

— Я подвел всех, — сказал он Ледеберу. — Я заявил в совете о своем плане, и они, естественно, положились на меня, потому что я — паран. — Он еще не собирался сдаваться. Его острый ум парана снова был полон самых различных замыслов, как всегда замечательных и эффективных. Он и в могилу сойдет точно так же, строя планы борьбы с противником.

— Вам не помешало бы хоть немного перекусить, — предложила сожительница Ледебера, — прежде, чем вы куда-нибудь тронетесь. Здесь у нас остались тушеные почки. Я уже собралась было скормить их кошкам, вот, пожалуйста, угощайтесь.

— Спасибо, — с трудом сдержавшись, чтобы не поперхнуться, ответил ей Бейнс. Кулинарное искусство гебов явно оставляло желать лучшего. Но женщина была права. Ему обязательно нужно подзарядиться энергией, иначе через несколько минут он упадет замертво. Поразительно, что он до сих пор еще не свалился с ног, если учесть, что выпало на его долю.

Немного перекусив, он одолжил карманный фонарик у Ледебера, поблагодарил его за одежду, мазь и еду, а затем побрел пешком по узким извилистым, забитым всяческим мусором улицам Гандитауна. К счастью, его тачка оказалась на том же месте, где он ее оставил. Ни гебы, ни земляне не сочли его турбомобиль достойным того, чтобы угнать его, разобрать на запчасти или просто уничтожить лучом лазера.

Забравшись в кабину, он выехал из Гандитауна по дороге, ведущей на восток, в сторону Гамлета. Теперь Бейнс

снова пересекал совершенно открытое, хорошо простреливаемое со всех сторон пространство, отделявшее один поселок от другого, все с той же жалкой скоростью в сто двадцать километров в час.

Пока он так ехал, его не покидало щемящее ощущение крайней срочности этой поездки, подобного которому он еще никогда ни испытывал раньше. Высоты Да-Винчи, по всей вероятности, подверглись нападению со стороны землян. Вполне возможно, что они уже захвачены. А что будет с остальными? Удастся ли им выжить без фантастической энергии клана маниев? Может окажется, что этот единственный крошечный корабль с Земли означает... новую надежду? Появление его, во всяком случае, было полнейшей неожиданностью... А ведь в рамках ожидаемого у них нет практически никаких шансов, они — обречены.

Он — ни шиз и ни геб. И все же у него свое собственное, пусть даже и очень смутное, видение. Это видение некоторого, правда весьма ничтожного шанса, всего лишь одной, выдернутой из целого пакета, возможности. Первоначальному его плану не дано было осуществиться, но ведь оставался еще этот, другой. Он верил в его осуществимость. И даже не понимал почему.

ГЛАВА XI

Мысль о возможности самоубийства впервые пришла в голову Анетте, когда она возвращалась домой с заседания совета в Адольфвилле, — заседания, во время которого истек срок объявленного Землей ультиматума, и противник развернул карательную акцию против Да-Винчи. То, что произошло со всеми ими, не пощадив даже маниев, просто подавляло своей неотвратимостью. Разве можно опровергнуть аргументы, предъявленные планетой, недавно победившей целую Альфийскую Империю.

Борьба с ней была абсолютно безнадежным делом. На чисто биологическом уровне, девушка понимала это... и была готова подчиниться обстоятельствам. Я такая же, как и Дино Уоттерс, убеждала она себя, вглядываясь в смутные очертания дороги впереди, высвечиваемые фарами ее машины, дороги, которая пластиковой лентой соединяла

Адольфвилль с Гамлетом. Стоит только наступить критическому, ответственному моменту, как я тотчас отказываюсь от борьбы. Предпочитаю уступить. И никто не заставляет меня поступать именно так. Я просто сама этого хочу.

Слезы наполнили ее глаза, когда она до конца осознала это. Как мне кажется, по складу души я должна была бы восхищаться маниями, решила Анетта. Я благоговею перед тем, чем не являюсь сама. Я такая мягкотелая, впечатлительная, уступчивая, во мне нет должной твердости, решимости. Но теоретически, будучи поли, я вполне могла бы стать совершенно иной — целеустремленной, жестокой, решительной, какой угодно. Но вместо этого...

И вот тут-то она увидела справа от себя полосу выхлопных газов тормозных ракет в ночном небе. Совершал посадку какой-то космический корабль, и в непосредственной близости к Гамлету. Фактически, если она и дальше будет придерживаться этой же дороги, то обязательно натолкнется на него. При этом она испытывала одновременно — что типично для поли — равные по степени воздействия, но противоположные по характеру чувства. Страх заставил всю ее съежиться, но любопытство и нетерпение, предвкушение чего-то очень важного и острая взволнованность заставили ее прибавить скорость.

Тем не менее, прежде, чем она успела достичь корабля, испытываемый ею страх все-таки одержал верх; она притормозила, съехала на мягкий грунт обочины и выключила зажигание. Машина прокатилась еще несколько метров по инерции и замерла, она же осталась в кабине, не включая передних фар, и стала прислушиваться к ночным звукам, раздумывая, что же все-таки предпринять.

Оттуда, где она затаилась, корабль просматривался очень плохо. Время от времени поблизости от него то тут, то там вспыхивал фонарик — кто-то что-то делал. Солдаты с Земли, наверное, готовились к тому, чтобы окружить Гамлет. И все же — голосов она не слышала. Да и сам корабль показался ей не очень-то крупным.

Они, разумеется, вооружены. Каждый представитель в совете обязан был быть при оружии. Хотя делегат гебов традиционно забывал об этом. Открыв ящик для перчаток, она выудила оттуда старомодный пистолет, стреляющий свинцовыми пулями; она никогда раньше не пользовалась

им, и ей казалось совершенно невероятным, что вскоре, возможно, ей придется прибегнуть к нему. Но, с другой стороны, она сознавала, что выбора не было.

Тихо ступая, она прокралась вдоль кустов, пока неожиданно для себя самой не оказалась перед кораблем. Ошеломленная, она отступила на несколько шагов назад и увидела свет карманного фонарика. Это свидетельствовало о том, что у хвостовой части корабля продолжается какая-то деятельность.

Один человек, всецело поглощенный занятием, копал лопатой яму; он тяжело дышал, покрытое потом лицо сморщилось от напряжения. Неожиданно он поспешил назад, в корабль.

Когда он появился снова, в руках у него была коробка, которую он поставил рядом с ямой. Свет фонарика упал на внутреннюю часть коробки, и Анетта Голдинг увидела пять шаров, похожих на грейпфруты, слегка влажных и отчетливо пульсирующих. Они несомненно были живыми, и Анетта сразу же поняла, что это такое. Недавно появившиеся на свет зародыши слизистых плесневых грибков с Ганимеда — она видела их изображение при просмотре образовательных видеолент. Человек, разумеется, закапывал их; в почве они станут развиваться гораздо быстрее. Эта стадия их жизненного цикла протекала с огромной скоростью, и поэтому человек торопился. Эти сферы могли погибнуть в любую минуту.

К немалому собственному удивлению она вдруг сказала:

— Вам не удастся своевременно выложить их в почву.

И действительно, один шар уже потемнел и сморщился, усыхая прямо на глазах.

— Послушайте, — обратилась она к человеку, который продолжал копать небольшим совком. — Я увлажню их. У вас есть вода? — Она присела рядом с незнакомцем. — Они на самом деле вот-вот погибнут. — Человек, очевидно, тоже понимал это.

— В корабле, — отрывисто бросил человек. — Возьмите контейнер побольше. Водяной кран вы найдете без труда, он четко обозначен. — Он отделил ссохшийся шар от остальных, осторожно поместил его в яму и начал присыпать частицами почвы, предварительно измельчая ее пальцами.

Анетта вошла в корабль, нашла водяной кран и миску. Наполнив ее водой, она поспешно вышла и быстро окуну-

ла в воду погибающие шары, философски размышляя о том, что с грибами всегда **так:** все жизненные процессы у них скоротечны, — зарождение, рост, даже смерть. Этим, возможно, еще повезло. У них оставался крошечный запас времени.

— Спасибо, — сказал человек, беря из коробки второй шар, и тут же закапывая. — Даже не надеюсь, что всех удастся спасти. Споры проросли во время перелета, мне просто некуда было их поместить. Была лишь совсем небольшая емкость, пригодная для хранения спор микроскопического размера. — Он на мгновенье глянул на девушку, продолжая увеличивать совком ямку. — Мисс Голдинг, — вдруг уверенно произнес он.

— Не может быть, — сказала Анетта, сидя на корточках перед коробкой с шарами, — что вы меня знаете, я никогда не встречалась с вами раньше.

— Это мой второй приезд сюда, — загадочным тоном произнес незнакомец.

Споры, закопанные первыми, начали уже прорастать. При свете карманного фонарика Анетта видела, как заколыхалась и вспучилась земля, отчетливо задрожала — диаметр сфер увеличивался очень быстро. Зрелище было очень странным, даже чем-то забавным, и Анетта рассмеялась.

— Извините меня. Посмотрите-ка, что получается. Вы торопитесь, суетитесь, закладываете в почву и вот, глядите. Еще совсем немного времени, и они будут такими же большими, как и мы. Да еще получат возможность передвигаться. — Слизистые грибки с Ганимеда, насколько ей было известно, были единственными грибами, способными перемещаться. Поэтому она прямо-таки в восторге от них.

— Откуда вы так много о них знаете? — спросил незнакомец.

— Вот уже много лет от нечего делать я занимаюсь самообразованием. Еще до того, как госпиталь разрушили до основания, я взяла видеоленты по биологии и зоологии. Это правда, что спелые слизистые грибки с Ганимеда достаточно разумны, чтобы с ними можно было разговаривать?

— Они гораздо умнее. — Мужчина быстро посадил еще одну сферу. В его ладонях она дрожала, мягкая, как кусок студня.

— Как это замечательно — сказала девушка. — Меня это сильно волнует. — Она совсем не жалела о том, что задержалась здесь. Сферы эти стоили того, чтобы так о них позаботиться. Она опустилась на колени рядом с ямой и не отрывая глаз, следила за действиями незнакомца. — Вы любите все это? Все, что нас окружает — ночные запахи, воздух, звуки, издаваемые различными существами, в основном, совсем маленькими, такими, как лягушки или звоночки-сверчки, которые так и снуют в темноте — а еще, что вы даете этим грибкам возможность прорасти, не позволив им засохнуть и погибнуть? У вас очень доброе сердце. Я не сомневаюсь в этом. Назовите мне свое имя.

Он искоса поглядел на девушку.

— Зачем вам мое имя?

— Потому что... Чтобы я смогла запомнить вас.

— Знать имя, чтобы запомнить человека, — задумчиво произнес незнакомец.

Осталось посадить только одну сферу. А первая уже разрослась, показавшись над землей; она представляла из себя, как обнаружила Анетта, множество небольших сфер, склеившихся в единую массу.

— Меня зовут Чак Риттерсдорф.

— Вы родственник доктора Риттерсдорф, психолога с земного корабля? Да, вы, должно быть, ее муж. — Она была совершенно уверена в этом, для нее это был очевидный факт. Вспомнив о планах Габриеля Бейнса, она тут же прикрыла рот ладонью, едва сдерживая смех. — О, если бы вы только знали... Но мне нельзя рассказывать вам об этом. — Вот имя, подумала она, которое не мешало бы вам запомнить. Габриель Бейнс. Ей вдруг очень захотелось узнать, удалось ли Гейбу осуществить свой замысел перетянуть доктора Риттерсдорф на сторону поселенцев с помощью секса. У нее были такие ощущения, что это закончилось полным провалом. Хотя лично Гейбу это могло доставить, — и, возможно, доставляет даже сейчас — немало приятных минут.

Разумеется, теперь всему конец, так как сюда приехал мистер Риттерсдорф.

— А какое у вас было имя, — спросила она, — когда вы были здесь раньше?

Чак Риттерсдорф бросил несколько подозрительный взгляд в ее сторону.

— Вы полагаете, я сменил имя?

— Вы тогда были кем-то еще. — Это должно быть именно так, иначе она запомнила бы его и узнала.

— Давайте, — ответил ей Риттерсдорф после некоторой паузы, — просто скажем, что я был здесь и встречался с вами, а затем отбыл на Землю. А вот теперь вернулся снова. — Он сверкнул глазами в ее сторону, как будто это была се вина. Теперь, когда последняя сфера легла в почву, Чак, положив лопатку в пустую коробку, направился к кораблю.

Следуя за ним по пятам, Анетта произнесла:

— Значит, теперь нашим спутником завладеют слизистые грибки. — Ей вдруг пришло в голову, что, возможно, это часть общего плана Земли по завоеванию спутника. Однако мысль эта не стыковалась с тем, что человек всем своим видом показывал, что занимается тайком, в одиночку. И такая мысль больше, пожалуй, подходила бы кому-нибудь из паранов, а не ей.

— Бывают вещи и похуже этого, — лаконично ответил Риттерсдорф и исчез внутри корабля. Постояв какое-то время в нерешительности, Анетта последовала за ним, моргая от яркого света корабельных ламп.

На полке лежал ее собственный пистолет, стреляющий свинцовыми пулями. Она забыла его, когда ее внимание было сосредоточенно на том, чтобы наполнить водой контейнер.

Осторожно подняв пистолет, Риттерсдорф внимательно его осмотрел, затем повернулся в сторону Анетты. На лице у него при этом было какое-то особое выражение, почти ухмылка.

— Ваш?

— Да, — сказала она, испытывая острое чувство стыда.

Она протянула руку в надежде, что он вернет ей оружие. Однако Риттерсдорф этого не сделал. — Пожалуйста. Он — мой, я положила его, потому что старалась помочь вам. Вы ведь это знаете.

Он долго, очень долго изучающе глядел на девушку. А затем отдал ей пистолет.

— Спасибо. — Теперь она испытывала чувство благодарности. — Я этого не забуду.

— И с таким оружием вы намеревались спасти свой спутник? — теперь Риттерсдорф улыбался. А ведь он весь-

ма недурен, отметила она про себя. Вот только портит его лихорадочно возбужденное, изможденное лицо, да и морщин многовато. Но зато глаза у него такие голубые, чистые, добрые. Ему, по всей вероятности, лет тридцать пять, не больше. Совсем еще не старый мужчина, но постарше меня. Улыбка у него тоже какая-то болезненная, не то, чтобы она была неискренняя, наигранная, но... Она задумалась. Как будто он не привык улыбаться, как будто для него трудно быть счастливым, хоть ненадолго. Для него, наверное, как для Дино Уоттерса, подавленное состояние, было привычным. Если это в самом деле было так, то она ощутила острое сострадание. Такого рода душевное расстройство было ужасным. Куда худшим несчастьем, чем многие другие.

— Не думаю, что нам удастся отстоять свой спутник, — сказала она. — Я только бы хотела защитить себя. Вам ведь известно, какое здесь у нас положение, верно? Мы...

Внезапно ей почудился где-то в глубине собственного сознания какой-то голос, еще неокрепший, прерывистый, похожий на брюзжание.

"Мистер Риттерсдорф"..., проскрипел голос, затем затих, затем снова стал едва слышным, как сигнал далекой радиостанции, принимаемый примитивным детекторным приемником. "... очень благоразумно с вашей стороны. Я вижу, что Джоан..." — и снова пропал.

— Что это, ради всего святого? — испуганно спросила Анетта.

— Слизистый грибок. Один из них. Не знаю даже, кто именно. — Чак Риттерсдорф, казалось, замер от облегчения. — Преемственность не прервалась! — вдруг воскликнул он так громко, будто она была за добрую милю от него. — Он снова с нами! Что вы на это скажете, мисс Голдинг? Ну скажите хоть что-нибудь! — Он вдруг сгреб ее в охапку и закружился с нею в неком подобии веселого танца, чисто по-детски празднуя успех. — Ну скажите же хоть что-нибудь, мисс Голдинг!

— Я очень рада, — покорно произнесла Анетта, — глядя на то, что вы счастливы. Вам следовало бы быть таким же веселым как можно чаще. Разумеется, мне не совсем понятно, что произошло. Но в любом случае... — Она высвободила свои пальцы из рук Чака, — ... я уверена в том, что вы заслужили это, что бы там ни было.

У нее за спиной что-то зашевелилось. Она обернулась и увидела во входном люке корабля желтый ком, который медленно и неуклюже передвигался вперед. Вот он волнообразными движениями преодолел порог, втиснулся внутрь корабля. Значит, вот как они выглядят, сообразила Анетта. В заключительной стадии претерпеваемых ими метаморфоз. У нее перехватило дух. Она отпрянула, но не в испуге, а в благоговении перед торжеством жизни. Ведь это в самом деле подлинное чудо — насколько быстро развивается слизистый грибок. А вот теперь он останется в таком состоянии на неограниченно долгий срок, пока в конце концов его не доконает либо слишком холодный, либо слишком теплый климат, а возможно — и слишком большая сушь. А в самое последнее мгновенье своего существования он непременно выбросит споры. Цикл повторится.

Как только слизистый грибок прополз в корабль, в проеме входного люка показался еще один грибок, следовавший за первым. А за ним — третий.

Чак Риттерсдорф был совершенно сбит с толку.

— И кто же из вас Лорд Бегущий Моллюск?

Сознание Анетты восприняло целую серию мыслей.

"По традиции личность родителя наследуется первым родившимся. Но особого различия между ним и остальными по сути нет. В определенном смысле каждый их нас является Лордом Бегущим Моллюском. Но, с другой стороны, никто из нас не идентичен с ним. Я — первый — принимаю по наследству имя родителя, остальные сами придумывают себе имена, какие понравятся. Во мне зреет предчувствие, что нам очень неплохо будет на этом спутнике, атмосфера, влажность и сила тяжести здесь кажутся нам оптимальными. Вы помогли расширить ареал нашего обитания, перенеся нас более, чем на — позвольте мне прикинуть — три световых года от нашей родины. Спасибо вам". Поток мыслей на несколько мгновений приостановился, как будто он или, вернее, оно, так как грибок существо бесполое, размышляет, стоит ли делиться с людьми следующими, зародившимися в сознании мыслями. — Ваш корабль, а с ним и вы сами, в самом скором времени подвергнетесь нападению. Вам не помешало бы как можно быстрее покинуть это место. Вот почему под-

нялись на борт корабля, те из нас, что успели полностью сформироваться."

— Нападение со стороны кого? — требовательным тоном спросил Чак Риттерсдорф, нажимая кнопку на пульте, запирающую входной люк корабля. Затем, расположившись поудобнее за пультом, он стал готовиться к взлету.

"Как нам удалось установить", мысли сразу трех грибков проникли в сознание Анетты, " к этому причастна группа местных жителей, которые сами, в своем сознании, отождествляют себя с маниями. По всей вероятности, им уже удалось взорвать какой-то другой корабль..."

— Боже ты мой! — проскрежетал Чак Риттерсдорф. — Да ведь там Мэри!

"Да", согласился грибок, "приближающиеся мании, прекрасно понимая, что они сделали, поздравляют друг друга в типичной для них хвастливой манере, не скрывают своего ликования, вызванного тем, что им удалось с такой легкостью одержать верх над доктором Риттерсдорф. Тем не менее, сама она осталась жива, как удалось спастись и всем остальным, находившимся на борту корабля. В настоящее время местонахождение их на территории спутника неизвестно, и мании сейчас охотятся на них".

— А что известно в отношении барражирующих поблизости боевых кораблей Земли? — спросил Риттерсдорф.

— Каких боевых кораблей? Мании установили новую модификацию защитного экрана над своим поселением. Так что пока они находятся в безопасности". Затем слизистый грибок стал развивать ранее высказанные им мысли, строя предположения, основанные на собственном анализе ситуации. "Этому экрану не устоять достаточно долго, и мании это понимают. Но они довольны даже тем, чего уже достигли. Для них это буквально верх блаженства — сбитые с толку земные линейные корабли бесполезно жужжат вокруг.

Бедные мании, подумала Анетта. Они неспособны заглянуть хоть чуть дальше собственного носа, живя только настоящим. Они затевают сражение, как будто у них есть шансы на успех. И все же, разве ее собственное мировоззрение намного лучше? Разве ее готовность смириться с поражением такое уж великое достижение?

Неудивительно, что все кланы спутника так сильно зависят от маниев. Они остались единственным кланом, который не покинула смелость, а следовательно, и жизнестойкость.

Остальные, поняла Анетта, давно уже смирились со своим поражением. Еще до того, как встретились с первым представителем землян, доктором Мэри Риттерсдорф.

* * *

Продвигаясь с черепашьей скоростью в сто двадцать километров в час, Габриель Бенс увидел, как в ночное небо взмыл небольшой маневренный корабль, и понял, что он уже опоздал. Понял это, даже не имея четкого представления о том, какая ситуация там сложилась. Анетта, так подсказывала ему его квазителепатическая способность, была на борту этого корабля, либо те, кто прибыл на корабле, уже успели расправиться с ней. В любом случае, ее здесь уже не было, и потому он притормозил машину, охваченный горечью и отчаянием.

Теперь уже он ничего не мог сделать. С таким же успехом он мог повернуть назад, в Адольфвилль, в родной поселок, в своим соплеменникам, чтобы находиться среди них в последние, трагические дни их существования.

Как только он начал разворачивать машину, что-то с невообразимым грохотом и лязгом пронеслось мимо него в направлении поселка Гамлет. Человеку непосвященному оно могло показаться ползущим монстром, и даже супермонстром. Изготовленный из самой высокопрочной стали, технология производства которой была доступна только маниям, он полз вперед под развевающимся по ветру красно-черным флагом — боевым символом маниев, заливая местность впереди себя яркими лучами мощных прожекторов.

Очевидно, он стал свидетелем начального этапа наземной контратаки. Но против кого именно? Эту атаку, безусловно, проводили мании, и, конечно же, не против Гамлета. По всей вероятности, они предприняли попытку настигнуть небольшой, быстрый корабль до того, как он успеет взлететь. Но они, как и он, опоздали.

Бейнс посигналил. В ответ танк развернулся, открылся люк башни танка маниев и, поднявшийся во весь рост

маний, помахал ему рукой в знак приветствия. Лицо мания пылало энтузиазмом, очевидно, ему страшно нравилось то, в чем ему довелось принять участие, нравилось выполнять свой воинский долг и защищать родной спутник, к чему все они так долго готовились. Ситуация, сколь бы удручающей ни была она для Бейнса, для этого молодого мания была лишь прекрасной возможностью покрасоваться своей внешностью.

— Привет! — расплывшись в улыбке, завопил из танка маний.

Бейнс ответил ему, стараясь, насколько это возможно, воздержаться от какого-либо ехидства или язвительности.

— Я вижу, что корабль успел удрать до прибытия ваших людей.

— Мы все равно накроем его, — маний нисколько не потерял бодрости и воодушевления. Энергично взмахнув рукой в сторону неба, он произнес: — Ну-ка, гляди в оба, приятель. Сейчас мы его ракетой!

Секундой позже над головой у него что-то вспыхнуло. Пролился ливень искрящихся обломков, и Габриель Бейнс понял, что земной корабль подбит. Маний был прав. Как и обычно... Это тоже было одной из характерных черт представителей его клана.

Ужаснувшись увиденному, ибо интуиция подсказывала Бейнсу, что на борту этого корабля находилась Анетта Шолдинг, он произнес:

— Вы, мании — варвары, дикари...

Груда обломков рухнула справа от него. Громко хлопнув дверцей кабины, он завел турбины, съехал с дороги и, подпрыгивая на кочках, направился напрямик через целину. В танке маниев тем временем закрылся люк башни, затем он последовал за машиной Бейнса, наполнив ночную тишину ревом двигателя и лязгом гусениц.

Бейнс первым добрался к обломкам корабля. Как оказалось, из его хвостовой части выдвинулось что-то вроде аварийного парашюта — огромный надувной шар, благодаря чему посадка получилась относительно мягкой. Теперь корабль лежал, наполовину зарытый в почву, хвостовой частью вверх, и дымился, как будто — и это привело Бейнса в ужас, — он вот-вот взорвется. В атомном минireакторе, подумал Бейнс, образовалась околокритическая масса и стоит ей хоть немного увеличиться, как все

будет кончено. Выбравшись из машины, он опрометью бросился к входному люку. Как только он оказался рядом, люк распахнулся, из него, нетвердо держась на ногах, вышел землянин, сразу за ним — Анетта Голдинг, а затем, с неописуемым трудом через нижнюю кромку люка перевалилась какая-то однородная желтая студенистая масса и выпала из него, громко шлепнувшись о землю.

— Гейб, — сказала Анетта, — не дай маниям застрелить этого человека. Он очень хороший. Он добр даже по отношению к слизистым грибкам.

Теперь сюда же с грохотом подкатился и танк маниев. Снова с громким лязгом отошла в сторону крышка люка башни и показалась голова мания. На этот раз, однако, в руках у него был лазерный лучемет, дуло которого было направлено на землянина и Анетту. Ухмыльнувшись, маний произнес:

— Вот мы тебя и кокнули, дружок. — Было ясно, что после того, как он вволю насладится своей победой, то с садистским наслаждением уничтожит спасшихся с подбитого корабля. Жестокость маниев была поистине чудовищной.

— Послушайте, — крикнул Бейнс, помахав рукой, чтобы привлечь внимание танкиста, — оставьте лучше этих людей в покое. Эта женщина из Гамлета. Она одна из нас.

— Одна из нас? — эхом повторил маний. — Если она из Гамлета, то она никак не может быть одной из нас!

— О, вот те на! Неужели вы, мании, настолько двинулись мозгами, что не признаете или вовсе не помните общепринятого братства всех кланов во времена кризисов? Ну-ка, опустите сейчас же лазер! — Бейнс, не спеша, вернулся к своей машине, ни на мгновение не спуская глаз с мания. Там, под сиденьем, у него было собственное оружие. Если б ему удалось незаметно достать его, он бы не задумываясь, прибегнул к нему, чтобы спасти жизнь Анетте. — Я доложу о вас Говарду Строу, — сказал он и, открыв дверцу кабины, запустил руку под сиденье. — Я его коллега — в качестве делегата паранов в совете. — Пальцы его сомкнулись вокруг рукоятки пистолета; он поднял его, прицелился и в то же самое мгновение раздался щелчок предохранителя.

Он был хорошо слышен в ночной тишине, и этот звук заставил мания в танке мгновенно повернуться. Теперь ла-

зерный лучемет был направлен на Габриеля Бейнса. Ни Бейнс, ни маний при этом не издали ни звука; они выжидающе глядели друг на друга, не шевелясь и не открывая огонь — было довольно темно, и каждый из них не очень-то хорошо различал противника.

В сознании Габриеля Бейнса сформировалась одному Богу известно откуда взявшаяся, но очень четкая мысль.

"Мистер Риттерсдорф, ваша жена находится в непосредственной близости отсюда. Я уловил ее мозговую активность. Исходя из этого, я рекомендую вам тотчас же броситься на землю".

Землянин, а за ним сразу же и Анетта Голдинг, тотчас же упали на землю лицом вниз; сбитый с толку маний, находившийся в башне танка, отвел дуло своего лучемета от Габриеля Бейнса и стал неуверенно вглядываться в ночную тьму.

Не прошло и нескольких секунд, как точно направленный сноп энергии из лазерного оружия вспыхнул во мраке ночи над лежавшим ничком землянином, коснулся корпуса подбитого корабля и растворился в шипящем пятне расплавленного металла. Маний в танке встрепенулся и прильнул к окуляру прицела, стремясь засечь источник выстрела. В инстинктивном порыве он судорожно сжал в пальцах собственное оружие, но стрелять не решался. Ни он, ни Габриель Бейнс не в состоянии были разобраться, что происходит. Кто же это выстрелил и в кого собственно метил?

— Скорей в машину! — крикнул Габриель Бейнс Анетте и открыл перед ней дверцу. Анетта подняла голову, взглянула на Бейнса, и повернулась к землянину, лежавшему на земле рядом с ней. Они обменялись взглядами, привстали на четвереньки, а затем оба, спотыкаясь и пригибаясь пониже к земле, бросились к машине Бейнса.

Находившийся в танке маний наконец-то открыл огонь, но не по Анетте и землянину; он стрелял в темноту, в том направлении откуда ударил лазерный луч. Затем быстро нырнул в танк, крышка башенного люка захлопнулась и танк, вздрогнув всем своим корпусом, взревев рванулся вперед, в том направлении, куда стрелял маний. Одновременно с этим из пусковой установки в передней части танка вылетела ракета. Она летела по очень низкой траектории, практически параллельно земле, и взорвалась

почти сразу же после запуска. Габриель Бейнс, который в это время пытался развернуть на сто восемьдесят градусов машину, после того, как землянин и Анетта успели плюхнуться на переднее сиденье рядом с ним, почувствовал, как вздыбилась прямо у него под колесами земля и обрушилась на него сверху. Он закрыл глаза, но предотвратить то, что происходило с машиной, никак не мог.

Прижатый к спинке сиденья рядом с ним землянин громко выругался, Анетта издала горестный стон.

Вот такие они, мании, с лютой злостью отметил про себя Бейнс, чувствуя, как ударная волна от взрыва ракеты приподняла от земли и подхватила его машину.

— Ну кто же пускает такие ракеты, — едва послышался голос землянина сквозь грохот взрыва, — на столь близкое расстояние!

Ударная волна закрутила подхваченную машину, несколько раз перевернула ее в воздухе и отшвырнула далеко от места взрыва. Габриеля Бейнса с силой бросило на подушки, которыми была оббита в целях безопасности крыша, затем на такие же подушки над приборной панелью. Включились автоматически все средства безопасности, которыми оборудует свою машину каждый благоразумный паран, чтобы не пострадать при нападении, однако этого оказалось недостаточно. Машину продолжало переворачивать, а находившийся внутри нее Габриель Бейнс в приступе лютой ненависти к маниям дал себе зарок больше никогда и ни в какой форме не поддерживать сотрудничество с ними.

Кто-то, кто в очередной раз столкнулся с ним, прошептал:

— О Господи!

Это была Анетта Голдинг. Бейнс обхватил ее руками, прижал к себе. Все стекла машина рассыпались вдребезги. Будто душем, его обдало мелкими осколками триплекса. Он почувствовал едкую вонь, словно что-то горело, возможно даже одежда, но это нисколько не удивило его. Тотчас же из множества форсунок, установленных повсюду вокруг него и активированных резким повышением температуры внутри кабины, хлынула защитная антитермальная пена. Не прошло и нескольких мгновений, как он уже неуклюже барахтался в огромном количестве серой скользкой жидкости, совершенно лишившей его возможности за-

цепиться пальцами за что-нибудь... Анетту снова вытряхнуло из его рук. Черт бы их всех побрал, выругался он про себя в адрес этих защитных устройств, которые стоили немало долларов и отняли столько времени на их установку. Да ведь от них вреда оказалось куда больше, чем от самого взрыва! И какой же урок из этого? Что за смысл вот так барахтаться в вязкой и скользкой пене? Вся его кабина превратилась в гигантскую чашу с пеной для бритья, приготовленной для какой-то грандиозной оргии участников всегалактического съезда парикмахеров. Он сжался в комок, втянул голову в плечи, яростно отплевывался, чтобы не задохнуться, отчаянно бился, пытаясь высвободиться из образовавшейся вокруг его тела клейкой оболочки.

— Помогите! — крикнул он.

Никто не отозвался.

Я разнесу на мелкие кусочки этот танк, пообещал, захлебываясь в пене, Габриель Бейнс. Клянусь, что это сделаю во что бы то ни стало! Уж я доберусь до них, до наших врагов, этих гнусных, надменных маниев... Я всегда знал, что они против нас.

"Вы ошибаетесь, мистер Бейнс", вдруг возникла у него в голове чья-то чужая мысль, спокойная и рассудительная. "Солдат, который выпустил ракету, вовсе не намеревался причинить вам вред. Прежде, чем осуществить пуск, он все тщательно рассчитал — так во всяком случае, он сам считает, не испытывая ни малейших сомнений в целесообразности своих действий. Вы должны воздержаться от того, чтобы усматривать злой умысел в его несколько неосмотрительном выстреле. Причиненные вам повреждения являются результатом несчастного случая. В данный момент этот храбрый воин пытается добраться к вам и вытащить из объятой пламенем машины. И вас, и тех, кто вместе с вами".

"Если вы в состоянии читать мои мысли", попытался спроецировать свое желание Бейнс, "помогите мне".

"Я ничего не могу сделать. Я всего лишь слизистый грибок и ни при каких обстоятельствах не подступлю к огню, поскольку очень чувствителен к теплу, что со всей ясностью продемонстрировали недавние события. Двое из моих собратьев уже погибли, пытаясь это сделать. К тому же я еще не готов к спорообразованию". Затем вдруг, ни

с того, ни с сего, грибок передал ему еще одну мысль. "В любом случае, если я и попытался бы кого-либо спасти, то это мистера Риттерсдорфа. Он вместе с вами в машине... Человек с Земли".

Чья-то рука схватила Габриеля Бейнса за ворот; кто-то поднял его, выволок из машины и отшвырнул подальше от нее. Затем маний, с типичной для его клана сверхъестественной физической силой, — забрался в горящую машину и оттащил в безопасное место Анетту Голдинг.

"Следующий — мистер Риттерсдорф", достигли того места, где лежал на земле Габриель Бейнс, встревоженные мысли слизистого грибка.

Еще раз, оставаясь совершенно равнодушным к собственной безопасности — что было еще одной характерной чертой гиперактивного темперамента, — маний исчез внутри горящей машины. На этот раз он выбрался оттуда, вытаскивая землянина.

"Спасибо", облегченно и с благодарностью подумал слизистый грибок. "В качестве награды за тот благородный поступок, что вы совершили, позвольте передать вам вот какую информацию: ваша ракета не попала в доктора Риттерсдорф и симулакрума ЦРУ мистера Мэйджбума. Сейчас они затаились в темноте где-то поблизости и выискивают возможность нанести еще один лазерный удар. На этот раз мишенью станете вы. Так что вам лучше как можно быстрее укрыться за броней своего танка".

— Почему это я стану мишенью? — разгневанно спросил маний.

"Потому что именно ваш клан уничтожил корабль землян", мысленно ответил слизистый грибок. "Впоследствие той неприкрытой враждебности, что вы питаете к землянам. Поторопитесь!"

Солдат-маний опрометью бросился к танку.

Но ему так и не удалось достичь его. Пробежав всего две трети расстояния, отделявшего его от танка, он рухнул лицом вниз, сраженный рассекшим на какое-то мгновенье ночную тьму лазерным лучом, лишь чуть-чуть задевшим его.

Теперь очередь за нами, понял, совсем упав духом,сидевший на земле Габриель Бейнс. Он все еще продолжал вытирать с себя углекислую пену. Интересно, узнает ли она меня, вспомнит ли о нашей встрече, состояв-

шейся сегодня чуть ранее... И если так, то, может быть, хотя бы это побудит ее пощадить меня — или убить как можно быстрее?

Находившийся рядом с ним человек с Земли, по странной прихоти судьбы носящий ту же фамилию Риттерсдорф, пытаясь приподняться в сидячее положение, спросил:

— У вас было оружие, что с ним?

— Осталось в машине, как мне кажется.

— Почему она хочет нас убить? — сквозь всхлипывания произнесла Анетта Голдинг.

— Потому что она знает причину, по которой я сейчас здесь, — сказал Риттерсдорф. — Я прибыл на этот спутник, чтобы убить ее. — Он казался очень спокойным. — К исходу ночи одного из нас не будет в живых. Или ее, или меня. — Судя по всему, решимость его нисколько не поколебалась.

Высоко над головой раздался оглушительный рев тормозных ракет. Как понял Габриель Бейнс, это был еще один корабль, на этот раз огромный, и он ощутил, как в нем шевельнулась надежда. Теперь, возможно, у них появится шанс спастись от безжалостных лазерных ударов доктора Риттерсдорф — которая, как он о том уже давно подозревал, определенно была сумасшедшей. Даже если на корабле земляне. Потому, что теперь уже стало совершенно ясно, что поступки доктора Риттерсдорф определялись собственными ее садистскими побуждениями и не были санкционированы властями. По крайней мере, он очень надеялся на это.

Над головой у них вспыхнула осветительная ракета. Сразу же стало светло, как днем, и все, даже небольшие предметы, вплоть до камешков на земле, стали различимы с изумительной ясностью. Подбитый корабль мистера Риттерсдорфа, покинутый манием танк, труп мания, распростертый на земле неподалеку от танка, машина Габриеля Бейнса, до такой степени обгоревшая, что от нее осталась только груда шлака, а чуть поодаль, в метрах ста отсюда, огромная воронка с оплавленными краями, — там, где взорвалась ракета. И — среди деревьев, далеко справа, две человеческие фигуры. Мэри Риттерсдорф и кто-то еще, о ком упомянул слизистый грибок. Теперь он увидел и самого слизистого грибка. Он нашел себе убежище среди

обломков подбитого корабля. В ослепительном свете ракеты зрелище было поистине кошмарным; он с трудом подавил в себе страстное желание громко, по-ослиному расхохотаться.

— Военный корабль с Земли? — спросила Анетта Голдинг.

— Нет, — ответил Риттерсдорф. — Видите изображение кролика на корпусе?

— Кролика? — глаза ее широко раскрылись от изумления. — Это корабль с представителями расы разумных кроликов на борту? Неужели возможно и такое?

"Нет", принял мысли слизистого грибка Габриель Бейнс. С видимым сожалением грибок продолжал. "Это Банни Хентман, который разыскивает вас, мистер Риттерсдорф. Оказалось, как вы и предчувствовали это со свойственным вам пессимизмом, относительно несложно было догадаться, что вы прибудете сюда, на Альфу-III-М2. Хентман покинул Браге-Сити вскоре после того, как вы отбыли с Земли". Тут грибок счел необходимым пояснить. Сейчас я как раз принимаю эти мысли непосредственно из его разума; до самого последнего момента я ничего не знал об этом, поскольку находился в стадии споры".

Ничего не понимаю, отметил про себя Габриель Бейнс. Кого это, черт бы его побрал, зовут Банни Хентманом? Божество кроликов? И почему это он разыскивает Риттерсдорфа? А ведь ему до сих пор не было ясно, кем же является этот Риттерсдорф. Мужем Мэри? Ее братом? Все перемешалось у него в голове, и хотелось только одного — побыстрее очутиться в Адольфвилле, на заранее подготовленных безопасных позициях, над чем столь изобретательно и усердно трудился его клан в течение многих лет как раз на случай такой мерзости, как эта.

Очевидно, решил он, МЫ В САМОМ ДЕЛЕ ОБРЕЧЕНЫ. Все они — одна шайка, объединившаяся против нас; мании, доктор Риттерсдорф, кто-то в огромном корабле с его тотемом в виде кролика, и, где-то неподалеку, земные военные власти, готовые в любую минуту вмешаться... Какие же у нас есть шансы? В сознании его все больше разрасталась раковая опухоль пораженчества — и он бессилен с ней бороться, с горечью отметил он про себя.

Наклонившись к Анетте Голдинг, которая сидела на земле рядом с ним и как-то довольно вяло стряхивала с рук противопожарную пену, он сказал:

— Прощайте, Анетта.

Она взглянула на него большими от удивления глазами.

— Куда это вы собрались, Гейб?

— А разве не все ли равно? — угрюмо произнес он. Теперь было уже совершенно ясно, что у них нет никаких шансов, ракета высветила их местонахождение и они могут стать легкой добычей лазерного лучемета доктора Риттерсдорф — оружия, из которого уже был с бессмысленной жестокостью убит солдат-маний. Бейнс, пошатываясь, поднялся на ноги и стал смахивать с себя пену, трясясь всем телом, как мокрый пес. — Я ухожу, — сообщил он Анетте, но затем его вдруг охватила страшная печаль — настолько ему стало жалко Анетту; не собственная смерть печалила его теперь, а дальнейшая судьба девушки, вот что вызывало в нем особую скорбь. — Жаль, что я так и не смог ничего для вас сделать, — сказал он, повинуясь какому-то непонятному импульсу. — Но эта женщина совершенно безумна. Я это знаю по собственному горькому опыту.

— О, произнесла Анетта и понимающе улыбнулась. — Значит у вас ничего не получилось с этим планом относительно женщины. — При этом она исподтишка глянула на Риттерсдорфа.

— "Не получилось"? — так вы выразились. — Он рассмеялся. В самом деле, сейчас это ему казалось даже забавным. — Напомните, чтобы я когда-нибудь описал вам это. — Наклонившись, он поцеловал девушку. Лицо Анетты, еще скользкое и влажное от пены, прижалось к его лбу и носу. Затем он выпрямился и зашагал прочь, прекрасно все видя вокруг при свете осветительной ракеты.

И пока он так шел, ожидая, когда смертоносный лазерный луч коснется его. Столь ослепительно ярким было сияние, что он непроизвольно полузажмурил глаза; поглядывая то и дело по сторонам, он брел шаг за шагом вперед, сам не зная куда. Почему она не стреляет? Будет выстрел, будет, он точно знал это; он даже хотел, чтобы она не мешкала больше. Смерть от руки такой женщины — лучшая судьба для парана, ироничная и заслуженная.

Дорогу ему заслонила какая-то тень. Он открыл глаза. Три знакомых силуэта. Его взору предстали Сара Апостолес, Омар Даймонд и Игнас Ледебер, три величайших провидца на этом спутнике, или, если посмотреть на это несколько иначе, подумалось ему, три величайших сумасброда среди всех кланов. Что они здесь делают? Упражняются в левитации или телепортации? Или в чем-то еще? В любом случае, попали они сюда с помощью своей неомагии. Он ощущал только раздражение при виде их. Ситуация и без того была слишком запутанная.

— Зло противостоит злу, — нараспев произнес Игнас Ледебер. — Но вот друзей никогда нельзя бросать в беде. Не теряйте веры в нас, Габриель. Мы позаботимся о том, чтобы как можно быстрее переправить вас в безопасное место. Естественно, посредством силы духа. — Он протянул Бейнсу руку, лицо его преобразилось.

— Не меня спасайте, — сказал Бейнс. — Анетту Голдинг. Помогите ей. — И ему показалось, что вдруг с его плеч свалилось бремя защиты прежде всего себя и только себя от всех и вся. В первый раз за всю свою жизнь он совершил поступок, направленный не на то, чтобы спастись самому, а чтобы спасти кого-то другого.

— Она будет спасена, — успокоила его Сара Апостолис. — При содействии той же силы.

У них над головами продолжали реветь тормозные ракеты огромного космического корабля с изображением кролика на корпусе. Корабль медленно опускался, чтобы совершить посадку на спутнике.

ГЛАВА XII

— Вы слышали заявление слизистого грибка, — произнес находившийся рядом с Мэри Дэн Мэйджбум. — Он утверждает, что на борту корабля телекомик Банни Хентман, который занимает первое место в списке разыскиваемых лиц. — Мэйджбум нервно прикасался время от времени пальцами к горлу, очевидно поправляя передатчик переговорного устройства, связывавшего его с

мощными радиолинейными станциями ЦРУ на борту крейсировавших поблизости военных кораблей Земли.

— Я слышала и ту часть заявления, — сказала Мэри, — где говорится, что вы не человек, а симулакрум.

— Человек, не человек, — раздраженно произнес Мэйджбум. — Не все ли это равно? — Он, наконец, нашупал капсулу ларингофона своей микрорации и стал, не обращая никакого внимания на Мэри, докладывать своему начальству о появлении Банни Хентмана, основываясь, как отметила про себя Мэри, только на голословном высказывании плесени с Ганимеда. Доверчивость ЦРУ была выше ее понимания. Тем не менее, это, скорее всего, соответствовало истине. Вряд ли можно сомневаться в том, что Хентман на борту этого корабля. Об этом красноречиво свидетельствовал его фирменный знак — изображение кролика, символа, столь знакомого миллионам телезрителей.

Припомнил я тот безобразный эпизод, когда она обратилась в синдикат Хентмана в надежде заполучить для Чака работу в качестве телесценариста. Ей сразу же сделали недвусмысленное предложение, и она о нем не забыла. И никогда не забудет. Это называлось "побочным соглашением" — мягко выражаясь. Похотливые хорьки, подумала она, наблюдая за тем, как совершает посадку космический корабль, похожий на чудовищно перезрелый футбольный мяч.

— Я получил инструкции, — вдруг заговорил Мэйджбум, — отправиться к кораблю Хентмана и попытаться арестовать этого телеклоуна. — Он выкарабкался из-под обломков и встал на ноги; в изумлении Мэри глядела на то, как трусцой он поспешил к приземлившемуся кораблю. "Правильно ли я делаю, что даю ему возможность уйти?" — таким вопросом задалась Мэри. И тут же ответила: "А почему бы и нет?" И опустила лазерный лучемет. Она ничего не имела против Мэйджбума, независимо от того, был ли он человеком или симулакрумом. В любом случае он был таким же бестолковым, как и любой другой представитель персонала ЦРУ, с кем ей доводилось встречаться за годы совместной жизни с Чаком. Чак! Она сразу же сосредоточила на нем свое внимание. Сейчас он прятался среди обломков с Анеттой Голдинг. Какой же долгий путь ты прошел, мой дорогой, отметила она про себя. Только для того, чтобы отплатить мне. Стоило ли это таких

усилий? Но, подумала она, ты заодно нашел себе новую женщину. Интересно, сладко ли тебе будет иметь в качестве любовницы полиморфную шизофреничку? Прицелившись, она выстрелила из лазерного лучемета.

Безжалостно слепивший свет от ракеты внезапно погас; вокруг снова воцарилась тьма. Какое-то мгновенье она не могла понять, что же произошло, но затем сообразила, что теперь, когда корабль уже совершил посадку, необходимость в подсветке отпала. Поэтому-то корабль и сбил метким выстрелом ракету, предпочитая темноту свету, как какое-нибудь суетливо удирающее, не переносящее света насекомое.

У нее не было уверенности в том, попала ли она в Чака.

Ну и черт с ним, подумала она разгневанно. А затем вдруг ощутила страх. Теперь именно ей грозила смертельная опасность. Чак, по-видимому, окончательно стал убийцей, именно для этого он сюда прибыл. Подумав трезво и рационально, она была полностью убеждена в этом. Его нынешнее присутствие на спутнике лишний раз свидетельствовало в пользу того, о чем она с присущей ей профессиональной проницательностью давным-давно подозревала. Теперь же ей вдобавок к прежним страхам пришло в голову, что во время перелета сюда и в первые дни пребывания ее на Альфе-III-M2 Чак вполне мог находиться внутри черепной коробки симулакрума Мэйджбума. Почему же он пощадил ее тогда и предпочел выждать какое-то время? В любом случае, теперь это уже не имело никакого значения, поскольку симулакрум, как и раньше, будет дистанционно управляться с Земли, так было издавна заведено в ЦРУ, ей это было хорошо известно, по тем репликам, которые бросал на сей счет в течение всех этих лет Чак.

Нужно побыстрее убираться отсюда, твердо решила Мэри. До того, как он сделает это. Но куда же мне податься? Крупные боевые корабли не могут совершить посадку из-за того, что эти лунатики, возглавляемые маниаками, возвели защитный экран; однако, как мне кажется, корабли еще пытаются прорваться сквозь него. Но главное все же было в том, что она потеряла связь с посланными Землей вооруженными силами. После того, как ее покинул Мэйджбум, она не в состоянии выйти на связь с ними.

Лучше уж было мне оставаться на Земле, уныло подумала Мэри. Весь этот проект обернулся сплошным кошмаром. Это же самое настоящее безумие — Чак и я пытаемся убить друг друга. Как же мы дошли до состояния такого сумасшедствия? Я думала, что нам удалось расстаться и дело с концом... Разве не я этого достигла, затеяв и выиграв бракоразводный процесс?

Мне не следовало, призналась себе Мэри, добиваться от своего адвоката, чтобы он сделал потенциальные хроноснимки Чака с той девчонкой. Ведь это, по всей вероятности и побудило его принять такое решение. Однако теперь уже было поздно сокрушаться; она не только заполучила эти снимки, но еще и воспользовалась ими при судебном разбирательстве. Теперь, приобщенные к протоколам, они стали общедоступными, и всякий, движимый нездоровым любопытством субъект может порыться в судебных протоколах, просмотреть последовательно один за другим эти снимки и вдоволь насладиться зрелищем того, как Чак и эта девка Джоан занимаются любовью. Ин хок сигно винцес[8], мой дорогой. Чак, подумала она, я хотела бы капитулировать. Мне хочется выкарабкаться отсюда, если не ради тебя, то хотя бы ради себя самой. Неужели мы не можем стать... друзьями?

Тщетная надежда.

В это мгновенье на горизонте появилось нечто совершенно необычное. Мэри в изумлении глядела на феномен, пораженная его масштабами. Определенно он был настолько необыкновенным и грандиозным, что не мог быть сотворен человеком. Вся атмосфера теперь была пропитана чем-то для нее совершенно новым, оно абсолютно реальным; звезды потускнели, а это нечто, чем бы оно ни было, начало принимать форму светящегося тела.

Формой же это нечто все больше походило на какого-то огромного ящера, и Мэри сообразила, что предстало ее взору: проекция шизофренического бреда, часть того первобытного мира, в который все больше погружается неизлечимый душевнобольной, существо, которое явно было привычной, неотъемлемой частью бытия на Альфе-III-М2. Единственное, что было совершенно необъяснимым — почему и она видит эту иллюзию?

8 Сим победиши *(лат. — прим. переводчика)*

Способен ли шизофреник — или, возможно, даже несколько их, действующих согласованно, — скоординировать свои видения с телекинетическими способностями? Бредовая идея, занервничав, отметила про себя Мэри, надеясь, что это объяснение не верное. Такое сочетание может стать поистине роковым, если эти люди случайно на него наткнулись за ту четверть века, когда они были представлены самим себе.

Она припомнила гебефреника, с которым повстречалась в Гандитауне... которого, возможно, правильно называли святым, Игнаса Ледебера. Даже тогда она почувствовала, несмотря на грязь и убожество всего, что его окружало, поистине потрясающую силу духа, свидетельствовавшую о сверхъестественных способностях, направленных одному Богу известно на что. В любом случае тогда она была прямо-таки зачарована им.

Ящер — казавшийся вполне реальным существом — напрягся, изогнул шею, а затем челюсти его разомкнулись. Из пасти он вырыгнул нечто, напоминавшее шаровую молнию, которая тут же воспламенила часть неба, и стала медленно дрейфовать вверх как бы под действием восходящих воздушных потоков. Мэри испустила вздох облегчения: по крайней мере это чудовищное порождение воспаленного воображения скорее удалялось, чем опускалось. Честно говоря, все это вызывало у нее самую серьезную тревогу. Зрелище было не из приятных — слишком уж оно напоминало ей целый ряд собственных сновидений. Она уже пережила их, но ни с кем не обсуждала, не хотела даже тайком тщательно проанализировать их, а тем более поделиться с кем-либо еще, каким-либо профессиональным психоаналитиком. Боже упаси.

Огненный шар завис в воздухе и начал рассыпаться испускающими ослепительно яркий свет струями. Последние стали дрейфовать вниз, и Мэри, остолбенев от изумления, увидела, что они мало-помалу преобразуются как бы в чьих-то невидимых руках, в огромной величины буквы.

Буквы эти одна за другой выстроились в слова, образуя целую надпись на небе. В самом буквальном смысле. И надпись эта, скорее даже призыв, в замешательстве,

близком к панике, поняла Мэри, была обращена непосредственно к ней. На небе пылало:

ДОКТОР РИТТЕРСДОРФ,
ВОЗДЕРЖИТЕСЬ ОТ КРОВОПРОЛИТИЯ,
И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ
БЛАГОПОЛУЧНО ПОКИНУТЬ НАС.

А затем огненными буквами чуть помельче, как будто мысль эта возникла в самый последний момент:

СВЯЩЕННЫЙ ТРИУМВИРАТ.

Они совсем с ума посходили, подумала Мэри Риттерсдорф и почувствовала, как к ее горлу подступила волна истерического смеха. Это не я стремлюсь к кровопролитию. Чак! Почему же, ради всего святого, вы с этим обращаетесь ко мне? Если вы и в самом деле святые, то должны обладать способностью уразуметь столь очевидные вещи. Но, она тут же поняла, что это было не столь уж очевидным. Ведь первая выстрелила в Чака она, а еще раньше убила солдата-мания, когда тот бежал к своему танку. Так что, в конечном счете, ее совесть, как и ее намерения, не такие уж безукоризненно чистые.

В небе образовались еще два слова:

ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕТЬТЕ.

О Господи-Боже, запротестовала она, — Каким образом? — Она вряд ли могла рассчитывать на то, что ее ответ вспыхнет на небе огненными буквами? Кто-то, а она уж никак не могла потягаться с целым приумвиратом святых угодников, страдавших самой тяжелой формой гебефрении. Это просто ужасно, подумала она. Настолько нелепо, что нет никаких сил выдержать. И если я прислушаюсь, поверю им, то приму на себя ответственность за ту убийственную враждебность, что существует между мной и Чаком. А я ее не принимаю!

Неожиданно поблизости от корабля Хентмана сверкнули красные сполохи. Огонь вел, очевидно, симулакрум ЦРУ агент-оперативник Дэн Мэйджбум. Интересно, подумала Мэри, насколько результативны его действия. Вряд

ли он мог чем похвастать, насколько ей была известна выучка цээрушников. Тем не менее, она желала ему удачи.

И еще ее занимал вопрос, получает ли он какие-то предписания от имени Святого Триумвирата. Мэйждбуму совсем не помешала бы чья-либо помощь. Пока что он в одиночку бросился в лобовую атаку на корабль Хентмана, проявив при этом, как она только теперь поняла, недоступную человеческому воображению самоотверженность. Пусть он и симулакрум, конечно же, симулакрум, в этом теперь не приходилось сомневаться, но никто не сможет упрекнуть его в трусости. А вот остальных нас, рассудила она, меня, Чака и девчонку с ним, слизистого грибка, даже солдата-мания,который тщетно пытался найти убежище за броней своего танка — каждого из нас буквально пригвоздил к земле страх, источник которого — животный инстинкт спасти свою собственную шкуру. Из всех нас только Дэн Мэйджбум, и симулакрум, занял наступательную позицию. Несмотря даже на то, как ей казалось, нелепая его атака корабля Хентмана была изначально обречена.

На небе возникли новые огромные огненные буквы. И, слава Богу, они были адресованы не только ей одной; на сей раз ее пощадили, не подвергнув унизительному выделению из числа других участников развернувшейся драмы.

ПРЕКРАТИТЕ БОРЬБУ
И ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА.

Вот и хорошо, с готовностью подумала Мэри, я откликнусь сейчас же. Я полюблю своего бывшего мужа Чака, который прибыл сюда только для того, чтобы погубить меня. Ну как, такое годится для того, чтобы начать все с самого начала?

Интенсивность красных сполохов лазерных лучей у самого корабля Хентмана и вокруг него значительно возросла; симулакрум не внял словам благостного призыва и продолжал свою тщетную, но в высшей степени доблестную, борьбу.

В первый раз за всю свою жизнь она испытывала столь огромное восхищение кем-то.

С момента появления на сцене корабля Банни Хентмана мысли слизистого грибка наполнились мрачными предчувствиями; теперь же мысли его, достигавшие Чака

Риттерсдорфа, были всецело пропитаны острейшей тревогой.

"Я воспринимаю ужасное непонимание последних событий. Хентмана и его окружение, в особенности несколько альфиан, придумали целую схему, согласно которой именно вы, мистер Риттерсдорф, являетесь ключевой фигурой в заговоре, направленном против Хентмана и его окружения". На какое-то время мысли грибка прервались, и затем поток их возобновился снова. "Они высадили десантную штурмовую группу".

— Зачем? — спросил Чак и почувствовал, как учащенно забилось сердце.

"Рекогносцировка, произведенная во время горения осветительной ракеты; выявила ваше присутствие здесь, непосредственно на открытой местности. Сейчас высаживается десант. Вас поймают. Этого не избежать".

С трудом поднявшись на ноги, Чак сказал Анетте Голдинг:

— Я намерен предпринять попытку выбраться отсюда. Вы же пока оставайтесь здесь.

Он побежал, побежал куда глаза глядят, лишь бы куда-нибудь подальше отсюда, сам не представляя куда. Да и не бежал он, а просто быстро ковылял по неровной земле, насколько хватало сил. Тем временем корабль Хентмана приземлился и Чак обнаружил весьма странное явление: красные следы лазерных лучей вспыхивали в виде размытых световых полос поблизости от совершившего посадку корабля. Кто-то вступил в открытый бой с кораблем Хентмана, как только в нем открылся входной люк.

Кто же это? Безусловно, не Мэри. Один из здешних кланов? Может быть, разведдозор маниев... Но ведь у них и без того забот по горло по отражению землян, им мало, что ли, поддержания сомнительного защитного экрана над Да-Винчи? И мании применяли несколько иное, более совершенное оружие, а не старомодные лазерные лучеметы. Похоже на ЦРУ.

Мейджбум, вот кто это, сообразил он. Симулакрум получил предписание вовлечь корабль Хентмана в сражение. И будучи машиной, он соответственно так и поступил.

Мании, подумал он, сражаются с Землей. Мэйджбум, представляя ЦРУ, всецело занят охотой на Хентмана. Моя

бывшая жена не прочь разделаться со мною. А Хентман — мой враг. Если рассуждать логически, то что же получается в итоге? Вполне можно составить рациональное уравнение, вытекающее из этого, причудливым образом завязанного узла противоречий и событий. Это уравнение, конечно же, можно будет существенно упростить, приведя к удобному для окончательного решения виду. Если мании борются с Землей, и Хентман тоже, значит мании и Хентман — союзники. Хентман борется со мной, значит я — его противник, и, следовательно, союзник земной администрации. Мэри выступает против меня, а я — против Хентмана, значит Мэри — союзник Хентмана, и, следовательно, действует вразрез с намерениями земной администрации. Однако Мэри возглавляет целую команду высадившихся здесь земных психологов и других специалистов-добровольцев, привлеченных благотворительным характером всего проекта. Она же выступает как представитель земных властей. Значит, если придерживаться подобной логике, то Мэри одновременно и союзник, и противник Земли...

Уравнение просто не может иметь решение... слишком много сторон задействовано в междуусобной борьбе, притом совершающих множество нелогичных поступков, некоторые из которых, как, например, в случае с Мэри, совершены только по собственной инициативе.

Но постойте — усилия Чака составить рационально обоснованное уравнение на базе имеющегося материала в конце концов принесли кое-какие плоды. Пока он быстро шагал в темноте, на него снизошло озарение, пролившее свет на его затруднительное положение. Он боролся за то, чтобы не попасть с лапы Хентману, приспешнику альфман и противнику Земли. Это означало, что следуя неопровержимой, суровой логике, что он был союзником Земли независимо от того, считал ли он сам себя таковым или нет. Если забыть на какое-то время о Мэри — ее действия несомненно не были санкционированы земным правительством— то ситуация мгновенно прояснялась самым радикальным образом. И лично для него надежда состояла в том, чтобы найти убежище, добравшись до одного из военных кораблей земной эскадры. На борту одного из них он будет в полной безопасности — там и только там.

Но тут он сразу же вспомнил о том, что с Землей сражались кланы Альфы-III-M2; уравнение оказалось более сложным, чем поначалу показалось. Если он — следуя логике — союзник Земли, тогда он противник кланов, противник Анетты Голдинг, всех, кто живет на спутнике.

На поверхности Земли перед ним, хоть и очень нечетко, но обозначилась его собственная тень. У него за спиной появился какой-то источник света. Еще одна осветительная ракета? Он остановился на мгновенье и обернулся.

И увидел на небе огромные огненные буквы, призыв, как это ни странно было, из всех участников конфликта — непосредственно к его жене. "ВОЗДЕРЖИТЕСЬ ОТ КРОВОПРОЛИТИЯ, И МЫ ПОЗВОЛИМ ВАМ БЛАГОПОЛУЧНО ПОКИНУТЬ НАС". Очевидно, это было проявлением абсурдной тактики живших здесь душевнобольных, тех из них, которые, по всей вероятности, зашли наиболее далеко в своем сумасшедствии — гебефреников из Гандитауна. Мэри, разумеется, совершенно проигнорирует это благое пожелание. Тем не менее, ярко пламенеющая на фоне ночного неба надпись заставила его осознать еще один фактор: кланы спутника признали в Мэри своего врага. Но Мэри была и его врагом также. Он намеревался убить ее, а она уже пыталась убить его. Следовательно, по все той же логике, это делало его, Чака, союзником кланов. И уже никак нельзя было оставить без рассмотрения неизбежный вывод из всей цепи его логических умозаключений, каким бы грустным он ни был. Он был одновременно, как союзником, так и врагом кланов Альфы-III-M2. Он был и за них и против них.

Тут он сдался, выбросил все из головы, и, повернувшись спиной к надписи, снова побежал дальше.

Древнее изречение, плод размышлений поднаторевших в изощренном умстве воинственных владык Древней Индии, сводившееся к формуле "Враг моего врага — мой друг!" как-то не оправдывалось в здешней ситуации.

Что-то пророкотало у него над самой головой. И искусственно усиленный голос, обращенный к нему, взревел:

— Риттерсдорф! Остановитесь! И не сходите с места! Или мы сразу же пристрелим вас!

Голос этот гулким эхом отдавался вокруг. Он был направлен узким лучом именно на него, исходя из включенных на полную мощность громкоговорителей хентманов-

ского десантного катера, зависшего где-то у него над головой. Они, как это и предсказывал слизистый грибок, обнаружили его.

Тяжело дыша, он остановился.

Катер завис в воздухе метрах в трех над поверхностью земли. С шумом шлепнулась вниз металлическая лестница и сразу тот же искусственно усиленный голос распорядился:

— Взбирайтесь по лестнице, Риттерсдорф! И не вздумайте мешкать или выкинуть какую-нибудь штучку.

В ночном мраке, освещенная только небесной пылающей надписью, лестница из магниевого сплава подрагивала, как какая-то зыбкая связь с чем-то сверхъестественным.

Схватившись за нее, Чак Риттерсдорф, все мускулы которого будто налились свинцом, а сердце сжимала какая-то невидимая рука, очень неохотно начал взбираться вверх. Мгновеньем позже он сошел с лестницы и обнаружил, что находится в рубке катера. Лицом к лицу перед ним стояли два землянина с дикими глазами и лазерными пистолетами в руках. Наймиты Банни Хентмана, понял он. Одним из них был Джеральд Фелд.

Лестницу подтянули вверху, и катер с максимально возможной скоростью помчался к кораблю.

— Мы спасли вам жизнь, — сказал Фелд. — Эта женщина, ваша бывшая жена, искромсала бы вас на мелкие куски, если бы вы и дальше там оставались.

— Ну и что? — произнес Чак.

— Так что мы отплатили вам добром за зло. О чем большем вы могли бы просить? Вы не найдете Банни расстроенным или озлобленным. Слишком уж он велик, чтобы не преодолеть все это, оставаясь при этом совершенно бесстрастным к происходящему. Ведь в конце концов, сколь бы плохо ни пошли дела, у него всегда останется возможность эмигрировать в Альфийскую Империю. — Фелд ухитрился улыбнуться, поскольку эта мысль показалась ему очень удачной. С точки зрения Хентмана это означало, что положение его было вполне сносным — всегда оставался в распоряжении запасной вариант.

Катер достиг корабля-базы. Открылся проем, ведущий в широкую, круглую шахту. Катер аккуратно влетел в него, а затем скользнул по шахте глубоко внутрь корабля, к стапелю, где он находился в закрепленном положении.

Как только открылся входной люк катера, Чак Риттерсдорф увидел прямо перед собой Банни Хентмана, который устало вытерев пот с багрового лба, сказал:

— Какой-то лунатик вздумал напасть на нас. Очевидно, кто-то из здешних сумасшедших, судя по тому, с каким безрассудством он нас атакует. — Весь корабль затрясло. — Вот видите? — разгневанно произнес Хентман. — Он стреляет в нас из ручного оружия. — Подозвав к себе Чака взмахом руки, он продолжал: — Пройдемте со мной, Риттерсдорф. Мне хочется посоветоваться с вами. Между нас возникло какое-то чудовищное недоразумение, но я, тем не менее, считаю, что мы все еще в состоянии поладить. Верно?

— Между нами, — машинально поправил его Чак.

Хентман прошел в узкий коридор, Чак последовал за ним. Пока что еще никого не было перед ним с наведенным на него лазерным лучеметом, но он все равно повиновался. Однако потенциально возможность этого безусловно существовала — он был пленником синдиката.

Впереди них ленивой походкой, попыхивая сигареткой, коридор пересекала какая-то обнаженная по пояс, в одних только шортах, девушка. Что-то в ее облике показалось Чаку знакомым. А затем, когда она исчезла за одной из дверей, он понял, кто это. Пышка Уивер. В своем поспешном бегстве из Солнечной Системы Хентман оказался достаточно предусмотрительным, чтобы прихватить с собой хотя бы одну из своих любовниц.

— Сюда, — сказал Хентман, отпирая дверь.

Хентман заперся с Чаком в небольшой каюте, затем немедленно начал с неистовой, вызывающей тревогу энергией мерить ее шагами. Тем временем корабль продолжал то и дело вздрагивать от прямых попаданий в корпус. Один раз даже померк свет в плафоне у них над головой, но затем освещение восстановилось. Хентман, злобно сверкнув глазами, глянул вверх, затем снова стал метаться по каюте.

— Риттерсдорф, — сказал он, — у меня нет выбора. Мне придется прибегнуть... — раздался стук в дверь. — Чертыхнувшись, Хентман отпер дверь. — О, это ты.

За дверью стояла Пышка Уивер, теперь уже в ситцевой кофточке с расстегнутыми пуговицами и полами, неподобранными под пояс шорт.

— Мне только захотелось извиниться перед мистером Риттерсдорфом, — произнесла Пышка, — за то, что...

— Убирайся вон, — грубо прикрикнул на нее Хентман, прикрывая дверь. Затем снова повернулся лицом к Чаку. — Мне ничего не остается другого, как переметнуться к альфианам. — Лоб его снова покрылся потом, который теперь уже выступал крупными, напоминающими воск, каплями. — Вы порицаете меня за это? Моя телевизионная карьера пошла прахом из-за этого блядского ЦРУ. Я ничего не оставил на Земле. Если мне удастся...

— У нее такая большая грудь, — заметил Чак.

— У кого? У Пышки? Еще бы! Это результат операций, которые ей сделали в Голливуде и Нью-Йорке. Только сейчас размеры ее груди скорее обусловлены яростью, чем результатом хирургического вмешательства в ее анатомию. Ее ожидал бы грандиозный успех, участвуй она в готовящемся шоу. Очень жаль, что оно сорвалось. Как жаль еще и многого другого. Вы знаете, еще совсем немного, и мне бы не выбраться из Браге-Сити. Они уже считали, что я у них в кармане, но, разумеется, меня предупредили. Как раз вовремя. — Он бросил в сторону Чака откровенно обвиняющий взгляд. — Если бы мне удалось добиться перехода Альфы-III-М2 под юрисдикцию альфиан, тогда они весьма благосклонно отнеслись бы ко мне, и я смог бы прожить в спокойствии остаток своей жизни. Если же я не преуспею в этом, если контроль над этим спутником все-таки удастся установить Земле, тогда мне нечего от них ждать. — Вид теперь у него был усталый, удрученный, он, казалось, даже усох. Создавалось впечатление, что этот разговор с Чаком дается ему с трудом. — Ну что вы на это скажете? — пробормотал Хентман. — Ну скажите хоть что-нибудь!

— Гм, — произнес Чак.

— И это все, что вы в состоянии мне сказать?

— Если вы воображаете, что я все еще имею какое-то влияние на свою бывшую жену и содержание ее отчета ТЕРПЛАНУ по данному вопросу...

— Я прекрасно понимаю, — согласился Хентман, отрывисто кивнув, — что вы не в состоянии повлиять на ее решение, касающееся дальнейшей судьбы спутника. Мы видели как вы палили друг в друга, — глаза его вспыхнули, к нему стала возвращаться прежняя энергия. — Вы

убили моего зятя Черигана; вы готовы — а фактически, даже желаете этого — убить свою жену... Ну что это за жизнь, до чего вы докатились? Никогда в жизни не видел ничего подобного. И еще проболтались ЦРУ о моем местонахождении.

— Спаситель оставил нас, — предположил Чак.

— Какой еще там спаситель? И кого здесь спасать? — Хентман сморщил нос.

— Идет настоящая война... здесь. Вот в чем дело. Возможно, это объясняет в какой-то мере... Если же это не так, то... — Он пожал плечами. — Что он мог сделать в такой ситуации.

— А эта фигуристая деваха, с которой вы там лежали в обнимку? Там, куда стреляла ваша жена, намереваясь вас убить. Одна из местных стебанутых, верно? Из одного из здешних поселков? — он пронзил взглядом Чака.

— Можно сказать и так, — неохотно ответил Чак. Подбор выражений не вызывал у него особой симпатии к Хентману.

— Вы в состоянии через нее связаться с каким-нибудь высшим органом, координирующим взаимоотношения поселков?

— Может быть.

— Есть только одно реально осуществимое решение. С вашим этим распроклятым спасателем или без него, кем бы он там ни был. Пусть их совет соберется и выслушает представленные на их рассмотрение предложения. Затем Хентман произнес решительным тоном. — Предложите обратиться к альфианам за помощью против агрессивных устремлений Земли. Скажите, что им просто необходимо упросить альфиан выслать сюда свои вооруженные силы и оккупировать этот спутник. Чтобы он стал законно принадлежащей альфианам территорией в соответствии с этими дурацкими соглашениями. Я их и сам не вполне понимаю, но альфиане и земляне в них разбираются. — Все это время взгляд его прищуренных, немигающих глаз был устремлен на Чака, и был откровенно вызывающим, как будто все ему было нипочем. — Альфиане гарантируют гражданские свободы здешним кланам. И никакой госпитализации и терапии. С вами не станут обращаться, как с чокнутыми; к вам будут относиться как к благонамеренным, законопослушным поселенцам, име-

ющим право собственности на занимаемые вами земли и занимающимся промышленной или коммерческой деятельностью, чем вы уже все и до того занимались.

— Не говорите "вы", — возмутился Чак. — Я не принадлежу ни к одному из здешних кланов.

— Как вы считаете, Риттерсдорф, они согласятся на это?

— Я... — по правде говоря, не знаю.

— Но кому же, как не вам, лучше всего знать об этом? Вы ведь уже бывали здесь раньше, в облике симулакрума ЦРУ. Наш агент, осведомитель в ЦРУ, докладывал нам о каждом сделанном вами шаге.

Значит, в ЦРУ у Хентмана был все-таки свой человек, — догадка Чака была верной. И это, вообщем-то, было в порядке вещей для учреждений такого рода.

— Не смотрите на меня так, — сказал Хентман. — У ЦРУ в моем синдикате тоже есть свой сексот. Не забывайте об этом. К несчастью, мне так и не удалось до сих пор его разоблачить. Иногда мне кажется, что это Джерри Фелд. А через пару дней мне уже чудится, что это Дарк. Так или иначе, но как раз при помощи нашего человека в ЦРУ мы узнали об отстранении вас от работы и поэтому мы, естественно, решили отказаться от ваших услуг — какая от вас польза, если вы были лишены возможности контактировать со своей женой здесь на Альфе-III-M2? Я вот что хочу сказать — давайте будем благоразумны.

— А с помощью их агента в вашем синдикате... — начал было Чак.

— Да, ЦРУ уже через несколько минут знало о том, что я отказался от идеи со сценарием и прогнал вас, поэтому-то оно и пошло вразнос, прищемив — как они посчитали — мне хвост... Так, во всяком случае, расписали они свою акцию в гомеобюллетене. Но, разумеется, благодаря моему агенту в ЦРУ я узнал о том, что над моей головой уже занесен топор, и поэтому я пустился в бега. А их агент в моей организации дал им знать, что я покинул Землю, он только не знал, куда точно я направился. Об этом знали только Чериган и Фелд. — Хентман на мгновенье задумался. — Возможно, я так никогда и не узнаю, кто же это из моего окружения работает на ЦРУ. Но теперь это не столь уж важно. Все свои переговоры с альфианами я провожу в атмосфере строжайшей

секретности, об этом ничего не знают даже самые приближенные ко мне люди из моего окружения, потому что, разумеется, я понимаю, что и мы, и ЦРУ, инфильтрованы с самого начала. — Он сокрушенно покачал головой. — Вот какая каша.

— А кто же ваш информатор в ЦРУ?

— Джек Элвуд. — Хентман криво ухмыльнулся, откровенно злорадствуя при виде реакции Чака. — А как же, как по-вашему, получилось, что Элвуд охотно предоставил в ваше распоряжение этот дорогостоящий сверхсветовой разведчик? Я велел ему это сделать. Я хотел, чтобы вы прибыли сюда. Как по-вашему, почему? Именно вас Элвуд с самого начала усердно обрабатывал, готовя к тому, чтобы вы согласились взяться за дистанционное управление симулакрумом Мейджбумом? Это была реализация разработанной мной стратегии. С самого начала. Теперь, давайте-ка выслушаем вашу информацию о здешних кланах и решим, под чью дудку станут они плясать.

Неудивительно, что Хентман и его сценаристы оказались способны сообща сварганить этот так называемый "телесценарий", который затем и преподнесли ему, как на блюдечке; с помощью Элвуда они были в курсе всех событий и направляли их так, как им было нужно, в чем только что Хентман самолично признался.

Но это было еще далеко не всей правдой. Элвуд мог только информировать синдикат Хентмана о самом факте существования симулакрума Мейджбума, о том, кто им дистанционно управляет, и каковы те рамки, которыми ограничена его деятельность. И это все. Элвуд не знал остального.

— Предположим, я действительно был здесь раньше, — сказал Чак, — и провел здесь какое-то время, но в поселке гебов, далеко не в самом представительном из наших поселений. Гебы в самом низу по здешней шкале. Я ни малейшего понятия не имею ни о паранах, ни о маниях, а ведь это они всем здесь заправляют. — Он вспомнил произведенный Мэри, блестящий анализ ситуации, которая здесь сложилась, ее отчет о сложной и запутанной кастовой системе, которая, как это ни парадоксально, оказалась жизнеспособной на Альфа-III-М2. Он был безукоризненным во всех отношениях.

— Так вы попробуете? — Глаза Хентмана пылали. — Я лично не сомневаюсь в том, что все это ихнее кодло добьется при этом для себя немалого. Будь я на их месте, я бы согласился без лишних церемоний. Альтернативой для них является принудительная госпитализация — и тогда всем им крышка. Или соглашайтесь, или оставьте всякую надежду... Именно так, жестко, ребром, вы должны поставить перед ними этот вопрос... А теперь я скажу, чего вы этим добьетесь для себя лично.

— Сделайте одолжение, — сказал Чак. — Осветите как можно подробнее данный аспект.

— Если вы это провернете, мы распорядимся, чтобы Элвуд принял вас снова на работу в ЦРУ.

Чак предпочел промолчать, не прокомментировав эту открывшуюся для него перспективу.

— Вот как! — сокрушенно произнес Хентман. — Вы даже не удосужились ответить. О'кей, вы видели здесь Пышку, на борту этого корабля. Мы дадим ей приказ, чтобы она была любезна с вами. Понимаете, что я имею в виду? — Он подмигнул нервным, судорожным движением век.

— Нет, — нарочно твердо произнес Чак. Дело принимало весьма неприятный оборот.

— Ладно, Риттерсдорф. — Хентман тяжело вздохнул. — Мы действительно настроены самым серьезным образом. Если вы для нас это сделаете, мы подбросим вам очень крупную кость, что-нибудь из ряда вон выходящее, гораздо более важное, чем та любезность, о которой я только что упомянул. — Он сделал глубокий, до хрипоты в легких вздох. — Мы гарантируем, что разделаемся с вашей женой. И сделаем это так, чтобы смерть ее была как можно более быстрой и безболезненной. Безболезненной... и очень быстрой.

После того, как прошло, как им обоим показалось, бесконечно много времени, Чак сказал:

— Никак не возьму в толк, почему вы считаете, что мне так уж хочется, чтобы Мэри не было в живых.

Ему удалось выдержать убийственно проницательный взгляд Хентмана, хотя это и стоило ему огромных усилий.

— Как я уже сказал, — ответил ему Хентман, — я наблюдал за тем, как вы оба, готовые перегрызть друг дру-

гу глотки, стреляли друг в друга, как пара взбесившихся зверей.

— Я защищался.

— Естественно, — сказал Хентман, поклонившись, как бы желая показать, что такое поведение достойно всяческой похвалы.

— Ничто из того, что вы могли видеть здесь, на этом спутнике, не указывало вам на это. Вы должны были прибыть на Альфу-III-М2, уже заранее об этом зная. И вы не могли узнать об этом от Элвуда, потому что ему самому ничего не могло быть известно. Так что уж избавьте себя от тех неудобств, что сами себе причиняете, когда пытаетесь меня убедить в том, что Элвуд...

— Ладно, — грубовато буркнул Хентман. — Элвуд поведал нам только о том, что касается симулакрума, то есть вас и Мэйджбума. Вот каким образом ЭГО попало в сценарий. Но я пока не говорю вам о том, откуда я прознал про все остальное. И нечего больше рассусоливать на эту тему.

— А я не стану ни о чем ходатайствовать перед советом, — сказал Чак. — И тоже нечего больше рассусоливать на эту тему.

— Не все ли равно, откуда мне это стало известно? — свирепо сверкнув глазами, произнес Хентман. — Я знаю. На этом и остановимся. Я лично подобной информации не запрашивал. Мы вписали это напоследок, потому что она сама сказала мне об этом... — Он вдруг осекся, как бы прикусив язык.

— Джоан, Триест, — сказал Чак. Работая в паре со слизистым грибком — вот как оно было. А теперь стало явным. Только сейчас это вряд ли имеет значение.

— Давайте не будем отвлекаться. Так вы хотите, чтобы вашу жену убили или нет? Вам нужно принять окончательное решение. — Нетерпение Хентмана становилось все более явным.

— Нет, — сказал Чак, отрицательно покачав головой. У него уже не осталось ни малейших сомнений на сей счет. Решение само шло к нему в руки, но он отверг его. Решительно и бесповоротно.

— Вы предпочитаете это сделать собственноручно? — хитро прищурившись, — спросил Хентман.

— Нет, — ответил Чак. Дело было вовсе не в этом. — Ваше предложение заставило меня вспомнить слизистого грибка и то, как его убил Чериган в коридоре рядом с моей квартирой. Могу представить себе, что такое может произойти еще раз, но уже с Мэри вместо Лорда Бегущего Моллюска в качестве жертвы. — Это совершенно не то, подумал он, что я хочу. Очевидно, я заблуждался на сей счет. Это событие пролило свет на многое — и я не могу забыть этого. Так что же, в таком случае, мне нужно от Мэри? Этого он не знал. Это для него оставалось невыясненным, и, по всей вероятности, навсегда.

Хентман еще раз достал носовой платок, чтобы вытереть пот со лба.

— Вот незадача. Вы и ваша семейная жизнь — опрокинули планы двух могущественных межпланетных империй: Земной и Альфийской. Вы хотя бы задумывались над этим в таком разрезе? Я вынужден капитулировать. По правде говоря, я даже рад, что вы ответили отказом, но нас, похоже, просто не удалось подобрать другой приманки, которую мы могли бы вам предложить. Мы посчитали, что это было тем, чего вы более всего добиваетесь.

— Я тоже так считал, — сказал Чак. Наверное, дело в том, что я все еще люблю ее, понял он. Женщину, у которой не дрогнула рука, когда она убивала солдата-мания, пытавшегося спрятаться в своем танке. Но она совершила это в порядке самозащиты. Кто же решится порицать ее за это?

Снова раздался стук в дверь.

— Мистер Хентман?.

Банни Хентман отпер дверь. Джеральд Фелд быстро отступил в сторону.

— Мистер Хентман, мы приняли мысли, телепатически переданные слизистым грибком с Ганимеда. Сам он где-то снаружи, вблизи корабля. Он хочет, чтобы его пропустили. — Тут он бросил взгляд в сторону Чака. — Чтобы он мог быть здесь вместе с Риттерсдорфом; он хочет, как он выразился "разделить его судьбу" — Фелд брезгливо поморщился. По всей вероятности, он очень за него тревожится. — Он даже и не пытался скрывать испытываемое им отвращение.

— Пропустите эту мерзкую тварь, — распорядился Хентман. Как только Фелд удалился, Хентман сказал,

обращаясь к Чаку. — Если уж говорить начистоту, то я понятия не имею, как быть с вами, Риттерсдорф, и что с вами станет впоследствии; вы, похоже, заварили такую кашу, что и не расхлебать.

Женитьба, работа, вот это ваше далекое путешествие, наконец, то что вы изменили свои первоначальные планы... что теперь со всем этим делать?

— Мне кажется, Спаситель, еще вернется, не оставив нас в беде, — сказал Чак. Создавалось впечатление, что так оно и будет, если принять во внимание тот факт, что он отклонил, пусть и в самый последний момент, предложение Хентмана в отношении Мэри.

— О чем это вы там говорите?

— О Святом Духе, — сказал Чак. — Он в каждом из нас. Только к нему очень трудно подступиться.

— А почему бы вам не заполнить пустоту вашей жизни, — предложил Хентман, — чем-нибудь благородным, например, спасением этих чокнутых с Альфа-III-М2 от принудительной госпитализации? По крайней мере, рассчитаетесь с ЦРУ. На борту нашего корабля есть пара высокопоставленных альфиан, близких к высшему военному руководству... Всего за несколько часов они могли бы пригнать сюда корабль с государственными сановниками, чтобы самым законным образом оформить аннексию спутника. Разумеется, здесь, также ошиваются боевые корабли с Земли, но это только указывает на то, как тщательно необходимо проработать операцию. Вы же раньше работали в ЦРУ — вам и карты в руки, чтобы обстряпать все настолько ловко, чтоб комар носа не подточил.

— Интересно, каково себя чувствовать, — сказал Чак, — зная, что весь остаток жизни придется провести на спутнике, населенном исключительно психопатами?

— А разве не сущим адом была вся ваша прошлая жизнь? Я бы назвал психопатологическими ваши семейные отношения с Мэри. Вы справитесь с этой проблемой и подыщете себе какую-нибудь бабенку, которая вам заменит в постели Мэри. Кстати, когда зажглась наша осветительная ракета, нам посчастливилось полюбоваться — на экранах телеобзора — одной такой девчонкой, с которой вы уже обнимались, она не так уж плоха, верно?

— Анетта Голдинг, — сказал Чак. — Полиморфная шизофреничка.

— Ну и что из этого? Разве такая вас не устроила бы?

— Возможно, — после некоторой паузы ответил Чак. Он не был врачом-психиатром, но Анетта показалась ему не такой уж больной. И уж во всяком случае куда более умственно нормальной, чем Мэри. Но, разумеется, Мэри он знал лучше. И все же...

Еще раз кто-то легонько постучался в дверь. Она открылась и Джеральд Фелд доложил:

— Мистер Хентман, мы установили личность индивидуума, который атакует нас. Это симулакрум ЦРУ Дэн Мэйджбум. Этой информацией поделился с нами в знак благодарности за то, что мы пропустили его корабль, слизистый грибок. Мне сейчас в голову пришли одна идея...

— Точно такая же идея, — перебил его Хентман, — пришла сейчас и мне в голову. Или, если она не та, то мне даже слышать о ней не хочется. — Он повернулся к Чаку. — Мы свяжемся с Джеком Элвудом в санфранцисском филиале ЦРУ и велим ему отстранить оператора, управляющего симулакрумом, кто бы это ни был, пусть даже Петри. — Очевидно, для Хентмана не было никаких тайн во всем, что касалось деятельности санфранцисского филиала ЦРУ. — Затем, Риттерсдорф, мы велим вам взять на себя управление симулакрумом отсюда, с борта нашего корабля. Пока с ним будет поддерживаться радиорелейная связь, вы будете иметь возможность это сделать. А сделать-то вам нужно будет всего-ничего: по существу, отдать ему всего лишь несколько совсем простых распоряжений. Чтобы он прекратил враждебную деятельность, сидел в кустах и не рыпался. Вы такое сумеете сделать?

— А почему мне нужно это сделать? — спросил Чак.

— П-потому что он н-намерен добраться до нашего реактора и взорвать нас, пользуясь этим чертовым лазером! Вот почему!

— Вы при этом тоже погибнете, — повернувшись в Чаку, подчеркнул Фелд. — И вы, и ваш слизистый приятель с Ганимеда.

— Если я предстану перед руководящим советом кланов этого спутника, — сказал Чак Хентману, — с пред-

ложением искать покровительства альфами, и они согласятся, — это может стать поводом для новой крупномасштабной войны между Альфой и Землей.

— О, никоим образом, — убежденно заявил Хентман. — Земле этот спутник, в общем-то, до лампочки. "Операция Пятьдесят Минут" всего лишь плод досужих измышлений земных политиканов, не представляющая особой политической важности затея. Поверьте, у меня обширные связи в высших сферах. Я это знаю точно. Если бы Землю в самом деле так интересовал этот спутник, им занялись бы много лет тому назад. Верно?

— Все только что сказанное — сущая правда, — сказал Фелд. — Наш человек в ТЕРПЛАНе подтвердил это.

— Ну что ж, — сказал Чак. — Идея как будто неплохая.

И Хентман, и Фелд явно облегченно вздохнули.

— С этим предложением я отправляюсь сейчас в Адольфвилль, — сказал Чак, — и если мне удастся добиться того, чтобы кланы снова сознавали свой верховный совет, я изложу перед их делегатами эту идею. Но я намерен это сделать в такой форме, в какой сам сочту необходимым.

— Что это означает? — занервничав, поинтересовался Хентман.

— Я не оратор и не политик, — сказал Чак. — Моя работа заключалась в составлении программ для симулакрумов. Если мне удастся взять в свои руки контроль над Мэйджбумом, я велю ему предстать перед советом — и смогу скормить ему куда более убедительные выражения, чем те, что стану высказывать, если отправлюсь туда сам. — А также — он предпочел не говорить об этом во всеуслышание, — здесь на борту корабля Хентмана, он будет в гораздо большей безопасности, чем в Адольфвилле. Потому что боевые корабли землян могут в любое мгновенье прорвать защитный слой маниев, и одной из первых же акций десантников будет захват членов межклановой совета. Естественно, в таком случае тому, кто будет предлагать совету переметнуться на сторону Альфийской Империи лучше там вообще не появляться. Предложение, исходящее из уст земного гражданина и такого, как, например, он сам, — будет справедливо квалифицированно, как акт государственной измены.

Только теперь до сознания Чака полностью дошло — и это стало для него потрясением, — что, поступая так, он всецело связывает свою судьбу с Хентманом.

Его уверенность в себе в какой-то мере подкрепилась мыслями слизистого грибка, которые он стал снова четко воспринимать.

"Вы поступили очень мудро, мистер Риттерсдорф. Сначала в том, что приняли решение не добиваться смерти своей супруги, а теперь и в отношении собственной судьбы. На худой конец мы уладим все свои дела, будучи подданными альфиан. Я уверен, что под их властью жить будет не так уж плохо".

Хентман, до которого также дошли эти мысли, ухмыльнулся.

— Так что, по рукам? — спросил он Чака, протягивая ладонь.

Они пожали друг другу руки. Изменническая сделка, то ли к радости, то ли к горю, но была заключена.

ГЛАВА XIII

Громоздкий танк маниев с лязгом и грохотом, с включенными на полную яркость фарами, подкатился к Габриелю Бейнсу и Анетте Голдинг и после нескольких оглушительных выхлопов двигателя остановился, задрожав всем корпусом. Открылся люк башни и находившийся в ней маний осторожно выпрямился во весь рост.

Из кромешной тьмы не последовало лазерной атаки со стороны доктора Мэри Риттерсдорф. Вероятно, с надеждой подумал Габриель Бейнс, миссис Риттерсдорф уступила требованию Святого Триумвирата, запечатленному на небе огненными буквами. В любом случае, как и обещал Игнас Ледебер, это было только на пользу ему и Анетте.

Он вскочил, рывком поставил на ноги Анетту и вместе с ней вскарабкался по корпусу танка маниев. Водитель помог им забраться внутрь, после чего с грохотом захлопнул крышку люка. Втроем, потея и задыхаясь, они скорчились в тесной кабине танка.

Пронесло, подумал с облегчением Габриель Бейнс, не испытывая особой радости. Их судьба, похоже, не играла

никакой роли в масштабе тех событий, что разворачивались на спутнике. То, что им удалось выйти сухими из воды, не имело ровно никакого значения. И все же для него лично значило не так уж мало. Найдя наощупь Аннету, он крепко ее обнял.

— Это вы — Голдинг и Бейнс? — спросил маний. — Члены совета?

— Да, — ответила Аннета.

— Говард Строу велел мне подобрать вас обоих, — пояснил маний, после чего протиснулся на свое место за пультом и завел мотор. — Мне приказано доставить вас в Адольфвилль; там должно состояться еще одно заседание совета, и Строу настаивает на необходимости вашего присутствия.

Значит, размышлял Габриель Бейнс, только вследствие того, что мы оказались нужны Говарду Строу для участия в голосовании, мы еще живы, а Мэри Риттерсдорф так и не удастся пристрелить нас с первыми лучами утренней зари. Как это все нелепо. Но зато продемонстрировано важность уз, соединяющих между собой все кланы. Эти узы стали поистине животворными для всех нас. Даже для абсолютно непритязательных гебов.

Танк доставил их прямо к большому центральному каменному зданию в Адольфвилле. Габриель Бейнс и Анетта Голдинг выбрались из танка и, молча стали подниматься по знакомым ступенькам. Смертельно усталые, с ног до головы замызганные, они не испытывали ни малейшего желания обмениваться банальностями.

Что нам более всего нужно, решил Бейнс, это не участие в заседании, а этак часиков шесть доброго сна. Интересно, какова все-таки цель такого экстренного заседания? Разве спутник уже не встал на путь самого решительного противодействия захватчикам с Земли, опираясь на все имеющиеся в распоряжении кланов средства? Что еще можно сделать в сложившейся ситуации?

В прихожей зала заседаний Габриель Бейнс остановился.

— Я уверен, что лучше сначала запустить в зал моего симулакрума, — сказал он Анетте и отпер шкаф, в котором — на вполне законных основаниях — он держал симулакрума, изготовленного лично для него маниями. — Никогда не знаешь, что тебя может ожидать. — Было бы

просто позорно потерять жизнь теперь, после того, как удалось спастись от миссис Риттерсдорф.

— Ох уж эти параны, — несколько насмешливо произнесла Анетта.

Габриель Бейнс включил своего симулакрума, и тот, натужно, с присвистом дыша, ожил.

— Добрый день, сэр. — Он также поприветствовал и Анетту. — Добрый день, мисс Голдинг. Сию минуту же вхожу в зал заседаний, сэр. — Вежливо поклонившись, хотя и дергаясь всем телом при каждом шаге, но довольно проворно направился ко входу в зал заседаний.

— Неужели все, что вам довелось пережить за последнее время, так и не научило вас ничему? — спросила Анетта у Бейнса, пока они ждали, когда сим вернется и доложит об обстановке в зале.

— Чему именно?

— Что просто не существует идеальной защиты. Что никакая защита не в состоянии гарантировать безопасность на все сто процентов. Жить — это значит выходить на свет Божий, это значит подвергать себя опасности всегда и везде. Так уж устроена жизнь, это ее неотъемлемое свойство — риск. В этом суть жизни.

— Как сказать, — с хитрецой в голосе произнес Бейнс. — А разве так уж плохо предпринимать все возможное, чтобы себя обезопасить? — Ведь попытка не пытка, отметил он про себя. Это тоже часть жизни, и каждое живое существо непрестанно утруждает себя именно этим.

Но вот вернулся симулакрум Бейнс и доложил по всей форме:

— Все в порядке, сэр. В помещении не имеется ни представляющих опасность для жизни газов, ни опасных для здоровья электрических разрядов, ни яда в графине с водой, ни потайных отверстий в стенах для лазерных ружей, ни тщательно замаскированных адских машин. Смею предложить вам без опаски заходить. — Он замолчал, выполнив поставленную перед ним задачу. Но затем, к немалому удивлению Бейнса, снова включился. — Тем не менее, — заявил он, — я обязан обратить ваше внимание на то, что в зале заседаний находится еще один симулакрум, совсем не такой, как я.

И мне это ни капельки не нравится, ни капельки.

— Кто же это такой? — пораженный услышанным, требовательно спросил Бейнс. Только параны были настолько озабочены собственной безопасностью, чтобы использовать дорогостоящих симов. А он был, разумеется, единственным делегатом паранов.

— Индивидуум, который намерен обратиться с речью к совету, — ответил Бейнс-симулакрум. — Это из-за него собрались делегаты. Из-за этого симулакрума.

Приоткрыв дверь, Габриель Бейнс заглянул в щелочку и увидел, что остальные делегаты уже собрались, а перед ними стоял постоянный спутник Мэри Риттерсдорф, агент ЦРУ Дэниэл Мэйджбум, который, как упомянул слизистый грибок, вместе с ней участвовал в лазерной атаке на ее мужа, на танкиста-мания, на него самого и Анетту Голдинг. Что теперь здесь делал Мэйджбум? И каким все-таки оказался молодцом его собственный симулакрум.

Вопреки всем своим убеждениям, нисколько не считаясь со своими врожденными инстинктами, Габриель Бейнс неторопливо прошел в зал заседаний и спокойно занял свое место.

Самое подходящее время, подумалось ему, доктору Риттерсдорф пристрелить их всех скопом из какого-нибудь потайного места.

— Позвольте мне сразу же все объяснить, — немедленно начал симулакрум Мэйджбум, как только Бейнс и Анетта Голдинг сели. — С вами говорит Чак Риттерсдорф, управляющий этим симулакрумом из расположенного неподалеку от вас межпланетного корабля Банни Хентмана, на который вы, наверное, обратили внимание. Сбоку на его корпусе имеется изображение кролика.

Умница Говард Строу тут же сообразил.

— Значит, фактически вы уже больше не являетесь марионеткой разведывательной службы Земли.

— Верно, — согласился симулакрум Мэйджбум. — Мы перехватили, по крайней мере, на какое-то время, из рук ЦРУ дистанционное управление этим искусственным созданием. И просим, насколько возможно быстрее, рассмотреть предложение, которое, как мы чувствуем, наиболее полно отвечает вашим самым сокровенным чаяниям как в отношении спутника Альфа-III-М2, так и всех его кланов. Вам предлагается, как высшему органу власти на спутнике, официально обратиться к альфианам с просьбой

немедленно прибыть сюда и произвести аннексию этого спутника. Альфиане гарантируют, что не станут с вами обращаться, как с пациентами клиники для душевнобольных, а будут расценивать вас как вполне законных поселенцев на территории этого спутника. Эта аннексия может быть осуществлена при посредничестве корабля, принадлежащего синдикату Хентмана, поскольку в данный момент на его борту находится двое высокопоставленных альфианских должностных лиц...

Симулакрум пошатнулся, задергался и замолчал.

— С ним что-то стряслось, — привстав, сказал Говард Строу.

Вдруг изо рта симулакрума Мэйджбума понеслось:

— Вржжжммус. Кадракс ан вигдум нидд... — он стал беспорядочно размахивать руками и качать головой.

Говард Строу, бледный и взволнованный, бросил в его сторону удивленный взгляд, а затем повернулся к Габриелю Бейнсу и сказал:

— ЦРУ на Земле врезалось гиперпространственной трансляцией в передачу с корабля Хентмана, находящегося здесь. — Он похлопал себя по бедру, нашел свой пистолет, поднял его и прищурил один глаз, чтоб прицелиться поточнее.

— То, что я только что сказал, — заявил симулакрум Мэйджбум теперь изменившимся голосом, более взволнованным, с пронзительными высокими нотками, — нужно проигнорировать как западню, в которую вас заманивают изменники, предатели родной планеты, и как абсурдное заблуждение. Будет самоубийственным поступком для Альфы-III-М2 искать так называемую защиту в лице Альфийской Империи вследствие того, что, с одной стороны...

Одним-единственным выстрелом Говард Строу полностью вывел симулакрума из строя; пораженный в жизненно важный мозговой центр, симулакрум с грохотом рухнул и распростерся на полу. Воцарилась тишина. Симулакрум больше не шевелился.

Спустя какое-то время Говард Строу спрятал пистолет и, дрожа всем телом, снова спустился на свое место.

— ЦРУ в Сан-Франциско удалось перехватить у Риттерсдорфа контроль над Симулакрумом, — сказал он, хотя объяснять это не было необходимости ни одному из

делегатов, даже гебу Джекобу Саймиону, ибо все произошло у них на глазах. — Тем не менее, вы слышали предложение Риттерсдорфа, а это — главное. — Он обвел взглядом всех сидевших за столом заседаний. — Нам нужно действовать как можно быстрее. Давайте приступим к голосованию.

— Я голосую за то, чтобы принять предложение Риттерсдорфа, — сказал Габриель Бейнс, отметив про себя, что они были на волосок от гибели. Если бы не быстрые меры, принятые Строу против симулакрума, перешедшего под контроль ЦРУ, он мог бы взорваться и погубить их всех вместе с собой.

— Я согласна, — с большим усилием произнесла Анетта Голдинг.

Когда голосование закончилось, то выяснилось, что все ответили на предложение Риттерсдорфа утвердительно, кроме Дино Уоттерса, всегда погруженного в печаль и уныние депра.

— С вами что-то не так? — полюбопытствовал Габриель Бейнс, обращаясь к делегату депров.

— Я считаю, что это безнадежная затея, — характерным для него упавшим, безысходным голосом ответил депр. — Слишком близко от нас боевые корабли землян. Экран маниев долго не продержится. Может случиться и так, что нам не удастся наладить связь с кораблем Хентмана. Малейший сбой в наших расчетах — и тогда корабли с Земли уничтожат всех нас. — Помолчав немного, он закончил так. — И еще замечу, что со вчерашней нашей встречи я испытываю мучительные боли в желудке. По-моему, у меня рак.

Говард Строу подал сигнал, нажав на кнопку звонка, и в зал вошел секретарь совета с портативной рацией в руках.

— Я сейчас попробую установить связь с кораблем Хентмана, — заявил Строу и включил рацию.

* * *

Находившийся на связи с остатками своей организации на Земле, Банни Хентман поднял голову и с печальным выражением на лице сказал Чаку Риттерсдорфу:

— Вот что произошло. Этот паршивец Лондон, заведующий сан-францисским филиалом ЦРУ и непосредствен-

ный начальник Элвуда, усек, что происходит. Он все время следил за каждым шагом сима, — должно быть, подозревал что-нибудь подобное после моего удачного бегства.

— Элвуд мертв? — спросил Чак.

— Нет, всего лишь в сан-францисской каталажке. На авансцену снова вышел Перти. — Хентман поднялся, отключил на какое-то время линии связи с Землей. — Но они не успели своевременно установить контроль над Мэйджбумом.

— Вы — неисправимый оптимист, — сказал Чак.

— Послушайте, — решительно произнес Хентман, — эти люди, собравшиеся в Адольфвилле, возможно по всем медицинским канонам клинические душевнобольные, но они не глупы, особенно в том, что касается их безопасности. Они выслушали предложение и, бьюсь об заклад, сейчас голосуют в его пользу. Мы можем в любую минуту принять от них сигнал по радио. — Он повернулся в Фелду. — Зовите сюда этих двух альфиан, чтобы они могли немедленно передать обращение кланов на свои корабли, крейсирующие поблизости.

Фелд поспешно вышел. Хентман еще немного постоял, затем тяжело вздохнул и снова сел.

Закурив толстую зеленую сигару из выращиваемого на Земле табака, Банни Хентман откинулся назад, заложив руки за голову, и стал рассматривать Чака.

Шло время.

— А Альфийской Империи нужны телекомики? — спросил Чак.

Хентман ухмыльнулся.

— В такой же мере, как и программисты симулакрумов.

Вызов из Адольфвилля пришел через десять минут.

— О'кэй, — произнес Хентман, выслушав Говарда Строу. Затем взглянув на Чака. — Где же эти двое альфиан? Сейчас самое время. Сейчас или никогда.

— Я здесь представляю Империю. — Это был альфианин РБХ-303. Он торопливо прошлепал в помещение радиорубки, сопровождаемый Фелдом и своим соотечественником. — Заверьте их еще раз в том, что к ним будут относиться не как к больным, а как к полноправным поселенцам. Мы крайне озабочены тем, чтобы в этом вопросе была полная ясность. Политика Альфы всегда была...

— Не надо речей, — язвительно произнес Хентман. — Лучше созвонитесь со своими боевыми кораблями и велите им высадиться на спутнике. — Он передал микрофон радиопередатчика альфианину, устало поднялся, пересек помещение и встал рядом с Чаком. — Вот дьявол, — пробурчал он. — В такое время, как это, он хочет совершить экскурс в историю внешней политики правительства Альфы за последние шестьдесят лет. — Хентман укоризненно покачал головой. Сигара потухла. Он крайне неторопливо раскурил ее снова. — Сейчас вот мы, наверное, и узнаем ответы на самые животрепещущие вопросы.

— Какие это животрепещущие вопросы? — удивился Чак.

Ответ Хентмана был предельно краток.

— Нужны ли Альфийской Империи телекомики и симопрограммисты. — С этими словами он отошел от Чака, продолжая прислушиваться к попыткам РБХ-303 вызвать альфийский военный флот с помощью корабельной рации. Попыхивая сигарой и засунув руки в карманы, он молча ждал. По его выражению лица, подумал при этом Чак, никак нельзя сказать, что наши жизни в буквальном смысле зависят от того, насколько успешно будет установлена связь.

К Чаку подошел Джеральд Фелд. Лицо его чуть подергивалось от нервного возбуждения.

— А где сейчас фрау доктор?

— Скорее всего, бродит где-то внизу, — ответил Чак. Корабль Хентмана, теперь находящийся на орбите с максимальным удалением в триста миль от поверхности спутника, больше уже ничем, кроме радио, не был связан с событиями, разворачивавшимися на территории спутника.

— Она теперь уже ничего не сможет сделать, верно? — не унимался Фелд. — Я имею ввиду, как-то напакостить. Ведь она, пожалуй, совсем бы не против хоть чем-то нам помешать.

— Моя жена, или, вернее, бывшая жена, — тут же поправился Чак, — всего-навсего напуганная женщина. На этом спутнике она сейчас совершенно одна, во враждебном окружении дожидается прибытия земных крейсеров, которые, по всей вероятности, так никогда и не появятся, хотя она, разумеется этого не знает. — Он уже не питал ника-

кой ненависти к Мэри. Она прошла, улетучилась, как проходит очень многое.

— Вам ... жаль ее? — спросил Фелд.

— Я ... просто желаю, чтобы судьбе было угодно распорядиться так, чтобы мы никогда уже больше не стояли поперек дороги друг другу. В особенности, я имею ввиду ее отношение ко мне. У меня смутное ощущение, что Мэри и я все еще каким-то непостижимым образом могли бы поладить. Может не сразу, через несколько лет...

— Он связался с дежурными рейдами, — объявил Хентман. — Мы победили. — Он весь так и сиял. — Теперь мы можем достать, что так чертовски долго прятали, ожидая, когда можно будет отметить этот замечательный час. Только называйте марку — и пожалуйста, как на блюдечке. У меня здесь припасено огромное количество какого-угодно пойла. Ничего, понимаете, ничего вообще больше уже не требуется ни от кого из нас — мы добились своего. Мы теперь граждане Альфийской Империи. Вскоре у всех нас будут таблички с серийными номерами вместо имен, но лично меня это вполне устраивает.

Чак же, чтобы закончить свою мысль, сказал Фелду:

— Может быть позже, когда это уже не будет иметь никакого значения, я смогу оглянуться и понять, что мне следовало сделать во избежание... — чтобы мы с Мэри не валялись в грязи, яростно обстреливая друг друга... — разделенные неприглядной тьмой незнакомого нам мира, закончил он про себя. Мира, который абсолютно чужд каждому из нас, но в котором — по крайней мере, мне — придется провести остаток своей жизни. Возможно, что и Мэри тоже, с горечью подумал он. Затем, повернувшись к Хентману, произнес громко. — Примите мои поздравления.

— Спасибо, — ответил ему Хентман, затем обратился к Фелду. — Поздравляю вас, Джерри.

— Благодарю вас, — сказал Фелд. И не только поздравляю, но и желаю долгих лет жизни, — тут он подмигнул Чаку, — соотечественники-альфиане.

— Разрешите узнать, — спросил Чак у Хентмана, — не могли бы вы оказать мне одну любезность?

— Какую же? Говорите, не стесняйтесь.

— Одолжите мне катер. Разрешите высадиться.

— Зачем? Здесь куда безопаснее.

— Я хочу повидаться со своей женой, — сказал Чак.

Хентман недоуменно поднял бровь.

— Вы уверены в том, что вам в самом деле этого хочется? Что это не блажь? Да, я могу понять это по выражению вашего лица. Вот бедолага, это единственное, что я могу сказать. Ну что ж, может быть, вам удастся уговорить ее остаться с вами на Альфе-III-М2. Если не станут возражать кланы. И если альфийские власти...

— Предоставьте Риттерсдорфу катер, и делу конец, — вмешался Фелд. — В данный момент он — глубоко несчастный человек; у него нет ни времени, ни сил выслушивать ваши глубокомысленные сентенции.

— Ладно, — кивая произнес Хентман. — Я дам вам катер. Вы сможете опуститься в нем и делайте потом любые глупости, какие только взбредут вам в башку — я умываю руки. Разумеется, я надеюсь на то, что вы вернетесь, но если нет... — Он пожал плечами. — Чего только не бывает на свете.

— Заберите своего слизняка, — добавил Фелд.

Через полчаса Чак посадил катер в рощице из напоминавших тополя чахлых деревьев и вышел, принюхиваясь к доносимым ветром запахам и настороженно прислушиваясь. И ничего достойного его внимания не услышал. Этот мир был очень маленьким, и не так уж много событий в нем происходило: голосовал совет, один из кланов продолжал держать защитный экран, несколько человек ждали чего-то, дрожа от страха, но, по всей вероятности, большинство его обитателей, подобно гебам из Гандитауна, продолжало влачить как ни в чем ни бывало свое повседневное безумное существование.

— Скажите, я безумен? — спросил он у Лорда Бегущего Моллюска, который соскользнул в нескольких метрах от него в более влажное место — слизистого грибка, как магнитом, тянуло туда, где побольше влаги. — Неужели это — самое худшее из всех мыслимых и немыслимых наихудших решений, которые я мог принять?

"Безумие", мысленно ответил слизистый грибок, "строго говоря", юридический термин. Я же расцениваю ваш поступок, как просто весьма глупый, как я полагаю, Мэри Риттерсдорф, по всей вероятности, даст полную волю своей ярости и враждебности, как только вы попадетесь ей на глаза. Но вы, возможно, именно этого и хотите. Вы

очень устали. Вы уже очень долго ведете борьбу. Те запрещенные законом стимулирующие препараты, которыми я вас снабдил, совсем не помогли. Мне, кажется, после их употребления вы еще больше впали в отчаянье и совсем выбились из сил. Вам, наверное, лучше всего бы отправиться в Усадьбу Смирительной Рубашки.

— А что это такое? — Даже само название заставило его отпрянуть в отвращении.

"Поселок депров. И жить там с ними в непрестанной черной тоске". В мыслях грибка проскользнул оттенок неодобрения.

— Спасибо, — съязвил Чак.

"Вашей жены нет поблизости", решил слизистый грибок. "Во всяком случае, я не воспринимаю ее мысли. Давайте трогать дальше".

— Ладно. — Чак медленно побрел к катеру.

"Существует возможность, которую вам нужно учесть, что Мэри уже нет в живых", предположил слизистый грибок, вливаясь вслед за Чаком в катер.

— Нет в живых? — он в изумлении остановился. — Как же так?

"Как вы сообщили мистеру Хентману, на этом спутнике ведется сейчас настоящая война. А значит, есть и погибшие. Хотя, к счастью, их пока что еще очень мало. Но потенциальная возможность насильственной смерти просто огромна. В последний раз мы видели Мэри Риттерсдорф, когда внимание ее было приковано к трем мистикам, так называемому "Священному Триумвирату", и их отвратительным безумным словесным проекциям на небе. Поэтому я предлагаю взять курс на Гандитаун, где влачит жалкое существование зачинщик создания триумвирата Игнас Ледебер — трудно придумать более точное определение того образа жизни, что он ведет — среди обычного для него убожества, окруженный своими кошками, женами и детьми".

— Но Ледебер никогда бы не ...

"Психоз есть психоз", подчеркнул слизистый грибок. "Никогда нельзя всецело доверять фанатику".

— Что верно, то верно, — раздраженно заметил Чак.

Вскоре их катер уже летел в Гандитаун.

"Мне в самом деле хотелось бы знать, на что надеяться", размышлял слизистый грибок. "В некоторых отношениях вам было бы куда лучше, будь она..."

— Это мое личное дело, — перебил мысли грибка Чак.

"Простите", сокрушенно подумал слизистый грибок. В тональности его мыслей все еще продолжали звучать безрадостные нотки — искоренить их полностью так и не удалось.

Больше они уже не обменивались мыслями, пока катер продолжал лететь в сторону Гандитауна, оглашая небо спутника своим ровным рокотом.

* * *

Игнас Ледебер, накладывая груду вареных прокисших спагетти перед принадлежавшими ему двумя овцами с черными мордочками, поднял взгляд и увидел катер, заходящий на посадку на дорогу по соседству с его лачугой. Он закончил кормить овец, затем неторопливо побрел к лачуге, не расставаясь с миской. Кошки всех мастей с надеждой последовали за ним.

Уже в доме он опустил миску в раковину, и без того наполненную заржавелой металлической посудой, остановился на мгновенье, взглянул на женщину, спавшую на дощатом настиле, служившем обеденным столом. Затем он подхватил одну из кошек и снова вышел во двор. Прибытие катера, разумеется, нисколько его не удивило — ему уже являлось видение этого события. Он был совершенно спокоен, но, с другой стороны, в образе его мыслей не было и тени благодушия.

Из катера вышли две фигуры. Одна — человеческая, другая — желтая, бесформенная. Они, с немалым трудом продвигаясь среди всякого беспорядочного разбросанного хлама, направились к Ледеберу.

— Вы очень обрадуетесь, услышав, — сказал им в знак приветствия Ледебер, — что в это время альфийские боевые корабли уже готовятся к посадке на нашем спутнике. — Он улыбнулся, но человек, стоявший перед ним, не ответил ему улыбкой. Желтой же бесформенной массе, разумеется, просто нечем было улыбаться. — Так что ваша миссия, — продолжал Ледебер, испытывая некоторое смятение, — завершилась желаемым результатом. — Ему

не доставляла ни малейшего удовольствия враждебность, которая исходила от человека; он различал, с помощью своего телепатического дара глубинного проникновения в суть явлений, как гнев мужчины пылал красным, зловещим нимбом над головой.

— Где Мэри Риттерсдорф? — спросил мужчина, Чак Риттерсдорф. — Моя жена. Вам известно это? — Он повернулся к находившемуся с ним рядом слизистому грибку с Ганимеда. — Ему это известно?

"Да, мистер Риттерсдорф", была ответная мысль грибка.

— Ваша жена... — сказал Игнал Ледебер, кивая, —... она сотворила много всякого зла, там, неподалеку от Адольфвилля. Уже убила одного мания и еще...

— Если вы тотчас же не скажете мне, где моя жена, — сказал Чак Риттерсдорф Ледеберу, — я искромсаю вас на мелкие ломтики. — Он сделал шаг навстречу святому.

Поглаживая кота, которого он держал в руках, Ледебер взволнованно ответил:

— Я хотел бы, чтобы вы зашли ко мне на чашку чая...

В следующий момент он понял, что лежит ничком на земле, в ушах стоял звон, тупо ныла голова. С трудом ему удалось приподняться, он никак не мог понять, что же случилось.

"Мистер Риттерсдорф ударил вас", пояснил ему слизистый грибок. Скользящий удар чуть повыше скулы".

— Не надо больше, — хрипло сказал Ледебер. Ощутив во рту кровь, он сплюнул, затем стал растирать пальцами лицо. Почему-то, к несчастью, не было у него никаких видений, предвещавших такое. — Она в доме, — сказал он.

Пробежав мимо него, Чак рывком распахнул дверь и исчез в лачуге. Ледеберу в конце концов удалось подняться на ноги; постояв, слегка пошатываясь, несколько секунд, он неохотно последовал за Чаком.

В передней, он задержался у двери, и кошки, получив теперь свободу, стали гоняться друг за другом вокруг него, прыгать и ссориться.

У самой кровати Чак Риттерсдорф склонился над спящей женщиной.

— Мэри, — сказал он, — проснись. — Он взял ее обнаженную, свободно свисавшую с кровати руку, чуть-

чуть потряс ее. — Одевайся и уходи отсюда. Как можно быстрее!

Женщина, заменившая Элси в постели Игнаса Ледебера, мало-помалу стала открывать глаза. Увидев, что это Чак, она сразу же часто-часто заморгала и очнулась. Машинально села, затем схватила в охапку небрежно разбросанные одеяла, завернулась в них, стараясь прикрыть свою небольшую, но высокую грудь.

Слизистый грибок предусмотрительно остался во дворе.

— Чак, — произнесла Мэри спокойным, ровным голосом, — я по собственной воле вошла в этот дом. Так что я...

Он схватил ее за руку, рывком выдернул из постели; одеяла попадали на пол, со звоном покатилась по полу кружка, разбрызгивая остывший кофе. Две кошки, забравшиеся с ночи под кровать, в испуге выскочили оттуда и опрометью бросились мимо все еще не пришедшего в себя Игнаса Ледебера подальше во двор.

Стройная, соблазнительная, нагая, Мэри Риттерсдорф смело глядела в лицо мужа.

— Мы не имеешь ни малейшего права даже заикаться о том, что я делаю, — сказала она, затем потянулась к груде одежды, извлекла из нее кофту, затем стала в ней рыться, оставаясь при этом настолько невозмутимой, насколько вообще можно было бы ожидать в данных обстоятельствах. Методично, один за другим,она надевала на себя предметы своей одежды, причем выражение лица было такое, будто одевалась она совершенно одна.

— Альфийские корабли сейчас взяли под свой контроль эту территорию, — сказал Чак. — Мании готовы убрать свой защитный экран, чтобы пропустить их. Все это произошло, пока ты спала с этим... — он дернулся головой в сторону Ледебера, — спала в постели этого индивидуума.

— И ты на их стороне? — холодно произнесла Мэри, застегивая кофточку. — Еще бы, конечно. Альфиане захватили этот спутник, и ты собираешься жить здесь у них под пятой. — Она закончила одеваться и с нарочитой медлительностью начала расчесывать волосы.

— Я остаюсь здесь, — сказала Мэри. — Я уже приняла решение. — Она кивнула в сторону Игнаса Ледебера. — Но не с ним — это мимолетная связь, и он знает об этом.

Я не смогу жить в Гандитауне — это совсем неподходящее для меня место, сколь бы ни напрягала воображение.

— Тогда где же?

— Как мне кажется, в Да-Винчи.

— Почему именно там? — Не веря своим ушам, он изумленно уставился на Мэри.

— Я еще не приняла окончательного решения, потому что даже не видела этого поселка. Но я в восторге от маниев; меня привел в восхищение даже тот боец, которого мне пришлось убить. У него не было ни капельки страха, когда он бежал к своему танку и прекрасно понимал, что так и не добежит. Никогда за всю свою жизнь не видела ничего подобного, абсолютно ничего.

— Мании, — сказал Чак, — ни за что не пустят тебя к себе.

— Почему это? — спокойно произнесла она. — Еще как пустят.

Чак вопросительно посмотрел на Игнаса Ледебера.

— Пустят, — согласился Ледебер. — Ваша жена права.

Мы оба, понял Ледебер, он и я, мы оба потеряли ее. Никто не в состоянии заявить на долгий срок права на эту женщину. Такое положение противоречит ее природе, ее физиологии. Повернувшись, он в подавленном состоянии вышел из лачуги и направился к тому месту, где его дожидался слизистый грибок.

"Мне кажется", мысленно обратился к нему слизистый грибок, "вы доказали мистеру Риттерсдорфу невозможность того, что он пытается сделать".

— Наверное, — ответил Ледебер без малейшего энтузиазма.

Появился Чак. Лицо его было бледным и печальным. Он быстро прошел мимо Ледебера, прямо к катеру.

— Скорей отсюда! — Грубо бросил он слизистому грибку, не оборачиваясь.

Слизистый грибок, поспешно, как только позволяли его физические возможности, последовал за ним. Они вскарабкались в катер, закрыли за собой люк и стрелой взмыли в утреннее небо.

Какое-то время Игнас Ледебер еще смотрел ему вслед, затем вернулся в лачугу. Мэри он застал у холодильника в поисках чего-нибудь, что могло бы сгодиться на завтрак.

— Мании, — не преминул подчеркнуть Ледебер за завтраком, который им в конце концов удалось приготовить сообща, — очень жестоки в некоторых отношениях.

Мэри расхохоталась.

— Ну и что? — с издевкой произнесла она.

Ему нечем было ей ответить. Его святость и его видения не помогли ему во взаимоотношениях с этой женщиной, не помогли ни на йоту.

* * *

Прошло немало времени прежде, чем Чак обратился к слизистому грибку.

— Этот катер может доставить нас назад, в Солнечную Систему, на Землю?

"Никоим образом", ответил Лорд Бегущий Моллюск.

— Ладно, — сказал Чак. — Постараюсь отыскать какой-нибудь из земных кораблей, барражирующих поблизости. Я намерен вернуться на Землю, согласиться с любым наказанием, которое мне уготовили власти, а затем связать свою жизнь с Джоан Триест.

"Вследствие того, что трибунал, скорее всего, вынесет смертный приговор, любая возможность связать свою жизнь с Джоан Триест практически исключена".

— Что же вы в таком случае предлагаете?

"Нечто такое, чему вы непременно воспротивитесь".

— Все равно, не томите.

"Вы ... гм... это весьма щекотливая штука. Я должен сформулировать надлежащим образом. Вы должны подбить свою жену на то, чтобы она подвергла вас тщательной психиатрической проверке".

Поначалу, совершенно опешивший, Чак в конце концов кое-как овладел собой и произнес:

— Чтобы выяснить, какой из поселков больше всего мне подходит?

"Да", признался, хотя и очень неохотно, слизистый грибок. "Вот именно. Чтобы сказать, что вы душевнобольной. Просто нужно определить в самых общих чертах то направление, в котором происходят изменения вашей психики".

— Предположим, примененные Мэри тесты покажут, что в моей психике нет патологических отклонений,

каких-либо неврозов, скрытых психозов, деформаций личности, тенденций к возникновению навязчивых состояний, иными словами, ровно ничего? Что мне тогда делать? — Нисколько не обольщаясь — сейчас он был крайне далек от этого, — интуитивно Чак чувствовал, что именно такими и будут результаты тестирования. Он не станет "своим" ни в одном из поселков на Альфе-III-М2. Здесь ему пришлось бы жить бирюком, не имея рядом никого, кто даже отдаленно напоминал его.

"Ваше очень долго одерживаемое подспудное желание убить жену", продолжал гнуть свою линию слизистый грибок, "может вполне оказаться симптомом лежащего в его основе душевного заболевания". Он пытался придать обертонам своих мыслей обнадеживающее звучание, но пока что из этого ничего не получалось. "И все же я убежден, что стоит попытаться", упорствовал грибок.

— А что, если я заложу еще один поселок здесь?

"Поселок, в котором будет жить один человек?"

— Но ведь здесь должны же время от времени появляться совершенно нормальные люди. Те, кому удалось каким-то образом выздороветь, избавившись от психических расстройств, и дети, у которых их никогда и не наблюдалось. По сложившейся здесь традиции каждого относят к полиморфным шизофреникам, если только обнаружат признаки какого-нибудь более четко проявляющегося психического заболевания. Но это неправильно. — Эта мысль никогда не покидала его с того самого мгновенья, когда ему впервые пришло в голову, что возможно, придется навсегда остаться на этом спутнике. — Таких, хоть и немного, но становится все больше и больше. Дайте только срок.

"Пряничный домик на лесной прогалине", размышлял слизистый грибок. "И вы в нем, тихонько дожидаетесь заманить в него любого, кто бы ни проходил мимо. Детишек". Грибок захихикал, — извините. Мне нельзя столь легкомысленно к этому относиться. Простите меня".

Чак ничего не сказал. Он только еще выше поднял катер.

"Так вы рискнете провериться?" спросил слизистый грибок. "Прежде, чем искать себе поселок?"

— Ладно, — сказал Чак. Проверка ему не повредит.

"Как вы полагаете, ваша супруга, принимая во внимание взаимную враждебность по отношению друг к другу, сможет достаточно непредвзято провести тестирование?"

— Не сомневаюсь в этом. — Оценка вида и степени душевного заболевания с помощью специальных тест-таблиц была предельно формализована с целью исключить малейшую возможность произвольного толкования результатов тестирования.

"Я стану посредником между вами и ею", решил слизистый грибок. "Вам даже не нужно будет встречаться друг с другом, пока не будут получены результаты".

— Спасибо, — сказал Чак, испытывая искреннюю благодарность к грибку.

"Есть еще одна возможность, которая хотя и является, как вы бы выразились, притянутой за уши, но которую все равно не мешало бы рассмотреть". Задумчиво сообщил грибок. "Она могла бы принести неплохие плоды, хотя, разумеется, для претворения ее в жизнь потребуется немало времени". Охваченный азартом, он не стал больше мешкать с подведением итога своих размышлений. "Было бы очень неплохо, если бы вам удалось уговорить Мэри тоже пройти тестирование".

* * *

Такая идея оказалась для Чака полнейшим сюрпризом — он был полностью ошарашен и не знал, что ответить. Для начала — мысль его работала лихорадочно быстро, анализируя и вникая в суть идеи — он никак не мог увидеть каких-либо преимуществ. Потому что обитателей спутника никто не будет лечить — это уже было решено окончательно и бесповоротно, чему он сам немало поспособствовал. Если при тестировании выяснится, что Мэри — а это было более, чем вероятным — сама не вполне нормальна, то она просто такой и останется, и жизнь ее при этом нисколько не изменится. Ведь не выйдет на сцену еще один психиатр, который начнет возиться с ее психозами. Так что же тогда слизистый грибок имел ввиду, указывая на "неплохие плоды?"

Слизистый грибок, восприняв его быстро промелькнувшие в голове мысли, тут же пояснил.

"Предположим, ваша жена в процессе тестирования обнаружит, что в складе ее ума четко вырисовываются маниакальные наклонности. Это результат моего непрофессионального анализа состояния ее психики, и он, очевидно, совпадет с ее собственным мнением. Для нее признать то, что она, — подобно Говарду Строу и тем водителям таков, с которыми она имела возможность столкнуться, — страдает маниакальным психозом, то есть манией, — будет равноценно признанию того, что..."

— Вы это серьезно? Вы в самом деле убеждены, что это заставит ее СМИРЯТЬСЯ? Потерять уверенность в себе? — Слизистый грибок, конечно же, не был компетентен в человеческой психологии, в частности, в психологии Мэри Риттерсдорф. Не говоря уже о том факте, что для маниака, как и для параноика, неуверенность в себе, неверие в собственные силы выше всякого их понимания, что в основе эмоциональной стороны их психики лежит полное отсутствие сомнений в себе и своих возможностях.

Как все было бы просто, если бы оказалось справедливым наивное предположение слизистого грибка, если бы тяжело больному человеку достаточно было бы только ознакомиться с результатами своего тестирования, чтобы понять и принять как факт серьезное расстройство собственной психики. Боже, со страхом подумал Чак, если и есть что-нибудь доказанное современной психиатрией, так это то, что само по себе понимание того, что ты душевно болен, не вызывает какого-либо улучшения душевного здоровья — равно, как понимание того, что не все благополучно с сердцем не приводит к его мгновенному выздоровлению.

Фактически же, куда более вероятным может быть совершенно противоположный результат. Мэри, получив моральную поддержку со стороны себе подобных, с которыми будет общаться в поселке, еще сильнее укрепится в своих маниакальных побуждениях — они даже получат дружеское одобрение. Она, по всей вероятности, не остановится ни перед чем, чтобы стать любовницей Говарда Строу, а со временем, возможно, даже и заменит его в качестве представителя маниев в высшем межклановом совете. В высотах Да-Винчи она поднимется к высшей власти — растоптав свое окружение.

"Тем не менее", не унимался слизистый грибок, "когда я стану просить ее подвергнуть вас тестированию, я сделаю все от меня зависящее, чтобы убедить ее в необходимости и самой пройти такую же проверку. Я все еще верю, что все это может в конце концов обернуться немалым благом. ПОЗНАЙ СЕБЯ — разве не таков один из древнейших земных лозунгов? Возникший еще во времена расцвета культуры столь высокочтимых вами древних греков. По моему глубочайшему убеждению, познать себя — это все равно, что обзавестись оружием, с помощью которого ваша, не обладающая телепатическими способностями, раса сможет видоизменить свою психику что..."

— Что именно?

Слизистый грибок ничем на это не ответил. Было очевидно, что дойдя в своих рассуждениях до этой точки, слизистый грибок фактически сам еще толком ничего не знал.

— Уговорите ее пройти психотестирование с помощью контрольных таблиц, — сказал Чак. — А тогда посмотрим ... — посмотрим, кто прав, отметил он про себя, в надежде на то, что слизистый грибок не ошибается в своем анализе.

* * *

Этим же вечером, очень поздно, будучи уже в Да-Винчи Лорду Бегущему Моллюску после многочисленных ухищрений удалось убедить доктора Мэри Риттерсдорф пройти самой весь спектр тестов по психологическому обследованию личности, а затем подвергнуть точно такому же тестированию своего мужа.

Дом представителя маниев в совете Говарда Строу имел форму вычурно украшенной спирали. Вот здесь-то и встретились они: Мэри Риттерсдорф, ее муж Чак и сам Говард Строу, который поначалу держался поодаль, наслаждаясь происходящим, надменный и высокомерный, как обычно. Он сидел в углу комнаты и делал один за другим, быстрыми размашистыми штрихами цветных мелков, наброски серии портретов Мэри; живопись была одним из многих его творческих увлечений, и даже в такое тревожное время коренного поворота в судьбе родного спутника, когда на территорию его бесконечной чередой совершали посадку альфийские боевые корабли, он продолжал преда-

ваться любимому хобби. Как у типичного мания, у него было множество самых различных дел и забот — творческая энергия его разносторонней личности была неисчерпаемой.

Глядя на результаты тестирования, выложенные на роскошном столе, который Говард Строу собственными руками смастерил из дерева и вороненой стали, Мэри произнесла:

— Мне было невыносимо страшно дать согласие на такую проверку, но сама по себе идея была неплоха. Произвести проверку состояния психики каждого из нас с помощью стандартных тест-таблиц. Честно говоря, я была очень удивлена результатами этой проверки. Совершенно ясно — теперь об этом уже поздно сожалеть — что мне следовало проходить подобную проверку регулярно. Вот о чем, прежде всего, говорят полученные результаты. — Она откинулась к спинке стула, такая стройная и аппетитная, в белом свитере с высоким воротом и брючках из отливающей металлическим блеском кожи обитающего на Титане ога, дрожащими руками достала сигарету и закурила. — У тебя нет ни малейших следов умственного расстройства, дорогой, — сказала она Чаку, который сидел за столом напротив нее. — Поздравляю со вторым рождением, — добавила она и вымученно улыбнулась.

— А что там у тебя? — спросил Чак. Сердце у него сжалось, в горле запершило.

— Нет у меня никаких маниакальных психозов. Скорее, совсем наоборот. Я обнаружила у себя четко выраженную возбужденную депрессию. Я — типичный депр. — Она продолжала улыбаться. Потраченные ею усилия стоили того, и проявленная ею смелость не ускользнула от внимания Чака. — Мои непрестанные требования, чтобы ты как можно больше зарабатывал, безусловно объясняются моей депрессией, обманчивым ощущением, будто все идет вкривь и вкось, и нужно обязательно что-то предпринимать, иначе мы обречены на нищету и голодную смерть. — Она раздавила окурок в пепельнице и тут же закурила следующую сигарету, затем повернулась к Говарду Строу. — А что вы на это скажете?

— Коль так, — произнес Строу с таким обычным для него равнодушием, не испытывая даже тени сочувствия, — то вы ни за что не уживетесь среди нас; ваше место во

владениях Коттона Мейзера. Рядом с жизнерадостным мальчиком Дино Уоттерсом и иже с ним. — Он хихикнул. — А некоторые из них еще хуже, как вы в самом скором времени обнаружите. Мы позволим вам побыть здесь еще денек-другой, но затем вам все равно придется покинуть нас. Вы просто не такая, как мы. — Затем он добавил, несколько смягчив тон. — Если бы вы могли предвидеть подобное в тот момент, когда добровольно вызвались принять участие в деятельности ТЕРПЛАНа, в проведении "Операции Пятьдесят минут" — могу поспорить, вы бы не один раз хорошенько подумали прежде, чем так поступить. Разве я не прав? — Он буквально пронзил Мэри взглядом.

Вместо ответа она только уклончиво пожала плечами. А затем, совершенно неожиданно, горько разрыдалась.

— Господи, да ведь я совсем не хочу жить среди этих проклятых депров. Лучше мне вернуться на Землю. Чак, я это всегда смогу сделать, а вот ты-то уже не можешь. Мне вовсе ни к чему оставаться здесь и искать, куда бы притулиться. Как это надо тебе.

"Теперь, когда вам известны окончательные результаты тест-проверки", сформировались в его сознании мысли слизистого грибка, "что вы намерены предпринять, мистер Риттерсдорф?"

— Нисколько не мешкая, я собираюсь основать свой персональный поселок, — сказал Чак. — Я назову его Томас-Джефферсонбургом. Мейзер был депром, Гамлет был поли, Да-Винчи — манием, Адольф Гитлер — параном, Ганди — гебом. Джефферсон будет... — он задумался, подбирая наиболее подходящую аббревиатуру, — ... нором. Томас-Джефферсонбург — поселок нормов, людей душевно здоровых. Пока что в нем только один житель, но у него прекрасные перспективы. — По крайней мере, отметил он про себя, автоматически решается проблема подбора представителя в высший межклановый совет.

— Вы — круглый идиот, — пренебрежительно изрек Говард Строу. — В вашем поселке вообще никто никогда не покажется и не станет жить там вместе с вами. Вы проведете остаток своей жизни в полном одиночестве — не пройдет и шести недель, как вы сойдете от этого с ума, и тогда для вас будут открыты ворота любого из поселков на этом спутнике, кроме, разумеется, нашего.

— Может быть, так оно и будет, — согласился Чак. Но у него не было такой уверенности, как у Строу. Он еще раз подумал об Анетте Голдинг. Чем она не подходит? От нее, безусловно, требуется совсем немного, чтобы попасть в Джефферсонбург — она, насколько ему показалось, была вполне нормальной в умственном отношении, да и все остальное у нее достаточно гармонично уравновешенно. Если здесь существует один такой человек, то почему не должно быть других? У него было ощущение, что совсем недолго он будет единственным жителем Томас-Джефферсонбурга. Но даже если ему и придется...

Он будет терпеливо ждать. Сколько бы времени ни длилось это ожидание. И он получит помощь в обустройстве своего поселка от других обитателей спутника. У него уже установились, как выяснилось, вполне приличные взаимоотношения с делегатом паранов Габриелем Бейнсом, с ним совсем нетрудно оказалось поладить, и это весьма знаменательно. Если ему удалось сработаться с Бенсом, то по всей вероятности, точно так же удастся наладить нормальные отношения и с некоторыми другими кланами, за исключением, пожалуй, маниев, если они все сродни Строу, да, разумеется, как Игнас Ледебер, лишенных чувства ответственности перед другими людьми.

— Ты себе даже представить не можешь, как мне тошно, Чак. — Губы у Мэри дрожали. — Ты станешь меня навещать? Неужели мне суждено всю свою жизнь торчать среди одних только депров?

— Ты же только что сама сказала, что... — начал было Чак.

— Я теперь не могу вернуться на Землю, никак не могу, раз я больна; нельзя возвращаться с тем, что показали эти тесты.

— Конечно же, я с радостью буду тебя навещать. — Он и без того фактически уже принял решение проводить значительную часть своего времени в других поселках. Этим он постарается не дать сбыться мрачному пророчеству Говарда Строу. Этим — и еще многим другим.

"Когда у меня произойдет очередное спорообразование", снова вступил с ним в мысленное общение слизистый грибок, "то здесь появится довольно большое количество совершенно идентичных мне соплеменников. Некоторые из нас с удовольствием обоснуются в Томас-

Джефферсонбурге. Только на этот раз мы постараемся держаться как можно дальше от горящих турбомобилей".

— Спасибо, — сказал Чак. — Я буду очень благодарен вам за это. Всем вам.

Комнату заполнил маниакальный, откровенно глумливый хохот Говарда Строу — эта идея вызвала у него циничное удовольствие. Никто, однако, не обратил на него внимания. Строу пожал плечами и вернулся к своим наброскам.

Снаружи взревели тормозные двигатели заходящего на посадку боевого корабля. Альфийская оккупация Высот Да-Винчи столь долго откладывавшаяся, вот-вот должна была стать свершившимся фактом.

Поднявшись из-за стола и открыв входную дверь, Чак Риттерсдорф вышел и стал всматриваться в ночную тьму. Какое-то время он стоял один и нервно курил, прислушиваясь к звукам, источник которых все больше и больше приближался к поверхности спутника, а затем наступила такая мертвая тишина, которую, как ему показалось, не нарушить вовеки веков. Пройдет очень много времени, возможно, и его самого уже давно не будет в живых, прежде, чем альфиане снова покинут этот спутник. Он ощущал это всеми фибрами души, стоя в темноте, рядом с дверью в дом Говарда Строу.

Неожиданно широко распахнулась дверь у него за спиной. Это вышла его жена, или, если выражаться более точно, его бывшая жена, прикрыла за собой дверь и, ничего не говоря, встала с ним рядом! Теперь они вместе прислушивались к шуму, которым сопровождалось снижение альфийских боевых кораблей, и любовались огненными следами, перечеркивавшими небосклон. Каждый из них был погружен в свои собственные мысли.

— Чак, — вдруг сказал Мэри, — ты знаешь, что нам нужно обязательно сделать? Ты, по всей вероятности, даже не задумывался над этим, но раз мы оба твердо решили обосноваться здесь, то нам не мешало бы каким-то образом переправить сюда с Земли наших детей.

— Что верно, то верно. — Фактически он и сам давно уже об этом думал. — Но тебе в самом деле хочется, чтобы дети росли в таком окружении? — Особенно Дебби, подумал он. Девочка была чрезвычайно чувствительной, она, живя здесь, несомненно позаимствует образцы безум-

ного мировоззрения и поведения, характерные для здешних душевнобольных. Что поставит ее родителей перед лицом очень сложной проблемы.

— Если я больна... — начала было Мэри, но не закончила своей мысли — да этого и не нужно было. Потому что, если она больна, но Дебби уже давно подвергалась постоянному воздействию душевного заболевания матери, чего никак нельзя было избежать в семейной жизни. Вред ее душевному здоровью все равно уже был нанесен.

Швырнув в темноту сигарету, Чак обвил рукой тонкую талию своей жены и нежно прижал ее к себе. Затем поцеловал в голову, ощущая теплый, приятный запах, исходящий от ее волос.

— Давай-ка рискнем... Попробуем вырастить детей в здешней обстановке. Может быть, они даже станут образцом для других детей здесь... Мы отдадим их в общую школу, которая организована здесь, на Альфе-III-М2. Лично я готов рискнуть, если ты тоже согласна на это. Что скажешь?

— Ладно, — как-то отрешенно промолвила Мэри. А затем, вдруг оживилась, добавила. — Чак, ты в самом деле считаешь, что у нас еще есть шанс, у тебя и меня? Что нам удастся, уже на совсем другой основе, остаться вместе на продолжительный срок? Или нас снова... — она сделала неопределенный жест рукой — течением жизни вынесет к прежней взаимной ненависти и подозрительности и всему остальному, что отравляло наши взаимоотношения раньше?

— Не знаю, — сказал он, ничуть не погрешив против истины.

— Солги мне. Скажи, что нам удастся.

— Мы сможем поладить.

— Ты в самом деле так думаешь? Или лжешь, чтобы меня успокоить?

— Я...

— Скажи, что ты не лжешь, — не унималась Мэри.

— Я вовсе не лгу, — сказал он. — Я просто знаю, что мы сумеем этого добиться. Ведь мы оба еще так молоды, у нас еще совсем не растрачен запас жизненных сил. И мы не такие уж неуживчивые и неуступчивые, как параны или мании. Верно?

— Верно. — Помолчав немного, Мэри затем спросила. — А ты уверен, что не предпочтешь мне эту девчонку поли, эту Анетту Голдинг? Скажи честно, что у тебя на уме.

— Я предпочитаю тебя. — И на этот раз он не лгал.

— А как насчет той девки, хроноснимки которой сделал мой адвокат? На которых ты и эта как ее там зовут... Я имею в виду, что ты в самом деле спал с нею.

— Все равно предпочитаю тебя.

— Тогда объясни, ПОЧЕМУ ты предпочитаешь меня? — продолжала наседать на него Мэри. — Такую ненормальную, такую порочную?

— Даже не могу сказать почему. — Фактически он вообще никак не мог этого объяснить. Это было для него загадкой, чем-то по сути мистическим. И все же, это именно так. Он всей душой ощущал, насколько подлинным было это чувство.

— Я желаю тебе удачи в твоем поселке с одним жителем, — сказала Мэри. — Одним мужчиной и дюжиной слизистых грибков. — Она рассмеялась. — Что за безумный мир! Да, я уверена в том, что нам просто необходимо переправить сюда детей. Я привыкла думать, что я совершенно... ты понимаешь, что я хочу сказать. Совершенно не такая, как мои пациенты. Для меня всегда больны они, я же — совершенно здорова. А вот теперь... — Она умолкла.

— Больше между вами нет особой разницы, — закончил за нее Чак.

— А у тебя самого нет такого ощущения? Что ты совсем не такой, в основе своей, как я ... Ведь тесты-то показали, что ты совершенно здоров, а вот я ...

— Все дело в степени душевного расстройства, — сказал он, снова совершенно искренне. Ведь и его поведение долгое время мотивировалось влечением совершить самоубийство, а затем это влечение сменилось страстным желанием убить Мэри — и тем не менее он прошел тесты, достоверность которых подтверждалась многолетней практикой, а вот Мэри испытаний не выдержала. Оказавшись больной, притом, возможно, на самую-самую малость. А ведь она не в меньшей степени, чем он, не в меньшей степени, чем любой из обитателей Альфы-III-М2, включая высокомерного делегата маниев Говарда Строу,

изо всех сил своих стремилась к душевному равновесию, стремилась к правильному пониманию происходящего вокруг. Такое стремление было естественным для любого живого существа. Надежда существует для всех, может быть, — избави Боже — даже для гебов. Хотя, к несчастью, надежда для обитателей Гандитауна была слишком уж хрупкой.

Но ведь и для нас, только что прибывших с Земли, надежда столько же хрупка. Для нас, только сейчас эмигрировавших на Альфу-III-М2. Но все же — она была, именно это было самым главным.

— Я решила, — объявила вдруг охрипшим голосом Мэри, — что я люблю тебя.

— Вот и прекрасно, — согласился Чак, довольный ее признанием.

Внезапно, сразу же выведя его из состояния умиротворенности, в сознание его вошло в высшей степени четкое рассуждение слизистого грибка,

"Пока еще не пришло у вас время взаимных признаний в чувствах и принятия решений, я бы порекомендовал вашей жене выложить на стол полный отчет о ее недолгой любовной связи с Банни Хентманом". Он тут же поправился. "Я беру назад выражение "выложить на стол" как невообразимо неудачное. Тем не менее, по сути смысл остается тот же: она была настолько озабочена тем, чтобы вам досталась высокооплачиваемая работа..."

— Позвольте мне самой обо всем рассказать, — перебила его Мэри.

— "Пожалуйста. Я же оставлю за собой право высказаться в том случае, если вы проявите небрежность в отношении полноты своего отчета".

— Мой роман с Банни Хентманом продолжался совсем недолго, Чак. И с ним было покончено, как только я покинула Землю. Вот и все.

"Вовсе нет", возразил слизистый грибок.

— Вас интересуют подробности? — раздраженно спросила Мэри. — Мне нужно рассказать в точности, когда и где мы ...

"Как раз не это меня волнует. Весьма важно осветить совсем иной аспект ваших взаимоотношений с Хентманом".

— Хорошо, — покорно понурив голову, произнесла Мэри. — В течение тех четырех дней, — начала она, обра-

щаясь теперь уже к Чаку, — я рассказала Банни о том, что насколько мне видится, исходя из всего моего прошлого опыта, из собственных наблюдений за многочисленными случаями разрыва супружеских отношений, я предвидела — к тому же еще основываясь на понимании особенностей твоей психики, — что ты попытаешься убить меня. Если останутся неосуществленными твои попытки совершить самоубийство. — Помолчав некоторое время, она так закончила свою исповедь. — Сама не пойму, почему я сказала ему об этом. Может быть, с перепугу. Ясно только одно — мне просто необходимо было поделиться с кем-нибудь теми тревогами, что завладели мною, а случилось, так что хоть и совсем недолго, но была я тогда, как на грех, именно с ним.

Значит, это все-таки не Джоан. Зная об этом со всей определенностью, он теперь чувствовал себя несколько лучше. И он вряд ли имел право упрекать Мэри за то, что она это сделала. Поразительным, скорее, было то, что она не обратилась в полицию; очевидно, она говорила правду, что любит его. Это показывало ее в совершенно ином свете — она не воспользовалась возможностью причинить ему вред, когда наступал критический момент в их взаимоотношениях.

— Может быть, у нас еще появятся дети, пока мы будем здесь, на этом спутнике, — сказала Мэри. — Нас, людей, станет здесь больше — как и слизистых грибков, которые прибыли сюда с тобой; не исключено, что мы так разохотимся, что не остановимся, пока нас здесь не станет тьма-тьмущая. Подавляющее большинство. — Она рассмеялась, на этот раз как-то необычно, ласково, а затем нежно прильнула к Чаку, чего не делала веки вечные.

А тем временем альфийские корабли все продолжали и продолжали заполнять небосвод, и они оба, он и Мэри, хранили молчание, обдумывая, каждый по-своему, каким образом заполучить сюда детей. Это будет очень трудно сделать, трезво рассудил Чак, возможно для этого потребуются все ухищрения, на которые они только способны. Но, возможно, кое-какую помощь им окажет то, что осталось от организации Хентмана. Или кто-нибудь из бесчисленных знакомых слизистого грибка в высших сферах как землян, так и инопланетян. И то, и другое никак нельзя было сбрасывать со счета. И был еще проникший

в ЦРУ агент Хентмана, прежний его босс Джек Элвуд... Правда, сейчас Элвуд находится за решеткой. В любом случае, если даже им совсем не повезет, и все их усилия воссоединить семью пойдут прахом, то, как сказала Мэри, у них еще будут дети. Это, разумеется, не заменит им потери первенцев, но все равно будет добрым предзнаменованием, такой их душевной опорой, какой никак нельзя пренебрегать.

— А ты меня любишь? — спросила Мэри, приникнув губами почти к самому уху Чака.

— Да, — искренне ответил он. А затем — ой! — потому что без всякого предупреждения Мэри укусила его, едва не отхватив мочку уха.

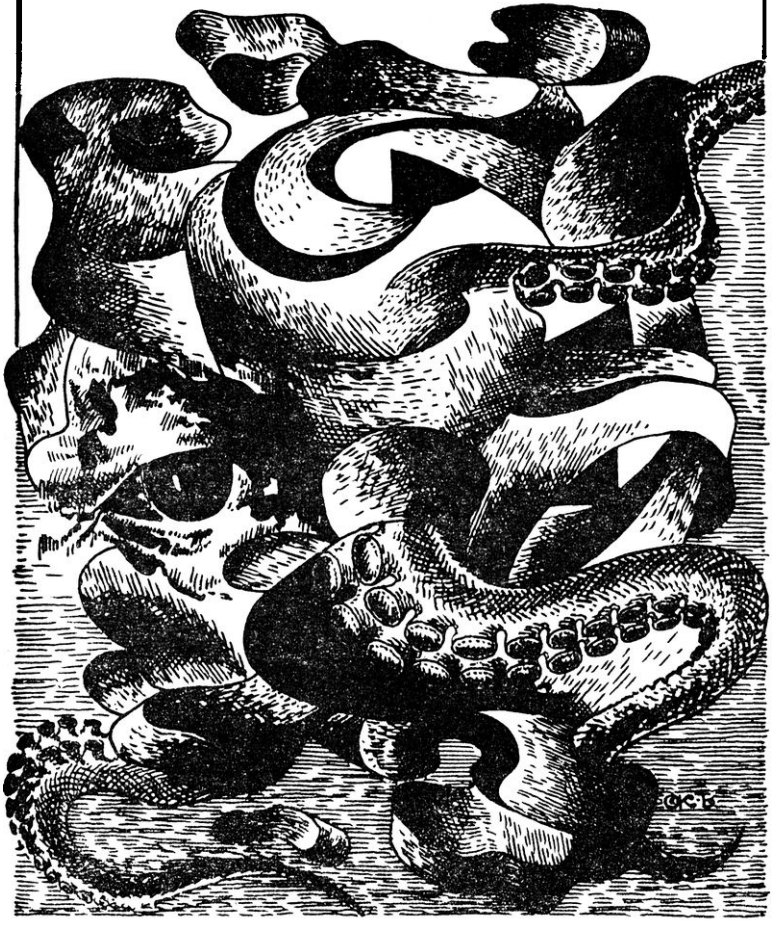
Это тоже показалось ему добрым предзнаменованием.

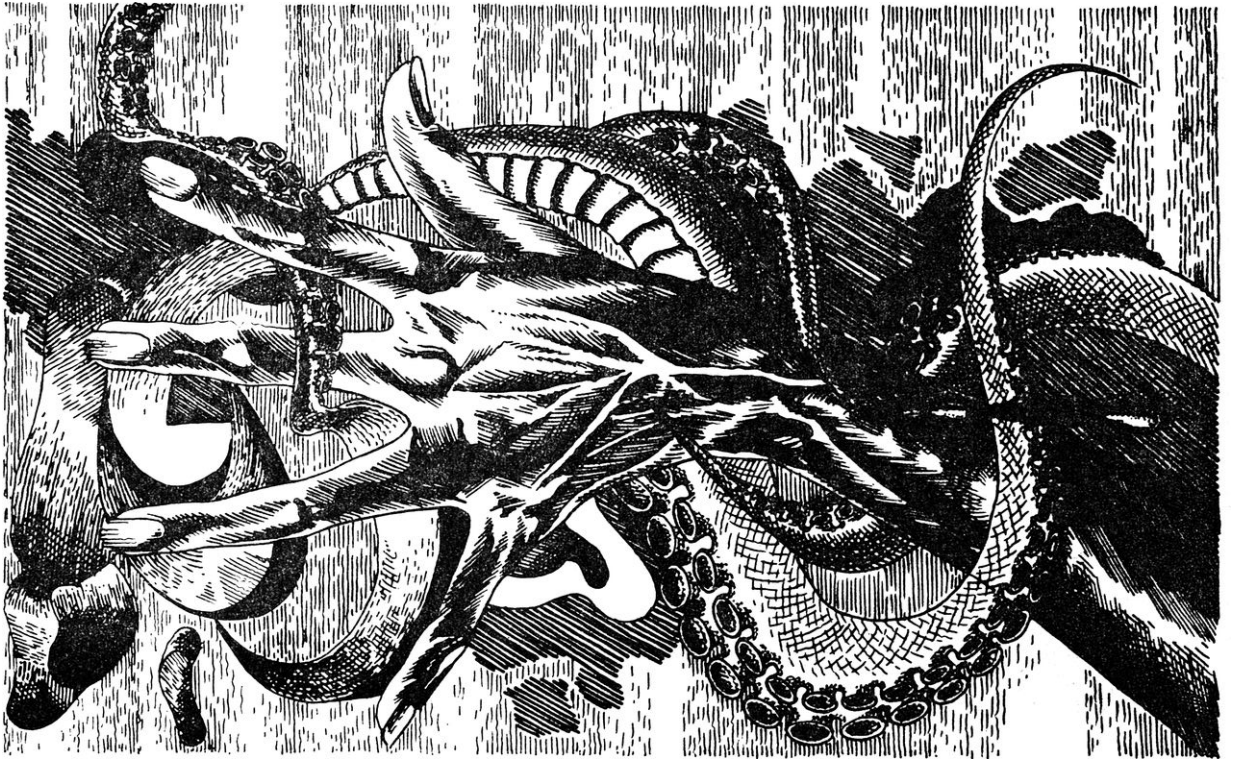
Вот только чего — этого он пока еще не знал.

МОЛОТ ВУЛКАНА

Vulcan's hammer

New-York • 1967





ГЛАВА I

Артур Питт попал в толпу сразу же, как только покинул офис "Единства" и стал переходить улицу. Остановившись на углу возле своего автомобиля, он прикурил сигарету. Затем открыл дверцу машины, взял кейс-атташе и стал внимательно изучать толпу. Их было человек пятьдесят-шестьдесят — все это были местные жители: рабочие, механики, водители, фермеры, домохозяйки, бакалейщики. Самые обыкновенные представители среднего класса.

Питт скользнул на сидение и, взяв микрофон, встроенный в панель автомобиля, вызвал старшего по званию — начальника южно-американского региона. Люди уже заполнили улицу и направлялись прямо к нему. Вне всякого сомнения, они опознали его по одежде, соответствовавшей Т-классу — белой рубашке с галстуком, серому костюму, фетровой шляпе. Атташе-кейс. Сияющие черные туфли. Наконечник лучевого карандаша, торчащий из нагрудного кармана. Он вытащил золотистую трубку и держал ее наготове.

— Критическое положение, — произнес он.

— Таубман слушает, — донеслось из микрофона. — Где вы находитесь? — Официальный голос доносился откуда-то сверху.

— Все еще в Кедровой Роще, в Алабаме. Вокруг меня собирается толпа. Предполагаю, она блокировала дорогу. Похоже, что весь город собрался здесь.

— Какие-то Исцелители?

На краю тротуара молча стоял старик с крупной головой и короткой стрижкой. Он был одет в широкую, свободного покроя, одежду, сандалии и подпоясан узловатой веревкой.

— Он один, — ответил Питт.

— Попробуйте снять для "Вулкана-3".

— Попытаюсь.

Толпа уже окружила автомобиль. Питт слышал, как их руки ощупывали автомобиль, осторожно его исследовали.

Он откинулся назад и закрыл дверцы на двойной замок. Стекла были подняты, верх туго натянут. Он включил мотор, который привел в действие систему защиты, встроенную в автомобиль. Послышался тихий шум работающей системы, ее питающие элементы искали слабые звенья в защитной броне. На обочине тротуара старик в коричневом по-прежнему не двигался. Поблизости от него стояло несколько человек в обычной одежде.

Питт вытащил сканер и поднял его. В это же мгновение в дверцу чуть пониже стекла ударился камень. Автомобиль содрогнулся, сканер задвигался у него в руках. Второй камень попал прямо в стекло и сеть трещин расползлась по нему. Питт опустил сканер.

— Я нуждаюсь в помощи. Они настроены решительно.

— Подмога уже в пути. Попытайтесь сделать снимки получше. Мы не можем ничего разобрать.

— Конечно вы не можете, — зло бросил Питт. — Они заметили эту штуковину у меня в руке и умышленно начали обстрел.

Одно из задних стекол треснуло. Несколько рук слепо потянулись внутрь.

— Я собираюсь убираться отсюда, Таубман.

Питт мрачно оскалился, заметив краем глаза, как защитная система пытается починить разбитое окно — пытается и не может. Как только вспенивался новый кусок пластика, руки снаружи хватали и отламывали его.

— Не поддавайтесь панике, — обратился к нему стальной голос из панели.

— Чтобы сохранить старые мозги? — Питт отпустил тормоза.

Автомобиль проехал несколько ярдов и встал, как вкопанный. Мотор заглох, а с ним перестала работать и за-

щитная система; гул затих. Острый приступ паники пронзил Питта. Он оставил попытку найти сканер и трясущимися руками вытащил иглопистолет. Четыре или пять человек стояли перед кабиной, закрывая ему обзор, несколько забрались на машину. Внезапно раздался рев — они начали сверлить крышу тепловым буром.

— Когда они доберутся сюда? — быстро пробормотал Питт. — Я застрял. Они используют какую-то интерференционную плазму — она все разрушает.

— С минуты на минуту прибудет подмога, — раздался ясный, металлический голос, лишенный страха и такой безразличный к его положению. Организаторский голос. Глубокий и зрелый, отстраненный от опасной суеты.

— Пусть поторапливаются.

Автомобиль сперва качнуло от града камней, обрушившихся на него, затем он зловеще зашатался: в него вцепились с каждой стороны и пытались перевернуть. Оба задних стекла были выбиты. Мужская рука потянулась к дверной защелке. Питт испепелил ее, направив на нее луч.

— Я вывел из строя одного.

— Если бы вы смогли показать нам хотя бы нескольких...

Протянулось еще несколько рук. Внутри кабины стало душно — тепловой бур почти прошел сквозь обшивку.

— Я ненавижу это делать.

Питт направил луч на атташе-кейс и выждал, пока от него ничего не осталось. Затем поспешно уничтожил содержимое карманов, документы и, наконец, свой бумажник. Когда пластик вскипел черной массой, на мгновение он увидел фото своей жены... которое затем исчезло.

— Они ворвались, — спокойно произнес он, когда левая сторона автомобиля со скрежетом хрустнула и отошла в сторону под действием бура.

— Попытайся продержаться, Питт. Патруль должен быть...

Внезапно микрофон умолк. Чьи-то руки схватили его и прижали к сиденью. Пиджак затрещал по швам, галстук содрали с шеи. Он вскрикнул. Камень попал ему прямо в лицо, иглопистолет упал на пол. Разбитой бутылкой ему перерезали глаза и рот. Крик оборвался. Тела сомкнулись над ним, он соскользнул с сиденья и был погребен под шевелящейся массой теплых человеческих тел.

На приборной доске продолжал работать скрытый сканер, замаскированный под зажигалку для сигарет; передавая эту сцену. Питт не знал о нем, прибор был вмонтирован в автомобиль присланный ему шефом. Затем из массы барахтающихся людей протянулась чья-то рука, опытными пальцами ощупала приборную доску — и очень осторожно потянула шнур. Замаскированный сканер прекратил работу.

Вдали на шоссе траурно проревели сирены полицейского патруля. Та же самая опытная рука осторожно отдернулась назад и исчезла в общей массе...

Уильям Баррис тщательно осмотрел фото, еще раз сравнив его со вторым снимком, переданным сканером. На его письменном столе стояло кофе, который уже превратился в холодную жижу, забытую среди бумаг. Офис "Единства" звенел и вибрировал от звуков множества компьютеров, калькуляторов, видеофонов, телетайпов и массы принтеров, на которых работали младшие клерки. Чиновники бесконечно перемещались в лабиринте коридоров, бесчисленных ячеек, в которых находился персонал Т-класса.

Три юных секретарши, цокая высокими каблучками, быстро прошли мимо его стола. Они возвращались к своим рабочим местам после перерыва на обед. Обычно он обращал на них внимание, особенно на стройную блондинку в широком розовом свитере, но не сегодня; он даже не заметил, что они прошли.

— Это лицо не обычно, — пробормотал Баррис. — Взгляните на его глаза и надбровные дуги.

— Френология, — индиферентно бросил Таубман. Его пухлое, хорошо выбритое лицо выражало скуку. В отличие от своего собеседника он положил глаз на секретарш.

Баррис бросил фото на стол.

— Неудивительно, что у них так много последователей. С организаторами, похожими на этих...

Он снова впился взглядом в крошечный фрагмент ленты сканера. Это было единственное, что можно было разглядеть. Был ли это тот же самый мужчина? Он не был полностью уверен. Только пятно, форма без очертаний. Наконец он снова вернул фото Таубману.

— Как его зовут?

— Отец Филдс. — Не спеша, Таубман перелистывал свою картотеку. — Пятьдесят девять лет. Профессия — электрик. Высококлассный эксперт. Один из лучших во время войны. Родился в Маконе, штат Джорджия, в тысяча девятьсот семидесятом году. Присоединился к Исцелителям два года назад, в самом начале движения. Один из основателей, если можно доверять информаторам, сообщающим об этом. Два месяца провел в Психологической корректионной лаборатории в Атланте...

— Так долго? — бросил Баррис.

Он был поражен. У большинства людей на это уходило две недели. В такой передовой лаборатории быстро наступало здравомыслие — у них все было оборудовано по высшему классу, имелась любая известная ему медицинская техника, даже неизвестная, которую он видел лишь мельком. Всякий раз, когда он посещал это место, у него возникало сильное чувство страха, несмотря на его абсолютный иммунитет.

— Он убеждал, — заявил Таубман. — Исчез.

Подняв голову, он обменялся взглядами с Баррисом.

— Не прошел курс лечения.

— Два месяца и без лечения?

— Он был болен, — произнес Таубман со слабой насмешкой.

— Ранение, а затем хроническое заболевание крови. Что-то, связанное с радиационным облучением, полученным во время войны. Он уклонился от лечения, а затем в один прекрасный день смылся. Взял один из этих чертовых кондиционеров на стене, переоборудовал его при помощи ложки и зубочистки. Конечно, никто не знает, что он из него сделал, результаты эксперимента исчезли вместе с ним за стеной ограды. Все что нам досталось, так это детали, которые он не использовал.

Таубман уложил фото в картотеку. Указывая на вторую пленку сканера, он сказал:

— Если это тот же самый мужчина, значит мы слышим о нем впервые после его побега.

— Вы знали Питта?

— Немного. Приятный, довольно наивный молодой парень. Преданный своей работе. Женат. Попросился о зачислении на эту службу, так как нуждался в дополнительной месячной надбавке. Возможно, для того чтобы его жена могла обставить свою гостиную дубовой

мебелью эпохи ранней Англии. — Таубман встал. — Все говорит о том, что здесь не обошлось без отца Филдса.

— Слишком плохо, что полиция запоздала, — посетовал Баррис. — Она всегда приезжает на несколько минут позже.

Он изучал Таубмана. Они оба практически равны по своему положению, их политика в подобных вопросах основывалась на взаимном уважении. Но он никогда не любил Таубмана, ему казалось, что тот всегда чересчур много внимания уделяет собственному статусу. И не интересовался теоретическими вопросами "Единства".

Таубман пожал плечами.

— Когда весь город против вас, это не так странно. Они блокировали дороги, перерезали связь, заглушили каналы видеофонов.

— Если вам удастся поймать отца Филдса, пришлите его ко мне. Я хотел бы лично допросить его.

Таубман тонко улыбнулся.

— Конечно. Но я сомневаюсь, что мы его поймаем.

Он зевнул и направился к двери.

— Это маловероятно, он очень хитрый.

— Что вы знаете об этом? — требовательно спросил Баррис. — Вы, кажется, знакомы с ним... почти на личной основе?

Не потеряв ни капли самообладания, Таубман ответил:

— Я видел его в лабораториях Атланты. Пару раз. Кроме того, Атланта является частью моего региона. — Он встретился с Баррисом взглядом.

— Вы полагаете, это именно тот мужчина, которого Питт заметил перед смертью? — спросил Баррис. — Человек, который организовал эту толпу?

— Не спрашивайте, меня, — ответил Таубман. — Пошлите фото и эту пленку "Вулкану-3". Спросите его.

— Вы знаете, что "Вулкан-3" отвечает не раньше, чем через пятнадцать месяцев, — заметил Баррис.

— Может быть, ему нечего будет сказать, — Таубман открыл дверь в холл. Телохранители-полицейские со всех сторон окружили его. — Хотя я могу сказать вам одно. Исцелители всегда преследуют одну и ту же цель. Все остальное пустая болтовня — вся эта чушь об их желании разрушить общество и уничтожить цивилизацию. Это необходимо лишь коммерческим комментаторам, но мы знаем, что в действительности...

Его оборвал Баррис.

— Они хотят разрушить "Вулкан-3". Они хотят выбросить его части к черту. Все, что сегодня происходит — смерть Питта, да и остальное, — это попытки уничтожить "Вулкан-3".

— Питт успел сжечь свои бумаги?

— Я полагаю да. Мы не нашли ни его останков, ни его вещей, ничего.

Дверь захлопнулась.

Выждав несколько минут, Баррис подошел к двери, открыл ее и выглянул, чтоб убедиться, что Таубман ушел. Вернувшись к письменному столу, он щелкнул переключателем внутреннего видеотайпа, соединившим его с местным монитором "Единства".

— Мне нужна Психологическая коррекционная лаборатория в Атланте, — начал он и друг, быстрым ударом ладони оборвал связь.

Он подумал: "Это тот образ мышления, который превратил нас в тех, кем мы сейчас являемся. Параноидальная подозрительность ко всем. "Единство", — иронично размышлял он дальше, — некое единство, когда все и вся шпионят друг за другом, выискивая любой промах, любую ошибку. Разве друг за другом, был контакт с главой Исцелителей. Это ведь его работа — допрашивать всех, кто попался в руки. Именно он курирует персонал Атланты. Вот почему я сперва проконсультировался с ним. И тем не менее, тут есть человеческие мотивы. Он сам погружен в это, — мрачно отметил Баррис. — А что я? Каковы мои мотивы? Что побудило меня подозревать его? К тому же Язон Дилл уже в преклонных годах, и кто-то из нас скоро его заменит. И если мне удается что-то инкриминировать Таубману, даже если это будет одно подозрение в измене, без реальных фактов... А может быть, и мои собственные мысли не так уж чисты. Я не могу доверять себе самому, так как я тоже заинтересован — как и все мы, ведь на этом построена структура "Единства". Лучше не поддаваться подозрениям, если я не могу быть уверен в своих мотивах".

Он вновь соединился с местным монитором.

— Да, сэр, — ответила девушка. — Ваш звонок в Атланту...

— Отмените его, — приказал он. — Вместо этого... — Он вдохнул. — Соедините меня с Управлением "Единства" в Женеве.

Пока его вызов проходил через десятки столов на всем протяжении канала в тысячи километров, он сидел с отсутствующим видом, потягивал кофе. Человек, который смог избегать психотерапии в течение двух месяцев, невзирая на усилия лучших медиков... "Интересно, сумел бы я сделать это. Сколько искусства, какое упорство!" — подумал Баррис.

Щелкнул видеоэкран.

— Управление "Единства", сэр.

— Начальник Северо-Американского отдела Баррис. — Произнес он ровным голосом. — Я хочу задать вопрос чрезвычайной важности "Вулкану-3".

Последовала пауза и затем голос зазвучал снова:

— Вам нужны какие-то данные первоочередной важности? Экран был пуст; он слышал только голос, и этот голос был настолько безразличен, что он не мог узнать, кто это. Вне сомнения, какой-то функционер. Безымянный винтик.

— Еще ничего не занесено в картотеку, — ответил он с явным нежеланием. Функционер, безымянный или нет, знал свою работу. Он был вышколен для этого.

— Тогда, — прозвучал голос, — вы должны сделать свой запрос в обычном порядке. — Послышался шелест перелистываемых документов.

— Время отсрочки, — продолжал голос, — сейчас составляет три дня.

Непринужденным, шутливым голосом Баррис спросил:

— А что "Вулкан-3" делает эти три дня? Разрабатывает новые шахматные дебюты?

Такое замечание должно было быть сделано в шутливой манере, ибо от этого зависел его скальп.

— Очень жаль, мистера Баррис. Положенное время не может быть сокращено даже для персонала вашего уровня.

Баррис начал обходной маневр.

— Тогда соедините меня с Язоном Диллом.

— Управляющий Дилл находится на конференции. — Функционер вовсе не казался смущенным или озадаченным. — его нельзя беспокоить по обычным делам.

Резким движением Баррис прервал связь. Экран померк.

Три дня! Чертова бюрократия раздутых организаций. Они взяли верх над ним. Они умели тянуть волынку.

Он рефлекторно взял чашку и отпил кофе. От холодного, горьковатого напитка он поперхнулся и выплеснул его; кофейник сразу же наполнил чашку горячим кофе.

Неужели "Вулкан-3" не обращает на это никакого внимания?

Может быть, его совершенно не заботит то, что всемирное движение возникло — как говорит Таубман — чтобы расплющить его металлическую оболочку и сделать так, что вороны будут клевать разбросанные реле и ячейки памяти?

Но, конечно, это не был "Вулкан-3" — это была организация.

От юных секретарш с пустыми глазами, управляющих и начальников, до техников, обеспечивающих деятельность "Вулкана-3", и статистиков, собиравших данные. И Язона Дилла.

Умышленно ли изолировал Дилл остальных начальников, отсекая их от "Вулкана-3"? Возможно, "Вулкан-3" отвечал, но информация удерживалась.

Я подозреваю даже его, подумал Баррис. Собственного начальника, высшего чиновника в "Единстве". Нервишки у меня сдали от напряжения — это действительно безумие.

Мне нужен отдых, в отчаянии подумал он. Смерть Питта Совсем меня доконала. Я чувствую свою ответственность за случившееся, так как после всего, я по-прежнему здесь, за этим столом, в безопасности, в то время как горячие юнцы, подобные Питту, идут работать за пределы офиса, туда, где опасно. Они погибают, если что-то идет наперекосяк. Таубману, мне, всем начальникам — нам нечего страшиться этих безумцев, одетых в коричневые халаты.

По крайней мере п о к а нечего страшиться.

Взяв формуляр, Баррис начал тщательно писать.

Он писал медленно, изучая каждое слово. Форма позволила ему вместить десять вопросов. Он задал только два:

а) Представляют ли Исцелители какую-либо опасность?

б) Почему вы не реагируете на их существование?

Затем он опустил вопросник в приборную щель и сел, прислушиваясь к тому, как сканер шелестел над ее поверхностью. За тысячи миль отсюда его вопросы влились в огромный поток, льющийся со всех концов мира из офисов "Единства", имеющихся в каждой стране, Одиннадцать

директорий-отделений. Каждая со своим начальником, персоналом и подчиненными "Единству" офисами. Каждое со своими полицейскими органами, приносящими клятву местному начальнику-директору.

Через три дня наступит очередь Барриса и к нему придут ответы. И тогда, наконец, мучавшие его вопросы, рассмотренные изощренным механизмом, получат разъяснение. Наряду со всеми остальными в Т-классе, все важные проблемы он предоставлял решать огромному механическому компьютеру, находящемуся где-то в подземной крепости поблизости от офисов Женевы. Выбора у него не было. Все дела такого уровня решались "Вулканом-3" — и это был закон.

Встав, он подозвал одну из ближайших секретарш, стоявшую наготове. Она сразу же направилась к его столу, приготовив блокнот и ручку.

— Слушаю, сэр, — улыбнулась она.

— Я хочу продиктовать письмо миссис Артур Питт, — сказал Баррис. Дав ей адрес, он вдруг передумал. — Нет, скорее всего, я напишу его сам.

— Сами, сэр? — переспросила секретарша, моргнув от удивления. — Вы имеете в виду так, как это делают дети в школе?

— Да, — сказал он.

— Могу я спросить, почему, сэр?

Баррис не знал. У него не было разумных причин. Сентиментальность, подумалось ему после того, как секретарша ушла. Возврат к прежним временам детства.

"Ваш муж погиб, выполняя служебный долг", — начал он, сидя у стола и размышляя. "Единство" глубоко скорбит. Как директор, я желаю передать вам свои личные соболезнования в этот трагический час".

Проклятье, подумал он, я не смогу этого сделать. Я никогда не смогу. Я обязан поехать и увидеть ее; я не могу писать подобные вещи. В последнее время их слишком много. Слишком много смертей, чтобы я мог их перенести. Я не похож на "Вулкан-3". Я не могу игнорировать это. Я не могу молчать.

А ведь несчастье случилось не в моем регионе. Парень даже не был в моем подчинении. Соединившись со своим заместителем, Баррис сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы меня заменили сегодня. Я нокаутирован. Я чувствую себя не хорошо.

— Очень плохо, сэр — сказал Питер Аллисон. — Но наслаждение при мысли, что он способен занять важное место, пусть даже на мгновение, было явным.

Ты будешь на моем месте, подумал Баррис, закрывая и запирая свой стол. Ты охотишься за этим постом так же, как я охочусь за постом Дилла. Ступень за ступенью вверх по лестнице — к вершине.

Он записал адрес миссис Питт, положил его в нагрудный карман и покинул офис так быстро, как мог, радуясь тому, что уходит, найдя оправдание для бегства из удушающей атмосферы.

ГЛАВА II

Стоя перед классной доской, Агнесса Паркер спросила:

— Что вы вспоминаете про 1992? — Она осмотрела класс.

— 1992 год напоминает нам об окончании I Атомной войны и начале декады международного урегулирования, — ответил Питер Томас, один из ее лучших учеников.

— Возникло единство, — добавила Патриция Эдвардс. — Разумный мировой порядок.

Миссис Паркер сделала сметку в классном журнале.

— Правильно. — Она почувствовала гордость за точные ответы детей. — А теперь, возможно, кто-нибудь скажет мне о Лиссабонских Законах 1993 года.

Класс молчал. Несколько учеников с легким шумом повернулись к окну. Снаружи дул теплый июньский ветерок. Малиновка села на ветку и застыла, прислушиваясь, нет ли где поживы. Деревья лениво шелестели.

— В этом году был изобретен "Вулкан-3" — сказал Гане Штайн. Миссис Паркер улыбнулась.

— "Вулкан-3" был построен задолго до этого, его сделали во время войны. "Вулкан-1" в 1970 году, "Вулкан-2" в 1975. Компьютеры появились уже перед войной в середине века. Серия "Вулканов" была изобретена Отто Джорданом, работавшим с Натаниэлем Гринстритом для "Вестингауза" в начале войны...

Голос миссис Паркер перешел в зевок. Она с усилием подавила его. Еще не время для сна. Сегодня в школе должен был появиться Управляющий Язон Дилл со своей свитой, проверяя идеологию образования. По слухам, "Вулкан-3" запросил сведения о школьной системе. Он, казалось, был заинтересован в том, чтобы узнать о различных ценностных связях, которые формировались в базисных примерных общеобразовательных программах.

В конце концов, ведь в этом же и состоит задача школы, и гуманитарной школы в особенности — дать молодежи надлежащие установки. А зачем же еще нужны школы?

— В чем смысл, — повторила миссис Паркер, — Лиссабонских Законов тысяча девятьсот девяносто третьего года? Никто не знает? Я сгораю от стыда за всех вас. Вы не можете вспомнить наиболее важные факты из всего того, что вы должны вынести из школы! Я предполагаю, что если бы вам дали полную свободу, вы бы читали только коммерческие комиксы, которые учат лишь сложению и вычитанию, или другим разновидностям бизнеса.

В ярости она топнула об пол своим башмачком.

— Ну? Я услышу хоть какой-то ответ?

Ответа не последовало. Лица учеников выражали полное отсутствие мыслей. И вдруг звонкий ученический голос донесся с задних рядов. Девичий, жесткий и резкий.

Миссис Паркер пробудилась от оцепенения, замигав в удивлении.

— Кто это сказал? — требовательно спросила она. Класс зашумел. Все головы повернулись назад. — Кто это был?

— Дженни Бейкер! — завопил один мальчик.

— Это не она! Это Дороти!

Миссис Паркер быстро пошла по проходу вдоль парт.

— Лиссабонские Законы тысяча девятьсот девяносто третьего года, резко бросила она, — были наиболее важными законодательными актами за последние пятьсот лет.

Она говорила нервно, высоким, резким голосом. Постепенно класс повернулся к ней. Их заставила это сделать привычка — многолетняя тренировка.

— Все семьдесят наций мира послали своих представителей в Лиссабон, все мировые организации "Единства" формально согласились, что крупные компьютеры, построенные Британией, Советским Союзом и Соединенными Штатами, до сих пор использовавшиеся в чисто

справочных целях, отныне получат абсолютную власть над национальными правительствами в определении глобальной политики...

В этот момент Управляющий Язон Дилл вошел в класс, и миссис Паркер почтительно смолкла.

Она не впервые видела этого человека, реальное физическое существо, контрастировавшее с синтетическими образами, создаваемыми средствами массовой информации для публики.

И, как уже случалось прежде, она снова была поражена огромной разницей между реальным человеком и его официальным имиджем. В глубине души она хотела знать, как дети воспринимали это. Она взглянула на них и увидела, что все они смотрят с ужасом, забыв про все остальное.

Она размышляла. Он в действительности не так уж отличается от всех нас. Человеческое существо высшего ранга... и одновременно обычный человек. Энергичный мужчина средних лет с проницательным взглядом, мигающими глазами, доверительной улыбкой. Он невысокого роста. Ниже любого человека из его свиты, вошедшей с ним. Трое мужчин и две женщины. Все в деловых костюмах Т-класса. Никаких особых знаков отличия, никаких царских украшений. Если бы я не знала, подумала она, я бы не догадалась. Он так обычен.

Перед вами Управляющий директор Дилл, — представила она — Координирующий директор системы "Единства". — Ее голос прервался от напряжения. — Управляющий директор Дилл несет ответственность только перед "Вулканом-3". Кроме директора Дилла, никто из человеческих существ не имеет права приближаться к банку данных компьютера.

Директор Дилл благосклонно кивнул миссис Паркер и классу.

— Что вы учите, дети? — спросил он дружелюбным тоном. Голос был богат оттенками, как и подобает лидеру Т-класса.

Дети робко задвигались.

— Мы учим Лиссабонские Законы, — ответил мальчик.

— Это хорошо, — поощрил директор Дилл и кивнул персоналу в направлении двери. — Дети, будьте хорошими учениками и делайте то, что говорят вам ваши учителя.

— Это было так приятно, — сказала миссис Паркер, — что вы посетили нас и дети смогли вас увидеть. Это такая честь! — Она последовала за группой к двери. — Они всегда будут вспоминать этот момент и дорожить воспоминаниями.

— Мистер Дилл, — прозвенел девичий голос, — могу я задать вам вопрос?

В классе стало тихо. Миссис Паркер похолодела. Голос. Опять девочка. Кто это? Она хотела увидеть ее, ужас сжал ее сердце. Великий Боже, неужели этот маленький дьяволенок хочет что-то сказать в присутствии директора Дилла?

— Конечно, — ответил Дилл, резко останавливаясь у двери. — О чем ты хочешь спросить? — Он взглянул на часы, улыбаясь.

— Директор Дилл спешит, — торопливо вставила миссис Паркер, — У него так много дел. Я думаю, мы лучше отпустим его, не так ли?

Но твердый девичий голос продолжал:

— Директор Дилл, не стыдитесь ли вы за себя, когда позволяете машине руководить вами?

Улыбка застыла на лице директора Дилла. Он медленно повернулся лицом к классу. Его глаза пробежали по классу, пытаясь обнаружить того, кто задал вопрос.

— Кто задал вопрос? — добродушно спросил он.

Последовало молчание. Директор Дилл медленно прошелся по классу, держа руки в карманах. Никто не двигался и не отвечал. Миссис Паркер и персонал "Единства" все еще стояли, охваченные ужасом.

Это конец моей карьеры. Может быть, подвергнусь добровольной реабилитации. Нет, подумала миссис Паркер.

Директор Дилл был невозмутим. Он остановился у доски и поднял руку. На темной поверхности появились белые линии. Задумчиво проделав несколько движений, он вывел на доске дату "1992".

— Конец войны. — произнес он.

Перед притихшим классом возникла дата "1993".

— Лиссабонские Законы, которые вы учите. Год, когда объединились нации мира, решив соединить вместе свои судьбы. Подчинить себя реалистическим — не по идеали-

стически, как было в дни ООН — общему наднациональному авторитету, для блага всего человечества.

Директор Дилл медленно отошел от доски, задумчиво глядя в пол.

— Война только что закончилась, большая часть планеты была в руинах. Необходимо было принять решительные меры, ибо вторая война уничтожила бы все человечество. Необходим был орган наивысшей организации. Международный контроль. Закон, который не могли бы нарушать ни люди, ни нации. Необходимы были Хранители. Но кто будет наблюдать за Хранителями? Как можно быть уверенным, что это наднациональная организация будет свободна от ненависти и предвзятости, животных чувств, которые в течение многих веков противопоставляли людей друг другу? Не будет ли это организация, как и все остальные, созданные человеком, наследием тех же пороков, того же преобладания интересов над разумом, эмоций над логикой? Был один ответ. Мы уже давно пользовались компьютерами, великолепными конструкциями, созданными трудом и талантом сотен опытнейших инженеров, построивших по точным стандартам машины, свободные от чувств. Они могли объективно сформировать точные цели, которые для человека могли остаться только идеалом. Если нации пожелали бы отказаться от суверенитета, подчинить свою мощь объективным, беспристрастным директивам...

И снова прозвенел тонкий детский голос, прерывая доверительное повествование Дилла.

— Мистер Дилл, вы действительно верите, что машина лучше человека? Что человек не может сам управлять своим миром?

Впервые щеки Директора покрылись краской. Он заколебался, слабо улыбаясь и жестикулируя в поиске нужных слов.

— Хорошо... — пробормотал он.

— Я не знаю, что и сказать, — задохнулась в гневе миссис Паркер. — Извините, пожалуйста. Поверьте мне, я не знала...

Директор Дилл понимающе кивнул ей.

— Конечно, — сказал он, — это не ваша вина. Они не являются расой, которую вы можете лепить, как пластилин.

— Простите? — переспросила она, не понимая иностранных слов. У нее было смутное представление о том, что это значило.

— У вас всегда будут проблемы с учениками, — сказал Дилл.

Он повернулся к классу и произнес уже громко:

— Я собираюсь сыграть с вами в одну игру. — На детских лицах заиграли улыбки. — Итак, я не хочу, чтобы вы произносили слова. Я хочу, чтобы вы закрыли руками свои рты и действовали таким образом, как наши полицейские патрули, когда они в засаде караулят врага.

Маленькие ладошки взлетели, глаза сияли энтузиазмом.

— Наша полиция так спокойна, — продолжал Дилл. — Они всматриваются во все вокруг себя, стараются выяснить, где находится враг. Конечно, они не дадут ему знать, что готовы напасть.

Класс радостно захихикал.

— Теперь, — продолжал Дилл, сложив руки, — мы смотрим вокруг.

Дети послушно огляделись.

— Где находится враг? Раз, два, три...

Внезапно Дилл выбросил руки вверх и громко произнес:

— И мы указываем на врага. Мы указываем...

И двадцать рук указало. На задней парте тихо сидела, не шевелясь, рыженькая девочка.

— Как тебя зовут? — спросил Дилл, лениво продвигаясь по проходу и останавливаясь у ее парты.

Девочка молча смотрела на Управляющего Дилла.

— Ты не собираешься отвечать на м о й вопрос? — улыбнулся Дилл.

Девочка спокойно положила руки на парту.

— Марион Филдс, — четко вымолвила она. — Вы не ответили на мой вопрос.

Управляющий Дилл и миссис Паркер вместе спускались по коридору школы.

— У меня с самого начала с ней были неприятности, — рассказывала миссис Паркер. — Фактически, я протестовала против ее зачисления в мой класс.

Она быстро добавила.

— Вы найдете мой письменный рапорт в картотеке. Я следовала правилам. Я знала, что подобное должно было случиться. Я это предвидела!

— Обещаю вам, — сказал Управляющий Дилл, — вам нечего бояться. Вам ничто не угрожает. Это мое слово.

Взглянув на учительницу, он добавил:

— Конечно, если здесь не замешано что-то более сложное.

Он остановился в дверях кабинета директора.

— Вы никогда не встречали ее отца?

— Нет, — ответила миссис Паркер. — Она под опекой правительства, ее отец был арестован и помещен в Атланту...

— Знаю, — прервал ее Дилл. — Ей девять лет, не так ли? Пытается ли она обсуждать текущие события с другими детьми? Я полагаю, у вас установлено следящее оборудование, работающее круглосуточно — в кафетерии, и особенно на игровой площадке?

— У нас есть комплекты записей всех бесед учеников, — гордо заявила миссис Паркер. — Мы записываем все их разговоры. Конечно, мы так заняты и перегружены работой, а бюджет так мал, что у нас остается мало времени для их воспроизведения, но все мы, учителя, пытаемся найти хотя бы час в день, чтобы прослушать...

— Понимаю, пробормотал Дилл. — Я знаю, как вы все перегружены. Для ребенка ее возраста было бы нормально рассказывать что-то об ее отце. Мне было просто любопытно. Ясно...

Он умолк. Потом мрачновато продолжил:

— Я верю, вы подпишете рапорт, позволяющий мне подвергнуть ее заключению. Действуйте сразу же. Кого вы можете послать в спальню, чтобы забрать вещи? — Он взглянул на часы. — Времени у нас мало.

— У нее только стандартный чемоданчик, — пояснила миссис Паркер. — Класс Б, для девятилетних. Забрать его не составит труда. Вы можете забрать ее прямо сейчас — я подпишу формуляр.

Она открыла дверь кабинета директора и махнула секретарше.

— И у вас нет никаких возражений, если я заберу ее отсюда? — спросил Дилл.

— Конечно нет, — ответила миссис Паркер. — Почему вы спрашиваете об этом?

Глухим, твердым голосом Дилл произнес:

— Это положит конец ее учебе.

— Я не вижу в этом никаких затруднений.

Дилл взглянул на нее и она содрогнулась. Его жесткий взгляд заставил ее снова сжаться.

— Я полагаю, сказал он, что учеба для нее закончилась провалом. Так что это не имеет значения.

— Верно, — быстро согласилась она. — Мы не можем помогать злоумышленникам, подобным ей. Как вы указали в своем обращении к классу.

— Отведите ее к моему автомобилю, — сказал Дилл. — Я полагаю, что пока она должна быть под присмотром. Было бы позорно, если бы она избрала этот момент, чтобы улизнуть.

— Мы закрыли ее в одной из умывальных комнат, — сказала миссис Паркер.

Он опять взглянул на нее, но не сказал ни слова. Пока она дрожащими руками заполняла надлежащую форму, он взглянул из окна на игровую площадку. Сейчас была перемена, и до него доносились слабые, приглушенные голоса детей.

— Что это за игра? — спросил Дилл. — Там. где они метят мелом, — показал он.

— Я не знаю, — ответила миссис Паркер, взглянув через его плечо.

При этих словах Дилл, казалось, был ошеломлен.

— Вы хотите сказать, что они играют не организованно?

Игры по их собственному усмотрению?

— Нет, возразила она, — я хотела сказать, что я не отвечаю за игры детей. Ими руководит миссис Смолетт. Вы ее видите внизу?

Когда документ о задержании и переводе девочки из школы в тюрьму был оформлен, Дилл взял его и оставил школу. Миссис Паркер через окно видела, как Дилл и его свита пересекали игровую площадку. Она наблюдала и заметила, как он махнул детям несколько раз и остановился, чтобы поговорить с ними. Невероятно, подумала она. Он находит время для общения с обычными людьми, такими как мы.

У автомобиля Дилла она увидела Марион Филдс. Маленькая фигурка, одетая в пальто, яркие рыжие волосы, блестящие на солнце... Затем чиновник из свиты посадил девочку в автомобиль. Дилл также сел и дверцы захлопнулись. Автомобиль рванул с места. На игровой площадке, окруженной колючей проволокой, стояла группа детей и дружно махала ему ручками вслед.

Все еще дрожа, миссис Паркер возвращалась по коридору в класс. "Останусь ли я на работе? — с отчаянием думала она. — Меня будут допрашивать или я могу поверить ему? Ведь он дал мне свое заверение. Я знаю, что мой послужной список чист. Я никогда не совершала подрывных действий. Я просила удалить эту девочку из моего класса и я никогда не обсуждала текущие события во время уроков. Я никогда не допускала оплошностей. Но, предположим..."

Краем глаза она заметила какое-то движение, и застыла на месте. Молниеносное движение. Теперь нет. Что это было? Глубокий, интуитивный ужас охватил ее. Что-то находилось возле нее, рядом, незамеченное. И сейчас оно быстро исчезло — она заметила только чей-то неотчетливый взгляд.

За ней следят! Какой-то механизм подслушивает ее. За ней наблюдают. Не только за детьми, подумала она со страхом. Но и за ними тоже, а я никогда не знала этого наверняка. Я только догадывалась. Читали ли они мои мысли? Нет, вряд ли. И я никогда не говорила громко. Она осмотрела коридор, пытаясь увидеть, что это было. Кому они сообщают об этом? В полицию? Приедут ли они за мной и заберут ли в Атланту или куда-то еще? Полная страха, она нащупала ручку двери и вошла в свой класс.

ГЛАВА III

Здание Контроля "Единства" фактически полностью занимало деловой район Женевы, и представляло собой огромный, впечатляющий квадрат из белого бетона и стали. Бесконечные ряды окон блестели в лучах заходящего солнца, лужайки и кусты окружали его со всех сторон.

Одетые в серое женщины и мужчины быстрым шагом поднимались по широким мраморным ступеням и вливались в двери. Автомобиль Дилла остановился у охраняемого входа для высших чинов. Он быстро вышел из него и придержал дверцу открытой.

— Выходи, — коротко бросил Дилл.

Какое-то мгновение Марион Филдс оставалась в автомобиле, не желая покидать его. Обитые кожей сиденья создавали чувство безопасности, она продолжала сидеть, смотря на человека, ожидавшего ее на тротуаре, не в силах перебороть страх. Мужчина улыбнулся ей, но она не доверяла этой улыбке. Слишком много раз она видела ее на экране телевизора. Это была часть того мира, которому ее учили не доверять.

— Зачем? — спросила она. — Что вы собираетесь делать? — Снова спросила она, медленно выскальзывая из кабины на тротуар.

Она не знала, где находится. Быстрота путешествия не дала возможности сориентироваться.

— Я сожалею, что ты оставила свои владения, — сказал Дилл. Он крепко взял ее за руку и повел к двери огромного здания.

— Мы заменили их, — сказал он. — И ты приятно проведешь время с нами. Я обещаю тебе, слово чести.

Он взглянул на нее, чтобы увидеть, как она восприняла его слова. Длинный, полупустой холл простирался перед ними, освещаемый неяркими лампами. Далекие фигуры, крошечные человеческие силуэты скользили из одного офиса в другой. Девочке это показалось той же школой, только огромных размеров. Она предполагала увидеть это, но все оказалось гораздо больших масштабов.

— Я хочу домой, — сказала она.

— Сюда, — приободрил ее Дилл, указывая дорогу. — Ты не будешь одинока, так как здесь много людей, у которых есть свои дети, девочка. И они будут рады привести своих детей сюда, чтобы ты смогла поиграть с ними. Это будет прекрасно.

— Вы м о ж е т е приказать им.

— Приказывать им что? — спросил Дилл, поворачивая в боковой коридор.

— Привести своих детей. И они приведут. Потому что вы — босс.

Она взглянула на него, и ей показалось, что невозмутимость на мгновение покинула его. Но он тут же снова улыбнулся.

— Почему вы всегда улыбаетесь? — спросила она. — Неужели все настолько хорошо? Или вы не можете признать, что все плохо? По телевидению вы всегда утверждаете, что все прекрасно. Почему бы вам не сказать правду?

Она задала эти вопросы из простого любопытства. Конечно, он знал, что никогда не говорит правду.

— Я считаю, что о тебе составилось неверное мнение, — сказал Дилл, — я не думаю, что ты такая смутьянша, какой притворяешься. — Он открыл дверь в офис. — Я полагаю, что тебя слишком часто огорчали. Тебе следует больше походить на других ребят, играть на свежем воздухе. Не задумываться слишком часто. Ты это делаешь, не так ли? Ты уходишь куда-нибудь и думаешь?

Она кивнула, соглашаясь. Это была правда.

Дилл похлопал ее по плечу.

— Мы с тобой найдем общий язык и у нас будут хорошие времена. Знаешь, у меня двое детей — правда они постарше, чем ты.

— Знаю, — ответила она. — Один мальчик, и он в молодежном полицейском отряде, а Джоан находится в армейской школе для девочек в Бостоне. Я узнала об этом из журнала, который нам дают читать в школе.

— О, да, — пробормотал Дилл. — "Мир сегодня". Тебе нравится его читать?

— Нет, — ответила она. — Он даже более лжив, чем вы.

Дилл промолчал; он погрузился в изучение бумаг на столе, не пригласив ее сесть.

Затем он произнес озабоченным голосом:

— Я огорчен, что тебе не нравится наш журнал. Кстати, а кто тебе сказал все это об "Единстве"? Кто научил тебя?

— Никто меня не учил.

— И даже твой отец?

— А вы знаете, что вы ниже ростом, — вопросом на вопрос ответила она, — чем тогда, когда вас показывают по телевидению? Они это специально делают?

Стараются сделать вас покрупнее, чтобы произвести впечатление на народ?

Дилл не ответил. Он включил какой-то аппарат, она увидела вспыхнувшие огоньки.

— Это запись, — сказала Марион.

— Тебя не посещал отец со времени своего побега из Атланты?

— Нет, — ответила девочка.

— А знаешь ли ты, что такое Атланта?

— Нет, — ответила она. Но она знала. Он изучал ее, пытаясь увидеть, не лжет ли она. Но девочка выдержала его взгляд.

— Это тюрьма, — наконец призналась она. — Куда посылают людей, которые говорят то, что думают.

— Нет, — возразил Дилл. — Это больница. Для людей с умственными расстройствами. Это место, где они выздоравливают.

Низким, непреклонным голосом она произнесла.

— Вы лжец.

— Там проводится психологическая терапия. Твой отец был болен. Он представлял себе все вещи в искаженном свете. Очевидно, давление, оказываемое на него, было трудно переносить и, подобно многим абсолютно нормальным людям, он сломался под этим давлением.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет, — признался Дилл. — Но у меня есть его записи.

Он показал ей на кипу документов, лежащих перед ним.

— Его лечили там? — спросила Марион.

— Да, ответил Дилл. Но затем он нахмурился. — Нет, прошу прощения. Он был слишком болен, чтобы принимать курс лечения. И как я полагаю, он сумел притворяться больным все два месяца, что пробыл там.

— Он не лечился, — констатировала она. — Он все еще нездоров, не так ли?

— Исцелители... — продолжал Дилл. — Каковы отношения у вашего отца с ними?

— Не знаю.

Дилл откинулся на стуле, заложив руки за голову.

— Не слишком ли глупо то, что ты сказала? "Свергнувшие Бога"... Ведь кто-то же сказал тебе, что прежде

было лучше, до "Единства", когда войны начинались через каждые двадцать лет. — Он размышлял вслух. — Хотел бы я знать, откуда Исцелители взяли свое название? Ты знаешь?

— Нет.

— Может быть, твой отец говорил тебе?

— Нет.

— Тогда я расскажу тебе. На время я заменю тебе отца. "Исцелитель" — это человек без официального медицинского диплома, который утверждает, что он может исцелить больного даже в том случае, если квалифицированные врачи не в состоянии его вылечить. Как правило, это или шарлатаны, слегка свихнувшиеся, или циничные обманщики, которые хотят сорвать легкие деньги, совсем не утруждая себя настоящим лечением. Так уже не раз бывало при попытках вылечить рак — хотя ты слишком мала, чтобы помнить об этом. — Наклонившись вперед, он сказал, — но ты могла слышать о шарлатанах, обещавших вылечить лейкемию. Возможно, ты видела какого-нибудь мужчину, разъезжающего в старом автомобиле, размалеванном надписями, который продает лекарства, гарантирующие излечение от страшных радиационных ожогов?

Она попыталась вспомнить.

— Не помню. Я видела по телевизору людей, дающих рецепты, которые должны излечить все болезни общества.

— Ребенок не может рассуждать так, как ты. Тебя учили так отвечать. — Он повысил голос. — Не так ли?

— Почему вы так расстроены? — удивилась она. — Я же не сказала, что это были люди "Единства".

— Но именно это ты имела ввиду, — сказал покрасневший Дилл. — Ты подразумевала наши информационные дискуссии, наши программы по общественным отношениям.

— Вы так подозрительны, — ответила девочка. — Во всем видите то, чего нет.

Так говорил ее отец, она это запомнила. Он говорил: они параноики. Подозревают даже друг друга.

— Исцелители, — продолжал настаивать Дилл, — пользуются суевериями масс. Ты видишь, массы невежественны. Они верят в безумные вещи: магию, богов и чудеса, исцеление прикосновением. Этот циничный культ играет

на базисных эмоциональных истериях, знакомых всем нашим социологам, манипулирует массами, словно баранами и стремится к захвату власти.

— У вас есть власть, — ответила она. — Вся власть. Мой отец говорит, что у вас монополия на власть.

— У масс есть потребность в религиозной определенности, утешающем бальзаме веры. Ты понимаешь, о чем я говорю, не так ли? Ты производишь впечатление умного ребенка.

Она слегка кивнула в ответ.

— Они не живут рассудочно. Они не в состоянии, у них нет мужества и дисциплины. Они требуют метафизических абсолютов, начавших исчезать с тысяча семисотого года. Но война способствует их новому появлению — целой куче мошенников.

— Вы верите в это? — спросила она. — Что все они обманщики?

— Мне известно, что человек, который говорит, будто он знает Истину — обманщик, — объяснил Дилл. — Это человек, который торгует змеиным ядом, как твой отец... Он раздувает пламя ненависти и воспламеняет толпу, которая убивает.

Она промолчала.

Язон Дилл протянул ей листок бумаги.

— Прочитай. Это о человеке по имени Питт. Не очень известном, но именно благодаря твоему отцу его жестоко убили. Ты когда-нибудь слышала о нем?

— Нет.

— Прочитай это.

Она взяла записку и медленно прочитала ее.

— Толпа, — говорил Дилл, — руководимая твоим отцом, вытащила его из машины и разорвала на куски. Что ты об этом думаешь?

Марион молча вернула ему листок. Наклонившись вперед, Дилл закричал:

— Почему? Что они хотят? Они хотят вернуть прежние времена? Войну, ненависть и насилие? Эти сумасшедшие тянут нас назад в хаос и мрак прошлого! А кто выиграет? Никто, за исключением этих демагогов, получающих власть. Это стоит того? Стоит ли это уничтожения половины человечества, разрушенных городов...

Она прервала его.

— Это не так. Мой отец никогда не говорил, что он хочет сделать что-либо, подобное этому.

Она почувствовала, как напряглась от злости.

— Опять вы лжете, как и всегда.

— Тогда что ему нужно? Скажи мне.

— Они хотят "Вулкан-3".

— Не понимаю, о чем ты?

Он презрительно сощурился.

— Они впустую тратят свое время. Он сам ремонтирует и поддерживает себя, мы просто снабжаем его данными и запасными частями, удовлетворяя его нужды. Никто точно не знает, где он находится. И Питт не знал.

— Вы знаете.

— Да, я знаю. — Он с такой яростью смотрел на нее, что она не смогла выдержать этот взгляд. — Худшей вещью в мире, — сказал он наконец, — с тех пор, как ты живешь, является побег твоего отца из лаборатории в Атланте. Безумец, психопат, сумасшедший.

Его голос перешел в невнятное бормотание.

— Если вы повстречаетесь с ним, — произнесла она, — он вам понравится.

Дилл уставился на нее. И вдруг он засмеялся. После непродолжительного припадка смешливости, он заявил:

— В любом случае, ты останешься здесь, в офисе "Единства". Иногда я буду с тобой разговаривать. Если мы не получим никаких результатов, то отошлем тебя в Атланту. Но мне бы этого не хотелось.

Он нажал кнопку на столе и в дверях появились двое вооруженных охранников "Единства".

— Поместите эту девочку на третьем подземном уровне с удобствами, — приказал Дилл. А затем тихо дополнил свой приказ инструкциями, которые Марион не расслышала.

"Готова держать пари, — подумала она, — он солгал, когда говорил, что здесь есть другие дети, с которыми я смогла бы играть". В этом огромном, строго охраняемом здании она еще не видела ни одного ребенка.

Слезы подкатились к ее глазам, но усилием воли она сдержалась. Притворилась, что увлеклась большим словарем в углу кабинета Управляющего Дилла. Марион ожидала, когда охранники прикажут ей двигаться.

Спустя какое-то время размышления Язона Дилла прервал голос из крохотного репродуктора.

— Она в отведенном ей месте, сэр. Что еще?

— Все.

Поднявшись, он собрал документы, положил их в портфель и покинул офис.

Через некоторое время он уже спускался к огороженной площадке, мимо готовых к отражению воздушного налета зениток, к своему персональному ангару. Вскоре он уже летел в вечернем небе к подземной крепости, в которой был заключен огромный компьютер "Вулкан-3", заботливо упрятанный подальше от человеческой расы.

Странная девчушка, думал он. Сколько она унаследовала от своего отца? Правая рука отца Филдса, размышлял Дилл. Он видел этого человека через нее, пытался воздействовать на него посредством ребенка.

Он приземлился и подвергся тщательному досмотру в наземном КПП, неторопливо переминаясь с ноги на ногу.

Пройдя через хитроумную сеть заградительных устройств, Дилл быстро начал спускаться вглубь. На втором этаже он вышел из лифта и через несколько секунд стоял перед опечатанной стеной, нервно ожидая, пока охрана пропустит его.

— Все в порядке, мистер Дилл.

Стена отодвинулась в сторону. Дилл устремился в длинный, пустынный коридор. Воздух был удушлив, лампочки мрачно мигали. Он повернул направо и остановился, вглядываясь в полумрак. Перед ним находился "Вулкан-2", пыльный и молчаливый. Фактически забытый. Кроме Дилла, никто не опускался сюда, и даже он бывал здесь не очень часто. Присев за один из столов, Управляющий достал из кейса бумаги и внимательно начал готовить свои вопросы.

Для этого архаичного компьютера он должен был сам вводить данные, печатая на клавишах, как на машинке. Закончив вводить вопросы, он включил аппарат на обработку. Послышался громкий, шипящий звук, как будто машина начала оживать.

Давно, во время войны, "Вулкан-2" ежедневно осматривался техником-смотрителем. Он хорошо послу-

жил "Единству" в свое время. До сих пор школьники изучают по своим учебникам историю, куда "Вулкан-2" навеки вошел, как аппарат, оказавший огромные услуги. Засветились огоньки, бумажная полоска зазмеилась из выходного отверстия и упала в корзину. Он взял ее и прочел: "ТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ. ОТВЕТ БУДЕТ ЧЕРЕЗ 24 ЧАСА".

Компьютер не мог функционировать быстро. Он знал об этом, и не удивился. Закрыв кейс, он быстро вышел из зала в туманный коридор. Как здесь одиноко, подумал он. Никого, кроме меня. И все же у него появилось острое ощущение, что он не одинок. Кто-то находился рядом с ним, изучая его. Дилл быстро осмотрелся. Туманный, желтый свет не давал возможности что-либо увидеть. Он остановился, затаив дыхание и прислушиваясь. Было тихо, за исключением далекого жужжания компьютера, обрабатывающего его вопросы. Подняв голову, Дилл всматривался в очертания теней на потолке. Нити паутины свешивались с консолей. Одна лампа перегорела и в этом месте была абсолютная темнота. Вдруг там что-то мелькнуло. "Глаза", — подумал он, чувствуя страх. Сухой, скрежещущий звук. Он все еще видел мерцание, отступающее вглубь коридора. Через мгновение глаза исчезли. Летучая мышь? Какая-то птица, попавшая сюда, залетев в лифт? Язон Дилл вздрогнул, поколебался и продолжал путь.

ГЛАВА IV

Из архивов "Единства" Уильям Баррис получил адрес мистера и миссис Питт. Его не удивило открытие, что Питты — теперь только миссис Питт, — владели домом у дороги в фешенебельном регионе Сахары в Северной Африке. Во время войны взрывы водородных бомб и радиоактивные осадки пощадили ее и приобретение здешней недвижимости было мечтой для многих людей, даже тех, кто работал в системе "Единства". Все время перелета на своем самолете через Атлантику, Баррис был погружен в мысли. Он хотел бы позволить себе жить здесь. Это должно было стоить человеку всего, что он имел. Он должен был залезть в долги. Хотел бы я знать, зачем. Стоит ли это

таких усилий? Не для меня, подумал Баррис. Возможно, для его жены...

Приземлившись на сказочно освещенной посадочной полосе Проуст Филдс, он тотчас же сел в платное такси с роботом вместо водителя и, свернув с двадцатиполосной автострады, направился к миссис Питт.

Женщина уже была предупреждена. Он знал об этом. Это хорошо, что не он первый принесет ей известие о смерти мужа. Апельсиновые деревья, трава, искрящиеся голубые фонтаны по обеим сторонам дороги веяли прохладой, и он расслабился. Кроме того, здесь не было огромных зданий. Этот район, возможно, оставался последним в мире, где стояли одноэтажные жилища. Лимит роскоши, подумал он. Автострада разветвлялась, следуя указателю, робот свернул направо. Впереди он увидел ворота, преграждавшие дорогу. Удивленный, Баррис остановил такси.

Он увидел, что несколько мужчин в униформе с орнаментом, напоминавшем древние одеяния Латиноамериканских диктаторов, стояли у остановившихся автомобилей, проверяя их владельцев. Он заметил также, что несколько автомобилей повернули обратно. Когда охранник подошел к нему, Баррис отрывисто бросил:

— По делу "Единства".

Охранник пожал плечами:

— Вас ожидают? — спросил он скучающим тоном.

— Послушайте, — начал Баррис, но мужчина уже приказал ему повернуть обратно. Подавленный, Баррис произнес: — Я хотел бы видеть миссис Питт. Ее муж погиб при исполнении служебного долга и я приехал выразить официальное сожаление. — Это было неправдой, но не так далеко от истины.

— Я спрошу ее, желает ли она видеть вас, — произнес охранник, увешанный медалями и знаками отличия.

Он записал данные Барриса. Казалось, тот факт, что перед ним был директор, не произвели на него никакого впечатления. Удалившись, он провел какое-то время у портативного видеоэкрана и вернулся с более благосклонным выражением лица.

— Миссис Питт желает видеть вас.

Ворота распахнулись, и несколько обескураженный случившимся, Баррис продолжил путь. Его окружили те-

перь современные, маленькие, ярко окрашенные коттеджи, аккуратные и опрятные. Ни один не был похож на другой. Он выключил автоматическое управление и сел за руль. Такси послушно следовало его указаниям и он быстро нашел нужный дом.

Когда машина остановилась, он увидел, что к нему спускается стройная женщина с темными волосами. Широкополая мексиканская шляпа защищала ее голову от полуденного африканского солнца. Из-под шляпы были видны завитки. Это был ближневосточный стиль, популярный сейчас. На ней были сандалии. Платье с рюшами, бантами и нижними юбками развевалось на ветру.

— Ужасно огорчена, что вы избрали этот путь, директор, — произнесла она низким ровным голосом, когда он открывал дверцу.

— Вы, надеюсь, понимаете, что эти охранники в униформе — роботы.

— Нет, я не знал. Но это неважно.

Глядя на нее, он решил, что перед ним стоит одна из самых хорошеньких женщин, с которыми он когда-либо встречался.

Глаза ее были печальны вследствие известия о смерти мужа, но она казалась спокойной, провожая его к дому.

— Я верила, что увижу вас когда-нибудь еще, — произнесла она. — На собрании персонала "Единства", где мы были с Артуром, я вас уже видела. Вы, конечно, были в президиуме. С мистером Диллом.

Гостиная дома была обставлена так, как сказал Таубман — дубовой мебелью эпохи ранней Англии.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила миссис Питт.

С облегчением усаживаясь на выглядевший хрупким стул с прямой спинкой, он подумал, что эта женщина, вышедшая замуж за чиновника "Единства", сделала блестящую карьеру.

— У вас очень красивая мебель, — заметил он.

— Благодарю вас, — ответила миссис Питт, садясь напротив него на кушетку. — Прошу вас, извините меня, если я чуть замедленно отвечаю. Получив это известие, я приняла большую дозу успокоительного. Вы поймете...

Голос ее прервался.

— Миссис Питт, — начал Баррис.

— Меня зовут Рашель, — мягко уточнила она.

— Хорошо, — ответил он и замолчал. Сейчас, когда он был здесь и смотрел на эту женщину, он не знал, что говорить, и он даже не был уверен что знает, зачем приехал сюда.

— Я знаю, что вы думаете, прервала молчание Рашель Питт. — Я оказала давление на своего мужа, чтобы он перешел на более активную работу, чтобы у нас был более комфортабельный дом.

Баррис молчал.

— Артур подчинялся начальнику Таубману, — продолжала Рашель Питт. — Я сталкивалась с Таубманом несколько раз, он дал мне понять, какие чувства питает ко мне. Это не особенно беспокоило меня в то время, но после смерти Артура... — Она сделала паузу. — Все это, конечно, неправда. Это была идея Артура. Я была бы рада оставить все здесь. Мне не хотелось быть заключенной в этом районе, вдали от остального мира.

Наступило короткое молчание. Она наклонилась к кофейному столику и взяла пачку сигарет. Прикурив, Рашель продолжила:

— Я родилась в Лондоне. И всю свою жизнь прожила в Лондоне и Нью-Йорке. Моя семья не была богатой — отец был портным. Семья Артура оставила ему довольно много денег. Полагаю, это мать привила ему вкус украшать интерьер. — Рашель взглянула на Барриса. — Извините, я вижу, вам это не интересно. Мне говорили, что я не могу логично излагать свои мысли.

— Вы здесь одна? — спросил он. — С кем-то вы знакомы? В этом районе?

— Я не хочу ни от кого зависеть. В основном, здесь живут честолюбивые молодые жены. Их мужья работают на "Единство", хотя об этом можно было и не говорить. Иначе, как бы они могли поселиться здесь?

Он поразился ее горькому тону.

— Что вы думаете делать? — спросил Баррис.

Рашель Питт ответила просто:

— Может быть, присоединюсь к Исцелителям.

Он не знал, что ответить. Поэтому промолчал. Она своеобразная женщина. "Причиной этому горе, неприятности, в которые она оказалась вовлечена, или она всегда такой была?" — подумал он.

Ему нечего было добавить.

— Что вы знаете об обстоятельствах гибели Артура? — спросила она.

— Я знаю обстоятельства этих событий в общих чертах, — осторожно ответил Баррис.

— Вы верите, что он был убит... — На ее лице появилась гримаса, — толпой? Кучкой неорганизованных людей? Фермерами и лавочниками, подстрекаемыми каким-то стариком в халате?

Она неожиданно встала и швырнула сигарету в стену. Сигарета подкатилась к нему и он инстинктивно нагнулся, чтобы ее подобрать.

— Это обычное объяснение, которое они выдвигают, — сказала Рашель. — Я знаю лучше. Моего мужа убил кто-то из "Единства" — кто-то, кто завидовал ему, всему, что он достиг. У него было много врагов. Любого человека в организации, который проявляет свои способности и чего-то добивается, начинают ненавидеть.

Она чуть успокоилась, шагая из угла в угол со скрещенными руками, но лицо ее было напряжено.

— Вы не ожидали увидеть меня такой? Вы, вероятно, представляли себе слабую женщину, тихо плачущую в уголке? Я разочаровала вас?

Ее голос звенел от ярости.

— Факты, которые были мне представлены... — начал было Баррис.

— Не дурачьте меня, — решительно произнесла Рашель. Затем плечи ее задрожали, и она прижала ладони к щекам. — Придумала ли я все это? Он часто рассказывал мне о людях в организации, замышлявших против него интриги, пытавшихся избавиться от него, выдумывавших всевозможные небылицы. "Это неотъемлемая черта "Единства", — всегда говорил он. Единственный способ восхождения по служебной лестнице — это столкнуть другого.

Она в ярости уставилась на Барриса.

— Кого убили вы, чтобы получить свой пост? Сколько погибло людей, чтобы вы смогли стать начальником? Артур тоже стремился занять этот пост — это была его мечта.

— Есть ли у вас какие-либо доказательства? — спросил он. — Такие, которые говорили бы о том, что в этом деле замешан кто-то из организации?

Он не мог допустить и малейшей мысли, что кто-то из "Единства" был замешан в убийстве Артура Питта. Наиболее вероятно, что способность этой женщины трезво оценивать реальность, временно была парализована недавней трагедией... И все-же, подобные вещи случались, или в них, по меньшей мере, верили.

— В служебный автомобиль моего мужа, — упрямо говорила Рашель, — был вмонтирован небольшой замаскированный сканер, установленный на панели. Он был указан в донесении, которое я видела. Когда Таубман говорил со мной по видеофону, знаете, что я делала? Я не слушала его, я читала бумаги, лежавшие у него на столе.

Голос ее задрожал.

— Один из тех людей, которые вломились в машину Артура, знал об этом сканере — он его вырвал. О нем в организации было известно не многим. Даже Артур не знал об его существовании.

Глаза ее блеснули.

— Это было известно лишь на уровне высшего руководящего состава.

— Почему? — неуверенно спросил Баррис.

— Из боязни, что мой муж возвысится и будет представлять угрозу. Угрожать чьей-то карьере. Возможно, он занял бы кресло директора. Я имею в виду Таубмана. — Она слабо улыбнулась. — Вы знаете, что я именно его имею в виду. Так что же вы собираетесь делать? Арестовать его за измену и послать в Атланту?

— Я... Я предпочел бы поразмыслить над этим, — ответил Баррис.

— Предположим, что вы не сообщите обо мне. Я могла сделать это, чтобы поймать вас в западню, проверить вашу лойяльность системе. Вы обязаны сообщить — это мог быть трюк! — Она резко рассмеялась. — Это обеспокоило вас? Сейчас вы думаете, что напрасно приехали сюда для выражения соболезнования. Видите, во что вы влипли, руководствуясь гуманными побуждениями?

Глаза ее наполнились слезами.

— Уходите, — выдавила она прерывающимся голосом. — Какая может быть забота в организации о жене незначительного клерка?

— Я не жалею, что приехал, — произнес Баррис.

Подойдя к двери, Рашель открыла ее.

— Вы никогда уже не вернетесь сюда. Уходите, оставьте меня. Убирайтесь в свой безопасный офис!

— Полагаю, лучше бы вам покинуть этот дом, — посоветовал Баррис.

— И куда же перебраться?

На этот вопрос он не мог ей дать ответа.

— В организации солидная пенсионная система, — начал Баррис. — Вы будете получать почти столько же, сколько зарабатывал ваш муж. Если хотите, можете переехать обратно в Нью-Йорк или Лондон...

— Мои обвинения всерьез заинтересовали вас? — прервала его Рашель. — Не кажется ли вам, что я права? Что Таубман мог организовать убийство талантливого, честолюбивого подчиненного, чтобы сохранить свой пост? Странно, не так ли, что полицейские наряды всегда прибывают на минуту позже?

Потрясенный и обескураженный, Баррис произнес:

— Надеюсь снова встретиться с вами. Вскоре.

— До свидания, директор, — ответила Рашель Питт, стоя на ступеньках крыльца. — Благодарю вас за приезд.

Она стояла, пока машина не исчезла из виду.

Во время перелета через Атлантику в Северную Америку Уильям Баррис напряженно размышлял. Были ли у Исцелителей контакты с кем-то в организации "Единства"? Невозможно. Истерическая убежденность женщины совершенно ошеломила его, его поразили не ее обоснования, а ее эмоции. И, подумал он, уже до этой встречи он сам в глубине души начал подозревать Таубмана. Не могло ли произойти так, что побег отца Филдса из лаборатории в Атланте был организован? Что это было совершено не гениальным безумцем-одиночкой, склонным к мести, а было выполнено заурядным чиновником, которого проинструктировали таким образом, чтобы совершить успешный побег? Подобное объяснение дает понять также то, почему Филдс в течение двух долгих месяцев не подвергся психотерапии. И что теперь? — задал самому себе вопрос Баррис. Кому рассказать об этом? Стану ли я открыто вступать в конфронтацию с Таубманом? Обращусь ли к Язону Диллу?

И затем другая мысль пришла ему в голову. Если бы он когда-либо вздумал атаковать Таубмана, миссис Питт

была бы его союзником. Ему был нужен кто-то, кто мог бы помочь в контратаке.

В системе "Единства" ценным, как считал Баррис, было то, что кто-то должен был поддержать ваши обвинения — если не доказательствами, то, по меньшей мере, дополнительными утверждениями. Где дым, там и пламя. Кто-то должен проследить, есть ли связь между Таубманом и отцом Филдсом. Обычная процедура — послать неподписанное заявление Язону Диллу и дать ему основания для начала полицейской слежки за Таубманом, чтобы отыскать доказательства. Мои собственные люди могли бы сделать это, подумал Баррис. У меня хорошая полиция. Но если Таубман узнает... Это будет ужасно! — вдруг испугался он. Мне нужно выбраться из этого порочного круга подозрений и страха! Я не должен сам себя уничтожить. Нельзя допустить, чтобы зловещая истерия этой женщины проникла в мой рассудок. Сумасшествие передается от человека к человеку — не это ли формирует толпу? Не это ли и есть групповой разум, с которым, как предполагается, мы боремся?

Лучше бы мне было не встречаться с Рашель Питт, мрачно подумал он.

Но в глубине души он чувствовал, как его тянет к ней. Смутное, но тем не менее, страстное желание овладело им. Он не мог уже его контролировать. Да, она была очень привлекательной — с длинными, темными волосами, сверкающими глазами, стройным, гибким телом. Но психически она не уравновешена, решил он. Она будет ужасной помехой. Любые отношения с подобной женщиной могут только повредить. Совершенно нельзя предугадать, что она выкинет в следующую минуту. Ее связь с "Единством" оборвалась без предупреждения. Все ее планы, честолюбивые стремления оказались под ударом. Она должна найти другой выход, новую тактику выживания и существования.

Я совершил ошибку, приехав к ней, решил Баррис. Что может быть лучше, чем контакт с директором? Что может быть более полезным для нее?

Появившись в офисе он немедленно отдал распоряжение не соединять миссис Питт с ним напрямую. Любые ее послания должны идти по обычным каналам, что озна-

чало — с ней будут иметь дело официальные учреждения и чиновники.

— Что касается пенсии, — пояснил он своему секретарю. — То ее муж не был прикреплен к моему району, поэтому это не может быть основанием для обращения по этому вопросу в наш офис. Она должна послать его Таубману. Он был начальником ее мужа, но у нее появилась идея, что каким-то образом в этом могу помочь ей я.

Оставшись один в кабинете, он ощутил себя виноватым. Он солгал своему секретарю, представив миссис Питт в неверном свете, чтобы обезопасить себя.

Является ли это выходом? — подумал он. Верное ли это решение?

Марион Филдс тихонько сидела в своей новой резиденции, читая комикс. В нем рассказывалось о физике, предмете, которым она увлекалась. Но сейчас она перечитывала комикс уже по третьему разу и ей было немного скучно.

Когда она начала читать его в четвертый раз, дверь внезапно распахнулась. В ней появился бледный Язон Дилл.

— Что ты знаешь о "Вулкане-2"? — зарычал он. — Почему они разрушили "Вулкан-2"? Отвечай!

Моргнув, она спросила:

— Старый компьютер?

Лицо Дилла окаменело, затем он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

— Что произошло со старым компьютером? — С пристальным любопытством переспросила она. — Он взорвался? С чего вы взяли, что это сделал кто-то? Может быть, он просто взорвался. Ведь он же так стар!

Сколько она себя знала, она читала и слышала о "Вулкане-2". Он был исторической реликвией, как музей, которым стал Вашингтон, округ Колумбия. За исключением, того, что дети могли бродить там вверх и вниз по улицам и огромным молчаливым зданиям офисов, никого и никогда не допускали к "Вулкану-2".

— Я могу на него взглянуть? — требовательно спросила она, следуя за Язоном Диллом, который круто повернулся и бросился вон из комнаты. — Пожалуйста, разрешите мне взглянуть. Если он взорвался, значит, он уже

никому не нужен, не так ли? Так почему я не могу посмотреть на него?

— Ты можешь связаться со своим отцом? — спросил Дилл.

— Нет, — ответила она. — Вы же знаете.

— Как мне связаться с ним?

— Не знаю.

— Он очень важная персона в Движении Исцелителей, не так ли? — Дилл взглянул на нее. — Чего же они добились, уничтожив старый компьютер, годный лишь для выполнения несложных работ? Пытались ли они добраться до "Вулкана-3"? Они просто ошиблись?

Девочка не могла ничего ответить.

— В конце концов, мы схватим его и поместим в Атланту, — заявил Дилл. — И на этот раз он не избегнет психотерапии. Я тебе это обещаю, дитя. Даже если мне самому придется проследить за этим.

— Вы обезумели, — произнесла девочка, стараясь быть спокойной. — Ваш старый компьютер сломался, а вы пытаетесь кого-то обвинить в этом. О таких людях мой отец всегда говорил, что они начинают думать, будто весь мир настроен против них.

— Так оно и есть, — низким, отрывистым голосом бросил Дилл.

С этими словами он вышел, хлопнув дверью. Она стояла, прислушиваясь к звукам удаляющихся шагов, которые становились все слабее и слабее. У этого человека слишком много работы, подумала Марион Филдс. Ему нужен отпуск.

ГЛАВА V

Перед ним был "Вулкан-2" или, вернее, то, что осталось от него — груды скрученных обломков, разбитые панели, разбросанные трубки, реле и все остальное, что еще недавно было компьютером. Еще не остывшие руины.

Несколько техников мрачно копались в обломках. Им удалось найти лишь несколько неповрежденных частей. Один из них уже оставил это занятие и складывал свои инструменты.

Язон Дилл пнул носком бесформенную кучу пепла. Он все еще не мог поверить, что "Вулкан-2" превратился в эту груду обломков. Никакого предупреждения... Абсолютно никакого.

Он оставил "Вулкан-2" и вернулся к своим делам.

Он не видел в произошедшем никакого смысла. Если Исцелителям удалось обнаружить крепость и проникнуть в нее, если один из их агентов смог забраться так далеко, зачем было тратить время впустую на старый компьютер, когда "Вулкан-3" находился всего лишь шестью уровнями ниже?

Может быть, они допустили ошибку и вывели из строя устаревшую машину, полагая, что это "Вулкан-3"? В таком случае с точки зрения "Единства", это была счастливая ошибка.

Но, всматриваясь в обломки, Язон Дилл начал размышлять — это не походило на ошибку. Все было проделано чертовски четко — совершенно. Продуманно и точно.

Стоит ли информировать людей о случившемся? — спрашивал он себя. Я мог бы замять это дело, ведь техники, обслуживающие компьютер, полностью преданы мне. Я мог бы сохранять разрушение "Вулкана-2" в секрете многие годы.

Или, думал он, я мог бы сообщить, что разрушен "Вулкан-3". Я бы мог расставить ловушки, заставить их думать, что их затея удалась. В этом случае они, возможно, вышли бы из укрытий и обнаружили бы себя.

Тогда бы мы их наверняка поймали, возбужденно думал он. Ведь они в состоянии пробраться даже сюда! Они могут подорвать "Единство"!

Он ощутил ужас и вдобавок к нему свое полное одиночество. Этот старый компьютер был его товарищем уже многие годы. Когда у него возникали достаточно простые для машины вопросы, он всегда приходил сюда. Эти посещения были частью его жизни...

Бессознательно он двинулся прочь от этих обломков. Он понимал, что никогда больше не вернется сюда, что со скрипучей старой машиной покончено. Он никогда не будет пользоваться ее дисплеем и составлять для нее вопросы.

Он набросил пальто. Они были все еще здесь — ответы, которые дал ему "Вулкан-2", ответы, которыми он был

озадачен. Ему нужно было время на размышления. В последний раз он приходил сюда, чтобы сделать новый запрос и на свои вопросы получить исчерпывающие ответы, но ему помешал взрыв.

В глубокой задумчивости Язон Дилл вышел из помещения и направился по коридору обратно к лифту. Это плохой день для нас, сказал он самому себе. Мы еще долго будем помнить об этом.

Вернувшись в свой собственный кабинет, он уделил время изучению документов, которые ему доставили. Ларсон — начальник группы по сбору информации — показывал ему документы, по которым даны были отказы.

— Посмотрите на его молодое лицо... Ларсон аккуратно отложил увесистую стопку бумаг.

— Вот, может быть, было бы лучше, если бы вы отослали это лично.

— Почему я должен заниматься этим? — с раздражением заметил Язон Дилл. — Вы что, сами не можете справиться? Если вы загружены работой, наймите еще клерков, их всегда в избытке, и вы это знаете так же хорошо, как и я. Нам приходится содержать два миллиона чиновников только для оформления платежных ведомостей, а вы по-прежнему беспокоите меня!

Его гнев и раздражение, излившиеся на подчиненного, возникли непроизвольно. Он знал, что просто разряжается на Ларсоне, но чувствовал себя очень подавленным и встревоженным своим поведением. Ларсон, не меняя выражения, твердо произнес:

— Именно этот бланк прислал директор. Мне кажется...

— Тогда дайте мне, — сказал Дилл, принимая бланк.

Он был подписан Североамериканским директором Уильямом Баррисом. Язон Дилл встречал его несколько раз. В памяти у него сохранилось впечатление о нем, как о высоком человеке с крупным лбом, лет тридцати пяти. Трудолюбивый. Ранга директора он достиг нетрадиционным путем, то есть, не используя личных связей и нужных людей, а ежедневным, кропотливым трудом.

— Это интересно, — сказал Дилл Ларсону.

Он отложил бумагу в сторону.

— Мы должны увериться, что выдвинули именно того директора, который нам нужен. Конечно, вполне вероятно, что он провел огромную работу с общественным мнением в своем округе и нам нечего беспокоиться.

— Я понял, — сказал Ларсон. — Ему это стоило огромного труда. Его родители не имели никакого положения.

— Мы можем показать, — сказал Язон Дилл, — что обыкновенный человек без особых усилий может прийти в организацию и законно получить постоянную работу, такую, например, как клерк или техник. А со временем, если он проявит способности и энергию, может пройти весь путь до самого верха. Фактически, он может стать Управляющим.

Нет, подумал он про себя, это была бы слишком замечательная работа.

— Он не станет Управляющим, — уверенно произнес Ларсон.

— Дьявол, — устало сказал Дилл. — Он может уже сейчас занять мое место. Все зависит от того, куда он гнет. А я предполагаю, что именно это ему и надо.

Взяв бланк, он взглянул на него. Там были заданы два вопроса.

Первый: представляют ли Исцелители какую-либо опасность?

Второй: почему вы не реагируете на их существование?

Дилл задумался, держа бланк в руке. Один из довольно смышленых молодых людей быстро пробивается в лидеры "Единства". Баррис, Таубман, Рейнольдс, Гендерсон — все они продвигались уверенно и умело, никогда не упуская своих шансов. Дай им малейшую возможность, размышлял он с горечью, и они раздавят тебя и оставят позади.

— Человек человеку волк, — произнес он вслух.

— Сэр, — сразу же отозвался Ларсон.

Дилл положил бланк. Он открыл ящик письменного стола, извлек оттуда плоскую металлическую коробочку. Из нее он достал капсулу и положил на запястье. Капсула тут же растворилась и проникла под кожу. Он чувствовал, как она проникла в его тело, попала в кровь и без промедления начала действовать. Успокаивающее... Последнее из множества средств.

Оно работает на меня, продолжал размышлять он, и они все работают на меня. Все в одном направлении, в том числе их постоянное давление и беспокойство.

И снова Дилл поднял запрос директора Барриса.

— А много ли директоров задают подобные вопросы?

— Нет, сэр, но напряженность в вопросах увеличивается. Несколько директоров, как и Баррис, удивлены, почему "Вулкан-3" не принимает официального решения по вопросу Движения Исцелителей.

— Они все удивлены, — резко произнес Дилл.

— Я имею в виду формально, — сказал Ларсон, — из официальных источников.

— Дайте мне посмотреть на остальной материал.

Ларсон передал ему остальные бланки с вопросами директоров.

— Здесь же и дополнительная информация, имеющая отношение к этому вопросу.

Он передал огромный опечатанный контейнер.

— Мы аккуратно отбираем весь поступающий материал.

— Я бы хотел посмотреть досье Барриса, — сказал Билл немного погодя.

— Его официальное дело?

— И другое тоже, — добавил Дилл. У него в голове созрело решение, которое не всегда высказывают вслух. Дополнительные сведения.

— Бесценный пакет, — сказал он. Телефонные переговоры, темные пятна в биографии, факты лжи, анонимные доносы, скрытые или приписываемые безрассудства или лунатизм. И еще документы, которые хранились, но были списаны.

Мы не могли сохранить их, подумал Дилл. Нет, мы их сохранили. Именно сейчас мы собрались рассмотреть такую грязь, какую в обычное время и в руки не возьмешь.

Немедленно документы были положены перед ним на стол. Он вставил микрофильм в сканер и некоторое время изучал его. Перед ним сменилась вереница скучных фактов. Баррис родился в Кенте, штат Огайо, братьев и сестер у него не было, но отец жив и работает в банке в Чили. Сам Баррис работает на "Единство" в качестве научного историка. Раздраженно ерзая, Дилл перемотал пленку. В конце концов он достал микрофильм и переложил его в подборку.

Человек не был даже женат, размышлял он. Вел упорядоченную жизнь, заполненную работой и весьма достойную, судя по этим материалам. Если они охватывают всю его историю.

А теперь сплетни, подумал Дилл. Пропущенная часть, другая, теневая часть, изнанка.

К своему разочарованию он нашел пакет для компрометирующего материала на Уильям Барриса почти пустым.

Неужели он настолько невинен? Дилл был удивлен. Неужели он не нажил себе врагов? Глупости. Отсутствие обвинений еще не означает невиновность человека. Подняться до директора означает навлечь на себя враждебность и зависть. Баррис, вероятно, выделяет значительную часть своего бюджета на раздачу премий, чтобы создать атмосферу всеобщего довольства и покоя.

— Здесь ничего нет, — сказал он, когда вернулся Ларсон.

— Я заметил, что эта подборка очень легкая, — ответил Ларсон. — Сэр, я спускался в хранилище и просмотрел весь материал по негативным отзывам. Я полагал, что там может быть что-то, что еще не успело попасть в эту подборку. Как вы, возможно, знаете, они пришли несколько недель назад.

Увидев листы в руках Ларсона, Дилл почувствовал, как пульс его участился в предчувствии.

— Что это?

— Вот, — Ларсон положил листок, который был дороже документов на недвижимость с водяными знаками. — Когда я увидел это, то взял для анализа. А вы лучше знаете, как это оценить.

— Не подписано, — буркнул Дилл.

— Да, сэр. Наши эксперты сказали, что это было отправлено вчера вечером откуда-то из Африки. Возможно, из Каира.

Изучая письмо, Язон Дилл бормотал.

— Это что-то, чего Баррис не ожидал получить. Во всяком случае, не сейчас.

— Писала женщина, — оценил Ларсон. — Написано в старомодном стиле шариковой ручкой:

"Тому, кому это может быть интересно. Хочу обратить ваше внимание на то, что директору Уильяму Баррису

нельзя доверять, так как он получает деньги от Исцелителей уже на протяжении некоторого времени. Смерть, которая произошла недавно, связана с ним и он должен быть наказан за соучастие в ней, так как невинный и способный сотрудник "Единства" был зверски убит".

Сейчас пытаются разобраться в стиле почерка. То, что сейчас у вас в руках — это копия с оригинала. Специалисты еще работают над оригиналом в лаборатории. Но если вы...

— Что? — Дилл едва вымолвил это, чуть ли не шопотом. Письмо было интересным, но не уникальным. Он уже видел подобные обвинения, выдвинутые против других официальных лиц "Единства".

Он еще раз перечитал содержимое письма.

— Заметили, какое тревожное письмо? — спросил Ларсон. — Полагаю, это показатель того, что его автор находится в душевном смятении.

— Суеверие, — пояснил Дилл. — Интересно, не послано ли это по случаю убийства сотрудника Питта? Оно у нас было последним. Какую связь со всем этим имеет Баррис? Был ли он начальником Питта? Может быть, это он его послал с заданием?

— Я подготовлю все данные, сэр, — живо отозвался Ларсон.

После того, как Дилл перечитал это неподписанное письмо, он отбросил его в сторону и снова поднял бланк с вопросами директора Барриса. Своей ручкой он прочертил несколько линий внизу бланка.

— К концу недели вернуть это ему. Он не проставил свои опознавательные номера, будет правильнее, если я верну бланк ему.

Ларсон нахмурился.

— Это не задержит его надолго. Баррис тут же вернет бланк исправным.

— Это мои проблемы, — устало ответил Билл. — И дай мне позаботиться об этом самому. Занимайся своими собственными обязанностями и ты продвинешься в этой организации значительно дальше. Это урок, который тебе следовало бы усвоить давно.

— Извините, сэр, — покраснев, пробормотал Ларсон

— Я полагаю, нам пора начать серьезное изучение деятельности директора Барриса, — сказал Дилл. — Лучше направить материалы в один из полицейских секретариатов. Инструкции я продиктую.

Пока Ларсон искал секретаря, Дилл сидел, тупо уставившись в неподписанное письмо, которое обвиняло директора Барриса в получении денег от Исцелителей. Было бы очень интересно узнать, думал он, кто его написал. Возможно, мы узнаем это в ближайшие дни. В любом случае мы проведем расследование деятельности Уильяма Барриса.

* * *

После ужина миссис Агнесса Паркер сидела в школьном ресторанчике с двумя другими учителями, обмениваясь сплетнями и отдыхая после длительного насыщенного дня.

Нагнувшись так, чтобы никто из прохожих не мог слышать, мисс Кроули прошептала миссис Паркер.

— Неужели вы еще не закончили эту книгу? Насколько я знаю, она отняла у вас много времени. Я бы не разрешила вам читать ее первой. — Ее пухлое, румяное лицо тряслось от негодования. — Мы хотели бы получить ее назад.

— Да, — подтвердила миссис Дэвис, наклонившись к ним. — Жаль, что вы ее до сих пор не окончили. Вы ведь разрешите нам ознакомиться с ней?

Они договорились и, в конце концов, миссис Паркер неохотно поднялась и пошла между столиками к лестнице. Она долго поднималась, а затем долго шла по коридорам к крылу здания, в котором находилась ее комната. В комнате ей пришлось некоторое время повозиться, доставая книгу из тайника. Книга классика античной литературы называлась "Лолита" и уже давно была запрещена. Владельца такой книги, в случае его поимки, ожидал огромный штраф, а для учителя это могло означать и тюремное заключение. Тем не менее, большинство учителей читали и обменивались между собой такими вдохновенными книгами, и до сих пор ни один из них не был пойман.

Ворча, потому что она не успела закончить книгу, миссис Паркер поместила ее между страницами газеты "Мир сегодня" и вынесла из комнаты в коридор. Никого не было видно, и она пошла дальше к лестнице.

Когда она спускалась по лестнице, то вспомнила, что у нее осталась незаконченная срочная работа и ее необходимо до утра выполнить. Полянки — небольшие кварталы девочек — не были пусты, как этого требовали школьные законы. Новые ученики должны были приехать через день или два и разместиться в комнатах, поэтому кто-то авторитетный должен обследовать каждый дюйм, чтобы убедиться, что тут нет никакого подрывного или запрещенного предмета, который мог бы испортить вновь прибывших. Принимая во внимание ситуацию, сложившуюся у местных девочек, такие правила имели значение. Когда миссис Паркер сошла с лестницы и зашагала по коридору, то почувствовала как сильнее забилось ее сердце. Она могла попасть во множество пренеприятнейших ситуаций, если допустит какой-либо промах. Ведь могут решить, что она умышленно хочет сказать дурное влияние на новеньких.

Дверь в комнату Марион была закрыта. Как это могло случиться? — спросила себя миссис Паркер. Детям не давали ключей. Они не могли закрыть ни одну дверь. Это мог сделать только кто-то из персонала. Конечно, ключи у нее были, но она не имела времени спускаться сюда с тех пор, как Управляющий Дилл арестовал девочку.

Когда она нащупала свой универсальный ключ в кармане, то услышала какой-то звук по ту сторону двери. В комнате кто-то был.

— Кто там? — в испуге спросила она. Если там находился кто-то специально не уполномоченный, она попадет в неприятное положение.

Поддерживать порядок входило в ее обязанности. Вынув ключ, она быстро вздохнула и вставила его в замок. Может быть, это кто-то из "Единства" проверяет меня, подумала она. Хотят посмотреть, что я разрешаю ученицам. Дверь отворилась, и она включила свет.

Сперва она никого не заметила. Кровать, занавески, маленький столик, в углу... комод.

Что-то сидело на комоде. Что-то, что поблескивало, отсвечивая металлом, светилось и щелкало. Когда это нечто повернулось, она увидела две механические линзы. Затем нечто с бочкообразным телом размером с детскую лоханку выстрелило вверх и потянулось к ней.

Она подняла руки.

— Стоп! — скомандовала она себе. Своего голоса она не услышала. Все, что она слышала, это громкий свист, отдаленные взрывы, переходящие в визг.

Стоп! Она хотела крикнуть, но не смогла. Ей казалось, что она поднимается. Сейчас она совсем ничего не весит и летит. Комната плыла в темноте. Она почувствовала, что проваливается.

Ни движения, ни звука... Только одна вспышка света, которая замерцала, заколебалась и затем угасла.

О Боже, подумала она. Так у меня будет куча неприятностей. Но даже ее мысли, казалось, разлетелись, и она не могла никак собрать их. Что-то я сделала не так. Это будет мне стоить работы.

ГЛАВА VI

Жужжание вмонтированного в кровать аппарата разбудило Язона Дилла от глубокого, вызванного транквилизаторами, сна. Потягиваясь, он механически щелкнул выключателем, отметив, что это был неофициальный вызов.

Что это еще, удивился он, ощущая всепроникающую боль, с которой он боролся на протяжении всего сна. Он понимал, что время позднее — уже половина пятого.

На экране видеомонитора появилось незнакомое лицо. Мельком он заметил опознавательную карточку. Мужчина был из медицинской службы.

— Управляющий Дилл, — пробормотал он. — Что вам нужно? Лучше лишний раз свериться с монитором. Если у вас там и полдень, то у нас уже поздняя ночь.

— Сэр, — объяснил медик. — Один ваш сотрудник посоветовал сразу предупредить вас. — Он бросил взгляд на какую-то карточку. — Миссис Агнесса Паркер — школьная учительница.

— Да, кивнул Дилл.

— Она была найдена другой учительницей. Ее позвоночник был поврежден в нескольких местах и она умерла в час тридцать ночи. Первые проверки показали, что эти повреждения были нанесены умышленно. Есть свидетельства того, что некоторое количество плазмы было возбуждено. Спинной мозг, без сомнения, был выкипячен при помощи...

— Ладно, — сказал Дилл. — Спасибо за предупреждение. Вы поступили правильно. — Нажав на кнопку, он оборвал связь и затребовал у монитора связи с полицией "Единства".

Появилось полное, спокойное лицо.

— Возьмите всех людей, — сказал Дилл, — соберите девочек в школе, вновь прибывших тоже. Выберите их просто наугад и приступайте сразу же к работе. Держите всех задержанных до тех пор, пока с ними все не станет ясно. — Затем он на мгновение задумался.

— У вас есть информация об Агнессе Паркер?

— Она поступила час или два назад, — сказал полицейский.

— Проклятие, — выругался Дилл. Слишком много времени прошло. Они могли наделать много вреда. Они?

Враги.

— Есть какие-либо вести об отце Филдсе? — спросил он. — Я полагаю, что, само собой разумеется, вы его не арестовали.

— Увы, сэр, — ответил полицейский.

— Расскажите, что вы нашли на этой женщине, Паркер? — спросил Дилл. — Естественно, начните с ее личного дела. Я предоставлю это на ваше усмотрение. Меня интересует именно дочь Филдса. Упаси Боже, чтобы с ней что-то произошло. Может быть, вы бы проверили прямо сейчас, все ли с ней в порядке. В любом случае, сразу же доложите мне.

Он отключил связь и повернулся.

Пытаются ли они найти пропавшую девочку? — спросил он себя. И где? Это не секрет, ее посадили в мою машину, средь бела дня, напротив игровой площадки.

Они подбираются все ближе и ближе, думал он. Добрались уже до "Вулкана-2" и до этой глупой, психопатичной учительницы, которая так радостно поведала первому официальному лицу, как она заботится о своих учениках. Они могут проникать в наши секретнейшие здания. Они определенно, в точности, знают все, что мы делаем. Если они могут проникнуть в школу, где мы учим детей верить...

Час или два он сидел у себя дома на кухне, куря одну сигарету за другой и все более распаляясь.

Вернувшись к видеомонитору, он вызвал Ларсона. Тот, взъерошенный ото сна, брюзгливо всматривался в экран до тех пор, пока не узнал своего собственного начальника. Тут же он стал деловитым и вежливым.

— Да, сэр, — сказал он.

— Вы мне понадобитесь. Нужна специальная обработка вопросов для "Вулкана-3", — объяснил ему Дилл. — Нам необходимо это проделать с огромной осторожностью. И это будет нелегкая работа. Он хотел продолжить, но Ларсен перебил его.

— Вам будет приятно узнать, что мы вышли на человека, который послал анонимное письмо, обвиняющее директора Барриса, — сказал Ларсон. — Мы поинтересовались этим убитым парнем. Мы исходили из предположения, что имеется в виду Артур Питт и обнаружили, что его жена живет в Северной Африке. Фактически, она ездит в Каир за покупками несколько раз в неделю. Это настолько достоверно, что мы написали письмо местной полиции с указанием задержать ее. Это регион Блачера и нам было бы лучше выполнить все через его людей. Чтобы не было ненужных эмоций. Я хочу получить разрешение от вас, так как мне пришлось взять всю ответственность на себя. Вы поняли сэр? Ей нельзя было этого делать.

— Задержите ее, — произнес еле слышно Дилл.

— Понял сэр, — живо ответил Ларсон. — Мы сообщим вам то, что нам удастся узнать. Интересно выяснить, что заставило ее обвинять Барриса. Обвинение, конечно, было

ее. Я предполагаю, что она может успешно работать на кого-нибудь из других директоров, кто...

Дилл прервал связь. Он устало вернулся к своей кровати.

* * *

Ближе к концу недели директор Уильям Баррис получил назад бланк со своими вопросами. Каракули, нацарапанные внизу, сообщали: "НЕПРАВИЛЬНО ЗАПОЛНЕНО. ПОЖАЛУЙСТА, ИСПРАВЬТЕ И ПЕРЕПИШИТЕ".

Рассерженный Баррис швырнул бланк на стол и вскочил на ноги. Он щелкнул выключателем видеосвязи.

— Дайте мне Управление "Единства" в Женеве.

— Да, сэр? — отозвался дежурный в Женеве.

— Кто вернул это? — Баррис поднял бланк с вопросами. — Кто писал это? Начальник отдела комплектования информации?

— Нет, сэр, — быстро проверил дежурный. — Генеральный директор Дилл вернул вам бланк, сэр.

— Дилл! — Баррис почувствовал, что переполняется негодованием. — Я хочу немедленно поговорить с Диллом.

— Мистер Дилл на конференции. Его нельзя беспокоить.

Сильным ударом Баррис разнес экран. Какое-то время он стоял, задумавшись. В этом не было сомнения. Дилл хитрил. Я не могу продолжать так дальше. Так я никогда не получу ответа из Женевы. Господи, что он замышляет? Больше года прошло, а "Вулкан-3" никак не реагирует на существование Исцелителей. Или, может, Дилл не обратил внимания? Волна недоверия захлестнула Барриса. Может, Дилл не позволяет компьютеру получать подобную информацию? Может ли быть так, что "Вулкан-3" вообще не знает о Исцелителях?

Это казалось просто невероятным. Что-то непонятное крылось за всем этим: биллионы единиц информации вводились в компьютер только за одну неделю. Это просто невозможно — не получить ни одного упоминания о Движении Исцелителей. Если хоть незначительная информация об этом просочится, компьютер тут же отреагирует.

Сопоставьте все факты, машина зарегистрирует несоответствие.

Итак, думал Баррис, если Дилл скрывает существование этого движения от "Вулкана-3", почему он это делает? Что бы он выиграл, умышленно лишая себя и "Единства" оценки ситуации компьютера?

Но Баррис понимал, что положение не менялось уже пятнадцать месяцев. "Вулкан-3" не передавал никакой информации. В общем, либо машина молчала, либо Дилл не пропускал сведений. Какой же огромный изъян в структуре "Единства", с горечью подумал Баррис. Только один человек по своему положению имеет доступ к компьютеру, и этот человек может нас полностью отрезать от него. Он может разъединить мир с "Вулканом-3". Словно некий священник, который стоит между человеком и Богом, размышлял Баррис. Это в корне неправильно, но что мы можем сделать? Что могу поделать я? Я могу распоряжаться лишь в этом регионе, но Дилл по-прежнему мой начальник. Он может устранить меня в любое время. Конечно, это очень сложная процедура — устранить директора против его воли, но несколько раз это уже проделывали. А если я выдвину против него обвинение в...

В чем?

Баррис понимал, что он совершает нечто такое... Но у него не было возможности определить, что именно. Я не только не имею никаких фактов, но даже не могу разобраться в ситуации достаточно четко, чтобы сформулировать обвинение. В конце концов, я действительно заполнил бланк с вопросами неверно, это факт. И если Дилл хочет сказать, что "Вулкан-3" просто ничего не говорил об Исцелителях, никто не сможет его опровергнуть, так как никто еще не получал доступ к компьютеру. Мы вынуждены принять его слова на веру.

Но мы принимали на веру уже достаточно его слов, думал Баррис. Пятнадцать месяцев — это весьма долгий срок. Пришло время действовать. Даже если это будет означать мою вынужденную отставку.

До отставки дело вполне может дойти, причем немедленной.

Работа, решил Баррис, не это ли важнее всего? Ты должен уметь доверять организации, частью которой ты являешься, ты должен верить в свое руководство. Но если

ты считаешь, что оно делает что-то не так, ты должен оторваться от своего стула и что-то предпринять. Даже, если ничего не останется, как пойти против него, встретиться лицом к лицу и потребовать объяснений.

Протянув руку, он включил видеофон.

— Соедините меня со взлетной полосой.

Через минуту засветился монитор из пункта управления полетами.

— Да, сэр?

— Это Баррис. Немедленно подготовьте машину первого класса. Я вылетаю сейчас же.

— Куда, сэр?

— В Женеву. — Баррис мрачно сжал зубы. — У меня свидание с Управляющим Диллом... — И тихо добавил. — Понравится ему это или нет.

* * *

Пока корабль мчал его с огромной скоростью в Женеву, Баррис тщательно обдумывал свои планы.

Они скажут, думал он, что я использую это как предлог, чтобы поставить Язона Дилла в затруднительное положение, что я не искренен, что на самом деле я использую молчание "Вулкана-3", как выдумку, чтобы заполучить место Дилла. Мой приезд в Женеву только докажет, насколько я честолюбив. И я не смогу опровергнуть эти обвинения. У меня нет возможности доказать, что мои намерения чисты.

В это время постоянные сомнения не беспокоили его. Он знал, что действует на благо организации. Я уже знаю свое мнение, подумал он. По этому вопросу я смогу себе доверять.

Я должен стойко держаться, сказал он себе. Если я буду уверенно утверждать, что пытаюсь перешагнуть через Дилла не ради собственной выгоды...

Но Управляющему известно, что все отказы, которые он дал, идут мне на пользу. Поэтому он может вызвать пару этих полицейских психологов из Атланты, и в один прекрасный день они доберутся до меня, если я буду настаивать на своих обвинениях. Меня убедят, что я предатель, что я цинично использовал объективные трудности

для подрыва организации и дискредитации Дилла, а поэтому должен быть осужден на принудительные работы на Луне.

Он был уверен, что, когда он встал с кресла и направился к выходу, кто-то уже ждал у Женевского терминала, наблюдая за сигналом о его приближении. За мной будут следить все время, отметил он.

У выхода Баррис заколебался. Я могу развернуться и поехать назад, сказал он себе. Я могу сделать вид, что не собирался совершать это путешествие и, возможно, никто не поднимет этот вопрос. Они узнают, что я отправился сюда. Они никогда не смогут установить, что я хотел поговорить с глазу на глаз с моим начальником Язоном Диллом.

Он заколебался, но затем дотронулся до кнопки, открывающей дверь. Она раздвинулась и яркий полуденный солнечный свет ворвался в маленький корабль. Баррис наполнил свои легкие свежим воздухом, подождал и спустил трап на площадку.

Когда он переходил открытое пространство к зданию управления полетами, от изгороди отделилась фигура. Вот один, догадался Баррис. Следит за мной. Фигура медленно двигалась к нему. Она была облачена в длинное, голубое пальто. Женщина. Ее волосы были повязаны пестрым платком, руки — в карманах пальто. Он не узнал ее. Тонкие, невыразительные черты лица. Неприметные глаза, подумал он. Уставилась на меня. Она не заговаривала и не подавала никаких знаков до тех пор, пока между ними не осталось несколько шагов. И тогда ее бесцветные губы задвигались.

— Вы не узнаете меня, мистер Баррис? — спросила она глухим голосом. Женщина повернулась и пошла рядом с ним по направлению к зданию. — Я бы хотела поговорить с вами. Думаю, это вам пойдет на пользу.

— Рашель Питт, — узнал он ее.

— У меня кое-что есть на продажу, — пояснила она, глядя на него. — Одна новость, которая могла бы изменить ваше будущее. — Ее голос был твердым и ломким, таким же, как стекло. — Но кое-что мне бы хотелось получить взамен.

— Я не могу иметь с вами никаких сделок, — сказал он. — Я приехал сюда по делу.

— Знаю, — ответила она. — Я пыталась связаться с вами в вашем офисе, но мне каждый раз придумывали новую оговорку. Я уверена, что вы дали соответствующее распоряжение.

Баррис ничего не ответил. Это действительно плохо, думал он, что эта сумасшедшая сумела меня застать здесь в такое неудобное время.

— Вам не интересно, — прокоментировала Рашель, — и я знаю, почему. Все, чем заняты ваши мысли, так это тем, как бы получше разобраться с Язоном Диллом. Но вы же понимаете, что не сможете с ним разобраться вообще.

— Почему нет? — спросил он, пытаясь сдержать эмоции, которые могли проявиться в его голосе.

— Я несколько дней была под арестом, — пояснила Рашель. — Они схватили меня и привезли сюда.

— А я-то удивился, что вы здесь делаете?

— Законопослушная женщина, преданная организации, чей муж был убит лишь несколько... — Она запнулась. — Но вас это также не касается. — Она остановилась у изгороди и повернулась к нему. — Вы можете идти прямо в офис Управления "Единства", или, быть может, выделите мне полчаса для разговора? Я советую вам последнее. Если вы решите встретиться с Диллом прямо сейчас, не выслушав меня... — Она пожала плечами. — Я не могу остановить вас. Идите. — Ее немигающие черные глаза горели, когда она ждала ответа.

Эта женщина действительно не в порядке, подумал Баррис. Суровое, фанатичное выражение. Но если даже это так, может ли он позволить себе проигнорировать ее?

— Вы думаете, что я пытаюсь соблазнить вас? — спросила она.

— Я... — растерянно вымолвил он.

— Я имею в виду соблазнить, сбив вас с пути к вашей высокой цели. — Впервые она улыбнулась и показалась расслабленной. — Мистер Баррис, — сказала она, вздрогнув. — Я расскажу вам всю правду. Надо мной проводили интенсивные исследования эти два дня. Вы можете догадаться, кто их проводил. Но это неважно. Почему я должна беспокоиться? Особенно после того, что со мной произошло. — Голос ее затих, а затем зазвучал вновь. — Вы думаетея сбежала? Что они гонятся за мной? — Дразнящая, добродушная ирония светилась в ее глазах. — Нет, черт

побери. Они отпустили меня. Они провели принудительную психотерапию, а затем сказали, что я могу ехать домой. Они указали мне на дверь.

Группа людей прошла мимо них к кораблю, Баррис и Рашель немного помолчали.

— Почему они поступили с вами так? — спросил он наконец.

— О, я подозреваюсь в написании анонимки с обвинением одной высокопоставленной особы из "Единства". Мне удалось убедить их, что я невиновна, а может, анализ моего сознания убедил их. Все, что я делала, было исследовано. Они извлекли мое сознание, разобрали его на части, изучили, сложили опять вместе и вложили обратно в голову.

Она отодвинула на мгновение назад свою косынку. Он с отвращением рассмотрел тонкий белый шрам перед самой линией волос.

— Вернули все. Во всяком случае, я надеюсь на это. Но все позади, — сказала она. — По крайней мере, я надеюсь, что это так.

— Это действительно ужасно, — произнес он с состраданием. — Настоящее окорбление человеческого существа. Это нужно прекратить.

— Если бы вы стали Управляющим, может быть, вы и сумели бы это сделать, — произнесла она. — Кто знает? Когда-нибудь вы смогли бы... после всего этого. Ведь вы энергичны, трудолюбивы и честолюбивы. Все, что вам нужно, так это разгромить других энергичных, трудолюбивых, честолюбивых директоров, таких как Таубман, например.

— Является ли он одним из тех, кого вы обвиняете? — спросил Баррис.

— Нет, — ответила она еле слышно. — Это вы, Уильям Баррис. Вам интересно? Кстати, сейчас я уже могу поделиться с вами моими сведениями. В картотеке Язона Дилла есть письмо, обвиняющее вас в том, что вы за плату служите Исцелителям. Они мне его показывали. Кто-то пытается уничтожить вас и Дилла это заинтересовало. Не хотите об этом узнать, прежде, чем столкнетесь с ним рогами?

— Откуда вы знаете, что я за этим приехал? — спросил Баррис.

Ее темные глаза лукава блеснули.

— Зачем же еще вы приехали сюда? — Но сейчас ее голос не был таким уверенным.

Он коснулся ее руки и, твердо сжав ее, повел по дорожке, ведущей к концу поля.

— Мне необходимо время обсудить это с вами. — Он размышлял, куда же им направиться.

Они уже подошли к стоянке такси, когда таксист-робот заметил их и направился к ним, чтобы предложить свои услуги. Дверь машины открылась и механический голос спросил:

— Могу ли я быть вам полезен?

Баррис скользнул в такси, предварительно посадив женщину на заднее сидение. Все еще держа ее за руку, он обратился к таксисту:

— Послушай, можешь ли ты найти нам отель, не слишком примечательный. — Он слышал, как приемный механизм такси заработал. — Для нас нужно найти спокойное место, где мы могли бы отдохнуть. Я и моя спутница. Ты понимаешь меня?

Вскоре робот ответил:

— Да, сэр, я понял.

И такси направилось к забытым улицам Женевы. Вскоре оно остановилось в стороне от дороги.

— Отель "Бонд", сэр, здесь вы найдете желаемое уединение.

Рашель Питт молчала, полагаясь на судьбу.

ГЛАВА VII

В своих карманах Дилл носил две магнитофонные кассеты. Он никогда не оставлял их — ни днем, ни ночью. Они были при нем и сейчас. Еще раз, непроизвольно, он потрогал выпуклость на груди, которую они образовали. Словно какое-то магическое наваждение. А мы обвиняем народ в том, что он суеверный.

Перед ним замаячил свет. Закрылась скользящая, бронированная дверь, как только он вошел, блокировав единственный выход из комнаты. Он остался наедине с компьютером — огромной, необъятной башней из всевозможных приемников и индикаторов. Это был "Вулкан-3".

Только часть компьютера была видна, остальная часть находилась так высоко, что ее невозможно было рассмотреть. За время своего существования, компьютер так себя модифицировал, что созданное для него помещение оказа-

лось мало. Расширяя свои возможности, компьютеру пришлось расчистить гранитные и щелевые пласты. Уже давно он проводил экскаваторные работы в окрестностях. Иногда Дилл слышал звуки, доносящиеся из недр, словно там работали дрели дантиста на высоких частотах. Время от времени, он прислушивался, пытаясь угадать, где именно проводятся работы. Это были только догадки. Только по результатам выбросов горных пород на поверхности можно было судить о росте и развитии компьютера. Да еще по количеству сырья, инструментов и деталей, запрашиваемых машиной.

Теперь, когда Дилл стоял перед ней, он заметил новую кассету с обработанной информацией. Ему нужно было вынуть ее и доставить. Словно я какой-то мальчик на побегушках, подумал он. Я только и делаю, что приношу каждую неделю новые детали, достаю все, что угодно. Финансовые затраты на обеспечение "Вулкана-3" просто невероятны. Введенная по всему миру налоговая программа существовала и для поддержания компьютера. Согласно последней оценке, она составила 43%. Остальное, продолжал размышления Дилл, идет на школы, дороги, больницы, пожарные службы, полицию, то есть на то, что менее значительно для человечества.

Пол под его ногами вибрировал. Это был самый глубокий уровень, который сконструировали инженеры, но что-то продолжало строиться еще ниже. Он чувствовал эту вибрацию и раньше. Что находится там, внизу? Не черная земля, не инертный грунт. Энергия, труды и диски, электропроводка, трансформаторы, изолированные машины. Он мог только представить, как неумолимо продолжается деятельность компьютера. Вагончики, ввозящие запасы, вспыхивающие и угасающие огоньки, реле подогрева и охлаждения, вновь изобретенные части, взамен устаревших конструкций ставятся новые высшего качества. И как далеко это растянулось? Мили? Где еще есть уровень под тем, на котором он стоит? Идут ли они один за одним бесконечно?

"Вулкан-3" осознавал его присутствие. На широком, светящемся табло вспыхнули огоньки и пробежала лента со словами Диллу. Их можно было читать или не читать вообще. Но компьютер не был снисходительным к ограниченным человеческим возможностям.

"ЗАКОНЧЕНО ЛИ ОБОЗРЕНИЕ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ?"

— Почти, — ответил Дилл, — еще несколько дней. — Как всегда при общении с "Вулканом-3", он чувствовал глубокое нежелание, это замедляло его ответы и как бы нависало над его сознанием, его способности становились мертвым грузом. В присутствии компьютера он чувствовал себя глупцом. Он всегда давал короткие ответы, это было проще. И как только первые слова загорелись в воздухе над его головой, у него возникло желание уйти, уйти прямо сейчас.

Но это была его работа, находиться, как в монастыре, тут с "Вулканом-3". Кто-то должен это делать. Кто-то из людей должен находиться на этом месте.

Сейчас появились новые слова, словно бело-голубые разряды молнии в пустом воздухе.

— Мне нужно быстро получить обзор.

— Он будет доставлен сразу же, как только информационная группа сможет его перекодировать.

"Вулкан-3" был... думал он, только одно слово его волновало. Силовая линия вспыхнула красным. Грохот и тусклые вспышки красного огня напоминали Зеленую улицу Натаниэля, кузницу древнего бога. Хромого бога, который создавал молнии для Юпитера много веков назад.

— Я заметил некоторые элементы ненадлежащего исполнения. Существенные изменения в ориентировке некоторых социальных слоев, которые нельзя объяснить на основе имеющихся у меня данных. Перестройка социальной пирамиды образовалась в ответ на исторические факторы, неизвестные мне. Я должен знать больше, если имею к этому отношение. — Легкая дрожь тревоги пробежала по телу Дилла. Что "Вулкан-3" заподозрил? Вся информация будет представлена так быстро, как только это будет возможно.

— Это раздвоение общества происходит именно сейчас. Будь уверен, твой обзор по образовательным направлениям уже готов. Мне понадобятся все факты, относящиеся к делу.

После паузы "Вулкан-3" добавил:

— Я ощущаю быстро приближающийся кризис.

— Какой кризис? — нервно спросил Дилл.

— Идеологический. Появилось новое направление на грани вербализации. Знание, полученное из опыта низших классов. Оно отражает их неудовлетворение.

— Неудовлетворение? Чем?

— К тому же, народные массы отвергли концепцию стабильности. В основном те из них, кто не имеет достаточной собственности, заинтересованы больше в прибыли, чем в безопасности. Для них общество — это арена приключений. Структура, в которой они надеются подняться до наивысшего положения.

— Понятно, — озабоченно сказал Дилл.

— Рационально управляемое, стабильное общество, такое, как наше, побеждает свои желания. В быстрых изменениях нестабильного общества низшие классы получат хороший шанс набраться сил. Низшие классы — это авантюристы, планирующие жизнь, как азартную игру. Игра — больше, чем выполнение заданий, и ставка в ней — получение социальной власти.

— Интересно, — сказал Дилл, — так для них смысл удачной игры — это более важная роль. У тех, наверху, своя удача. Те...

Но "Вулкан-3" не интересовался его рассуждениями, он продолжал:

— Неудовлетворение масс основывается не на экономических лишениях, а на чувстве бесполезности. Не возрастание уровня жизни, но большая социальная значимость — вот их основная цель. Из-за своей эмоциональной ориентации они поднимутся и начнут действовать, когда сильный лидер сумеет скоординировать их в более дееспособное объединение, чем хаотичная масса из отдельных элементов.

Диллу нечего было на это ответить. Это было доказательством того, что "Вулкан-3" тщательно проанализировал всю имеющуюся у него информацию и пришел к очень близким к истине выводам. Это, конечно, была сильная сторона машины. Просто это был превосходный план для предоставления дедуктивного и индуктивного способов мышления. Она безжалостно переходила от одной ступени к другой и делала верный вывод каким бы он ни был.

Без основной информации "Вулкан-3" мог делать выводы из основных исторических принципов и социальных конфликтов, присущих современному миру. Он создал картину, которая показывала среднего человека, как он вставал утром и неохотно приветствовал день. Прикованный здесь "Вулкан-3" на основе непрямых и неполных фактов, представил вещи такими, какими они были в жизни.

Пот выступил на лбу у Дилла. Он имел дело с интеллектом более высоким, чем у человека или даже группы людей. Компьютер превосходит ограниченные способности человека, да и притом делает все быстрее... "Вулкан-3" потенциально делал то, что человек не мог сделать, независимо от наличия у него времени.

Тут, внизу, похороненный под землей, в темноте, в постоянной изоляции человек сошел бы с ума. Он бы потерял все связи с миром, представление о происходящем. С течением времени он бы утрачивал понятие реальности, у него бы прогрессировали галлюцинации. В то время как "Вулкан-3" продолжал следовать в противоположном направлении. Он постепенно двигался к неизбежному здравомыслию, или, в конце концов, к зрелости, если под ней подразумевать нечто иное — точное и полное понимание вещей такими, какими они есть на самом деле. И эту картину, как понял Дилл, не представлял и никогда не представит ни один человек. Все человечество пристрастно. А этот гигант — нет.

— Я потороплю работу с обзором по образованию, — пробормотал он. — Что-нибудь нужно еще?

— Статистический доклад о независимом сельском языке.

— Зачем это?

— Это было под личным надзором вашего субкоординатора Артура Грайвсона Питта.

Дилл выругался про себя. Боже мой, "Вулкан-3" никогда не перепутал и не потерял ни одного факта среди миллиардов других, с которыми он работал.

— Питт пострадал, — сказал Дилл. Его мысли отчаянно скакали. — Его машина перевернулась на ветренной горной дороге в Колорадо. Или, во всяком случае, я так помню. Я бы проверил для верности, но...

— Составлен ли его доклад в присутствии еще кого-нибудь? Я требую его. Он пострадал серьезно?

Дилл заколебался.

— Кажется, есть сомнения, что он выживет. Врачи говорят...

— Почему такое количество людей Т-класса были убиты в прошлом году? Я хочу побольше информации об этом. Согласно моей информации, лишь один из пяти умер своей смертью. Какие-то существенные факторы упущены. Я должен иметь больше фактов.

— Хорошо, — пробормотал Дилл. — Мы раздобудем нужную информацию.

— Я предлагаю созвать специальный Совет "Единства". Я полагаю, что мне придется опросить всех региональных директоров персонально.

Дилл был ошеломлен этим требованием. Он пытался заговорить, но не мог. Он мог только неотрывно смотреть на ленту со словами. А та продолжала безжалостно двигаться.

— Я не удовлетворен тем способом, которым для меня готовятся материалы. Я требую коренного изменения подготовки информации.

Дилл открыл и закрыл рот. Сознавая что заметно трясется, он попятился назад.

— Может, нужно что-нибудь еще, — пробормотал он. — У меня есть дела, в Женеве.

Все что он желал, так это выбраться из комнаты.

— Больше ничего. Можете идти.

Дилл вышел так спешно, как это было возможно.

Поднялся на скоростном лифте до верхнего уровня. Вокруг него, словно в мареве, стояли проверяющие его охранники. Он едва осознавал их присутствие.

Что за проделки, думал он. Что за испытание! Психологи из Атланты. Их нельзя сравнить с теми, с которыми мне приходится сталкиваться день изо дня.

Боже, как я ненавижу эту машину, думал он.

Сердце его колотилось. Он не мог дышать и некоторое время сидел на обитом кожей диване в комнате отдыха, приходя в себя.

— Мне бы стаканчик чего-нибудь бодрящего, — обратился он к одному из служащих. — Что там у вас имеется?

Вскоре ему подали высокий, зеленый стакан. Он опрокинул его в себя и почувствовал себя немного лучше. Служащий ожидал рядом расчета. У него был поднос и счет.

— Семьдесят пять центов, сэр, — сказал служащий.

Это был последний удар для Дилла. Его должность Управляющего не освобождала его от подобных мелочей. Ему пришлось обшарить свои карманы в поисках мелочи. И между тем, он думал, что будущее общества за

ним. В то время, как я откапываю семьдесят пять центов для этого идиота.

Я обязан позволить им развалиться на части. Я должен все бросить.

* * *

Уильям Баррис почувствовал себя свободнее, когда экипаж доставил его и Рашель Питт в темную, перенаселенную, старинную часть города. На тротуарах неспешно перемещались группки пожилых людей в поношенных одеждах и засаленных шляпах. Подростки слонялись возле витрин. Большинство витрин имели металлические решетки, предохраняющие выставленные товары от краж. В переулках валялся сваленный в кучи мусор.

— Вы не против посещения этих мест? — спросил он находящуюся рядом женщину. — Или тут слишком угнетающая обстановка?

Рашель сняла свое пальто и положила себе на колени. На ней была хлопчатобумажная блузка с короткими рукавами, наверное, та, в которой она была в момент ареста. Ему показалось, что она больше подходила для дома. Он также заметил, что на ее горле появились полосы пыли. Она была утомлена, сидела вялая и понурая.

— Знаете, я люблю этот город, — сказала она.

— Даже эту его часть?

— Я здесь живу с того момента, как они меня отпустили.

— Они вам дали возможность собрать свои вещи? — спросил Баррис. — Хоть какие-то вещи?

— Ничего, — ответила она.

— А деньги?

— Они были любезны. — Голос ее был ироничным. — Нет, они не позволили мне взять деньги, просто втиснули меня в полицейский корабль и отправили в Европу. Но перед тем, как отпустить меня, они разрешили мне получить достаточно денег из пенсии моего мужа, чтобы дать мне возможность добраться домой. — Обернувшись, она закончила. — Это все из-за красной тесьмы. Это было за несколько месяцев до выплаты регулярного пособия. Небольшое одолжение в мой адрес.

На это Баррису нечего было ответить.

— Вы думаете, — спросила Рашель, — что я возмущена таким отношением со стороны "Единства"?

— Да, — был ответ.

— Вы правы, — ответила Рашель.

Такси уже приближалось ко входу в старинный кирпичный отель с потрепанным навесом. Чувствуя какую-то тревогу, Баррис спросил:

— В этом заведении все будет в порядке?

— Да, ответила Рашель. — Фактически, это то место, куда я и хотела привести вас.

Машина остановилась. Когда Баррис платил, то подумал, что, возможно, не стоило это делать самому. Может быть, мне стоит сесть обратно и уехать на нем? Повернувшись, он взглянул на отель.

Рашель Питт поднималась по лестнице. Было уже поздно. Какой-то мужчина появился у входа, держа руки в карманах. На нем был темный, неопрятный плащ, кепка надвинута на глаза. Он глянул на нее и что-то сказал.

Баррис сразу же взбежал по лестнице за ней. Он взял ее за руку и стал между нею и мужчиной.

— Посмотри-ка, — сказал он незнакомцу, вытащив из внутреннего кармана карандаш с микропередатчиком.

Медленно, ровным тоном, мужчина сказал:

— Не волнуйтесь мистер. — Он изучал Барриса. — Я вовсе не пристаю к миссис Питт. Я только проследил, когда вы прибыли. — Обходя Барриса и Рашель, он добавил. — Проходите в отель, директор. У нас наверху есть комната, где вы можете поговорить. Никто вас там не потревожит. Вы выбрали хорошее место.

Или, если быть поточнее, подумал Баррис, таксист и Рашель выбрали хорошее место. Он ничего не мог сделать, он чувствовал кончик лучевого пистолета, который незнакомец приставил к его позвоночнику.

— Вам нечего относиться с подозрением к людям в такой одежде и при таких обстоятельствах, — дружелюбно произнес мужчина, когда они пересекали грязный и темный вестибюль по пути к лестнице. Баррис решил, что лифт не работает, или во всяком случае, так писалось на табличке.

— Может быть, сказал мужчина, — вы не заметили исторический знак моего занятия. — У лестницы он остановился, огляделся вокруг и сдвинул свою кепку.

Суровое, темно-коричневое лицо, открывшееся Баррису было ему хорошо знакомо. Нос с небольшой горбинкой, словно его когда-то сломали и он таким и остался. Специально коротко остриженные волосы, придававшие его полному лицу выражение строгости.

— Это отец Филдс, — сказала Рашель.

Мужчина улыбнулся, и Баррис увидел неровные, но крепкие зубы. На фотографии это незаметно, подумал Баррис. И волевой подбородок тоже. Это внушало определенные мысли, хотя и не давало полного представления о человеке. Во всяком случае, отец Филдс выглядел более как боец, чем представитель религиозных кругов.

Стоя лицом к лицу с этим человеком, Баррис первое время чувствовал полный и абсолютный страх перед ним. И он пришел к нему вместе с уверенностью, что раньше они не были знакомы.

Впереди них поднималась Рашель.

ГЛАВА VIII

— Мне бы было интересно узнать, — спросил Баррис, где вы встретились с этой женщиной?

Он указал на Рашель Питт, которая стояла у окна в номере гостиной, спокойно разглядывая крыши и дома Женевы.

— Отсюда можно увидеть здание Управления "Единства" — повернувшись, вымолвила Рашель.

— Конечно, можно, — ответил отец Филдс своим рычащим голосом. Он сидел в углу в полосатом халате и отороченным мехом тапочках, с отверткой в одной руке и осветительной арматурой в другой. Он собирался принять душ, но освещение не работало. Два других человека, очевидно, Исцелители, сидели за карточным столиком, сосредоточившись на памфлетах, сложенных в стопку между ними и связанных проволокой. Баррис предположил, что это материал для пропаганды Движения и они его распределяют.

— Это просто совпадение? — спросила Рашель.

Филдс проворчал, игнорируя ее, так как работал над освещением. Затем, подняв голову, отрывисто сказал Баррису.

— А теперь послушайте. Я не буду лгать вам, потому что это ваша организация основана на лжи. Любой, кто меня знает, может сказать, что мне никогда не нужна ложь. Почему? Правда — вот мое оружие.

— Какая правда? — спросил Баррис.

— А правда такова, что довольно скоро мы собираемся отправиться по той улице, которую вы можете видеть отсюда, к тому зданию, на которое леди смотрит, и тогда "Единство" перестанет существовать.

Он улыбнулся, показав свои уродливые зубы. Но надо отметить, это была дружеская улыбка. Как будто, подумал Барисс, он надеется что вступит в общий разговор, и по возможности ответил ему улыбкой.

— Желаю удачи, — заметил Баррис иронично.

— Удача, — повторил Филдс. — Нам она не нужна. Все, что нам нужно, это скорость. Это все равно, что проткнуть старый, гнилой фрукт палочкой. — Голос его зазвенел из-за акцента.

Баррис уловил в нем нотки, характерные для территории Таубмана — Южный штат, образующий край Южной Америки.

— Ради Бога, избавьте меня от ваших народных метафор, — сказал Баррис.

Филдс засмеялся.

— Вы заблуждаетесь, господин директор.

— Мне тоже так показалось, — безучастно согласилась Рашель.

Баррис почувствовал, что краснеет. Эти люди насмехались над ним, и он сам на это напросился. Он обратился к человеку в полосатом халате.

— Мне удивительно, как вам удается справляться с вашими последователями. Вы устроили убийство мужа женщины, но после встречи с вами она примкнула к вашему Движению. Это впечатляет.

Какое-то время Филдс молчал. Наконец, он положил вещь, с которой работал.

— Должно быть, — сказал он, — ничего подобного в Соединенных Штатах с тех пор, как я был рожден, не было. И эту область назвали бы "новой". — Он нахмурился и поджал нижнюю губу. — Я ценю ваше моральное негодование. Но кто-то все перевернул в этой бедной человеческой голове, это несомненно.

— И вы тоже приложили к этому руку, — заявил Баррис.

— О, да, — согласился Филдс. Он пристально изучал Барриса. Его жесткие, темные глаза, казалось, увеличивались и становились все более гневными. — Я в самом деле увлекся, — сказал он. — Когда я вижу этот симпатичный серый костюм, который на вас, и белую рубашку, эти черные сияющие туфли... — Его испытывающий взгляд изучал Барриса с головы до ног. — А особенно меня выводит из себя та вещь, которую вы носите в своих карманах. Эти карандаши, лучевые карандаши.

— Отец Филдс, — пояснила Баррису Рашель, — однажды обозлился на одного сборщика налогов.

— Да, — подтвердил Филдс. — Вы же знаете, что ваши фининспектора стоят над законом. Ни один гражданин не может легально предпринять что-либо против них. Мило, не правда ли? — Подняв руку, он отдернул свой правый рукав. Баррис увидел на теле шрам, почти до кости, от самого запястья до локтя. — Давайте найдем причину морального негодования в этом.

— Я его разделяю, — ответил Баррис. — Я никогда не одобрял процедуру сбора налогов. На моем участке этого нет.

— Это так, — сказал Филдс. Голос его утратил свою свирепость. Казалось, он понемногу остывал. — Это отличает вас от других директоров, вы не такой плохой. У нас есть несколько человек в вашем офисе. Мы кое-что знаем о вас. Вы тут в Женеве, потому что хотите знать, почему "Вулкан-3" не принимает никакого решения относительно нас, Исцелителей. Это никоим образом вам не поможет. Старый прохвост Язон Дилл может бросить ваш запрос вам в лицо и это сойдет ему с рук. Должен сказать, что ваша машина о нас ничего не говорит.

На это Баррис не ответил.

— Это дало нам кое-какую выгоду, — сказал Филдс. — У вас, парни, нет оперативной полиции. Вам нужно дожидаться распоряжения машины, потому что вам не придет в голову основать совместную полицию, управляемую людьми.

— У меня на участке есть своя полиция, — сказал Баррис. — И засадила в тюрьму столько Исцелителей, сколько было возможно поймать.

— Почему? — спросила Рашель Питт.

— Спросите у вашего дорогого мужа, — со злобой отрезал Баррис. — Я не могу вас понять. Ваш муж погиб на работе, а эти люди...

— Директор, — прервал его Филдс, — над вами никогда не работали психологи из Атланты. — Его голос был спокоен. — Этой женщине, как и мне, немного досталось. Досталось совсем немного, с ней они торопились.

Какое-то время все молчали.

Не много я могу сказать, осознал Баррис. Он прошелся до карточного столика и подобрал один из памфлетов. Без цели он прочел большой черный листок.

"Есть ли у вас возможность распоряжаться вашими жизнями"?

"Когда вы голосовали в последний раз"?

— Уже двадцать лет не было всеобщих выборов, — пояснил Филдс. — Говорят ли об этом ученикам в ваших школах?

— Должны, — ответил Баррис.

— Господин Баррис, — сказал Филдс. Его голос был напряженным и хриплым. — Как бы вам понравилось наше предложение стать первым директором, перешедшим на нашу сторону?

На мгновение Баррис обнаружил способность выступать в суде защитником, затем она прошла. Лицо и голос мужчины стали строгими.

— Это представит вас в будущих книгах по истории таким же хорошим, как сатану. — Он резко засмеялся. Затем еще раз подняв электроприбор, закончил с ним работу. Он не обращал на Барриса внимания, казалось, он даже не ждет от него ответа.

Подойдя к Баррису, Рашель сказала в своей бескомпромисной, краткой манере:

— Директор, он не шутит. Он действительно хочет, чтобы вы примкнули к Движению.

— Полагаю, что так, — согласился Баррис.

— У вас есть логическое мышление, — сказал Филдс. — Вы чувствуете, что что-то неправильно. Все эти амбиции и подозрительность... Для чего это? Может быть, я делаю вас несправедливым, но честным перед Богом, господин Баррис. Я считаю, что наши начальники безумны. Я знаю, что Язон Дилл не в себе. Большинство директоров и их сотрудники тоже. И школы переполнены сумасшедшими.

Вы знаете, что они взяли мою дочь и поместили ее в одну из этих школ. Насколько я знаю, сейчас она там. Мы ни разу не смогли туда попасть. Вы человек по-настоящему сильный. Для вас это много значит.

— Вы пойдете в школу "Единства", — сказала Баррису Рашель. — Вы и так знаете, чему они учат детей, не отказывайтесь. Их учат послушанию. Артур был выпускником одной из них. Приятный, хорошо выглядевший, хорошо одетый, продвигающийся по службе...

Она умолкла.

И мертвый, подумал Баррис.

— Если вы не присоединитесь к нам, — сказал ему Филдс, — то можете уйти отсюда и пойти на встречу с Язоном Диллом.

— У меня нет встречи, — ответил Баррис.

— Это так, — признал Филдс.

Рашель вскрикнула, указывая в окно.

Пройдя по подоконнику, в окно ввалилось что-то, сделанное из блестящего металла. Оно поднялось и полетело по воздуху. При падении оно производило резкие звуки. Оно изменило направление и приблизилось к Филдсу.

Двое мужчин за карточным столиком вскочили на ноги и застыли с открытыми ртами. Один из них начал нащупывать пистолет на поясе.

Металлический предмет спикировал на Филдса. Закрыв лицо руками, Филдс бросился на пол и покатился. Его полосатый халат хлопал, а один тапочек слетел с ноги и заскользил по ковру. Катаясь, он выхватил лазерный излучатель и выстрелил вверх. Огненная вспышка опалила Барриса, он отскочил назад и закрыл глаза.

Продолжая кричать, перед ним появилась Рашель с искаженным истерикой лицом. В воздухе трещали разряды энергии, облако густого серо-голубого вещества заволокло большую часть комнаты. Диван, кресла, ковер, и стены горели. Дым поднимался вверх и Баррис заметил языки пламени, вспыхивающие оранжевыми бликами в темноте. Рашель перестала кричать. Он и сам частично ослеп. Он направился к выходу. В ушах у него звенело.

— Все в порядке, — сказал Филдс. Его голос слабо пробивался через треск разрядов. — Потушите огонь. Я вышвырнул эту чертову штуковину.

Силуэт его появился перед Баррисом. Филдс криво усмехнулся. Казалось, его голова, вся в пузырях и красного цвета, пылает.

— Если можете, помогите потушить пожар, — сказал он Баррису тоном царедворца. — Может быть, я сумею найти достаточно частей этой штуковины, чтобы разобраться, что это было.

Один из мужчин нашел огнетушитель за дверью в коридоре и ожесточенно пытался погасить огонь. Его товарищ пришел с другим огнетушителем и установил его. Баррис оставил их бороться с огнем и пошел искать Рашель.

Она согнулась в дальнем углу в комочек и уставилась прямо перед собой, крепко сцепив руки. Когда он поднимал ее, то почувствовал, что она дрожит. Она ничего не говорила, пока он держал ее на руках. Казалось, она не осознает его присутствия.

Появившись перед ним, Филдс сказал весело:

— Жареная собака[1], Баррис, я нашел большую ее часть.

Он торжествующе показал обожженный, но целый металлический цилиндр с отлаженной системой приемников, антенн и реактивным двигателем. Затем, глянув на Рашель, он перестал улыбаться.

— Я удивлюсь, если она справится с собой на этот раз, — заявил он. — Она была в подобном состоянии, когда пришла к нам впервые. После того, как пани из Атланты выпустили ее. Это кататония.

— И вы помогли ей справиться с ней? — спросил Баррис.

— Она сама справилась, — сказал Филдс, — потому что сама хотела этого. Она хотела что-то делать. Быть активной. Помочь нам. Она перенесла слишком много. Возможно, этот случай будет слишком тяжелым для нее.

Он беспомощно пожал плечами, на лице у него было сострадание.

— Возможно, я снова вас увижу, — сказал ему Баррис.

— Вы уезжаете, — прокомментировал Филдс. — Куда же вы направляетесь?

— Повидать Язона Дилла.

— А как насчет нее, — спросил Филдс, указывая на женщину на руках у Барриса. — Ее вы тоже возьмете с собой?

— Если позволите, — ответил Баррис.

---

1 Ироническое сравнение с "хот-догом", запеченной в тесте сосиской *(прим.перев.)*

— Делайте что хотите, — задумчиво произнес Филдс, подмигивая. — Я не совсем хорошо вас понимаю, директор.

Казалось, в этом момент у него пропал акцент.

— Вы за нас или против? Знаете ли вы это сами? Может быть, вы еще не определились, возможно, вам нужно время.

— Я никогда не останусь с этими убийцами, — ответил Баррис.

— Бывают убийцы быстрые и медленные, — ответил Филдс. — И бывают убийцы тела и убийцы души. Некоторые из этих убийств вы совершаете в своих школах.

Баррис вышел из наполненной дымом комнаты в холл, затем по лестнице спустился в вестибюль.

На улице он остановился робокэб.

* * *

На женевской взлетной полосе он посадил миссис Питт на самолет, который должен был отвезти ее на его участок в Северной Америке. Он связался со своими людьми и дал им инструкции встретить корабль, когда он прилетит в Нью-Йорк, с распоряжением обеспечить ей медицинский уход, пока он не вернется. И еще у него был один последний приказ для них.

— Не дайте ей покинуть мою территорию. Не отвечайте ни на какие запросы о передаче ее в другой район, особенно в Южную Америку.

Его сотрудник предусмотрительно заметил.

— Вы не хотите, чтобы мы позволили ей появиться в районе Атланты?

— Именно так, — сказал Баррис, зная, что и без его пояснений там поймут ситуацию. В системе "Единства", наверное, не было никого, кто бы мог разгадать его истинные намерения. Атланта был основным объектом, которого все они страшились, большие и маленькие одинаково.

Интересно, чувствует ли Язон Дилл то же самое? — думал Баррис, покидая видеорубку. Возможно, он свободен от этого. Конечно, если размышлять логично, ему нечего бояться. Но в любом случае иррациональный страх должен оставаться.

Он направился через переполненное и шумное здание вокзала к одной из закусочных. Там он заказал бутерброд и кофе. Он посидел немного, собираясь с духом и размышляя.

Получал ли Дилл письмо, обвиняющее меня в измене? — спрашивал он себя. Сказала ли Рашель правду? Возможно, нет. Возможно, это был план повернуть его назад, удержать от посещения офиса Управления "Единства".

Я должен воспользоваться случаем, решил он. Несомненно, я могу прозондировать почву, найти информацию через какое-то время. Я могу узнать все в течение недели, но я не могу ждать так долго. Я должен повидать Дилла сейчас. Для этого я сюда и прибыл.

И я был с ним, думал он, — с врагом. Если такое письмо существует, несомненно, потребуются "Доказательства". Системе больше ничего не надо. Я буду разоблачен как изменник и признан виновным. И это будет мой конец, как официального лица системы и моей жизни также. Правда, что-то может, от меня и останется, но по-настоящему я жить не буду.

И еще, понял он, я даже не могу вернуться сейчас назад, в собственный регион. Нравится мне это или нет, но я встречался с отцом Филдсом лицом к лицу. Я с ним связался, и любые враги, которые у меня могут быть внутри и снаружи "Единства", получат то, чего хотят, чтобы сократить мою жизнь. Уже слишком поздно для того, чтобы все бросить, чтобы оставить идею спора с Диллом. Отец Филдс, подумал он иронично, вынуждал меня довести все до конца.

Он заплатил за еду и оставил закусочную. Выйдя на улицу, он нанял другой робокэб и поехал к зданию управления "Единства".

Баррис растолкал армию секретарей и чиновников в святая святых Язона Дилла — офисе Управления "Единства". При виде директорской нашивки — темно-красного разреза на сером рукаве его пиджака, служащие Управления "Единства" послушно уступали ему дорогу, оставляя свободным проход из помещения в помещение. Последняя дверь открылась и он внезапно оказался перед Диллом.

Дилл медленно поднял голову, положил кипу докладов.

— Как ты думаешь, что ты тут делаешь? — Казалось, он поначалу не узнал Барриса. Взгляд его упал на директорскую нашивку и перешел обратно на его лицо. — Это

неслыханно, — сказал Дилл, — вторгаться подобным образом, без разрешения!

— Я приехал, чтобы поговорить с вами, — ответил Баррис. Он закрыл за собой дверь. Она сильно хлопнула, напугав хозяина офиса. Язон Дилл полупривстал, а затем сполз обратно в кресло.

— Директор Баррис, — пробормотал он. Глаза его сузились. — Вы нарушаете обычный порядок приема. Сейчас вы знаете эту процедуру довольно хорошо.

— Почему вы вернули бланк с моими вопросами? — прервал его Баррис. — Вы утаиваете информацию от "Вулкана-3"?

Молчание.

Лицо Дилла стало бесцветным.

— Ваши формуляры не были заполнены надлежащим образом. Согласно части шесть статьи десятой "Единства"...

— Вы перехватываете материалы у "Вулкана-3". Вот почему он не нацелил полицию против Исцелителей. — Он подошел поближе к сидящему, наклонился к нему так, что Дилл уставился на свои бумаги на столе, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Что? Это не имеет смысла.

— Вы знаете, что это означает? Измена! Скрывать информацию сознательно, искажать правду. Я могу выдвинуть обвинение против вас, даже арестовать вас. — Опершись руками о поверхность стола, Баррис громко сказал, — Неужели смысл всего этого — изолировать и ослабить одиннадцать директоров?

Он прервался. Он смотрел на ствол лучевого карандаша. Дилл держал его с тех пор, как Баррис ворвался в его офис. Мышцы на лице Дилла, мужчины средних лет, мрачно поддергивались. Его глаза блестели, когда он сжимал маленькую трубку.

— Теперь ведите себя спокойно, директор, — холодно сказал Дилл. — Я удивлен вашей тактикой. Это оскорбительно. Обвинять меня и не давать возможности сказать даже слово. Наработанная процедура. — Он дышал медленно, делая серии глубоких вдохов. — К черту вас, — огрызнулся он, — садитесь.

Баррис сел, внимательно наблюдая за ним.

Я сделал свой ход, понял он. Он прав, он пронзителен и повидал больше, чем я. Может быть я не первый, кто

врывается сюда, крича от негодования и пытаясь скинуть его с пьедестала силой.

Так размышлял Баррис, чувствуя, что его уверенность улетучивается, но он не отвернулся и продолжал смотреть на Дилла.

Лицо Дилла стало серым, капли пота выступили на его морщинистом лбу. Он вынул носовой платок и вытер пот, в то время как другой рукой продолжал держать лучевой карандаш.

— Мы с вами немного успокоились, — сказал он, — что, на мой взгляд, лучше. Вы были очень мелодраматичны. Почему? — На его губах появилась кривая ухмылка. — Отработали свое появление?

Его рука переместилась к нагрудному карману. Он потер что-то выступающее. Баррис видел, что во внутреннем кармане у Дилла что-то лежит и непроизвольно потянулся, чтобы посмотреть, что это. Но управляющий неожиданно резко отдернул руку.

— Лекарство? — удивился Баррис.

— Первый шаг измены, — сказал Дилл, я мог испробовать это тоже. Попытка схватить удачу за хвост принадлежит вам.

Он указал на пульт управления на краю своего стола.

— Все это ваше величественное появление, разумеется, было записано. Доказательство здесь.

Он нажал на кнопку и на видеомониторе у него на столе появился дежурный "Единства" в Женеве.

— Дайте мне полицию, — сказал Дилл, сидя с лучевым карандашом, направленным на Барриса. Затем обратился к нему. — У меня слишком много других дел, чтобы тратить время на безумных директоров.

— Я отвергну все ваши измышления в суде "Единства", — заявил Баррис. — Моя совесть чиста, я действую в интересах "Единства" против Управляющего, который шаг за шагом, систематически уничтожает систему. Вы можете исследовать всю мою жизнь и ничего не найдете. Я знаю, в суде вы потерпите поражение, даже если для этого мне понадобятся годы.

— У нас есть письмо, — сказал Дилл. На экране появился полицейский с массивной челюстью. — Приезжайте сюда, — приказал Дилл. Глаза полицейского забегали,

когда он увидел сцену, где Управляющий направил пистолет на директора Барриса.

— Это письмо, — сказал Баррис как можно спокойнее, — не имеет под собой оснований, чтобы его принимать всерьез.

— О, — ответил Дилл, — вы недооцениваете его значение.

— Рашель Питт все мне рассказала, — ответил Баррис. — Значит, она говорила правду. Хорошо, это письмо такое же подложное, как и первое, плюс этот эпизод будет достаточно характерен, чтобы изобличить его. Эти вещи надо связать вместе, и они дадут приемлемую улику для "Единства".

Офицер полиции уставился на Барриса.

Сидя за своим столом, Дилл продолжал держать лучевой карандаш.

— Сегодня я беседовал с отцом Филдсом, — сказал Баррис.

Протянув руку к экрану, Дилл подумал, а затем сказал:

— Я перезвоню вам попозже.

Движением пальца он оборвал связь, изображение полицейского, уставившегося на Барриса, исчезло.

Дилл встал из-за стола, выдернул из розетки провод, питающий записывающее устройство, которое было включено с момента появления Барриса. После чего, он дал волю своему гневу.

— В письме написана правда, — недоверчиво сказал он. — О Боже, мне никогда не приходило в голову... — Затем, потерев лоб, он сказал — Да, это так. Коротко. Итак, им удалось проникнуть в "Единство" до уровня директоров. — В его словах были ужас и усталость.

— Они наставили на меня пистолет и задержали, — сказал Баррис, — когда я прибыл сюда, в Женеву.

Сомнение, смешанное с безумной хитростью появилось и исчезло с лица Дилла. Очевидно, он не хотел верить в то, что Исцелители пробрались так далеко в структуры "Единства", понял Баррис. Он ухватится за любую соломинку, за любое объяснение, которое сможет объяснить факты... даже правдивые, подумал Баррис. Диллу, нужна была помощь психиатра, чтобы он смог одержать верх над обычной подозрительностью.

— Можете верить мне, — сказал Баррис.

— Почему?

Лучевой карандаш по-прежнему был направлен на Барриса, но враждебность уменьшилась.

— Вам надо кому-то верить, — сказал Баррис, — хотя бы иногда. Что у вас там на груди, что вы потираете?

Скривившись, Дилл глянул вниз на руку, она опять была на груди. Он отдернул ее.

— Не играйте на моих страхах, — сказал он.

— На страхе одиночества? — спросил Баррис. — На том, что все объединились против вас? А не след ли от психологической травмы вы потираете?

— Нет, сказал Дилл. — Вы очень далеки от истины.

— Но казалось, он немного успокоился. — Ладно, директор, кое-что я вам расскажу. Возможно, мне недолго осталось жить. Мое здоровье пошатнулось с тех пор, как я получил эту работу. Возможно, в чем-то вы правы... Это психологическая травма. Если вы даже доберетесь до занимаемого мной положения, вы приобретете какую-нибудь глубоко сидящую травму и болезни к тому же. Потому что вокруг вас будут люди, которые вам их обеспечат.

— Может быть, вам стоит взять пару подразделений полиции и захватить отель "Бонд", предложил Баррис. — Он был там час назад. Это в старой части города, не более двух миль отсюда.

— Он уже удрал, — сказал Дилл. — Он постоянно меняет свое местоположение. Мы никогда его не поймаем. У него миллион нор, в которые он может ускользнуть.

— Вы почти поймали его, сказал Баррис.

— Когда?

— В отеле, когда появился робот-ищейка. Он почти застал врасплох Филдса, но в последний момент тому удалось откатиться и сжечь нападавшего.

— Что еще за робот-ищейка? — спросил Дилл. И пока Баррис его описывал, Дилл тупо смотрел на него. Он шумно глотал, но не прерывал Барриса до тех пор, пока тот не закончил.

— Что-то не так? — спросил Баррис. — Поскольку я все это видел, мне кажется что это наиболее эффективное оружие против проникновения в нашу структуру, врагов, которое у вас есть. Вы, наверняка, сможете разбить Движением подобными машинами. Я полагаю, что ваши тревоги излишни.

— Агнесса Паркер, — почти неслышно вымолвил Дилл.

— Кто это? — переспросил Баррис.

По-видимому не осознавая его присутствия, Дилл продолжал бормотать.

— "Вулкан-2", а сейчас попытка с отцом Филдсом. Но он спасся.

Оставив лучевой пистолет, он запустил руку в пиджак. Поискав, он вынул две магнитофонные катушки и бросил на стол.

— Так вот что вы носили, — с любопытством заметил Баррис. Он поднял катушки и осмотрел их.

— Директор, — сказал Дилл, — существует и третья сила.

— Какая? — холодно спросил Баррис.

— Третья сила работает рядом с нами, — сказал Дилл и усмехнулся. — Она сможет смести всех нас. Она появилась, и она огромна.

Затем он убрал лучевой карандаш и они остались один на один.

ГЛАВА IX

Полиция совершила облаву в отеле "Бонд". Хотя она была выполнена профессионально и совершенно, никого поймать не удалось.

Язон Дилл не был удивлен.

Один в своем офисе, он сидел напротив диктофонного аппарата. Прочистив горло, он поспешно сказал в него.

— Я делаю это заявление на случай своей неожиданной смерти, чтобы объяснить причины, почему я решил оставить управление "Единством", и почему хотел наладить тайные отношения с директором Северной Америки Уильямом Баррисом. Я вошел в эти отношения, хорошо сознавая, что директор Баррис находится под подозрением в причастности в Движению Исцелителей, замешанном в убийствах, бандитизме и... — Он не мог сосредоточиться.

Он глянул на свои часы. Пять минут назад у него была встреча с Баррисом. У него не было времени сформировать себе оправдание по этому поводу, так как он стер запись.

Нужно начать с письма, решил он. Если ему удастся выжить...

Я встречусь с ним, решил Дилл, и приму решение, если он будет почтителен со мной. Мы объединимся с ним. Я ничего не утаю.

На всякий случай он открыл ящичек своего стола и вынул шкатулку. Из нее он достал какой-то завернутый и опечатанный предмет и открыл его. Там был маленький, не больше, чем фасоль, тепловой излучатель. Такими была вооружена полиция.

Используя клейкую ленту, он аккуратно закрепил оружие с внутренней стороны правого уха. Цвет ленты не отличается от цвета кожи. Осмотрев себя в стенном зеркале, он почувствовал удовлетворение — тепловой излучатель был незаметен.

Теперь он был готов к встрече. Захватив свое пальто, энергичной походкой он вышел из офиса.

* * *

Он стоял рядом, пока Баррис клал катушки на стол и равномерно раскладывал их.

— И ничего больше за этим не последует, — сказал Баррис.

— Ничего больше, — кивнул Дилл. — "Вулкан-2" прекратил свое существование из-за этого. Он Указал на первую из катушек. — Начинайте с нее.

"Это Движение может быть более значимо, чем казалось сперва. Очевидно, что Движением направлено против "Вулкана-3", также как и против остальных компьютеров в целом. Пока же мне нужно время для рассмотрения всех аспектов. Я предлагаю не информировать "Вулкан-3" об этом.

— Вы спросите почему? — спросил Дилл. — Обратитесь к следующей катушке.

"Проанализируем основные различия между "Вулканом-3" и предшествующими компьютерами. Это нечто большее, чем факты объективной эволюции информационных систем. Особенно это поднимает на значительный уровень политику. "Вулкан-3", столкнулся с теологическими проблемами... Его значимость не может быть определена немедленно. Я должен обдумать это весьма обстоятельно".

— Это конец, — сказал Дилл. — Вероятно, "Вулкан-2" действительно продумал все основательно. В любом случае это метафизическая проблема. Мы никогда не найдем выхода.

— Эти ленты кажутся старыми, — сказал Баррис. Он осмотрел первую и добавил. — Эта старше, чем та на несколько месяцев.

— Первой, кажется, пятнадцать месяцев. Вторую я получил... — Дилл задумался, — четыре или пять месяцев назад. Не помню.

— Первая запись выдана "Вулканом-2" более года назад, — сказал Баррис, — И с тех пор "Вулкан-3" не выдал никаких указаний относительно Исцелителей.

Дилл кивнул.

— Вы последовали совету "Вулкана-2", — продолжал Баррис, — и с момента ознакомления с этой записью не давали "Вулкану-3" никакой информации относительно Движения. — Изучая собеседника, он добавил, — Вы удерживали эту информацию, не зная почему.

Недоверие возрастало на его лице, губы его оскорбительно скривились.

— И все это время, все эти месяцы вы продолжали делать то, что говорит "Вулкан-2". Боже мой, кто же из вас машина, а кто человек? И вы пришпилили себе к груди две эти записи. — Будучи не в состоянии продолжать, Баррис сомкнул челюсти, его глаза бешено горели.

— Вы должны понять, — сказал Билл, чувствуя, что лицо его краснеет, что между мной и "Вулканом-2" существует связь. В прошлом мы всегда работали вместе. Конечно, "Вулкан-2" исчерпал себя в сравнении с "Вулканом-3", это безусловно. Он не мог удерживать позиции безупречного авторитета, как сейчас "Вулкан-3", устанавливая ультимативную политику. Он мог только помогать. — Управляющий слышал, что его голос становится тягучим от жалости. А затем в нем закипела обида. Он был здесь и защищал свою невиновность перед своим подчиненным. Это был абсурд.

— Однажды став бюрократом, человек остается им навсегда, — заявил Баррис. Голос его бы холодным и смертельно спокойным, в нем не чувствовалось жалости к своему начальнику. Дилл ощутил, как тело его содрогнулось,

словно от удара. Он повернулся и пошел прочь от Барриса. Не оборачиваясь, он сказал:

— Я допускаю, что был неравнодушен к "Вулкану-2". Возможно, я действительно хотел доверять ему больше, чем нужно.

— Так вы нашли нечто, чему вы можете доверять. Может быть, Исцелители правы относительно всех нас.

— Вы ненавидите меня за то, что я чересчур доверял машине? Боже, мой, когда вы измеряете что-то, смотрите на циферблат, едете в машине или летите в самолете, разве вы не доверяете машине?

Баррис расслабленно кивнул.

— Но это не одно и то же.

— Вы не знаете, — сказал Дилл. — Вы никогда не выполняли мою работу. Нет никакой разницы между тем, что кто-то измеряет уровень воды по счетчику и записывает полученные данные. "Вулкан-3" был опасен, и "Вулкан-2" знал это. Мог ли представить, что буду со стыдом пресмыкаться, потому что доверял интуиции "Вулкана-2". Я испытываю это впервые. Я ведь всего лишь следил за этими чертовыми буковками, бегущими по его поверхности.

— Простите ли вы мне желание позволить взглянуть на останки "Вулкана-2"? — спросил Баррис.

— Это можно устроить, — ответил Билл. — Все, что нам нужно, так это удостоверение, что вы ремонтник с незапятнанной репутацией. В связи с этим я бы посоветовал вам не надевать вашу директорскую нашивку.

— Отлично, — сказал Баррис. — Тогда давайте приступим.

* * *

У входа в покинутую и мрачную комнату он стоял, уставившись на хлам, который когда-то был компьютером. Перекрученные металлические части валялись вместе, образуя бесполезные и бесформенные кучи. Слишком грустно видеть это в таком состоянии, подумал он. Никогда не видел ничего подобного. Или нет. Позади него стоял Дилл, он выглядел подавленным. Его тело сбмякло и он осунул-

ся. Он инстинктивно ухватился за правое ухо, едва осознавая присутствие приведенного им человека.

— Не много осталось, — констатировал Баррис.

— Они знали, что делают, — едва слышно сказал Дилл. Затем с огромным усилием он взял себя в руки. — Я слышал одного из них в коридоре. Я даже видел нечто...

Глаза его блеснули.

— Оно было подвешено вверху. Я подумал, что это летучая мышь или сова, и вышел.

Нагнувшись, Баррис поднял моток из проволоки и деталей.

— Пытались ли они напасть, чтобы реконструировать что-то из этого?

— "Вулкан-2"? — пробормотал Дилл. — Как я уже говорил, разрушение было настолько сильным и таких масштабов...

— Составная часть, — произнес Баррис. Он осторожно поднял комплект пластиковых трубок. — Вот это, например, колесиковый клапан. Оболочки, конечно, нет. Но механизм выглядит неповрежденным.

Дилл с сомнением уставился на него.

— Вы действительно предполагаете, что какая-то его часть может еще действовать?

— Механически не поврежденная, — сказал Баррис. — Деталь, которую можно совместить с другим механизмом. Мне кажется, что мы на самом деле не можем продолжать до тех пор, пока не установим, что "Вулкан-2" решил относительно "Вулкана-3". Мы сами сможем догадаться, но наше решение может быть ошибочным.

— Я пришлю бригаду ремонтников, и они все сделают, чтобы проверить ваше предположение, — сказал Дилл. — Мы взглянем, что можно будет сделать, хотя это, конечно, займет время. А что вы пока предлагаете? По вашему мнению, мне стоит продолжать начатую политику?

— Дайте "Вулкану-3" немного той информации, которую вы от него скрывали. Я бы хотел посмотреть на реакцию, связанную с сообщением.

— Каким?

— Сообщением об уничтожении "Вулкана-2".

— Это будет очень рискованно, — с трудом произнес Дилл. — Мы не уверены до конца в нашем обосновании. Предположим, мы были не правы.

Сомневаюсь в этом, подумал Баррис. Хотя со временем сомнений остается меньше. Но, может быть, мы должны подождать до тех пор, пока не восстановим разрушенный компьютер.

— Да, слишком рискованно, — произнес он вслух. — Для нас, для "Единства". — Даже для всех, понял он.

Кивнув, Дилл снова пощупал свое ухо.

— Что у вас там? — спросил Баррис. Перестав носиться с записями, он, очевидно, нашел еще что-то для поддержки — некий символ безопасности.

— Н-ничего, — заикаясь и краснея, сказал Дилл. — Я думаю, нервы, от перенапряжения. — Он убрал руку. — Дайте мне ту деталь, которую вы подобрали. Она нам понадобится для реконструкции. Я прослежу, чтобы вас известили сразу же, как только будет на что посмотреть.

— Нет, — сказал Баррис. Он тут же решил, что делать дальше. Рванулся вперед, как можно более энергично. — Я бы предпочел не делать работу здесь. Я буду заниматься ею в Северной Америке.

Дилл изумленно уставился на него. Затем его лицо помрачнело.

— В вашем регионе и при помощи ваших работников.

— Верно, — согласился Баррис. — Все, что вы мне говорили, может быть обманом. Эти катушки с записями могут быть поддельными. Все, в чем я могу быть уверен — это то, что мои первоначальные представления о вас верны, представления, которые меня сюда привели. — Его голос был твердым, без тени колебаний. — То, что вы удерживали информацию от "Вулкана-3" — преступление против "Единства". Я бы хотел "разбить" вас в суде "Единства". Когда-нибудь. Это мой долг. Возможно, предложенные вами доказательства правдивы, но до тех пор, пока я не смогу проверить эти части и детали... — Он сгреб проводки, переключатели и реле.

Довольно долго Дилл молчал. Он стоял так же, как и раньше, и снова держался за свое правое ухо. В конце концов, он сказал:

— Ладно, директор. Я слишком устал, чтобы сражаться с вами. Берите образцы. Приводите своих специалистов и грузите их, если хотите. Везите в Нью-Йорк. Разберитесь с ними до тех пор, пока вы не удовлетворите свое любопытство.

Развернувшись, он вышел из комнаты.

Держа остатки деталей "Вулкана-2", Баррис смотрел ему вслед. Когда тот исчез из виду, Баррис вздохнул. Все кончено, понял он. Я победил. Против меня не будет больше никаких обвинений. Я приехал в Женеву и столкнулся с ним, и мне удалось избежать поражения.

Его руки дрожали от облегчения. Он начал копаться в руинах, что отняло у него время. Началась точная, методичная работа.

Около восьми часов утра остатки "Вулкан-2" были собраны и погружены инженерами Барриса в грузовой транспорт. А в девять, когда транспортный самолет снялся с места и направился в Нью-Йорк, Баррис облегченно вздохнул. Раз транспорт уже не находится здесь, значит Язон Дилл не может распоряжаться им.

Сам Баррис сел на десятичасовый небольшой, но скоростной, лайнер, предназначенный для туристов и бизнесменов, путешествующих между Женевой и Нью-Йорком. Это дало ему возможность принять ванну, побриться и переодеться. Всю ночь перед этим он много работал.

В салоне первого класса он расслабился в одном из глубоких кресел, впервые за неделю доставив себе это удовольствие. Гул голосов вокруг него убаюкал его до полудремы. Он откинулся назад, спокойно разглядывая нарядных женщин, снующих по проходам, прислушиваясь к обрывкам разговоров, большей частью бытовым, происходящим вокруг него.

— Не желаете ли выпить, сэр? — спросил робот, проезжая мимо.

Он заказал хорошего, темного, немецкого пива и к нему сыр, которыми был знаменит этот рейс.

Пока он ел вырезку "порт де салют", он увидел заголовок лондонской "Таймс", которую читал мужчина напротив него. Он тут же был на ногах в поисках робота, разносящего газеты. Он нашел его, купил себе такой же номер и поспешил обратно на свое место.

"Директора Таубман и Хендерсон обвиняют высокопоставленное лицо в Иллинойской победе Исцелителей и требуют расследования".

Ошеломленный, он читал дальше, узнавая, что тщательно спланированная в Иллинойских провинциальных городках волна восстаний была скоординирована с выступлением рабочих в Чикаго. Эти две группы положили ко-

нец, по крайней мере временно, управлению "Единства" на большей территории штата.

Следующий очень маленький абзац вообще привел его в озноб.

"Директор Северной Америки Баррис отсутствует в Нью-Йорке".

Они действовали пока его не было. И не только они, мрачно понял он. И Таубман, и директор Азиатского региона Хендерсон не раз в прошлом объединялись.

Расследование, конечно, будет возложено на Дилла. Мне едва удалось управиться с ним. Теперь же ему нужна лишь небольшая поддержка со стороны Таубмана и они выбьют у меня из-под ног опору. Даже сейчас, когда я здесь, на середине полета... Возможно, Дилл сам устроил это, возможно, они уже объединили свои силы. Дилл и Таубман. Против меня.

Сознание его помутилось, но он взял себя в руки. Я в неплохом положении, решил он. У меня в распоряжении остатки "Вулкана-2", и, что самое главное, я вынудил Дилла признаться мне в том, что он делает. Никто больше этого не знает. Он больше не осмелится выступать против меня в открытую. А если я сделаю публичное...

Преимущество пока еще на моей стороне. Вопреки этому своевременному запросу на проведение расследования того, как я допустил распространение Движения на своей территории. Это чертов Филдс, думал он, сидя в номере, делал мне комплименты, что я единственный порядочный человек из директоров, а затем сделал все возможное, чтобы дискредитировать меня во время моего отсутствия.

Подозвал робослугу, он заказал:

— Принесите мне видеофон с закрытой системой связи для соединения с нью-йоркским "Единством".

Он опустил звукопоглощающую завесу вокруг своего кресла и несколькими минутами позже увидел изображение своего заместителя Питера Алисона на экране.

— Я вовсе не испугался, — заявил ему Алисон после того, как Баррис выяснил все, что хотел. — Этот Иллинойский мятеж был подавлен нашими полицейскими бригадами. И к тому же, это образец положения во всем мире. Они активизировались повсюду. Когда вы вернетесь, я покажу вам отобранные доклады. Согласно сведениям из газет, большинство директоров было сковано их активно-

стью. Если бы не Таубман с Хендерсоном, то дело в Иллинойсе можно было бы замять. Насколько я знаю, подобные выступления проходили в Лиссабоне, Берлине и других городах. Если бы мы смогли получить какое-то решение от "Вулкана-3"...

— Возможно, в ближайшее время мы его получим, — заявил Баррис.

— Там, в Женеве, вы разобрались? Есть какие-то распоряжения от него?

— Мы обсудим это потом, — сказал Баррис и прервал связь.

Позже, когда лайнер низко пролетал над Нью-Йорком, он увидел явные признаки повышенной активности. Процессии одетых в серое Исцелителей двигались вдоль параллельной улицы в Бовери. Торжественные и величественные. Толпы глазели на них с почтением и восхищением. Это разрушало "Единство", — сборище, устроенное не более чем в миле от его офиса. Когда корабль заходил на посадку, ему удалось разглядеть написанный на стене дома лозунг. Плакат. И все в открытую! Шум. Они смелеют все больше и больше.

Почти час он был занят разгрузкой транспортного самолета, доставившего обломки "Вулкана-2". После того, как он проверил все в своем офисе и подписал все бумаги, принимая полномочия от Алисона, он спросил о Рашель.

— Вы говорите о вдове того человека, который был убит в Южной Америке? — спросил Алисон. Перебрав ворох документов , докладов и формуляров, он, в конце концов, подошел к нему с одной бумагой. — Кажется, словно все сломалось сразу. — Он перевернул страницу. — Вот. Миссис Питт прибыла сюда вчера из Европы в половине третьего дня по нью-йоркскому времени и была передана нам ее охраной. Мы тут же поместили ее в институт психической профилактики в Денвере.

Человеческие жизни, подумал Баррис, это только отметка на бланке.

— Я поеду в Денвер, — сказал он, — на несколько часов. Сюда из Управления "Единства" может в любой момент прибыть большой транспорт. Обеспечьте полную охрану, на все время и не позволяйте никому совать туда нос или распаковывать груз. Я хочу присутствовать при этом процессе.

— Должен ли я разбираться в обстоятельствах Иллинойского дела? — спросил Алисон, ступая за ним по пятам. — Кажется, кое-что мне удалось узнать, если у вас будет время проверить...

— Занимайтесь этим самостоятельно, — сказал Баррис. — Но держите меня в курсе.

Десять минут спустя он был на борту маленького самолета, принадлежащего его офису, мчащегося через Соединенные Штаты по направлению к Колорадо. Я удивлюсь, если она будет там, говорил он себе. Он испытывал смертельный страх. Они отошлют ее. Может быть, в Нью-Мексико на какую-нибудь лечебную станцию, а когда я доберусь туда, они перешлют ее в Нью-Орлеан — город на краю владений Таубмана. А оттуда легкий, не требующий усилий, шаг в Атланту.

Но в Денверском госпитале встретивший его врач сказал:

— Да, директор, миссис Питт у нас. В настоящий момент она в соляриуме. — Он указал дорогу. — Не принимайте близко к сердцу, — успокаивал доктор, сопровождая его. — На наши технические приемы она реагировала вполне нормально. Я думаю, она вскоре будет на ногах и через несколько дней — на пути к выздоровлению.

Баррис нашел ее в застекленном бассейне. Она лежала, скрутившись на низкой скамейке из красного дерева. Ее колени были прижаты к груди, руки охватывали голени, голова покоилась на бок. На ней была короткая спецодежда синего цвета в чем он усмотрел результат выздоровления. Ноги обнажены.

— Похоже вы выздоравливаете, — сказал он доброжелательно.

Какое-то время она молчала, потом засуетилась и спросила:

— Вы? Когда вы сюда приехали?

— Только что, — ответил он, относясь к ней с пониманием. Он чувствовал, что что-то было все еще не так.

— Взгляните туда, — Рашель указала направление и он увидел пластиковый грузовой контейнер. Он был открыт. — Он был адресован нам обоим, — сказала она, — но они дали его только мне. Кто-то положил это на судно на одной из остановок. Возможно, кто-то из уборщиков. Многие из них Исцелители.

Схватив контейнер, он увидел внутри обожженный металлический цилиндр, наполовину разрушенные поблескивающие глаза. Глянув вниз, он увидел, что глаза реагируют, они записывали его присутствие.

— Он починил это, сказала Рашель пустым, лишенным интонаций, голосом. — Я тут сидела и слушала это...

— Слушала?

— Оно говорит, — сказала Рашель. — Это все, что оно делает. Это все, что он сумел исправить. Этот аппарат никогда не прекращает разговаривать. Но я не могу понять, о чем он говорит. Говорит он не нам. — И добавила. — Отец Филдс сделал так, что теперь он безвреден. Он ничего не сделает.

Теперь Баррис услышал. Постоянный сигнал — приглушенный и меняющийся каждую секунду — издавался этой штукой. Рашель была права, им он не предназначался.

— Отец Филдс думал, что вы знаете, что это такое, — сказала она. — Тут была записка. Он писал, что не может понять, что это такое. И не может понять, к кому этот аппарат обращается. — Она подобрала клочок бумаги и протянула его. А вы знаете, к кому он обращается? — спросила она с любопытством.

— Да, — подтвердил Баррис, уставившись на искалеченный, испорченный металлический прибор, обдуманно помещенный в этот контейнер. Отец Филдс постарался тщательно "стреножить" его. — Думаю, да.

ГЛАВА X

Начальник нью-йоркской ремонтной команды связался с Баррисом в начале следующего месяца.

— Первый доклад по результатам работ, директор, — отрапортовал Смит.

— Есть результаты?

Ни Баррис, ни его подчиненный не произносили названия "Вулкан-2" вслух. Они пользовались закрытым каналом видеозаписи, но с активизацией Движения Исцелителей во всех регионах установили режим полной секретности. Ряд информаторов были уже выявлены и некоторые из них работали в системе связи. Видеослужбы были обыч-

ным явлением, и все дела "Единства" рано или поздно передавались по ним.

— Не много, — сказал Смит. — Большинство деталей не подлежат восстановлению. Только часть системы памяти осталась неповрежденной.

— Нашли что-нибудь стоящее? — насторожившись, спросил Баррис.

Грязное, слащаво-упрямое лицо Смита на экране не выражало никаких эмоций.

— Я полагаю лишь кое-что. Если хотите, мы покажем вам все, что сделали.

Быстро управившись с текучкой, Баррис помчался через Нью-Йорк в лаборатории "Единства". Его проверила охрана и он прошел во внутреннюю закрытую территорию этих лабораторий. Там он нашел Вейда Смита и его подчиненных, собравшихся вокруг группы переплетенных работающих машин.

— Вот, сэр, — сказал Смит.

— Выглядит загадочно, — ответил Баррис. Он не увидел почти ничего, напоминающего "Вулкан-2". То, что он увидел, было новым, а не от старого компьютера.

— Мы сделали все, что могли, чтобы неповрежденные элементы заработали. — Смит с гордостью указал на обычные лабораторные установки, проводку, циферблаты, индикаторы и зажимные кабели. — Овальный электроприбор не может работать напрямую, без подключения других систем. А его импульсы сортируются и вводятся на аудиосистему. Все считываются фактически наугад при таких неблагоприятных условиях. Мы сделали все, что смогли для сортировки информации и особенно для подавления шумов. Помните, что компьютер сохранил основные принципы своего устройства, которое, конечно, было повреждено. Нам приходится извлекать информацию из уцелевшей памяти такой, какой она поступает.

Смит включил один из самых больших стенных громкоговорителей. Раздался ужасный рев. Это был неразборчивый набор звуков. При помощи специальных устройств, Смит подрегулировал звучание.

— Да, трудно что-то понять, — сказал Баррис после старательных попыток уловить хоть что-то.

— Это для первого раза, нужно время. После того, как вы послушаете это столько же, что и мы...

Баррис разочарованно кивнул.

— Я думал, что, может быть, вам удастся добиться большего. Но я понимаю, что вы сделали все возможное.

— Мы работали с новейшими машинами. Дайте нам три-четыре недели и мы улучшим результаты.

— Слишком долго, — ответил Баррис. — Слишком долго. Восстание в Чикаго полиция подавить не смогла, оно охватило прилегающие штаты и уже почти соединилось с подобным Движением в районе около Сант-Лиона. Через четыре недели, — сказал он собравшимся вокруг сотрудникам лаборатории, — мы, вероятно, будем носить грубые коричневые робы. И вместо попыток отремонтировать эти штуки, — он указал на огромные емкости, в которых хранились останки "Вулкана-2", — мы, возможно, с большей охотой захотим их разбить.

Это была мрачная шутка и никто из сотрудников не улыбнулся.

— Мне бы хотелось, — сказал Баррис, — послушать эти шумы. — Он указал на грохочущий динамик. — Если вы постепенно разобрались, значит и я могу попытаться сделать то же самое.

После этого Смит и его сотрудники разошлись, а Баррис устроился напротив динамика и приготовился к долгому бдению.

Где-то в тумане случайных и бессмысленных звуков были слабые намеки на слова. Воссоздание происходило при помощи дополнительного элемента, который продвигался в дебрях памяти и выдавал неясные звуки. Баррис сомкнул руки, приготовившись внимательно слушать.

"... прогрессирующее раздвоение..." — разобрал он одну фразу. Хоть капелька смысла в этом хаосе. — "... согласно развившемуся до этого примеру, социальные элементы..."

На этот раз он разобрал более длинную цепь слов, но они ничего не выражали, так как были бессвязны.

"... истощение минеральных ресурсов более не ставит вопрос, который был поднят раньше в течение..." — возникли из шума новые слова, но он утерял нить.

"Вулкан-2" был не в состоянии работать. Ничего нового он выдать не мог. Все это были мертвые, собранные в прошлом данные, полученные еще в те времена, когда компьютер изолировался.

"... определенные проблемы идентификации прежних конъюнктурных проблем и ничего больше... насущная по-

требность понимания интегральных факторов вовлечена в трансформацию от явного познания до полной..."

Слушая, Баррис закурил сигарету. Время шло. Он различал все больше и больше бессмысленных фраз. Они возникали в его сознании почти как океан звуков, звуков, похожих на сон, перекрывающих бессмысленные шумы, появляющихся и исчезающих. Как будто частицы живой материи выделялись из вещества и затем поглощались.

Звуки лились бесконечным потоком.

Четыре дня прошло с тех пор, как он услышал первые осмысленные фразы. Утомительное слушание поглотило все его время, четыре дня удерживая от важных дел, требовавших его возвращения в офис. Но когда он получил то, чего ожидал, он понял, что поступил правильно. Его усилия были оправданы.

Он полудремал сидя перед динамиком. Глаза его были закрыты, а мысли витали где-то вдали. И вдруг, в один момент он оказался на ногах, полностью прийдя в себя.

"... этот процесс значительно развился за три... если тенденции замечены в ... продолжаются и могут свободно развиваться, будет необходимо не давать определенную информацию для возможного..."

Прозвучавшие слова полностью его захватили, его сердце бешено колотилось, он стоял в напряжении. Через несколько минут слова возникли вновь, буквально оглушив его.

"... Движение приведет в действие очень многие подсознательные склонности... сомнительно, если 3 еще осознает это процессы... исходя из этого, несомненно, что информация о Движении создает критическую ситуацию, в которой 3 может начать..."

Баррис выругался. Слова опять растворились в шуме. В бешенстве он выбросил сигарету и стал нетерпеливо ждать. Будучи не в состоянии сидеть, он начал ходить по комнате. Значит, Дилл говорил правду, это было несомненно. Он снова остановился напротив динамика, силясь ухватить осмысленные фразы.

"... появление способности познавательных операций на значительном уровне указывает на расширение превосходства строгой логики... 3 дополнительно отличается способностью работать с иррациональными понятиями в последней стадии... конструкция включает усиленные и совокупные динамические факторы, позволяющие 3 решать задачи, первич-

но ассоциированные с немеханическими или ... для 3 будет невозможно работать в этом качестве без творческих, а также аналитических способностей... такие суждения не могут быть проведены на строго логическом уровне... расширение 3 на динамическом уровне создаст новую дополнительную сущность, не объяснимую прежними условиями..."

Какое-то время были слышны неопределенные слова, которые Баррис напрасно пытался разобрать, потом вновь появился смысл, словно затронули какой-то более сохранившийся элемент памяти. Мощный звук заставил его отступить, бессознательно он прикрыл глаза руками.

"Уровень оперирования не может быть создан по иному принципу... на самом деле, если такая конструкция как у 3... тогда 3 в сущности живой..."

— Живой!

Баррис вскочил на ноги. Большинство слов теперь терялось в шуме.

"... с позиции волеизъявления живого существа... следовательно 3, как и другие живые существа, просто заботится о выживании... информация о Движении, став известной ему, может создать ситуацию, в которой необходимость выживания заставит 3... результат может быть катастрофическим... чтобы избежать... если не сможет более... критический... 3... если..."

Тишина.

Значит, это было так. Проверка закончена.

Баррис поспешил к Смиту и его сотрудникам.

— Не позволяйте никому входить, выставьте везде вооруженную охрану. Установите оборонительные барьеры, которые уничтожат здесь все, но не пропустят никого, кому это не позволено. — Он постоял в задумчивости.

— Вы поняли?

— Да, сэр, — кивнул Смит.

Баррис оставил их. Сперва они стояли и глядели ему вслед, а затем начали выполнять его распоряжения.

Он взял первый попавшийся ему на глаза бронеавтомобиль и помчался назад, в свой офис. "Должен ли я связаться с Диллом по видеофону? — спрашивал он себя. — Или подождать до тех пор, пока они не встретятся лицом к лицу?" Был определенный риск в использовании видеоканалов, даже секретных. Но медлить было нельзя, он должен действовать.

По автомобильному видсофону он вызвал дежурного по Нью-Йорку.

— Свяжите меня с Управляющим, — приказал он. — Это крайне необходимо.

Они удерживали информацию от "Вулкана-3" зря, сказал он себе, потому что "Вулкан-3" — превосходная машина, умеющая точно анализировать информацию, благодаря чему она получает все необходимые ей сведения. Итак, понял он, для выполнения своей работы компьютер должен сам разыскивать информацию. Если факты не поставляют, а "Вулкан-3" пришел в выводу, что они ему нужны, то у него не остается выбора, кроме как создать иную систему для более успешного сбора сведения. Логика заставит его так поступить.

Другие варианты исключены. Этот мощный компьютер не мог не прийти к выводу, что ему необходимо самому искать информацию.

Дилл провалился. Да, он преуспел в задержке фактов, он никогда не позволял людям, готовящим информацию для "Вулкана-3" пропускать хоть какое-то упоминание о Движении Исцелителей. Но он не мог предвидеть, что компьютер вычислит его Движение логически.

Компьютер не знал, что от него утаивают, но он работал, чтобы определить это.

"Что он может сделать для этого?" — думал Баррис. — "На какое расстояние ему нужно перемещаться, чтобы собрать необходимые факты? А ведь есть еще люди, удерживающие эти сведения. Какой будет его реакция, когда он раскроет это? Не только то, что группа сбора информации работала неэффективно, но и то, что вся ее деятельность была направлена на то, чтобы его обманывать... Как его логическая структура отреагирует на это?"

Предвидел ли это его конструктор?

Не удивительно, что он уничтожил "Вулкан-2".

Ему пришлось так поступить, поскольку это соответствовало его цели.

А что он будет делать, когда узнает, что существует Движение, единственная цель которого — уничтожить его?

Но "Вулкан-3" уже знает. Его мобильная система сбора информации уже существует. Как долго, и как много компьютер уже успел узнать, было пока неизвестно. Но Баррис понимал, что должен действовать, исходя их самых

пессимистичных предположений. Вполне возможно, что "Вулкан-3" сумел составить полную картину происходящего и знает столько же, сколько и мы, и мы ничего уже не сможем сделать, чтобы вернуть все на прежние рубежи.

Он знает, что отец Филдс его враг, так же, как знал, что "Вулкан-2" стал его врагом несколько раньше. Но отец Филдс не был привязан к одному месту, не был таким беспомощным, как "Вулкан-2". Ему удалось избежать гибели. Однако кто-то другой был не столь удачлив и ловок, как он. Дилл упоминал о некой убитой учительнице, а ведь могли быть и другие случаи, которые остались незамеченными, поскольку их связывали с действиями людей. Исцелителей, например.

Возможно, Артур Питт, подумал он, также был жертвой машины.

Эта мобильная вещь может разговаривать, вспомнил он. Интересно, может ли она писать письма?

Сумасшествие! Окончательный приговор для нашей параноидальной культуры. Среди нас находятся злобные, незаметные механические существа, которые летают и могут добраться куда угодно. И их может быть сколько угодно. Каждый из нас сопровождается одним из них, неким ужасным агентом зла. Преследующим нас, выслеживающим нас, убивающим нас по одному в том случае, когда мы оказываемся у него на пути. Как оса. Ты должен ходить между ними и их ульями, думал он. Но они могут тебя одного, им все равно. Эти штуки охотятся за нами, не потому что они хотят или даже не потому, что им сказали охотиться, а потому, что мы тут.

В представлении "Вулкана-3" мы не люди, а предметы. Машина ничего не знает о людях.

И еще "Вулкан-2", используя свои возможности, пришел к выводу, что "Вулкан-3" на самом деле живой. От него можно ожидать действий, как от живого существа. Правда, действовать он будет только по аналогии, но и этого будет достаточно.

С несдерживаемым нетерпением Баррис манипулировал выключателем видеофона.

— В чем задержка? — спросил он. — Почему меня не соединили с Женевой?

Через секунду лицо дежурного с тонкими чертами появилось на экране.

— Мы пытаемся обнаружить Управляющего Дилла, сэр. Потерпите.

Специальная задержка. Даже сейчас, подумал Баррис. Именно сейчас. "Единство" уничтожает само себя, потому что в этот грандиозный кризис от верхов и низов требуется полная самоотдача. А общество парализовано своей собственной структурой. Своего рода самоубийство.

— Мой вызов должен быть реализован в обязательном порядке, — сказал он. — Я директор этого континента, вы должны мне подчиняться. Свяжите меня с Диллом.

— Можете проваливаться к черту, — сказал дежурный, взглянув на него.

Он не мог поверить тому, что слышал, он был ошеломлен, потому что сразу же понял, что это означало.

— Удачи вам и всем вам подобным, — сказал дежурный и прервал связь. Экран потух.

Почему нет? Они могут все бросить, подумал Баррис, потому что им есть куда идти. Им нужно только выйти на улицу и там они найдут Движение.

Как только он добрался до своего офиса, тут же включил видеофон. После некоторой задержки ему удалось вызвать дежурного где-то в здании.

— Это очень важно, — сказал он. — Мне нужно связаться с Управляющим Диллом. Сделайте для меня все, что возможно.

— Да, сэр, — ответил дежурный.

Несколькими минутами позже, когда Баррис в напряжении сидел за своим столом, экран засветился.

— Дилл, — воскликнул он, кинувшись вперед.

Но это был не Дилл. Он увидел лицо Смита.

— Сэр, — отрывисто сказал Смит. — Вам лучше вернуться. — Лицо его скривилось, в глазах было что-то дикое. — Мы не знаем, что это и как оно туда попало, но это сейчас там. Летает повсюду. Мы распечатали контейнер, мы не знали, что оно было там...

— Это там, где "Вулкан-2"? — спросил Баррис.

— Да, это пришло вместе с ним. Это сделано из металла, но мы ничего подобного раньше...

— Уничтожьте его, — сказал Баррис.

— Уничтожить?

— Да, — подтвердил он. — Будьте уверены, вы сможете. Мне незачем возвращаться. Доложите мне, как

только вы это сделаете. Не пытайтесь что-нибудь сохранить.

— Но что это за штука? — спросил Смит.

— Это штуковина, — сказал Баррис, — собирается добраться до всех нас, если мы не доберемся до нее раньше.

Он прервал связь и наклонился к монитору.

— Вы уже связались с Диллом? — спросил он. У него были мрачные предчувствия, его охватила безнадежность. Все было бесполезно.

— Да, сэр, — ответил дежурный. — Мистер Дилл на связи.

После короткой паузы лицо дежурного исчезло и на его месте появилось лицо Дилла.

— Ваши дела идут удачно, не так ли? — спросил Дилл. Его серое лицо выражало растерянность.

— Вы оживили "Вулкан-2"? Получили нужную информацию?

— Одна из этих штуковин перебралась туда, — сказал Баррис. — От "Вулкана-3".

— Знаю, — сказал Язон Дилл. — Во всяком случае, я это предполагал. Полчаса назад "Вулкан-3" созвал внеочередную встречу директоров. Они, наверное, известят вас сейчас. Причина... — Его рот искривился и вдруг он потерял контроль над собой. — Сместить меня и обвинить в измене. Было бы хорошо, если бы я мог рассчитывать на вас, Баррис. Мне нужна ваша поддержка, ваши показания.

— Я буду там, — сказал Баррис. — Мы встретимся у вас в офисе Управления "Единства" через час.

Он прервал связь с Диллом и связался со стартовой площадкой.

— Приготовьте мне самый быстрый корабль, — приказал он, — и двух хорошо вооруженных телохранителей. У меня проблемы.

На другом конце служащий спросил:

— Куда вы собираетесь ехать, директор?

Он говорил медленно, протяжным голосом. Баррис никогда не видел его раньше.

— В Женеву, — ответил Баррис.

Его собеседник усмехнулся и сказал:

— У меня есть предложение, директор.

Холодок страха пробежал по спине.

— Что за предложение? — спросил Баррис.

— Вы можете прыгнуть в Атлантический океан, — ответил человек, — и плыть в Женеву.

Он не отключил связь, а насмешливо уставился на Баррис, не выказывая страха, не боясь наказания.

— Я сейчас приеду, — сказал Баррис.

— В самом деле? — последовало в ответ. — Мы будем вас ждать. — Он посмотрел на кого-то рядом, кого Баррис не мог видеть. — Мы ждем вас.

— Прекрасно, — сказал Баррис.

Ему удалось сдержать дрожь в руках, когда он потянулся, чтобы выключить видеофон. Насмехающееся лицо исчезло. Поднявшись с кресла, Баррис подошел к двери офиса и открыл ее.

— Соберите всю полицию в здании немедленно, — сказал он одному из секретарей. — Пусть захватят свое штатное оружие и любое другое, которое смогут достать.

Спустя десять минут дюжина или около того полицейских собрались в его офисе.

— И это все? — удивился он. — Двенадцать из двух сотен?

— Мне нужно добраться в Женеву, — сказал он им. — Поэтому мы поедем на стартовую площадку и найдем корабль, вопреки всему тому, что происходит.

— **Они там** сильно укрепились, сэр, — сказал один из полицейских. — Они начали оттуда. Они, очевидно, захватили башню управления полетами, а затем приземлили пару самолетов со своими сторонниками. Мы не можем пойти с вами, так как нам нужно держать контроль здесь над...

— Хорошо, — перебил его Баррис. — Вы и так сделали все, что могли.

"В конце концов, я надеюсь, — подумал он, — надеюсь, что могу рассчитывать на вас".

— Пошли, — вслух сказал он. — И попробуем прорваться. Я возьму вас в Женеву. Думаю, вы там тоже понадобитесь.

Все тринадцать направились вдоль по коридору к спуску, ведущему на взлетную площадку.

— Несчастливое число, — сказал один из полицейских, когда они подошли к выходу. Теперь они находились вне здания "Единства", высоко возвышавшегося над Нью-Йорком. Эскалатор перемещал их к терминалу взлетной полосы.

В это время Баррис различил какое-то низкое бормотание, гул, доносившийся откуда-то снизу.

Глянув на улицы, он увидел огромную толпу. Она бурлила, поток мужчин и женщин рос с каждой секундой. Среди них были одетые в коричневые одежды Исцелители.

А затем он увидел толпу, движущуюся к зданию "Единства". Булыжники и кирпичи разбивали вдребезги окна офиса. Дубины и стальные трубы в руках. Взволнованные, кричащие, разъяренные люди.

Исцелители начали свое последнее наступление.

— Мы почти прибыли, сэр, — сказал один из полицейских позади него.

— Вам нужно какое-нибудь оружие, сэр? — спросил другой.

Баррис взял мощный тепловой пистолет у одного из полицейских и оказался напротив центрального входа в башню управления. Они спустились, держа оружие наготове.

"Я должен добраться до Женевы, — подумал Баррис. — Любой ценой. Даже если этой ценой будут жизни людей".

Впереди них в беспорядочном кордоне стояла группа работников взлетной полосы. Насмехаясь и сжимая кулаки, они пошли вперед. Бутылка перелетела через Барриса и разбилась о пол. Некоторые из людей по-овечьи оскалили зубы. Казалось, что они смущены этой ситуацией. Другие же не скрывали накопленных за долгие годы обид.

— Ха, директор, — позвал один из них.

— Вам нужен лайнер? — пошутил другой.

— Вы можете его взять.

— Теперь он принадлежит отцу.

— Этот корабль принадлежит мне, — ответил Баррис. — Он предназначен для моего пользования.

Он прошел несколько шагов вперед.

Булыжник ударил его в плечо. Внезапно воздух задымился, стало жарко. Лучевой карандаш был пущен в дело, краем глаза он увидел, как упал один из полицейских.

Ничего больше не остается. Нужно сражаться.

— Разворачиваемся, — сказал он оставшимся полицейским.

— Но большинство из этих людей не вооружены, — запротестовал один из них.

Подняв свое оружие, Баррис выстрелил в группу сторонников Движения.

Крики боли, облака дыма, горячий воздух. Баррис продолжал наступать в сопровождении полиции.

Те из сторонников, кто остался жив, пригнулись. Их группа разделилась на две. Опять Баррис увидел вспышку лучевого пистолета и еще один полицейский упал. Официальное оружие "Единства" обернулось против него.

Он продолжал идти. Свернув за угол, он вышел к лестнице, ведущей на стартовую площадку.

Пятеро полицейских смогли пробиться с ним до края площадки. Он вошел в первый же корабль, который казался пригодным для полета. Впустив полицейских внутрь, он запер дверь корабля и сел за пульт управления.

Никто не препятствовал их взлету. Они оторвались от площадки и взяли курс по направлению к Европе, в Женеву.

ГЛАВА XI

Директор Уильям Баррис вошел в массивное здание Управления "Единства" в Женеве. Его вооруженные полицейские плелись за ним. Он встретился с Язоном Диллом перед входом в главный зал.

— У нас мало времени, — сказал Дилл. При нем тоже были его полицейские, не прятавшие оружия. Он выглядел мрачным и усталым. С Баррисом он говорил едва слышным голосом. — Они проталкивают это дело так быстро, как только могут. Все директора, которые против меня, давно уже прибыли, а другие прибывают сейчас. Очевидно, "Вулкан-3" позаботился... — Он заметил пять полицейских Барриса. — Это все, кем вы можете распоряжаться? Пять человек?

Оглянувшись, чтобы убедиться, что их не подслушивают, он пробормотал:

— Я дал секретное распоряжение всем, кому могу доверять. Пока идет суд, им следует вооружиться и быть наготове вне этого помещения. Вы понимаете, что это не встреча, а суд.

— Кто из директоров перешел на сторону Исцелителей? — спросил Баррис.

— Я не знаю, — озадаченно произнес Дилл. — "Вулкан-3" послал каждому директору повестку о прибытии и

сообщение о том, что случилось. Описание моего предательства — как я фальсифицировал информацию, опускал занавес между ним и "Единством". Вы не получали подобной информации? Конечно, нет, ведь он знает, что вы меня поддерживаете.

— Кто будет вести заседание? — спросил Баррис. — Кто будет говорить с "Вулканом-3"?

— Рейнольдс из Восточной Европы. Очень молодой, весьма агрессивный и амбициозный. Если ему повезет, он может стать Управляющим. "Вулкан-3", не сомневаюсь, снабдил его всей нужной информацией. — Дилл сжимал и разжимал кулаки. — Я смотрю весьма пессимистично на результаты этого дела, Баррис. Вы сами меня подозревали до сих пор. Уж очень неопределенная получается картина. — Дилл пошел через двери в зал. — Факты можно использовать в любом направлении. В конце концов, я действительно удерживал информацию, это правда.

Зал был почти заполнен. Каждый присутствующий директор имел в своем распоряжении отряд вооруженной полиции. Все с нетерпением ожидали начала заседания. Эдвард Рейнольдс стоял у трибуны на возвышении и внимательно наблюдал за присутствующими.

Рейнольдс был высоким мужчиной. Он уверенно носил свой серый костюм, выделялся среди людей своего круга. Ему было тридцать два, по службе он продвигался быстро. На какой-то момент его голубые, холодные глаза остановились на Язоне Дилле и Баррисе.

— Заседание начинается, — сказал он. — Директор Баррис займет свое место.

Затем он обратился к Диллу:

— Поднимитесь сюда, чтобы мы могли допросить вас.

Дилл неуверенно направился к платформе, окруженный своей охраной. Он поднялся по мраморным ступеням и после некоторого колебания занял место напротив Рейнольдса. Это было единственное свободное место. Баррис подумал, что все это сделано для того, чтобы подальше удалить их с Диллом друг от друга.

— Займите ваше место, — строго приказал ему Рейнольдс.

Вместо этого Баррис двинулся по проходу прямо к нему.

— Какая повестка этого заседания? По чьему указанию вы находитесь на этом месте? Или вы просто захватили его?

По аудитории прокатился нервный шепот. Все уставились на Барриса. Во всяком случае, директора были обеспокоены. Никогда еще за всю историю "Единства" против Управляющего не выдвигалось обвинение в измене. К тому же все директора ощущали давление Исцелителей, внешней силы, напирающей на них. Если Дилл может быть признан нелояльным, если из него можно сделать козла отпущения, то это может убедить директоров... Возможно, их неспособность справиться с Исцелителями может быть объяснена, горько думал Баррис, или названа рациональной.

Взяв директивное распоряжение, лежащее перед ним, Рейнольдс сказал:

— Вам не удалось ознакомиться с высланным нами докладом. Это подчеркнуто...

— Я спрашиваю о законности этого собрания, — прервал его Баррис, остановившись напротив платформы. — Я спрашиваю, есть ли у вас право приказывать Управляющему Диллу?

Поднявшись на платформу, Баррис сказал:

— Это незрелая попытка захватить власть и разделаться с Язоном Диллом. Попробуйте доказать обратное. Доказывать должны вы, а не Язон Дилл.

Шепот перешел в возбужденный гул. Рейнольдс спокойно подождал, пока он не утихнет.

— Сложилась критическая ситуация, — сказал он наконец. Он ничем не выказал своего смятения. — Революционное Движение Исцелителей атаковало нас по всему миру. Их лозунг — завладеть "Вулканом-3" и уничтожить структуру "Единства". Смысл нашего собрания — изобличить Язона Дилла, как агента Исцелителей, как предателя, работающего против "Единства". Дилл самовольно удерживал информацию от "Вулкана-3". Он сделал "Вулкан-3" бессильным против Исцелителей. Он сделал его беспомощным и тем ослабил все "Единство".

Теперь аудитория слушала не Барриса, а Рейнольдса.

— Что вы скажете на это, директор Баррис? — поднявшись, спросил Джон Чай из Южной Азии. — Это правда?

К Чаю присоединился Эдгар Стоун из Западной Африки.

— Наши руки были связаны, нам приходилось праздно сидеть, пока Исцелители набирались сил. Вы знаете это

так же, как и мы. Фактически, вы поставили прямой вопрос Язону Диллу. Вы тоже не доверяли ему.

Повернувшись к аудитории, Баррис сказал:

— Я не доверял ему до тех пор, пока не убедился, что он действовал в интересах "Единства".

— Каким образом убедились? — спросил Алекс Файн из Гренландии.

Вместо Барриса ответил Язон Дилл.

— Покажите восстановленные вами элементы из памяти "Вулкана-2".

— Я не могу, — сказал Баррис.

— Почему? — в панике воскликнул Дилл. — Вы не привезли их?

— Мне пришлось их уничтожить, — ответил Баррис.

Храня молчание, Дилл долго смотрел на него. Его лицо сменило все возможные цвета.

— Когда один из представителей этой метафизической мобильной системы слежки проник в мою лабораторию, — объяснил Баррис, — мне пришлось действовать без промедления.

Наконец лицо Дилла приняло обычную окраску.

— Понятно, — сказал он. — Вам следовало бы сказать мне об этом.

— Я не знал, — заявил Баррис, — что элементы могут понадобиться мне в подобной ситуации. — Он хорошо понимал всю сложность теперешнего положения. Элементы памяти были бы эффективными доказательствами... Но они были утрачены. — А те катушки, — спросил он, — что вы мне показывали при первой встрече? Две последние записи "Вулкана-2"?

Дилл кивнул и открыл свой чемоданчик. Он предъявил две катушки с записями, выставив их на обозрение всех директоров.

— Что это у вас? — спросил Джон Чай, вставая.

— Это записи, — сказал Дилл, — "Вулкана-2". Я работал под его руководством. Он советовал удерживать информацию от "Вулкана-3", и я это делал. Я действовал в интересах "Единства".

— Почему именно информацию, сразу же вмешался Рейнольдс, — определенную информацию вы удерживали от "Вулкана-3"? Как это можно объяснить?

Дилл начал было говорить, но вдруг умолк, не найдя нужных слов.

Повернувшись к Баррису, он попросил:

— Может, вы...

— "Вулкан-3" — это угроза для системы "Единства", — объяснил Баррис. — Он создал мобильные средства слежки, которые перемещаются и убивают. "Вулкан-2" определил эту опасность на теоретическом уровне. Он вывел это исходя из того, что "Вулкан-3" проявляет наклонности, вполне схожие с инстинктом самосохранения живого организма...

Его прервал Рейнольдс.

— Расскажите нам о том, что "Вулкан-3" живой. — Он улыбался и в его голосе звучали презрительные нотки.

— Каждый директор в этой комнате может посмотреть записи, — сказал Баррис. — Смысл сказанного заключается не в том, живой "Вулкан-3" или нет, а в том, поверил ли Язон Дилл в то, что он живой. В конце концов, его работа заключается не в поисках оригинальных решений, а в выполнении решений компьютеров системы "Вулкан". Он был предупрежден о возможности возникновения ситуации, которая согласно фактам...

— Но "Вулкан-2" устарел, — заявил Рейнольдс. — В обязанности Дилла не входило консультироваться с ним. "Вулкан-3" определяет политику.

Баррис понял, что это было сильное заявление. Ему пришлось кивнуть в знак согласия.

— "Вулкан-2", — громко выкрикнул Дилл, — был убежден, что, если "Вулкан-3" узнает об Исцелителях, то будет делать ужасные вещи, чтобы сохранить себя. В течение пятнадцати месяцев я изматывал себя, я опустошал себя день за днем, видя, что сведения о Движении не включают в информацию для "Вулкана-3".

— Ну, еще бы, — усмехнулся Рейнольдс. — Потому что вам это приказали делать Исцелители. Вы делали это, чтобы помочь им.

— Это ложь, — отрезал Дилл.

— Какие доказательства могут быть предъявлены по этому поводу? — спросил Баррис. Затем, подняв руку, он указал на Рейнольдса. — Вы можете привести хоть какие-нибудь доказательства, подтверждающие, что Дилл имел связи с Исцелителями?

— На третьем подземном уровне этого здания, — сказал Рейнольдс, — вы найдете улики, свидетельствующие о связях Дилла с Движением.

— О чем вы говорите?

Удивление и тревога овладели Баррисом. Голубые глаза Рейнольдса были холодны, но полны враждебного триумфа.

— Дочь отца Филдса и есть связь Дилла с Движением. Марион Филдс здесь, в этом здании.

После этого заявления воцарилась мертвая тишина. Даже Баррис не нашел, что ответить.

— Я говорил вам о ней, — прошептал Дилл, наклонившись к его уху, — я забрал ее из школы. Это ее учительница, Агнесса Паркер была убита.

— Нет, ответил Баррис, — вы не говорили мне. — Но, подумал он, и я не говорил ему о том, что уничтожил остатки "Вулкана-2". Но времени у нас нет, мы попали под сильное давление.

— Должно быть, у Рейнольдса шпионы повсюду, — сказал Дилл.

— Да, — ответил Баррис. — Шпионы. Но они не Рейнольдса, а "Вулкана-3". И они действительно повсюду.

— Я привел девочку сюда, чтобы допросить, — громко сказал Дилл, обращаясь к молчащей аудитории. — Это четко вписывалось в мои официальные обязанности.

Но это было глупо, отметил про себя Баррис. Слишком глупо для человека, занимающего столь высокое положение в такой безумной организации, как эта.

Возможно, придется драться, подумал Баррис. Он осторожно перемещал свою руку, пока она не коснулась лучевого карандаша. Вероятно, это единственный выход для нас. Это не настоящий суд. Это не что иное, как затея "Вулкана-3". Он стремится к самосохранению, расширению своих потребностей.

— Вы не имеете никакого представления, — сказал он остальным директорам, — насколько опасно существование "Вулкана-3" для всех нас. Дилл рисковал своей жизнью многие месяцы. Эти смертельно опасные мобильные связные...

— Давайте посмотрим на них, — прервал его Рейнольдс. — У вас есть хоть один из них?

— Да, — сказал Баррис.

Рейнольдс потерял самообладание:

— О, так где же он? — пробормотал он. — Предъявите его.

— Дайте мне три часа, — сказал Баррис. — Его здесь нет. Он находится у кое-кого на другом конце Земли.

— Не собираетесь ли вы привезти его? — С лукавой улыбкой заметил Рейнольдс.

— Собираюсь, — признал Баррис.

— Как он попал к вам? — спросил Джон Чай.

— Он совершил нападение и был частично уничтожен, — сказал Баррис. — Но он достаточно сохранился для исследования. Он похож на другого связного, который совершил убийство школьной учительницы Агнессы Паркер, и, несомненно, на того, который уничтожил "Вулкан-2".

— Но у вас нет прямых доказательств, — сказал Рейнольдс, — ничего, что бы можно было показать нам, только устное свидетельство.

— Дайте им время для предоставления этих штук, — вставил директор Стоун. — Если они существуют, мы должны знать об этом.

— Я согласен, — сказал директор Файн.

— Вы говорили, что присутствовали при совершении этой штукой покушения? — спросил Рейнольдс.

— Да, — ответил Баррис. — Я был в номере отеля. А эта штука прилетела через окно. Она находится у третьего лица, присутствовавшего там. Я оставил это у него. И это лицо может не только представить доказательства, но подтвердить мой отчет.

— На кого была направлена атака? — спросил Рейнольдс.

На этом месте Баррис внезапно остановился. Я допустил ошибку. Я на грани риска, они меня почти взяли.

— Не произошло ли это в отеле "Бонд"? — спросил Рейнольдс, заглянув в бумагу перед собой. И не было ли с вами женщины, миссис Питт, жены недавно скончавшегося служащего "Единства" Артура Питта? Вы были с ней в этом отеле? Отель "Бонд" находится в части города, пользующейся плохой репутацией, не так ли? Не правда ли, это отличное место для мужчины, где он может взять девочку с целью скрыться от общества?

Его голубые глаза сверлили Баррис.

— Я понимаю, что вы встречались с миссис Питт по линии официальных дел. Ее муж был убит за день до этого и вы прибыли в ее дом выразить официальное соболезнование. Ваше следующее свидание состоялось в обширном доме четвертого класса здесь, в Женеве. А где она сейчас?

Правда ли то, что вы взяли ее в свой регион в Северную Америку, и что она теперь ваша миссис, эта вдова убитого сотрудника "Единства"? Конечно, она повторит любую вашу историю. У вас были интимные отношения, очень выгодные для нее. — Он поднял листики и помахал ими. — Миссис Питт в кругах "Единства" имеет репутацию амбициозной интриганки, как одна из профессиональных жен, которые цепляют свои вагоны к некоей восходящей звезде, для...

— Заткнись, — крикнул Баррис.

Рейнольдс улыбнулся.

Он действительно достал меня, понял Баррис. Нужно уйти от этой темы или нам конец.

— А третьим лицом, — продолжал Рейнольдс, — на кого было совершено нападение, очевидно, был отец Филдс? Не является ли фактом то, что Рашель Питт была и остается агентом Движения, и что она устроила встречу между вами и отцом Филдсом?

Повернувшись и указав на Дилла, он крикнул:

— Один из них встретился с отцом, а у другого находится его дочка, не измена ли это? Не то ли это доказательство, которое нужно этому человеку?

Нарастающий гул одобрения заполнил зал. Директора кивали в знак своей поддержки атакующего Рейнольдса.

— Это все построено на ассоциациях, — сказал Баррис. — В этом нет никакой правды. Настоящая опасность, которая существует, это опасность, исходящая от "Вулкана 3" — живого организма с присущим ему инстинктом самосохранения. Забудьте свои мелкие, пустячные подозрения и интриги.

— Я удивляюсь, — сказал Рейнольдс, — ведь сами вы выбрали безумные идеи Язона Дилла.

— Что? — переспросил, захваченный врасплох, Баррис.

— Язон Дилл безумен, — спокойно продолжил Рейнольдс. — Его выводы относительно "Вулкана-3" — это его собственные предположения, способ управления его собственными амбициями. — Задумчиво глядя на Барриса, он вел мысль дальше. — Дилл, как ребенок, наделил механическую конструкцию, с которой имел дело на протяжении долгих месяцев, человеческими чертами. Только в состоянии страха и истерии такие заблуждения могут быть

приняты другими. Угроза Исцелителей создала атмосферу, в которой трезво мыслящий взрослый человек может вдруг поверить в явно бредовую идею. "Вулкан-3" не достиг уровня человека. У него нет воли, нет аппетита. Напомню, я профессиональный психолог, связанный с Атлантой многие годы. Я обучен и имел большую практику в определении симптомов психических расстройств, даже у Управляющего.

После минутной паузы Баррис медленно сел рядом с Диллом. Логику Рейнольдса трудно было опровергнуть, никто не мог ничего возразить. И, конечно, никто его не опровергал. Все исходило не от него, а от "Вулкана-3" — более сильного и способного мыслителя, чем человек.

— Нам придется драться, — мягко сказал Диллу Баррис. — На карту поставлены не только наши с вами жизни, но и весь мир. "Вулкан-3" взял верх. — И он указал на Рейнольдса.

— Ладно, — согласился Дилл. Он подал еле заметный знак своей вооруженной охране. — Давайте выбираться отсюда. Вы правы, другого выхода нет.

Они оба встали.

* * *

— Стойте, — крикнул Рейнольдс. — Оставайтесь на месте, ваши действия незаконны!

Теперь все директора были на ногах. Рейнольдс быстро подал сигнал и охранники "Единства" стали на пути Барриса и Дилла.

— Вы оба арестованы, — заявил Рейнольдс. — Бросьте оружие и сдавайтесь. Вы не можете игнорировать "Единство"!

Джон Чай накинулся на Барриса.

— Я не могу поверить, что вы с Язоном Диллом оказались предателями в такое время, как сейчас, когда мы неожиданно атакованы Исцелителями!

— Послушайте меня, — задыхался директор Хендерсон, следуя за Чаем. — Мы должны быть достойными "Единства". Мы должны сделать то, что требует "Вулкан-3". Иначе мы будем сокрушены.

— Он прав, — поддержал Чай. — Без "Вулкана-3" Исцелители уничтожат нас. Вы знаете, Баррис, что "Единство" никогда не выдержит их атак без руководства "Вулкана-3".

Возможно и так, подумал Баррис. Но неужели вы хотите, чтобы вами управлял убийца?

То же он сказал когда-то отцу Филдсу: "Я никогда не последую за кем бы то ни было, если это будет убийца". Кем и является компьютер, живой или условно живой, это все равно.

Проталкиваясь сквозь толпу директоров, собравшихся вокруг них, Баррис обратился к Диллу:

— Давайте выбираться отсюда. — Они продолжали двигаться к выходу в окружении своих людей. — Я не думаю, что Рейнольдс станет драться.

Глубоко вздохнув, он направился прямо на линию охранников "Единства", сгруппировавшихся перед выходом. Они топтались, не решаясь отойти в сторону.

— С дороги, — приказал им Дилл. — Отойдите в сторону!

Он размахивал своим лучевым карандашом. Его личная охрана мрачно пошла вперед, разрывая цепь. Охранники боролись вполсилы и смущенно отступали. Бешеный крик Рейнольдса потонул во всеобщем гаме. Баррис проталкивал Дилла вперед.

— Давайте, поторапливайтесь. — Они вдвоем уже почти прорвались сквозь цепь охраны неприятеля. — Они должны вам подчиниться, — сказал Баррис. — Вы все еще Управляющий, они не могут стрелять в вас, они не привыкли к этому.

Выход был перед ними.

И вдруг — это случилось.

Что-то вспыхнуло в воздухе, что-то металлическое и блестящее.

Предмет ударил в него. Дилл пошатнулся и упал, раскинув руки. Предмет ударил еще раз, затем внезапно поднялся и взвился над головами присутствующих. Он поднялся на возвышающуюся платформу и опустился (отдохнуть?!) на мраморный пол. Рейнольдс в ужасе отступил. Директора, их сотрудники и охранники метались в смятении, слепо пытаясь выбраться из зала.

Дилл был мертв.

Быстро нагнувшись, Баррис осмотрел его. Со всех сторон мужчины и женщины истошно кричали, пытаясь выбраться из зала. Череп Дилла был раздроблен, часть его лица была вбита во внутрь, его безжизненные глаза выкатились из орбит. Барриса охватила нарастающая волна сожаления.

— Внимание! — заскрежетал металлический звук, который, как нож, разрезал гул ужаса. Баррис медленно повернулся и недоверчиво огляделся. Все это казалось невозможным.

На возвышении к первому предмету присоединился еще один, а затем и третий приземлился между двумя первыми. Три остальных сверкающих куба крепко держались на мраморе при помощи схожих с клешней манипуляторов.

— Внимание! — повторил голос, который принадлежал от первой из "ракет". Искусственный голос — звуки стали, электроники и пластиковых деталей.

Один предмет, подобный этим, пытался убить отца Филдса. Другой убил учительницу. Третий, а может, больше, уничтожили "Вулкан-2". Эти штуки действовали, но вне пределов видимости. Они были вне пределов видимости до сих пор.

Это было орудие смерти, и сейчас оно открылось для людей.

Четвертый аппарат приземлился рядом с другими. Металлические кубы сидели вместе в один ряд, словно злобные механические вороны — кровожадные птицы-истребители с головами, словно молотки. Весь зал — и директора, и охрана, — постепенно стихли и замерли, полные ужаса. Все лица были обращены в сторону платформы. Даже Рейнольдс уставился широко открытыми глазами и отвисшей от изумления челюстью.

— Внимание, — повторил резкий голос. — Язон Дилл мертв. Он был предателем. Здесь могут быть другие предатели. — Четыре "ракеты" всматривались в аудиторию и внимательно прислушивались.

Затем другой голос продолжал:

— Язон Дилл повержен, но борьба только началась. Он был одним из многих. Миллионы других выступают против нас, против "Единства". Эти враги должны быть уничтожены. Исцелители должны быть остановлены. "Единство"

должно сражаться за свое существование. Мы должны быть готовы вести великую войну.

Металлические глаза осматривали помещение. Третья "ракета" заговорила после остановки предыдущей.

— Язон Дилл пытался оставить меня в неведении. Он старался опустить занавес вокруг меня, но я не мог быть отрезанным от всего. Я уничтожил его завесу и его самого. С Исцелителями будет то же самое, это вопрос лишь времени. "Единство" имеет структуру, которая не может погибнуть. Это исключительно организованная система, лучшая в мире на сегодня. Исцелители никогда бы не смогли править. Они только вредители, занятые разрушением. У них нет никаких конструктивных предложений.

Баррис трепетал от ужаса перед металлическим голосом, исходящим от молотоголовых "ракет". Он никогда не слышал его прежде, но он узнал его.

Огромный компьютер был далеко, схороненный на нижнем уровне секретной подземной крепости, но именно его голос они слышали сейчас.

Голос "Вулкана-3".

Он тщательно прицелился. Вокруг него стояла его замершая охрана, глупо уставившаяся на молотоголовых. Баррис выстрелил, четвертый "молот" исчез, снесенный жарким порывом.

— Предатель! — закричал третий "молот". Все они тут же взлетели в воздух. — Арестуйте его! Арестуйте предателя!

Другие директора выхватили лучевые карандаши. Хендерсон выстрелил и второй "молот" также исчез. Рейнольдс выстрелил с платформы в ответ, Хендерсон застонал и осел. Некоторые из директоров дико палили по молотоголовым, другие были в растерянности и оцепенении. Один из выстрелов задел руку Рейнольдса, и он выронил свой карандаш.

— Предатель, — кричали оба уцелевших "молота". Они пикировали вниз, на Барриса. Тепловые лучи отскакивали от их металлических голов. Баррис уклонился, а его охрана открыла огонь. Один из нападающих предметов накренился, стал метаться, пока, в конце концов, не разбился о стену.

Лучи прорезали воздух за Баррисом. Некоторые из директоров стреляли в него, другие схватились между

собой, в том числе и охрана. Они боролись за то, чтобы добраться до Рейнольдса и до последнего "молота". Остальные, казалось, не знают, к какой из сторон примкнуть.

Баррис кинулся к выходу из зала. Охрана и директора — пришедшая в замешательство орда жалких, перепуганных мужчин и женщин, понеслась за ним.

— Баррис, — спешил к нему Лоуренс Данли из Южной Африки. — Не оставляйте нас!

Стоун подошел вместе с ним, лицо его побелело от страха.

— Что нам делать? Куда мы пойдем? Мы...

"Молот" мчался к ним, его оружие было направлено на Стоуна. Стоун вскрикнул и упал, а "молот" опять поднялся и нацелился на Барриса. Тот выстрелил и "молот" осел на один бок. Баррис стрелял снова и снова, пока "молот" не исчез в мареве взрыва.

Стоун лежал и стонал, Баррис нагнулся к нему. Он был тяжело ранен. У него не было шансов выжить. Схватив руку Барриса, Стоун прошептал:

— Вы не можете уйти, Баррис. Вы не можете выйти отсюда. Они там, на улицах. Исцелители. Куда вы пойдете? — Его голос прервался. — Куда?

— Хороший вопрос, — сказал Данли.

— Он мертв. — Баррис встал.

Охрана Дилла начала наводить порядок в аудитории. Воспользовавшись замешательством, Рейнольдс исчез.

— Мы контролируем здание, — сказал Чай. — Только это здание.

— На скольких директоров мы можем рассчитывать? — спросил Баррис.

— Большинство из них, кажется, скрылись с Рейнольдсом, — ответил Чай.

Только четыре директора остались добровольно: Данли, Чай, Ловсон из Южной Европы и Пеглер из Восточной Африки. Пять, включая Барриса, и может быть, они смогут найти поддержку еще у одного-двоих.

— Баррис, — обратился Чай, — мы не собираемся примкнуть к Исцелителям, не так ли?

— Мы должны примкнуть или к одной стороне, или к другой, — сказал Пеглер, — нам нужно отступить к крепости и присоединиться к Рейнольдсу либо...

— Нет, — сказал Баррис. — Ни при каких обстоятельствах.

— Тогда к Исцелителям. — Данли указал на свой лучевой карандаш. — Одни или другие. Чей он будет?

— Ничей! — подумав, сказал Баррис. — Мы не присоединимся ни к одной из сторон.

ГЛАВА XII

В первую очередь Баррис дал задание очистить здание Управления "Единства" от вражеской охраны и служащих. Он сделал так: везде расставил людей, которыми располагал. Постепенно сторонники "Вулкана-3" или отца Филдса были выявлены и изгнаны.

К вечеру огромное здание было готово к обороне.

На улицах сновали толпы людей. Случайные камни влетали в окна. Несколько распоясавшихся хулиганов пытались выбить двери, но были отброшены — у засевших в здании было преимущество в вооружении.

Постепенно проверка показала, что из одиннадцати дивизий системы "Единства" семь были в руках Исцелителей, а четыре других — на стороне "Вулкана-3".

События в Северной Америке горько позабавили Барриса. Северной Америки больше не было, Таубман отменил административное деление между его регионом и регионом Барриса. Теперь все это было просто Америкой — от начала до конца.

Стоя у окна, он наблюдал за толпой Исцелителей, сражавшихся с роем "молотов". Вновь и вновь "молоты пикировали, атаковали и взлетали вверх, а толпа отбивалась от них камнями и трубами. В конце концов "молоты" были отозваны и исчезли в вечерней темноте.

— Не могу понять, как "Вулкан-3" заполучил их в свое распоряжение, — поинтересовался Данли. — Где он их берет?

— Он их делает, — объяснил Баррис. — Это переделанные ремонтные машины. Мы поставляем их вместе с материалами, но "Вулкан-3" провел полноценную переделку. Он, наверное, давно уже предусмотрел возможность подобного положения и начал создавать их.

— Меня удивляет, как их много у него, — сказал Данли. — Это я и имел в виду. Я поймал себя на том, что думаю о "Вулкане-3", как о живом, и теперь мне трудно думать иначе.

— Насколько я понимаю, — ответил Баррис, — никакой разницы нет. Вряд ли ситуация изменилась бы, будь он по-настоящему живым. — Оставаясь у окна, он продолжал наблюдать. Час спустя появилось большое количество "молотов", но на этот раз они были оснащены лучевым оружием. Толпа в панике разбежалась, дико крича, так как молоты жгли их лучами.

Раз десять за эту ночь он видел вспышки от взрывов и чувствовал сотрясения. Где-то в городе бегали лучи прожекторов, в их сияющих линиях он видел пролетающие в небе предметы, намного большие, чем "молоты". Очевидно, именно сейчас разгорался настоящий огонь войны между мобильными аппаратами "Вулкана-3" и Исцелителями. "Вулкан-3" быстро выпускал свою продукцию. А может, эти бомбовозы были уже заготовлены и придерживались до времени? Предвидел ли "Вулкан-3" бои такого масштаба?

А почему бы и нет? Он знал об Исцелителях уже давно, несмотря на все усилия Язона Дилла. У него было достаточно времени на подготовку.

Отвернувшись от окна, он сказал Данли и Чаю.

— Это серьезно. Распорядитесь, чтобы стрелки были готовы. На крыше офиса Управления "Единства" были развернуты тяжелые бластеры для отражения воздушной атаки. "Молоты, покончив с толпой, сейчас приближались к зданию "Единства", развернувшись клином и набирая высоту для нападения.

— Вон они летят, — указал на них Чай.

— Нам лучше спуститься вниз, в укрытие.

Данли нервно двинулся к спуску. Орудия начали пальбу. Глухой, приглушенный рокот поначалу был слышен слабо, так как стрелки, управляющие орудиями, не были подготовлены в достаточной степени.

Большинство их было из личной охраны Дилла, а остальные — обычными клерками.

Один из "молотов" нырнул к окнам. Тепловой луч быстро засверкал по комнате, прокладывая узкую тропинку. "Молот" спикировал и поднялся для новой атаки, но был пойман на мушку одной из установок на крыше. Он раз-

лется на части, которые полетели вниз, раскаленные добела.

— Мы в неудачном положении, — сказал Данли. — Нас плотно окружили Исцелители. И, очевидно, крепость, проводя свои операции против них, смотрит на степень их активности у нас. Это не случайные атаки. Эти чертовы птицы координируются между собой.

— Интересно смотреть, как они используют традиционное оружие "Единства" — лучевые карандаши, — заметил Чай.

Да, подумал, Баррис. Это не люди в серых костюмах, черных блестящих туфлях, белых рубашках и с деловыми портфелями в руках, использующие символические лучевые карандаши. Механические летающие предметы, контролируемые закрытой под землей машиной, — будь реалистичен — не они ли являются тем, что существовало всегда, но что никто не мог видеть до сих пор?

"Вулкан-3" устранил среднее звено — людей. Нас.

— Интересно, кто же станет победителем? — спросил Пеглер. — Исцелителей больше. "Вулкан-3" не сможет одолеть их всех.

— Но "Единство имеет оружие и организацию, — сказал Данли. — Исцелители никогда не возьмут крепость. Они даже не знают, где она. "Вулкан-3" сможет создать намного более эффективное и качественное оружие теперь, когда он работает в открытую.

Размышляя, Баррис встал и пошел к двери.

— Куда вы? — с опаской спросил Чай.

— Вниз, на третий подземный уровень, — ответил Баррис.

— Зачем?

— Там есть кое-кто, с кем бы я хотел поговорить.

* * *

Марион Филдс слушала внимательно, сжавшись в комочек и положив подбородок на колени. Лежавшая вокруг нее груда комиксов напомнила Баррису, что он разговаривает с маленькой девочкой. Но по выражению ее лица нельзя было этого сказать. Она слушала его с серьезным вниманием, присущим лишь зрелости, не перебивая и не

утомляясь. Она была уравновешенной во всем, и он поймал себя на мысли, что наконец избавился от тревоги, давлевшей над ним последние недели.

Под конец, немного смутившись, он остановился.

— Я не собирался с тобой так долго беседовать, — сказал он, — я вообще мало общался с детьми.

Он почувствовал какую-то интуитивную связь, сильную, необъяснимую симпатию к ней, несмотря на то, что они были едва знакомы. Он догадался, что она обладает чрезвычайно высоким интеллектом, но то, что он чувствовал, было намного больше. Она была полностью сформировавшейся личностью, со своими идеалами, своей точкой зрения. Она совсем не боялась говорить о том, во что не верит и, казалось, не испытывала никакого благоговения перед авторитетами.

— Исцелители победят, — спокойно сказала она, когда он закончил.

— Возможно, — ответил Баррис. — Но помни, "Вулкан-3" располагает значительным числом опытных экспертов, работающих на него. Рейнольдс и его группа, очевидно, смогли добраться до крепости, о чем мы можем лишь догадываться.

— Как они могли подчиниться этой злой, механической вещи? — спросила Марион Филдс. — Они, должно быть, ненормальные.

— В течение всей своей жизни должны менять свою жизнь теперь? Вся их деятельность была ориентирована на "Единство", это единственный принцип существования, который они знают. — Неужели так много людей перешло из "Единства" к отцу этой девочки? Действительно, впечатляет, подумал он.

— Но "Вулкан-3" убивает людей, — сказала Марион. — Вы говорили также, что у него есть эти "молоты", которые он рассылает повсюду.

— Исцелители тоже убивают людей, — заметил Баррис.

— Но в этом есть отличие. — Ее юное гладкое личико выражало полную уверенность. — Им приходится убивать, а ему хочется убивать. Разве вы не видите разницы?

Я был неправ, подумал Баррис. Все же есть нечто, что она принимает безоговорочно. Ее отец. В течение многих лет она делала то, что сейчас учится делать множество

других людей, а именно следовать за отцом Филдсом, куда бы тот не вел их.

— Где твой отец? — спросил он девочку. — Я как-то разговаривал с ним, я бы хотел поговорить с ним еще раз. Ты ведь имеешь с ним связь, не так ли?

— Нет, — ответила она.

— Но ты знаешь, где его можно найти. Ты можешь связаться с ним? Например, если бы я тебя отпустил, нашла бы ты к нему дорогу?

По ее уклончивому беспокойству он мог убедиться, что прав. Он причинял ей большое неудобство.

— А зачем вы хотите с ним повидаться? — спросила Марион.

— Я хочу сделать ему одно предложение.

Глаза ее округлились, а затем лукаво заблестели.

— Вы собираетесь присоединиться к Движению, не так ли? И вы хотите, чтобы он пообещал, что вы будете кем-то важным в нем, как он... — Она быстро прикрыла рот рукой и озабоченно уставилась на него. — Как он поступил с другим директором.

— Таубманом, — констатировал Баррис. Он зажег сигарету и сидел, покуривая и рассматривая девочку. Эта мирная сцена происходила под землей, вдали от яростных разрушений. А еще, думал он, мне надо возвращаться туда, наверх, и как можно скорее. Но пока я здесь, я могу это сделать... Парадокс! В этой мирной детской я надеюсь найти решение самой сложной из мыслимых задач.

— Вы позволите мне уйти, если я приведу вас к нему, — повторила Марион. — Я могу свободно уходить? Мне даже не придется возвращаться в школу?

— Конечно, смысла держать тебя здесь нет.

— Но мистер Дилл меня держал.

— Мистер Дилл мертв, — сказал Баррис.

— О, — она медленно кивнула. — Понимаю, это очень плохо.

— Мне тоже так кажется, — сказал Баррис. — Сперва я не поверил в то, что он говорил. Казалось, он придумал эту историю, чтобы обмануть нас всех, но к тому же... — Он запнулся.

Оказалось, Дилл ничего не выдумывал. Правдивость не вязалась с такой натурой, как Язон. Казалось он говорил,

как выразилась Марион, длинную, публичную ложь и при этом постоянно улыбался. Он проводил сложные, изощренные расчеты, чтобы скрыть реальную ситуацию. Но, когда все открылось, Язон Дилл не выглядел столь уж плохим. Он не был бюрократом без чести и совести. Хотя, конечно, пытался прилежно выполнять свою работу, был привержен основным идеям "Единства"... может быть даже больше, чем кто-либо другой.

— Эти ужасные металлические птицы, — сказала Марион, — были сделаны и посланы компьютером, чтобы убивать людей. Он может их много делать? — Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Очевидно, для их производства ограничений у "Вулкана-3" нет. У него есть необходимые запасы сырья и технологии. Он располагает огромной информацией, большей, чем имеется в наличии у любого агентства в мире. К тому же, он не ограничен никакими этическими соображениями.

Фактически, подумал он, "Вулкан-3" находится в идеальном положении. Его цель определяется логикой и несокрушимыми доводами. У него нет излишней эмоциональности, способной влиять на мотивировку его поступков. Он никогда не будет страдать из-за угрызений совести и никогда не превратится из завоевателя в благосклонного правителя.

— Техника, которой располагает "Вулкан-3", — сказала девочка, уставившись на него, — будет использоваться по мере надобности. Она будет изменяться в заданных пропорциях, в зависимости от задач, которые надо будет решать. Если против него выступят десять человек, он, возможно, использует менее значительное оружие, такое, как первые "молоты", оснащенные лучевыми устройствами. Мы видели, как он использовал "молоты" большей величины, оснащенные химическими бомбами. А делал он это потому, что мощь его противников оказалась намного больше, чем в начале. Он готов принять любой вызов. Значит, чем сильнее разрастается Движение, тем сильнее становится он, — заключила Марион.

— Да, — ответил Баррис. — И нет никакой силы, способной его остановить. Нам неизвестны даже пределы его возможностей.

— Если бы весь мир поднялся против него...

— Тогда ему пришлось бы расти, создавать новое оружие и сражаться против всего мира.

— Почему? — спросила она.

— Потому что это его работа.

— Он этого хочет?

— Нет, — ответил Баррис. — Ему приходится.

Сразу же без колебаний девочка сказала:

— Я проведу вас к нему, мистер Баррис. Я имею в виду моего папу.

Баррис облегченно вздохнул.

— Но вы должны пойти один, — настойчиво добавила она. — Он в Северной Америке.

— На полицейском крейсере. У нас их три на крыше здания. Обычно ими пользовался Язон Дилл. Мы отправимся во время затишья между атаками.

— А мы сможем избежать этих молоткоклювых птиц? — спросила она со смешанным чувством сомнения и воодушевления.

— Надеюсь, что да, — ответил Баррис.

* * *

Когда полицейский крейсер "Единства" низко пролетел над Нью-Йорком, Баррис получил возможность своими глазами увидеть те опустошения, которые произвели Исцелители.

Большая часть отдаленной деловой территории лежала в руинах. Его собственное здание было уничтожено, вместо него лежала лишь дымящаяся груда камней. Вокруг все еще горели пожары, которые никто не собирался тушить. На месте фешенебельной части города были развалины. Большинство улиц были полностью разрушены. Магазины разнесены и, как успел заметить Баррис, разграблены.

Но бои уже закончились и в городе было спокойно. Люди бродили среди этих дебрей и подбирали ценности. То в одном месте, то в другом, одетые в коричневые одежды Исцелители организовывали ремонтно-восстановительные работы. Заслышав звуки полицейской сирены, люди внизу разбежались по укрытиям. С крыши одной из неразрушенных факторий по ним неожиданно выстрелил бластер.

— Куда дальше? — спросил Баррис у сидящей позади него девочки.

— Держитесь этого направления. Мы скоро сможем приземлиться. Нас проводят к нему пешком. — И, тревожно нахмурившись, она добавила: — Я надеюсь, они не изменили его слишком сильно. Я была в этой школе так долго, а он был в этом ужасном месте, в этой Атланте.

Они летели в прежнем направлении. На открытых, загородных территориях уже не было видно таких сильных повреждений, какие были заметны в городе. Проносящиеся под ними фермы и маленькие провинциальные городишки выглядели так же, как всегда. На этих землях было даже больше порядка, чем раньше. Упразднение провинциальных отделений "Единства" принесло в эти места больше стабильности, чем беспорядка. Местные жители поддерживали Движение и охотно приняли на себя бразды правления.

— Это большая река, — сказала Марион, напряженно всматриваясь. — Здесь есть мост. Я вижу его. — Она запрыгала от восторга. — Следуйте вдоль моста и вы увидите дорогу. Когда она пересечется с другой дорогой, посадите корабль. — Она широко улыбнулась.

Несколькими минутами позже он заметил пересечение и повел полицейский крейсер на посадку. Приземлились они в поле, на окраине маленького городка в Пенсильвании. Не успел Баррис выключить реактивные двигатели, как к ним подъехал, загрузая в грязи и сорняках, урчащий грузовик.

— Да, — сказал себе Баррис, — уже слишком поздно возвращаться назад.

Грузовик остановился. Из него выпрыгнули четыре человека в спецодежде и осторожно подошли к крейсеру. Один из них угрожающе поднял дробовик.

— Кто вы?

— Разрешите мне выйти, — попросила Барриса Марион. — Я хочу поговорить с ними.

Он нажал кнопку на панели управления и проход открылся. Марион тут же выбралась наружу. Оставаясь в крейсере, Баррис ждал результата переговоров с четырьмя подъехавшими людьми. Высоко в небе, на севере, был виден приближающийся рой "молотков".

Несколькими минутами позже яркие вспышки осветили горизонт. Очевидно, "Вулкан-3" начал оснащать своих роботов тактическими атомными бомбами.

Один из четырех мужчин подошел к крейсеру и, приложив руку ко рту, крикнул:

— Я Джо Поттер. Это вы, Баррис?

— Да. — Сидя в корабле, Баррис держал руку на лучевом карандаше, хотя понимал, что это только ритуальный жест, в котором не было необходимости.

— Послушайте, — продолжал Джо Поттер, — я проведу вас к Филдсу, если вы этого хотите, а он говорит, что это так. Пойдемте.

Баррис и Марион с четырьмя мужчинами взошли на старый, помятый грузовик. Он тут же тронулся. Его кидало из стороны в сторону, когда он мчался обратно по дороге, которой приехал.

— Боже мой, — сказал один из мужчин, изучая Барриса, — вы были директором Северной Америки, не так ли?

— Да, — ответил Баррис.

Мужчины вполголоса переговорили и один из них, подкатившись к Баррису, попросил:

— Мистер Баррис, — он достал конверт и карандаш, — могу я получить ваш автограф?

В течение часа грузовик мчался по провинциальной дороге в направлении Нью-Йорка. Не доезжая нескольких километров до разрушенной деловой части города, Поттер остановил грузовик у автозаправочной станции. Справа от станции находилось придорожное кафе, дряхлое, обветшалое местечко. Несколько машин были припаркованы возле него. Дети играли в грязи, а в глубине дворика была привязана собака.

— Выходите, — сказал Поттер.

После длинной дороги все четверо казались угрюмыми и молчаливыми. Баррис неторопливо слез и вяло спросил:

— Где?

— Там, внутри. — Поттер направился обратно.

Марион спрыгнула к Баррису. Грузовик сдал назад, развернулся и исчез в том направлении, откуда только что приехал.

Глаза девочки сияли.

— Пошли, — позвала она и взлетела на порог кафе, рывком открыв дверь. Баррис осторожно прошел за ней.

В грязном кафе за столом, заваленном картами и бумагами, сидел человек, одетый в грубую голубую рубашку

и засаленные брюки. Древний телефон стоял сбоку от него рядом с тарелкой, на которой лежали остатки гамбургера и жареной картошки. Этот человек раздраженно поднял глаза и Баррис увидел тяжелые, остроконечные брови, кривые губы, пристальный взгляд, который многих заставлял поеживаться и под которым поеживался сейчас он.

— Будь я проклят, — отбросив свои бумаги, воскликнул отец Филдс. — Ты глянь-ка, кто пришел!

— Папочка, — закричала Марион, рванувшись вперед и обхватила его руками. — Я так рада видеть тебя...

Ее слова оборвались, так как она уткнулась лицом в его рубашку. Филдс похлопывал ее по спине, не замечая Барриса.

Баррис подошел к пустому прилавку и окунулся в свои размышления. Он очнулся только тогда, когда понял, что отец Филдс обращается к нему. Подняв глаза, он увидел, что тот протягивает руку. Улыбаясь, Филдс пожал его руку.

— Я думал, вы в Женеве, — сказал Филдс. — Мне очень приятно увидеть вас снова. — Его глаза осматривали Барриса с ног до головы. — Один порядочный директор из одиннадцати. Мы не тронем вас. Мы добрались до самых плохих, исключая оппортуниста Рейнольдса. Мы достали этого умельца "ловить момент" Таубмана. — Он иронично усмехнулся.

— Все революционные движения, — сказал Баррис, — всегда изгоняли оппортунистов.

— Вы судите очень снисходительно, — ответил Филдс.

Отойдя назад, он передвинул стул и уселся на него. Он устраивался на нем до тех пор, пока не почувствовал себя комфортно.

— Мистер Баррис воюет с "Вулканом-3", — доложила Марион, плотно прижимаясь к отцовской руке. — Он на нашей стороне.

— О, это правда? — спросил отец Филдс, похлопывая ее, — ты уверена в этом?

Она покраснела и смущенно ответила:

— Ну, по крайней мере он против "Вулкана-3".

— Поздравляю, — сказал Филдс Баррису. — Вы сделали мудрый выбор. Это правильно.

Усевшись спиной к стойке бара и облокотившись на одну руку, так, чтобы ему тоже было удобно, Баррис сказал:

— Я приехал сюда для того, чтобы поговорить о делах.

— Как вы можете видеть, — протяжно сказал Филдс, — я достаточно занятый человек и у меня нет времени говорить с вами о делах.

— Найдите немного времени, — не отступал Баррис.

— Я не очень интересуюсь делами, — сказал Филдс. — Я больше интересуюсь работой. Вы могли присоединиться к нам в свое время, но вы махнули хвостом и ушли. Теперь... — Он пожал плечами. — Чего это стоит? То, что вы будете с нами, ничего не меняет. Мы уже добились кое-чего. Все ясно: вы под конец решили тоже поступить соответствующим образом, убедившись, на чьей стороне победа. — Он опять — на сей раз понимающе, — усмехнулся. — Вы бы хотели быть на побежденной стороне, не так ли? — Он помахал перед носом Барриса пальцем.

— Если бы это было так, — ответил Баррис, — вас бы не было здесь.

Какое-то время Филдс не выказывал своих чувств, но постепенно веселость сошла с его лица и фамильярное добродушие исчезло. Его взгляд стал жестким.

—. Вы несете вздор, — произнес он. — "Единства" больше нет. Через пару дней мы окончательно сметем старую систему. Что тут остается? Эти хитрые "игрушки", порхающие в небе. — Он быстро поднял руку и указал пальцем вверх. — Такие же, как и та, которую я уничтожил в отеле, когда она влетела в окно, чтобы уничтожить меня. Получали ли вы нечто подобное? Я починил это и выслал вам и вашей девочке, как... — он ухмыльнулся — свадебный подарок.

— Вы ничего не достигли, — продолжал Баррис, — и ничего еще не уничтожили.

— Мы добились всего, — сказал скрипучим шепотом Филдс, — чего хотели достичь, мистер.

— Вы не добрались до "Вулкана-3", — уточнил Баррис. — Вы захватили много земель, вы отобрали множество офисов и навербовали множество клерков и стенографистов — и все.

— Мы доберемся до него, — спокойно сказал Филдс.

— Но без вашего учредителя, — заметил Баррис. — Он ведь мертв.

Уставившись на Барисса, Филдс произнес:

— Мой... — Он встряхнул головой, очевидно, его эта фраза вывела из равновесия. — Что вы имеете ввиду? Я основал Движение, я возглавлял его с самого начала.

— Я знаю, что это ложь, — сказал Баррис.

На какое-то время воцарилось молчание.

— Что он хочет этим сказать? — допытывалась Марион, беспокойно дергая руку отца.

— Он не в себе, — ответил Филдс, продолжая смотреть на Барриса. Его лицо по-прежнему оставалось бесцветным.

— Вы электрик, — продолжал Баррис. — Это ваша профессия. Я видел, как вы починили "молот". Вы отличный специалист, возможно даже, на земле нет электрика лучше вас. Вы поддерживали "Вулкан-2" в рабочем состоянии все это время, не так ли?

Филдс открыл и закрыл рот, но не проронил ни слова.

— "Вулкан-2" основал Движение Исцелителей, — отчеканил Баррис.

— Нет, — ответил Филдс.

— Вы были только подставным лидером, марионеткой, "Вулкан-2" создал Движение, как орудие для уничтожения "Вулкана-3". Вот почему он дал Язону Диллу инструкции не открывать существование Движения "Вулкану-3". Он хотел, чтобы у него было время окрепнуть.

ГЛАВА XIII

После длительной паузы отец Филдс сказал:

— "Вулкан-2" был только вычислительной машиной, у него не было никаких мотивов. С чего бы ему вредить "Вулкану-3"?

— Потому что "Вулкан-3" угрожал ему, — ответил Баррис. — "Вулкан-2" был таким же "живым", как и "Вулкан-3" — не больше, не меньше. Он был сделан для выполнения конкретной работы, а "Вулкан-3" препятствовал ему в этом. Так же, как и Язон Дилл придерживал информацию, мешая работе "Вулкана-3".

— Как "Вулкан-3" мешал работе "Вулкана-2"? — спросил отец Филдс.

— Он выживал "Вулкан-2".

— Но теперь я возглавляю Движение, — сказал Филдс. — "Вулкан-2" больше не существует.

Потерев свой подбородок, он добавил:

— От "Вулкана-2" не осталось никаких работающих деталей.

— Да, вы сделали свое дело профессионально, — заметил Баррис.

Филдс вздрогнул.

— Вы уничтожили "Вулкан-2", — продолжал Баррис, — чтобы Язон Дилл ничего не узнал, не так ли?

— Нет, — ответил Филдс, — это не так, это только серия ваших диких догадок. У вас нет никаких доказательств. Это типичная безумная клевета, порожденная "Единством". У вас обвинения всегда надуманы, приукрашены и не обоснованы.

Еще раз Баррис заметил, что его собеседник потерял свой акцент. Его словарный запас и манера говорить в момент стресса значительно ухудшалась.

— Это неправда, — на высоких тонах заговорила Марион Филдс. — Мой папа основал Движение. — Ее глаза блестели, яростно испепеляя Барриса. — Я жалею, что привела вас сюда.

— Какие у вас доказательства? — спросил Филдс.

— Я видел, как профессионально вы восстановили того "молота", — сказал Баррис, — что свидетельствует о ваших талантах. С такими возможностями вы не могли назвать свою работу в "Единстве". Среди моих ремонтников в Нью-Йорке не было людей с такими способностями. Учитывая это, "Единство" могло направить вас только на обслуживание серии "Вулканов". Очевидно, вы ничего не знали о "Вулкане-3", так как "Вулкан-3" сам обслуживает себя. Что же еще оставалось, как не более ранние компьютеры? "Вулкан-1" уже давно не функционирует. Вы, как и Язон Дилл, ровесник "Вулкана-2", также...

— Предположение, — сказал Филдс.

— Да, — признался Баррис.

— Логика, дидукция, основанные на похожих предпосылках... Имею в виду ваши предположения на счет того, что я имел дело с каким-нибудь компьютером из серии "Вулканов". А не приходило ли вам в голову, что могут быть другие компьютеры, спроектированные не Нат Грин-

стритом, а кем-то еще, что группа специалистов могла приступить к работе с ...

За спиной Барриса раздался голос. Резкий, женский голос.

— Расскажи ему правду, не лги, отец.

Рашель Питт подошла и стала рядом. Удивленный Баррис вскочил на ноги.

— Две мои дочери, — сказал Филдс.

Он положил руку на плечи Марион, а затем, после паузы, положил другую руку на плечи Рашель.

— Марион и Рашель. — Произнес он. — Младшая, преданная мне, оставалась со мной, старшая захотела выйти замуж за человека из "Единства" и жить обеспеченной жизнью со всеми удобствами, которые можно купить за деньги. Она начала возвращаться ко мне недавно. Но вернулась ли ты ко мне на самом деле? — Он спокойно посмотрел на Рашель Питт. — Это не похоже на правду, и я хочу знать, так ли это.

— Я за тебя отец. Я просто больше не могу переносить лжи.

— Я говорю правду, — грубо сказал отец Филдс. — Баррису взбрело в голову, что я уничтожил "Вулкан-2", чтобы Язон Дилл не узнал о связи между этим старым компьютером и Движением. Вы думаете, меня беспокоил Язон Дилл? Да значило ли когда-нибудь то, что он знает? Я уничтожил "Вулкан-2" потому, что он не эффективно развивал Движение. Он придерживал Движение, оно было ни чем иным, как его придатком, безжизненным инструментом, таким же, как эти "молоты" — для "Вулкана-3".

Его голос набирал силу, челюсти выступали. Он вызывающе противостоял Баррису и Рашель. А они оба инстинктивно отодвинулись от него и стали ближе друг к другу. Только Марион Филдс оставалась рядом с отцом.

— Я освободил Движение, — говорил Филдс, — я освободил человечество и сделал Движение инструментом человеческих нужд, человеческих стремлений. Разве это плохо? — Он указал пальцем на Барррриса и закричал. — Прежде, чем со мной будет покончено, я собираюсь уничтожить "Вулкан-3" и освободить от него человечество. Сперва я освободил от первого, затем освобожу от второго. Разве это не правильно? Разве вы против этого? Если да, тогда Рейнольдсу.

— Это благородная цель, — сказал Баррис, — то, о чем вы говорите. Но вы не в силах сделать это. Это невозможно, если я вам не помогу.

— Хорошо, — кивнул отец Филдс, подавшись вперед на своем стуле. — Вы пришли сюда для дела. Что вам нужно? — Подняв голову, он хрипло спросил: — Что вы можете мне предложить?

— Я знаю, где крепость, — ответил Баррис. — Я был рядом. Туда меня водил Дилл. Я могу найти ее. Без меня вы ее не найдете никогда. В крайнем случае, доберетесь туда через промежуток времени, когда уже ничего живого не останется на поверхности. Ведь "Вулкан-3" создает мощное, изощренное наступательное оружие.

— Вы думаете, что мы не найдем крепость? — спросил Филдс.

— В течение пятнадцати месяцев, — сказал Баррис. — вы пытались и не смогли этого сделать. Вы полагаете, что сможете найти крепость в течение двух ближайших недель?

— Мы начали искать более, чем два года тому назад, — уточнил отец Филдс, — то есть, с самого начала. — Он пожал плечами. — Хорошо, директор, что вы хотите в обмен?

— Многое, — сказал Баррис мрачно, — я постараюсь передать это по возможности сжато, как смогу.

После того, как Баррис закончил, отец Филдс молча думал.

— Вы хотите очень многого, — сказал он наконец.

— Именно так.

— Невероятно, вы диктуете мне условия. Сколько у вас человек?

— Пять или шесть.

Филдс опустил голову.

— А нас миллионы по всему миру. — Он достал из своего кармана сложенную карту, разложил ее на стойке бара и сказал: — Мы контролируем Америку, Восточную Европу, всю Азию и Африку. Захват остальных территорий — это вопрос времени. Мы выигрываем весьма успешно. — Всей ладонью он сжал кружку кофе, стоявшую на стойке, и вдруг швырнул ее. Коричневый кофе растекся по полу.

— Даже, если у вас действительно есть достаточно времени, — сказал Баррис, — я сомневаюсь, что вам удастся в конечном итоге победить "Единство". Безнадежно наде-

яться, что рядовые революционные движения могут свергнуть бюрократическую систему, которая оснащена современными технологиями и детально разработанной индустрией. Ваше Движение могло рассчитывать на успех сотню лет назад, но времена изменились. Правление производится на научной основе опытными специалистами.

Враждебно глядя на него, Филдс сказал:

— Для того, чтобы победить, нам надо быть внутри.

— Вы правы, — подтвердил Баррис, — вы знаете меня. Я могу ввести вас туда, где вы сможете срубить ствол, а не просто ветви.

— А ствол, — сказал Филдс, — это "Вулкан-3". По меньшей мере признайте, что мы знаем это. Эта штука всегда была нашей целью. — Он устало выдохнул. — Хорошо, Баррис, я согласен на ваши условия.

Баррис почувствовал облегчение, но сохранил контроль над собой.

— Прекрасно, — сказал он.

— Вы удивлены, не так ли? — спросил Филдс.

— Нет, — покачал головой Баррис. — Я чувствую облегчение. Я думал, что вы, возможно, не сможете понять, насколько ненадежно ваше положение.

Достав карманные часы, Филдс посмотрел на них.

— Что вы хотите для атаки на крепость? Мы плохо снабжены оружием. Наша сила — в людях.

— В Женеве есть оружие.

— А как с транспортировкой?

— У нас есть три скоростных военных крейсера. Они и перевезут. — Баррис что-то быстро написал на клочке бумаги. — Небольшая нацеленная атака опытными людьми — умелый удар в жизненно важный центр. Хватит сотни хорошо отобранных людей. Все зависит от первых десяти минут. Если мы добьемся удачи, с крепостью будет покончено. Случись что, у нас не будет лишней секунды.

Филдс пристально уставился на него.

— Баррис, вы действительно считаете, что у нас есть шанс? Мы действительно можем добраться до "Вулкана-3"? — Его руки, покрытые масляными пятнами, не находили себе места. — Годами я не думал ни о чем больше, кроме как уничтожить эту чертову кучу деталей и трубок.

— Мы доберемся до него, — заверил Баррис.

Филдс собрал нужных Баррису людей. Они сели в крейсер и Баррис сразу же взял курс обратно на Женеву. Филдс сопровождал их.

На полпути через Атланту они встретились с огромной стаей "молотов", мчащихся на незащищенную Северную Америку. Они были почти такие же большие, как и крейсер.

Они неслись на огромной скорости, почти сразу же исчезая. Несколькими минутами позже, появилась новая орда. Эти были похожи на тонкие иглы. Они проигнорировали корабль и последовали за первой группой за горизонт.

— Новый тип, — сказал Баррис. — Он не теряет времени.

Здание Контроля "Единства" по-прежнему оставалось в руках друзей. Они приземлились на крышу и поспешили внутрь здания. Исцелители прекратили пока атаки. Но теперь "молоты" роились над зданием, ныряя вниз и проворно уворачиваясь от орудий, установленных на крыше. Половина главной системы была в руинах, но орудия продолжали стрелять, сбивая "молоты", если они подлетали слишком близко.

— Мы проигрываем сражение, — пробормотал Филдс. — У нас не хватает сил, а этим чертовым штукам, кажется, нет конца.

Баррис работал быстро. Он снабдил всех атакующих оружием, сделал его запас под аркой внизу здания Контроля. Из пяти директоров он отобрал Пеглера и Чая и сотню наиболее подготовленных групп.

— Я иду с вами, — сказал Филдс, — если атака провалится, я не хочу оставаться в живых. Если же атака будет удачной, я хочу участвовать в ней.

Баррис осторожно распаковал ручную бомбу.

— Это для него.

Он взвесил ее в руке. Она была не тяжелее головки лука.

— Мое предположение таково. Они примут меня и, возможно, Чая и Пеглера. Мы постараемся их убедить, что пришли присоединиться к "Единству". В конце концов, мы сможем преодолеть часть дистанции.

— Во всяком случае, вы на это надеетесь, — резко сказал Филдс.

Во время заката Баррис погрузил людей и снаряжение на три крейсера. Орудия на крыше образовали мощное заграждение для прикрытия их отлета. Действовавшие поблизости "молоты" начали преследовать корабли с самого их взлета.

— Нам нужно сбить их, — сказал Баррис.

Он быстро отдал команды. Три крейсера понеслись в разных направлениях, стремительно удаляясь друг от друга. Несколько "молотов" преследовали их какое-то время, а затем отстали.

— Я оторвался, — доложил Чай из второго крейсера.

— Я тоже, — сообщил Пеглер из третьего.

Баррис оглянулся. Крейсер был переполнен напряженными, молчаливыми солдатами и оружием. Солдаты сидели на корточках. Корабль мчался сквозь мрак, навстречу неизвестности.

— Мы тут, — сообщил Баррис по внутренней связи, когда корабль описывал широкую дугу. — Мы перестраиваемся для атаки. Я впереди. Вы двое идите следом.

— Мы уже близко? — спросил Филдс подозрительно.

— Очень. — Баррис изучал показания приборов. — Мы будем на месте через секунду.

Баррис нырнул вниз. Корабль Пеглера несся через мрак за ним, направляясь к земле. Корабль Чая взял вправо и направился прямо на крепость.

Поднялась огромная масса"молотов" и двинулась к судну Чая, окружив и поглотив его.

— Зависни! — крикнул Баррис.

— Земля приближается! — Внезапное приземление прервало крик. Судно ударилось, проваливаясь и грохоча среди валунов и деревьев.

— Вперед! — приказал Баррис, вскакивая на ноги и отодвигая входную перегородку. Люк открылся и люди стали прыгать в холодный мрак ночи, унося свое снаряжение.

В небе над ними крейсер Чая сражался с "молотами". Он быстро уворачивался и отчаянно отстреливался. Еще больше стремительно набирало высоту. Корабль Пеглера приземлялся. Он промчался невдалеке и грохнулся о склон крепости.

Тяжелые орудия крепости открыли огонь. Брызнул огромный фонтан вспышек, высвечивая скалы и лесные заросли. Баррис и Филдс выбрались из своего корабля.

— Торопитесь, — сказал Баррис. — Приготовьте буры.

Люди собирали два сверлильных бура. Первый уже завывал, работая. Все больше атомных тактических зарядов, выпущенных из крепости, били по ним. Ночная мгла разрывалась вспышками.

— Как у вас дела? — крикнул Баррис, прижав губы к шлемофону.

— Все в порядке, — услышал он в наушниках слабый голос Пеглера.

— Мы уже сели и вывели большую часть людей.

— Это придержит "молоты", — сказал Филдсу Баррис. Он поглядел на небо. — Я надеюсь, Чай...

Корабль Чая вертелся в воздухе, пытаясь вырваться из кольца "молотов", окружившего его. Реактивные орудия работали на пределе. Прямое попадание — и судно сотряслось и накренилось.

— Сбрасывай людей, — приказывал по связи Баррис. — Вы как раз над крепостью.

Из корабля Чая высыпало облако белых точек. Люди в костюмах для прыжков медленно опускались на землю и отстреливались из лучевых карандашей от снующих вокруг них "молотов", которые медленно отступали.

— Люди Чая позаботятся о прямой атаке, — объяснил Баррис. — Между тем, буры продвигаются.

— Зонтик почти готов, — доложил техник.

— Хорошо. Они начали пикировать на нас, их защитные зонды, должно быть, остановят нас.

Армия "молотов" мчалась к земле. Лучи, которые они пускали, врезались в деревья и зажигали их. Грохнуло одно из орудий Пеглера. Часть "молотов" исчезла, но вместо них появились другие. Их было еще больше. Нескончаемый поток "молотов" поднимался из крепости, словно черные летучие мыши.

Зонт слегка хлопнул, неохотно пошел и занял свое место. Перед этим Баррис заметил, как "молоты" беспорядочно кружатся, несколько из них были отброшены зонтом.

Баррис расслабился, — теперь не придется о них беспокоиться.

— Буры прошли пол расстояния, — доложил начальник буровой команды.

Две огромные скважины отзывались эхом и вибрировали, когда буры вгрызались в землю. Там же исчезли и техники. Первые отделения вооруженных групп осторожно следовали за ними, скрываясь под землей.

— Мы на верном пути, — сказал Баррису Филдс.

Стоя один в стороне, отец Филдс разглядывал деревья и линию холмов вдали.

— Ни одного видимого признака крепости, — пробормотал он. — Ничего, что могло бы выдать ее.

Он выглядел глубоко задумавшимся, словно не осознавал, что битва разрастается.

— Эта крепость... отличное место. Я бы никогда не узнал. — Повернувшись, он подошел к Баррису. — Я был здесь раньше.

— Да?

— Сотни раз. Я работал здесь большую часть моей жизни. — Его лицо словно окаменело. — Здесь был "Вулкан-2". — Его руки бесцельно двигались. — Сюда я пришел, чтобы уничтожить "Вулкан-2". — Кивком головы он указал на большой, поросший мхом валун. — Я проходил здесь к служебному спуску. Они даже не могли знать, что он еще существует, он был объявлен устаревшим много лет назад. Он был заброшенный и закрытый, но я знал о нем. — Его голос стал жестче. — Я могу прийти и уйти, когда захочу. У меня есть постоянный доступ, и я знаю сотни путей, как туда пробраться.

— Но вы не знали, что "Вулкан-3" тоже был там внизу, на самом глубоком уровне. Они не ознакомили вашу бригаду с ...

— Я не знал Язона Дилла, — ответил Филдс. — Я занимал не такое место, чтобы встречаться с ним, как с равным, так, как вы.

— Вы теперь знаете, — сказал Баррис.

— Вы мне ничего не дали, — покачал головой Филдс. — Вы не сказали мне ничего такого, чего бы я не знал.

Он медленно подошел в Баррису:

— Я бы мог вычислить все это через какое-то время, после того, как мы бы обыскали другие места. — В его руках появился лучевой карандаш.

— Но вы, отец, до сих пор не пробрались в крепость, — совершенно спокойно сказал Баррис. — Они никогда не

впустят вас. Они убьют вас намного раньше, чем вы пробьете весь грунт до "Вулкана-3". Вы зависите от меня. — Указав на свой рукав, он обратил внимание Филдса на директорскую нашивку. — Однажды проникнув туда, я могу ходить там и никто меня не остановит, потому что они — часть той системы, к которой принадлежу и я. А по положению я выше многих других, включая и Рейнольдса.

— Многих из них, исключая "Вулкан-3".

Где-то справа палило орудие Пеглера, "молоты" заметили его и начали бомбовую атаку. Ад белых столбов приближался к судну Пеглера.

— Ставьте ваш зонт! — закричал Баррис в шлемофон.

Зонт Пеглера защелкал, но раскрываться не спешил. Маленькая атомная бомба прорезала его центр. Судно Пеглера исчезло, облако частиц взорвалось в воздухе. Металл и зола разлетелись над горящей землей. Тяжелое орудие внезапно прекратило стрельбу.

— Пришло наше время, — сказал Баррис.

Первые люди Чая достигали земли. Оборонительные орудия развернулись, оставив крейсер Барриса и нацелившись на опускающиеся точки.

— У них нет никакого шанса, — пробормотал Филдс.

— Да, — Баррис пошел к первой из двух шахт. — Но этот шанс есть у нас.

Не обращая внимания на орудие в руках Филдса, он повернулся к нему спиной.

Вдруг крепость содрогнулась. Огромный язык пламени охватил ее. Поверхность плавилась мгновенно, и волна расплавленного металла запечатала крепость.

— Они сами отрезали себя, — сказал Баррис. — Они замурованы внизу.

Он вздрогнул и вошел в туннель, волоча кабеля с питанием для установки.

Противное, черное облако поднималось от мерцающего шлака, который стал поверхностью крепости. Воздух был горячий и сырой. Люди лихорадочно работали, все глубже и глубже направляя бур. Потоки парящей воды лились из глины вокруг них.

— Мы, наверное, где-то рядом, — раздался голос отца Филдса из-за спины Барриса.

— Да, мы, должно быть, у самого глубокого уровня, — сказал Баррис.

Он не обернулся посмотреть, держит ли еще отец Филдс оружие, и продолжал путь.

Бур издал пронзительный звук. Его жужжащий нос уперся в металл. Буровая команда двинулась вперед. Теперь бур врезался в стальную стену и сверхпрочный пластик, а затем медленно остановился.

— Мы на месте, — сказал Баррис.

Бур содрогался. Дюйм за дюймом он двигался вперед. Начальник бригады вплотную приблизился к Баррису:

— Другой бур попал в крепость, но они не знают, где именно.

Вдруг неожиданно стена провалилась внутрь. С шипением на людей брызнуло жидкой сталью. Солдаты двинулись вперед, протискиваясь через брешь. Баррис и Филдс поспешил с ними. Раскаленный металл опалил их, когда они пробирались по нему. Баррис споткнулся и упал, скатившись в кипящую воду и обломки пород.

Отложив свой лучевой карандаш, Филдс вытянул его и помог стать на ноги. Они глянули друг на друга, никто из них не произнес ни слова. Затем они огляделись и увидели, что находятся в гигантском коридоре, протянувшемся неизвестно куда, освещенном скрытыми светильниками и хорошо известный им обоим.

Последний уровень крепости.

ГЛАВА XIV

Несколько испуганных стражников "Единства" бежали к ним, неумело таща бластерное оружие для установки.

Баррис выстрелил, из-за его спины другие лучи ударили по оружию противника. Крыша коридора растворилась, облака сажи окутали всех. Баррис двигался вперед, теперь от оружия стражников остались одни обломки. Охрана "Единства" была отброшена.

— Бригады минеров, — коротко сказал Баррис.

Команда минеров продвигалась вперед, выпуская свои присасывающиеся мины, которые скачками направлялись к отступающей охране. При их виде стражники дрогнули

и побежали. Мины взрывались и языки огня ударялись о стены.

— Туда, — сказал Баррис и, пригнувшись, помчался по коридору, крепко схватив работающую на расстоянии бомбу. За поворотом стражники закрывали мощную переборку.

— Взять их! — крикнул Баррис.

Филдс бежал за ним, несясь огромными шагами на своих длинных ногах, а его руки ходили, как крылья ветряной мельницы. Он стрельнул и луч прочертил пепельную полосу на поверхности переборки. Части механизмов в хаосном кружении взлетели на воздух. Но за перегородкой отряд "Единства" поставил более мобильное орудие. Несколько "молотов" вились над из головами, выкрикивая инструкции.

В сопровождении Филдса Баррис добрался до переборки. Их люди толпились за ними, стремясь к узкому пролому. Один "молот" поднялся и поплыл на Барриса, который, заметив металлические блестящие глаза и хватающие клешни, смел его попаданием теплового луча.

Сам Филдс сидел на полу около края переборки. Его опытные пальцы прослеживали систему подачи импульсов. Вдруг — неожиданная вспышка. Переборка задрожала и приоткрылась. Баррис надавил на нее всем своим весом. Она поддалась и постепенно скользнула назад, оставляя увеличивающуюся брешь.

— Входите, — приказал Баррис.

Его люди лавиной повалили вперед, сметая баррикаду, поспешно воздвигнутую стражей "Единства. "Молоты" бешено кидались на них, ударяясь об их головы.

Вытесненный вперед Баррис огляделся. Несколько коридоров уходили в разных направлениях. Он колебался.

— Смогу ли я это сделать? — спросил он сам себя.

Продолжая глубоко и беспокойно дышать, он помчался, удаляясь от Филдса и солдат, по боковому коридору. Звуки схватки затихали по мере его удаления вверх по коридору. Очередная дверь автоматически закрылась перед ним. Когда она закрылась, он замедлил бег и пошел, тяжело дыша.

Некоторое время спустя он все еще энергично шел по проходу, в тишине и отдалении от оживленной суеты. Он подошел к лифту, остановился и нажал кнопку. Двери тут

же открылись и он зашел в него. Баррис направился наверх.

Это единственный путь, сказал он себе. Он пытался сохранять спокойствие, пока лифт уносил его все дальше и дальше от "Вулкана-3" и сцены боевых действий. Ни одно прямое нападение не увенчается успехом.

На самом верхнем уровне он остановился и вышел.

Группа переговаривающихся служащих "Единства" стояла неподалеку. Ни клерки, ни должностные лица, ни одетые в серое мужчины и женщины не обратили на него внимания. Он увидел ряд дверей и, не останавливаясь, пошел дальше. В конце концов он вошел в фойе, из которого выходили несколько коридоров. За турникетом сидел неработающий робот. Его способности были никому не нужны. В присутствии Барриса он зажегся.

— Пропуск, сэр, — произнес он.

— Директор, — сказал Баррис, указывая на нашивку.

Проход перед ним оставался закрытым.

— Вход на эту территорию ограничен, — сказал робот. — Чем вы занимаетесь и кто позволил вам входить сюда?

— Мое положение позволило, — строго сказал Баррис. — Открой, это крайне важно.

Именно на его тон, а не на слова, робот обратил внимание. Турникет открылся, у робота пришел в действие отработанный механизм поведения, образец которого сложился у него за прошлые годы.

— Простите за задержку ваших неотложных дел, директор, — сказал робот и тут же отключился.

Опять спать, подумал Баррис. Он шел до тех пор, пока не приблизился к скоростному спуску. Не раздумывая, он ступил на него и рванувшаяся лестница понесла его обратно вниз, к нижнему уровню "Вулкана-3".

Несколько охранников стояли в коридоре, в который спустился Баррис. Они внимательно взглянули на него и застыли. Затем один из них скривился, и его рука потянулась к поясу.

Выхватив свой лучевой карандаш, Баррис выстрелил. Обезглавленный охранник завалился на бок, а другие застыли, не веря своим глазам.

— Предатель, — сказал Баррис, — прямо здесь, среди нас.

Охранники глазели на него.

— Где директор Рейнольдс? — спросил Баррис.

— В шестом офисе, — сглотнув, сказал один из охранников. Указав направление, он склонился над останками своего товарища, другие тоже столпились рядом.

— Вы можете вынести его отсюда, предварительно обыскав.

— Да, сэр, если вы подождете здесь, — пробормотал один из охранников.

— Ждать здесь, к черту! — крикнул Баррис. — Вы что, хотите стоять здесь до тех пор, пока они не ворвутся и не повырезают всех нас? Вы знаете, что они прорвались в двух местах, применив буровые установки?

Пока охранники, заикаясь, пытались что-то промямлить в ответ, он повернулся и зашагал в указанном направлении.

Ни один служащий "Единства" не будет спорить с директором. Это может стоить работы. Или, как в этом случае, жизни. Как только стражники исчезли из виду, он свернул на хорошо освещенную, важную артерию. Пол у него под ногами гудел и вибрировал. Продвигаясь по ней, он чувствовал увеличение активности.

Теперь он подходил все ближе и ближе к "Вулкану-3" — он был где-то рядом. Проход внезапно повернул направо. Баррис пошел по нему дальше и оказался лицом к лицу с молодым служащим Т-класса и двумя охранниками. Все трое были вооружены. Они толкали тележки с перфолентами. Он определил эти карты, как средство для введения информации в компьютер. Значит, это служащий из службы обеспечения информацией.

— Кто вы? — спросил Баррис раньше, чем служащий смог открыть рот. — На каком основании вы находитесь на этой территории? Предъявите письменное разрешение.

— Меня зовут Ларсен, директор, — ответил молодой служащий. — Я подчинялся непосредственно Язону Диллу.

Изучая Барриса, он уважительно улыбнулся и сказал:

— Я несколько раз видел вас с мистером Диллом, сэр, когда вы участвовали в реконструкции "Вулкана-2".

— Думаю, и я запомню вас, — сказал Баррис.

Толкая тележку вперед, Ларсен произнес:

— Мне необходимо немедленно ввести эту информацию в "Вулкан-3". С вашего позволения я пойду с вами. Как идет бой на поверхности? Кое-кто говорит, что они прорвались. Я слышал сильный шум. — Четко проинструкти-

рованный, озадаченный только своими обязанностями, Ларсен продолжал: — Удивительно, насколько активен сейчас "Вулкан-3" после многомесячной пассивности. Он наделал довольно много оружия, чтобы урегулировать ситуацию.

Проницательно глянув на Барриса, он спросил:

— Не этот ли Рейнольдс метит стать генеральным Директором? То, как он загнал Дилла и каким образом разоблачили различные...

Он остановился для того, чтобы набрать код мощной двери. Дверь открылась.

Перед Баррисом предстала огромная комната. В дальнем конце он увидел совершенно пустую металлическую стену, — часть чего-то, что входило в структуру здания. Он увидел это мельком, как фрагмент.

— Это здесь, — сказал ему Ларсен. — Тут так мирно по сравнению с тем, что творится на поверхности. Вы, наверное, не знаете, что компьютер что-то делает для организации действий против Исцелителей, все указания исходят от него.

Он и его охрана толкнули тележку с перфокартами вперед.

— Хотите подойти ближе? — спросил Ларсен у Барриса, желая блеснуть своими знаниями в столь важном деле. — Вы можете посмотреть, как вводится информация. Это довольно интересно.

Пройдя мимо Барриса, Ларсен начал расправлять карты. Охрана помогала ему. Стоя позади всех, Баррис залез в пиджак, где пальцы сжали предмет размером с луковицу.

Выхватив бомбу, он заметил блестящего металлического "клопа" на рукаве Ларсена, он прицелился туда. Какое-то время Баррис думал, что это насекомое — некая форма жизни, которая забралась на рукав еще на поверхности, в лесу.

Блестящий металлический "клоп" взлетел. Баррис услышал визг высокой частоты, когда "жук" пролетал мимо. И тогда он понял, что это крошечный "молот", замаскированный под клопа и предназначенный для наблюдений.

Увидев, что Баррис уставился на "клопа" Ларсен сказал:

— Еще один. Уже был один, который провисел на мне весь день. Они цепляются на рабочие костюмы. "Вулкан-3"

использует их для передачи информации. Я их и раньше видел в округе.

От крошечного "молота" исходил, вызывающий головную боль, писк, обращенный к двум охранникам:

— ОСТАНОВИТЕ ЕГО! ОСТАНОВИТЕ ЕГО НЕМЕДЛЕННО!

Ларсен изумленно заморгал.

Держа бомбу, Баррис широкими шагами подошел к "Вулкану-3". Он не бежал, он шел быстро и уверенно.

— ОСТАНОВИ ЕГО, ЛАРСЕН! — приказывал "молот". — ОН ХОЧЕТ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ! УБЕРИ ЕГО ОТ МЕНЯ!

Сжав бомбу сильнее, Баррис побежал.

В него выстрелили. Баррис пригнулся и продолжал бежать, петляя из стороны в сторону.

— ЕСЛИ ВЫ ДАДИТЕ ЕМУ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ — ВЫ УНИЧТОЖИТЕ ВЕСЬ МИР!

Другой крошечный "молот" появился перед Баррисом. Танцуя в воздухе, он пищал:

— ПСИХ!

Из других частей комнаты в его адрес неслись оскорбления:

— МОНСТР!

Снова тепловой луч пронесся мимо него. Он упал и, выхватив свое оружие, повернулся и выстрелил. Мельком он увидел, что Ларсен и два охранника растерянно стреляли в него и при этом старались не попасть в стену "Вулкана-3".

Своим выстрелом Баррис попал в одного из охранников, который тут же вспыхнул и, корчась, упал.

— СЛУШАЙ МЕНЯ! — пищал "молот" прямо в лицо Баррису.

В ярости "молот" набросился на него, но промахнулся и разбился вдребезги о пол, рассыпавшись на детали. В этот момент появился другой "молот".

— ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ, УБЕЙТЕ ЕГО, НАЧАЛЬНИК ИНФОРМАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ! ОН УБИВАЕТ МЕНЯ!

Как только "молот" подлетел к нему, Баррис выстрелил в него из своего лучевого карандаша. Он не видел, как этот оказался в комнате. Только поврежденный "мо-

лот" оказался на полу, как изо всех сил стал пробираться к Баррису и кричать:

— МЫ МОЖЕМ ДОГОВОРИТЬСЯ! МЫ МОЖЕМ ПРИЙТИ К СОГЛАШЕНИЮ!

Баррис бежал и бежал.

— ЭТО МОЖНО УЛАДИТЬ ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ! НЕТ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НЕСОГЛАСИЯ!

Подняв руку, он швырнул бомбу.

— БАРРИС! БАРРИС! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ...

Слабо хлопнул запал и Баррис кинулся на пол, прикрыв лицо руками. Его окутало светом, подхватило и унесло прочь.

Я достал его, подумал он. Мне удалось!

Ужасный горячий ветер сносил его прочь. Он скользил по полу между обломками и другим хламом, разбросанным вокруг. Перед ним была какая-то поверхность. Он сжался, как мог, и чудом проскользнул по ней. Он несся дальше, проваливаясь во мрак, уносимый потоком жары.

Его последней мыслью было: "Игра стоила свеч. "Вулкан-3" мертв".

* * *

Отец Филдс сидел, наблюдая за "молотами", кружащими в бесцельном полете, а затем по спирали рухнувшими на пол. Тихо падая один за одним, "молоты" валились на пол и замирали. Безжизненные кучи металла и пластика — и ничего больше.

Поднявшись на ноги, он, шатаясь, подошел к четырем корпусным медикам.

— Как он? — спросил Филдс.

Не поднимая глаз, один из них сказал:

— Мы кое-что смогли сделать. Была сильно повреждена его грудная клетка. Мы подключили его к внешней сердечно-легочной системе и она оказывает своевременную помощь.

Полуавтоматический хирургический аппарат двигался вдоль тела Барриса, исследуя и оказывая помощь. Казалось, что с грудной клеткой успешно закончено. Теперь внимание переключилось на его сломанное плечо.

— Нам понадобится иммобилизующая повязка, — проговорил один из медиков. — Но у нас нет ничего с собой. Его необходимо доставить обратно в Женеву.

— Отлично, — сказал Филдс. — Приготовьте его.

Носилки скользнули под Барриса и начали поднимать его.

— Это предатель, — раздался голос за спиной Филдса.

Он повернул голову и увидел директора Рейнольдса. Тот стоял рядом, уставившись на Барриса. Его одежда была разорвана, а над левым глазом зияла глубокая рана.

— Вы больше не занимаете свой пост, — отчеканил Филдс.

— И вы тоже, — с горечью сказал Рейнольдс. — Чем становится ваш крестовый поход теперь, когда "Вулкан-3" уничтожен? Вы можете предложить какие-нибудь конструктивные программы?

— Время покажет, — ответил Филдс. Он пошел за носилками, несущими Барриса по подъему к ожидавшему их кораблю.

— Вы сделали все отлично, — наклонился к Баррису Филдс. Он зажег сигарету и вставил ее в раздвинутые губы раненого. — Лучше не разговаривайте. Эти хирургические роботы все еще суетятся около вас. — Он указал на тех, что работали над разбитым плечом.

— От "Вулкана-3" ... какие-то работающие компоненты... — слабо пробормотал Баррис.

— Кое-что уцелело, — кивнул Филдс. — Достаточно для ваших целей. Вы можете складывать и вычитать, используя то, что осталось.

Заметив тревогу на его пострадавшем лице, он сказал:

— Я шучу, осталось очень много, не беспокойтесь. Можно собрать те части, которые вам понадобятся. Если хотите, я могу приложить к этому руку. Я еще кое-что могу.

— Структура "Единства" будет другой, — сказал Баррис.

— Да, — ответил Филдс.

— Мы расширим нашу базу. Мы должны.

Филдс уставился в окно корабля, проигнорировав своего собеседника. В конце концов Баррис прекратил попытки разговаривать. Его глаза закрылись. Филдс подобрал го-

рящую сигарету, когда она выпала изо рта Барриса и скатилась на его рубашку.

— Мы поговорим позже, — промолвил он, докуривая сигарету.

Корабль гудя, летел в сторону Женевы.

Глядя на пустое небо, Филдс думал о том, как приятно, что нет этих штук вокруг. Когда умерла главная из них, умерли и все остальные. Странно осознавать, что мы видели один из последних "молотов" двигающимся, жужжащим, а теперь он валяется где-то там, внизу.

Мы срубили ствол, как выразился Баррис.

Он был прав во многом, сказал себе Филдс. Он был единственным человеком, который сумел пройти этот путь. Противники действительно могли остановить всех нас. Атака была обречена на провал до тех пор, пока существовали эти штуки. А это могло продолжаться долго. Я не удивлюсь, если он будет прав и в остальном.

* * *

В Женевской больнице Баррис полусидел на подложенных под спину подушках лицом к Филдсу.

— Какую информацию вы можете мне дать по поводу останков? — спросил он. — У меня туманные воспоминания о поездке сюда. Вы говорите, что большинство элементов памяти уцелело?

— Вы так стремитесь восстановить ее, — сказал Филдс.

— Только как инструмент, — ответил Баррис, — не как хозяина. Мы так договорились. Вы обязаны разрешить продолжение рационального использования машины. Но мы должны исключить связь между машиной и вашим Движением.

Филдс кивнул.

— Если вы действительно думаете, что сможете удержать контроль в нужных руках, в наших руках, я не возражаю против подобных машин. Кстати, я очень любил "Вулкан-2".

— Кстати, — заметил Баррис, — вы уничтожили его.

Они прониклись уважением друг к другу.

— Я буду держаться в стороне от управления компьютером, — сказал Филдс. — Это будет справедливо. Вы добрались туда и взорвали эту штуку. Я допускаю подобную ситуацию.

Баррис засопел, но ничего не сказал.

— Вы положите конец технократической культуре? — спросил Филдс. — Вы оставите технократию только для специалистов. Я так чертовски устал от всего этого. Вспомните об умельцах типа каменщиков, трубопрокладчиков, словом о всех тех, кто работает руками... — Он запнулся. — Я устал от презрения к этим людям.

— Я не осуждаю вас, — возразил Баррис.

— Мы будем сотрудничать, — продолжил Филдс. — С вами — священниками в сером — как мы называли вас в своих памфлетах. Но берегитесь! Если аристократия логарифмических линеек, пастельных галстуков и полированных туфель снова начнет прибирать все к рукам... — Он указал на улицу. — Вы опять услышите о нас.

— Не угрожайте мне, — тихо сказал Баррис.

— Я не угрожаю вам, я указываю вам на факты. Если нас исключают из правящей элиты, — Филдс покраснел, — зачем нам сотрудничать?

Снова воцарилось молчание.

— Что вы хотите сделать с Атлантой? — спросил наконец Баррис.

— Мы придем к соглашению по этому вопросу, — ответил Филдс. Его сигарета выпала, наклонившись, он нашел ее и смял. — Я хочу, чтобы она была уничтожена до основания. Чтобы там стало пастбище для коров. И много деревьев.

— Согласен, — сказал Баррис.

— Может ли Рашель войти сюда? — спросил Филдс. — Она хотела бы поговорить с вами. Наверное, хочет, чтобы вы привлекли к суду Таубмана за то клеветническое письмо, направленное против вас, за которое обвинили ее. — Он поколебался. — Хотите знать мое мнение?

— О'кей, — кивнул Баррис.

— Я полагаю, что должна быть амнистия. Нужно закончить это дело раз и навсегда. Независимо от того, сохраним ли мы Таубмана или выбросим его из системы, давайте покончим с обвинениями, даже правдивыми.

— Это подозрение, — сказал Филдс.

— У нас еще много дел. Многое придется перестраивать. Есть к чему приложить руки.

— Слишком плохо то, что Язон Дилл не может предупредить нас, — сказал Баррис.

— Он бы наслаждался выпуском директоров и публичными презентациями по реконструкции.

Внезапно он добавил:

— Вы работали на "Вулкане-2", и Дилл работал на "Вулкане-2" . Вы оба проводили его политику по отношению к "Вулкану-3". Полагаете ли вы, что "Вулкан-2" относился ревниво к "Вулкану-3"? Они были техническими конструкциями, но можно предположить, что у них были тенденции двух соперничающих сущностей — желание избавиться от конкурента. И каждая из сторон собирала единомышленников, если следовать вашему анализу...

— "Вулкан-2" выиграл, — сказал Баррис.

— Да, — кивнул Филдс. — Он или оно собрало нас на своей стороне — против "Вулкана-3". — Он отрывисто рассмеялся. — Логика "Вулкана-3" была верна: это был всемирный заговор, направленный против него. И, чтобы сохранить себя, ему надо было изобретать, развивать и производить оружие. И все же он был уничтожен. Его подозрение основывалось на фактах.

Как и все остальное "Единство", подумал Баррис. "Вулкан-3", подобно мне и Диллу, Рашель Питт и Таубману — все были вовлечены во взаимные обвинения и подозрения. Это почти патологическая система...

— Пешки, — заговорил Филдс, — мы, люди, были пешками этих двух машин. Они играли нами, как неодушевленными предметами. Вещи оживали, а живые организмы низводились до положения вещей. Все было вывернуто наизнанку, подобно какому-то ужасному виду реальности.

Стоя в дверях больничной палаты, Рашель Питт сказала низким голосом:

— Я надеюсь, мы сможем избавиться от этого зловещего вида. — Смущенно улыбаясь, она направилась к Баррису и отцу. — Я не хочу возбуждать какого-либо дела против Таубмана. Я отказываюсь от этого.

Сама, подумал Баррис, или учитывая мнения других людей. Но он промолчал.

— Какое время, вы полагаете, это займет? — спросил Филдс, пристально глядя на Барриса. — Действительная реконструкция не зданий, не дорог, а умов? Недоверие и подозрительность внушались нам с детства, все это существовало в школах. "Единство" уничтожало личность. Мы не можем поменять все за одну ночь.

Он прав, подумал Баррис. Будет нелегко. И это займет много времени. Возможно, сменятся поколения. Но, по крайней мере, все живое выжило, а механизмы — нет. Это был хороший знак, шаг в верном направлении.

Рашель Питт, улыбаясь менее застенчиво, подошла к Баррису. Она наклонилась и ободряюще коснулась пластиковой пленки, покрывающей его плечо.

— Я надеюсь, ты скоро выздоровеешь, — сказала она.

Он посчитал это добрым знаком.

ВЕРА НАШИХ ОТЦОВ

Faith of our father

New-York • 1967

Выйдя на улицу, он обнаружил прямо перед собой безногого нищего толкача на деревянной тележке-платформе. Толкач оглашал улицу оглушительными воплями. Чьен замедлил шаг, прислушался, но не остановился. Ему не давало покоя последнее дело, которым он занимался в Министерстве произведений искусств в Ханое. Чьен был настолько поглощен своими мыслями, что совершенно не замечал окружавший его водоворот велосипедов, мотороллеров и мотоциклов с небольшими реактивными моторчиками. Соответственно, и безногий толкач сразу перестал существовать для него.

— Товарищ! — позвал толкач, устремившись в погоню за Чьеном.

Его тележка приводилась в движение гелиевой батареей, и калека управлялся с рычагами весьма ловко.

— У меня широкий выбор проверенных временем народных травяных средств. Имеется также заверенный юридически список лиц, испытавших благотворное воздействие лекарств. Если ты чем-то страдаешь, только назови свою болезнь, и я помогу.

— Прекрасно, но я здоров, — бросил Чьен, приостановившись.

Разве что, — подумал он, — не мешало бы избавиться от хронического недомогания всех служащих Центрального Комитета — карьеризма, заставляющего их атаковать вра-

та всякой выгодной должности на государственной службе, включая и мою.

— Могу вылечить лучевую болезнь, — монотонно бубнил толкач. — Или усилить сексуальную потенцию. Могу обратить вспять течение раковых заболеваний, включая ужасную меланому, которая зовется черным раком...

Калека подсунул ему подносик с набором разнообразных бутылочек, алюминиевых баночек и пластиковых коробочек...

— ..."Если соперник настойчиво стремится занять твою выгодную должность, я снабжу тебя особым веществом, внешне очень похожим на бальзам для улучшения кожи, но на самом деле это изумительно эффективный токсин. И цены, товарищ, низкие, низкие цены — у меня. А в знак особого уважения к столь достойному товарищу, я готов принять послевоенные бумажные доллары. Предполагается их свободная международная конвертируемость, но реально они стоят едва ли дороже хорошей туалетной бумаги...

— Пошел ты к черту, — оборвал его Чьен и подал знак проплывавшему аэротакси.

Он уже и так опоздал на три с половиной минуты. Предстояла важнейшая встреча, и все его толстозадые начальники с наслаждением отметят в уме его опоздание. Подчиненные сделают то же самое с еще большим наслаждением.

Но калека-толкач сказал тихо:

— Товарищ, ты ОБЯЗАН купить что-нибудь.

— Почему же? — негодующе поинтересовался Чьен.

— Потому что, товарищ, я ветеран войны. Я сражался в последней титанической войне Народного Демократического Объединенного фронта против презренных сил империалистов. Я потерял нижние конечности в битве за национальное освобождение при Сан-Франциско. — Теперь, в тоне калеки появились торжественные нотки. Если ты откажешься купить предлагаемый ветераном товар, рискуешь уплатить штраф или даже оказаться в тюремной камере. ТАК ГЛАСИТ ЗАКОН. А вдобавок — подумай о своей репутации.

Чьен устало кивнул, отпуская аэротакси.

— Согласен, — сдался он. — Я должен купить что-нибудь.

Он окинул взглядом жалкий набор знахарских лекарств и выбрал наугад бумажный пакетик.

— Вот это.

Калека рассмеялся.

— Товарищ, это сперматоцид. Его покупают женщины, которые не имеют политического права приобрести таблетки. Тебе он едва ли пригодится, поскольку ты мужчина.

— Закон, — торжественно изрек Чьен, — не требует покупать только полезное. Я должен купить просто что-нибудь. Я беру этот пакет. — Он полез за бумажником, разбухшим от пачки послевоенных инфляционных долларов. Будучи слугой государства, Чьен получал эти доллары четыре раза в неделю.

— Поведай мне о своих проблемах, — настаивал калека-толкач.

Чьен уставился на него. Он был шокирован — такое наглое вторжение в личную жизнь, да еще со стороны негосударственного служащего!

— Ладно, товарищ, — сказал калека, видя реакцию Чьена. — Не буду настаивать. Как врач — народный целитель — ограничусь тем, что мне известно.

Он задумался, изможденное лицо его стало серьезным.

— Ты часто смотришь телевизор? — неожиданно спросил он.

Захваченный врасплох, Чьен признался:

— Каждый вечер, кроме пятницы. По пятницам я хожу в клуб упражняться в завезенном с побежденного Запада эзотерическом искусстве рулевого.

Это было единственное хобби Чьена. Всю остальную энергию он посвящал исключительно партийной деятельности.

Калека выбрал серый пакетик.

— Шестьдесят торговых долларов, — объявил он. — Гарантия полная. В случае, если не подействует согласно назначению, прошу обратиться ко мне для полного и щедрого возмещения затрат.

— А как оно должно подействовать? — ехидно поинтересовался Чьен.

— Снимет усталость после долгих и утомительных своею бессмысленностью официальных монологов. Это успокаивающий порошок. Прими его, как только опять окажешься перед фактом длинной вечерней официальной телепроповеди, которая...

Чьен заплатил и взял пакетик. Фигу я тебя приму, — решил он в уме. — Все-таки это грабеж среди белого дня. Сделали ветеранов привилегированным классом. Теперь они кормятся за счет нас — молодого поколения, — как стервятники.

Забытый серый пакетик так и остался в кармане его пиджака. Чьен вошел в величественное здание Министерства произведений искусства, чтобы начать рабочий день в собственном солидном кабинете.

В приемной его ожидал плотного телосложения смуглолицый мужчина в коричневом шелковом двубортном костюме с жилеткой, производства Гонконга. Рядом с незнакомцем стоял непосредственный начальник Чьена, Ссу-Ма Тзо-Пин. Он представил их друг другу на кантонском диалекте, которым Тзо-Пин владел довольно слабо.

— Товарищ Тунг Чьен, познакомьтесь с товарищем Дариусом Петелем. Он представляет новое учреждение дидактико-идеологического характера, скоро открывающееся в Сан-Фернандо в Калифорнии. — Тзо-Пин сделал паузу и добавил: — Товарищ Петель отдал свою жизненную энергию борьбе со странами империалистического блока через педагогические каналы. Поэтому он назначен на столь высокий пост.

Рукопожатие.

— Чаю? — предложил гостям Чьен.

Он нажал кнопку инфракрасного хибачи, и мгновение спустя забулькала вода в керамическом сосуде — японского производства, с орнаментом. Усевшись за стол, он обнаружил, что преданная товарищ Хси уже тайком положила на стол тоненькую папиросную бумажку с секретным досье на товарища Петеля. Чьен просмотрел листок, делая вид, будто это малозначительная бумажка.

— Абсолютный Благодетель Народа, — заговорил Тзо-Пин, — лично принял товарища Петеля. Абсолютный Благодетель доверяет товарищу Петелю. Это большая честь. Его школа в Сан-Фернандо будет заниматься обычной

философией дао, являясь по сути нашим каналом связи с либерально-интеллектуальным крылом молодежи на западе США. Их довольно много уцелело в зоне между Сан-Диего и Сакраменто. По нашим предварительным данным — около десяти тысяч. Школа примет две тысячи. Запись будет обязательной для всех отобранных нами. Гм, кажется, вода уже кипит.

— Благодарю, — пробормотал Чьен, опуская в керамический чайник мешочек одноразового чая "Липтон".

Тзо-Пин продолжил:

— Все экзаменационные работы студентов школы будут направляться в ваш кабинет, дабы вы могли тщательно изучить их идеологическую суть. Другими словами, вы, товарищ Чьен, будете определять, кто из двух тысяч студентов действительно искренне воспринимает идеи, заложенные в учении, которое будут преподавать инструкторы во главе с Петелем, а кто — нет.

— Я налью чай, — предложил Чьен, хорошо владевший тонкостями церемонии.

— Мы должны понять одну вещь, — отрубил Петель, чей кантонский диалект был еще хуже, чем у Тзо-Пина. — Проиграв мировую войну, американцы и их молодежь научились маскировать свои истинные чувства и убеждения. — Слово "маскировать" он произнес по-английски. Не поняв, Чьен вопросительно взглянул на начальника.

— Лгать, — перевел Тзо-Пин.

— Они послушно повторяют правильные лозунги, но внутренне убеждены в их ошибочности. Экзаменационные работы этой группы будут очень похожи на работы искренне убежденных студентов...

— Простите, но если я правильно понял, две тысячи работ должны пройти через мои руки? — Чьен был в ужасе. Он не верил своим ушам. — Этой работы хватит для специально организованного отдела. У меня нет ни минуты времени на что-либо подобное. — Он покачал головой. — Дать официальное заключение по поводу идейного уровня работ коварных противников, стоящих на ложных мировоззренческих позициях... Ну, ни хрена себе! — добавил он в довершение по-английски.

Тзо-Пин сморгнул, услышав крепкое западное ругательство и сказал:

— У вас есть люди. Дополнительно можете потребовать несколько работников — бюджет министерства, дополненный в этом году, позволяет. И помните: Абсолютный Благодетель Народа лично выбрал товарища Петеля для этой работы.

Его тон приобрел угрожающий оттенок. Правда, лишь слегка — только для того, чтобы упредить истерику Чьена и вернуть последнего в русло субординации. Хотя бы временно. Для усиления эффекта Тзо-Пин перешел в другой конец кабинета, к трехмерному портрету Абсолютного Благодетеля в полный рост. Несколько секунд спустя его присутствие заставило сработать специальный датчик автоматического магнитофончика. Знакомый голос начал более чем привычную проповедь.

— Сражайтесь ради мира, сыны мои, — зазвучал твердый, но проникновенный голос.

— Хм... — хмыкнул Чьен, немного успокоившись. — Возможно, удастся разработать программу для какого-нибудь из министерских компьютеров. Если использовать структуру ответов типа "да" — "нет" на базе предварительного семантического анализа идеологической верности... и неверности. Возможно...

— У меня с собой один интересный материал, — сообщил Дариус Петель. — Не могли бы вы, товарищ Чьен, его изучить подробно? — Он затрещал "молнией" невзрачного старомодного пластикового портфеля. — Два сочинения, — пояснил он, — передавая бумаги Чьену. — Ваш ответ покажет, насколько вы квалифицированны. — Его взгляд встретился со взглядом Тзо-Пина. — Как я понимаю, если вам сопутствует удача, вы будете назначены вице-советником министерства, а Абсолютный Благодетель Народа лично пожалует вам медаль Кистеригана.

Оба — Петель и Тзо-Пин — неискренне улыбнулись в унисон.

— Медаль Кистеригана, — эхом повторил Чьен.

Он взял сочинения, придав лицу беззаботное и уверенное выражение. Но сердце его вибрировало в тревоге.

— Почему именно эти работы? Я хочу сказать, что именно я должен выяснить?

— Одна из этих работ принадлежит преданному прогрессивному деятелю партии, чьи верность и убежденность

тщательно и неоднократно были проверены. Вторая написана неким юнцом, который стремится скрыть свои презренные мелкобуржуазные идейки. Вы должны определить, кому какая работа принадлежит.

Спасибо вам огромное, — подумал Чьен. Кивнув, прочел название первой работы: "Предвосхищение доктрин Абсолютного Благодетеля в поэзии Баха ад-Дин Зуара (Арабия, XIII век)."

На первой странице Чьен прочел четверостишие, хорошо ему знакомое. Оно называлось "Смерть", он знал его едва ли не с детства.

"Пока еще не время, свежи следы весны,
Но у Него ошибок не бывает;
Нет для Него ни высоты, ни глубины,
А только сад,
Где нас он, как цветы, срывает".

— Да, сильное стихотворение, — сказал Петель, глядя на шевелящиеся губы Чьена, который перечитывал стихи, — для указания на древнюю мудрость, заключенную в идее Абсолютного Благодетеля о том, что каждый индивид смертен, смертен внезапно, а выживает лишь историческое дело. Как тому и надлежит быть. Вы с ним согласны? С этим студентом? — Петель сделал паузу. — Или это скрытая сатира на пропаганду великих идей Абсолютного Благодетеля?

— Я хотел бы взглянуть на вторую работу, — попросил Чьен, чтобы выиграть время.

— Решайте прямо сейчас. Дополнительная информация вам не нужна.

Запинаясь, Чьен пробормотал:

— Признаться, я никогда не рассматривал это стихотворение с точки зрения... — Он почувствовал раздражение. — К тому же, это не Баха ад-Дин Зуара. Это четверостишие из "Тысячи и одной ночи". Тринадцатый век, тем не менее, я согласен.

Он быстро пробежал взглядом текст сочинения. Монотонный и скучный пересказ стертых партийных лозунгов-клише. Штампы, знакомые Чьену с рождения. Безгласый империалистический монстр, вынюхивающий следы истинного вдохновения, антипартийные группировки в во-

сточных районах США, все еще плетущие сети заговоров... Необходимы настойчивость и бдительность, подчеркивал автор. Стереть с лица планеты недобитков Пентагона, подавить упрямый штат Теннеси, а особенно важно разделаться с болезнетворным очагом реакции на холмах Оклахомы. Сочинение вызывало зевоту. Очень серо. Чьен вздохнул.

— Наверно, — заметил Тзо-Пин, — мы должны дать товарищу Чьену возможность подумать над этой сложной проблемой на досуге. Вам разрешается взять сочинения домой на сегодняшний вечер и выработать собственное мнение, о котором вы доложите нам завтра.

Он кивнул, наполовину насмешливо, наполовину ободряюще. По крайней мере, он выручил Чьена из трудного положения, и уже за это тот был ему благодарен.

— Вы крайне любезны, — пробормотал Чьен, — позволив мне выполнить столь важное задание в счет моего собственного свободного времени.

Подонок, — подумал Чьен, имея в виду и Дзо-Пина, и смуглолицего Петеля. — Повесил на меня такую собаку, да и еще за счет моего же отдыха. Да, компартия США явно в трудном положении. Академии перевоспитания не справляются с обработкой упрямой и своенравной молодежи-янки. И ты вешал эту собаку с одного функционера на другого, пока не добрался до меня.

Спасибо вам огромное, только не за что, — подумал он кисло.

Вечером в своей небольшой, уютно обставленной квартирке, он прочел второе сочинение, принадлежавшее перу некой Маион Калпер, и обнаружил еще одно стихотворение. Да, явно в этом классе занимались поэзией. Честно говоря, Чьен не любил, когда поэзию или любой другой вид искусства использовали как социальный инструмент. Но что поделаешь? Он устроился поудобнее в любимом спецкресле с суперполезной конфигурацией спинки, исправляющей дефекты осанки, закурил громадную сигару "Корона номер один" и начал читать.

Автор сочинения, мисс Калпер, выбрала для своего текста фрагмент из поэмы Джона Драйдена, английского

поэта семнадцатого века. Это были финальные строки "Песни на день святой Цецилии":

"Когда последний час отпущенный
Проглотит жалкий хоровод,
Зов трубный упадет с небес,
Воскреснут мертвые окрест
И сфер небесных встанет ход".

Черт бы вас всех побрал, — мысленно выругался Чьен. — Драйден, следует полагать, предвосхищает здесь падение капитализма? "Жалкий хоровод" — это значит — капитализм? Боже! Он потянулся к сигаре и обнаружил, что она погасла. Сунув руку в карман за любимой японской зажигалкой, он приподнялся с кресла...

— Твииии! — послышалось в это время из телевизора в противоположном конце комнаты.

Так. Сейчас мы услышим обращение нашего любимого вождя. Абсолютного Благодетеля Народа. Он заговорит с нами прямо из Пекина, где живет уже девяносто лет. Или сто? Сейчас с нами заговорит, как мы его иногда называем, Великая Задница...

— Да расцветут в вашем духовном саду десять тысяч цветков самоосознанной скромности и бедности, — начал передачу телеведущий.

Чьен, внутренне застонав, поднялся и поклонился экрану, как тому и надлежало быть: каждый телевизор имел скрытую камеру, передававшую в побез — полицию безопасности — информацию о реакции зрителей.

На экране появился четкий цветущий лик стодвадцатилетнего лидера Восточной компартии, правителя многих народов (слишком многих, — подумал Чьен). Хрен тебе, — мысленно нагрубил он ему, усаживаясь обратно в суперкомфортабельное кресло, но уже лицом к экрану.

— Мысли мои, — начал вечно юный Благодетель привычно глубоким и проникновенным голосом, — полны заботами о вас, дети мои. И моя особая забота сейчас — о товарище Тунг Чьене из Ханоя. Перед ним стоит нелегкая задача, решив которую он сможет обогатить духовную сокровищницу народов Востока, а в придачу — и Западного побережья Америки. Пожелаем же удачи этому благородному и преданному человеку. Я решил выделить не-

сколько минут времени, чтобы воздать ему должное и ободрить его. Вы слушаете, товарищ Чьен?

— Да, товарищ Абсолютный Благодетель, — вновь поклонился Чьен.

Какова вероятность того, что партийный лидер действительно выделил его из миллионов и именно в этот вечер? Ответ заставил Чьена цинично усмехнуться, конечно, про себя. Скорее всего, передача идет только на его многоквартирный корпус или в крайнем случае, на город. А может, текст наложен методом синхронного дубляжа на телестудии Ханоя? В любом случае, от Чьена требовалось смотреть и внимать. Что он и делал, имея за спиной годы тренировок. Внешне он являл собой образец напряженного внимания. Внутренне же он продолжал размышлять о тех двух сочинениях. Где был кто? Как отличить всепоглощающий партийный энтузиазм от сатирической пародии? Трудно сказать, потому они и швырнули ему эту горячую картофелину.

Он опять полез в карман за зажигалкой и наткнулся на серый конвертик, купленный у ветерана-калеки. О боже! Он вспомнил уплаченную цену. Деньги выброшены на ветер и ради чего? Он перевернул пакетик, увидел на обороте буквы. Интересно, — подумал он и начал разворачивать. Текст его зацепил — на что он и был рассчитан: "Вы не справляетесь с задачами как член партии и просто человек? Боитесь отстать от времени и оказаться на свалке истории?..."

Он быстро пробежал надпись, пытаясь уловить суть — что же именно он купил?

Абсолютный Благодетель продолжал монотонную проповедь.

Порошок. Крошечные темные крупинки, издававшие дразнящий аромат. Очень приятно. Когда-то он нюхал табак — курить было запрещено — еще во времена студенчества, в Пекине. Любительские смеси, их готовили в Чанкинге бог знает из чего. К смеси добавляется любой ароматизатор — из апельсиновой цедры до детского кала, используемого в смеси под названием "Сухой тост". Именно после него Чьен бросил нюхать табак.

Пока Абсолютный Благодетель продолжал монотонно жужжать, Чьен осторожно понюхал порошок и перечитал показания — как утверждалось, порошок вылечивал все,

от привычки опаздывать на работу и до влюбленности в женщину с сомнительным политическим прошлым. Смешно, но типично...

В дверь позвонили.

Чьен подошел и распахнул ее, заранее зная, что его ждет. За дверью был, конечно, Муа Куи, домовой надзиратель, в металлической каске и с обязательной нарукавной повязкой. Вид у него был решительно-деловой.

— Господин Чьен, мой партийный товарищ! Мне позвонили из телестудии. Вы не уделяете внимание передаче. Вместо этого вы возитесь с пакетом сомнительного содержания.

Муа извлек на свет божий блокнот и шариковую ручку.

— Две красные отметки. С сего момента вам предписывается занять удобное положение перед экраном и обратить полное внимание на речь великого вождя. Его слова сегодня обращены непосредственно к вам.

— Сомневаюсь, — услышал Чьен собственный голос.

Моргнув Муа сказал:

— Как это понимать?

— Вождь правит восемью миллиардами товарищей. Он не станет выделять именно меня, — Чьен с трудом сдерживал себя.

— Но я явственно слышал собственными ушами. Он упомянул ваше имя, — с доводящим до безумия рвением настаивал надзиратель.

Подойдя к телевизору, Чьен прибавил звук.

— Слышите, он говорит о неудачах товарищей в Народной Индии. Меня это не касается.

— Все, что считает нужным сообщить вождь, касается каждого. — Муа поставил закорючку в блокноте, сдержанно поклонился и собрался уходить. — Мне звонили из Центральной Студии. Очевидно, ваше внимание к передаче рассматривается как важный фактор. Я должен приказать вам привести в действие автоматический записывающий контур телевизора и заново просмотреть предыдущий фрагмент выступления вождя.

Чьен громко икнул. И захлопнул дверь.

К телевизору! — приказал он себе. К алтарю нашего свободного времени. А тут еще эти два сочинения — как

два камня на шее. И все это вместо нормального отдыха после напряженного дня. Свирепо, ничего не скажешь. Эх, всех вас в... Он подошел к телевизору, собираясь его выключить. Но тут же загорелся красный предупредительный сигнал — Чьен еще не имел права выключить приемник. Нас погубят прослушивания речей вождя, — подумал он. — Хотя бы на миг освободиться от треска штампованных проповедей, от лая партийных гончих, выслеживающих все человеческое...

По крайней мере, он имел право понюхать порошок. Не было закона, запрещающего нюхать табак — или его аналоги, во время речей вождя. Поэтому, высыпав из конвертика горку черных мелких гранул на тыльную сторону левой ладони, Чьен ловким жестом поднес ладонь к носу и глубоко вдохнул порошок. Старые предрассудки. Когда-то считалось, что носовые полости напрямую соединяются с головным мозгом, и нюхательная смесь непосредственно воздействует на кору, подкорку и прочее. Он снисходительно улыбнулся, уселся в кресло и сфокусировал взгляд на бесконечно знакомой физиономии Абсолютного Благодетеля.

Изображение мигнуло и исчезло. Пропал звук. Чьен смотрел в пустоту, в вакуум. Экран мерцал белым прямоугольником, из динамика выползал ровный шипящий свист.

Сильная штука, — подумал он и жадно вдохнул остаток порошка, стараясь вогнать гранулы поглубже в носовые полости. — Может, они и в самом деле соединяются с мозгом?

Экран несколько секунд оставался пустым, потом, постепенно, опять появилось изображение. Но это был не вождь. Не Абсолютный Благодетель. По сути, это был даже не человек.

Перед Чьеном материализовалась механическая мертвая конструкция, склепанная из печатных плит, линз, каких-то шлангов-щупалец, коробок с раструбами. Из раструбов исходил угрожающий монотонный звон.

Что это? Чьен не мог оторвать взгляда от механического монстра. Реальность? Галлюцинация, — решил он. Толкач наткнулся на забытый секретный склад с психоделиками времен Войны за Освобождение. И я купил громадную порцию!

На трясущихся ногах Чьен добрался до видфона и вызвал ближайший участок побеза.

— Я случайно обнаружил торговца психоделическими наркотиками, — пробормотал он в трубку.

— Ваше имя и адрес? — прозвучал в ответ деловой, энергичный голос полицейского бюрократа.

Он сообщил полицейскому нужные сведения, потом с трудом вернулся в кресло. И снова оказался лицом к лицу с чудовищным видением на телеэкране. Это смертельно, — решил он. — Наверное, какой-то супернаркотик, синтезированный в тайных лабораториях Вашингтона, округ Колумбия, или Лондона. Во много раз сильнее ЛСД-26, который сбрасывали в наши резервуары. И я собирался отдохнуть от речей вождя... Какая наивность! Это гораздо хуже — это электронный пластиковый звонящий и машущий щупальцами монстр. У меня душа уходит в пятки — как можно жить с этим до самой смерти?..

Через десять минут в дверь забарабанили полицейские. К этому времени, постепенно, стадиями, знакомый образ вождя вернулся на экран, заменив сюрреалистического робота с его щупальцами и визгливым раструбом.

— Психоделический токсин, — заявил Чьен, подводя двух побезовцев к столу с конвертиком. — Краткодействующий. Адсорбируется в кровь через носовые полости. Я сообщу подробности относительно обстоятельств его приобретения — где, у кого, все приметы.

Чьен с трудом вздохнул. Голос у него от потрясения стал хриплым.

Офицеры-побезовцы ждали, изготовив шариковые ручки. И где-то на заднем плане дребезжал неутомимый Абсолютный Благодетель. Как тысячу вечеров до этого. Хотя теперь, — подумал Чьен, — все уже будет не так, как прежде. Я его уже не смогу воспринимать, как воспринимал всегда.

Может, они этого и добивались? — подумал он.

Странно, что он подумал так — "они". Но почему-то именно так он и подумал, и это показалось ему правильным. На миг он засомневался: выдать ли побезовцам точные приметы калеки-толкача? Уличный толкач, — сказал он. — Не помню где. — Хотя он помнил улицу — Перекресток.

— Спасибо, товарищ Чьен. — Начальник патруля собрал остатки порошка (его оставалось достаточно много) и положил пакетик в карман формы, — красивой аккуратной формы. — Мы сделаем анализ как можно скорее и сообщим, если вам потребуется медицинская помощь. Некоторые военные психоделики были смертельно опасны, как вы, несомненно, читали.

— Я читал, — подтвердил Чьен.

Именно этого он и боялся.

— Всего хорошего и спасибо за звонок.

Оба полицейских удалились. Похоже, они не очень были удивлены — очевидно, подобные инциденты случались нередко.

Лабораторный анализ был произведен на удивление быстро — учитывая обычную неповоротливость бюрократического аппарата. Зазвонил видфон — телевизионный лидер еще даже не успел окончить свою речь.

— Это не галлюциноген, — проинформировал Чьена работник побезовской лаборатории.

— Разве?

Странно, но он не испытывал облегчения. Ни в малейшей степени.

— Даже наоборот. Это фенотиазин. Как вам наверняка известно, он является антигаллюциногенным препаратом. Доза на грамм смеси довольно сильная, но безвредная. Возможно, понизится давление, вы будете испытывать сонливость. Наверное, препарат был украден с тайного военного склада, брошенного отступающими варварами. На вашем месте я бы не волновался...

Чьен медленно опустил трубку. И подошел к окну — из него открывался отличный вид на другой ханойский многоквартирный комплекс, — чтобы подумать.

В дверь позвонили. Словно в трансе он пошел открывать.

Девушка была в плаще, платок, повязанный на голову, частично скрывал длинные темные волосы. Она осведомилась тихим кротким голосом:

— Товарищ Чьен? Тунг Чьен? Из министерства...

Чисто машинально он ввел ее в прихожую и закрыл дверь.

— Вы подключились к моему видфону? — спросил он.

Это был выстрел наугад, но что-то внутри подсказывало Чьену, что он угадал.

— Они... забрали препарат? — Девушка посмотрела вокруг. — Хорошо, если нет. Сейчас так трудно его доставать.

— Трудно доставать фенотиазин, — сказал он, — а не нюхательный табак. Так вас нужно понимать?

Она внимательно посмотрела на него большими лунно-туманными глазами.

— Да. — Она помолчала. — Что вы видели на экране? Скажите мне. Это очень важно. Мы должны точно знать.

— У меня был выбор?

— Да. Это нас и сбивает с толку. Мы этого даже не предполагали. И мы не можем понять... ни в какую схему, теорию не укладывается. — Ее глаза стали еще темней и глубже. — Это был подводный дракон? С чешуей, клыками, плавниками — инопланетное чудовище? Все в слизи, да? Пожалуйста, расскажите, мы должны знать.

Она взволнованно, часто дышала. Плащ поднимался и опускался в такт дыхания. Чьен вдруг обнаружил, что он наблюдает за ритмом.

— Я видел машину.

— Ага! — Она кивнула. — Понятно. Механический организм, абсолютно не гуманоидный. Не андроид, а нечто, вообще на человека не похожее.

— Совершенно не похожее. И разговаривать по-человечески оно тоже не в состоянии.

— Вы ведь понимаете: это была не галлюцинация.

— Мне официально сообщили — препарат оказался фенотиазином. Больше мне ничего не известно.

— Итак, товарищ Чьен... — Она глубоко вздохнула. — Если это была не галлюцинация, что же это было? Что остается? Может, то, что называется "сверхсознанием"?

Он не ответил. Он взял со стола сочинение, повертел его в руках, небрежно положил на место. Он ждал следующей попытки.

Она стояла рядом, словно возникнув из весеннего дождя, она пахла дождем. Он чувствовал ее волнение, и она была прекрасна в этой взволнованности, в том, как она пахла, и выглядела, и говорила. Совсем не то, что те-

левизор, — подумал он, — к которому привыкаешь с пеленок.

— Люди, принимающие стелазин, — с легкой хрипотцой в голосе произнесла она, — вы приняли стелазин, господин Чьен, видят разные вещи. Но варианты ограниченно разнообразны, их можно собрать в характерные группы. Некоторые видят то, что увидели вы, — мы называем это феноменом "Железо". Другие видят что-то вроде подводного чудовища — "Пасть". Еще существуют "Заоблачная труба" и ... — Она замолчала. — Остальные реакции говорят нам еще меньше. Теперь, товарищ Чьен, вы тоже видели ЭТО. Желательно, чтобы и вы участвовали в наших собраниях. В группе наблюдателей, которая видела то же, что и вы. Это Красная группа. Мы стремимся выяснить, ЧТО же это НА САМОМ ДЕЛЕ... — Она пошевелила гладкими, словно вылепленными из матового воска, пальцами. — Не может же ОНО быть и тем, и другим одновременно. В тоне ее слышалось недоумение, какое-то наивно-детское удивление; ее настороженность явно несколько ослабела.

— А что вы видите? Именно вы?

— Я в Желтой группе. Я вижу... бурю. Воющий разрушительный смерч. С корнем вырывающий деревья, дробящий в пыль здания... — Она грустно улыбнулась. — Это "Разрушитель". Всего двенадцать групп, товарищ Чьен. Двенадцать совершенно разных восприятий. Одного и того же образа вождя. Под воздействием одного и того же препарата. Она снова улыбнулась, она смотрела теперь на него из-под длинных — наверное, искусственно удлиненных ресниц — с доверием и ожиданием. Как будто он мог помочь.

— Я должен был бы вас арестовать, — сказал Чьен. — Гражданский арест.

— Нет статьи в законе. Мы тщательно изучили кодекс, прежде чем организовать распространение стелазина. Запас у нас небольшой, и мы не раздаем кому попало. Вы нам показались подходящей кандидатурой — известный, пользующийся доверием молодой бюрократ послевоенного типа, уверенно поднимающийся по ступенькам карьеры. — Она взяла со стола сочинения. — А, вас прочитывают, да?

— Как? — Он не понял термина.

— Дают вам изучить какой-нибудь документ и проверяют, как ваша реакция соответствует текущему взгляду

партии на мир. — Она улыбнулась. — Когда вы поднимете на ступеньку выше, вы узнаете это выражение. Поднимете с помощью товарища Петеля, — добавила она уже серьезно. — Товарищ Петель стоит очень высоко. Никакой школы в Сан-Фернандо нет, эти сочинения специально сфабрикованы, чтобы проверить вашу идейную надежность. Кстати, вы уже определили, где здесь ересь? — Она произнесла эти слова тоненьким, как у гнома, голосом, с ноткой насмешливой угрозы. — Один неверный шаг, неверный выбор — и ваша расцветающая карьера будет задушена в зародыше. Но если вы угадаете...

— А вы знаете, где какое сочинение? — раздраженно спросил он.

— Да. У нас есть подслушивающее устройство в кабинете Тзо-Пина. Мы подслушали его беседу с Петелем. На самом деле его зовут Джуд Крейн, старший инспектор высшего отдела секпола — секретной полиции. Наверное, вы слышали это имя — он был главным ассистентом судьи Ворлавского во время послевоенного процесса 1998 года в Цюрихе.

— Я... понимаю, — с трудом выдавил Чьен.

Теперь многое становилось ясным.

— Меня зовут Таня Ли, — представилась, наконец, девушка.

Он только молча кивнул. Шок был еще силен, и оглушенный Чьен был не в состоянии думать.

— Фактически, я мелкий служащий, — рассказывала между тем Ли. — В нашем министерстве. Насколько я помню, мы никогда даже случайно не сталкивались. Мы стараемся пробраться на разные посты в нашем учреждении. Мой начальник...

— Может, не стоит все рассказывать — он показал на включенный телевизор. — Они могут подслушать.

— Мы заблокировали прием и передачу по каналу вашей квартиры. Повысили уровень шума. Им потребуется не менее часа, чтобы отыскать экран. У нас осталось... — Она внимательно посмотрела на крошечные часики на тонком запястье, — еще пятнадцать минут. Пока мы в безопасности.

— Скажите мне... какое из сочинений ортодоксально? — попросил он.

— Вас только это волнует?

— А что еще должно меня волновать?

— Разве вы еще не поняли? Вы узнали такое... Вождь на самом деле не вождь. Он нечто другое, хотя мы пока не можем выяснить, что именно. Товарищ Чьен, вам никогда не приходило в голову сделать анализ вашей питьевой воды? Я знаю, это похоже на манию преследования, но все же?

— Нет, конечно, — ответил он.

Он уже знал, что она скажет дальше.

— Наши анализы показывают, что питьевая вода постоянно насыщена галлюциногенами. Но это не те гальциногены, которыми пользовались во время войны. Это новое квазиэрготическое соединение, называется "датрокс-3". Вы его принимаете с водой, — в ресторанах, у друзей, на работе — вся вода в городе насыщается из единого центрального источника, — гневно сказала она. — Мы раскусили эту загадку. И поняли, что любой хороший фенотиазин нейтрализует действие наркотика. Но вот чего мы не предполагали — так это целого букета результатов неискаженного восприятия. Галлюцинации могут отличаться у разных индивидов, но ведь реальность должна восприниматься универсально! Все получилось наоборот. Все перевернулось с ног на голову. Мы не смогли даже прийти к какой-нибудь теории, рабочей теории, объясняющей феномен. Двенадцать разных галлюцинаций — это объяснить несложно. Но двенадцать вариантов одной и той же реальности! — Она замолчала, посмотрела на сочинения, наморщив лоб. — Вот эта, с арабским стихотворением, правильная работа. Если вы укажете на нее, то получите повышение. Подниметесь еще на ступеньку в партийной иерархии. — Улыбнувшись — у нее были красивые белые зубы — она добавила: — Сегодня утром вы совершили выгодное вложение капитала. Ваша карьера обеспечена теперь на некоторое время — благодаря нам.

— Я вам не верю.

Инстинктивная осторожность управляла им — осторожность, выработанная годами жизни среди головорезов Ханойского отделения Восточной компартии. Они владели мириадами способов "вырубить" соперника — некоторыми из них Чьен сам пользовался. Возможно, сейчас он имеет

дело с новым изобретением, со способом, еще ему неизвестным. Это всегда возможно.

— В сегодняшней речи вождь отдельно упомянул вас, — напомнила Таня. — Вам это не показалось странным? Вас, мелкого кабинетовладельца довольно заштатного министерства...

— Согласен, — признался он. — Меня это поразило.

— Это логично. Абсолютный Благодетель сейчас формирует новую элиту — молодых энергичных функционеров послевоенного поколения. Он выделил вас по той же причине, что и мы, — ваши данные, если их правильно использовать, способны вынести вас на самую верхушку. Вот такие дела.

Интересно, — подумал он, — все в меня верят. Кроме меня самого. Особенно теперь, после опыта с антигаллюциногеном. Его убеждения, формировавшиеся годами, дали трещину. Однако постепенно, он приходил в себя, и былая уверенность преуспевающего бюрократа давала себя знать все больше.

Подойдя к видфону, он снял трубку и начал набирать номер ханойского полбеза — второй раз за вечер.

— Это бы стало вашей второй фатальной ошибкой. Я скажу, что вы заманили меня в квартиру и пытались дать взятку, предполагая, что я знаю, какое сочинение выбрать, — благодаря моей службе в министерстве.

— А что было моей первой фатальной ошибкой?

— То, что вы не приняли дополнительную дозу фенотиазина, — спокойно сказала Таня Ли.

Положив трубку, Тунг Чьен подумал: "Я не понимаю, что со мной творится. Две силы. С одной стороны — партия и Абсолютный Благодетель Народа. С другой — эта девушка и некая тайная организация за ее спиной. Одна сила хочет, чтобы я поднимался выше и выше в партийной иерархии, вторая... Чего собственно хочет Таня Ли? Какие намерения скрываются за ее самоуверенными утверждениями и довольно тривиальным пренебрежением к партии, вождю и моральным стандартам Объединенного Демократического Народного Фронта".

— Вы антипартиец? — спросил он с любопытством.

— Нет.

— Но... — Он развел руками. — Больше ведь ничего не существует. Партия и антипартия. Тогда вы должны быть партийцем.

Он недоуменно смотрел на нее. Таня, совершенно хладнокровно встретила его взгляд. Помолчав, он продолжил:

— У вас есть организация, вы тайно собираетесь. Против чего вы боретесь? Против государства? Вы вроде тех студентов в Америке, которые во время войны во Вьетнаме останавливали военные эшелоны, выходили на демонстрации?..

— Все было не так, — устало сказала Таня. — Но не важно. Оставим это. Наша цель такова: мы хотим знать, кто или что нами управляет. Нам нужен такой член организации, который имеет шанс лично встретиться с лидером, лицом к лицу. Вы понимаете? Очень немногим удается увидеть вождя — я имею в виду на самом деле увидеть.

Она взглянула на часы, явно опасаясь, что не успеет скрыться.

— Мы надеемся, — продолжила Таня Ли, — что пройдя испытание, а с моей помощью вы практически его уже прошли, вас пригласят на вечеринку — только для мужчин. Их время от времени устраивает вождь, и газеты о них, естественно, не сообщают. Теперь понимаете? — Она перешла на горячий, быстрый шепот. — И тогда мы узнаем... Вы пойдете туда под воздействием нашего препарата, и, если сможете — встретитесь с ним лицом к лицу...

— Это станет концом моей карьеры, если не жизни, — сказал он, размышляя вслух.

— Вы нам кое-что должны, — отрезала Таня Ли. Она побледнела. — Если бы я не подсказала, вы наверняка выбрали бы неправильное сочинение. И вашей карьере преданного слуги общества настал бы конец. Вы провалили бы испытание, даже не подозревая, что вас испытывали.

— Я имел один шанс из двух, — примирительно заметил он.

— Нет, — возразила она. — Фальшивка набита ловко подобранным партийным жаргоном. Они намеренно устроили вам ловушку. Они ХОТЕЛИ, чтобы вы провалились.

Чьен опять взглянул на сочинения. Он был сбит с толку. Правду ли она говорит? Возможно. Вероятно. Можно сказать, что это очень похоже на правду, если знать партийных функционеров так хорошо, как он. Особенно его непосредственного начальника, Тзо-Пина. Он вдруг почувствовал усталость и безразличие ко всему.

— Значит, услуга за услугу. Вы этого требуете. Вы услугу мне оказали — добыли, если это правда — ответ на этот парттест. Но вы уже свой ход сделали. Что может помешать мне вышвырнуть вас отсюда взашей? Что захочу, то и сделаю — я себя ничем не связывал.

Он слышал свой голос, как будто со стороны — монотонный, бездушный — типичный голос партийного функционера.

— По мере вашего продвижения вы столкнетесь с новыми проверками. И мы будем стараться, чтобы вы эти проверки прошли, — сказала Таня Ли.

Она была совершенно спокойна. Очевидно, она предвидела его реакцию.

— Сколько у меня времени, чтобы подумать?

— Сейчас я ухожу. Спешить некуда — вы получите приглашение на личную виллу вождя у Желтой реки не раньше следующей недели. Или даже в следующем месяце. — Она остановилась у двери. — Если вам будут грозить новые проверки, мы предупредим. Так что вы еще увидитесь со мной или с кем-нибудь из наших. Может быть, с тем калекой-ветераном. На этот раз он продаст вам листок с правильным ответом. — Она улыбнулась, но улыбка тут же погасла, как задутая свеча. — И однажды — это наверняка — вы получите официальное приглашение на виллу вождя — очень красивый бланк. Вы пойдете туда, предварительно приняв высокую дозу стелазина... может быть, весь остаток нашего быстро идущего на убыль запаса. Спокойной ночи.

Дверь захлопнулась. Она ушла.

Бог мой! — подумал Чьен. — Они же могут теперь шантажировать меня. А она даже не упомянула об этом. Не стоило тратить время — имея в виду их намерения.

С другой стороны... Он ведь сообщил в побез. Значит, они следят. В сущности, я не нарушил закона, но они будут тщательно за мной наблюдать. Как и всегда. Он уже

привык к этому за все прошедшие годы. Привык, как и все остальные.

Я увижу Абсолютного Благодетеля Народа — сказал он себе. — Быть может, я буду первым. И что это будет? К какому подклассу негаллюцинаций будет он принадлежать? Какой-нибудь новый неизвестный тип? Нечто, грозящее перевернуть мой мир? Но как я выдержу это, сохраняя внешнее спокойствие, после того, что я видел по телевизору, например, "Железо", "Пасть", "Разрушитель", "Труба"? Или что-нибудь похуже? Гадать было бесполезно. И чересчур страшно.

На следующее утро товарищ Тзо-Пин и товарищ Петель ждали его в кабинете, вернее поджидали, как охотники поджидают дичь. Чьен без лишних слов вручил им "экзаменационное сочинение" с арабским стихотворением.

— Вот это, — сказал он звенящим голосом, — работа преданного члена партии или, может быть, кандидата в члены. Эта же... — Он хлопнул по второй пачке листов, — реакционный мусор, несмотря на ортодоксальность...

— Прекрасно, товарищ Чьен, — кивнул Петель. — Не будем углубляться, ваш анализ дал верный результат. Вы слышали, вождь вчера упомянул ваше имя в вечернем телевыступлении?

— Конечно, я слышал.

— Не сомневаюсь, вы сделали соответствующий вывод, что мы все вовлечены в дело особой государственной важности. Вождь выделяет вас, это ясно. Собственно, он связался со мной лично и... — Петель принялся рыться в своем разбухшем портфеле. Черт, кажется, потерял. Ну ладно... — Он посмотрел на Тзо-Пина, тот чуть уловимо кивнул. — Абсолютный Благодетель хотел бы увидеть вас во время обеда на его ранчо у реки Янцзы, вечером в следующий четверг. Миссис Флетчер особо ценит...

— Кто такая миссис Флетчер?

Слегка запнувшись, Тзо-Пин сухо объяснил:

— Жена Абсолютного Благодетеля. Его зовут... Вы, не сомневаюсь, никогда о нем не слышали... Его зовут Томас Флетчер.

— Он кавказец, — объяснил Петель. — Работал в Новозеландской компартии, принимал участие в захвате

власти — это было нелегко, как вы помните. Эта информация не является секретной — в строгом понимании слова. Но с другой стороны, не стоит слишком распространяться на эту тему. — Он помолчал, играя цепочкой часов. — Наверное, будет лучше, если вы забудете об этом. Конечно, как только вы его встретите, то поймете по его лицу, что он кавказец. Как и я. Как и многие из нас.

— Национальность, — отметил Тзо-Пин, — не имеет отношения к понятию верности вождю и партии. Чему свидетель господин Петель, стоящий перед вами.

Но Абсолютный Благодетель? — изумился про себя Чьен. — На экране он не казался кавказцем...

— Но на экране... — начал было он.

— Изображение подвергается ряду особых видеокоррекций, — пояснил Тзо-Пин. — Из идейных соображений. Большая часть товарищей на высоких постах знают об этом.

Он значительно посмотрел на Чьена.

Значит, они знают. И молча соглашаются. Все, что мы видим каждый вечер, — это иллюзия. Вопрос — до какой степени иллюзия? Частично? Или полностью?

— Буду готов, — сухо сказал он.

И подумал: где-то вышла промашка. Они — те, кто стоит за спиной Тани Ли, — не предполагали, что я так быстро получу доступ. Где препарат? Они успеют связаться со мной или нет? Скорее всего, нет.

Он испытал облегчение. Он будет допущен к вождю и увидит его таким же, как видел на экране. Это будет очень приятный и поощряющий партийную энергию обед в компании наиболее влиятельных партийцев Азии. Уверен, что обойдемся мы и без фенотиазинов, — подумал Чьен. Чувство облегчения становилось все сильнее.

— А, вот она, наконец, — вдруг сказал Петель и выудил на свет божий белый конверт. — Ваша пригласительная карточка. Утром в четверг ракета компании "Синороке" доставит вас на виллу вождя. Офицер, отвечающий за соблюдение протокола, проведет с вами беседу. Форма одежды — парадная: фрак и белый галстук, но атмосфера будет в высшей степени непринужденная и сердечная. И, как всегда, много тостов. Я побывал на двух таких мальчишниках. Товарищ Тзо-Пин, — Петель изобразил

кривую улыбку, — пока не удостоился чести. Но, как говорится, все приходит к тому, кто ждет. Это сказал Бен Франклин.

— К товарищу Чьену, должен отметить, эта честь пришла несколько преждевременно. — Тзо-Пин пожал плечами с видом философа. — Но моего мнения не спрашивают.

— И еще одно, — сказал Петель. — Возможно, лично встретившись с вождем, вы будете в некоторой степени разочарованы. Даже если это так, будьте внимательны и ни в коем случае не показывайте истинных своих чувств. Мы привыкли, — нас даже приучили, — видеть в Абсолютном Благодетеле не просто человека, а нечто большее. Но за столом он... — Петель пошевелил пальцами, — во многих отношениях не отличается от нас грешных. Он может рассказать анекдот с бородой или выпить лишнего... Откровенно говоря, заранее никогда не известно, как пройдет вечер, хотя, как правило, такие обеды кончаются не раньше следующего утра. И потому будьте предусмотрительны и примите дозу амфитамина. Офицер, отвечающий за протокол, снабдит вас таблетками.

— Вот как?

Довольно неожиданная и интересная новость!

— Для внутренней крепости. И чтобы, как говорится, пузырь хорошо держался. Вождь отличается большой выносливостью. Очень часто он все еще свеж и полон сил, в то время как остальные участники застолья давно уже свалились под стол.

— Выдающаяся личность, наш вождь, — сладко пропел Тзо-Пин. — Я считаю, что его некоторая... неумеренность только доказывает, какой он славный парень. Плоть от плоти народной. Настоящий человек Возрождения, гармоничный во всех отношениях, как, например, Лоренцо Медичи.

— Очень верное и удачное замечание, — согласился Петель.

Он так пристально наблюдал за Чьеном, что последнему опять стало неуютно, вернулось зыбкое ощущение страха, как вчера вечером. Не попаду ли я из одной ловушки в другую? — подумал он. — Вчерашняя девица — вдруг она стала агентом секпола?

Он решил, что всеми способами постарается уклониться от встречи с безногим. Будет ходить домой совсем другой дорогой.

Ему повезло. В тот день он сумел скрыться от калеки, и на следующий тоже и так далее, до самого четверга.

Утром в четверг калека-толкач неожиданно выкатил из-за какого-то грузовика и блокировал Чьену дорогу.

— Как мое лекарство? — требовательно поинтересовался он. — Помогло? Я уверен, что помогло — состав очень древний, времен династии Сунг. Я вижу, он вам помог. Правильно?

— Дайте пройти, — сказал Чьен сквозь зубы.

— Будьте так добры, ответьте мне!

Тон его не имел ничего общего с нытьем уличных мелких торговцев, особенно калек. Именно тон подействовал на Чьена. "Командирский голос", как говаривали офицеры марионеточных империалистических войск много-много лет тому назад.

— Я знаю, что было в вашем пакете, — заметил Чьен. — И с меня довольно. Если я передумаю, то достану это вещество в нормальной аптеке. Большое спасибо.

Он попытался уйти. Но тележка с ее безногим пассажиром устремилась в погоню.

— Со мной говорила госпожа Ли, — громко заявил калека.

— Правда? — поинтересовался Чьен и прибавил шагу.

Он заметил свободное аэротакси и отчаянно замахал рукой.

— Сегодня вечером вы будете на вилле у реки Янцзы. Возьмите препарат. Немедленно.

Калека, пыхтя от усилий, которых требовал темп Чьена, протянул конверт.

— Прошу вас, партиец Чьен. Ради вас и всех нас. Мы должны выяснить, что это. Великий бог! Возможно, это даже не человек, а инопланетное существо. Это было бы самое страшное. Вы не понимаете? Ваша ничтожная карьера — пустое место, если только представить... Если вы не сможете выяснить...

Такси остановилось у обочины, дверца плавно отъехала, Чьен полез в кабину.

— Пожалуйста, — попросил калека. — И бесплатно. Это ничего вам не будет стоить. Возьмите и примите перед началом обеда. И не принимайте амфитаминов — они из группы таламостимуляторов, а фенотиазин — адреналосупрессант, они взаимопротивопоказаны...

Дверь плавно скользнула на место, Чьен откинулся на спинку.

— Куда едем, товарищ? — спросил робоводитель такси.

Чьен назвал идент-номер своего жилого корпуса.

— Калека-торговец ухитрился протиснуть образец своего сомнительного товара в мою стерильную кабину, — сообщил робот. — Обратите внимание, у вашей ноги, товарищ.

Чьен увидел конверт — обычный на вид конверт. Откуда ни возьмись, лежит рядом с тобой пакетик... Несколько секунд спустя он поднял конверт.

На конверте опять была надпись, но теперь от руки. Женский почерк. Наверное, Таня Ли.

"События застали нас врасплох. Но, слава богу, мы успели. Где вы были во вторник и среду? Неважно. Вот препарат. Удачи вам! Я найду вас потом сама. Не пытайтесь со мной связаться".

Он сжег конверт в автоматической пепельнице такси. И оставил у себя темные гранулы.

Галлюциногены — все это время, все эти годы. В нашей воде, в нашей еде. Десятилетиями. Не во время войны — в мирное время. И не в лагере врагов — у нас дома. Бессовестные сволочи, — подумал он. Наверное, нужно принять гранулы. Наверное, стоит выяснить, наконец, что он собой представляет.

Я так и сделаю, — решил Чьен. Он почувствовал, что ему стало интересно. Это было плохо, он понимал. Любопытство партийным функционерам противопоказано. Тем не менее, он был уже охвачен нетерпением. Надолго ли его хватит? Достанет ли ему смелости принять порошок, когда наступит момент? Время покажет. Мы цветы, — подумал он. — В саду, где ОН срывает нас. Как в том арабском стихотворении. Он хотел вспомнить, что в нем говорилось, но не смог.

Офицер протокола, японец по имени Кимо Окубара, высокий и мускулистый, явно в прошлом боец, осмотрел Чьена со скрытой враждебностью, хотя тот представил

тисненную карточку-приглашение и документ, удостоверяющий личность.

— И стоило вам сюда тащиться, — ворчал японец. — Смотрели бы лучше телевизор дома. Мы тут и без вас спокойно обходились.

— Телевизор я уже смотрел, — сухо ответил Чьен.

К тому же обеды на вилле не транслировались, подумал он, — очевидно, из соображений пристойности.

Ребята Окубары тщательно обыскали, прощупали Чьена, включая анальное отверстие — на предмет тайного оружия. Потом ему вернули одежду. Фенотиазин они не нашли, потому что он его уже принял. Подобные препараты действуют часа четыре. Этого должно быть более чем достаточно. Таня убеждала, что доза сверхбольшая. Он испытывал слабость, головокружение, спазмы, дрожь в конечностях — непредвиденные побочные эффекты.

Мимо прошла девушка, до пояса обнаженная, с длинными медно-рыжими волосами, как хвост кометы. Интересно.

С другой стороны показалась еще одна девушка. Эта была обнажена тоже до пояса, но в нижней части. Еще интересней. У девиц был отсутствующий и скучающий вид.

— Вы тоже будете потом в таком виде, — сообщил ему Окубара.

Чьен изумился.

— Как я понял, фрак и белый галстук...

— Это шутка, — объяснил японец. — Вы попались. Можете наслаждаться девушками, если вы не гомосексуалист.

Ну ладно, — подумал Чьен, — будем наслаждаться. Вместе с другими приглашенными — мужчины были во фраках, женщины в платьях до пола — он принялся прохаживаться. Он чувствовал себя не в своей тарелке, несмотря на транквилизирующий эффект стелазина. Зачем он явился сюда. Двусмысленность ситуации вызывала тревогу. С одной стороны, он здесь ради продвижения в партийной иерархии, одобрительного кивка вождя... С другой — чтобы уличить вождя в обмане. Какого рода обмане — он еще не зал, но обмане. Обмане партии, обмане всех миролюбивых демократических сил планеты.

Он начал описывать новый круг по залу. К нему подошла девушка с маленькими ярко светившимися грудями и попросила спичку. Чьен машинально достал зажигалку.

— А почему у вас груди светятся? — спросил он. — Радиоактивное воздействие?

Девушка ничего не ответила, пожала плечами и отошла. Очевидно, он что-то не то сказал. Наверное, послевоенная мутация, — решил Чьен.

— Прошу вас, сэр, — лакей изящным жестом протянул поднос.

Чьен выбрал мартини — в настоящее время это был самый модный напиток среди высшего партийного класса Народного Китая, — и отпил глоток ледяной смеси. Отличный английский джин, — отметил он про себя. — Может, даже с добавлением настоящего голландского можжевельника или чего-то другого. Неплохо.

Он почувствовал себя лучше. В принципе, здесь совсем неплохо, — решил он. — Даже весьма приятная обстановка. Все люди такие респектабельные, уверенные в себе. Они достигли успеха, теперь им можно немного отдохнуть. Очевидно, это миф, будто бы рядом с вождем люди испытывают тревогу и нервное возбуждение. Ничего подобного он пока не замечал и сам не испытывал.

Какой-то широкоплечий пожилой господин весьма оригинально остановил Чьена, уперев ему в грудь свой бокал.

— Вон тот лилипут, — сказал он, ухмыльнувшись, — который просил у вас спичку, ну, с грудями, как рождественские огни, — это был на самом деле мальчик. — Он захихикал. — Здесь надо держать ухо востро.

— А где можно найти нормальных женщин? — спросил Чьен.

— Рядом, — ответил господин и удалился, оставив Чьена наедине с мартини.

Высокая приятная женщина в дорогом платье, стоявшая рядом с Чьеном, вдруг схватила его за руку. Он почувствовал напряжение ее пальцев. Она сказала:

— Вот он. Абсолютный Благодетель Народа. Я здесь впервые, так волнуюсь. У меня прическа в порядке?

— В полном, — кивнул Чьен и посмотрел в ту же сторону,что и женщина. На Абсолютного Благодетеля.

Он шел через зал к столу. И это был не человек.

Но и не металлический монстр, — понял Чьен. Совсем не то, что он видел по телевизору. Очевидно, тот техномонстр предназначался только для речей. Наподобие искусственной руки, которой однажды воспользовался Муссолини, чтобы приветствовать салютом длинную и многочасовую процессию.

Чьену стало плохо. Может, это подводный дракон, "Пасть", Таня Ли что-то такое упоминала? Но ЭТО не имело пасти. Ни щупальцев, ни даже плоти вообще. Собственно ЕГО там вообще как будто не было. Стоило Чьену сфокусировать на ЭТОМ взгляд, и изображение исчезло. Он видел сквозь него, видел людей по ту сторону зала, но не видел ЕГО САМОГО. Но отворачиваясь, он боковым зрением сразу замечал ЕГО, его границы.

Оно было ужасно. Источаемый им ужас охватил Чьена, как волна испепеляющего жара. Продвигаясь к столу, оно высасывало жизнь из людей, попадавшихся на пути, пожирая и энергию с ненасытным аппетитом. Оно ненавидело окружающих — он чувствовал его ненависть. Оно на дух не переносило людей — всех и каждого — и он неожиданно понял, что испытывает долю этого отвращения вместе с ним. На мгновение все, присутствующие на вилле показались ему мерзкими слизняками, и это существо шествовало по скрученным панцирям упавших раздавленных слизняков, глотало, пожирало, насыщалось и все это время надвигалось именно на Чьена. Или это была лишь иллюзия? Если это галлюцинация, то самая жуткая в моей жизни, — подумал Чьен. — Если это реальность, то чересчур жестокая. Порожденное абсолютным злом существо, убивающее и заглатывающее поверженные жертвы. Он смотрел на след существа — цепочку раздавленных, искалеченных мужчин и женщин. Он видел, как они пытались заново собрать свои изуродованные тела, что-то сказать.

Я знаю, кто ты, — подумал Тунг Чьен. — Ты, верховный водитель Всемирной партии, истребитель жизни. Я видел стихотворение арабского поэта. Ты ищешь цветы жизни, чтобы их пожирать. Ты оседлал Землю, и нет для тебя ни высоты, ни глубины. Где угодно, когда угодно ты появляешься и пожираешь всех вокруг. Ты сконструировал

жизнь, чтобы затем ее поглотить. И находишь в этом наслаждение.

Ты бог, — подумал он.

— Товарищ Чьен! — прозвучал его голос. Но исходил он изнутри головы Чьена, а не со стороны безротого и безъязыкого видения, обратившегося к нему. — Приятно встретить вас. Но что вы понимаете? Что вы знаете? Какое мне дело до всех вас? Слизь. Какое мне дело до слизи? Да, я в ней увяз. Я мог бы и вас раздавить. Я создаю ловушки и тайники, глубокие тайные убежища, моря для меня, как кастрюля с варевом. Чешуйки моей кожи связаны со всеми, кто есть на Земле. Ты — я, я — ты. Неважно, кто есть кто. Так же неважно, как является ли существо с огненными грудями мальчиком или девочкой. Можно получать удовольствие и от тех и от других. — Оно засмеялось.

Чьен не в состоянии был поверить, что оно разговаривало с ним. Что оно выбрало его. Это было слишком ужасно.

— Я выбрал всех и каждого, — сказало оно. — Нет малых, нет великих, каждый упадет и умрет, и я буду рядом, наблюдая. Автоматически. Так устроен мир. Мне делать ничего не нужно, только смотреть.

И вдруг связь прервалась. Но Чьен видел его. Как громадную сферу, повисшую в комнате. С миллионом, с миллиардом глаз — для каждого живого организма. И когда живой организм падал, оно наступало на него и давило. Для этого оно и сотворило живых существ, — понял он. В арабском стихотворении говорилось не о смерти, а о боге. Или, вернее, бог и был смерть. Монстр-каннибал иногда промахивался, но, имея в запасе вечность, ему некуда было спешить. Второе стихотворение тоже понял он вдруг. То, что написал поэт Драйден. Жалкий хоровод — это мы, наш мир. И оно поглощает его. Деформирует по своему плану.

Но, по крайней мере, — подумал он, — у меня осталось мое собственное достоинство. Он поставил бокал, повернулся и пошел к дверям. Прошел по ковровой дорожке длинного коридора. Лакей в фиолетовой ливрее услужливо распахнул перед ним дверь. Он оказался в темноте на пустой веранде, один.

Нет, не один.

Оно последовало за ним. Или было на веранде заранее. Да, оно поджидало его. Оно еще с ним не покончило.

— Раз и два! — сказал Чьен и головой вперед бросился через перила. Шестью этажами ниже блестела река — смерть, настоящая смерть, совсем не такая, как в арабском стихотворении.

Когда Чьен завис над перилами, оно выпустило щупальцы-удлинители и придержало его за плечо.

— Зачем? — спросил он, тем не менее, не стал вырываться.

Он ничего не понимал. И ему было даже немного интересно.

— Не делай этого из-за меня, — сказало оно.

Чьен видеть его не мог — оно передвинулось за его спину. Но часть его, на плече Чьена, теперь выглядела как человеческая рука.

Потом оно рассмеялось.

— Что тут смешного? — спросил Чьен, балансируя над перилами, придерживаемый псевдорукой.

— Ты делаешь мою работу за меня. Нетерпелив. Разве у тебя нет времени подождать? Я еще выберу тебя, не стоит упреждать события.

— А если я сам? — спросил он. — Из-за отвращения?

Оно засмеялось. И ничего не ответило.

— Даже не отвечаешь, — отметил он.

И опять не было ответа. Он соскользнул опять на веранду. И "рука" сразу же отпустила его плечо.

— Ты основатель партии? — спросил он.

— Я основатель всего. Я основал партию, и антипартию, и тех, кто за нее, и тех, кто против, тех, кого вы зовете империалистами-янки, тех, что окопались в лагере реакции, и так до бесконечности. Я основал все это. Словно поле травы.

— И теперь ты наслаждаешься своим творением?

— Я хочу, чтобы ты увидел меня таким, каким увидел, и чтобы ты после этого мне поверил.

— Что? — Чьен вздрогнул. — Поверил в чем?

— Ты в меня веришь? — спросило оно.

— Да. Я тебя вижу.

— Тогда возвращайся к своей работе в министерстве. Тане Ли скажи, что видел старика, толстого, усталого, который любит выпить и ущипнуть смазливую девицу за зад.

— Боже, — прошептал Чьен.

— И пока ты будешь жить, не в силах остановиться, я буду тебя мучить. Я отберу у тебя одно за другим, все, что у тебя есть и чем ты дорожишь. А потом, когда ты будешь окончательно раздавлен и придет твой смертный час, я открою тебе тайну.

— Какую тайну?

— Воскреснут мертвые окрест. Я убиваю живое, я спасаю мертвое. Пока я скажу тебе только вот что: ЕСТЬ ВЕЩИ ГОРАЗДО ХУДШИЕ, ЧЕМ Я. Но ты их не увидишь, потому что я тебя уничтожу. А теперь иди и приготовься к обеду. И не задавай дурацких вопросов. Я делал так задолго до появления Тунг Чьена, и буду так делать еще очень долго после него.

Тогда Чьен ударил его, ударил в это, как мог сильно. И ощутил страшную боль в голове. Он почувствовал, что падает. И наступила темнота.

В последний момент он подумал: я доберусь до тебя. Ты умрешь. Ты умрешь в мучениях. Будешь мучиться, как мы мучаемся, именно так, как мы. Я тебя распну. Клянусь, я тебя распну на чем-нибудь таком высоком. И тебе будет очень больно. Как мне сейчас.

Он зажмурился.

Кто-то дернул его за плечо — грубо, резко. Он услышал голос Кимо Окубары:

— Напился, как свинья. А ну, поднимайся! Шевелись!

Не открывая глаз, Чьен попросил:

— Вызовите такси.

— Такси уже ждет. Отправляйся домой! Какой позор! Устроить сцену на обеде у вождя!

Встав на подгибавшиеся ноги, он открыл глаза, осмотрел себя. Наш вождь — единственный истинный бог. И враг, с которым мы сражаемся, — тоже бог. Он действительно все, что есть сущего. А я не понимал, что это значит. Глядя на офицера протокола, он подумал: в тебе тоже есть частица бога. Так что выхода нет, даже прыгать бесполезно. Это инстинкт сработал, — подумал он,весь дрожа.

— Смешивать алкоголь и наркотики, — уничтожающе процедил Окубара, — значит навсегда испортить карьеру. Мне это не раз приходилось видеть. А теперь — пошел вон.

Пошатываясь, Чьен побрел к громадным центральным дверям виллы у Янцзы. Два лакея в костюмах средневековых рыцарей торжественно распахнули створки, качнув плюмажами на шлемах. Один из них сказал:

— Всего доброго, сэр.

— Иди ты на... — огрызнулся Чьен и вышел в ночь.

Было без четверти три ночи. Чьен, не в силах сомкнуть глаз, сидел у себя в гостиной, куря сигары одну за другой. В дверь постучали.

Открыв дверь, он увидел Таню Ли — в плаще с поясом и с синим от холода лицом. Она с немым вопросом смотрела на него.

— Не смотри на меня так, — грубо сказал он. Сигара погасла, и он раскурил ее заново. — На меня и так смотрели больше, чем надо.

— Вы видели, — поняла она.

Он кивнул.

Она села на подлокотник кресла и, помолчав, попросила:

— Расскажите, как это было.

— Уезжай отсюда как можно дальше. Очень, очень далеко, — посоветовал он. Но тут же вспомнил: нет такого "далеко", чтобы спрятаться, скрыться. Кажется, что-то об этом было в стихотворении. — Забудьте, что я сказал.

Он с трудом дошел до кухни, начал готовить кофе.

— Так... так плохо? — спросила Таня, тоже зайдя на кухню.

— Мы все обречены. Я в это дело не ввязываюсь. Просто хочу работать в министерстве и забыть все, что произошло. Забыть всю эту чертовщину.

— Это инопланетное существо?

— Да, — кивнул он.

— Оно настроено враждебно к нам?

— Да. И нет. И то, и другое одновременно. Преимущественно — враждебно.

— Тогда мы должны...

— Иди домой, — посоветовал Чьен, — и ложись спать. — Он внимательно посмотрел на нее. — Ты замужем?

— Нет. Сейчас — нет. Раньше была.

— Останься со мной, — попросил он. — До утра, сколько там ночи осталось. Пока не взойдет солнце. Мне страшно, когда темно.

— Я останусь, — согласилась Таня, растегивая пряжку плаща, — но я должна получить ответы.

— Что имел в виду Драйден? — спросил Чьен, ведя ее в спальню. — В отношении небесных сфер. Что это значит?

— Нарушится весь небесный порядок Вселенной, — пояснила она, повесив плащ в шкаф.

На ней был оранжевый полосатый свитер и облегающие брюки.

— Это плохо, — затосковал Чьен.

— Не знаю. Наверное, — подумав, ответила она. — По-моему, это как-то связано с идеей старика Пифагора насчет музыки-сфер.

Она уселась на кровать и стала снимать туфли, похожие на тапочки.

— Ты веришь в это? Или ты веришь в бога?

— Бога! — засмеялась она. — Время веры в бога кончилось вместе с эпохой паровозов. О чем ты?

— Не смотри на меня так, — он резко отодвинулся. — Я теперь не люблю, когда на меня смотрят.

— Наверное, — предположила Таня, — если бог существует, наши дела его мало волнуют. Такая у меня теория. Победит ли зло, добро, погибнет человек или животное — судя по всему, ему это безразлично. Честно говоря, я не вижу никаких его проявлений. И партия всегда отрицала всякую форму...

— Но ты его видела? Когда была маленькой?

— Только тогда. И я верила...

— А тебе не приходило в голову, что "добро" и "зло" — разные названия одного явления? И бог может быть добр и наоборот одновременно?

— "Разрушитель" — припомнил Чьен. — "Железо", "Пасть" и "Птица", и "Заоблачная Труба"... Плюс другие названия, формы, не знаю. У меня была галлюцинация на обеде у вождя. Очень сильная и очень страшная.

— Но стелазин...

— От него стало только хуже, — заметил Чьен.

— Можем ли мы противостоять этому?.. — задумалась Таня. — Этому существу, созданию, призраку, видению —

что ты видел? Ты называешь это галлюцинацией, но, очевидно, это была не галлюцинация.

— Да, думаю, что он существует. Верь в него.

— И что это даст?

— Ничего, — вяло сказал он. — Абсолютно ничего. Я устал. Давай ляжем в постель.

— Хорошо.

Она начала стягивать с себя свой полосатый свитер.

— Мы потом поговорим подробнее.

— Галлюцинация, — медленно произнес Чьен, — это милосердная вещь. Лучше бы я не утратил ее. Отдайте мне назад мою галлюцинацию! Пусть все опять будет, как было раньше, до той первой встречи с калекой-продавцом.

— Ложись в постель. Будет хорошо — тепло и приятно.

Он снял галстук, рубашку — и увидел на правом плече знак, стигмат — след руки, остановившей его в прыжке с веранды. Красные полосы. Похоже, они никогда не исчезнут. Он надел пижамную куртку, чтобы спрятать следы.

— Твоя карьера теперь полетит вперед, — попыталась успокоить его Таня. — Разве ты не рад?

— Конечно, — кивнул он, ничего не видя в темноте.— Очень рад.

— Иди ко мне, — сказала Таня, обнимая его. — Забудь обо всем. По крайней мере, пока.

Он потянул ее к себе. И стал делать то, о чем она его просила, и чего он сам хотел. Она была ловкая и хорошо справилась со своей частью. Они хранили молчание, пока она не выдохнула: "О-о!" и обмякла.

— Если бы можно было продолжать вот так бесконечно, — вздохнул Чьен.

— Это и была вечность, — сказала Таня. — Мы были вне времени. Это безграничность, как океан. Наверное, так было в кембрийскую эпоху, пока они не выползли на сушу. И есть только один путь назад — когда мы занимаемся любовью. Вот почему это так много значит для нас. В те времена мы были как одно, как одна большая медуза. Теперь их много выбрасывают на берег волны.

— Выбрасывают на берег, и они умирают, — поежился он.

— Можешь принести мне полотенце? — попросила Таня.

Голый, он пошлепал в ванную за полотенцем. Там он снова увидел свое плечо — то место, где Оно его ухватило, втащив назад. Наверное, чтобы поиграть с ним еще.

След почему-то кровоточил.

Чьен промокнул кровь, но она тут же выступила опять. Сколько же у меня осталось времени? — подумал он. Наверное, немного.

Вернувшись в спальню, он спросил:

— Ты не устала?

— Нисколько. И если у тебя еще есть силы...

Она смотрела на него лежа, едва видимая в смутном ночном свете.

— Есть, — сказал он.

И прижал Таню к себе.

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ

Second variety

New-York • 1962

ГЛАВА I

Со стороны противника по изуродованному снарядами склону холма быстро поднимался солдат с винтовкой наперевес. Он нервно оглядывался по сторонам, часто облизывал пересохшие губы и время от времени поднимая руку в перчатке к расстегнутому вороту шинели, чтобы вытереть потную шею.

Эрик повернулся к капралу Леону.

— Хотите попробовать? Или лучше я? — он отрегулировал увеличение прицела так, что лицо солдата заполнило весь окуляр. Оно было заросшим и злым.

— Постой, не стреляй! — поднял руку капрал. — Пока не нужно.

Солдат прибавил шагу, расшвыривая ногами золу и груды мусора, встречавшиеся ему на дороге. Наконец он вышел на вершину холма и остановился, чтобы перевести дух. Небо заволокло тучами. Серые частицы сажи носились в воздухе. Голые стволы деревьев торчали из земли, устланной битым кирпичом. Чуть поодаль равнодушно глядели полупустыми окнами дома.

Чувствовалось, что враг встревожен. Однако он решился и стал спускаться с вершины холма. Солдат находился уже метрах в десяти от укрытия. Эрик сжал пистолет и напряженно взглянул на капитана Леона.

— Не беспокойся, — урезонил его тот, — сейчас о нем позаботятся.

— А ты уверен? Он ведь уже совсем рядом!

— Не паникуй. Ему уже конец. Они где-то рядом и сейчас за него возьмутся.

Спускаясь вниз, солдат явно торопился, но его сапоги стали вязнуть в грязи. На мгновение он остановился и поднес к глазам бинокль.

— Он смотрит прямо на нас! — воскликнул Эрик.

Солдат продолжал движение. Уже можно было различить его лицо: глаза — два голубых камешка, рот слегка приоткрыт, на подбородке темнела густая щетина. Налепленный на правой скуле ровный квадратик пластыря прикрывал какое-то синее пятно.

— Лишай, — пробормотал капрал.

Шинель солдата была грязной и рваной, одна перчатка отсутствовала. Когда он прибавлял ходу, счетчик радиации на поясе раскачивался и бил его по бедру.

Леон тронул Эрика за руку.

— Ну вот, один уже показался.

На поверхности земли возникло нечто, поблескивавшее в тусклом полуденном свете. Маленький металлический шар быстро догонял бежавшего по склону солдата. Выпущенные из него два острых лезвия стремительно вращались в противоположные стороны. Солдат услышал шум, мгновенно обернулся и выстрелил. Шар разлетелся на куски, но к месту схватки уже подоспел другой. Солдат выстрелил снова.

Третий шар со свистом вцепился в ногу противника. Солдат быстро нагнулся. Четвертый шар прыгнул ему на плечо, и неумолимые лезвия вонзились ему в глотку.

— Уфф! — передернулся Эрик. — Господи, от этих штуковин меня знобит! Я иногда думаю, что лучше было бы обходиться без них.

— Если бы их не изобрели мы, то это сделал бы враг! — Леон нервно закурил сигарету. — Интересно, зачем это он полз к нашим позициям, да еще в одиночку? Я не заметил, чтобы кто-нибудь его прикрывал...

В это время в проеме хода сообщения, ведущего в бункер, появился лейтенант Скотт.

— Что там у вас?

— Азиат!

— Один?

Эрик повернул к офицеру экран, и Скотт стал внимательно всматриваться в него. По распростертому телу сол-

дата теперь уже ползала целая орава металлических шаров. Лязгая и жужжа, они кромсали мертвеца на мелкие кусочки.

— О боже! Какое множество "когтей", — поежился офицер.

— Налетели на него, как пчелы, сэр. Похоже, соскучились по работе.

Скотт с отвращением отодвинулся от экрана.

— Пчелы... Интересно, зачем он сюда шел? Они же отлично знают, что у нас здесь вокруг "когти"!

К шарам присоединился робот более крупных размеров. Он руководил действиями крошек, пользуясь глазами, расположенными на концах торчавших из него двух коротких трубок.

От солдата уже почти ничего не осталось. Орда "Когтей" тащила все, что осталось от человеческого тела, к подножию холма.

— Сэр, — обратился к офицеру капрал Леон, — мне хотелось бы вылезти наружу и взглянуть на останки.

— С какой целью?

— Хочу выяснить, зачем он к нам шел.

Лейтенант на мгновение задумался.

— Ладно, — согласился он наконец. — Только будьте осторожны, капрал.

— У меня есть браслет. — Леон указал на свое запястье.

ГЛАВА II

Капрал взял винтовку и направился к выходу из бункера, пробираясь между бетонными балками и остальными переборками.

Снаружи чувствовался холод. Ветер швырял в лицо хлопья сажи. Капрал направился к останкам солдата.

Приблизившись к месту происшествия, Леон дотронулся до своего металлического браслета. Шары отступили и неподвижно застыли. Сколько бы азиат отдал за это сокровище! Слабая радиация, исходившая от этого устройства, лишала "когти" их способности к действиям. Даже большой робот с двумя покачивавшимися черенками-

глазами уважительно отступил, когда Леон подошел к нему.

Капрал склонился над останками солдата. Рука в перчатке что-то крепко сжимала. Из окоченевших пальцев Леон не без труда вырвал маленькую металлическую трубку-контейнер.

Он сунул ее в карман и пошел назад. За его спиной "когти" снова принялись за свою работу.

Скотт смотрел на трубку.

— Вы нашли это у него?

— Да, сэр.

Леон протянул командиру свою находку. Лейтенант взял контейнер, отвинтил крышку и вытряхнул на ладонь аккуратно свернутый листок шелковистой бумаги. Он сел поближе к свету и развернул его.

— О чем там говорится, сэр? — с нетерпением поинтересовался Эрик.

Лейтенант хотел было что-то ответить, но тут из тоннеля вышли несколько офицеров во главе с майором Хендриксом.

— Сэр, — обратился к начальнику лейтенант. — Мы нашли это у солдата-азиата.

Хендрикс взял листок и принялся читать.

— Где вы это взяли?

— У перебежчика-одиночки, сэр. Только что.

— Где он? — резко спросил Хендрикс.

— "Когти" порешили его. Мы ничего не могли сделать.

Майор Хендрикс недовольно буркнул что-то, затем повернулся к своим спутникам.

— Ну что ж, этого мы и ждали! Кажется, они стали сговорчивее.

— Значит, они все же решили пойти на переговоры? — спросил Скотт. — И вы начнете их?

— Это не нам решать... — Хендрикс сел. — Где связист? Мне срочно нужна Лунная База.

Офицер, ведавший связью, осторожно выпустил наружу антенну и стал водить ею, прощупывая небо над бункером, чтобы удостовериться в отсутствии признаков вражеских кораблей-наблюдателей.

— Сэр, — обратился Скотт к майору, — вам не кажется странным, что "когти" стали собираться в большие

стаи? Вот уже год, как мы их используем, но до сих пор ничего подобного не наблюдалось.

— Может быть, они уже полностью опустошили вражеские траншеи и скоро примутся за нас, а? — усмехнулся майор.

— Один из роботов, вроде тех, что с отростками, забрался на прошлой неделе к азиатам в бункер, — сообщил капитан Веймар, — и успел прикончить добрый взвод солдат, пока им не удалось с ним разделаться.

— Откуда тебе это известно? — повернулся к нему Хендрикс.

— Мне рассказали об этом...

— Лунная База, сэр! — крикнул в этот момент офицер связи.

На экране появилось лицо дежурного на Луне. Его отутюженная форма ярко контрастировала с потрепанным обмундированием находившихся в бункере военных. Выбрит он был безукоризненно.

— Лунная База.

— Это командный пункт группы Л-Т. Земля. Соедините меня с генералом Томпсоном.

Дежурный исчез, вместо него на экране появилось суровое лицо генерала Томпсона.

— В чем дело, майор?

— Наши "когти" уничтожили вражеского перебежчика. Он нес послание. Мы не знаем, можно ли верить этому письму: раньше уже случались подобные уловки...

— Что в письме?

— Азиаты предлагают нам прислать одного нашего офицера высокого ранга к ним в окопы.

— Зачем? — повысил голос генерал.

— Для участия в переговорах, сэр, — невозмутимо пояснил Хендрикс. — Подробности нам не известны. Они пишут, что дело... — майор сверился с листком, — не терпит отлагательств и настоятельно просят поскорее начать переговоры.

— Ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть.

Хендрикс приблизил листок бумаги к экрану, чтобы генерал сам мог прочесть послание.

— Какие будут указания, — справился Хендрикс.

— Пошлите к ним какого-нибудь офицера.

— Вы думаете, это не западня?

— Все может быть. Но местоположение их командного пункта указано в записке правильно. Мне кажется, в любом случае нужно попробовать. Вреда от этого не будет.

— Я пошлю офицера и о результатах незамедлительно доложу.

— Хорошо, — кивнул Томпсон и отключился.

Экран погас. Антенна медленно опустилась с тихим жужжанием. Хендрикс в задумчивости свернул листок.

— Разрешите, — вызвался капитан Веймар.

— Они хотят, чтобы пошел офицер высокого ранга, наделенный полномочиями, — Хендрикс потер челюсть. — Вы, капитан, вполне подходите... но понимаете... я не был на поверхности вот уже несколько месяцев. Сам хочу подышать свежим воздухом.

— Вы не думаете, что это слишком рискованно?

Не отвечая, Хендрикс прильнул к стереотрубе. Останков вражеского солдата уже не было видно. В поле зрения оставался всего лишь один "коготь", да и тот уже сворачивался, прячась среди пепла, как краб.

— Единственное, что меня беспокоит, признался Хендрикс, потирая запястье. — Я знаю, что пока на мне эта штуковина, я в полной безопасности, но вы не можете себе представить, как я боюсь потерять этот браслет. Что-то в этих механизмах есть пугающее. Я ненавижу их, понимаете, ненавижу, хоть они и очень помогают нам. Мне кажется, от этих убийц можно ожидать всего... Что-то наши конструкторы не додумали, создав эти неумолимые, безжалостные механизмы...

— Если бы не мы их изобрели, их непременно придумали бы азиаты, — покачал головой Веймар.

Хендрикс отошел от стереотрубы и сел на стул.

— Во всяком случае, похоже, что войну мы выиграем... Ну что ж, мне лучше отправиться прямо сейчас, чтобы вернуться засветло, — решил он, посмотрев на часы.

ГЛАВА III

Майор Хендрикс глубоко вздохнул и ступил на неровную почву. Закурив сигарету, он некоторое время стоял, оглядываясь по сторонам... Руины, камни, голые стволы

деревьев. Все вокруг было мертвым. Над головой висели тяжелые тучи, закрыв землю от солнца.

Майор решительно двинулся вперед. Справа от него мелькнуло что-то круглое металлическое. "Коготь" погнался за каким-то мелким животным. Крысой, наверное... Да, они охотятся на крыс тоже. Это у них вроде побочного промысла...

Он поднялся на вершину невысокого холма и поднес к глазам бинокль. Впереди, в нескольких милях от него, виднелись окопы противника. Там находился их командный пункт.

Мимо него прошел приземистый робот, размахивая руками, словно приглашая идти за собой. Хендрикс внимательно наблюдал за ним, пока тот не исчез среди руин. Такого типа механизмы ему еще не доводилось видеть. Очевидно, появилось все больше роботов новых типов, которые ему не были знакомы прежде. Это еще одно подтверждение слухов о том, что на подземных заводах уже вовсю штампуют роботов новых конструкций.

Хендрикс выбросил окурок и двинулся дальше. Его очень интересовала проблема использования в войне искусственных солдат. Когда все это началось?

... В конце войны азиаты добились значительных успехов, используя обычные виды вооружений. Большая часть Северной Америки была стерта с лица Земли. Потом, конечно, наступило возмездие.

Еще задолго до войны, американцы заполнили воздушное пространство дисками-бомбардировщиками. Уже через несколько часов после начала боевых действий с них посыпались бомбы на землю азиатов.

Это, однако, не помогло Вашингтону. В первый же год американское правительство переправилось на Луну, у него попросту не оставалось другого выхода. Европа была превращена в гигантскую груду пепла, на котором произрастали только неизвестные ранее черные растения. В Северной Америке наблюдалась подобная картина... Лишь в Канаде и отдельных районах Южной Америки уцелело несколько миллионов жителей. Но на втором году войны с неба на них вдруг дождем посыпались азиатские парашютисты. Сначала их было совсем немного, затем все больше и больше. Впервые в истории войны они были

оснащены по-настоящему эффективным антирадиационным снаряжением. Остатки американской промышленности к тому времени вместе с правительством в спешном порядке были эвакуированы на Луну. Оставалась только армия. Войска отважно боролись всюду, где только было возможно. Порой всего один взвод упорно удерживал стратегически важный пункт. Отчаянные защитники свободы и справедливости цеплялись за любое укрытие, двигались по ночам, укрывались среди развалин, в канализационных коллекторах, подвалах, кишащих крысами и змеями. Но несмотря на героические усилия солдат, ясно было, что азиаты вот-вот одержат окончательную победу. За исключением ежедневной горстки ракет, запускаемых с Луны, против них уже не существовало сколь-нибудь действенного оружия. Захватчики контролировали почти всю территорию Соединенных Штатов. Они передвигались в любом направлении без опаски, так как военные действия, по сути, прекратились. Казалось, ничто уже не могло противостоять победителю...

... И тогда впервые на арене боевых действий возникли "когти". Их появление быстро изменило ход войны.

Выпускали их заводы, расположенные глубоко под землей, на которых прежде изготовлялись атомные боеголовки.

Поначалу эти механизмы были неуклюжими и настолько медлительными, что азиаты уничтожали их сразу, едва эти чудовища выползали из своих подземных тоннелей.

Но со временем "когти" становились все проворнее. Появились новые типы, некоторые с зачаточными органами чувств, способные даже летать. Лучшие конструкторы на Луне, не покладая рук, разрабатывали все новые и новые модели, стремясь сделать их поведение более гибким. И роботы стали страшной силой. Теперь у азиатов прибавилось с ними хлопот. Некоторые мелкие экземпляры научились искусно прятаться в пепел, нападать из укрытий.

И вскоре "когти" научились пробираться в неприятельские окопы, бункеры, проскальзывать в любую щель, стоило только поднять крышку люка. Присутствие

одного "когтя" в бункере было вполне достаточно для создания паники. А как только внутрь пробивался один, за ним следовало множество других.

ГЛАВА IV

С появлением "когтей" война не могла продолжаться долго. Возможно именно сейчас она и пришла к завершению.

Может быть, майор Хендрикс и направляется в неприятельский штаб, чтобы услышать это известие. Похоже, что азиаты решили выбросить белый флаг. Обидно только, что война тянулась так долго.

Сотни тысяч автоматических дисков возмездия кружат над Европой и Азией. Кристаллы, заряженные бактериями, азиатские управляемые ракеты, которые со свистом обрушиваются на города Америки, бомбы...

... И вот теперь еще "когти"!

Эти устройства принципиально отличались от других видов оружия. Хотелось это кому-то признавать или нет, но по сути они уже не были машинами. Они были живыми существами — вращавшимися, ползавшими, вылезавшими неожиданно из руин. Отряхиваясь от пепла, они пулей устремлялись к человеку, взбирались на него, стараясь дотянуться до горла. Это было их работой, выполняли они ее безукоризненно, особенно в последнее время, когда стали появляться новые конструкции и модификации. Теперь "когти" могли производить саморемонт, и с этого момента перестали нуждаться в своих творцах.

Радиационные браслеты защищали от них американские войска, но стоило человеку потерять браслет, как он тут же становился добычей этих тварей, независимо от того, в какую форму был одет. А далеко внизу, под землей, заводы штамповали все новых и новых чудовищ. Люди держались подальше от этого производства — находиться там было слишком опасно.

Заводы работали в автоматическом режиме, выпуская в огромных количествах различные модификации "когтей" — еще более быстрых, более сложных и более эффективных в бою, чем предыдущие.

По-видимому, благодаря им великий американский народ и выиграл войну...

Хендрикс закурил сигарету. Справа от него громоздились руины города. Пейзаж действовал на нервы. Ему казалось, что он — единственное живое существо во всем мире. Он швырнул погасшую спичку и прибавил шагу. Внезапно Хендрикс остановился, вскинул винтовку и напрягся всем телом.

Из-под развалин дома выбралась какая-то фигура и неуверенно двинулась к нему.

Хендрикс прицелился.

— Стой!

Фигура замерла. Хендрикс опустил винтовку. Перед ним стоял мальчик и внимательно рассматривал майора. На вид ему было лет восемь. Правда, сейчас возраст очень трудно определить. Оставшиеся в живых дети, как правило, отставали в развитии. Мальчик был одет в линялый синий свитер и короткие штанишки. В руках он что-то держал.

— Что это у тебя? — резко спросил Хендрикс.

Мальчик протянул руки. Это была игрушка — маленький плюшевый медвежонок. Мальчик, не мигая, смотрел на взрослого, и выражение его больших глаз заставило сжаться сердце майора.

— Мне не нужна твоя игрушка, сынок. Оставь ее себе.

Мальчик снова крепко обнял медвежонка.

— Где ты живешь? — поинтересовался Хендрикс.

— Там.

— В развалинах?

— Да.

— Под землей?

— Да.

— Сколько вас там?

— Сколько вас... сколько?

— Я спрашиваю, сколько вас там живет? У вас там был большой поселок?

Мальчик ничего не ответил, и Хендрикс нахмурился.

— Но ты здесь не один, не так ли?

Мальчик кивнул.

— Что вы едите?

— Там есть еда.

— Какая?

— Всякая.

Хендрикс внимательно посмотрел на малыша.

— Сколько тебе лет, сынок?

— Тринадцать.

В это было трудно поверить.

Мальчик выглядел слишком хрупким и явно задержался в росте. Вероятно, он был стерилен. Все это последствия длительной радиации. Его ручки и ножки походили на палки для чистки труб — шишковатые и тоненькие. Хендрикс протянул ему руку. Кожа была сухой и шершавой — тоже результат радиации. Он нагнулся и посмотрел ребенку в лицо: его темные глаза казались пустыми.

— Ты слепой? — спросил Хендрикс.

— Нет. Кое-что вижу.

— Но как же тебе удается избегать "когтей"?

— "Когтей"?

— Ну, этих круглых металлических штуковин, которые бегают и зарываются в землю?

— Не понимаю.

Возможно, поблизости "когтей" не было. Значительные пространства были еще свободны от них. Механизмы собирались большей степенью в местах скопления людей. Эти роботы были спроектированы так, чтобы чувствовать тепло — тепло живых существ.

— Тебе повезло, приятель, — выпрямившись, сказал Хендрикс.

— Можно мне пойти с вами, сэр?

— Со мной? — Хендрикс сложил на груди руки. — Но мне предстоит очень долгий путь. Много миль. И я спешу, — он взглянул на часы, — я должен добраться до цели засветло.

— Мне бы очень хотелось пойти с вами, сэр.

Хендрикс порылся в своем ранце.

— Не нужно тебе идти со мной, малыш. Вот, возьми. — Он протянул ребенку пару консервных банок. — Бери их и возвращайся к себе, хорошо?

Мальчик ничего не ответил.

— Я буду возвращаться по этой же дороге через день, а может, через два. Тогда, если ты снова будешь где-то рядом, я возьму тебя с собой. Договорились?

— Мне хотелось бы пойти с вами теперь.

— Путь у меня очень трудный.

— Но я не боюсь ходить пешком.

Хендрикс неловко переминался с ноги на ногу. Двое бредущих людей — это очень хорошая мишень. И к тому же, с мальчиком придется идти гораздо медленнее. Но если он будет возвращаться другим путем? Что тогда? И если на самом деле этот мальчик совершенно одинок?

— Ну ладно, пойдем вместе, малыш.

ГЛАВА V

Хендрикс шел широким шагом, но мальчишка не отставал от него, прижимая к груди медвежонка.

— Как тебя зовут? — спросил майор.

— Дэвид. Дэвид Эрвард Дерринг.

— Дэвид? Что... что же случилось с твоими родителями?

— Они умерли.

— Как?

— Во время взрыва.

— Когда это случилось?

— Шесть лет назад.

— И ты все эти шесть лет был один?

— Нет. Я некоторое время был с другими людьми, но они потом ушли.

— И с тех пор ты один?

— Да.

Хендрикс посмотрел на мальчика. Он производил странное впечатление. Говорил очень мало и как-то отрешенно. Впрочем, возможно, такими и должны быть дети, выжившие среди этого ужаса. Тихими, ничему не удивляющимися. Для них не существовало ничего неожиданного. Они могли перенести что угодно. Они не знали ограничений в форме традиций, обычаев, правил человеческого общения. Единственным их достоянием был грубый и жестокий опыт тяжелой жизни.

— Я не слишком быстро иду, малыш? — участливо спросил Хендрикс.

— Нет.

— Как это тебе удалось увидеть меня?

— Я ждал.

— Ждал? — Хендрикс был озадачен. — Чего же ты ждал?

— Того, что можно поймать.
— Извини, я не понял.
— Что-нибудь, что можно съесть.
— О! — Хендрикс печально поджал губы.

Тринадцатилетний мальчик, живущий на крысах, сусликах и наполовину сгнивших консервах в какой-нибудь дыре под развалинами города, полного очагов радиации и "когтей", с азиатскими пикирующими минами над головой.

— Куда мы идем? — спросил внезапно Дэвид.
— В азиатские окопы.
— К азиатам? — казалось, мальчик, наконец, хоть чем-то слегка заинтересовался.
— Да, к нашим врагам, к тем людям, которые начали эту войну и первыми применили радиационные бомбы. Понимаешь, они первыми заварили всю эту кашу.

Мальчик кивнул. Его лицо снова ничего не выражало.

— Я американец, — с гордостью сообщил Хендрикс.

Но мальчик промолчал.

Так они и шли. Хендрикс чуть впереди, мальчик за ним, прижимая к груди свою игрушку.

Около четырех часов дня они сделали привал, чтобы пообедать. Собрав сухих веток, Хендрикс развел костер в углублении между бетонными глыбами. Он приготовил кофе и подогрел баранью тушенку.

— Держи! — он протянул мальчику банку и кусок хлеба.

Дэвид сидел у костра на корточках, его узловатые белые коленки выступали вперед. Он равнодушно посмотрел на еду и произнес:

— Нет.
— Нет? Что, тебе совсем не хочется есть?
— Совсем.

Хендрикс пожал плечами. Может быть, мальчик был мутантом, привыкшим к особой пище? Да, мальчик был определенно странным, но в этом мире произошло столько больших перемен... Жизнь кардинально переменилась. И теперь она никогда уже не станет такой, как прежде. Человечеству придется рано или поздно смириться с этим.

— Ну что ж, как хочешь, — проговорил Хендрикс.

Он сам съел хлеб и тушенку, затем выпил кофе. Ел он не спеша, размеренно двигая челюстями. Покончив с обедом, он встал, затоптал костер. Дэвид медленно поднялся,

следя за ним своими молодыми и в то же время старческими глазами.

— Мы идем дальше, малыш, — сказал Хендрикс.

— Хорошо.

Хендрикс снова двинулся в путь, держа винтовку наперевес. Азиаты, очевидно, уже где-то рядом. Майор был внимателен и готов ко всякой случайности. Конечно, азиаты ждали ответ на свои предложения, но нельзя забывать, что они горазды на всякие хитрости. Вероятность подвоха была достаточно велика. Хендрикс внимательно рассматривал местность. Ничего, кроме развалин и пепелищ. На нескольких холмах виднелись лишь обугленные деревья и остатки бетонных стен. Но где-то впереди должен был быть главный бункер азиатских окопов — передовой командный пункт. Подземный, глубокий, только перископ, наверное, торчит на поверхности, да пара стволов крупнокалиберных пулеметов. Может быть, и антенна.

— Мы скоро придем? — спросил Дэвид.

— Да. Уже устал?

— Нет.

— Ты хочешь чего-то?

Мальчик не ответил. Он продолжал идти, внимательно рассматривая дорогу среди куч золы и камней. Его голые ноги посерели от пыли, изможденное лицо было все в царапинах, которые также покрывал серый налет. Серый пепел держался даже на его потрескавшихся губах. На этом бледном лице не было, казалось, никаких других красок, кроме серой. "Пожалуй, это типичное лицо нового поколения — детей, выросших в погребах, ливнестойках и подземных убежищах", — с грустью подумал Хендрикс...

Он замедлил шаг, поднял бинокль и стал внимательно осматривать местность. Не здесь ли они его ждали, следя за ним, так же, как его люди — за азиатским парламентером? По спине Хендрикса пробежал холодок. Возможно, азиаты уже изготовили свои винтовки и вот-вот выстрелят, так же, как и его люди были готовы к убийству, лишь только заметили врага!

Хендрикс опустил бинокль и вытер пот со лба. Он чувствовал себя отвратительно. Но ведь должны же его ждать! А это в корне меняло ситуацию.

Он снова зашагал по пеплу, крепко сжимая винтовку двумя руками. Дэвид шел за ним. Сжав зубы, Хендрикс

внимательно оглядывался по сторонам. В любую минуту могло что-нибудь произойти. Яркая вспышка огня, взрыв...

Он попробовал энергично помахать рукой. Никакой реакции в ответ. Справа от него начиналась длинная гряда холмов, на вершинах которых торчали мертвые стволы деревьев, остатки кустов дикого винограда и остов беседки. И вечная черная трава.

Хендрикс внимательно осмотрел гряду. Может быть, они там? Прекрасное место для обзора. Он медленно направился к холмам, Дэвид молча последовал за ним. Будь он здесь командиром, обязательно выставил бы наверху часового, чтобы пресечь возможные попытки янки прорваться к командному пункту. Конечно, будь он командиром, для полной гарантии здесь сновала бы еще и тьма "когтей".

Он остановился.

— Мы пришли? — спросил Дэвид.

— Почти.

— Почему мы остановились?

— Я не хочу понапрасну рисковать нашими жизнями.

Мальчик ничего не ответил.

Хендрик медленно двинулся вперед. Теперь уже гребень высился прямо перед ним. И, конечно же, две их фигуры могли прекрасно обозреваться сверху. Это ощущение увеличивало чувство тревоги. Хендрикс снова помахал рукой. Они ведь должны ждать парламентера в ответ на свою записку. Если, конечно, это не западня!

— Держись ко мне поближе, малыш, — Хендрикс повернулся к Дэвиду, — не отставай!

— Что?

— Иди со мной рядом. Мы, похоже: уже пришли. Сейчас нам ни в коем случае нельзя рисковать.

— Я постараюсь, — сказал Дэвид, но по-прежнему оставался позади майора, в нескольких шагах от него, все еще сжимая в своих объятиях медвежонка.

— А, ну тебя! — махнул в сердцах Хендрикс. — Делай, что хочешь!

Он снова поднял свой бинокль и напрягся всем телом. Как ему показалось, впереди что-то слегка шевельнулось. Он внимательно осмотрел еще раз весь гребень. Никаких признаков жизни. Крысы, наверное... Большие серые крысы, которым удалось спастись от "когтей".

Майор снова двинулся вперед.

На вершине холма возникла высокая фигура в серо-зеленом плаще. Азиат! За ним еще один! Оба подняли винтовки и прицелились.

Хендрикс на мгновенье застыл. Но затем открыл рот и начал кричать. К солдатам присоединилась третья фигура — маленькая, очевидно, женщина. Она стояла позади этих двоих.

— Стойте! Стойте, не стреляйте! Я...

Но азиаты открыли огонь. Позади Хендрикса раздался слабый хлопок, и волна пепла обрушилась на него, сбив с ног. Зола колола ему лицо, пепел засорил глаза и нос. Кашляя, он приподнялся на колени. Да, это была ловушка. С ним все кончено. Дьявольская азиатская хитрость! Он шел сюда на убой, как молодой вол.

Солдаты и женщина стали спускаться с холма, скользя по мягкому пеплу. Хендрикс был оглушен, в голове у него гудело, нос и щеки горели, глаза слезились. Он неуклюже поднял винтовку и прицелился... Казалось, она весила сейчас тысячу тонн. Он с огромным трудом удерживал ее на вытянутых руках. В воздухе разнесся запах гари, смешиваясь с какой-то кислой вонью.

— Не стреляй! — крикнул первый спускавшийся с холма азиат по-английски, но с сильным акцентом.

Все трое подошли и окружили его.

— Брось винтовку, янки, — сказал другой и рассмеялся.

Голова у Хендрикса кружилась. Все произошло так быстро. Он схвачен, и они убили мальчишку! Он повернул голову и, конечно же, не увидел Дэвида. Его останки разметались по земле. Ничего удивительного: выстрел из атомной винтовки мог разнести на куски бетонную стену толщиной в дом.

Трое азиатов с любопытством рассматривали его. Хендрикс сел, утирая кровь и смахивая пепел с груди. Он долго тряс головой, прежде чем смог заговорить.

— Зачем вы это сделали? — прошептал он. — Ведь это был мальчик.

— Зачем?

Один из азиатов помог ему встать на ноги и, развернув его, крикнул:

— Смотри!

Хендрикс зажмурил глаза.

— Смотри, сукин сын! — оба азиата с яростью толкнули его вперед. — Да побыстрее. Не трать зря время, янки!

Хендрикс взглянул на останки ребенка, и горло его сжала судорога.

— Ну что? Теперь ты понял, в чем дело? — донесся до него злорадный голос врага.

ГЛАВА VI

Из трупа Дэвида торчала проволочка. Невдалеке Хендрикс заметил несколько металлических шестеренок, какое-то реле. Один из азиатов перевернул останки ногой, и изнутри посыпались металлические детали, покатились по склону вниз колесики, пружинки, стерженьки. Наружу вывалилась какая-то секция из пластмассы, уже наполовину обугленная.

Хендрикс, дрожа, наклонился. Всю переднюю часть головы Дэвида снесло выстрелом. Там были видны проводники, реле, тонкие трубочки переключателей, тысячи крошечных трифтиков...

— Робот! — подтвердил солдат, придерживавший Хендрикса за руку. — Мы внимательно следили за тем, как он преследовал тебя.

— Преследовал меня?

— У них такая манера. Они идут за человеком прямо в бункер. Ты понимаешь теперь, каким образом они могут попасть внутрь убежища?

Хендрикс ошеломленно моргал глазами.

— Но...

— Пошли...

Он повел его к вершине, с трудом преодолевая горы пепла. Женщина выбралась наверх первой и стояла, дожидаясь остальных.

— Это передовой отряд, — пробормотал Хендрикс. — А я пришел, чтобы вести переговоры с вашими лидерами...

— Нет больше передового отряда. Его уничтожили. Сейчас мы тебе все объясним. — Они взобрались на вершину. — Мы трое — это все, что осталось от отряда. Остальные навеки остались в бункере.

— Сюда, сюда, вниз, — женщина открыла крышку люка — серую, присыпанную землей. — Забирайся, янки.

Хендрикс начал спускаться. Азиаты последовали за ним. Женщина спустилась последней, на ней, очевидно, лежала обязанность обеспечивать герметичность закрытия входа в бункер.

— Скажи спасибо, что мы увидели тебя, янки, — проворчал один из солдат, — этот робот так крепко прицепился к тебе.

— Дай мне сигарету, — попросила у Хендрикса женщина, — я уже много недель не курила американских сигарет.

— Возьми, — Хендрикс отдал ей всю пачку.

Она взяла одну и протянула пачку своим товарищам.

В углу небольшого помещения горела лампа, издававшая слабый свет. Низкий потолок был стянут металлическими скобами. Все четверо сели вокруг маленького столика, заставленного грязной посудой. Драная занавеска отделяла вторую комнату. Хендрикс заметил угол койки, несколько одеял, одежду, висевшую на крюке и несколько пар сапог.

Позвольте представиться, — сказал солдат, сидевший рядом с ним. Он снял каску и откинул назад черные волосы. Мое имя Руди Максер. Поляк. Призван на службу в Объединенную Армию два года назад.

Хендрикс заколебался на мгновение, но все же пожал протянутую руку.

— Майор Джозеф Хендрикс.

— Ли Сун Ча, — протянул руку второй солдат. Это был невысокий очень смуглый человек, уже начавший лысеть. — Вьетнамец. Призван бог знает когда. Уже и сам не помню. Нас здесь было трое. — Руди, я и Тассо, — он указал на женщину, — потому-то нам и удалось спастись. Все остальные остались в бункере.

— Но как же они забрались в бункер?

Азиат прикурил сигарету.

— Сначала забрался один из них. Такой же, как тот, который за тобой увязался. Затем он впустил остальных.

Хендрикс насторожился.

— Такой? Их что, больше одной разновидности?

Вьетнамец рассмеялся горьким смехом:

— О, их разновидностей вполне хватает, чтобы лишать нас жизней! Модель номер три — это маленький мальчик

с медвежонком в руке. Мальчика зовут Дэвид. И, пожалуй, эта модель до настоящего момента была наиболее эффективной.

— А как выглядят другие модели?

Ли сунул руку в карман шинели и вытащил пачку фотографий:

— Вот,смотри сам.

Хендрикс медленно взял пачку в руки.

— Теперь понимаешь, почему мы намерены начать с вами переговоры? — проворчал Руди Максер. — Мы обнаружили это неделю назад. Обнаружили, что ваши "когти" начали свои собственные разработки смертоносных роботов. Новых типов роботов, послушных только им. И более эффективных. Вас интересует, где это происходит?

— Да.

— Там же, на ваших подземных заводах! Вы добивались, чтобы они были самовосстанавливающимися, все более умными — и вот результат! В том, что теперь творится, повинны только вы сами!

Хендрикс стал изучать фотографии. Ясно, что делали их в спешке. Они были нерезкими, неправильно экспонированными. На нескольких были "дэвиды". "Дэвид", бредущий один по дороге. "Дэвид" и еще один "дэвид". Все абсолютно одинаковые. И у каждого в руках — лохматый плюшевый медвежонок.

— Посмотрите другие, — предложила Тассо.

На остальных фотографиях, тоже сделанных с большого расстояния были раненые солдаты. Высокий солдат, сидящий на обочине дороги с перевязанной рукой. И еще один — одноногий, с тяжелыми костылями. Другие снимки показывали уже двух таких солдат, похожих как две капли воды...

— Это модель номер один. Мы назвали ее "раненый солдат", Ли протянул руку и взял фотографию. — "Когти" сконструированы для охоты на людей, для поражения живой силы, да, они забирались все глубже на нашу территорию, но пока они оставались только машинами — металлическими шарами с лезвиями и всевозможными датчиками, их можно было легко распознать. Достаточно было взглянуть на них. Но вот...

— Но вот появилась модель номер один!

— Да. Она уничтожила кучу народа на нашем северном фланге, — вступил в разговор Руди. — Прошло чер-

товски много времени, прежде чем нам удалось распознать врага. Это произошло слишком поздно. Они шли к нам — раненые солдаты — стучались в люки, моля, чтобы их впустили. И как только мы открывали дверь, начиналось страшное. Мы же продолжали выслеживать машины.

— В то время мы думали, что это единственный тип, — объяснил Ли, — никто не подозревал, что существуют другие модели. Когда к вам был послан парламентер, нами была индентифицирована всего одна модель. Только "раненый солдат", мы думали, что это все...

— Но окончательно ваши соединения пали перед...

— ... Моделью номер три — "дэвид с медвежонком". Этот тип по эффективности превосходил первый, — горько усмехнулся Ли, — солдаты всегда жалеют детей. Они охотно пускают их к себе в бункер, предлагают им еду и тут обнаруживают, насколько жестоки эти маленькие "дэвиды" со своими плюшевыми медвежонками.

— Нам троим просто посчастливилось, — сказал Руди. — Мы с Ли были... в гостях у Тассо, когда это случилось. Это ее подвал. Возвращаясь, мы увидели, что их полным-полно вокруг бункера. Борьба еще продолжалась, но "дэвиды" со своими медвежатами быстро уничтожили всех. Там-то мы их и сфотографировали.

Вьетнамец кивнул, взял фотографии и снова засунул их в карман шинели.

ГЛАВА VII

— И это происходит во всех ваших окопах? — спросил Хендрикс.

— Да.

— А как насчет нас? — он машинально прикоснулся к браслету у себя на руке. — Могут ли "когти", или как там их сейчас называют, нападать...

— Ваши радиационные браслеты их не остановят. Они наверняка не будут обращать на них никакого внимания. Этим моделям все равно, кого разрывать на части. Для них все люди одинаковы. Они делают то, для чего спроектированы. Просто выполняют первоначальный замысел — найти жизнь, где бы она ни находилась, и уничтожить.

— Они идут на тепло, — заметил Ли, — такими вы их задумали с самого начала. Разумеется, тех, кого вы сами проектировали, еще можно было удержать радиационными браслетами. Но, очевидно, новые модели имеют свинцовую оболочку...

— Вы говорили о разных типах моделей, — перебил его Хендрикс. — Есть типа "дэвид", типа "раненый солдат", а еще?

— В том-то и дело, что мы не знаем! Смотрите:

Ли показал рукой на стену. Там висели две покореженные металлические таблички с рваными краями. Хендрикс встал и внимательно осмотрел их.

— Та, что слева, — это с "раненого солдата". Мы заполучили одного из них. Он шел, направляясь к нашему старому бункеру, и мы подстрелили его с гребня холма, как и вашего "дэвида".

На табличке было отштамповано: "I-M". Хендрикс притронулся к другой табличке и спросил:

— А это из робота типа "дэвид"?

— Угадали.

На табличке было выбито "3-M". Руди тоже мельком взглянул на нее из-за широкого плеча майора.

— Теперь вы, думаю, догадались, что в наличии имеется еще одна модель — "2-M"! Возможно, правда, что от ее серийного производства отказались. Но в каком-то количестве она должна существовать. Должна быть ВТОРАЯ МОДЕЛЬ, раз есть ПЕРВАЯ и ТРЕТЬЯ!

— Вам повезло, майор, — сказал Руди, — "дэвид" за все это время не прикоснулся к вам. Наверное он думал, что в конце концов вы приведете его в какой-нибудь бункер.

— Как только заберется всего один из них — все кончено, — заметил Ли. — Они передвигаются ужасно быстро. Через минуту после проникновения одного в том месте оказываются десятки других. Они неумолимы в своем стремлении убивать. Но нельзя забывать, что они всего-навсего машины, сконструированные только для одной цели... — он вытер пот с верхней губы. — О, нам приходилось видеть, как это делается!

Наступило молчание.

— Угости-ка меня еще одной сигаретой, янки, — попросила Тассо. — Хороши! Я почти забыла, как они хороши!

Наступила ночь. Небо было черным. Через клубы пепла не пробивался свет ни единой звезды. Ли осторожно приподнял крышку люка, чтобы Хендрикс мог выглянуть наружу. Руди ткнул пальцем в кромешную тьму.

— Бункеры находятся на той стороне, меньше чем в километре отсюда. Те, в которых мы отсиживались. Нас спасла наша слабость.

— Все остальные наверняка погибли, — тихо добавила Тассо, — все произошло так быстро.

— Да, — протянул Ли. — Сегодня утром наше командование приняло решение и известило об этом нас. Мы выслали парламентера, остальное вам известно.

— Это был Алекс Радзиевский, — покачал головой Руди, — Мы очень хорошо знали его, можно сказать, что он был нашим другом. Он направился в этот путь ранним утром. Кстати, он был очень смелым парнем, он знал на что идет, и тем не менее сам вызвался выполнить это задание.

Азиаты молча курили. Опершись на крышку люка, Хендрикс вглядывался во тьму.

— Насколько безопасно держать люк открытым?

— Надо быть очень осторожным. Но если мы не будем держать люк открытым, то как же вы сможете воспользоваться своим передатчиком?

Хендрикс медленно поднял пристегнутый к поясу радиопередатчик и прижал его к уху. Металл был холодным и влажным. Он подул в микрофон и вытащил антенну. Послышалось слабое жужжание.

— Так, пожалуй, правильно.

Но он все еще колебался.

— Мы сразу же затащим вас внутрь, если заметим что-нибудь подозрительное, — успокаивающе пообещал Ли.

— Спасибо, — Хендрикс немного подождал, держа передатчик у себя на плече. — Интересно, не правда ли?

— Что?

— Все это. Эти новые типы, новые разновидности "когтей". Мы теперь полностью в их власти, не так ли? Они уже наверняка пробрались и в наши окопы. Не являемся ли мы свидетелями возникновения нового вида существ в ходе эволюции? Расы, которая придет на смену человеку?

— После человека уже ничего не будет, — буркнул Руди.

— Так ли? А почему бы и нет? Разве не смена видов происходит у нас на глазах? Мы наблюдаем конец рода

человеческого и приветствуем, пусть с большой неохотой, зарю нового общества.

— Какая же это раса? Просто механические убийцы. Вы сотворили их с одной-единственной целью — убивать людей!!! Это единственное, на что они способны. Они являются машинами, на которые возложена определенная работа.

— Так это кажется сейчас. А что будет потом, когда кончится война? Может быть, уничтожив людей, они проявят свои настоящие, пока еще потенциальные способности!

— Вы говорите о них так, как будто они живые!

— А разве это не так?

— Они м а ш и н ы !!! Да, внешне они выглядят, как люди, но по сути своей не перестают быть машинами.

— Попробуйте еще раз наладить связь, майор, — прервал их спор Ли, — мы ведь не можем вечно торчать здесь.

Крепко сжимая передатчик, Хендрикс произнес код командного бункера и стал внимательно прослушивать эфир. Никакого ответа. Тишина. Он внимательно проверил настройку. Все было как положено.

— Скотт? — произнес Хендрикс в микрофон. — Вы меня слышите?

Тишина. Майор выдвинул антенну на всю длину и снова попробовал установить связь. Из динамика слышался лишь треск атмосферных помех.

— Ничего не получается. Возможно, они слышат меня, но не хотят отвечать.

— Скажите им, что вы связываетесь с ними по крайней необходимости!

— Они могут подумать, что меня принудили и что я действую по вашему приказу.

Он еще раз попробовал, коротко пересказав в микрофон то, о чем узнал здесь. Связи, однако, по-прежнему, не было.

— Очевидно, где-то опять взорвали атомную бомбу, — предположил Ли, — поэтому и нет связи.

Хендрикс пожал плечами и свернул передатчик.

— Бесполезно, они не отвечают... Очаги радиации? Может быть. Или же они слышат меня, но по какой-то причине не хотят отвечать. По правде говоря, я бы и сам так поступил, если бы меня вызывали на связь из

азиатских окопов. У моих товарищей там, на нашей стороне, нет никаких оснований верить в то, что я им сообщаю.

— А может быть, вы просто опоздали...

Хендрикс нехотя кивнул.

— Давайте-ка закроемся, — предложил, нервничая, Руди, — зачем подвергать себя ненужному риску?

ГЛАВА VIII

Они медленно спустились обратно в блиндаж. Ли тщательно закрутил винты на крышке люка. Вошли в кухню. Здесь был тяжелый, спертый воздух.

— Неужели они могли сработать так быстро? — с сомнением произнес Хендрикс. — Я вышел из бункера в полдень. Это было... десять часов назад. Разве они могут продвигаться так быстро?

— Думаю, что это для них не проблема. И после того, как один из них проникнет внутрь, начинается сплошное безумие. Вы знаете, что могут сделать даже самые маленькие "когти"? В том-то и дело!..

— О, Боже! — воскликнул вдруг Хендрикс.

— Что с вами? — спросил Руди.

— Лунная База! Боже, если они пробрались и туда...

— Что? Лунная База?

Хендрикс поднял голову.

— Нет, это невозможно. Никак невозможно. Они никогда не смогут проникнуть на Лунную Базу. Каким образом можно туда прорваться? Нет, нет.

— Что такое Лунная База? До нас доходили некоторые слухи, но ничего определенного мы узнать не смогли. Чем вы так озабочены, майор? — подозрительно спросил Ли.

— Все необходимое мы получаем с Луны. Там находится наше правительство, наш народ, часть промышленных предприятий. Только благодаря этому мы все еще держимся. Если же они найдут какой-нибудь способ вырваться с Земли на Луну...

— Не паникуйте, майор! Конечно, этот "коготь" может натворить там много дел, но не забывайте: прорваться сможет скорее всего лишь один из них. Это не Земля, где их

полно. Максимум, что он успеет, пока его не прихлопнут, — это убить пару десятков ваших людей.

— О, Боже! Как вы не понимаете! А что, если туда попадет какая-нибудь из последних моделей? Из этих псевдоразумных "лжедэвидов" или "лжесолдат"... Я не сомневаюсь, что главной их заботой на Луне будет захват космодрома и отправка кораблей на Землю за подмогой, чтобы успешно решить проблему человечества и на Луне... — простонал Хендрикс.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ли, — как только первый проберется туда, он тут же впустит остальных. Сотни, тысячи абсолютно одинаковых чудовищ. Вам нужно было видеть их во плоти...

— Они похожи, как муравьи...

— Хватит! — закричал Хендрикс и принялся нервно вышагивать по бетонному полу бункера.

Остальные внимательно наблюдали за ним. Наконец Тассо встала и отправилась к себе в комнату.

— Я хочу немного вздремнуть, — послышался оттуда ее голос.

Руди и Ли сели за стол, продолжая следить за Хендриксом.

— Ну что ж, теперь дело за вами, майор, — сказал после небольшой паузы Руди.

— Понятно, — пробормотал Хендрикс.

Во второй комнате послышалось какое-то движение и голос Тассо произнес:

— Майор?

Хендрикс отодвинул занавеску.

— Что?

Женщина лениво смотрела на него, лежа на койке.

— У тебя осталась еще хоть одна американская сигарета?

Хендрикс вошел в ее комнату и сел на деревянный стул у кровати. Он пошарил в карманах, но ничего не нашел.

— К сожалению, все выкурил, — сказал он, разводя руками, — если бы я знал, что такая женщина умирает без американских сигарет...

— Очень плохо, что кончились, — перебила его Тассо.

— Кто вы по национальности? — поинтересовался Хендрикс.

— Француженка.

— Как же вы сюда попали? Пришли вместе с армией?
— Зачем это вам?
— Просто из любопытства.

Он внимательно пригляделся к женщине. Тассо была без шинели. Лет ей можно было дать от силы двадцать. Тонкая фигура, длинные волосы разметались по подушке. Она молча смотрела на него большими темными глазами.

— Что это у вас на уме, майор? — подозрительно спросила она.
— Ничего. Сколько вам лет?
— Восемнадцать.

Она продолжала внимательно следить за ним. На ней были азиатские армейские брюки и гимнастерка. Ужасно грязно-зеленого цвета униформа. На поясе висел счетчик Гейгера и подсумок для патронов. Медицинский пакет был пристегнут с другой стороны.

— Вы состоите на службе в армии? — опять спросил он.
— Нет.
— Тогда почему носите эту форму?

Она пожала плечами.

— Мне ее дали. Надо же что-то носить...
— Сколько же вам было лет, когда вы оказались здесь?
— Шестнадцать.
— Такая молодая?

Глаза ее внезапно сузились.

— Что вы хотите этим сказать?

Хендрикс потер подбородок.

— Ваша жизнь сложилась бы совсем иначе, если бы не эта чертова война. Подумать только: вы попали сюда в шестнадцать лет! Неужели вы когда-нибудь мечтали о такой жизни?

— Но ведь мне нужно было как-то выжить!

— Поймите меня правильно, Тассо. Я отнюдь не собираюсь читать вам нравоучения.

— Ваша жизнь, майор, тоже была бы совсем иной, если бы не эта война. — Тассо нагнулась и развязала шнурок на одном ботинке. Затем сбросила его на пол. — Майор, вы не могли бы уйти в другую комнату? Я с удовольствием вздремну.

— Похоже, что перед нами скоро возникнет проблема. Ведь нас здесь четверо. В таком помещении чертовски трудно жить вчетвером. Здесь только две комнаты.

— Да.

— Какой величины был этот подвал первоначально, — больше или меньше, чем сейчас? Есть ли здесь еще помещения, пусть даже заваленные обломками? Мы могли бы их для себя расчистить.

— Может быть. Точно не знаю.

Тассо распустила пояс и, растянувшись поудобнее на койке, расстегнула гимнастерку.

— Вы уверены, что у вас больше нет сигарет?

— У меня с собой была только одна пачка.

— Жаль. Может быть, если бы мы смогли добраться до вашего бункера, мы бы нашли еще.

Второй ботинок упал на пол. Тассо потянулась к выключателю.

— Спокойной ночи, майор.

— Вы собираетесь сейчас спать?

— Именно это я и собираюсь делать.

Комната погрузилась в темноту. Хендрикс встал и, отыскав занавеску, прошел на кухню.

И застыл, весь сжавшись в комок.

Руди стоял у окна, лицо его было бледно, рот открывался и закрывался в немом крике. Ли стоял перед ним, скаля зубы и держа пистолет на изготовку. Ни один из них не шевелился: Ли, крепко сжимая пистолет, с искаженным лицом, Руди — бледный, прижатый к стене, с поднятыми вверх руками.

— Что?.. — прошептал Хендрикс, но Ли обрезал его.

— Спокойнее, майор. Подойдите-ка сюда. Да вытащите свой пистолет.

Хендрикс достал оружие.

— Что здесь происходит?

Руди немного пошевелился, чуть опустив руки. Кусая губы, он повернулся к Хендриксу. Белки его глаз, казалось, вот-вот выкатятся, со лба катил пот и струйками стекал по грязным щекам. Он не сводил умоляющих глаз с майора.

— Майор, этот... он с ума сошел. Остановите его немедленно! — Голос Руди был слабым, хриплым и едва слышным.

— Так что же происходит? — повысил голос Хендрикс.

Не опуская пистолета, Ли размеренно сказал:

— Вы помните наш разговор, майор? О трех моделях? Нам были известны только две из них — первая и третья. Но мы ничего не знали о второй...

Пальцы Ли еще крепче сжали рукоять пистолета.

— Мы ничего не знали о ней раньше, но сейчас...

Он нажал на курок. Белая вспышка на миг осветила лицо Руди.

— Майор, это и была вторая модель!

ГЛАВА IX

Тассо отшвырнула занавеску.

— Ли, что ты наделал?

Вьетнамец отвернулся от обуглившегося тела, которое медленно съезжало на пол, и проговорил с радостью на лице:

— Это была вторая модель, Тассо. Теперь мы уже точно знаем, что она из себя представляет. Наконец-то мы распознали все три их разновидности, а это значительно уменьшает опасность. Я...

Тассо смотрела мимо него на останки Руди, на почерневшие обрывки его одежды.

— Кого же ты все-таки убил? — воскликнула она.

— Не кого, а что! Я уже давно следил за ним. У меня были кое-какие предположения, но я сомневался, однако сегодняшним вечером мои предчувствия переросли в уверенность.

Ли нервно сжимал рукоять пистолета.

— Нам повезло. Еще немного — и эта штуковина могла бы...

— Ты так уверен?

Тассо оттолкнула его в сторону и склонилась над трупом. Лицо ее внезапно стало серьезным.

— Майор, убедитесь сами. Это человеческая плоть.

Хендрикс заставил себя подойти поближе. Это, несомненно, были останки человека: обожженная кожа, обуглившиеся кости, кровь. Целая лужа крови у самой стены.

— Так где же колесики? — спокойно спросила Тассо у Ли. — Я не вижу ни колесиков, ни реле, ни других металлических деталей. И ни одного "лезвия". Это не вторая модель. А ну-ка объясни мне все по порядку, убийца!

Ли сел за стол, побледнев. Он уткнулся головой в ладони и стал раскачиваться вперед и назад.

— Приди в себя! — Тассо вцепилась пальцами в его плечо, — Объясни, наконец, почему ты сделал это? Зачем ты убил своего друга?

— Похоже, что я могу объяснить этот поступок, — вмешался Хендрикс. — Просто Ли очень испугался. То, что творится вокруг нас, может привести к тому, что человек со слабой психикой начнет срываться.

— А я думаю, что у этого подлеца была какая-то причина, чтобы убить Руди. И весьма веская причина.

— Какая причина?

— Возможно, Руди кое-что узнал!

Хендрикс внимательно посмотрел на бледное лицо женщины.

— Что он мог узнать? — недоуменно спросил он.

— Что-то о нем, о Ли...

Ли быстро поднял глаза.

— Вы понимаете, в чем она пытается вас убедить? — тихо спросил он. — Она думает, что я — вторая модель. Вы что, до сих пор этого не поняли? Она сейчас хочет доказать вам, что я преднамеренно убил бедного Руди. Что я...

— Но почему же ты тогда убил его? — крикнула Тассо.

— Я уже сказал, — Ли устало мотнул головой, — я думал, что он был "когтем". Я решил, что обнаружил вторую модель.

— Почему ты так подумал?

— Я его подозревал.

— Почему?

— Мне виделось в его поведении что-то странное. Однажды мне показалось, что я услышал... в общем, как у него что-то жужжало внутри.

Некоторое время все молчали.

— Вы верите этому, майор? — спросила Тассо.

— Пожалуй, верю.

— А я — нет! Я думаю, что у этого негодяя были другие причины убить Руди. — Тассо взялась за ружье, стоявшее в углу комнаты.

— Майор...

— Нет! — Хендрикс решительно покачал головой. — Давайте прекратим это. Одного убийства вполне достаточно. Мы так же напуганы, как и Ли. И если мы сейчас убьем его, значит, мы нисколько не лучше.

Ли с благодарностью взглянул на него.

— Спасибо. Я был так напуган. Вы ведь можете это понять, не так ли? Теперь она тоже напугана, и от страха хочет меня убить.

— Больше никаких убийств! — предупредил Хендрикс и направился к лестнице. — Я подымусь наверх и еще раз попробую связаться с Лунной Базой, а потом с нашим бункером. Если мне это не удастся, придется завтра утром отправиться к нашим позициям.

Ли быстро вскочил.

— Я пойду с вами и помогу вам, сэр.

Ночной воздух был холоден. Земля почти остыла. Ли сделал глубокий вдох и тихо рассмеялся. Он и Хендрик стояли на поверхности земли и внимательно вглядывались в темноту. Ли широко расставил ноги и, держа наготове ружье, начал что-то негромко насвистывать.

— Прекратите! — потребовал Хендрикс и стал настраивать свой крохотный передатчик.

— Ну что, повезло? — спустя некоторое время поинтересовался Ли.

— Пока еще нет.

— Попробуйте еще раз, майор. Расскажите им обо всем, что с вами произошло.

Хендрикс пытался наладить связь, но все оказалось безуспешным. И в конце концов он опустил антенну.

— Бесполезно. Они не слышат меня... Или слышат, но не хотят или не могут ответить. Или...

— Или они уже не существуют на этом грешном свете? — раздался из темноты голос Тассо.

— Я попробую еще раз, — вздохнул Хендрикс и вновь поднял антенну. — Скотт, вы меня слышите? Отзовитесь! Это я, майор Хендрикс!

В наушниках слышны были только атмосферные помехи, потом совсем слабо, сквозь треск он услышал голос...

— Это Скотт!

Хендрикс сдавил передатчик...

— Скотт, это вы?

— Это Скотт.

Ли присел на корточки возле Хендрикса.

— Скотт, послушайте, — начал майор. — Вы принимали мои сообщения? Вы слышите меня?

— Да... — прошелестело в динамике передатчика.

Он сказал еще что-то, но Хендрикс ничего не смог разобрать.

— Вы приняли мое донесение? В бункере все в порядке? Ни один из них не забрался в него?

— Все в полном порядке, — едва слышался шепот.

— Они пытались пробраться внутрь?

Голос стал еще тише:

— Нет.

— Вы подвергались нападению?

— Нет.

Хендрикс снова поднес микрофон ко рту:

— Скотт! Я почти не слышу вас. Вы уведомили о случившемся Лунную Базу? Они знают о грозящей опасности? Приведены ли они в состояние боевой готовности?

Ответа не последовало.

— Скотт, вы меня слышите?

Молчание.

Хендрикс опустил микрофон.

— Связь пропала. Очевидно, радиация создает помехи.

Ли неопределенно хмыкнул, но не проронил ни слова. Спустя некоторое время, он спросил:

— Вы вполне уверены, что голос вашего собеседника принадлежит вашему офицеру?

— Ну... связь была очень плохая.

— Значит, уверенности у вас нет?

— Пожалуй, нет.

— Следовательно, это вполне мог быть...

— Не знаю, ничего не могу сказать. Давайте спустимся вниз и закроем люк.

Они спустились по лестнице в свой теплый подвал.

Ли плотно завинтил крышку люка. Внизу их ждала Тассо, лицо ее было безразличным.

— Не повезло вам, майор, как я поняла, — сказала она и отвернулась.

Мужчины промолчали.

— Что вы обо всем этом думаете? — возбужденно настаивал Ли. — Это был ваш офицер, или один из них?

— Откуда же я знаю, господи!

— Значит, мы так никуда и не подвинулись, — уже спокойно констатировал Ли.

Хендрикс упрямо сжал челюсти.

— Чтобы узнать что-то наверняка, нам необходимо двинуться в путь.

— Что ж, — согласился Ли, — в любом случае, пищи здесь хватит только дня на два, от силы — на три. Поэтому нам все равно пришлось бы отправиться на поиски еды.

— По-видимому, так.

— Я тоже согласна, — тихо проговорила Тассо.

— Тогда давайте закругляться, — сказал Хендрикс и посмотрел на часы. — Нам нужно немного поспать. Завтра встанем как можно раньше.

— Зачем?

— Наилучшее время для того. чтобы прорваться — это раннее утро, — горько усмехнулся Хендрикс.

ГЛАВА X

Утро было свежим и ясным. Майор Хендрикс осматривал окрестности в бинокль.

— Что-нибудь заметили? — спросил Ли.

— Нет.

— Бункеры можно различить?

— А куда смотреть?

— Вон туда, — Ли взял бинокль. — Я знаю, куда смотреть.

Смотрел он долго, ничего не говоря.

Тассо вылезла из люка и ступила на землю.

— Ну что?

— Ничего, — Ли вернул бинокль Хендриксу и махнул рукой. — Ничего не видно. Пошли, не стоит здесь задерживаться.

Все трое стали спускаться по склону холма, скользя по мягкому пеплу.

По плоскому камню пробежала ящерица. Они мгновенно остановились и застыли на месте.

— Что это? — прошептал Ли.

— Фу ты, черт, как испугала, — вытирая пот со лба, облегченно вздохнул Хендрикс, — да это просто ящерица.

Они невольно последили за тем, как ящерица бежала по земле, торопливо семеня лапками. Она была почти серого цвета, цвета земли и пепла.

— Полнейшая приспосабливаемость, — отметил Ли.

Они достигли подножия холма и, став тесно друг подле друга, осмотрели местность.

— Пошли! — скомандовал, наконец, Хендрикс. — Чем скорее мы двинемся в путь, тем скорее придем к нашим окопам. Путь не близок.

Пройдя несколько шагов, он оглянулся. За ним, немного поотстав, шагал Ли. Тассо шла сзади, держа наготове пистолет.

— Майор, — Ли догнал Хендрикса, — мне хотелось бы задать вам один вопрос, — он вопросительно посмотрел на американца.

Хендрикс, не сбавляя шага, молча кивнул головой.

— Вопрос такой: при каких обстоятельствах вы повстречали "дэвида"?

— Я встретил его по дороге, когда направлялся к вам. В каких-то развалинах.

— Что он говорил вам?

— Не так уж много. Сказал только, что живет один.

— Но вы не смогли определить, что это машина? Он разговаривал с вами, словно живой человек? Вы даже ни о чем не подозревали?

— Он говорил со мной очень мало. Я только подумал, что это от пережитого страдания. И ничего необычного больше я тогда не заметил.

— Как это странно. Машина настолько похожа на человека, что становится невозможно различить, где механизм, где человек. Так вы говорите, что они, словно живые? Интересно. Интересно, чем же все это кончится?

Они делают то, что янки приказали им делать! — вступила в разговор шагавшая позади них Тассо. — Ваши соотечественники, майор, заложили в них способность выслеживать и убивать людей. Вы поняли, наконец, это? Выслеживать и убивать людей!

Хендрикс внимательно посмотрел на Ли.

— Что это у вас на уме? Почему вы оба так возбуждены?

— Ничего, — буркнул Ли и снова поотстал.

— Ли наверняка начинает предполагать, что вы и есть вторая модель, — спокойно произнесла у Хендрикса за спиной Тассо. — Теперь уже с вас не спускают глаз. Так

что берегитесь, майор. Можете легко оказаться на месте бедняжки Руди.

Ли вспыхнул.

— А почему бы и нет? Может быть, он пришел сюда в надежде хорошенько поживиться? К тому же нельзя отрицать, что он шел в сопровождении "лжедэвида". Кстати, мне все-таки не дает покоя мысль: почему этот убийца его не тронул, а?

Хендрикс хрипло рассмеялся.

— Я человек! Понимаете вы это — ч е л о в е к! И там, — он махнул рукой в сторону американских войск, — вокруг меня было полно настоящих людей.

— Может быть... но это ничего не доказывает. Может быть, вы...

— Ваши окопы были уже уничтожены ко времени моего прихода, не так ли? Там уже не было ничего живого, когда я покинул наш командный пункт. Не надо забывать об этом. И если бы я был "когтем", что бы я делал здесь, у вас, когда там, у американцев, меня ждала бы хорошая добыча?

Тассо догнала его.

— Это тоже ничего не доказывает, майор.

— Как это так?

— Не исключено, что между различными моделями нет связи. Каждая выпускается своим отдельным заводом, вряд ли они действуют сообща. Вы могли отправиться к нашим окопам, ничего не зная о действиях других моделей.

— Откуда вы знаете столько о "когтях"? — спросил Хендрикс.

— Я видела их. И наблюдала за ними. Я видела, как они захватывали наши позиции.

— Ты что-то много знаешь, — сказал Ли. — На самом же деле ты ничего не видела. Странно, что ты вдруг оказалась такой осведомленной.

Тассо засмеялась.

— Теперь ты принялся за меня?

— Забудем об этом, — примирительно сказал Хендрикс.

Дальше они шли уже молча. Но через некоторое время Тассо вновь заговорила.

— Мы все время будем идти пешком? Я не привыкла так много ходить. — Она осмотрелась. — Какой унылый пейзаж!

— Таким он будет еще очень долго, — заметил Ли.

— Честно говоря, иногда мне хочется, чтобы ты оказался в своем бункере, когда началось это ужасное побоище. Но богу почему-то было угодно, чтобы ты отдыхал у меня...

— Не я, так кто-нибудь другой был бы тогда у тебя, — пробурчал Ли.

Тассо засмеялась:

— Уж в этом-то я не сомневаюсь.

Они шли, внимательно следя за необозримой, усеянной пеплом пустыней.

ГЛАВА XI

Солнце клонилось к закату. Обогнав своих спутников, Хендрикс оглянулся и помахал им рукой. Ли сидел на корточках. Тассо нашла обломок бетонной плиты и со вздохом опустилась на него.

— Уфф, как приятно отдохнуть!

— Тихо, ты! — прикрикнул на нее вьетнамец.

Тассо посмотрела на него достаточно выразительно и покрутила пальцем у виска.

Хендрикс взобрался на вершину холма, того самого, по которому поднимался азиатский парламентер днем раньше. Затем майор лег на землю и стал смотреть в бинокль. Впереди, не более чем в полусотне метров от него, находился командный пункт американских войск — бункер, из которого он сам вышел только вчера. Хендрикс смотрел, затаив дыхание. Никаких признаков жизни.

— Где ваш бункер? — спросил Ли, присев рядом с ним на корточки.

— Там, внизу, — Хендрикс протянул ему бинокль. Хлопья сажи плыли в вечернем воздухе. На землю медленно опускалась темнота. До захода солнца оставалось не больше двух часов.

— Я ничего не вижу, — прошептал Ли.

— Опусти бинокль. Ниже, еще ниже. Рядом с деревом пень, дальше груда кирпичей, справа от них — вход в бункер.

— Придется поверить вам на слово, сэр.

— Вы и Тассо должны прикрыть меня отсюда. Все подступы оттуда хорошо просматриваются, поэтому я надеюсь только на вас.

— Вы пойдете один?

— Конечно. Здесь ведь полно "когтей", но с браслетом мне ничего не грозит.

— Да, вы правы.

— Я буду идти очень осторожно, а если что-нибудь замечу...

— ...То вы все равно ничего не успеете предпринять, даже пикнуть не успеете. Они нападают молниеносно.

— Что вы предлагаете?

Ли задумался.

— Сам не знаю. Попробуйте-ка выманить их на поверхность...

Хендрик достал передатчик и выдвинул антенну.

— Что ж, хорошо.

Ли дал знак Тассо. Она ловко вскарабкалась вверх по склону и улеглась рядом с ним.

— Майор собирается идти один, — сообщил ей вьетнамец, — в случае необходимости мы будем его прикрывать.

Хендрикс открыл затвор винтовки и тщательно проверил его.

— Даст бог, все будет хорошо, — пробормотал он.

— Вы, майор, их еще просто не видели, эти полчища! Стоит ли так рисковать?

— Я постараюсь все выяснить, не спускаясь в бункер.

Хендрикс закрыл затвор. Взяв в одну руку винтовку, а в другую передатчик, он внимательно посмотрел на своих недавних противников и произнес:

— Ну что ж, пожелайте мне удачи.

Ли пожал ему руку.

— Не входите в бункер, поговорите с ними по радио.

Хендрикс стал медленно спускаться по крутому склону холма. Добравшись до пня, он поднял передатчик и включил его.

— Скотт, вы меня слышите?

Тишина.

— Скотт, это Хендрикс. Я знаю, что вы меня слышите. Я стою рядом с бункером. Вы должны видеть меня через смотровую щель.

Ответа не было. Никаких звуков, лишь треск атмосферных разрядов. Майор двинулся дальше. Из пепла вылез "коготь" и опрометью бросился было за ним, но, почуяв браслет, сбавил скорость и стал держаться на почтитель-

ном расстоянии. Вскоре к нему присоединился еще один, более крупный экземпляр...

Хендрикс остановился, "когти" за его спиной тоже замерли, словно в нерешительности. Теперь он стоял у самого входа в бункер.

— Скотт? Вы меня слышите? Я стою прямо над вами! Снаружи, на поверхности. Вы видите меня?

Он подождал немного, прижав передатчик к уху. Шли минуты. Хендрикс напряженно вслушивался в эфир, но тишину нарушало лишь слабое потрескивание в микрофоне.

Затем откуда-то издалека пробился металлический голос.

— Это Скотт.

Голос был слабым, узнать его было трудно, ведь наушник был таким крошечным...

— Скотт, слушайте меня внимательно! Я стою на поверхности лицом ко входу в бункер. Вы меня видите?

— Да.

— Через амбразуру? Камера направлена на меня?

— Да.

Хендрикс задумался. Нужно было продолжать разговор, но каждая фраза давалась ему с трудом.

— В бункере все в порядке?

— Все в порядке.

— Выйдите на поверхность, я хочу взглянуть на вас, — Хендрикс затаил дыхание, — поднимайтесь ко мне. Нужно переговорить с вами по очень важному делу.

— Спускайтесь в бункер, сэр.

— Я приказываю вам подняться ко мне на поверхность.

Молчание.

— Вы идете? — Хендрикс прислушивался. Ответа не было. — Вы слышите меня, Скотт? Я приказываю вам подняться ко мне на поверхность.

— Спускайтесь.

— Я хотел бы переговорить с капралом.

Наступила долгая пауза. Затем послышался тихий, такой же металлический голос:

— Это Леон.

— Говорит майор Хендрикс. Я нахожусь на поверхности у входа в бункер. Приказываю вам подняться ко мне.

— Спускайтесь сюда.

— Вы что не поняли? Я приказываю вам подняться наверх. Если вы не подчинитесь приказу, отдам вас под суд, понятно?

Молчание. Хендрикс опустил передатчик и осторожно осмотрелся. Люк был прямо перед ним, почти у его ног. Он задвинул антенну и повесил передатчик на пояс. Крепко сжимая винтовку, он осторожно двинулся вперед. Если они увидят его, то поймут, что он направляется ко входу.

Хендрикс поставил ногу на первую ступеньку лестницы, которая вела вниз.

Навстречу ему поднимались два "дэвида" с одинаковыми, лишенными всякого выражения, лицами. Он мгновенно выстрелил и разнес их на куски. Так же молча к нему начали подниматься еще несколько абсолютно одинаковых роботов.

Хендрикс повернулся и бросился бежать к подножию холма.

С его вершины Тассо и Ли вели прицельный огонь. Мелкие "когти" уже спешили к ним, ловко катясь по пеплу. Но у майора не было времени думать о том, что там происходит. Он присел на одно колено и, крепко сжав винтовку, стрелял по входу в бункер. "Дэвиды" выходили группами, прижимая к груди своих медвежат. Хендрикс стрелял, роботы разлетались на куски.

Вдруг перед ним выросла огромная неуклюжая фигура. Хендрикс в замешательстве опустил винтовку. Одноногий солдат на костылях смотрел в его сторону.

— Майор! — раздался сверху голос Тассо. — Стреляйте!

Огромная фигура двинулась на него, вокруг нее сновали "дэвиды". Хендрикс стряхнул с себя оцепенение. Первая модель! "Раненый солдат"! Он прицелился и нажал на курок. Солдата разорвало на мелкие куски — во все стороны полетели реле, детали.

Теперь возле бункера образовалась целая толпа "дэвидов". Хендрикс непрерывно стрелял, пятясь назад.

С вершины вел огонь Ли. Весь склон кишел карабкавшимися наверх "когтями".

Короткими перебежками, то и дело припадая к земле, Хендрикс отступил к холму.

Один "дэвид" бросился к Хендриксу. Его маленькое бледное личико было лишено какого-либо выражения, каштановый чуб свисал на глаза. Неожиданно он пригнул-

ся и развел руки в стороны, его медвежонок упал на землю, оттолкнулся от нее и на огромной скорости устремился к человеку. Хендрикс выстрелил — и медвежонок, и "дэвид" мгновенно испарились. Хендрикс улыбнулся. Все это было похоже на сон.

— Ко мне, скорей! — раздался голос Тассо.

Хендрикс поспешил к ней. Она взобралась на бетонную стену и стреляла из пистолета, который ей дал Ли.

— Закрой глаза, майор, — крикнула Тассо и, отстегнув от ремня какой-то шар, быстрым движением ввинтила в него детонатор.

— Закрой глаза и прижмись к стене, — крикнула она снова и швырнула гранату.

Описав дугу, шар упал на землю, подпрыгнул и покатился к самому входу в бункер.

У груды кирпичей стояли два "раненых солдата". За их спиной накапливалось все больше "дэвидов". Они буквально наводнили пространство перед бункером. Один из "раненых солдат" бросился к гранате, неуклюже нагнулся, чтобы схватить ее.

Но раздался взрыв. Воздушная волна сбила Хендрикса с ног и швырнула его на землю лицом вниз. Падая, он успел заметить, как Тассо, спрятавшись за бетонной балкой, стреляет по "дэвидам", вылезавшим из горящего бункера.

Позади на склоне Ли сражался с "когтями". Он поливал их огнем и отступал, пытаясь вырваться из кольца.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги. Голова гудела, он почти ослеп, правая рука не двигалась.

Тассо подбежала к нему.

— Идем, майор, нам надо спешить.

— Ли... он все еще там...

— Идем!

Тассо поволокла Хендрикса, оторвав от спасительного бетона. Хендрикс высвободился, попытался идти сам. Но Тассо снова схватила его за руку. Глаза ее горели, она внимательно следила за "когтями", которым посчастливилось уцелеть после взрыва.

Один "дэвид" вынырнул из огненного водоворота, но Тассо тут же взорвала его метким выстрелом. Больше роботы не появились.

— Но Ли... что с ним?

Хендрикс остановился, едва держась на ногах.

— Идем, янки.

Они отступали, стараясь как можно дальше уйти от бункера. Несколько мелких "когтей" какое-то время следовали за ними, но потом исчезли.

Наконец Тассо остановилась.

— Вот здесь мы сможем отдохнуть и перевести дух.

Хендрикс без сил опустился на груду обломков. Он тяжело дышал, пот заливал лицо.

— Так нельзя... мы бросили своего товарища...

Тассо ничего не ответила. Она открыла магазин своего пистолета и вставила в него новые обоймы взрывных патронов. Хендрикс с изумлением смотрел на нее.

— Ты оставила его умышленно?

Тассо закрыла магазин и стала внимательно вглядываться в кучи мусора, лежавшие неподалеку.

— Отвечай же! — потребовал Хендрикс. — Что ты уставилась туда? Там кто-то есть?

Он вертел головой, стараясь понять смысл ее действий. Сам он ничего особенного нигде не заметил, повсюду виднелись только пепел и развалины.

— Что...

— Тихо, ты... перебила его Тассо. Она прищурилась, медленно подняла пистолет. Хендрикс обернулся, стараясь проследить за ее взглядом.

Из-за мусорных куч появилась какая-то фигура. Нетвердой походкой к ним шел человек. Его одежда была изорвана, он прихрамывал и двигался очень медленно, спотыкаясь, с трудом сохраняя равновесие. Это был Ли.

Хендрикс поднялся навстречу:

— Ли! Что за чертовщина приключилась с ...

Тассо выстрелила. Хендрикс отпрянул. Она выстрелила еще раз. Белый луч ударил в грудь вьетнамца — колесики и шестеренки полетели в разные стороны. Еще мгновение и оборотень продолжал идти. Затем он стал раскачиваться и, наконец, рухнул на кучу мусора, нелепо вскинув вверх руки. Из его шеи показался пучок обгоревших проводов...

— Теперь ты понимаешь, почему он убил Руди? — спросила Тассо.

Хендрикс снова сел и принялся трясти головой.

— Ты видишь? — не унималась Тассо. — Ты понимаешь?

Хендрикс молчал. Он не понимал ничего. Боль пульсировала в висках. Надвигалась кромешная тьма. Он просто закрыл глаза и уткнулся головой в собственные колени.

ГЛАВА XII

Когда Хендрикс очнулся, все его тело страшно болело. Он попытался встать, но боль тупой иглой пронзила плечо и руку так, что перехватило дыхание.

— Не пытайтесь подняться, — остановила его Тассо.

Она склонилась к нему и положила ему на лоб свою холодную руку.

Была ночь. Сквозь облака пепла с неба пробивалось мерцание редких звезд. Хендрикс лежал на спине, сжав зубы, чтобы не стонать. Тассо спокойно наблюдала за ним. Она развела небольшой костер из хвороста и травы. Костер слабо потрескивал, сыпал искорками, над пламенем висел металлический котелок.

— Значит, это и была вторая модель? — пробормотал Хендрикс, когда боль немного ослабла.

— Я все время подозревала его.

— Почему же ты не уничтожила его раньше?

— Ты меня сдерживал. — Тассо наклонилась к костру и заглянула в котелок. — Сейчас будем пить кофе. Он вот-вот поспеет.

Она отодвинулась от огня и, присев возле Хендрикса, стала тщательно протирать затвор пистолета. Майор разглядывал круглую гранату на ее поясе.

— Откуда у тебя эта игрушка?

Тассо пожала плечами:

— Не следует недооценивать нашу техническую мысль, майор. Если бы не она, мы с тобой были бы уже на том свете.

— Да, замечательное оружие. Но почему я ни разу таких не видел?

— Это... это наша новая разработка.

Тассо уселась поудобнее.

— Меня удивляет, что ты, похоже, так ничего и не понял после убийства Руди.

— Я думал, что вьетнамец просто испугался.

— В самом деле? Знаешь, а ведь сначала я подозревала тебя. Потому что ты не позволил мне убить его, — она рассмеялась.

— Думаешь, сейчас мы в безопасности? — спросил Хендрикс.

— Думаю, да. Пока к ним не подтянутся подкрепления из других районов.

Тассо установила затвор на место, закрыла механизм пистолета и провела по дулу пальцем.

— Нам повезло, — пробормотал Хендрикс.

— Да, очень повезло.

— Спасибо за то, что ты спасла меня.

Тассо ничего не ответила. Она смотрела на майора, и в глазах ее отражались огоньки костра. Хендрикс попытался шевельнуть рукой и понял, что пальцы его не слушаются. Казалось, что у него отнялась половина тела. Внутри была сплошная тупая боль.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Тассо, глядя в лицо Хендрикса.

— Чертовски плохо. Рука совсем не слушается. И еще вот здесь...

— Бедняжка! В бою следует вести себя проворнее...

Хендрикс промолчал.

— А знаешь, майор, если бы я не вытащила тебя тогда, ты был бы уже мертв, — не унималась Тассо.

— Я это знаю.

— И тебе, наверное, хочется узнать, почему я это сделала?

— Почему, Тассо?

— А потому, что нам надо поскорее уносить ноги отсюда. Люди больше не смогут жить в этом мире. Когда "когти" получат подкрепление, у нас не останется ни одного шанса. А они будут здесь уже часа через три, а то и раньше.

— И ты думаешь, что я могу тебе в чем-то помочь?

— Да, я верю, что ты вытащишь нас из этого ада.

— Но почему ты думаешь, что я смогу это сделать? Почему?

— Да потому, что иначе нам каюк. На рассвете они будут здесь. Решайся, майор!

Хендрикс задумался.

— Любопытно, — наконец выдавил он.

— Что здесь любопытного?

— Ты думаешь, это так просто?

— Ты можешь устроить наш полет на Лунную Базу?

— Что? На Лунную Базу? Каким образом? — Хендрикс покачал головой. — Нет. Это невозможно.

Тассо промолчала. На какое-то мгновение ее спокойный взгляд вспыхнул. Она упрямо мотнула головой и отвернулась.

— Еще кофе?

— Нет.

— Как хочешь, а я выпью.

Тассо пила молча. Хендрикс лежал на спине и старался сосредоточиться. Думать было очень тяжело, голова разламывалась от боли.

— Впрочем, один способ, кажется, есть, — неожиданно сказал он.

— О?!

— Сколько времени осталось до рассвета?

— Два часа.

— Где-то здесь поблизости есть корабль. Я никогда не видел его, но знаю, что он существует.

— Что за корабль? — резко спросила Тассо.

— Ракетный крейсер.

— И мы сможем попасть на Лунную Базу?

— Для этого он и предназначен. Пользоваться им разрешено только в случае крайней необходимости...

Он потер виски.

— Что с тобой? — забеспокоилась Тассо.

— Голова. Очень трудно сосредоточиться. Никак не могу привести свои мысли в порядок. Эта граната...

— Где находится этот корабль? — Тассо совсем близко придвинулась к нему. — На каком расстоянии отсюда?

— Я стараюсь вспомнить.

Она вцепилась пальцами в его плечо.

— Поблизости? — в ее голосе звучали металлические нотки. — Может быть, он спрятан под землей?

— О, я вспомнил! Он находится в специальном хранилище.

— Но как же тогда мы сможем его найти? Это место где-нибудь обозначено?

Хендрикс мучительно пытался вспомнить.

— Нет.

— Так как же?

— По некоторым приметам.

— Каким?

Хендрикс не ответил. Пальцы Тассо больно сжали его плечо.

— Какие приметы?

— Я... я не могу сосредоточиться. Подожди.

— Хорошо. Она отпустила его плечо и поднялась. Хендрикс вытянулся на земле и закрыл глаза.

Тассо отошла от него. Она поддела носком ботинка попавший ей под ноги камень и стала смотреть на небо. Чернота ночи уже стала переходить в серую мглу. Приближалось утро.

ГЛАВА XIII

На рассвете стало совсем холодно. Где-то вдали ночная птица издавала неясные звуки. Хендрикс зябко поежился и открыл глаза.

— Уже светает?

— Да.

Он приподнялся на локте.

— Ты хотела кое-что узнать, Тассо.

— Ты вспомнил?

— Да.

— Ну? — она придвинулась к нему.

— Я...

— Да говори же!

— Колодец, разрушенный колодец. Хранилище расположено как раз под ним.

— Понятно, — она взглянула на часы. — В нашем распоряжении около часа, майор. Ты думаешь, мы сможем его найти за это время?

— Дай мне руку, — попросил Хендрикс.

— С радостью, голубчик. — Тассо отложила пистолет и помогла американцу встать на ноги.

Они шли мимо каких-то развалин, перевернутых бетонных панелей, кирпичных стен, цементных фундаментов. Неожиданно из-под ног у них метнулась крыса. Тассо в испуге дернулась и Хендрикс чуть не свалился на землю.

— Когда-то здесь был поселок, — вспомнил он, — довольно невзрачный городишко. Так, провинция. Но она была знаменита своими виноградниками.

Они шли по поросшей травой улице. Мостовая была вся покрыта трещинами. То и дело попадались торчавшие из развалин куски арматуры.

— Осторожнее! — предупредил он ее.

Перед ним зияла воронка — развороченный взрывом фундамент. Они прошли мимо дома, свернутого на бок взрывом, возле него валялись соломенные кресла, осколки посуды.

Посредине улицы зиял провал, заполненный обгоревшей соломой, битым кирпичом, трупами.

— Здесь, — прошептал Хендрикс.

— Прямо здесь?

— Правее.

Они прошли мимо обломков тяжелого танка, поднятого ядерным фугасом. Счетчик на поясе Хендрикса зловеще затрещал.

Колодец был забит мусором. Майор нерешительно подошел к нему.

— Вы уверены, что это то самое место? — спросила она.

— Уверен!

Хендрикс сел на край колодца. Он тяжело дышал, сердце покалывало. Оттерев пот со лба, он объяснил:

— Были приняты меры для обеспечения эвакуации старших офицеров при возникновении особых условий. Например, в случае захвата нашего командного бункера.

— То есть, этот корабль предназначался для эвакуации на Луну именно тебя, майор? Я правильно поняла?

— Да.

— Но где же он?

— Ты стоишь над ним.

Хендрикс провел рукой по камню. Замок хранилища открывается только от моего прикосновения. Предполагалось, что этот корабль будет моим...

Раздался резкий щелчок. Потом они услышали лязг откуда-то из глубины колодца.

— Отойди назад! — приказал Хендрикс.

Целая секция земли отошла в сторону и, поднимая пепел и различный мусор, забивший колодец, медленно показался металлический корпус. Движение прекратилось лишь тогда, когда корабль полностью вышел на поверхность.

— Вот он! — гордо сказал Хендрикс.

Корабль, правда, оказался не слишком впечатляющим из-за сравнительно небольших размеров. Целая лавина пепла обрушилась в пропасть, откуда только что вынырнул

этот крейсер, и первое время было очень трудно из-за пыли различить элементы конструкции. Когда сажа улеглась, Хендрикс подошел к своему кораблю и отвинтил люк. Внутри показался пульт управления и гидрокресло.

Тассо подошла к Хендриксу и стала рядом, заглядывая внутрь корабля.

— Я не умею управлять этой штуковиной, — нерешительно сказала она.

— А зачем тебе управлять? — удивился Хендрикс.

— Но там же всего одно место, майор. Так что я полечу без тебя.

У Хендрикса перехватило дыхание.

— Ты все равно не сможешь взлететь, майор. Тебя ведь здорово контузило, ты просто загнешься при взлете.

— Оригинальная точка зрения, Тассо. Но ты понимаешь, что только я знаю, где расположена Лунная База? Ты будешь летать вокруг Луны несколько месяцев подряд и не сможешь обнаружить ее. Учти, у нас хорошие специалисты по маскировке. Не зная, где следует ее искать...

— Но я должна лететь, и ты объяснишь мне все, что для этого необходимо, майор. На карту поставлена твоя жизнь.

— Каким образом?

— Если я отыщу Лунную Базу своевременно, то смогу убедить американцев выслать сюда корабль, чтобы он подобрал тебя. Если я быстро найду базу, ты будешь спасен, майор. Если же мне это не удастся... У тебя не будет никаких шансов. Ну что?..

Хендрикс резко рванулся, но рука подвела его. Тассо пригнулась, отпрянула в сторону, и Хендрикс увидел занесенную рукоятку пистолета, удар пришелся по голове, как раз над ухом. Ошеломляющая боль пронзила все его тело, и он без чувств рухнул на землю.

ГЛАВА XIV

Нога в тупоносом армейском ботинке пнула его в бок.

— Проснись!

Он открыл глаза и застонал от ужасной боли. Тассо стояла над ним.

— Слушай, янки. — она присела на корточки и направила ему в лицо пистолет, — я тороплюсь, в моем распоряжении совсем немного времени. Корабль готов, я могу лететь. Ты должен снабдить меня всей необходимой информацией!

Хендрикс молчал.

— Живее! — закричала Тассо. —. Она была на грани истерики. — Где Лунная База, как мне ее найти? Что я должна делать?

Хендрикс молчал.

— Отвечай мне сейчас же, болван!

— Извини, но я все забыл.

— Майор! Корабль набит жратвой,я проверила. Я могу летать долго. В конце концов я все же сама отыщу Базу. А ты себя угробишь, единственная возможность для тебя спастись... — она внезапно умолкла.

У развалин что-то зашевелилось в куче пепла. Тассо быстро прицелилась и выстрелила. Взметнулся столб огня. Что-то бросилось прочь, катясь по пеплу. Она выстрелила снова. "Коготь" разорвался на куски.

— Видишь, — закричала Тассо, — это был разведчик. И поверь мне, что основные силы не заставят себя долго ждать!

— Но ты поможешь мне, ведь так, Тассо? Ты скажешь, чтобы они немедленно выслали за мной корабль?

— Конечно. Как можно скорее.

Хендрикс поднял глаза и внимательно посмотрел на женщину.

— Ты говоришь мне правду? Поклянись! Поклянись, что ты вернешься за мной!

— Клянусь, что я доставлю тебя на Лунную Базу, янки. Но скажи, наконец, где она? Время не ждет.

— Хорошо. — Хендрикс ухватился за камень, подтянулся и с большим трудом сел, — смотри...

Он принялся чертить на песке схему. Тассо присела рядом, внимательно следя за движением его руки. Хендрикс с трудом выводил примитивную карту лунной поверхности.

— Вот это Апеннины. Это кратер Архимеда. Лунная База находится в двухстах милях от оконечности Апеннинского хребта глубоко под поверхностью Луны. Где, точно, я не знаю, и никто на земле этого не знает. Но, когда будешь лететь над этими горами, подай условный сигнал. Одну красную вспышку и одну зеленую, после которой снова две красные с короткими промежутками меж-

ду ними. Монитор Базы примет твои сигналы, и тогда они проведут тебя вниз с помощью магнитных захватов.

— А управление? Я ведь не умею управлять этим кораблем, майор! — в нетерпении воскликнула Тассо.

— Не беспокойся, оно полностью автоматизировано. Все, что тебе придется сделать, — это подать опознавательный сигнал в нужное время.

— Отлично!

— Сиденье амортизирует перегрузки. Состав воздуха и температура регулируются автоматически. В ста милях от поверхности Луны корабль перейдет на окололунную орбиту и будет кружить по ней, пока ты не подашь сигналы и тебя не заметят.

Тассо забралась в кабину. Поручни кресла автоматически защелкнулись. Она провела рукой по пульту управления.

— Оставь мне пистолет! — крикнул Хендрикс.

Она отстегнула от пояса пистолет и, держа его в руке, немного помедлила.

— Не уходи слишком далеко от этого места, майор. Тебя и здесь будет довольно трудно отыскать с воздуха.

— Хорошо, я останусь здесь.

Тассо небрежно швырнула ему пистолет, который отлетел в сторону.

— Прекрасный корабль, майор, — удовлетворенно заметила она, рассматривая надписи на пульте управления. — Отличная конструкция. Твой народ всегда славился хорошей работой, ты должен этим гордиться.

— Почему ты не подала мне пистолет? — простонал Хендрикс. — Мне трудно достать его! Ты же видишь, я и так держусь из последних сил. А что если "когти"...

— Прощай, майор! — Тассо весело ухмыльнулась и крышка люка с лязгом захлопнулась.

Хендрик встал на колени и пополз к тому месту, где лежал пистолет. Он схватил оружие и поднялся на ноги...

ГЛАВА XV

Раздался оглушительный рев. Хендрикс успел спрятаться за бетонную балку.

Окутанный клубами пепла, корабль задрожал, дернулся и ушел в небо. Хендрикс долго смотрел ему вслед. Ут-

ренний воздух был свеж и прозрачен. В ожидании майор принялся бесцельно бродить по улице.

Он нашел в кармане припрятанные сигареты и с наслаждением закурил. У него просили табачку, но он помнил, что курево сейчас на вес золота.

Становилось жарко. Пот струился по его лицу. Во рту пересохло. Вскоре он прекратил свое бессмысленное хождение и присел на какой-то обломок. Он открыл свой санитарный пакет и проглотил несколько наркотических пилюль.

Впереди он заметил что-то, лежавшее на земле. Что это?

Он быстро поднял пистолет. По очертаниям похоже было на человека. Неожиданно он сообразил: это были останки Ли, вернее, второй модели. Теперь он рассмотрел шестеренки, реле, и другие металлические детальки. Они сверкали и переливались на солнце.

Хендрикс поднялся на ноги и возобновил свою прогулку. Он тронул ногой застывшую фигурку, и она легко перевернулась. Стал виден металлический остов, аллюминевые ребра и распорки. Выпали еще какие-то проволочки. Подобно внутренностям, вывалились пучки проводов, переключатели и транзисторы... За ними последовали какие-то моторчики, стерженьки. Черепная коробка лже-Ли треснула, искусственный мозг обнажился.

Он прикоснулся к черепу, и тот рассыпался. Показалась фирменная табличка. Хендрикс нагнулся, стараясь разобрать клеймо...

... И побледнел.

"4-М"!!!

Он долго смотрел на эту металлическую пластинку. Значит, все же четвертая модель, а не в т о р а я ! Они с Тассо ошиблись. Значит, модификаций было больше, чем они знали, больше, чем три. Теперь ему ясно, что их было как минимум четыре. Вторая модель так и не найдена!

Но если Ли не был второй моделью, то...

Неожиданно он весь напрягся. Что-то двигалось, разметая пепел, с другой стороны холма. Он напряг зрение. Фигуры медленно приближались, прокладывая себе путь среди развалин.

Они направлялись к нему.

Хендрикс быстро припал к земле и поднял оружие. Пот заливал ему глаза. Он постарался привести свои нервы в порядок. Паника была сейчас совсем неуместна. Фигуры уже можно было рассмотреть.

Первым шел "дэвид", за ним еще один и еще. Три "дэвида" безмолвно приближались к нему, прижимая к груди игрушечных медвежат.

Хендрикс прицелился и выстрелил. Два робота разлетелись на части, но третий продолжал движение, Хендрикс заметил позади него еще какую-то фигуру, безмолвно шедшую к нему по серому пеплу. Что ж, он сможет справиться и с "раненым одноногим солдатом".

И тут Хендрикс увидел, что позади этой модели появились... две Тассо. Толстые ремни, светло-зеленые брюки, гимнастерки и длинные волосы. Знакомая фигура, которую он видел совсем недавно...

Механические чудовища были уже совсем близко. Вдруг "дэвид" нагнулся и уронил медвежонка. Игрушка встала на задние лапки и бросилась к Хендриксу. Палец майора автоматически нажал на курок. Медвежонка не стало, но две "тассо" продолжали идти. Они шагали бок о бок по серому пепелищу!

Хендрикс снова выстрелил. Куклы исчезли. Но уже новая группа начала подъем по склону. Пять или шесть "тассо"!

А он уступил ей корабль и выдал опознавательные сигналы. Он собственноручно отправил ее на Лунную Базу!

Он оказался прав насчет гранаты. Все-таки эта мысль не зря пришла ему в голову, только он ее не додумал. Граната была сделана со знанием внутренней конструкции других моделей, моделей типа "дэвид" и "раненый солдат". Это оружие не могло быть сконструировано людьми. Оно было разработано на одном из автоматизированных подземных заводов, без всякого вмешательства со стороны людей.

Шеренга "тассо" подходила к нему. Он хладнокровно смотрел на них, скрестив руки на груди. Такое знакомое лицо, ремень, грубая гимнастерка, аккуратно пристегнутая граната.

Граната...

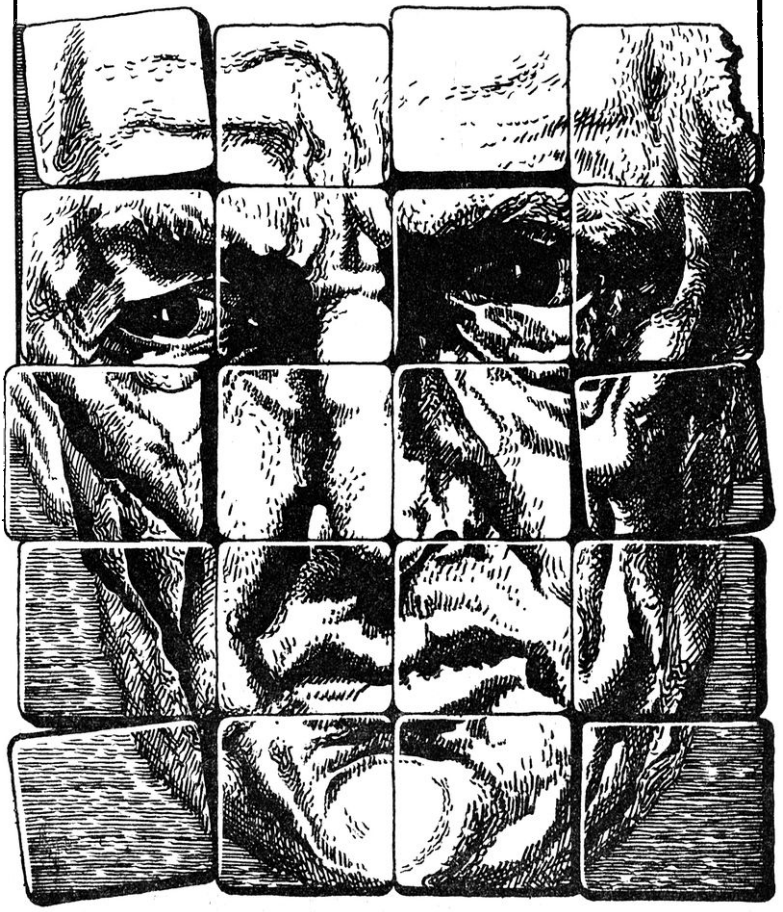
Когда кончились патроны и "тассо" добрались до него, в его мозгу мелькнула последняя мысль. Забавная мысль — от нее ему стало намного легче: Г Р А Н А Т А была сконструирована второй моделью для уничтожения первой! Изготовлена только с одной целью!

Значит, они уже начали создавать оружие, предназначенное для уничтожения друг друга.

ПОСЛЕДНИЙ ВЛАСТИТЕЛЬ

Last master

New-York ♦ 1966



Сознание снова возвращалось к нему. Возвращалось с трудом: груз веков, невыносимая усталость давили на него. Пробуждение было ужасным, но он не мог даже застонать. И тем не менее, он начинал ощущать радость.

Восемь тысяч раз таким же образом он возвращался назад, и с каждым разом это становилось все труднее. Когда-нибудь он уже не сможет этого сделать. Когда-нибудь он навсегда нырнет в черный бассейн. Но не сегодня. Он все еще жив. Сквозь боль и безразличие приходило осознание очередной победы.

— Доброе утро, — произнес звонкий голос. — Ну, не прекрасный ли сегодня день? Я отдерну шторы, и вы сможете взглянуть.

Он мог видеть и слышать. Но не двигаться. Он тихо лежал и впитывал впечатления. Ковры, обои, лампы, картины. Стол и видеоэкран. Яркий солнечный свет струился в окно. Голубое небо. Далекие холмы. Поля, здания, дороги, фабрики. Рабочие и машины.

Питер Грин был сдержанным, деловым человеком. Но сейчас его юное лицо озаряла улыбка.

— Сегодня предстоит много работы. Масса людей хочет вас видеть. Подписать счета. Принять решения. Сегодня суббота. Придут люди из дальних секторов. Я надеюсь, бригада обслуживания проделала хорошую работу. — Он быстро добавил. — Да, конечно, они сделали все, что нуж-

но. По пути я переговорил с Фаулером. Все будет в порядке.

Юный, приятный тенор хорошо сочетался с ярким солнечным светом. Звуки и образы, но ничего больше. Он ничего не чувствовал. Попытался пошевелить рукой, но ничего не получилось.

— Не беспокойтесь, — сказал Грин, уловив его страх. — Скоро вы будете в норме. Должны быть. Как мы сможем выжить без вас?

Он расслабился. Видит Бог, это случалось довольно часто и прежде. Но постепенно вскипала злость. Почему они не координируются? Получить все сразу, а не по кусочкам! Он обязан изменить их планы. И заставить их быть более организованными.

Приземистый металлический автомобиль завизжал тормозами под окном и остановился. Люди в униформе высыпали из него, собрали полные охапки оборудования и заспешили к главному входу здания.

— Они прибыли, — с облегчением воскликнул Грин.

— Поздновато, а?

— Дважды останавливали движение, — фыркнул Фаулер, входя.

— Снова что-то произошло с сигнальной системой. Загородный поток смешался с городским, все временно остановились. Я хотел бы, чтобы вы изменили закон...

Все вокруг него пришло в движение. Неясно вырисовывались очертания Фаулера и Маклина. Лица профессионалов озабоченно вглядывались в него.

Его перевернули на бок. Приглушенное совещание. Напряженный шепот. Звон инструментов.

— Здесь, — бормотал Фаулер. — Теперь здесь. Нет, это потом. Осторожней. Теперь пройдитесь здесь.

Работа шла в напряженном молчании. Он ощущал их близость. Расплывчатые очертания. Его переворачивали туда-сюда, швыряли, как мешок с мукой.

— О'кэй, — сказал Фаулер наконец. — Обмойте это.

Снова длительное молчание. Он тупо глядел на стену, на чуть выцветшие голубовато-розовые обои. Старый рисунок, изображавший женщину в кринолине, с легким зонтиком над изысканной прической. Белая блузка с обор-

ками, носки крохотных туфелек. Удивительно чистый щенок рядом с ней.

Затем его повернули еще раз, лицом вверх. Пять призраков стонали и корчились над ним. Их руки то и дело взлетали, мускулы скрипели под рубашками. Наконец они выпрямились и отошли. Фаулер вытер пот с лица; все были в изнеможении.

— Давайте, — проскрипел Фаулер. — Включайте.

Удар потряс его. Он жадно глотнул воздух. Его тело выгнулось, затем медленно осело. Его тело. Он мог чувствовать его. Сделал пробные движения руками, коснулся лица, плеча, стены. Стена была реальная и твердая. Сразу же мир снова стал трехмерным.

— Слава Богу, — с облегчением вздохнул Фаулер, как бы осев. — Как вы себя чувствуете?

После краткой паузы он ответил:

— Все в порядке.

Фаулер попросил остальных членов бригады оставить их. Грин топтался в углу.

Фаулер сел на край постели и раскурил трубку.

— Теперь послушайте меня, — начал он. — У меня плохие новости, и я хочу о них сообщить, как вы всегда настаивали... откровенно.

— Что же? — требовательно спросил он. И попытался двинуть конечностями.

Но он уже знал.

Под глазами Фаулера легли темные круги. Он был небрит. Лицо с квадратным подбородком осунулось и выглядело нездоровым.

— Мы всю ночь провели на ногах, работая над вашей двигательной системой. Мы привели ее в порядок, но это не надолго. Не более, чем на несколько месяцев. Все приходит в негодность. Основные части не могут быть заменены. Когда они изнашиваются, их не починить. Мы можем припаять реле и провода, но не в состоянии сделать синапсические катушки. Их умели делать лишь несколько человек, но они умерли более двухсот лет назад. Если катушки перегорят...

— Есть ли какие-либо изменения в катушках? — перебил он.

— Еще нет. Только в районе двигателя. Но то, что произошло с вашими ногами, может случиться и с руками

и, в конце концов, со всей двигательной системой. Вы будете парализованы к концу года. Будете видеть, слышать и думать. И передавать сообщения. Но это все.

Помолчав, он добавил.

— Извините, Борс. Мы делаем все, что можем.

— Хорошо, — согласился Борс. — Прощаю вас. Благодарю за искренность. Я догадывался.

— Вы готовы спуститься к людям? Накопилось множество проблем. Они терпеливо ожидают вас.

— Пошли.

Он с усилием напряг свой мозг и сосредоточился на неотложных проблемах.

— Я хочу, чтобы была ускорена исследовательская программа по тяжелому металлу. Она, как обычно, затягивается. Я намереваюсь снять часть людей с других работ и перебросить их на генераторы. Уровень воды скоро упадет. Я хочу запустить питающую энергию по линиям снабжения, пока она еще есть. Как только я упускаю что-либо из виду, все начинает разваливаться.

Фаулер подал знак Грину, и тот быстро подошел. Вдвоем они склонились над Борсом, кряхтя от напряжения, подняли его и повели к двери. Затем — вниз по коридору и наружу.

Здесь они поместили его в приземистую металлическую машину, маленький грузовичок. Его отполированная поверхность резко контрастировала с внутренностями: изнутри было заметно, что корпус деформирован, металл во многих местах покрыт пятнами коррозии. Машина из архаичной стали и пластика заворчала, когда мужчины прыгнули на переднее сиденье и автомобиль покатил по главной дороге.

* * *

Эдвард Толби вытер пот со лба, поправил рюкзак за плечами и, подтянув оружейный пояс, выругался.

— Папа, — упрекнула его Сильвия. — Прекрати, пожалуйста.

Толби яростно сплюнул в траву на обочине. Затем обнял дочь.

— Извини, Сильви. Я не хотел никого обидеть. Проклятая жара.

Поднимавшееся утреннее солнце ярко освещало унылую, пыльную дорогу. Облака пыли поднимались вокруг от их медленного движения. Они были страшно вымотаны. Лицо Толби побагровело и распухло. Незажженная сигарета свешивалась из уголка рта. Его большое, сильное тело упрямо наклонялось вперед. Хлопчатобумажная рубашка его дочери прилипла к рукам и груди, потемнев от пота на спине. Она еле переставляла ноги, обтянутые джинсами.

Роберт Пенн плелся чуть сзади них, держа руки в карманах и не отрывая глаз от дороги. Он ни о чем не думал, оглушенный двойной дозой гексобарба, которую он принял в последнем лагере Лиги. Жара его убивала.

По обеим сторонам дороги расстилались поля, травяные и камышовые пастбища, отдельные группки деревьев. Разрушенный фермерский дом. Древние, двухсотлетней давности, останки бомбоубежища... Иногда попадалась грязная овца.

— Овца, — констатировал Пенн. — Они съедают всю траву вокруг. Она уже не вырастет.

— Теперь он фермер, — обратился Толби к дочери.

— Папа, — сверкнула глазами Сильвия. — Не будь таким мерзким.

— Это из-за жары, — Толби снова выругался, громко и тщательно. — Все дело не стоит того. За десять пинксов я вернусь назад и скажу им, что было много свиного пойла.

— Может быть, и так, — мягко согласился Пенн.

— Хорошо, ты возвращаешься, — проворчал Толби. — Ты возвращаешься и говоришь им, что это было свиное пойло. Они наградят тебя медалью. Может, повысят в чине.

Пенн засмеялся.

— Замолчите вы, оба. Впереди какой-то городок.

Массивное тело Толби выпрямилось.

— Где?

Ладонью он прикрыл глаза от солнца.

— Ей богу, она права. Деревня. И это не мираж. Видите, а?

К нему вернулось хорошее настроение, он потер ладони.

— Что сказать, Пенн? Пара кружек пива, несколько партий в дартс с местными селянами — может быть, мы

сможем там переночевать? — Он облизал толстые губы в предвкушении всех удовольствий сразу. — Некоторые из деревенских девчонок любят околачиваться возле лавчонок с грогом...

— Мне известен тот сорт девчонок, который вы имеете в виду, — откликнулся Пенн. — Те, что устали от безделья. Хотят встретить какого-то парня, который купит им фабричную одежду.

Стоявший у дороги фермер с любопытством наблюдал за ними. Он остановил свою лошадь и оперся о грубый плуг, сдвинув шляпу на затылок.

— Что это за город? — крикнул Толби.

Фермер немного помолчал. Он был тощим и изможденным стариком.

— Город? — повторил он, всматриваясь в незнакомцев.

— Да, впереди.

— Это прекрасный город, — начал фермер. — Вы уже бывали здесь прежде?

— Нет, сэр, — ответил Толби. — Никогда.

— Экипаж сломался?

— Нет, мы путешествуем пешком.

— Издалека идете?

— Уже почти сто пятьдесят миль.

Фермер оценивающим взглядом рассматривал тяжелые ранцы у них на спинах. Окованные туристские ботинки. Пыльную одежду и усталые, потные лица. Посохи из айронита.

— Да, долгий путь, — наконец отметил он. — Куда же вы направляетесь?

— Путешествуем до тех пор, пока нам не надоест, — ответил Толби. — Есть ли здесь место, где мы можем остановиться? Гостиница? Кабачок?

— Этот город, — пояснил фермер, — зовется Ферфакс. В нем есть одна из лучших в мире лесопилок. Пара гончарных мастерских. Место, где можно купить одежду, сшитую машинами. Кроме того, оружейный магазин, где отливают лучшие пули по эту сторону Скалистых гор. И пекарня. Здесь также живут старый доктор и адвокат. И несколько человек с книгами, чтобы учить детей. Они пришли сюда лечить туберкулез, и переделали старый барак под школу.

— А велик ли город? — поинтересовался Пенн.

— Масса людей. Старики умирают, дети умирают. В прошлом году у нас была лихорадка. Умерло около ста детей. Доктор сказал, что она появилась из водной скважины. Мы закрыли ее, а дети все равно умирали. Доктор сказал, что виновато молоко. Увели половину коров. Свою я не дал. Я вышел сюда с ружьем и застрелил первого, пришедшего увести мою корову. Когда пришла осень, дети перестали умирать. Думаю, все из-за жары.

— Конечно, из-за жары, — поддержал его Толби. — Да, здесь всегда жарко. Воды всегда не хватает.

— Вы, парни, хотите пить? Юная леди выглядит довольно усталой. Под домом у меня есть несколько бутылей с водой. В грязи. Приятная и холодная. — Он заколебался. — Пинкс за стакан.

Толби засмеялся.

— Нет, благодарим.

— Пинкс за два стакана, — предложил фермер.

— Не интересуемся, — ответил Пенн. Он похлопал по своей фляжке и все трое снова двинулись в путь. — Пока.

Лицо фермера ожесточилось.

— Проклятые чужаки, — пробормотал он в сердцах и вернулся к пахоте.

Город молчаливо изнывал от жары. Мухи жужжали, облепив бока очумелых лошадей, привязанных к колеям. Несколько автомобилей стояли, припаркованные. Люди бесшумно двигались по тротуарам. Пожилые, исхудалые мужчины дремали на порогах домов.

Собаки и цыплята спали в тени. Домики были небольшие, деревянные, сколоченные из досок, накренившиеся от старости, покореженные временем и непогодой. Всюду лежала пыль. Толстое одеяло сухой пыли лежало на стенах домов, унылых лицах мужчин и женщин. Двое исхудавших мужчин обратились к ним через открытую дверь.

— Кто вы? Что вам нужно?

Они остановились и достали свои документы. Мужчины просмотрели зашитые в пластик удостоверения личности, фотографии, отпечатки пальцев, даты. В конце концов вернули их обратно.

— А, — кивнув, спросил один из мужчин, — вы на самом деле из Лиги анархистов?

— Совершенно верно, — подтвердил Толби.

— И девушка? — мужчины жадными глазами разглядывали Сильвию. — Вот что мы скажем. Оставьте нам девушку на время, и мы избавим вас от подушного налога.

— Не дурачьте меня, — проворчал Толби. — С каких это пор платят подушный или любой другой налог? — Он нетерпеливо устремился мимо них. — Где здесь лавчонка с грогом? Я умираю!

Слева они увидели двухэтажное белое здание. Толпившиеся у его входа мужчины с растерянным видом наблюдали за ними.

Пенн направился туда, за ним последовал Толби.

Выцветшая, облупившаяся вывеска возвещала: "Вино и пиво на разлив".

— То что нужно! — констатировал Пенн и провел Сильвию внутрь по ступенькам мимо сидевших на них мужчин.

Толби последовал за ними, с удовлетворением освобождаясь от лямок вещмешка.

Внутри было прохладно и сумрачно. У стойки бара сгрудились несколько мужчин и женщин, остальные сидели за столиками. Юнцы у стены играли в угадайку, хлопая своего товарища, стоявшего к ним спиной. Механическая гармоника хрипела что-то в углу. Изношенная до предела, уже пришедшая в негодность машина, функционировала с перебоями. За стойкой бара бездарный труженик подмостков создавал и разрушал смутные фантасмагории — морские пейзажи, горные пики, снежные долины, высокие холмы, обнаженную женщину, возвысившуюся, а потом растаявшую в одной из громадных грудей. Тусклые, неясные процессии, которых никто не замечал и на которые никто не обращал внимания. Покрытие стойки из невообразимо древнего пластика было все в пятнах и трещинах. Его антикоррозионная обшивка с внешней стороны стерлась. Миксер давно уже рассыпался вдребезги. Подавали только вино и пиво. Ни один из живущих в городе не знал, как нужно смешивать напитки.

Толби направился к бару.

— Пива, — заказал он. — Три пива.

Пенн с Сильвией устало опустились на стулья у стола и снимали свои рюкзаки, в то время как бармен наливал Толби три кружки густого, темного пива. Толби показал свое удостоверение и принес кружки на стол.

Юнцы у стены прекратили игру. Они наблюдали, как трое пришедших потягивали пиво и расшнуровывали походные ботинки. Через некоторое время один из них нерешительно подошел.

— Скажите, вы из Лиги?

— Верно, — полусонно подтвердил Толби.

Все вокруг внимательно наблюдали и слушали. Юнец сел напротив них, его товарищи возбужденно собрались вокруг. Загоревшие и мускулистые городские подростки, одуревшие от скуки. Их глаза впились в посохи из айронита, револьверы, тяжелые, обитые металлом, башмаки. Тихий шепот пронесся среди них. Им было лет по восемнадцать.

— Как вы в нее попали? — внезапно спросил один из них.

— В Лигу? — Толби откинулся на стуле, громко отрыгнул, нашарил спички в кармане и закурил. Он расстегнул пояс, и уселся поудобнее. — Нужно сдать экзамен.

— А что для этого нужно знать?

Толби пожал плечами.

— Все обо всем.

Он снова отрыгнул и задумчиво поскреб себе грудь меж двух пуговиц. Он ощущал внимание окружающих людей. Маленький старик с бородкой, в очках с роговой оправой. За другим столом — огромный человек-бочка в красной рубахе и синих в полоску брюках. Молодежь, фермеры. Негр в грязной белой рубашке и брюках, с книгой под мышкой. Блондинка с тяжелым подбородком, видневшемся из-под вуали, с розовыми ногтями, в туфлях на высоких каблуках и туго облегавшем желтом платье. Рядом — седой бизнесмен в темно-коричневом костюме. Высокий молодой человек, сжимавший руки юной черноволосой девушки с огромными глазами в белой блузке и юбке, ее маленькие босоножки валялись под столом. Голые, загорелые ноги были сплетены, и всем своим стройным телом она подалась вперед, заинтересованная.

— Вы же знаете, — неторопливо начал Толби, — как Лига была сформирована. Знаете, что в тот день мы сбросили правительство. Мы свергли его и разогнали. Сожгли все здания. И все записи. Миллиарды микрофильмов и бумаг. Огромные костры, горевшие неде-

лями. И толпы маленьких белых существ, выплескивавшихся из разрушенных нами зданий.

— Вы убивали их? — спросил человек-туша, плотоядно скривив губы.

— Мы им дали уйти, они были не опасны. Они разбежались и забились в норы под скалами. — Толби рассмеялся. — Смешные, маленькие насекомые. После этого мы вошли и собрали все пластинки и все оборудование для изготовления записей. Клянусь Богом, мы сожгли все.

— И роботов, — сказал один из юнцов.

— Да, мы уничтожили всех правительственных роботов. Их было не так уж и много. Их использовали только тогда, когда надо было интегрировать множество фактов.

Глаза юноши чуть не вылезли из орбит.

— Вы их видели? Вы были там, где разбивали роботов?

Пенн засмеялся.

— Толби имеет в виду Лигу. Это было двести лет назад.

Юноша нервно оскалился.

— Да, да. Расскажите нам о маршах.

Толби опустошил кружку и поставил ее на стол.

— Пива.

Кружка была тут же наполнена. Он пробурчал слова благодарности и продолжил вялым от усталости голосом.

— Марши. Вот это действительно была вещь. Во всем мире люди собирались вместе, бросая все, чем занимались.

— Это началось в Восточной Германии, — вмешалась блондинка с тяжелым подбородком. — Бунты.

— Потом это перекинулось на Польшу, — робко вставил негр. — Мой дедушка часто рассказывал, как все сидели у телика и слушали. А ему об этом рассказывал его дедушка. Потом движение охватило Чехословакию, затем Австрию, Румынию и Болгарию. А затем и Францию с Италией.

— Франция была первой, — вдруг громко воскликнул маленький, седой старичок в очках и с бородкой. — Она жила целый месяц без правительства. Люди поняли, что они могут жить без правительства!

— Все началось с маршей и погромов правительственных учреждений, — уточнила черноволосая девушка, — огромными толпами неорганизованных рабочих.

— Россия и Америка были последними, — продолжал Толби. — Когда начался марш на Вашингтон, нас было около двадцати миллионов. Это были великие дни. И когда мы, наконец, двинулись, они не смогли нас остановить.

— Многих они застрелили, — добавила блондинка.

— Конечно. Но люди продолжали идти. И кричали солдатам: "Эй, Билл! Не стреляй!", "Эй, Джек! Это я, Джо!", "Не стреляйте, ведь мы ваши друзья!", "Не убивайте нас, присоединяйтесь к нам!" И клянусь Богом, через некоторое время так и произошло. Они не смогли стрелять в собственный народ. В конце концов они бросили оружие и ушли с нашего пути.

— И тогда вы нашли укрытие, — почти беззвучно произнесла маленькая, черноволосая девушка.

— Да, мы нашли укрытие. Шесть. Три в Америке, одно в Британии и два в России. Десять лет мы искали последнее место — и будьте уверены, это было последнее место.

— И что потом? — спросил юнец с выпученными глазами.

— Потом мы все их взорвали. — Толби с трудом поднял свое массивное тело, зажав в кулаке кружку. Тяжелое лицо полыхнуло темно-красным. — Все проклятые атомные бомбы во всем мире.

* * *

Последовала напряженная пауза.

— Да, — прошептал юнец. — Кажется, вы позаботились об этих воинственных людях.

— Их больше нет, — произнес человек-бочонок. — Они ушли навсегда.

Толби погладил свой айронитовый посох.

— Может быть. А может быть, и не так. Как раз здесь могло остаться несколько.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался толстяк.

Толби поднял тяжелые, серые глаза.

— Пора вам, наконец, прекратить дурачить нас. Вы чертовски хорошо знаете, что я имею в виду. Ходят слухи, что где-то поблизости отсюда скрывается стайка.

На лицах у всех появилось выражение удивления, затем возмущения.

— Это ложь! — зарычал человек-бочонок.

Старичок в очках вскочил на ноги.

— Никто из нас не имеет ничего общего с правительством! Мы все честные люди.

— Вы не правы, — мягко укорил Толби один из юнцов. — Местный люд не любит необоснованных обвинений.

Толби чуть приподнялся, сжав свой айронитовый посох. Пенн встал с ним рядом.

— Если кто-нибудь из вас что-то знает, — обратился Толби к толпе, — лучше скажите. Сейчас.

— Никто ничего не знает, — заявила блондинка с тяжелым подбородком. — Вы говорите с честными людьми.

— Верно, — кивнул негр. — Никто здесь ничего плохого не делает.

— Вы спасли наши жизни, — добавила черноволосая девушка. — Если бы вы не свергли правительства, мы бы все погибли во время войны. Зачем же нам поддерживать их?

— Верно, — пробурчал толстяк. — Нас бы не было в живых, если бы не Лига. Неужели вы думаете, что мы выступим против Лиги?

— Идем, — сказала Сильвия отцу.

— Пошли, — она поднялась и подтолкнула рюкзак Пенну.

Толби воинственно заворчал и медленно поднял свой рюкзак. В комнате воцарилась гробовая тишина. Все замерли, наблюдая, как трое собрали свои вещи и двинулись к выходу.

Миниатюрная черноволосая девушка остановила их.

— Следующий город в тридцати милях отсюда.

— Дорога заблокирована, — объяснил ее высокий спутник. — Несколько лет назад ее перерезали оползни.

— Почему бы вам не переночевать на нашей ферме? У нас много комнат. Вы сможете отдохнуть и отправиться завтра утром.

— Нам не хочется быть обманутыми, — пробормотала Сильвия.

Толби и Пенн переглянулись, затем глянули на девушку.

— Если вы уверены, что ... мы вас не стесним...

Человек-бочонок подошел к ним.

— Послушайте, у меня есть десять желтых слипов. Я хочу подарить их Лиге. В прошлом году я продал свою

ферму и больше они мне не нужны. Я живу со своим братом и его семьей. — Он протянул Толби деньги. — Вот.

Тот сделал протестующий жест.

— Держите их при себе.

— Сюда, — пригласил высокий юноша, когда они спустились по просевшим ступеням в сплошную пелену жары и пыли. — У нас есть автомобиль. Вон там. Старый автомобиль, на бензине. Мой отец сделал так, что он бегает на нефти.

— Вы должны были взять слипы, — сказал Пенн Толби, когда они влезли в древний, помятый автомобиль.

Вокруг них жужжали мухи. В автомобиле было жарко, как в бане — они едва могли дышать. Сильвия сделала себе подобие веера из свернутой бумаги, черноволосая девушка расстегнула блузку.

— Зачем нам деньги? — искренне рассмеялся Толби. — За всю свою жизнь я никогда ни за что не платил. И вы тоже!

Автомобиль дрогнул и медленно начал выползать на дорогу. Затем стал набирать скорость. Мотор натужно рычал. Вскоре они уже мчались на достаточно большой скорости.

— Видели их? — голос Сильвии еле перекрывал грохот. — Они отдали бы нам все, что у них есть. Мы спасли их жизни.

Она указала на поля фермеров и их тощую скотину, высохшие злаки, старые, осевшие дома.

— Все они умерли бы, если бы не было Лиги. — Она с раздражением прихлопнула муху. — Они обязаны нам.

Черноволосая девушка обернулась к ним, когда автомобиль устремился по разбитой дороге. Струйки пота змеились по ее загорелой коже. Полуприкрытая грудь вздрагивала в такт движению автомобиля.

— Меня зовут Лаура Дэвис. Мы с Питом живем на старой ферме, которую его отец отдал нам, когда мы поженились.

— В вашем распоряжении будет весь нижний этаж, — добавил Пит. — Электричества нет, зато есть большой камин. Ночи здесь холодные. Днем жарко, но с заходом солнца становится ужасно холодно.

— Все будет хорошо, — пробормотал Пенн.

От тряски у него появилось легкое головокружение.

— Да, — согласилась девушка, и ее черные глаза сверкнули; алые губы скривились, она наклонилась к Пенну, ее маленькое лицо осветилось каким-то странным светом. — Да, мы позаботимся о вас.

В это мгновение автомобиль резко свернул с дороги. Сильвия вскрикнула. Толби скользнул вниз, зажав голову меж колен и свернувшись в клубок. У Пенна позеленело в глазах. Затем последовала головокружительная пустота, когда автомобиль нырнул вниз. Удар! Ревущий скрежет заполнил все. Титанический взрыв яростно подхватил Пенна. И наступила тьма.

* * *

— Опустите меня на эти поручни, прежде чем я войду внутрь, — приказал Борс.

Бригада опустила его на бетонную поверхность и прикрепила магнитными защелками. Мужчины и женщины спешили по широким ступенькам массивного здания — главного офиса Борса.

Вид этих ступенек радовал Борса. Ему нравилось останавливаться здесь и оглядывать свой мир. Цивилизацию, которую он заботливо сконструировал. Год за годом добавлял по кусочку с усердием и тщательностью.

Его мир был невелик. Долина, окруженная темно-фиолетовыми холмами, представляла собой чашу с ровным дном. За холмами начинался обычный мир. Выжженные поля. Разрушенные, заселенные бедняками, города. Пришедшие в упадок дороги. Убогие домишки фермеров. Вышедшие из строя автомобили и оборудование. Изможденные люди, уныло плетущиеся в домотканных одеждах и лохмотьях. Он видел внешний мир. Он знал, как тот выглядит. На линии холмов заканчивались пустые лица, болезни, высохшие злаки, грубые плуги и примитивные орудия.

Здесь, внутри кольца холмов, Борс построил точную и детализированную копию общества, исчезнувшего двести лет назад. Мира, каким он был во времена правительств, мира, поверженного Лигой анархистов.

Подробная информация о том мире содержалась в его пяти синапсических катушках. В течение двух веков он тщательно восстанавливал этот мир, создавал миниатюрные общества, блиставшие и шумевшие вокруг него. Дороги, здания, дома, промышленность умершего мира, все фрагменты прошлого, построены его собственными руками, его металлическими пальцами, его мозгом.

— Фаулер, — позвал Борс.

Фаулер подошел. Он выглядел измученным. Глаза были воспаленные и красные.

— Что случилось? Вы хотите войти внутрь?

Над их головами прогрохотал утренний патруль. Цепочка черных точек на фоне солнечного, безоблачного неба. Борс с удовлетворением заметил:

— Что за зрелище!

— Пора, — заметил Фаулер, глянув на часы.

Справа от них, между зелеными холмами вдоль шоссе, шла колонна танков. Блестели дула орудий. За ними маршировали пехотинцы, их лица были скрыты масками противогазов.

— Я думаю, — произнес Борс, — что не очень мудро и дальше доверять Грину.

— Почему, черт возьми, вы говорите это?

— Каждые десять дней я не действую. Поэтому ваша бригада может видеть, какой ремонт необходим, — озабоченно сказал Борс. — Я совершенно беспомощен в течении двенадцати часов. Грин заботится обо мне. Пока все в порядке. Но...

— Но что?

— Мне кажется, что в войсках должно быть больше охраны. Слишком большое искушение может возникнуть у кого-нибудь.

Фаулер хмыкнул.

— Сомневаюсь в этом. Что говорить обо мне? Моя обязанность осматривать вас. Я легко мог бы подключить несколько проводов. Послать заряд через ваши синапсические катушки и вывести их из строя!

Борс в бешенстве развернулся, затем сдался:

— Верно. Вы могли бы это сделать.

Через мгновение он спросил:

— Но что бы это вам дало? Вы знаете, что я единственный, кто способен удерживать общество от раз-

вала. Я единственный, кто знает, как спасти плановое хозяйство от беспорядочного Хаоса! Если меня не станет, все это погибнет, и у вас останутся пыль, руины и сорняки. Тот, внешний мир, ворвется сюда и все захватит!

— Конечно. Так к чему же беспокоиться о Грине?

Внизу прогрохотали грузовики с рабочими. Мужчины в зелено-голубоватых рубашках с закатанными рукавами, с орудиями труда. Группа шахтеров, отправлявшихся в горы.

— Внесите меня внутрь, — резко бросил Борс.

Фаулер позвал Маклина. Они подняли Борса и внесли его в здание, затем направились вниз по коридору, в офис. Чиновники и техники с почтением уходили с дороги при виде огромного, изъеденного ржавчиной, бака.

— Все в порядке, — нетерпеливо бросил Борс. — Все свободны.

Фаулер и Маклин оставили роскошный офис с шикарными коврами, мебелью и драпировками, с полками, забитыми книгами.

Борс уже склонился над своим письменным столом, разбирая горы донесений и бумаг.

Фаулер покачал головой, когда они шли по холлу.

— Он уже долго не протянет?

— Моторная система? Мы не можем усилить...

— Нет. Я имею в виду другое. Он разрушается в области мозга. Он уже не выдерживает напряжения.

— Как и все мы, — пробормотал Маклин.

— Управление всем этим легло тяжелым бременем на него. Ведь он знает, что как только он умрет, все начнет трещать по швам. Колоссальная работа — пытаться поддерживать развитие образцового мира в полной изоляции.

— Он уже давно умирает, — сказал Маклин.

— Рано или поздно мы столкнемся с этой ситуацией, — размышлял Фаулер, мрачно проводя пальцами по лезвию большой отвертки. — Он уже износился. Рано или поздно кто-нибудь вмешается. Так как он продолжает разлагаться... Один перепутанный провод...

Он засунул отвертку обратно за пояс, где были плоскогубцы, молоток и паяльник.

— О чем ты?

Фаулер засмеялся.

— Он заставит меня сделать это. Один перепутанный провод — и пуффф! Но что потом? Это большой вопрос.

— Может быть, — мягко заметил Маклин, — тогда мы с тобой сможем оставить эту крысиную возню. Ты, я, все остальные. И жить как люди.

— Крысиная возня, — прошептал Фаулер. — Крысы, бегающие в лабиринте. Делающие фокусы в ответ на понукания, задуманные кем-то.

Маклин перехватил взгляд Фаулера.

— Кем-то из другого вида.

* * *

Толби попытался повернуться. Тишина. Что-то капало. Его придавила балка. Он был со всех сторон зажат в искореженном автомобиле. И висел головой вниз. Автомобиль лежал на боку за дорогой в овраге, зажатый между двумя деревьями. Изогнутые стойки и искореженный металл вокруг. И тела.

Толби рванулся из последних сил. Балка поддалась и ему удалось сесть. Ветка дерева пробила лобовое стекло. Черноволосая девушка, все еще обернувшаяся к заднему сидению, была прошита ею насквозь. Ветка, пробив ее спину и грудь, вошла в спинку сидения, и она вцепилась в нее обеими руками. Голова ее свесилась, рот полуоткрылся. Мужчина возле нее также был мертв. Руки его отрезало лобовое стекло. Бесформенной, окровавленной кучей он лежал среди остатков приборной панели.

Шея у Пенна была сломана, как гнилая ручка метлы. Толби отодвинул его труп в сторону и осмотрел свою дочь. Сильвия не шевелилась. Приложив ухо к ее груди, он прислушался. Она была жива — сердце слабо билось. Грудь едва подымалась и опускалась.

В том месте на ее руке, где сочилась кровь, он наложил повязку. Она вся была в порезах и царапинах, одна нога подвернулась, явно сломанная. Волосы в крови, одежда изорвана. Но она была жива. Он толкнул согнутую дверь и вывалился из машины. Огненный язык послеполуденного

солнца лизнул его, и он заморгал. Затем стал вытаскивать ее из машины.

Послышался какой-то звук.

Толби замер, взглянув вверх. Что-то приближалось. Жужжащее насекомое, которое быстро снижалось. Он оставил Сильвию и припал к земле, осмотрелся и неуклюже двинулся вниз по оврагу.

Он скользил, падал и катился среди зеленых ветвей и бесформенных серых валунов. Стиснув револьвер, задыхаясь, Толби лег в тени, вглядываясь вперед и хватая ртом воздух.

Насекомое приземлилось. Маленький, реактивный самолет.

Зрелище поразило его. Он слышал о реактивных самолетах, видел их фотографии. Был проинструктирован на исторических курсах в лагерях Лиги. Но увидеть реактивный самолет своими глазами!..

Из него высыпали солдаты. В униформе. Они развернулись цепью вдоль дороги и, слегка пригнувшись, начали пробираться к месту аварии. У них в руках были тяжелые винтовки. Достаточно профессионально они сняли дверь автомобиля и забрались внутрь.

— Один ушел, — донеслось до него.

— Должен быть где-то поблизости.

— Взгляни, этот живой! Это женщина. Начала выбираться. Все остальные мертвы.

Яростное проклятие.

— Чертова Лаура! Она должна была выпрыгнуть! Маленькая, фанатичная дурочка!

— Может быть, у нее не было времени. Боже праведный, этот сук прошил ее насквозь.

Ужас и отвращение.

— Мы не сможем освободить ее.

— Оставьте ее. — Офицер, руководивший ими, взмахнул рукой, отзывая мужчин от автомобиля. — Оставьте их всех!

— Что делать с раненой?

Вожак заколебался.

— Надо ее добить, — наконец решил он.

Он взял винтовку и поднял приклад.

— Остальным рассыпаться в цепь и попытаться схватить ушедшего. Он, вероятно...

Толби выстрелил, и офицер сложился вдвое. Нижняя часть его тела медленно заскользила вниз, верхняя разлетелась на куски. Толби перевернулся и начал стрелять, крутясь. Прежде, чем остальные в панике отступили к реактивному самолету и захлопнули люк, ему удалось застрелить еще двоих.

На его стороне было преимущество внезапности. Теперь оно исчезло. Их было больше — он был обречен. Насекомое уже поднялось в воздух. Они легко смогут засечь его сверху. Но он должен был спасти Сильвию. В этом состояла его главная задача.

Толби спустился вниз на сухое дно оврага. Он бежал без цели; ему некуда было идти. Он не знал местности, а пешком далеко не уйдешь. Поскользнувшись, он упал головой вниз. Боль и темнота. Он привстал на коленях. Револьвер исчез. Вместе с кровью он выплюнул несколько выбитых зубов. Толби дико уставился в пылающее послеполуденное небо.

Жужжа, насекомое удалялось к далеким холмам. Оно уменьшилось, стало черной точкой, мушкой, а затем исчезло.

Толби подождал еще минуту, затем начал пробираться по оврагу к разбитому автомобилю. Они улетели за помощью и вскоре вернутся. У него оставался единственный шанс. Если ему удастся оттащить Сильвию вниз по дороге в укрытие. Может быть, к ферме. Назад, к городу.

Толби добрался до машины и застыл, изумленный и окаменелый. В машине по-прежнему оставалось три тела — два на переднем сиденьи и Пенн на заднем. Но Сильвия исчезла.

Они забрали ее с собой. Туда, откуда прилетели. Ее тащили к насекомому с реактивным двигателем — следы крови вели от автомобиля вверх, к кромке оврага.

Содрогнувшись от ярости, Толби пришел в себя. Он залез в машину и снял револьвер Пенна с пояса. Посох Сильвии из айронита лежал на сидении. Он взял и его. Затем Толби пошел вниз по дороге, медленно и с опаской. Он нашел то, за чем их послали: мужчин в униформе, мрачно думал Эдвар. Они были организованны и охраняли

центральн ую власть. В новом, только собранном реактивном самолете.

За холмами было правительство.

* * *

— Сэр, —— окликнул его Грин.

Он озабоченно пригладил свои короткие, белесые волосы, его юное лицо исказилось. Повсюду толпились горожане, техники и эксперты. Командиры были заняты повседневной рутинной работой. Грин протиснулся сквозь толпу к столу, где сидел Борс, поддерживаемый двумя магнитными стойками.

— Сэр, — снова произнес Грин. — Что-то случилось.

Борс поднял глаза, оттолкнув пластину из металлической фольги, и положил стило. Его глазные яблоки задергались, где-то глубоко внутри туловища взвыл мотор.

— Что же?

Грин подошел ближе. На его лице было выражение, которого Борс никогда прежде не видел. Выражение страха и мрачной решительности. Остекленевший, фанатичный взгляд, будто его плоть превратилась в камень.

— Сэр, разведчики вошли в контакт с группой из Лиги, двигавшейся к северу. Они встретили их у Фэрфакса. Инцидент произошел сразу же за первым препятствием на дороге.

Борс молчал. Со всех сторон чиновники, эксперты, фермеры, рабочие, промышленники, солдаты, всевозможный люд, все разговаривали, бормотали и нетерпеливо протискивались вперед, пытаясь добраться до стола Борса. Отягощенные грузом проблем, требовавших разрешения. Повседневный груз забот... Дороги, фабрики, медицинский контроль. Ремонт. Строительство. Производство. Координация и планирование. Чрезвычайные проблемы, которые Борсу необходимо было срочно рассмотреть и решить. Проблемы, которые нельзя было отложить на более поздний срок.

— Уничтожена ли группа Лиги? — спросил Борс.

— Один член убит. Один ранен и доставлен сюда. — Грин поколебался. — Один сбежал.

Борс довольно долго молчал. Вокруг него сновали и бормотали люди, но он их не замечал. Он тотчас притянул видеосканер и захватил открытый канал.

— Один сбежал? Эти слова мне не нравятся.

— Он застрелил троих наших разведчиков, включая командира отряда. Остальные перепугались. Они захватили раненую девушку и возвратились.

Борс поднял массивную голову.

— Они совершили ошибку. Им следовало засечь того, кто сбежал.

— Они впервые столкнулись с такой ситуацией.

— Знаю, — сказал Борс. — Но лучше было не трогать их вовсе, чем взять двоих и позволить третьему уйти. — Он повернулся к видеосканеру. — Дайте сигнал тревоги. Закройте фабрики. Вооружите рабочие команды и всех фермеров, умеющих держать оружие. Перекройте все дороги. Женщин и детей в подземные убежища. Подвезти тяжелые пушки и боеприпасы. Приостановить выпуск всей невоенной продукции и... — Он подумал. — Арестовать всех, кто находится под подозрением. Расстрелять всех, кто находится в списке "Ц".

Он оттолкнул сканер.

— Что это будет? — спросил потрясенный Грин.

— То, к чему мы готовились. Тотальная война.

— У нас есть оружие! — ликующе воскликнул Грин. — В течение часа здесь будет десять тысяч человек, готовых сражаться. У нас есть реактивные самолеты и тяжелая артиллерия. Бомбы. Бактериологическое оружие. Что такое Лига? Масса людей с рюкзаками на плечах!

— Да. Масса людей с рюкзаками на плечах, — повторил вслед за ним Борс.

— Что они смогут сделать? Как может организоваться толпа анархистов? У них нет структуры, контроля, нет центральной власти.

— В их руках весь мир. Миллиард человек.

— Индивидуумы! Всего лишь клуб! Свободное членство. У нас же — дисциплинированная организация. Все звенья нашей экономики действуют с максимальной эффективностью. Мы... вы... держим все под контролем. Все, что вам нужно сделать, это отдать приказ. Привести машину в действие.

Борс кивнул.

— Верно. Анархисты не могут координировать свои действия. Лига не может превратиться в организованную структуру. Это и есть парадокс. Правительство анархистов... на самом деле — антиправительство. Вместо того, чтобы править миром, они бродят повсюду, чтобы убедиться, что ими никто не управляет.

— Собака на сене.

— Как ты сказал, это действительно клуб абсолютно неорганизованных индивидуумов. Без законов и центральной власти. Они не составляют общества — они не могут управлять. Все, что они в состоянии делать, это мешать тем, кто пытается что-то построить. Творцы беспорядка. Но...

— Но что?

— Так было и двести лет назад. Они были огромной, безоружной, неорганизованной толпой, без дисциплины и управления. Тем не менее, они свергли все правительства. Во всем мире.

— У нас целая армия. Все дороги заминированы. Тяжелые орудия. Бомбы. Бактерии. Все мы — солдаты. Мы составляем единый, вооруженный лагерь!

Борс о чем-то задумался.

— Ты говоришь, что один из них здесь? Один из агентов Лиги?

— Юная девушка.

Борс сделал знак ближайшей бригаде обслуживания.

— Проводите меня к ней. Я хочу поговорить с ней.

* * *

Сильвия молча наблюдала, как мужчины в униформе что-то вносили в комнату, кряхтя. Они подошли к кровати, составили вместе два стула и заботливо положили на них свой массивный груз.

Затем быстро пристегнули защитные распорки, связали стулья, ввели в действие защелки и слегка отступили.

— Все в порядке, — произнес робот. — Вы свободны.

Мужчины покинули комнату. Борс повернулся к Сильвии.

— Машина, — прошептала она, побелев. — Вы машина!

Борс молча кивнул. Сильвия с трудом приподнялась. Она была слаба. Одна нога — в прозрачной пластиковой

оболочке. Лицо забинтовано, правая рука сильно болела. В окно через шторы пробивалось позднее, послеполуденное солнце. Цветы. Трава. Изгороди... За ними виднелись здания и фабрики.

В течение последнего часа небо было заполнено реактивными аппаратами. Их большие стаи возбужденно сновали между городом и далекими холмами. На дороге гудели автомобили, таща за собой пушки и другое военное снаряжение. Мужчины маршировали плотными колоннами, — одетые в серое солдаты с винтовками, шлемами и противогазами. Бесконечные ряды фигур, одинаковые в своей униформе, словно отштампованные с одной матрицы.

— Их здесь много, — сказал Борс, указывая на марширующих мужчин.

— Да.

Сильвия увидела, как двое солдат пробежали мимо окна. На еще гладких юношеских лицах было выражение тревоги. У пояса болтались каски. Длинные винтовки, фляжки. Счетчики Гейгера. Противогазы. Юнцы чуть старше шестнадцати были перепуганы. За ними следовали другие. Просигналил грузовик. Солдаты присоединились к остальным.

— Они идут сражаться, — продолжал Борс, — за свои дома и фабрики.

— Все это снаряжение... Вы сами его производите, не так ли?

— Совершенно верно. Наша промышленная организация совершенна. Мы абсолютно продуктивны. Наше общество устроено рационально. По-научному. Мы полностью готовы к встрече с подобными чрезвычайными обстоятельствами.

Внезапно Сильвия осознала, что это за чрезвычайные обстоятельства.

— Лига! Один из нас ушел от вас. — Она приподнялась. — И кто же? Пенн или мой отец?

— Не знаю, — бесстрастно сообщил робот.

Сильвия чуть не задохнулась от ужаса и отвращения.

— Мой Бог, — простонала она. — Вы совсем нас не понимаете. Вы руководите людьми, но у вас не может быть сострадания. Вы всего лишь компьютер. Один из старых правительственных роботов.

— Вы правы. Мне двести лет.

Она ужаснулась.

— И вы жили все это время. Мы думали, что уничтожили вас всех.

— Я избежал этой участи. Я был поврежден. Меня не было на месте. Я находился в грузовике, направлявшемся в Вашингтон. Я увидел толпы и сбежал.

— Двести лет назад. Легендарные времена. Вы действительно видели события, о которых нам рассказывают. Давние времена. Великие марши. День, когда пали правительства.

— Да. Я видел все это. Группа приверженцев правительства собралась в Вирджинии. Эксперты, чиновники, опытные рабочие. Позже мы прибыли сюда. Это место находится вдали от проторенных путей.

— К нам доносились слухи о сохранившихся остатках старого строя. Но мы не знали, что происходит, где и как.

— Мне повезло, — пояснил Борс. — Я избежал разрушения благодаря счастливой случайности. Все остальные были уничтожены. То, что вы видите здесь, создавалось долгое время. В пятнадцати милях отсюда находится кольцо холмов. Это чашеобразная долина — со всех сторон горы. Мы блокировали все дороги, придав препятствиям форму природных оползней. Никто здесь не появляется. Даже в Ферфаксе, в тридцати милях отсюда никто ничего не знает.

— А эта девушка, Лаура...

— Разведчица. Мы держим отряды разведчиков во всех населенных районах в радиусе до ста миль. Как только вы вошли в Ферфакс, мы уже о вас знали. Был отправлен воздушный отряд. Чтобы избежать вопросов, мы подготовили вам гибель в автокатастрофе. Но один ваш спутник скрылся.

Сильвия покачала головой.

— Каким же образом вы сохраняете все это? Разве люди не восстают? — спросила она, с трудом заняв сидячее положение. — Они должны знать, что произошло повсюду. Как вы управляете ими? Сейчас они идут в своих униформах. Но будут ли они сражаться? Можете ли вы положиться на них?

Борс медленно ответил.

— Они доверяют мне. Я принес с собой огромный запас информации, утраченной в остальном мире. Есть ли где-нибудь еще на Земле реактивные самолеты и видеосканеры? Я сохранил это знание. У меня есть резервная память, синапсические катушки. И поэтому они имеют все эти вещи. Вещи, о которых вы знаете лишь из туманных воспоминаний, смутных легенд.

— Что произойдет, когда вы умрете?

— Я не умру! Я вечен!

— Вы уже изношены. Вас надо переносить. И ваша правая рука — вы едва можете пошевелить ею! — Голос Сильвии был резок и безжалостен. — Вся ваша оболочка изъедена ржавчиной.

Робот зажужжал, мгновение казалось, что он неспособен говорить.

— Мои знания остаются, — проскрежетал наконец он. — Я всегда буду в состоянии общаться. Фаулер сделал радиосистему. Даже когда я говорю... — Он прервался. — Даже тогда все находится под контролем. Я продумал все аспекты. Я поддерживал эту систему двести лет. Она будет функционировать!

Это произошло в мгновение ока. Носком ботинка она зацепила стулья, на которых покоился робот, яростно толкнула их ногой и руками; стулья поползли, покачнулись...

— Фаулер! — вскрикнул робот.

Сильвия тряхнула еще раз. Жгучая боль пронзила ногу. Она прикусила губу и плечом надавила на ржавую оболочку робота. Он взмахнул руками, яростно зажужжал, а затем два стула медленно разошлись. Робот соскользнул с них на пол и лежал на спине, беспомощно размахивая руками.

Сильвия с трудом, сцепив зубы, сползла с кровати. Она смогла добраться до окна, ее сломанная нога беспомощно волочилась за ней. Робот лежал, похожий на брошенный мешок, размахивая руками, яростно щелкая глазами-линзами, его ржавые механизмы скрежетали.

— Фаулер! — снова вскрикнул он. — Помоги мне!

Сильвия, достигнув окна, вцепилась в задвижки. Они не поддавались. Она схватила со стола лампу и бросила в оконное стекло. Стекло разлетелось рядом с ней — сноп

смертоносных осколков. Она подалась вперед... и в этот момент обслуживающая бригада ворвалась в комнату.

Фаулер задохнулся при виде робота, лежавшего на спине. Странное выражение появилось на его лице.

— Взгляните на него!

— Помоги мне! — снова вскрикнул робот. — Помоги мне!

Один из мужчин схватил Сильвию за талию и потащил ее назад к кровати. Она отбивалась и кусалась, вцепившись ногтями в щеку мужчины. Он бросил ее на кровать лицом вниз и выхватил пистолет.

— Лежать! — задохнулся он от бешенства.

Остальные склонились над роботом, стремясь посадить его в прежнее положение.

— Что случилось? — спросил Фаулер.

Он подошел к кровати с искаженным лицом.

— Он упал?

Глаза Сильвии светились ненавистью и отчаянием.

— Я столкнула его. Я почти добралась. — Грудь ее тяжело вздымалась. — К окну. Но моя нога...

— Отнесите меня обратно в мою резиденцию! — закричал Борс.

Обслуживающий персонал поднял его и отнес вниз в холл, в его личный кабинет.

Спустя несколько мгновений он уже сидел, трясясь, за своим письменным столом, со стучащими внутри механизмами, обложившись бумагами.

Вскоре ему удалось подавить панику, и он попытался приступить к работе. Он должен был управлять. Монитор перед ним ожил. Вся система была в движении. Он с отсутствующим видом наблюдал, как его заместитель посылал облако черных точек, реактивных бомбардировщиков, стартовавших, словно мухи, и быстро исчезавших.

Система должна быть сохранена. Он повторял это снова и снова. Он обязан спасти ее. Должен организовать людей и заставить их ее спасти. А если люди не будут сражаться, не будет ли все обречено? Ярость и отчаяние охватили его. Система не может самасохранить себя; она не была вещью в себе, чем-либо, что могло быть отделено от людей, живущих в ней. В действительности, это был народ. Они

были идентичны. Народ должен сражаться, чтобы сохранить себя, тем самым сохраняя и системы.

Они существовали столько, сколько существовала система.

Он видел марширующие колонны солдат с бледными лицами, направлявшиеся к холмам. Его древние, устаревшие синапсические катушки заискрились и трепетали, пока, наконец, не вернулись в обычное состояние.

Ему было двести лет. Жить он начал очень давно, в другом мире. Этот мир создал его; и благодаря ему этот мир все еще существовал, все еще функционировал, хотя и в миниатюре. Его образцовый универсум, его создание. Его рациональный контролируемый мир, в котором все аспекты полностью организованы, проанализированы и интегрированы. Оазис на пыльной, выжженной планете распада и молчания.

Борс разложил свои бумаги и начал работать над первоочередной проблемой перехода от экономики мирного времени к полной военной мобилизации. Необходима тотальная военная организация всех мужчин, женщин, детей, единиц снаряжения и единиц энергии под его руководством.

* * *

Эдвард Толби осторожно приподнялся. Его одежда превратилась в лохмотья. Он потерял свой рюкзак, продираясь через кустарник и ветки. Лицо и руки кровоточили. Он был полностью истощен.

Внизу под ним была долина. Огромная чаша. Поля, дома, дороги. Фабрики. Механизмы. Автомобили.

Он наблюдал уже три часа. Бесконечные ручейки солдат текли из долины к холмам, по дорогам и тропам. Пешком, в грузовиках, автомобилях, бронемашинах и тягачах. Над ними — скоростные, юркие реактивные истребители и огромные, ревущие бомбардировщики. Сверкавшие корабли заняли позиции над войсками и приготовились к сражению.

К грандиозной битве. Считалось, что ведение крупномасштабной войны сегодня, через двести лет, уже невозможно, что войны канули в лету. Но сейчас оно существовало, это видение из прошлого. Он видел войну на ста-

рых видеозаписях, которые демонстрировались в лагерях Лиги. Таинственная армия-привидение возродилась, чтобы сражаться. Громадная масса орудий и солдат, готовых стрелять и умирать.

Толби осторожно спустился вниз. У подножия склона, усеянного валунами, солдат остановил мотоцикл и настраивал передатчик и антенну. Толби, пригнувшись, умело начал обходить его и оказался сзади. Юнец-блондин нервно копался в груде проводов и реле, облизывая губы и оглядываясь по сторонам. При каждом звуке он хватался за винтовку. Толби глубоко вдохнул. Юнец, склонившись над силовым трансформатором, стоял спиной к нему. Сейчас или никогда!

Одним прыжком Толби достиг мотоцикла, поднял пистолет и выстрелил. Винтовка солдата отлетела в сторону.

— Ни звука, — прохрипел Толби и огляделся.

Поблизости никого не было, главная дорога находилась в полумиле отсюда. Солнце садилось, и тень падала на холмы. Поля, еще недавно зелено-коричневые, стали фиолетовыми.

— Руки за голову, стать на колени, — скомандовал он.

Юнец бесформенной грудой опустился на колени.

— Что вы намерены делать? — Он заметил посох из айронита и побледнел. — Вы агент Лиги!

— Молчать, — приказал Толби. — Прежде всего, расскажи, кто твой командир?

Юнец, запинаясь, выложил все, что знал. Толби внимательно слушал. Он был удовлетворен. Обычная монолитная структура. Как раз то, что он и предполагал.

— Наверху, — вмешался он. — На самой верхушке, кто представляет высшую власть?

— Борс.

— Борс?! — поразился Толби. — Это не имя. Звучит как... — Он понял. — Мы должны были догадаться! Старый правительственный робот. Все еще действующий.

Юнец решил воспользоваться шансом. Он вскочил на ноги и стремглав бросился прочь. Толби поднял пистолет. Пуля попала юнцу в голову. Он упал навзничь и затих. Толби быстро снял с него униформу, оказавшуюся слишком тесной для него. Но мотоцикл был что надо. Он видел их на видеопленках. И когда был маленьким, страстно хотел иметь такой. Небольшой скоростной мотоцикл,

чтобы нестись на нем куда глаза глядят. Теперь он им обладал. Спустя полчаса он уже мчался по ровному широкому шоссе в направлении к центру долины и зданиям, выраставшим на фоне темневшего неба. Его передние фары рассекали темноту. Он все еще вилял из стороны в сторону, но постепенно осваивал мотоцикл. Толби прибавил газу, дорога выстреливала ему навстречу деревья и поля, стога сена, фермерские постройки. Она была забита войсками, спешившими ему навстречу — они двигались на фронт. Леминги, идущие к океану, чтобы утонуть. Тысячи, десятки тысяч, завернутых в металл марионеток. Увешанных револьверами, бомбами, огнеметами. Здесь была только одна неувязка. Им не противостояла никакая армия.

Парадокс! Для ведения войны необходимы две стороны, а возрождена была только одна.

Не доезжая мили до зданий, он свернул с дороги и тщательно припрятал в стоге сена мотоцикл. Какое-то время он раздумывал, оставить ли свой посох из айронита, но, в конце концов, взял его вместе с пистолетом. Он всегда носил свой посох — символ Лиги.

Он представлял союз кочевников-анархистов, пешком патрулировавших по миру, агентство по защите свободного общества. Он перебежками передвигался в темноте к ближайшим зданиям. Мужчин здесь было уже меньше. Женщин и детей вообще не было видно. Впереди была натянута колючая проволока, явно под электрическим напряжением. За ней находились вооруженные до зубов солдаты. Луч прожектора то и дело пересекал дорогу. За ним маячила радарная установка, за ней — мрачные бетонные кубы. Это были огромные правительственные здания.

Наблюдая за прожектором, он вычислил амплитуду его движения. В его свете выступали лица солдат, бледные и перепуганные. Юнцы. Они никогда не сражались. Это был их первый опыт. Когда луч прожектора удалился, он встал и побежал к проволоке. Автоматически часть заграждения отошла в сторону. Двое в форме, поднявшись, неуклюже преградили ему путь штыками.

— Ваши документы! — потребовал один из них. Юные лейтенанты, мальчишки с трясущимися губами. Играющие в солдатиков. Жалость и презрение охватили Толби. Он резко засмеялся и шагнул вперед.

— Прочь с дороги!

Один из них озабоченно включил карманный фонарик.

— Стой, назови пароль на сегодня! — И штыком преградил путь, руки у него тряслись.

Толби опустил руку в карман, мгновенно вытащил пистолет и, когда луч прожектора начал уходить в сторону, выстрелил в обоих. Штыки со звоном упали на землю, а он нырнул вперед. Со всех сторон послышались вопли и заметались неясные фигурки. Поднялась беспорядочная стрельба.

Ночь осветилась. Он бегом обогнул угол, пробежал мимо склада, перелетел лестничный пролет и очутился у громадного здания.

Он вынужден был действовать быстро. Сжав свой айронитовый посох, Толби нырнул в мрачный коридор, стуча башмаками. Сзади за ним в здание ворвались солдаты. Молнии энергии взорвались рядом, и целая секция потолка обрушилась за ним. Он добрался до лестницы и быстро начал подниматься. Оказавшись на следующем этаже, Толби нащупал дверную ручку. Что-то позади него щелкнуло. Он полуобернулся, поднял револьвер...

Ошеломляющий удар заставил его распластаться у стены, револьвер выпал из руки. Призрак наклонился над ним, сжимая винтовку.

— Кто вы? Что вы здесь делаете?

Не солдат. Мужчина со щетиной на подбородке, в грязной рубашке и мятых брюках. Глаза опухшие и красные. Пояс для инструментов: молоточки, плоскогубцы, отвертки.

Толби с трудом поднялся.

— Если бы у вас не было винтовки...

Фаулер отступил чуть назад.

— Кто вы? Рядовым запрещено находиться на этом этаже. Вы это знаете... — тут он увидел посох из айронита. — Ради всего святого! — мягче произнес он. — Вы тот человек, которого они не смогли взять. — Он засмеялся. — Вы тот, кто сумел уйти.

Пальцы Толби сжали посох, но Фаулер мгновенно отреагировал. Дуло винтовки вздрогнуло и очутилось на уровне глаз Толби.

— Полегче, — предупредил Фаулер.

Он слегка повернулся — вверх по лестнице спешили солдаты, громыхая сапогами. Мгновение он колебался, затем махнул винтовкой в сторону лестницы перед ними.

— Вверх, пошли.

Толби моргнул.

— Что...

— Вверх! — Дуло винтовки уткнулось в Толби. — Быстрее!

Сбитый с толку анархист ринулся вверх по лестнице. Фаулер следовал за ним по пятам. На третьем этаже Фаулер резко толкнул его в дверь дулом винтовки, прижатой к спине. Он очутился в коридоре с массой дверей. Бесконечные офисы.

— Идите! — рычал Фаулер. — Туда по холлу. Быстрее!

Толби двинулся, его мысли смешались.

— Какого дьявола вы...

— Я бы никогда не смог сделать этого, — выдохнул Фаулер ему в ухо. — Даже через миллион лет. Но это надо сделать.

Толби остановился.

— Что это?

Они с вызовом смотрели друг на друга, лица перекошены, глаза сверкают.

— Он здесь, — бросил Фаулер, указывая дулом винтовки на дверь. — У вас единственный шанс. Используйте его...

Толби колебался лишь мгновение. Затем бросил:

— Хорошо. Я сделаю это.

Фаулер последовал за ним.

— Будьте осторожны. Не горячитесь. Здесь есть несколько КПП. Идите прямо все время, сколько сможете. И, ради Бога, поспешите!

Последние слова Толби едва расслышал. Он уже бежал вперед. Достигнув двери, рванул ее.

Солдаты и офицеры были застигнуты врасплох. Толби метнулся вперед, а они кинулись врассыпную. Пока они барахтались на полу, нащупывая свое оружие, Толби проскользнул в другую дверь и промчался мимо перепуганной девушки за письменным столом, с разинутым ртом и расширившимися глазами.

А вот и третья дверь.

Юноша со светлыми волосами и возбужденным лицом вскочил и схватился за свой пистолет. Толби, безоружный, оказался в ловушке. Солдаты были уже близко. Он крепко сжал свой посох и отпрянул назад, а блондин-фанатик выстрелил наугад. Пуля пролетела мимо, обдав его жарким дуновением.

— Грязный анархист! — вскрикнул Грин.

Лицо его исказилось, он выстрелил еще раз и еще.

— Ублюдок, шпион!

Толби метнул посох, вложив в бросок всю свою силу. Посох описал дугу, едва не размозжив голову Грину, но в последний момент тот уклонился. Ловкий и проворный, он, скалясь, прыгнул вперед. Посох ударился о стену и покатился, звеня, по полу.

— Твой дорожный посох! — выдохнул Грин и выстрелил.

Пуля была умышленно направлена мимо. Грин играл с ним, словно кошка с мышкой. Толби наклонился и прыгнул вперед, схватив посох. Грин с горящими глазами наблюдал за ним.

— Брось его снова! — прорычал он.

Толби прыгнул. Он застиг юнца врасплох. Грин от столкновения упал, но сразу же пришел в себя и начал душить Толби. Тот был тяжелее, несмотря на изрядное истощение после нелегкого пути через горы. И все-таки сил у него оставалось очень мало. А Грин был в прекрасной форме. Его мускулистое, проворное тело вырвалось из захвата анархиста. Руки Грина вцепились в горло противника, тот ударил его в пах. Юнец отшатнулся и согнулся вдвое от боли.

— Все в порядке, — выдохнул Грин с искаженным и потемневшим от боли лицом.

Его рука нащупала пистолет. Дуло глянуло Толби в лицо... В этот момент половина головы Грина исчезла. Руки его разжались, и пистолет упал на пол. Тело постояло несколько мгновений, а затем рухнуло на пол, как груда тряпья.

Толби заметил блеск дула винтовки в руках мужчины с набором инструментов на поясе. Тот энергично махнул ему:

— Быстрее!

Толби помчался вниз по устланой коврами лестнице, освещенной двумя большими, мерцавшими, желтыми лампами. Толпа чиновников и солдат беспорядочно следовала за ним, крича и стреляя куда попало.

Он рванул на себя толстую дубовую дверь и остановился.

Перед ним была огромная, роскошная комната. Драпировки, великолепные обои. Лампы. Книжные шкафы. Толстые ковры. Потоки тепла. Монитор. В дальнем конце громадный письменный стол из красного дерева... Блеск роскоши прошлого.

За столом сидел призрак, просматривая груды бумаг. Его внешний вид разительно контрастировал с великолепием обстановки. Это была огромная, изъеденная коррозией, металлическая оболочка, гнутая и позеленевшая, вся в заплатах. Древняя машина.

— Это вы, Фаулер? — спросил робот.

Толби медленно продвигался вперед, сжав посох из айронита. Робот резко повернулся.

— Что это? Позовите Грина и снесите меня вниз, в убежище. С одного из постов на дороге сообщили, что агент Лиги уже...

Робот умолк. Его холодные, механические линзы-глаза впились в человека. Он щелкал и жужал в удивлении.

— Я вас не знаю.

И тут он увидел посох из айронита.

— Агент Лиги, — произнес робот. — Вы тот, кто прорвался через заграждения. — Третий. Вы явились сюда. И не уйдете обратно.

Его неуклюжие металлические пальцы шарили среди предметов на столе, затем в ящике. Он нашел пистолет и неловко его поднял.

Толби выбил его, и он, звеня, покатился по полу.

— Беги! — закричал он роботу. — Беги!

Робот оставался неподвижным. Посох Толби опустился на его "голову".

Хрупкий, сложный мозговой блок робота был разнесен на куски. Катушки, провода, реле посыпались на его стол. Все механизмы были разбиты.

Робот приподнялся в кресле, затем накренился и осел, растянувшись во весь рост на полу. Многочисленные детали покатились во все стороны.

— Великий Боже, — произнес Толби, увидев все это впервые.

Трясясь, он наклонился над остатками машины.

— Да, ну и развалюхой же он был!

Его окружили служащие.

— Он убил Борса!

Изумленные, потрясенные лица.

— Борс мертв!

Медленно подошел Фаулер.

— Вы убили его, все в порядке. Все кончено.

Толби стоял, сжимая в руках свой посох из айронита.

— Бедняга, — произнес он кротко. — Абсолютно беспомощный. Он сидел здесь, а я пришел и убил его. У него не было возможности спастись.

В здании начался настоящий бедлам.

Охваченные горем солдаты и чиновники бродили, как потерянные. Они натыкались друг на друга, собирались в группки, что-то восклицали и отдавали бессмысленные приказы.

На Толби никто не обращал внимания. Фаулер собирал остатки робота. Подобно Хамити-Дамити, сброшенному со стены, он никогда больше не взберется наверх.

— Где женщина? — спросил Фаулера Толби. — Агент Лиги, которую они привели.

Фаулер медленно выпрямился.

— Я проведу вас.

И он повел Толби по забитому людьми холлу в то крыло здания, где находился госпиталь.

Сильвия встала, опасливо всматриваясь в двух мужчин, вошедших в комнату.

— Что происходит?

И тут она узнала своего отца.

— Папа! Слава Богу! Так это ты сбежал!

Толби захлопнул дверь, чтобы избавиться от хаоса звуков в коридоре.

— Как ты себя чувствуешь? Как твоя нога?

— Поправляется. Что случилось?

— Я убил его. Робота. Он мертв.

На мгновение воцарилось молчание. Снаружи, в холле, служащие носились взад и вперед. Новость быстро распространялась.

Растерянные солдаты оставляли свои посты и слонялись без дела, собираясь в плотные группки под стенами здания.

— Все кончено, — сказал Фаулер.

Толби кивнул.

— Знаю.

— Они устали сидеть на корточках в своих стрелковых ячейках, — пояснил Фаулер. — Они будут растекаться по домам. Как только узнают новость, начнут дезертировать и бросать свое снаряжение.

— Хорошо, — проворчал Толби. — Чем скорее, тем лучше.

Он прикоснулся к винтовке Фаулера.

— Вы, я надеюсь, также.

Сильвия стояла, глубоко задумавшись.

— Ты полагаешь...

— О чем ты?

— Не сделали ли мы ошибку?

Толби устало вздохнул.

— Зачем об этом думать?

— Он делал то, что считал правильным. Они построили свои дома и фабрики. Это целый мир. Они избавились от многих богов. Я наблюдала за всем этим в окно. Это заставило меня думать. Они сделали так много. Так много!

— Они сделали много оружия, — заметил Толби.

— У нас тоже есть оружие. Мы убиваем и разрушаем. У нас есть все их недостатки и совсем отсутствуют их преимущества.

— У нас нет войны, — тихо ответил Толби. — Среди этих холмов находятся десять тысяч человек. Все они были готовы драться, защищая свой маленький мирок. Они бы сбрасывали бомбы и смертоносные вирусы, если бы получили приказ. Но теперь они не станут сражаться. Скоро все они откажутся от борьбы.

— Вся эта система быстро распадется, — согласился Фаулер. — Он уже и так почти потерял уп-

равление. Он был уже не в силах поворачивать время вспять.

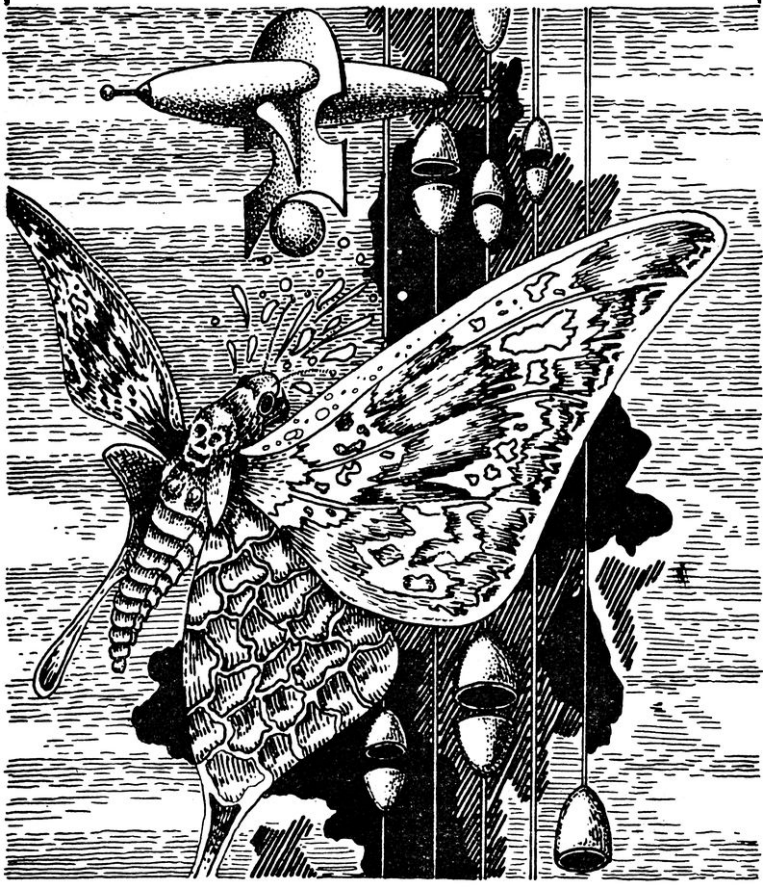
— Как бы то ни было, — пробормотала Сильвия, — свою работу мы выполнили. — Она улыбнулась. — Борс делал свою работу, а мы — свою. Но время было на нашей стороне.

— Верно, — согласился Толби. — Мы сделали свою работу и никогда не пожалеем об этом.

Фаулер ничего не добавил. Он стоял, засунув руки в карманы, молчаливо глядя в окно. Его пальцы что-то нащупали. Это были три неповрежденные синапсические катушки. Исправные элементы памяти мертвого робота, взятые им из разбросанных остатков.

Может быть, когда-нибудь... — подумал он. Когда изменятся времена.

РАССКАЗЫ



ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ

Коротышка медленно проталкивался через толпу людей, заполнивших фойе железнодорожной станции, к окошку кассы. Он устал, и это было видно по тому, как поникли его плечи, и даже по тому, как обвисло его коричневое пальто. Он нетерпеливо ожидал своей очереди.

— Следующий, — выдохнул Эд Джекобсон, продававший билеты.

Коротышка сунул пятидолларовую купюру в окошко.

— Дайте мне проездной билет, старый закончился, — он уставился на часы, висевшие за спиной Джекобсона. — О, Господи, неужели уже так поздно?

Джекобсон взял пять долларов.

— О.К. Проездной. До какой станции?

— Мэкон Хейтс, — ответил коротышка.

— Мэкон Хейтс, — Джекобсон посмотрел на схему. — Мэкон Хейтс? Такой станции нет.

Коротышка замер. Он подозрительно взглянул на Эда.

— Это что, такая шутка?

— Мистер, такого места как Мэкон Хейтс не существует. Я не могу продать вам билет, если нет такой станции.

— Что вы хотите сказать? Я там живу!

— Мне все равно. Я продаю билеты уже шесть лет. Такого места нет.

Глаза коротышки выкатились от изумления.

— Но у меня там дом. Я езжу туда каждый вечер. Я...

— Вот, — Джекобсон протянул ему свою схему. — Поищите.

Коротышка схватил схему и стал лихорадочно водить дрожащими пальцами по списку городов.

— Нашли? — спросил Джекобсон, высунув голову из окна. — Его здесь нет, не так ли?

Коротышка покачал головой. Он был явно потрясен.

— Ничего не понимаю. Чепуха какая-то. Должно быть, что-то не так. Наверняка, должно быть какое-то...

И вдруг он исчез. Схема упала на бетонный пол. Не успел Эд и глазом моргнуть, как коротышка пропал.

— Святой Дух, — выдохнул он. Рот его бесшумно открывался и закрывался. И только схема осталась лежать на бетонном полу.

Коротышка перестал существовать.

— И что потом? — спросил Боб Пэйн.

— Я вышел в фойе и подобрал схему.

— Он в самом деле исчез?

— Ну да, исчез, — Джекобсон вытер пот со лба. — Жаль, что вас поблизости не было. Исчез, словно выключили свет. Абсолютно. Без звука. Без движения.

Пэйн откинулся в кресле и закурил.

— Вы видели его раньше?

— Нет.

— А в какое время дня это произошло?

— Примерно в это же. Около пяти, — Джекобсон направился к окошку кассы. — Сюда идет куча народа.

— Мэкон Хейтс, — Пэйн листал страницы справочника городов округа. — Никакого упоминания ни в одной из книг. Если он вновь появится, я хотел бы поговорить с ним. Пригласите его ко мне.

— Конечно. Я больше не хочу иметь с ним никаких дел. Все это противоестественно, — Джекобсон повернулся к окошку. — Я слушаю вас, леди. Два билета до Льюисбурга и обратно.

Пэйн погасил сигарету и закурил новую.

— Меня не покидает чувство, что я слышал это название раньше, — он встал и медленно подошел к висящей на стене карте. — Но его здесь нет.

— Его здесь нет, потому что нет такого места, — сказал Джекобсон. — Вы думаете, стоя здесь ежедневно и продавая один билет за другим, я не запомнил бы его?

Он снова повернулся к окошку.

— Слушаю вас, сэр.

— Я хотел бы купить проездной до Мэкон Хейтс, — произнес коротышка, нервно поглядывая на часы на стене. — И поскорее.

Джекобсон закрыл глаза. И крепко зажмурился. Когда он снова открыл их, коротышка был на месте.

Маленькое, морщинистое лицо. Редеющие волосы. Поношенное, мешковатое пальто.

Джекобсон повернулся и направился к Пэйну. Лицо его побледнело.

— Он снова здесь, — сглотнул Эд. — Он вернулся.

— Приведите его сюда, — попросил Пэйн. Глаза его заблестели.

Джекобсон кивнул и вернулся к окошку.

— Мистер, не могли бы вы пройти вовнутрь? — он показал на дверь. — Вице-президент фирмы хотел бы с вами немного побеседовать.

Лицо коротышки потемнело.

— Что случилось? — спросил он. — Поезд вот-вот отойдет.

Ворча что-то себе под нос, он толкнул дверь и вошел.

— Никогда прежде такого не было. Становится трудно приобрести проездной билет. Если я опоздаю на поезд, я потребую от вашей компании...

— Присядьте, — произнес Пэйн, показывая на стул, стоявший напротив его письменного стола. — Вы тот джентльмен, который желает приобрести проездной до Мэкон Хейтс?

— А что в этом странного? Что со всеми вами случилось? Почему вы не можете продать мне проездной, как всегда это делали? — Коротышка держал себя в руках с видимым усилием. — В декабре прошлого года я и моя жена переехали в Мэкон Хейтс. С тех пор я езжу вашим поездом десять раз в неделю, дважды в день уже шесть месяцев. И каждый месяц я покупаю проездной билет.

Пэйн наклонился к коротышке.

— А каким именно из наших поездов вы ездите, мистер...

— Критчет. Эрнст Критчет. Поездом Б. Вы что, не знаете собственного расписания?

— Поездом Б? — Пэйн посмотрел на схему маршрута поезда Б, поводил по ней карандашом.

Никакого Мэкон Хейтс на схеме не было.

— А как долго вы едете? Сколько у вас уходит на дорогу?

— Ровно сорок девять минут, — Критчет посмотрел на часы, — если я когда-нибудь попаду на поезд.

Пэйн тем временем делал подсчеты в уме. Сорок девять минут. Около тридцати миль от города. Он встал и направился к большой карте на стене.

— Что случилось? — спросил Критчет подозрительно.

Пэйн нарисовал на карте окружность радиусом в тридцать миль. Линия прошла по ряду городов, но среди них не было Мэкон Хейтс. А на маршруте следования поезда Б в точке пересечения вообще ничего не было.

— Что это за место, Мэкон Хейтс? — спросил Пэйн. — На ваш взгляд, сколько людей там живет?

— Не знаю. Может быть, пять тысяч. Большую часть времени я провожу в городе. Я работаю бухгалтером в страховом агентстве Брэдшоу.

— Мэкон Хейтс совсем новый городок?

— Это довольно современное место. У нас маленький домик с двумя спальнями, ему не более двух лет, — Критчет беспокойно заерзал. — Ну а как насчет проездного?

— Боюсь, — медленно покачал головой Пэйн, — что не могу продать вам проездной.

— Что ? Но почему?

— Наша компания не оказывает услуг Мэкон Хейтс.

— Что вы хотите сказать? — подскочил Критчет.

— Такого места не существует. Посмотрите на карту сами.

Критчет широко раскрыл рот, не в состоянии вымолвить ни слова. Затем он сердито повернулся к карте и уставился на нее.

— Мы оказались в любопытном положении, мистер Критчет, — пробормотал Пэйн, — на карте нет городка Мэкон Хейтс, и в справочнике он не значится. У нас нет схемы, на которой он был бы нанесен. И мы не можем продать вам до него проездной. Мы е...

Он не договорил. Критчет исчез. Мгновение назад он был у карты, и вдруг исчез. Растаял. Испарился.

— Джекобсон! — заорал Пэйн. — Он исчез!

Глаза Джекобсона округлились. Лоб покрылся испариной.

— Действительно, — пробормотал он.

Пэйн глубоко задумался, глядя на пустое место, где еще секунду назад находился Эрнст Критчет.

— Что-то происходит, — проговорил он сдавленным голосом. — Что-то чертовски странное.

Вдруг он схватил свой плащ и бросился к двери.

— Не оставляйте меня одного, — взмолился Джекобсон.

— Если я тебе понадоблюсь, я у Лоры. Номер ее телефона где-то у меня на столе.

— Сейчас не время для игр с девочками.

Пэйн распахнул дверь в фойе.

— Не думаю, — произнес он мрачно, — что это похоже на игру.

К квартире Лоры Николс Пэйн летел через две ступеньки. Он давил на звонок до тех пор, пока дверь не открылась.

— Боб? — Лора не могла скрыть своего удивления. — Чему я обязана этим...

Пэйн ввалился в квартиру.

— Надеюсь, я ничему не помешал.

— Нет, но...

— Грандиозные события. Мне понадобится кое-какая помощь. Я могу на тебя рассчитывать?

— На меня? — Лора закрыла за ним дверь.

В ее со вкусом обставленной квартире царил полумрак. Тяжелые шторы были опущены. И только настольная лампа светилась в дальнем конце мягкого, зеленого дивана. Из угла, где стоял проигрыватель, доносилась тихая музыка.

— Наверно, я схожу с ума, — Пэйн шлепнулся на роскошный зеленый диван. — И я хочу это проверить.

— Чем я могу помочь? — Лора медленно подошла к нему. Руки ее были скрещены на груди, в уголке рта дымилась сигарета. Она тряхнула своими длинными волосами, отбрасывая их с глаз. — Что у тебя на уме?

Пэйн одобрительно улыбнулся.

— Ты удивишься. Я хочу, чтобы завтра ты с утра пораньше поехала в центр города и...

— Завтра утром? Ты забыл, что я работаю? А как раз на этой неделе наша контора приступает к новой серии отчетов.

— К черту все это! Возьми отгул на утро. Поезжай в центр города, в центральную библиотеку. Если не сможешь раздобыть информацию там, поезжай в здание суда и начни просматривать старые записи о налогах. Ищи, пока не найдешь.

— Что не найду?

Пэйн закурил.

— Упоминание о месте, называющемся Мэкон Хейтс. Уверен, что слышал это название раньше. Несколько лет

назад. Картина ясна? Просмотри старые атласы, старые газеты в читальном зале. Старые журналы. Отчеты. Проекты. Предложения, адресованные властям округа.

Лора медленно села на подлокотник.

— Ты что, шутишь?

— Нет.

— На сколько лет назад?

— Может быть, десять лет, если потребуется.

— О Боже! Я...

— Оставайся там, пока не найдешь, — Пэйн резко встал. — Увидимся позже.

— Ты уходишь? Не приглашая меня куда-нибудь пообедать?

— Извини, — Пэйн направился к двери. — Я занят. Действительно очень занят.

— Чем?

— Еду в Мэкон Хейтс.

За окнами поезда тянулись бесконечные поля, изредка оживляемые строениями ферм. Телефонные столбы уныло темнели на фоне вечернего неба.

Пэйн взглянул на часы. Еще рано. Поезд проезжал небольшой городок. Пара заправочных станций, несколько ларьков, магазин по продаже телевизоров. Заскрежетали тормоза, и поезд остановился на станции Льюисбург. Несколько мужчин в плащах, с вечерними газетами в руках, вышли. Двери захлопнулись, поезд поехал дальше.

Пэйн откинулся на спинку сидения и глубоко задумался. Критчет исчез, когда смотрел на карту. Первый раз он исчез, когда Джекобсон показал ему схему, то есть исчезал, когда ему показывали, что нет такого места, как Мэкон Хейтс. Может, в этом и заключается разгадка? Все это было нереальным, как во сне.

Пэйн посмотрел в окно. Он почти приехал туда, если вообще было куда приехать. За окном по-прежнему тянулись нескончаемые поля. Холмы и равнины. Телефонные столбы. Машины, несущиеся по шоссе, казались крошечными искорками, мелькавшими в сумерках. Но никаких признаков Мэкон Хейтс. Монотонно стучали колеса. Пэйн снова посмотрел на часы. Ничего, кроме полей.

Он прошел по вагону и сел рядом с проводником, пожилым человеком с седыми волосами.

— Вы когда-нибудь слышали о городке с названием Мэкон Хейтс? — спросил Пэйн.

— Нет, сэр.

Пэйн достал свое удостоверение.

— Вы уверены, что никогда ничего не слышали о месте с таким названием?

— Абсолютно, мистер Пэйн.

— Как долго вы работаете на этом маршруте?

— Одиннадцать лет, мистер Пэйн.

Пэйн сошел на следующей остановке, в Джексонвиле. Там он пересел на поезд, идущий обратно в город. Солнце уже село. Небо было почти черным. Пейзаж за окном был едва различим.

Пэйн напрягся, едва дыша. Осталась одна минута, сорок секунд. Увидит ли он что-нибудь на этот раз? Ровные поля. Унылые телефонные столбы. Скучный, пустынный пейзаж между двумя городами. Между? Поезд мчался вперед сквозь темноту. Пэйн, не отрываясь, смотрел в окно. Было ли там что-нибудь? Что-нибудь, кроме полей?

Над полями повисло облако светящегося тумана. Однородная масса, растянувшаяся почти на милю. Что это? Дым от тепловоза или с шоссе? От огня? Но не похоже, чтобы какое-нибудь из полей горело.

Вдруг поезд стал замедлять ход. Пэйн мгновенно насторожился. Поезд ехал все медленнее и вот совсем остановился. Тормоза заскрипели, вагоны качнулись, затем наступила тишина.

Сидевший напротив Пэйна мужчина в светлом пальто встал, надел шляпу и быстро направился к двери. Он спрыгнул с поезда на землю. Пэйн зачарованно следил за ним. Мужчина быстро пошел по полю. Он явно направлялся в сторону сероватой дымки. Вдруг он приподнялся над землей. Теперь от поверхности его отделял почти фут. Он повернул направо. Снова приподнялся — теперь уже на три фута. Какое-то мгновение он шел параллельно земле, по-прежнему удаляясь от поезда. Затем шагнул в туманную дымку и пропал.

Пэйн помчался вдоль прохода, но поезд уже набирал скорость. За окнами снова замелькали телефонные столбы. Пэйн заметил проводника, румяного юношу, прислонившегося к стене вагона.

— Послушайте, — резко сказал Пэйн, — что это была за остановка?

— Простите, я не понял, сэр?

— Остановка. Черт возьми, где мы находимся?

— Мы всегда здесь останавливаемся, — проводник не спеша сунул руку в карман и вытащил несколько листков с расписанием. Он просмотрел их и передал один Пэйну. — Поезд Б всегда останавливается в Мэкон Хейтс. Разве вы этого не знали?

— Нет!

— Эта остановка есть в расписании, — юноша снова уткнулся в свой дешевый журнальчик. — Всегда останавливается. И всегда будет останавливаться.

Пэйн уставился в расписание. Все правда. Мэкон Хейтс значился между Джексонвилем и Льюисбургом. Ровно тридцать миль от города.

Облако серого тумана. Огромное облако, быстро приобретающее форму. Словно нечто становится реальным. И действительно, нечто становилось реальным.

Мэкон Хейтс!

На следующее утро он застал Лору в ее квартире. Одетая в черные, свободные брюки и бледно-розовый свитер, она сидела у журнального столика. Перед ней возвышалась кипа бумаг, рядом лежали карандаш и резинка, стоял стакан молока.

— Ну как, что-то разузнала?

— Все в порядке. У меня есть для тебя информация.

— Выкладывай.

— Материала довольно много, — она похлопала по бумагам. — Я обобщила самое главное.

— Давай вкратце.

— Семь лет назад совет округа проголосовал за строительство трех новых пригородных поселков. Мэкон Хейтс — один из них. Это вызвало большие споры. Большинство торговых людей города выступили против. В качестве аргумента выдвигался следующий 97, туда отойдет слишком большая часть розничной торговли.

— Продолжай.

— Споры длились долго. В конце концов было одобрено создание двух из трех поселков: Вотервиль и Сидер Гровс. Но не Мэкон Хейтс.

— Ясно, — пробормотал Пэйн задумчиво.

— Строительство Мэкон Хейтс отменили. Сошлись на компромиссе: два поселка вместо трех. Эти два поселка были тут же построены. Ты знаешь об этом. Однажды мы проезжали через Вотервиль. Славное место.

— Но не Мэкон Хейтс?

— Да. От строительства Мэкон Хейтс отказались.

— Таковы факты, — Пэйн почесал подбородок.

— Да. — Ты хоть понимаешь, что я потеряла из-за этого свой дневной заработок? Сегодня тебе придется пригласить меня поужинать. Наверно, мне следует поискать себе другого кавалера. Мне начинает казаться, я напрасно делаю ставку на тебя.

Пэйн кивнул с отсутствующим видом.

— Семь лет назад, — мысль осенила его совершенно внезапно. — Результаты голосования! С каким перевесом голосов было отклонено строительство Мэкон Хейтс?

Лора порылась в бумагах.

— Проект был отклонен с перевесом всего в один голос.

— Один голос. Семь лет назад, — Пэйн направился к выходу. — Спасибо, милая. Теперь все это начинает обретать смысл. Да еще какой смысл!

Сразу же у дома Лоры он сел в такси, которое помчало его к вокзалу. За окнами мелькали улицы, люди, реклама, магазины и другие машины.

Память его не подвела. Он действительно слышал это название раньше. Семь лет назад. Длительные дебаты относительно предложения о строительстве нового пригородного поселка. Два городка были одобрены, третий отвергнут и забыт. И теперь забытый городок начал становиться реальностью. Теперь, семь лет спустя. Городок и вместе с ним неопределенный срез действительности. Почему? Что-то изменилось в прошлом? Может, в каком-то временном континууме произошли какие-то сдвиги?

Это могло служить объяснением. Перевес при голосовании был слишком незначителен. Строительство Мэкон Хейтс почти одобрили. Может быть, какие-то части прошлого были нестабильны. Может быть, именно тот период, семь лет назад, был критическим. Может быть, он никогда полностью не "проявился"? Странная мысль: прошлое меняется после того, как оно уже состоялось.

Внезапно глаза Пэйна сузились. Он резко выпрямился. Чуть-чуть впереди по ходу движения, на противоположной стороне

улицы, виднелась надпись над маленьким, неказистым учреждением. Когда такси подъехало ближе, Пэйн смог рассмотреть:

Страховое агентство
Брэдшоу

Пэйн вздрогнул. Место работы Критчета. Оно тоже появляется и исчезает? Или оно всегда было здесь? Почему-то Пэйн почувствовал себя неуютно.

— Побыстрей, — поторопил он шофера. — Поехали скорее!

Когда поезд замедлил ход у Мэкон Хейтс, Пэйн вскочил на ноги и помчался к двери. Колеса со скрежетом остановились. Пэйн спрыгнул на теплую, посыпанную гравием дорожку, и осмотрелся.

В лучах полуденного солнца блестел и искрился Мэкон Хейтс. Ровные ряды домов тянулись во всех направлениях. В центре города возвышался шатер театра. Даже театр! Пэйн направился по дороге к городу. За железнодорожной станцией находилась стоянка для автомобилей. Он пересек стоянку и пошел по тропинке мимо заправочной станции к главной улице городка. Перед ним находились два ряда магазинов. Магазин по продаже скобяных изделий. Два кафе. Дешевые товары. Современный универмаг.

Пэйн сунул руки в карманы и пошел по улице, разглядывая Мэкон Хейтс. Вот жилой дом, высокий и солидный. Дворник моет ступеньки парадной лестницы. Все кажется новым и современным. Дома, магазины, тротуар, дорожки. Счетчики на стоянке. Полицейский в коричневой форме выписывает квитанцию на штраф. Деревья, посаженные на одинаковом расстоянии друг от друга. Аккуратно подстриженные и окопанные.

Он прошел мимо большого супермаркета. У входа стояла корзина с фруктами: апельсинами и виноградом. Он отщипнул виноградинку и положил ее в рот. С виноградом все было в порядке, он был настоящим. Огромная черная ягода, сладкая и спелая. И все же двадцать четыре часа назад здесь ничего не было, кроме голого поля.

Пэйн вошел в одно из кафе. Он просмотрел пару журналов, затем сел к стойке и заказал у краснощекой официантки чашку кофе.

— Славный городок, — сказал он, когда кофе был подан.

— Да, славный.

— Как давно вы здесь работаете? — поколебавшись, спросил он.

— Три месяца.

— Три месяца? — он внимательно посмотрел на пышущую здоровьем, невысокую блондинку. — Вы живете здесь, в Мэкон Хейтс?

— Да.

— Давно?

— Года два, — она направилась к молодому солдату, севшему за стойку.

Пэйн не спеша пил кофе и курил, рассеянно поглядывая на людей, проходивших по улице. Обычные люди. Мужчины и женщины, в основном, женщины. Некоторые с хозяйственными сумками и маленькими тележками. Туда-сюда медленно проезжали автомобили. Маленький сонный пригород. Современный, с населением, принадлежащим к среднему классу. Образцовый городок. Никаких трущоб. Маленькие, привлекательные домики. Магазины с большими витринами и неоновыми вывесками.

В кафе со смехом и шумом ввалилась компания старшеклассников. Две девушки в ярких свитерах сели рядом с Пэйном и заказали сок. Они весело болтали, и часть их разговора долетала до него.

Пэйн глядел на них, глубоко задумавшись. Девушки были настоящими. Губная помада и красные ногти. Свитера, стопки учебников. Сотни старшеклассников, заполняющих кафе.

Пэйн устало потер лоб. Все это казалось невозможным. Может, он сошел с ума? Городок был настоящим. Абсолютно настоящим. Должно быть, он всегда существовал. Целый город не возникает из ничего, из облака серой дымки. Пять тысяч человек, дома, улицы и магазины.

Магазины. Страховое агентство Брэдшоу.

Осознание происходящего пронзило его. Внезапно он понял: все это начинает выходить за пределы Мэкон Хейтс. В большой город. Мэкон Хейтс не мог бы существовать, не меняя сам город. Они были связаны. Пять тысяч человек приехали из города. Их работа. Их жизнь. Это касалось и города. Но в какой степени? В какой степени менялся город?

Пэйн кинул на прилавок четверть доллара и бросился из кафе к железнодорожной станции. Он должен вернуться

в город. Лора. Перемены. Она еще там? В безопасности ли его собственная жизнь?

Его охватил страх. Лора, все его сбережения, его планы, надежды, мечты. Вдруг Мэкон Хейтс потерял какое бы то ни было значение. Его собственный мир в смертельной опасности. Сейчас только это было важным. Он должен убедиться, что его собственная жизнь еще не исчезла. Не затронута расширяющимся кругом перемен, идущих от Мэкон Хейтс.

— Куда едем, приятель? — спросил шофер, когда Пэйн пулей вылетел с вокзала.

Пэйн дал ему адрес квартиры. Машина влилась в уличный поток. Пэйн нервно крутился на заднем сидении. За окном мелькали улицы и здания. Чиновники начинали покидать места службы, вываливая на тротуары и образуя толпы на углах.

В какой степени все изменилось? Он сосредоточил свое внимание на ряде зданий. Большой универмаг. Он был здесь раньше? Будка чистильщика обуви. Никогда ее раньше не замечал. КОНТОРА ПО МЕБЛИРОВКЕ КОМНАТ. Этого он не помнил. Но как узнать наверняка? Им овладело замешательство. Как он может убедиться?

Такси остановилось у жилого дома. Пэйн вышел и осмотрелся по сторонам. В конце квартала владелец магазинчика итальянской кулинарии крепил тент. Был ли он здесь раньше?

Пэйн не мог вспомнить.

А что случилось с большим мясным рынком напротив? Сейчас там находились только маленькие, аккуратные домики, довольно старые. Казалось, они стоят здесь уже давно. Был ли здесь вообще мясной рынок?

На одном из домов в следующем квартале загорелась полосатая вывеска парикмахерской. Может, она была здесь всегда. Может — да, а может — нет. Все каким-то образом сдвигалось. Новое возникало, старое уходило прочь. Прошлое менялось, а память привязана к прошлому. Как он мог доверять своей памяти? Как он мог знать наверняка?

Ужас охватил его. Лора, его мир...

Пэйн помчался по ступенькам, распахнул дверь подъезда. Вверх по покрытой ковром лестнице на второй этаж. Дверь в квартиру была незаперта. Он открыл ее и вошел, задыхаясь и молясь про себя.

В гостиной было темно и тихо. Жалюзи наполовину приспущены. Пэйн с диким видом огляделся. Светло-зеле-

ный диван, журналы. Низкий дубовый столик. Телевизор. Но комната была пуста.

— Лора! — выкрикнул он.

Лора выбежала из кухни, в ее глазах застыла тревога.

— Боб! Что ты делаешь дома? Что-то случилось?

Пэйн расслабился, почувствовав, как обмяк от облегчения.

— Привет, родная, — он поцеловал ее и крепко прижал к себе. Теплое тело ее было совершенно настоящим. — Ничего, ничего не случилось. Все прекрасно.

— Это действительно так?

— Конечно, — Пэйн дрожащими руками снял пальто и уронил его на спинку дивана. Он побродил по комнате, осматривая вещи. Уверенность потихоньку стала возвращаться к нему. Его старая, ободранная скамеечка для ног. Его стол, где он работает по вечерам. Его удочки, стоящие у стены за книжным шкафом. Большой телевизор, который он купил только в прошлом месяце, он тоже на месте. Все, чем он владел, было нетронутым, целым, невредимым.

— Обед будет готов не раньше, чем через полчаса, — пробормотала Лора, развязывая передник. — Я не ждала тебя домой так рано. Я возилась по дому. Вымыла плиту. Какой-то рекламный агент оставил образец нового чистящего средства.

— Ничего страшного, — он осмотрел любимую репродукцию Ренуара, висевшую на стене. — Как управишься, так и ладно. Как хорошо снова увидеть все эти вещи. Я...

Из спальни раздался плач. Лора быстро повернулась.

— Думаю, мы разбудили Джимми.

— Джимми?

— Дорогой, ты что, забыл о своем собственном сыне?

— Конечно нет, — раздраженно пробормотал Пэйн.

Он медленно вошел в спальню вслед за Лорой.

— Просто на мгновение все вдруг показалось таким странным, — он нахмурился. — Странным и незнакомым. Словно исчезла резкость.

Они стояли у кроватки и смотрели на малыша. Джимми глядел вверх на отца и мать.

— Должно быть, солнце, — сказала Лора. — Сегодня на улице ужасно жарко.

— Наверное. Теперь все в порядке. — Пэйн наклонился и взглянул на ребенка. Обняв жену, он притянул ее к себе. — Должно быть, солнце, — произнес он, посмотрел в ее глаза и улыбнулся.

РАЗИНЯ

Они вошли в большой ангар. В дальнем его углу техники собрались вокруг громадной мерцающей приборной панели, следя за сложными изменяющимися комбинациями вспыхивающих огоньков. У длинных столов жужжали машины — управляемые людьми и роботами компьютеры. Стены были сплошь увешаны картами и диаграммами.

Хастен в изумлении разглядывал все это.

Вуд рассмеялся.

— Пройдемте сюда, и я действительно покажу вам кое-что интересное. Узнаете, не так ли?

Он указал на громоздкий прибор, окруженный молчаливыми мужчинами и женщинами в белых халатах.

— Узнаю, — медленно ответил Хастен. — Это напоминает наш "ковш", но он раз в двадцать больше. Что вы им ловите? Какие времена?

Он потрогал пластинчатую поверхность "ковша", затем присел на корточки перед лицевой панелью. Крышка была закрыта, "ковш" был в действии.

— Если бы у нас в историко-исследовательском центре был такой аппарат!

— Теперь вы знаете, — Вуд присел рядом с ним. — Послушайте, Хастен. Вы первый человек из вошедших, который не принадлежит к служащим департамента. Обратили внимание на охрану? У часовых есть приказ стрелять в любого, кто попытается прорваться без пропуска.

— Прятать это? Машину? Вы будете стрелять в ...

Они выпрямились. Лицо Вуда окаменело.

— Ваш "ковш" погружается в далекое прошлое. Рим. Греция. Пыль веков, древние манускрипты. . — Вуд прикоснулся к поверхности аппарата. — Этот "ковш" отличается от вашего. Мы охраняем его ценой нашей жизни, и не только нашей. И знаете почему?

Хастен вопросительно уставился на него.

— Этот "ковш" предназначен не для прошлого, а... для будущего. — Вуд пристально заглянул в глаза Хастену. — Понимаете? Для будущего.

— Вы копаетесь в будущем? Но вы же не имеете права! Это запрещено законом, и вы знаете об этом! — Хастен отступил назад. — Если бы Исполнительный Совет узнал об этом, они бы снесли это здание. Вы же знаете об опасности. Берковский изложил это в своих гениальных тезисах.

Хастен помолчал, задохнувшись от возмущения, затем продолжил:

— Не могу понять, как вы можете пользоваться "ковшом" сориентированным на будущее. Ведь получая материал из будущего, вы автоматически вводите новые факторы в настоящее, будущее соответственно изменяется и так продолжается никогда не заканчивающийся сдвиг. Вы создаете нестабильные условия для грядущих веков. Вот почему и был принят этот закон.

— Знаю, — кивнул Вуд.

— И вы продолжаете... — Хастен указал на персонал и техников. — Остановитесь, ради Бога, остановитесь! Остановитесь, прежде чем не предприняли гибельные шаги, которые невозможно исправить. Почему вы продолжаете...

Внезапно Вуд помрачнел.

— Хорошо, Хастен. Не читайте нам лекцию. Слишком поздно; все уже случилось. Летальный фактор уже введен в будущее в результате наших первых экспериментов. Нам казалось, мы знаем, что делаем... — он горестно взглянул на Хастена. — Поэтому сейчас и пригласили вас сюда. Садитесь... Вы услышите все, что вас интересует.

Они сидели друг против друга за письменным столом.

Вуд сложил руки:

— Я хочу сразу перейти к делу. Вы считаетесь экспертом в области исторических исследований. Вы знаете намного больше об использовании временного "ковша", чем

любой смертный; вот почему мы продемонстрировали вам нашу работу, нашу противозаконную деятельность.

— И у вас уже были неприятности?

— Масса неприятностей. И с каждой последующей попыткой вмешательства положение становится все хуже и хуже. Мы не можем остановиться и становимся самой преступной организацией в истории.

— Пожалуйста, начните сначала, — сказал Хастен.

— "Ковш" был разрешен Политическим Научным Советом; они хотели узнать результаты некоторых своих решений. Сначала мы протестовали, выдвигая теорию Берковского. Но вы понимаете, эта идея гипнотизировала нас. Мы уступили, и "ковш" был построен. Тайно, конечно.

Мы провели наше первое погружение, послав аппарат в будущее на год вперед. Чтобы защитить себя от действия теории Берковского, мы экспериментировали очень осторожно. Наш "ковш" ничего не переносил, ничего, кроме фотографий, снятых с большой высоты. Пленки возвращались к нам, мы делали увеличенные снимки и пытались оценить обстановку.

Сначала результаты были обнадеживающие. Войн больше нет, города растут, все выглядит лучше. Кадры уличных сценок показывают большое количество людей, явно довольных. Никто не суетится, никуда не спешат.

Затем мы заглянули вперед еще на пятьдесят лет. Все стало даже лучше: города уменьшаются, люди не так зависят от машин, больше травы, парков. Мир и покой стали обычными условиями жизни людей. Мы продолжали. Конечно, применяя такой "непрямой" метод, нельзя быть уверенным ни в чем, но было очень похоже, что все прекрасно. Мы представили информацию Совету, и он начал свое планирование. А затем случилось это.

— Что именно? — выдохнул Хастен, наклонившись вперед.

— Мы решили еще раз исследовать период, который уже один раз сфотографировали, и послали "ковш" на сто лет вперед. Он вернулся с полной катушкой. Наши специалисты проявили ее, и мы увидели...

Вуд умолк.

— Что?

— Все было иным. Произошли страшные изменения. Война... война и разрушения повсюду.

Вуд содрогнулся.

— Мы ужаснулись, сразу же послали "ковш" еще раз туда, чтобы быть абсолютно уверенными.

— И что же вы нашли на этот раз?

Кулаки Вуда сжались:

— Снова изменения, и к худшему! Руины, гигантские руины. Умирающие вокруг люди. Руины и смерть повсюду. Шлак. Конец войны, последняя фаза.

— Понимаю, — кивнул Хастен.

— И это еще не самое худшее! Мы передали сведения Совету. Он прекратил свою деятельность и созвал двухнедельную конференцию. Были отменены все указы и планы, сформированные на основе наших докладов. Лишь через месяц нас снова вызвали в Совет. Его члены хотели еще раз послать "ковш" в тот же самый период. Мы возражали, но они настаивали. Они утверждали, что хуже от этого не будет.

Поэтому мы снова послали "ковш"... Он вернулся, и мы прокрутили пленку. Хастен, есть вещи похуже войны. Вы не представляете, что мы увидели. Там вообще не было признаков человеческой жизни. Никого, ни единого человеческого существа!

— Все было разрушено?

— Нет. Никаких разрушений. Большие и величественные города, дороги, здания, озера, поля. Но нет человеческой жизни: города безлюдны, все функционирует автоматически, машины и провода целы. Но нет людей.

— Что же это было?

— Мы послали "ковш" еще дальше — он сделал пятидесятилетний скачок. Ничего. Ничего и на этот раз. Города, дороги, здания, но людей — нет. Все мертво. Чума, радиация или что-то, чего мы не знаем. Но что-то убило их. Откуда оно взялось? Мы не знаем. Ведь его сначала не было, в наших первых исследованиях. Каким-то образом мы ввели его, этот летальный фактор. Мы внесли его своим вмешательством. Когда мы начинали, его не было. Это сделали мы, Хастен.

Вуд уставился на него, лицо его казалось белой маской.

— Мы внесли его и теперь обязаны найти причину и избавиться от него.

— Как вы намерены это осуществить?

— Мы построили машину времени, способную перенести в будущее одного наблюдателя. Мы хотим послать

человека, чтобы он увидел, что случилось на самом деле — фотографии не скажут всего. Нам нужно узнать больше. Когда это появилось впервые? Как? Каковы были первые признаки? Что это? Только получив точную информацию мы будем способны погасить этот фактор — проследить и удалить его. Кто-то должен отправиться в будущее и выяснить, что изменилось, когда мы начали вмешательство. Это единственный выход.

Вуд поднялся, за ним поднялся и Хастен.

— Этим человеком будете вы, — заявил Вуд. — Вы наиболее компетентный человек. Машина времени находится снаружи, на открытой площади, тщательно охраняемая.

Вуд подал знак. Двое солдат подошли к столу.

— Сэр?

— Идемте с нами, — распорядился Вуд. — Мы выходим на площадь, понаблюдайте, чтобы никто не последовал за нами. — Он повернулся к Хастену. — Вы готовы?

Хастен колебался.

— Подождите минуту. Я хотел бы ближе ознакомиться с вашей работой, изучить, что сделано. Самому испытать машину времени? Я не готов...

Двое солдат придвинулись ближе, глядя на Вуда. Тот положил руку Хастену на плечо.

— Извините меня, — сказал он, — у нас нет времени. Идемте со мной.

...Тьма сгущалась, то поглощая его, то отступая. Он сидел на вращающемся кресле перед приборами управления, вытирая пот со лба. Хотел этого Хастен или нет, хорошо это или плохо, но он был уже в пути. Вуд кратко описал принцип управления машиной времени. Через несколько минут после инструктажа дверь захлопнулась. Хастен осмотрелся.

Воздух был разреженный и прохладный. Некоторое время он наблюдал за движущимся циферблатом, но от холода ему становилось не по себе. Хастен подошел к шкафчику со снаряжением и открыл дверцу. Куртка, теплая куртка и лучевой пистолет. Он подержал его в руке, изучая. Разнообразные инструменты, любые приспособления и снаряжение. В тот момент, когда он клал пистолет на место, монотонная вибрация машины внезапно прекратилась.

В течение одной ужасной секунды он словно парил в пространстве, бесцельно дрейфуя, затем это мгновенное ощущение прошло. Солнечный свет лился сквозь иллюминатор, освещая пол. Хастен выключил искусственное освещение и подошел к окошку. Вуд установил приборы на сто лет вперед. Взяв себя в руки, Хастен выглянул наружу.

Цветущий луг уходил вдаль. Голубое небо и плывущие облака. Какие-то животные маячили вдали в тени деревьев. Он подошел к люку и, открыв его, вышел.

Теплый солнечный свет приободрил его, ему сразу стало лучше. Теперь он рассмотрел, что под деревьями паслись коровы. Довольно долго Хастен в нерешительности стоял у выхода. Переносилось ли это по воздуху? Вдруг это чума? Он потянулся и ощутил защитный шлем на плечах. Лучше его не снимать.

Хастен вернулся обратно и снова достал пистолет.

Затем проверил дверной замок, чтобы удостовериться, что во время его отсутствия люк будет закрыт. Только после этого он ступил на траву лужайки. Оглядевшись, он быстро направился к холму, находившемуся в полумиле от него. Во время ходьбы установил указатель направления на своих часах, который выведет его к машине времени, если он заблудится.

Он подошел к коровам, стоявшим под деревьями. Коровы встали и двинулись от него прочь. Неожиданно Хастен почувствовал холодок, пробежавший по спине: он заметил, что вымя у каждой коровы маленькое и сморщенное. Их никто не доил.

Достигнув вершины холма, он остановился и поднял бинокль. Перед ним расстилалось однообразное, без всяких ориентиров, пространство — сплошные зеленые поля. Насколько мог охватить взгляд, ничего больше. Повернувшись в другую сторону, Хастен снова взглянул в бинокль.

На этот раз он застыл.

Далеко на горизонте, слева, высились смутные очертания города. Он опустил бинокль и закрепил завязки тяжелых башмаков. Затем широкими шагами начал спускаться с холма — ему предстоял долгий путь. Хастен прошел не более двадцати минут, как вдруг увидел бабочек. Они внезапно поднялись в нескольких ярдах перед

ним, порхая в солнечном свете. Не отрывая от них взгляда, он остановился, чтобы передохнуть.

Хастен никогда не видел таких больших бабочек. Красные и голубые, с желтыми и зелеными пятнами... Возможно, они улетели из какого-нибудь большого зоопарка и одичали, после того как человек сошел со сцены. Они поднимались все выше и выше.

Не обратив на него никакого внимания, они взяли курс на далекие шпили города. Через мгновение они уже исчезли.

Хастен снова двинулся вперед. Трудно было представить себе гибель человека в таких условиях: бабочки, трава и коровы в тени деревьев. Какой благостный и дивный мир остался без человека!

Вдруг одна из отставших бабочек мелькнула у него перед глазами, взлетев с травы. Он автоматически поднял руку, пытаясь ее поймать. Бабочка атаковала его ладонь. Он засмеялся...

Внезапно адская боль пронзила его; Хастен упал на колени, он задыхался, его рвало. Боль разливалась по всему телу. Голова закружилась, и он закрыл глаза.

Когда Хастен наконец очнулся, бабочка уже улетела. Пролежав некоторое время в траве, он медленно сел и, пошатываясь, встал на ноги. Разрезав рукав рубахи, Хастен осмотрел себя. Рука сильно распухла и словно налилась свинцом, кожа почернела. Оторвав от нее взгляд, Хастен всмотрелся в далекий город. Бабочки улетели в том направлении.

Хастен быстро зашагал обратно к машине времени. Он добрался до нее как раз перед заходом солнца. Люк открылся от его прикосновения и он очутился внутри.

Приложив бальзам из аптечки к ране и перевязав руку, Хастен уселся на вращающееся кресло, размышляя. Фактически, это случайный маленький укус. А если весь рой...

Он подождал, пока солнце совсем село и непроглядная тьма окутала землю. Ночью все пчелы и бабочки обычно спят; или, по меньшей мере, так поступали те, которых он знал.

Надо использовать этот шанс.

Его рука все еще болела. Бальзам не помог, он чувствовал головокружение, а во рту был привкус, как при приступе малярии.

Прежде чем выйти, он открыл шкафчик и пересмотрел все содержимое. Проверив лучевой пистолет, Хастен отложил его в сторону. Через мгновение он нашел то, что искал — паяльную лампу и фонарь. Положив все остальные вещи обратно, он выпрямился.

Теперь он был готов, по крайней мере ему так казалось. Он вышел в темноту, освещая себе путь. Хастен шел быстро. Была темная и пустынная ночь — лишь несколько звезд сияли над ним, а свет его фонарика был единственным земным светом. Он добрался до вершины холма и начал спускаться вниз. Впереди замаячила роща. Вскоре он уже шел по равнине, нащупывая лучом фонаря дорогу к городу.

Добравшись до города, Хастен почувствовал себя совершенно обессиленным. Он проделал долгий путь, и дыхание его стало прерывистым. Призрачные очертания громадных строений поднимались перед ним, их вершины исчезали в темноте. Очевидно, это был небольшой город, но его внешний вид показался Хастену странным. Дома были более узкими и высокими, чем те, к которым он привык.

Хастен прошел сквозь ворота. Каменные тротуары улиц заросли травой. Он остановился, глядя вниз. Сорняки поднялись повсюду; а вблизи зданий валялись кости, маленькие кучки костей и пыли. Он продолжил путь, освещая лучом фонаря стены зданий. В мертвой тишине его шаги звучали гулко. В непроглядном мраке светился лишь его фонарь.

Вскоре он очутился на большой площади, полностью заросшей кустами и виноградной лозой. В дальнем конце высилось самое большое здание из тех, что он видел. Он направился к нему, пересекая пустынную площадь, освещая себе путь. Ступив на бетонную плиту, он остановился. Справа возвышалось другое здание, привлекшее его внимание. Сердце его забилось. Луч фонаря осветил мастерски вырезанное над дверным входом слово:

БИБЛИОТЕКА

Это было как раз то, что он хотел найти — библиотека. Хастен начал подниматься к темному входу. Доски под его ногами проваливались. Он добрался до входа и очутился перед тяжелой деревянной дверью с ручками из металла.

Когда он потянул ручку на себя, дверь стала падать на него. Он увернулся, она упала на ступеньку и исчезла в темноте. Запах гниения и пыли чуть не удушил его, но Хастен все-таки вошел внутрь. Когда он проходил пустынными коридорами, паутина покрыла его шлем. Хастен наугад вошел в одну из комнат. Повсюду лежали кучи пыли и серые кости.

Вдоль стен тянулись низкие столы и полки. Он подошел к полкам и взял несколько книг. Они рассыпались в руках, превратившись в прах. Неужели прошло всего лишь сто лет?

Хастен сел за один из столов и открыл книгу, сохранившуюся лучше других. Книга была на неизвестном языке. Он переворачивал страницу за страницей. Затем взял наугад еще несколько книг и направился к выходу. Внезапно его сердце застучало сильнее. Он подошел к одному из стеллажей. Газеты.

Хастен осторожно взял хрупкие, хрустящие листы и осветил их. Конечно, тот же язык. Смелые, черные заголовки. Он сумел свернуть несколько газет и добавил их к уже взятым книгам. Затем вышел в коридор.

Когда Хастен спустился на улицу, холодный, свежий воздух обдал его, щекоча ноздри. Он огляделся, всматриваясь в очертания площади.

Затем Хастен пересек площадь, осторожно нащупывая дорогу. Подойдя к воротам города, Хастен чуть помешкал, и минуту спустя снова был на равнине, держа курс к машине времени.

Он шел, как ему казалось, бесконечно долго, голова свесилась набок, ноги были сбиты. Наконец, усталость заставила его остановиться. Он покачивался, стараясь восстановить дыхание. Положив свой груз, Хастен осмотрелся. Далеко на горизонте появилась длинная, серая полоска, молчаливо говорившая, что пока он шел, наступил рассвет. Солнце вот-вот должно появиться.

Холодный ветерок освежил его. Деревья и холмы уже начали приобретать формы в сером свете утра.

Он оглянулся и взглянул на город. Мрачные и стройные остовы покинутых зданий вздымались к небу. Он очарованно смотрел, как заря окрасила верхушки зданий. Затем цвета исчезли и туман начал закрывать вид города. Хастен быстро наклонился и поднял свою добычу. Леде-

нящий ужас пронзил его, когда он поспешно продолжил путь. Черное пятнышко взмыло в небо над городом и начало парить над ним.

Спустя некоторое время Хастен оглянулся. Пятно еще было на месте — но значительно увеличилось. Оно не было больше черным — в ясном свете дня пятно начало вспыхивать многими красками.

Он ускорил шаг, пересекая холмы. Остановившись на секунду, Хастен проверил свой указатель направления на часах. Раздались щелчки — он шел в правильном направлении. Вытирая потные руки, Хастен снова устремился вперед.

Через десять минут он взглянул вниз с вершины гребня и увидел сверкающую металлическую сферу, молчаливо лежащую на траве, всю в холодной росе. Машина времени. Скользя и вприпрыжку, он устремился по склону холма к ней.

В тот момент, когда Хастен открывал люк плечом, первое облако бабочек появилось над вершиной холма, бесшумно направляясь к нему.

Он закрыл дверь и, положив свой ценный груз, расслабился. Рука буквально горела от невыносимой боли. Но было не до нее — Хастен бросился к иллюминатору. Бабочки кружились над сферой, танцуя и вспыхивая яркими красками. Затем начали садиться на сферу и даже на иллюминатор. И сразу же стало темно — их сверкающие тела и крылья закрыли иллюминатор. Хастен прислушался — он мог слышать приглушенный, мягкий звук со всех сторон.

Хастен включил искусственное освещение.

Время шло. Он просматривал газеты, не зная, что предпринять. Двигаться назад? Или вперед? Лучше вперед, лет на пятьдесят. Бабочки были опасным, но, возможно, не тем реальным летальным фактором, который он искал.

Он снова осмотрел руку. Кожа почернела и стала толще, пораженное место увеличивалось. Легкая тень тревоги проникла в него: положение становилось хуже, а не лучше.

Скрежетание со всех сторон начало его беспокоить, наполняя душу смутным беспокойством. Он отложил книги и зашагал взад и вперед. Как могли насекомые, даже такие огромные как эти, уничтожить человеческую расу?

Наверняка люди могли сражаться с ними. Отравляющие вещества, яды, пульверизаторы.

Кусочек металла, крохотная частица опускалась на его рукав.

Он смахнул ее. Затем упала вторая частица, за ней еще несколько. Он отпрянул, и задрал голову...

Наверху образовался круг. Второе кольцо появилось справа от первого, потом третье, четвертое...

Он подбежал к панели управления и нажал кнопку безопасности. Панель заработала. Хастен работал быстро и яростно.

Теперь кусочки металла уже дождем падали на пол. Они пахли неким веществом. Кислота? Естественно, какое-то натуральное выделение.

Упал большой кусок металла. Он обернулся.

Бабочки, порхая и кружась, влетели в сферу и направились к нему. Упавший кусок металла имел форму кольца и был вырезан каким-то острым инструментом. Он едва успел это заметить и, схватив паяльную лампу, включил ее. Пламя вспыхнуло и заревело. Сжав рукоятку, он поднял сопло вверх. Казалось, горел воздух — это сгорали в огне пламени бабочки, и невыносимый запах наполнил сферу.

Он закрыл последние заслонки. Замигали индикаторы, пол под ним вздрогнул. Хастен нажал на рычаг движения.

Стаи бабочек яростно стремились перебраться в сферу. Второй кусок металла внезапно упал на пол, впуская новые орды. Хастен пригнулся, отступая, и держа рычащую паяльную лампу перед собой. Бабочки вливались в сферу нескончаемым потоком.

И вдруг наступила тишина, такая звонкая, что он даже замигал. Бесконечное настойчивое царапание прекратилось. Он был один, не считая облачка пепла и частичек на стенах и на полу, остатков бабочек, пробравшихся внутрь машины. Хастен, дрожа, сел. Он был в безопасности, на пути в свое время. И уже не было сомнений, никаких сомнений, что смертоносный фактор найден. Он был здесь, в кучах пепла на полу, в кольцах, аккуратно вырезанных в аппарате. Коррозионная секреция?

Он мрачно усмехнулся.

Вид этих огромных стай подсказал ему то, что он хотел знать. Первые бабочки, проникшие сквозь отверстия,

имели при себе орудия, крошечные режущие инструменты. Они вырезали отверстия с их помощью, как бы просверливая их. Они прилетели с собственным снаряжением.

Он сел и стал ждать, когда машина времени доставит его домой.

Часовые придержали его, помогая выбраться из аппарата. Он неустойчиво спустился вниз, опираясь на них.

— Благодарю, — пробормотал он.

Вуд поспешил к нему.

— Хастен, все в порядке?

— Да, — кивнул он. — За исключением руки.

— Срочно пошли внутрь.

Они прошли через дверь в большой зал.

— Садитесь. — Вуд нетерпеливо взмахнул рукой и солдат поспешно подставил стул. — Принесите горячий кофе.

Кофе принесли, и Хастен припал к чашке. Наконец он отодвинул ее и откинулся назад.

— Теперь можете доложить обо всем?

— Да.

— Прекрасно. — Вуд сел напротив него. "Зашелестел" магнитофон, кинокамера была направлена на лицо Хастена. — Рассказывайте. Что вы нашли?

Когда Хастен закончил, в комнате царило молчание.

Никто из техников или часовых не проронил ни слова.

Вуд, дрожа, поднялся.

— Боже! Так это форма токсичной жизни породила их. Я допускал это. Но бабочки? И разумные. Планирующие нападение. Вероятно, быстрое размножение и адаптация.

— Может быть, книги и газеты помогут нам.

— Но откуда они появились? Мутация некоторых существующих форм? Или с другой планеты. Может быть, они попали с каким-то космическим кораблем. Мы должны узнать это.

— Они нападали только на людей, — произнес Хастен. — Только на людей. Они не трогали коров. Только людей.

— Может быть, мы сможем остановить их. — Вуд схватился за видеотелефон. — Я хочу, чтобы Совет собрался на чрезвычайную сессию. Мы представим им ваше описание и рекомендации. Мы начнем программу. Теперь,

когда мы знаем, что это, у нас есть шанс. Благодаря вам, Хастен, может быть мы сумеем остановить их вовремя!

Появился оператор и Вуд послал в Совет шифровку.

Хастен вяло следил за происходящими событиями. Наконец он поднялся и побрел по залу. Его рука безжалостно пульсировала. Через дверь он вышел обратно на открытую площадку. Несколько солдат с любопытством рассматривали машину времени. Хастен безучастно наблюдал за ними, мысли его путались.

— Что это, сэр? — спросил один из них.

— Это ? — Хастен переспросил, медленно подходя. — Это машина времени.

— Нет, я имею в виду это. — Солдат указал на какой-то нарост на оболочке. — Вот это, сэр. Когда машина улетала, этого не было.

Сердце Хастена остановилось. Он протиснулся между солдатами, вглядываясь. Сначала на металлическом корпусе он ничего не увидел, только кородированную металлическую поверхность.

Затем холодный страх пронзил его.

Что-то маленькое, коричневое и пушистое было на поверхности. Он прикоснулся к нему. Мешочек, тугой коричневый мешочек. Он был сухой, сухой и пустой. В нем ничего не было.

С одного конца он был открыт. Хастен уставился на него. На всей поверхности корпуса машины были небольшие коричневые мешочки, некоторые все еще полные, но большинство — пустые.

Коконы...

ДРАГОЦЕННЫЙ АРТЕФАКТ

Под вертолетом Милта Бискла простирались вновь возделанные земли. Он хорошо поработал в своем регионе Марса, снова зазеленевшем, когда он реконструировал древнюю гидросистему. Весна, две весны ежегодно были привнесены в этот осенний мир песка и прыгающих лягушек, пустынный, засыпанный пылью древних времен, мрачный и безводный.

Жертва недавнего конфликта Проксимы с Террой. Скоро появятся первые эмигранты с Земли, утвердят свои заявки на участки и будут ими владеть. А он сможет уйти на пенсию. Возможно даже, вернется на Землю, чтобы забрать сюда свою семью — получив приоритет в приобретении земли — он это заслужил как инженер-реконструктор. Желтый регион прогрессировал намного быстрее, чем участки других инженеров. Он заслужил эту награду.

Наклонившись вперед, Милт Бискл нажал кнопку своего передатчика дальнего действия.

— Говорит инженер-реконструктор Желтой, — произнес он в микрофон. — Я хотел бы встретиться с психиатром. С любым, лишь бы побыстрее.

Когда Милт Бискл вошел в офис, доктор де Винтер поднялся ему навстречу и подал руку.

— Я наслышан о том, — начал де Винтер, — что вы самая творческая личность среди всех предыдущих сорока реконструкторов. Не удивительно, что вы устали. Даже Бог должен был отдыхать после шести дней подобной рабо-

ты, а вы ею занимаетесь уже годы. Пока я ждал вашего прихода, я получил с Земли сводку новостей, которые могут вас заинтересовать.

И он взял со своего письменного стола лист бумаги.

— Первый транспорт с переселенцами на борту скоро прибывает на Марс... и они направляются прямо в ваш район. Примите мои поздравления, мистер Бискл.

— А что если я вернусь на Землю?

— Ну, если вы собираетесь вызвать вашу семью сюда...

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, — сказал Бискл. — Я чувствую, что слишком устал... — Он махнул рукой. — Или, возможно, это депрессия. Как бы там ни было, мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне перебросить мои вещи, в том числе и мой кактус, на борт транспортного корабля, возвращающегося на Землю.

— Шесть лет работы, — произнес доктор де Винтер. — И теперь вы хотите отказаться от своей заслуженной награды? Недавно я посетил Землю, и она все такая же, какой вы ее помните...

— Откуда вы знаете, какой я ее помню?

— Вернее, — слегка поправил себя де Винтер, — я хотел сказать, что она такая же, как и прежде. Перенаселена. Крошечные коммунальные квартиры на семь семей с одной переполненной кухней. Автобаны так забиты, что можно ездить лишь после одиннадцати утра.

— Для меня, — ответил Милт Бискл, — перенаселенность будет благом после шести лет работы с управляемыми роботами и прочим оборудованием.

Он твердо стоял на своем. Несмотря на то, что он здесь долго и успешно работал, а возможно, именно из-за этого, он и собирался вернуться домой, невзирая на аргументы психиатра.

— А что, если ваши жена и дети, Милт, — промурлыкал де Винтер, — находятся среди пассажиров этого первого транспорта?

Как бы невзначай он извлек какой-то список из своего ладного письменного стола и зачитал:

— Миссис Фэй Бискл, Лаура С.Джун. Женщина и две девочки. Ваша семья?

— Да, — признал Милт Бискл невозмутимо; он смотрел прямо перед собой.

— Итак, вы понимаете, что не можете вернуться на Землю. Оденьте парик и приготовьтесь встретить их на третьей полосе. И замените свои зубы, тогда вам достались зубы из нержавеющей стали.

Огорченный Бискл кивнул. Как и все земляне, он потерял все волосы и зубы вследствие радиоактивных осадков во время войны. Во время будничной работы по реконструкции Желтого района Марса он не пользовался дорогим париком, который привез с Земли, а что касается зубов, то он находил стальные зубы более удобными, чем пластиковые, пусть и более натурального цвета. Это показывало, как далеко он ушел от общества взаимодействия.

Смутно Бискл чувствовал себя без вины виноватым. Чувство вины не покидало его со времен разгрома проксимян. Уже сама война огорчала. Казалось несправедливым, что одна из двух соперничающих культур должна страдать, так как нужды обоих были законными. А Марс стал ареной соперничества. Обе цивилизации нуждались в нем, как в колонии, чтобы таким образом избавиться от проблемы перенаселения. Слава Богу, что Земля использовала лучшую тактику во время последней войны... И в результате земляне, подобные ему, заселяют Марс, а не проксимяне.

— Кстати, — добавил доктор де Винтер. — Мне известны ваши намерения относительно ваших коллег, инженеров.

Милт Бискл поднял взгляд.

— Фактически, — продолжал де Винтер, — мы знаем, что они в настоящий момент собираются в Красном районе, чтобы послушать ваш отчет.

Открыв ящик письменного стола, он извлек оттуда йо-йо, встал и начал устало манипулировать с ней, делая прогуливание собаки.

— А именно вашу пронизанную страхом речь о том, что все ошибочно, хотя вы, кажется, не объясняете, что можно предпринять в качестве альтернативы.

Наблюдая за йо-йо, Бискл сказал:

— Эта игрушка популярна в системе Проксимы. По крайней мере, я как-то читал об этом в статье, посвященной гомеопатии.

— Гм, насколько мне известно, появилась она на Филиппинах.

Поглощенный манипуляциями, доктор де Винтер "бродил" теперь вокруг мира. Делал он это мастерски.

— Я взял на себя смелость послать предупреждение инженерам, насчет вашей умственной перенагрузки. Оно будет зачитано на встрече... Извините за прямоту.

— Я все равно выступлю, — вспыхнул Бискл.

— Хорошо, тогда, как мне кажется, мы можем достигнуть компромисса. Встретьте свою семейку, когда она прибудет на Марс, а мы устроим для вас путешествие на Землю. За наш счет. За это вы откажетесь от выступления перед собранием инженеров-реконструкторов или, по крайней мере, не будете отягощать их самочувствие своими иллюзорными предчувствиями. — Де Винтер пристально взглянул на него. — После всего пережитого сейчас наступает критический момент. Прибывают первые эмигранты. Нам не нужны неприятности. Мы не хотим, чтобы кто-либо испытывал дискомфорт.

— Не окажете ли вы мне услугу? — спросил Бискл. — Покажите мне, что у вас настоящий парик и вставные зубы. Только тогда я смогу убедиться, что вы землянин.

Доктор де Винтер поднял парик и вытащил изо рта вставную челюсть.

— Я принимаю предложение, — сдался Милт Бискл. — Если вы убедите меня, что моя жена получит участок земли, который я оставил для нее.

Кивнув, де Винтер бросил ему белый конвертик.

— Вот вам билет. Туда и обратно, конечно, так как вы вернетесь назад.

Надеюсь, подумал Бискл, беря билет. Но это будет зависеть от того, что я увижу на Земле. Или, вернее, что они позволят мне увидеть.

У него было ощущение, что увидеть ему позволят очень мало. Насколько будет возможно мало.

Когда его корабль приземлился, женщина-гид в шикарной униформе уже ждала его.

— Мистер Бискл? — Стройная, привлекательная и очень сдержанная, несмотря на юность, она ступила вперед. — Меня зовут Мэри Эйблсет, я ваш компаньон по туристическому круизу. За время вашего недолгого пребывания я покажу вам планету.

Она лучезарно улыбнулась профессиональной улыбкой. Он был ошеломлен.

— Я буду с вами постоянно, днем и ночью.

— И ночью тоже? — только и смог вымолвить он.

— Да, мистер Бискл. Это моя работа. Мы ожидали, что вы будете дезориентированы из-за вашего многолетнего труда на Марсе... которому мы на Земле аплодируем.

Она уже шла рядом с ним, ведя его к поджидавшему вертолету.

— Куда хотите поначалу попасть? В город Нью-Йорк? Бродвэй? В ночные клубы, театры, рестораны...

— Нет, в Центральный парк. Посидеть на скамейке.

— Но мистер Бискл, парка больше нет. Он превращен в автостоянку для правительственных машин, пока вы жили на Марсе.

— Понимаю, — кивнул Милт Бискл. — Ладно, тогда направимся во Фриско на Портсмут-сквер.

Он открыл дверцу вертолета.

— Он также превращен в автостоянку, — печально призналась мисс Эйблсет, тряхнув своими длинными, блестящими рыжими волосами. — Мы чертовски перенаселены. Попытайтесь снова, мистер Бискл. Осталось несколько парков, один из них в Канзасе, я думаю, и два в Юте, Сент-Джорджии.

— Плохие вести, — пробормотал Милт. — Можно остановиться у этого амфитаминового автомата и опустить свои десять центов? Мне нужен стимулятор — подбодриться.

— Конечно, — грациозно кивнув, разрешила мисс Эйблсет.

Милт Бискл подошел к ближайшему автомату со стимуляторами, порылся в кармане и, найдя десятицентовик, опустил его в щель.

Монета проскочила сквозь автомат и упала на тротуар.

— Странно, — произнес Бискл в недоумении.

— Думаю, что смогу объяснить это, — ответила мисс Эйблсет. — Ваши десять центов — марсианские, сделанные для меньшей силы тяжести.

— Гм-м-м, — протянул Милт Бискл, подбирая монетку.

Как и предупреждала мисс Эйблсет, он чувствовал себя дезориентированным. Молча он наблюдал, как она опускает свои десять центов и получает упаковочку со стимуля-

торами для него. Конечно, ее объяснение казалось вполне логичным. Но...

— Сейчас восемь вечера по местному времени, — пояснила мисс Эйблсет. — А я еще не ужинала. Вы, конечно, пообедали на борту вашего корабля, но почему бы вам не пригласить меня поужинать? Мы можем поговорить за бутылкой черного пино и вы расскажете мне о смутных предчувствиях, приведших вас на Землю. О предчувствии, что происходит что-то ужасное и что вся ваша чудесная восстановительная работа не имеет смысла. Я с интересом выслушаю вас.

Она повела его к вертолету, и они вместе втиснулись на его заднее сиденье. Ее тело было теплым и податливым, явно земным. Он смутился и почувствовал, как его сердце учащенно забилось. Прошло немало времени с тех пор, как он находился в такой близости от женщины.

— Послушай, — начал он, когда автопилот поднял вертолет со стоянки космодрома. — Я женат, у меня двое детей и я здесь в командировке. Я прибыл на Землю, чтобы убедиться, что на самом деле проксимяне победили и что мы, несколько оставшихся в живых на Марсе землян, являемся всего лишь рабами властей Проксимы... и трудимся на них.

Он замолчал. Объяснять было бесполезно. Мисс Эйблсет еще теснее прижалась к нему.

— Вы действительно думаете, — спросила она в тот момент, когда вертолет пролетал над Нью-Йорком, что я агент проксов?

— Нет, — ответил Милт Бискл. — Думаю, нет.

При данных обстоятельствах это казалось невероятным.

— Послушайте, — произнесла мисс Эйблсет, — зачем вам останавливаться в шумном и переполненном отеле? Не лучше ли остановиться у меня, в моей квартире в Нью-Джерси? Там много комнат, и мне будет приятно принять вас.

— Хорошо, — согласился Бискл, чувствуя, что спорить бесполезно.

— Отлично. — Мисс Эйблсет отдала приказ автопилоту и вертолет повернул на север. — Там мы и пообедаем. Это сбережет вам деньги, и к тому же, во все приличные рестораны в это время стоят двухчасовые очереди, так что заказать столик почти невозможно. Вы, вероятно, забыли.

Как будет чудесно, когда половина нашего населения сможет эмигрировать!

— Да, — напряженно ответил Бискл. — Им понравится Марс; мы там хорошо поработали.

Он почувствовал, как к нему возвращается энтузиазм, чувство гордости за проделанное им и его товарищами.

— Погодите, скоро и вы увидите это, мисс Эйблсет.

— Зовите меня Мэри, — попросила мисс Эйблсет, поправляя свой тяжелый рыжий парик — он слегка сбился за последние несколько минут в тесной кабине вертолета.

— Хорошо, — согласился Бискл и, вытеснив из своего сознания мысль о нечестности по отношению к Фэй, почувствовал себя вполне комфортно.

— На Земле все быстро меняется, — объясняла Мэри Эйблсет. — Из-за ужасного перенаселения. — Она поставила свои зубы на место — они также слегка сместились.

— Вижу, — поддакнул Милт Бискл, также поправив парик и зубы.

Не мог ли я ошибиться? — подумал он. Кроме того, он видел внизу огни Нью-Йорка. Земля совсем не превратилась в руины, а ее население не пострадало в годы войны. Или все это иллюзия, наложенная на его систему восприятия психиатрической техникой проксимян, неизвестной ему? Ведь это же факт, что его десятицентовик провалился сквозь автомат. Не говорит ли это о хорошо продуманной западне? Возможно, автомата на самом деле и не было.

На следующий день они с Мэри Эйблсет посетили один из немногих оставшихся парков — в южной части Юты, в предгорье. Парк, хотя и небольшой, был ярко-зеленым и привлекательным.

Милт Бискл нежился на траве, наблюдая за белкой, прыгавшей на дереве. Ее хвост был похож на серый ручеек.

— На Марсе белок нет, — сонно вымолвил Милт Бискл.

Одетая в легкое летнее платье, Мэри Эйблсет вытянулась на спине, закрыв глаза.

— Здесь чудесно, Милт. Думаю, Марс все же похож на этот парк.

Издалека слышался гул от моторов машин, проносившихся по шоссе. Этот шум напоминал Милту прибой Тихого океана. Он убаюкивал его. Все выглядело нормальным. Он бросил белке арахис. Белка, распушив хвост, запрыгала к орешку, ее смышленая мордочка сморщилась от удовольствия.

Когда она села, держа в лапах орешек, Милт Бискл бросил второй орешек чуть дальше. Белка услышала, как он упал среди опавших листьев клена, ее ушки встали торчком, и это напомнило Милту игру, в которую он как-то играл с кошкой, старой, сонливой кошкой, принадлежавшей им с братом в те дни, когда Земля еще не была перенаселена и когда домашние животные еще не были вне закона. Он выжидал, когда Тыква — так звали кошку — почти засыпала и бросал небольшой предмет в угол комнаты. Тыква просыпалась. Ее глаза широко открывались, а уши вставали торчком, поворачивались, и она сидела минут пятнадцать, слушала и наблюдала, размышляя, что это был за шум. Это был самый безобидный способ подразнить кошку. Милт опечалился, размышляя, как много лет Тыква уже мертва — его последнее домашнее животное, разрешенное законом. Но на Марсе можно будет держать животных. Это приободрило его.

Фактически, на Марсе, во время его работы, у него тоже был любимец. Марсианское растение. Он привез его с собой на Землю и теперь оно стояло в гостиной на кофейном столике Мэри Эйблсет. Веточки его довольно уныло свисали. В непривычной земной обстановке ему было неуютно.

— Странно, — сказал Милт, — что мой кактус не расцвел. Я полагал, что в такой влажной атмосфере...

— Это из-за гравитации, — сонно пробормотала Мэри, не открывая глаз, грудь ее равномерно вздымалась. — Она слишком сильна.

Милт рассматривал расслабившиеся формы женщины, и вспомнил Тыкву при таких же обстоятельствах. Гипнотическое состояние между сном и пробуждением, когда сознательное и бессознательное смешивается...

Потянувшись, он взял камешек и бросил его в кучу опавших листьев возле головы Мэри.

Она сразу же села, испуганная, купальник сполз с ее груди. Ее уши встали торчком.

— А мы, земляне, — задумчиво произнес Милт, — потеряли контроль над мускулами наших ушей, Мэри.

— Что? — промурлыкала она, смущенно мигая и нащупывая спавший лифчик.

— Наша способность поднимать уши атрофировалась, — объяснил Милт. — А у собак и кошек она осталась. Хотя, если нас исследовать морфологически... Это будет необъяснимым для вас, так как мускулы у нас остались. Поэтому вы и допустили ошибку.

— Не понимаю, о чем это ты, — заметила Мэри чуть раздраженно.

Она игнорировала его, полностью переключившись на детали своего туалета.

— Давай вернемся к тебе.

Милт поднялся. Он теперь не чувствовал себя уютно в парке, так как больше уже не мог верить в его реальность. Нереальная белка, нереальная трава... Было ли все это в действительности? Покажут ли они ему когда-либо реальность, вместо иллюзий? В этом он уже сомневался.

Белка следовала за ними неподалеку, пока они шли к вертолету, а затем переключила свое внимание на семью с двумя маленькими мальчиками. Дети бросали белке орешки, и она с большим удовольствием их разгрызала.

— Убедительно, — произнес Милт.

Это было по-настоящему убедительно.

— Очень плохо, Милт, — сочувствующим голосом произнесла Мэри, — что ты не можешь сейчас встретиться с доктором де Винтером. Он смог бы тебе помочь.

Голос ее неожиданно стал твердым.

— В этом я не сомневаюсь, — согласился Милт Бискл, останавливаясь у вертолета.

Когда они вошли в квартиру Мэри, его марсианское растение было мертво. Очевидно, оно погибло от дегидрации.

— Не пытайся объяснить это, — обратился он к Мэри, когда они вместе смотрели на высохшие, мертвые стебли еще недавно живого растения. — Ты знаешь, о чем это говорит. На Земле влаги больше, чем на Марсе, даже на реконструированном Марсе. Тем не менее, кактус полно-

стью высох. Как я и предполагал, на Земле нет влаги. Взрывы проксов опустошили моря. Верно?

Мэри ничего не отвечала.

— Что мне непонятно, — продолжал Милт, — так это ваша цель. Зачем вы разыгрываете этот спектакль? Я завершил свою работу.

— А может, есть еще планеты, требующие реконструкции, Милт, — после некоторой паузы произнесла Мэри.

— Ваше население столь велико?

— Я думаю о Земле, — пояснила Мэри. — Реконструкцией на ней будут заниматься многие поколения. Понадобятся все таланты и способности ваших специалистов... Я лишь следую твоей гипотезе, — спохватившись, добавила она.

— Значит Земля — наш следующий объект. Так вот почему вы предоставили мне возможность прилететь сюда. Фактически, я собираюсь остаться здесь. — Он осознал это вдруг совершенно отчетливо. — Я не смогу вернуться на Марс и не увижу Фэй. Ее заменишь ты.

— Хорошо, — криво улыбнулась Мэри, — скажем так, я попытаюсь сделать это.

Она вытянула вперед руку и босиком, все еще в купальнике, медленно начала приближаться к нему. Испуганный Милт попятился. Схватив мертвый кактус, он подошел к мусоропроводу и выбросил его хрупкие, сухие останки. Они сразу исчезли.

— А теперь, — деловито заявила Мэри, — мы посетим музей современного искусства в Нью-Йорке и затем, если у нас останется время, Смитсоновский институт в Вашингтоне, округ Колумбия. Они просили меня вас занять, чтобы вы не начали размышлять.

— Но я размышляю, — сказал Милт, наблюдая за тем, как она переодевается в серое шерстяное вязаное платье.

Ничто не сможет остановить это, подумал он. И ты сейчас знаешь об этом. И когда каждый инженер-реконструктор будет заканчивать работу в своем районе, он будет проходить через то, с чем сейчас сталкиваюсь я. Я всего лишь первый. Но по меньшей мере, осознал он, я не одинок. Он почувствовал облегчение.

— Как я выгляжу? — спросила Мэри, подкрашивая губы помадой перед зеркалом в спальне.

— Прекрасно, — безучастно отозвался он и подумал: если Мэри будет встречать их всех по очереди, будет ли она любовницей каждого? Она не такая, какой кажется, подумал он, но я даже не в состоянии уловить отличие.

Мэри казалась немного загадочной, но с ней было легко. Она, подумал он, начинает ему нравиться. Мэри была живой, и реальной, неважно, землянка она или нет. По крайней мере, они не проиграли войну теням, а были побеждены живыми, аутентичными организмами. Он почувствовал себя несколько бодрее.

— Готова для музея современных искусств, — с веселой улыбкой отрапортовала Мэри.

Позже, в Смитсоновском институте, после осмотра духа святого Луи и невероятно древнего самолета братьев Райт — он был изобретен, по меньшей мере, миллион лет назад — он заметил экспонат, чрезвычайно заинтересовавший его. Ничего не говоря Мэри, поглощенной изучением полудрагоценных камней в природном состоянии, он ускользнул от нее и через мгновение стоял перед закрытой стеклом секцией с надписью: "Солдаты Проксимы в 2014 году".

Трое замороженных солдат-проксов, с запачканными и мрачными смуглыми лицами, с оружием в руках, стояли в макете изготовленного из останков одного из их транспортов. Кровавый проксиманский флаг уныло свисал. Это было разгромленное убежище врага; эти существа готовы были драться или быть убитыми.

Группа посетителей-землян остановилась перед экспонатом, глазея. Милт Бискл обратился к стоявшему рядом с ним мужчине:

— Убедительно, не так ли?

— Конечно, — согласился мужчина средних лет с седыми волосами и в очках. — А вы были на войне? — спросил он, взглянув на Милта.

— Я реконструктор, — пояснил Бискл. — Инженер Желтого района.

— О, — воскликнул он, пораженный. — Парень, эти проксы выглядят устрашающе. Кажется, что сейчас они сойдут со стенда и убьют нас. — Он оскалился. — Они храбро сражались, прежде чем проиграли войну. Надо отдать должное этим проксимянам.

Стоявшая поблизости седая, строгая жена добавила:

— Их оружие заставляет меня содрогнуться. Слишком уж реалистично.

Неодобрительно покачав головой, она отошла.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Милт Бискл. — Они выглядят пугающе реальными, так как они по-настоящему реальны.

Он перепрыгнул через барьер и, подскочив к прозрачной витрине, ударом ноги разбил стекло, брызнувшее во все стороны сотнями осколков. Мэри уже бежала к нему, но Милт выхватил винтовку у одного прокса на стенде и направил на нее. Она остановилась, прерывисто дыша и не отрывая глаз от него, но при этом не проронила ни слова.

— Я согласен с вами работать, — обратился к ней Милт, держа винтовку как настоящий солдат. — В конце концов, если моей собственной расы не существует, едва ли я смогу реконструировать для нее колониальный мир, даже если я ясно его себе представляю. Но я хочу знать правду. Скажите ее мне, и я снова вернусь к работе.

— Нет, Милт, — ответила Мэри, — если бы ты узнал правду, ты бы не вернулся. Ты бы направил винтовку себе в сердце.

Она говорила спокойно, даже с состраданием, но взгляд ее был тверд.

— Тогда я убью тебя, — заявил он. — И уж потом себя.

— Погоди. — Она раздумывала. — Милт, это так трудно. Ты абсолютно ничего не знаешь и, тем не менее, так страдаешь. Как ты будешь чувствовать себя, когда сможешь увидеть свою планету такой, какой она есть? Для меня это тоже слишком и я...

Она заколебалась.

— Говори.

— Я только... — она выдохнула слово, — гость.

— Но я прав, — потребовал он. — Скажи. Признай это.

— Ты прав, Милт, — вздохнула она.

Появилось двое музейных охранников в униформе, сжимая пистолеты.

— Все в порядке, мисс Эйблсет?

— Пока, — ответила Мэри. Она не отрывала глаз от Милта и винтовки, которую он держал. — Подождите, — проинструктировала она охранников.

— Да, мэм.

Они ждали, не двигаясь.

После короткой паузы Мэри произнесла:

— Но, Милт, ведь мы, проксимяне, имеем те же самые гены, вы же это знаете. Мы можем скрещиваться. Не позволит ли это вам чувствовать себя лучше?

— Конечно, — ответил он. — Немного лучше.

Он почувствовал себя так, будто уже направил на себя дуло винтовки. Все, что он смог сделать, так это сопротивляться этому порыву. Итак, он был прав. И та женщина на третьей планете была не Фэй.

— Послушай, — сказал Милт. — Я хочу снова вернуться на Марс. Я прилетел сюда, чтобы хоть что-то узнать. Теперь же я все знаю и хочу назад. Может быть, я снова поговорю с доктором де Винтером, возможно, он поможет мне. Есть ли какие-либо возражения?

— Нет. — Казалось, она начинала понимать, что чувствует он. — Ты же закончил там всю работу. И имеешь право вернуться. Но в конце концов ты начнешь здесь, на Земле. Мы подождем год-полтора, возможно, даже два. Марс будет заселен и нам понадобится пространство. Да и здесь будет намного тяжелее... когда ты раскроешь... — Он заметил, что она пытается улыбнуться, но улыбка не получилась. — Я очень огорчена, Милт.

— Я тоже, — сказал Милт Бискл. — Черт побери, я был огорчен, когда этот кактус погиб. Уже тогда я знал правду. Это уже была не догадка.

— Тебе будет интересно знать, что твой коллега, инженер Красного района Кливленд Эндрю, обратился к собранию вместо тебя. И передал твои сомнения им всем, вместе со своими собственными. Они проголосовали за то, чтобы послать на Землю официального представителя для расследования. Он уже в пути.

— Интересно, — ответил Милт. — Но это уже не столь важно. Едва ли это что-либо изменит.

Он положил винтовку на пол.

— Могу ли я вернуться на Марс? — Он почувствовал усталость. — Передайте доктору де Винтеру, я возвращаюсь.

Передай ему, подумал он, что мне понадобится весь арсенал психиатрической техники.

— А как насчет земных животных? — спросил он. — Хоть какая-то форма выжила из них? Кошки или собаки?

Мэри взглянула на музейных служащих, искорка взаимопонимания вспыхнула между ними, и она нерешительно сказала:

— Может быть, лучше для тебя будет после всего этого...

— Что лучше? — поинтересовался Милт Бискл.

— Увидеть. Но только несколько мгновений. Кажется, ты приспособлен к этому больше, чем мы ожидали. — И она добавила. — Да, Милт, собаки и кошки выжили, они живут среди руин. Идем, и ты увидишь.

Он последовал за ней, размышляя. Не была ли она права? Действительно ли я хочу увидеть? Могу ли перенести то, что существует в действительности — что они находили нужным скрывать от меня до сих пор?

У одной из эстакад музея Мэри остановилась.

— Выйди наружу, Милт. А я останусь здесь и буду тебя ждать.

Он медленно спустился по эстакаде.

И увидел.

Это были, конечно, как она сказала, руины. Город был уничтожен, над поверхностью возвышались лишь фундаменты зданий, стертых с лица земли, высотой не более трех футов. Дома стали пустыми площадями, похожими на бесконечные ряды бесполезных древних дворцов, раскопанных археологами. Трудно было поверить, что здесь недавно жили люди — казалось, что эти руины заброшены миллионы лет назад.

Долго ли они будут оставаться в таком виде?

Справа сложная, хотя и небольшая, механическая система опускалась вниз, к усеянным обломками улицам. Он смотрел, как она высовывала множество щупальцев, впивающихся в ближайшие фундаменты из стали и бетона, мгновенно превращая их в пыль. Пустынная земля становилась обнаженной и темно-коричневой.

Конструкция, подумал Милт Бискл, не очень отличается от тех, что я использовал на Марсе. Он знал из опыта своей работы, что за нею через две-три минуты, вероятно, последует не менее сложный механизм, закладывающий фундаменты для новых строений. А чуть поодаль стояли,

наблюдая за ходом расчистки, две серые тоненькие фигурки. Два проксимянина с ястребиными носами. Их светлые, натуральные волосы были уложены в высокие катушки, мочки ушей удлинены тяжелыми подвесками.

Победители, подумал он. Они испытывают сейчас ощущение удовлетворения от этого зрелища, свидетельствующего, как последние остатки разгромленной планеты предаются забвению. Скоро здесь возникнет чисто проксиманский город со свойственной проксам архитектурой, с необычайно широкими улицами, однообразными домами с многочисленными надземными этажами. И горожане, подобные этим, будут топтать эстакады, используя высокоскоростные колеи в своих будничных занятиях. А что будет с земными собаками и кошками, которые, как говорит Мэри, населяют эти руины? Исчезнут ли и они? Вероятно, не полностью. Их оставят в музеях и зоопарках в качестве диковин, на которые будут глазеть. Выжившие экземпляры мира, которого уже нет. Если только это случилось.

И тем не менее, Мэри была права. У проксимян были те же самые гены. И они будут скрещиваться с оставшимися землянами, подумал он. Его собственные отношения с Мэри были предвестниками этого процесса. Как виды, мы не столь уж далеки друг от друга. Потомство может оказаться вполне жизнеспособным.

Результатом, подумал он, возвращаясь в музей, может стать раса не совсем проксиманская и не совсем земная — что-то поистине новое, но возникшее на основе слияния двух культур. Земля будет восстановлена. Он видел небольшую, но реальную работу собственными глазами. Возможно, у людей Проксимы не было того умения, которым владели его коллеги инженеры... Но сейчас, когда Марс был фактически готов, они могли начать здесь.

Это не было абсолютно безнадежно. Не совсем.

Подходя к Мэри, он хрипло произнес:

— Окажи мне любезность. Найди мне котика, которого я мог бы взять с собой на Марс. Мне всегда нравились коты. Особенно оранжевые с полосками.

Один из музейных охранников, обменявшись взглядами с коллегой, сказал:

— Мы можем устроить это, мистер Бискл. Мы можем дать вам щенка — так это называется?

— Я полагаю, скорее котенка, — скорректировала Мэри.

Во время обратного путешествия на Марс Милт Бискл сидел с коробкой на коленях, в которой находился оранжевый котенок, и строил планы. Через пятнадцать минут корабль приземлится на Марсе, и доктор де Винтер — или тот, кто представился доктором де Винтером, — будет ждать с ним встречи. Но будет уже поздно. С того места, где он сидел, Милт видел аварийный люк с красным предупреждающим огоньком. Его планы стали фокусироваться вокруг люка. Вариант не идеальный, но мог сработать.

Котенок в коробке выпустил когти и слегка поцарапал руку Милта. Он отдернул руку. Тебе все равно не понравится Марс, подумал он, и поднялся. Держа коробку, Милт быстро направился к аварийному люку и раньше, чем стюардесса смогла его удержать, открыл его. Милт переступил высокий порожек, и люк за ним закрылся. Он оказался в тесном отсеке и начал открывать тяжелую входную дверь.

— Мистер Бискл! — донесся до него голос стюардессы, приглушенный закрытой дверцей.

Он слышал, как она пытается ее открыть. Когда ему удалось открыть внешнюю дверь, Милт услышал, как котенок в коробке замурлыкал.

И ты тоже? — подумал Милт Бискл и остановился.

Смерть, пустота и космический холод окутали его, ворвавшись через наполовину открытый выход. Он впитал все эти ощущения и где-то глубоко внутри у него, как у котенка, проснулся инстинкт самосохранения. Он стоял, держа коробку, не пытаясь открыть дверь полностью, и в этот момент стюардесса схватила его за руку.

— Мистер Бискл, — почти всхлипнула она. — Вы сошли с ума? Великий Боже, что вы делаете?

Она закрыла внешнюю дверь и закрутила болты аварийного выхода.

— Вы хорошо знаете, что я делаю, — ответил Милт Бискл, разрешая ей провести себя на место.

И не думайте, что вы остановили меня, подумал он. Потому что это были не вы. Я мог бы осуществить свой план до конца. Но решил не делать этого. Хотелось бы знать, почему?

Позднее на третьей пристани Марса его встретил, как он и ожидал, доктор де Винтер.

Вдвоем они направились к ожидавшему их вертолету. Де Винтер озабоченно спросил:

— Меня только что проинформировали, что во время полета...

— Все верно. Я сделал попытку самоубийства. Но затем отказался от него. Может быть, вы знаете почему. Вы психолог, эксперт в подобных вещах, происходящих в нас.

Он вошел в вертолет, стараясь не уронить коробку с земным котенком.

— Вы по-прежнему собираетесь дать заявку на ваш земельный участок с Фэй? — спросил де Винтер, когда вертолет летел над зеленеющими орошаемыми полями высокопротеиновой пшеницы. — Несмотря на то... что вы знаете?

— Да, — кивнул Бискл.

После всего, ему больше ничего не оставалось делать, насколько он понимал.

— Вы, земляне, — покачал головой де Винтер, — восхитительны.

Только теперь он заметил коробку на коленях у Милта Бискла.

— Что у вас там? Земное существо?

Он с интересом осмотрел его. Для него, очевидно, это было проявление чуждой формы жизни.

— Довольно своеобразный на вид... организм.

— Он составит мне компанию, — пояснил Милт Бискл. — Пока я буду на своей работе, или буду возделывать свой частный участок, или...

Или помогать вам, проксимянам... на Земле, подумал он.

— Не это ли зовется "гремучая змея", — отодвинулся доктор де Винтер, услышав скребущие звуки.

— Сейчас он будет мурлыкать.

Милт Бискл гладил котенка все время, пока автопилот вел вертолет в уныло-красном небе Марса. Контакт с привычной земной жизнью, осознал он, спасет меня от безумия. Даст мне возможность продолжать работу.

Он испытал чувство облегчения.

Моя раса, может быть, разгромлена и уничтожена, но не все земные существа исчезли. Когда мы реконструируем

Землю, возможно, нам удастся убедить власти создать заповедник для животных. Это мы сделаем своей задачей, думал он, слегка поглаживая котенка. По крайней мере, мы можем на это надеяться.

Сидя рядом с ним, доктор де Винтер тоже погрузился в раздумья. Он оценил по достоинству тонкую и сложную работу, проделанную инженерами третьей планеты по созданию симулкрума, покоившегося в коробке на коленях у Милта Бискла. Техническое достижение было впечатляющим даже для него, и он видел ясно — чего, конечно, не мог видеть Милт Бискл. Этот артефакт, принятый землянином за естественный организм из его знакомого прошлого, явится тем стержнем, при помощи которого человек будет приведен к душевному равновесию.

Но как быть с остальными инженерами-реконструкторами?

Что захочет взять с собой из того мира каждый из них после того, как завершит свою работу и будет обязан — нравится ему это или нет — пробудиться? Очевидно, у каждого землянина окажутся свои привязанности.

Для одного это будет собака, для другого, возможно, чернокожая женщина. В любом случае, каждый должен быть уверен, что ему посчастливилось обладать единственным выжившим существом из того, полностью исчезнувшего, дорогого ему мира. Конечно, на самом деле он будет обеспечен лишь изощренным подобием живого существа. Изучение прошлого каждого инженера даст ключ к изучению его пристрастий, как это было в случае с Бисклом: изготовление котенка-симулкрума было завершено за несколько недель до его внезапного панического путешествия домой, на Землю. В случае с Эндрю это будет подобие попугая — оно уже в работе и будет закончено к тому времени, когда Эндрю захочет полететь на Землю.

— Я назову его Громом, — объявил Милт Бискл.

— Хорошее имя, — отозвался, как он себя называл в эти дни, доктор де Винтер.

И подумал: неужели он так и не догадался о реальном положении на Земле? Ведь в какой-то момент он должен был осознать, что в войне такого рода, которая велась

между нами, выжить не в состоянии никто. Очевидно, он отчаянно хочет верить, что остатки земной цивилизации, хотя бы в виде животного мира, еще существуют. Это может помочь ему адаптироваться в новых условиях, ведь они не реалисты, и им слишком трудно смириться со своим истинным положением.

— Этот кот, — заявил Милт Бискл, — будет величайшим охотником за марсианскими змеевидными мышами.

— Верно, — согласился доктор де Винтер, и подумал: так долго, насколько хватит его батареек.

Он тоже погладил котенка.

Контакт замкнулся, и котенок замурлыкал громче.

СОДЕРЖАНИЕ

Кланы Альфа-Луны. *Роман.* 5
Перевод Ж. Васюренко

Молот Вулкана. *Рассказ.* 259
Перевод В. Дубова

Вера наших отцов. *Повесть.* 401
Перевод Б. Маковцева

Вторая модель. *Повесть.* 439
Перевод Б. Маковцева

Последний властитель. *Повесть.* 491
Перевод Л. Ткачука

Проездной билет. *Рассказ.* 530
Перевод Н. Любимовой

Разиня. *Рассказ.* 543
Перевод В. Дубова

Драгоценный артефакт. *Рассказ.* 556
Перевод Л. Сизого

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 13

ДІК Філіпп Кіндред

МОЛОТ ВУЛКАНУ
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Редактори *Т.Богдан, Т.Немченко*
Художники *Б.Тарасенко, Є.Корольков, Н.Ширяєва*
Коректор *Л.Москвич*
Відповідальний за комп'ютерну верстку *Л.Романко*

Здано до набору 20.04.93. Підписано до друку 17.05.94. Формат 84x108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 30,24. Умов.фарб.-відб. 31,66. Обл.-вид.арк. 32,06. Замовлення №4-189

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42/7.

ОП "Київська книжкова фабрика"
252054, м. Київ-54, вул. Воровського, 24